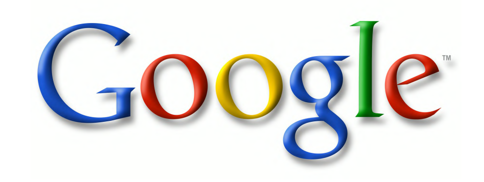
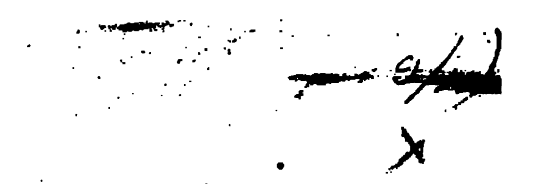

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IX и X.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1852.

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IX.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IX.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Г. 1560—1564.

Перемѣна въ Іоаннѣ. Клевета на Адашева и Сильвестра. Судъ. Заточеніе Сильвестра. Смерть Адашева. Начало злу. Новые любимцы. Первыя казни. Война Ливонская. Великодушіе Беля Взятіе Феллина. Слово Царя Казанскаго. Конецъ Ордена. Переговоры съ Швеціею. Война съ Литвою. Вторый бракъ Іоанновъ. Взятіе Полоцка. Рожденіе Царевича Василія. Торжество Іоанново. Смерть Царевича. Дѣла Крымскія. Замыслъ Султана. Происшествія въ Ливоніи. Перемиріе съ Швеціею. Злонравіе супруги Іоанновой. Кончина К. Юрія. Постриженіе Іоанновой невѣстки и матери К. Владиміра. Кончина Макарія. Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги. Заведеніе Типографіи. Изданіе Библіи въ Острогѣ. Полоцкая Архіепископія. Бѣлый клобукъ Митрополитовъ. Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты.

Приступаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ Царя и въ судьбѣ Царства. И Россіяне современные и чужеземцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, изображаютъ се- *Перемѣна въ Іоаннѣ. Г. 1560-1561.*

воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной Вѣрѣ; ибо самые дерзкіе развратители Царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей нѣги, и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили сей прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась; но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный имъ за мудрые совѣты, Государь престалъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ, и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостію, оскорбительною для Монарха. На примѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ

Россіи и Христа; что Ливонцы хотя и не Греческаго Исповѣданія, однакожь Христіане и для насъ не опасны; что Богъ благословляетъ только войны справедливыя, нужныя для цѣлости и свободы Государствъ (4). Дворъ былъ наполненъ людьми преданными симъ двумъ любимцамъ; но братья Анастасіи не любили ихъ, также и многіе обыкновенные завистники, не терпящіе никого выше себя. Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры: проповѣдуя Небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ; стоятъ высоко предъ трономъ и не даютъ народу видѣть Царя, желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, и въ то же время препятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя Государю быть умѣреннымъ въ счастіи: ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія (5). Они говорили: «кто сіи люди, дерзающіе предписывать законы Царю великому и «мудрому, не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ домашнихъ, семейственныхъ, въ «самомъ образѣ жизни; дерзающіе указывать «ему, какъ обходиться съ супругою, сколько «пить и ѣсть въ мѣру» (6)? ибо Сильвестръ, наставникъ Іоанновой совѣсти, всегда требовалъ отъ него воздержанія, умѣренности въ физическихъ наслажденіяхъ, къ коимъ юный Монархъ имѣлъ сильную склонность. Іоаннъ не унималъ

злословія, ибо уже скучалъ излишно строгими нравоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы: не мыслилъ оставить добродѣтели: желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтися. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что скоро по завоеваніи Казани онъ, въ гнѣвѣ на одного Воеводу, сказалъ Вельможамъ: «теперь уже не боюсь васъ (7)!» Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ Царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви ко благу. Хотя Государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ Кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ Думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ противорѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года.

Въ сіе время холодность Государева къ Адашеву и къ Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидѣли необходимость удалиться отъ Двора. Первый, занимавъ дотолѣ важнѣйшее мѣсто въ Думѣ, и всегда употребляемый въ переговорахъ съ Европейскими Державами, хотѣлъ еще служить Царю инымъ способомъ: принялъ санъ Воеводы и поѣхалъ въ Ливонію (8);

а Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ Государю благословеніе, заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ ([9]). Друзья ихъ осиротѣли, непріятели восторжествовали; славили мудрость Царя и говорили: «нынѣ ты уже истинный Самодержецъ, по«мазанникъ Божій; единъ управляешь зем«лею; открылъ свои очи и зришь свободно «на все Царство ([10])!» Но сверженные любимцы казались имъ еще страшными. Вопреки извѣстной Государевой немилости, Адашева честили въ войскѣ; самые граждане Ливонскіе изъявляли отмѣнное къ нему уваженіе: все покорялось его уму и добродѣтели ([11]). Не менѣе и Сильвестръ, уже Монахъ смиренный, блисталъ добродѣтелями Христіанскими въ пустынѣ: Иноки съ удивленіемъ видѣли въ немъ примѣръ благочестія, любви, кротости. Царь могъ узнать о томъ, раскаяться, возвратить изгнанниковъ: надлежало довершить ударъ и сдѣлать Государя столь несправедливымъ, столь виновнымъ противъ сихъ мужей, чтобы онъ уже не могъ и мыслить объ искреннемъ мирѣ съ ними. Кончина Царицы подала къ тому случай.

Іоаннъ былъ растерзанъ горестію: всѣ вокругъ его проливали слезы, или отъ истинной жалости, или въ угодность Царю печальному — и въ сихъ-то слезахъ явилась гнусная клевета подъ личиною усер- Клевета на Адаше-

ва и Сильвестра. дія, любви, будто бы приведенной въ ужасъ открытіемъ неслыханнаго злодѣйства. «Государь!» сказали Іоанну: «ты въ отчаяніи, Россія также, а два изверга торжествуютъ: добродѣтельную Царицу извели «Сильвестръ и Адашевъ, ея враги тайные «и *чародѣи:* ибо они безъ чародѣйства не «могли бы такъ долго владѣть умомъ твоимъ (12).» Представили доказательства, которыя не убѣждали и самыхъ легковѣрныхъ; но Государь зналъ, что Анастасія со времени его болѣзни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думалъ, что они также не любили ее (13), и принялъ клевету, можетъ быть желая оправдать свою къ нимъ немилость, если не вѣрными уликами въ ихъ злодѣйствѣ, то хотя подозрѣніемъ. Свѣдавъ о семъ доносѣ, изгнанники писали къ Царю, требуя суда и очной ставки съ обвинителями. Послѣдняго не хотѣли враги ихъ, представляя ему, что они какъ василиски ядовиты, могутъ однимъ взоромъ снова очаровать его, и любимые народомъ, войскомъ, всѣми гражданами, произвести мятежъ; что страхъ сомкнетъ уста доносителямъ (14).

Судъ. Государь велѣлъ судить обвиняемыхъ заочно: Митрополитъ, Епископы, Бояре, многіе иные духовные и свѣтскіе чиновники собралися для того во дворцѣ. Въ числѣ судей были и коварные Монахи, Вассіанъ Бѣскій, Мисаилъ Сукинъ,

главные злодѣи Сильвестровы. Читали не одно, но многія обвиненія, изъясняемыя самимъ Іоанномъ въ письмѣ къ Князю Андрею Курбскому [15]. «Ради спасенія души моей» — пишетъ Царь — «приближилъ я къ себѣ Іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ «мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый «лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять Царствомъ «безъ Царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольства въ Бояръ; раздали единомышленникамъ города и волости; сажали, «кого хотѣли, въ Думу; заняли всѣ мѣста своими «угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. «Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи «дни уничиженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ Царя съ горстію воиновъ сквозь опасную «землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ «ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія *страшила*, чтобы привести въ ужасъ мою «душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго [16], запрещаютъ ѣздить по святымъ «Обителямъ, не дозволяютъ карать Нѣмцевъ..... «Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: «когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына моего, взять себѣ инаго Царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ «своихъ чѣмъ *платили намъ* за оное? новыми

«оскорбленіями: ненавидѣли, злословили Ца-«рицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали «Князю Владиміру Андреевичу. И такъ удиви-«тельно ли, что я рѣшился наконецъ не быть «младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть «иго, возложенное на Царство лукавымъ Попомъ «и не благодарнымъ слугою Алексіемъ?» и проч. Замѣтимъ, что Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи, и тѣмъ свидѣтельствуетъ нелѣпую ложь сего доноса. Всѣ иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безразсудны въ устахъ тридцатилѣтняго Самодержца, который признаніемъ своей бывшей неволи открываетъ тайну своей жалкой слабости. Адашевъ и Сильвестръ могли какъ люди ослѣпиться честолюбіемъ; но Государь симъ нескромнымъ обвиненіемъ уступилъ имъ славу прекраснѣйшаго въ Исторіи Царствованія. Увидимъ, какъ онъ безъ нихъ властвовалъ; и если не Іоаннъ, но любимцы его отъ 1547 до 1560 года управляли Россіею: то для счастія подданныхъ и Царя надлежало бы симъ добродѣльнымъ мужамъ не оставлять Государственнаго кормила: лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ, клевещетъ на самого себя; гораздо вѣроятнѣе, что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть, и наконецъ, увлеченный страстями, только обузданными, не искорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему *мудрыми наставниками*: ибо легче перемѣниться,

нежели такъ долго принуждать себя — и кому? Государю самовластному, который однимъ словомъ всегда могъ расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи. Адашевъ, какъ совѣтникъ не одобряя войны Ливонской, служилъ Іоанну какъ поданный, какъ Министръ и воинъ усерднымъ орудіемъ для успѣховъ ея: слѣдственно Государь *повелѣвалъ* и, вопреки его жалобамъ, не былъ рабомъ любимцевъ.

Выслушавъ бумагу о преступленіяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что сіи злодѣи уличены и достойны казни; другіе, потупивъ глаза, безмолвствовали. Тутъ старецъ, Митрополитъ Макарій, близостію смерти и саномъ Первосвятительства утверждаемый въ обязанности говорить истину, сказалъ Царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ. Всѣ добросовѣстные Вельможи согласились съ симъ мнѣніемъ [17]; но *сонмъ губителей*, по выраженію Курбскаго, возопилъ противъ онаго, доказывая, что люди осуждаемые чувствомъ Государя велемудраго, милостиваго, не могутъ представить никакого законнаго оправданія; что ихъ присутствіе и козни опасны; что спокойствіе Царя и отечества требуетъ немедленнаго рѣшенія въ семъ важномъ дѣлѣ. И такъ рѣшили, что обвиняемые виновны. *Надлежало только опредѣлить* казнь, и Го-

Заточеніе Сильвестра.

сударь, еще желая имѣть видъ милосердія, умѣрилъ оную [18]: послали Сильвестра на дикій островъ Бѣлаго моря, въ уединенную Обитель Соловецкую, и велѣли Адашеву жить въ новопокоренномъ Феллинѣ, коего взятію онъ способствовалъ тогда своимъ умомъ и распоряженіями: но твердость и спокойствіе сего мужа досаждали злобнымъ гонителямъ: его заключили въ Дерптѣ, где онъ чрезъ два мѣсяца умеръ горячкою, къ радости своихъ непріятелей, которые сказали Царю, что *обличенный измѣнникъ отравилъ себя ядомъ* [19]..... мужъ незабвенный въ нашей Исторіи, краса вѣка и человѣчества, по вѣроятному *сказанію его друзей:* ибо сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію Царя и погибъ съ нею.... Феноменъ удивительный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изъясняемый единственно неизмѣримою силою искренняго благолюбія, коего божественное вдохновеніе озаряетъ умъ естественный въ самой тмѣ невѣжества, и вѣрнѣе науки, вѣрнѣе ученой мудрости руководствуетъ людей къ великому. — Обязанный милости Іоанновой нѣкоторымъ избыткомъ, Адашевъ зналъ одну роскошь благодѣянія: питалъ нищихъ, держалъ въ своемъ домѣ десять прокаженныхъ, и собственными руками обмывалъ *ихъ, усердно* исполняя долгъ Христіа-

Смерть Адашева.

нина и всегда памятуя бѣдность человѣчества ([20]).

Отселѣ начало злу, и такимъ образомъ. Уже не было двухъ главныхъ дѣйствователей благословеннаго Іоаннова царствованія; но друзья ихъ, мысли и правила оставались: надлежало, истребивъ Адашева, истребить и духъ его, опасный для клеветниковъ добродѣтели, противный самому Государю въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ. Требовали клятвы отъ всѣхъ Бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны удаленныхъ, наказанныхъ *измѣнниковъ* и быть вѣрными Государю ([21]). Присягнули, одни съ радостію, другіе съ печалію, угадывая слѣдствія, которыя и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинствомъ и способомъ угождать Царю, сдѣлалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Іоанну: «Всегда ли плакать тебѣ о «супругѣ? Найдешь другую, равно прелест«ную; но можешь неумѣренностію въ скор«би повредить своему здравію безцѣнному. «Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ «земной горести искалъ и земнаго утѣше«нія.» Іоаннъ искренно любилъ супругу, но имѣлъ легкость во нравѣ, несогласную съ глубокими впечатлѣніями горести. Онъ безъ гнѣва внималъ утѣшителямъ — и чрезъ *восемь дней по кончинѣ* Анастасіи

Начало злу.

Митрополитъ, Святители, Бояре торжественно предложили ему искать невѣсты (22): законы пристойности были тогда не строги. Раздавъ по церквамъ и для бѣдныхъ нѣсколько тысячь рублей въ память усопшей, пославъ богатую милостыню въ Іерусалимъ, въ Грецію (23), Государь 18 Августа объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ Короля Польскаго (24).

Съ сего времени умолкъ плачь во дворцѣ. Начали забавлять Царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами; напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце; смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности; называли постничество лицемѣріемъ (25). Дворецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ Царевичей, брата Іоаннова Юрія и Казанскаго Царя Александра, перевели въ особенные домы (26). Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностію. Еще многіе Бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицемъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали: ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову (27). Между новыми любимцами Государевыми отличались *Бояринъ Алексій* Басмановъ, сынъ его, Крав-

Новые любимцы.

чій Θедоръ, Князь Аθанасій Вяземскій, Василій Грязной, Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, готовые на все для удовлетворенія своему честолюбію. Прежде они подъ личиною благонравія терялись въ толпѣ обыкновенныхъ Царедворцевъ, но тогда выступили впередъ и, по симпатіи зла, вкрались въ душу Іоанна, пріятные ему какою-то легкостію ума, искусственною веселостію, хвастливымъ усердіемъ исполнять, предупреждать его волю какъ Божественную, безъ всякаго соображенія съ иными правилами, которыя обуздываютъ и благихъ Царей и благихъ слугъ Царскихъ, первыхъ въ ихъ желаніяхъ, вторыхъ въ исполненіи оныхъ. Старые друзья Іоанновы изъявляли любовь къ Государю и къ добродѣтели: новые только къ Государю, и казались тѣмъ любезнѣе. Они сговорились съ двумя или съ тремя Монахами, заслужившими довѣренность Іоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коимъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть Царя и своимъ присутствіемъ какъ бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его. Курбскій въ особенности именуетъ здѣсь Чудовскаго Архимандрита Левкія, главнаго угодника придворнаго. Порокъ ведетъ къ пороку: женолюбивый Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе, и въ ожиданіи новой супруги для вѣчной, единственной любви, искалъ временныхъ предметовъ въ удовлетвореніе грубымъ вожделеніямъ чувственнымъ [28]. Мнимая, прозрачная *завѣса тайны* не скрываетъ слабо-

стей Вѣнценосца: люди съ изумленіемъ спрашивали другъ у друга, какимъ гибельнымъ наитіемъ Государь, дотолѣ примѣръ воздержанія и чистоты душевной, могъ унизиться до распутства?

Сіе безъ сомнѣнія великое зло произвело еще ужаснѣйшее. Развратники, указывая Царю на печальныя лица важныхъ Бояръ, шептали: «Вотъ «твои недоброхоты! Вопреки данной ими при«сягѣ, они живутъ Адашевскимъ обычаемъ, «сѣютъ вредные слухи, волнуютъ умы, хотятъ «прежняго своевольства» ([29]). Такіе ядовитые навѣты растравляли Іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ; взоръ его мутился; изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя Бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистной памяти мнимыхъ измѣнниковъ, онъ рѣшился быть строгимъ, и сдѣлался мучителемъ, коему равнаго едва ли найдемъ въ самыхъ Тацитовыхъ лѣтописяхъ! . . . . . Не вдругъ конечно разсвирѣпѣла душа, нѣкогда благолюбивая: успѣхи добра и зла бываютъ постепенны; но Лѣтописцы не могли проникнуть въ ея внутренность; не могли видѣть въ ней боренія совѣсти съ мятежными страстями: видѣли только дѣла ужасныя, и называютъ тиранство Іоанново *чуждою бурею*, какъ бы изъ нѣдръ Ада посланною возмутить, истерзать Россію. Оно началося гоненіемъ всѣхъ ближнихъ Адашева ([30]): ихъ лишали собственности, ссылали въ мѣста дальнія. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиная

ласкателей, новыхъ совѣтниковъ Царскихъ; а Царь злобился и хотѣлъ мѣрами жестокости унять дерзость. Жена знатная, именемъ Марія ([31]), славилась въ Москвѣ Христіанскими добродѣтелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести Царя: ее казнили, вмѣстѣ съ пятью сыновьями; а скоро и многихъ иныхъ, обвиняемыхъ въ томъ же: знаменитаго воинскими подвигами Окольничаго, Данила Адашева, брата Алексіева, съ двѣнадцати-лѣтнимъ сыномъ ([32]) — трехъ Сатиныхъ, коихъ сестра была за Алексіемъ, и родственника его, Ивана Шишкина, съ женою и съ дѣтьми. Князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, сынъ Воеводы, умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ ([33]), погибъ, за нескромное слово. Оскорбленный надменностію юнаго любимца Государева, Өедора Басманова, Князь Дмитрій сказалъ ему: «мы служимъ Царю «трудами полезными, а ты гнусными дѣ«лами Содомскими!» Басмановъ принесъ жалобу Іоанну, который въ изступленіи гнѣва, за обѣдомъ, вонзилъ несчастному Князю ножъ въ сердце; другіе пишутъ, что онъ велѣлъ задушить его ([34]). Бояринъ, Князь Михайло Рѣпнинъ, также былъ жертвою великодушной смѣлости. Видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ Царь, упоенный *крѣпкимъ медомъ*, плясалъ съ

Первыя казни.

своими любимцами въ маскахъ, сей Вельможа заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску: Рѣпнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: «Государю ли быть ско«морохомъ? По крайней мѣрѣ я, Бояринъ и Со«вѣтникъ Думы, не могу безумствовать.» Царь выгналъ его и чрезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить, стоящаго въ святомъ храмѣ, на молитвѣ; кровь сего добродѣтельнаго мужа обагрила помостъ церковный ([35]). Угождая несчастному расположенію души Іоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихіе разговоры въ семействахъ, между друзьями; смотрѣли на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступленій, ибо доносы нравились Государю и судія не требовалъ уликъ вѣрныхъ. Такъ, безъ вины, безъ суда, убили Князя Юрія Кашина, Члена Думы, и брата его; Князя Дмитрія Курлятева, друга Адашевыхъ, неволею постригли и скоро умертвили со всѣмъ семействомъ; первостепеннаго Вельможу, знатнаго *Слугу Государева*, побѣдителя Казанцевъ, Князя Михайла Воротынскаго, съ женею, съ сыномъ и съ дочерью сослали на Бѣлоозеро ([36]). Ужасъ Крымцевъ, Воевода, Бояринъ Иванъ Шереметевъ, былъ вверженъ въ душную темницу, истерзанъ, окованъ тяжкими цѣпями. Царь пришелъ къ нему и хладнокровно спросилъ: «гдѣ казна твоя? ты «слылъ богачемъ.» *Государь!* отвѣчалъ полумертвый страдалецъ: «*я руками нищихъ пере-*

«слалъ ее къ моему Христу Спасителю» (37)! Выпущенный изъ темницы, онъ еще нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ Думѣ; наконецъ укрылся отъ міра въ Пустынѣ Бѣлозерской, но не укрылся отъ гоненія: Іоаннъ писалъ къ тамошнимъ Монахамъ, что они излишно честятъ сего бывшаго Вельможу, какъ бы въ досаду Царю. Братъ его, Никита Шереметевъ, также Думный Совѣтникъ и Воевода, израненный въ битвахъ за отечество, былъ удавленъ.

Москва цѣпенѣла въ страхѣ. Кровь лилася; въ темницахъ, въ монастыряхъ стенали жертвы; но . . . . . тиранство еще созрѣвало: настоящее ужасало будущимъ! Нѣтъ исправленія для мучителя, всегда болѣе и болѣе подозрительнаго, болѣе и болѣе свирѣпаго; кровопійство не утоляетъ, но усиливаетъ жажду крови: оно дѣлается лютѣйшею изъ страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безуміе, казнь народовъ и самого тирана.—Любопытно видѣть, какъ сей Государь, до конца жизни усердный чтитель Христіанскаго Закона, хотѣлъ соглашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, *чародѣи*, враги Христа и Россіи; то смиренно винился предъ Богомъ и людьми, называлъ себя *гнуснымъ убійцею невинныхъ*, приказывалъ молиться за нихъ въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ

себя земное величіе, въ мирной Обители Св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ Инокомъ ([38])! Такъ писалъ Іоаннъ къ Князю Андрею Курбскому и къ начальникамъ любимыхъ имъ монастырей, во свидѣтельство, что гласъ неумолимой совѣсти тревожилъ мутный сонъ души его, готовя ее къ незапному, страшному пробужденію въ могилѣ!

Оставимъ до времени ужасы тиранства, чтобы слѣдовать за теченіемъ государственныхъ дѣлъ, въ коихъ природный умъ Іоанновъ еще былъ видѣнъ какъ лучь свѣта посреди облаковъ темныхъ.

Война Ливонская.

Успѣхи наши въ войнѣ Ливонской заключились ударомъ сильнымъ, рѣшительнымъ. Государь (въ 1560 году) послалъ въ Дерптъ еще новую рать, 60,000 конницы и пѣхоты, 40 осадныхъ пушекъ и 50 полевыхъ, съ знатнѣйшими Воеводами, Князьями Иваномъ Мстиславскимъ и Петромъ Шуйскимъ, чтобы непремѣнно взять Феллинъ, главную защиту Ливоніи, гдѣ заключился бывшій Магистръ Фирстенбергъ ([39]). Полки Московскіе шли медленно берегомъ рѣки Эмбаха; тяжелый снарядъ огнестрѣльный везли на судахъ; а Воевода, Князь Барбашинъ, съ 12,000 легкихъ всадниковъ спѣшилъ занять дорогу къ морю: ибо носился слухъ, что Фирстенбергъ отправляетъ для безопасности богатую казну въ

Габзаль. Утомивъ коней, Барбашинъ отдыхалъ верстахъ въ пяти отъ Эрмиса, и въ жаркій полдень, когда воины его спали въ тѣни, сдѣлалась тревога: 500 Нѣмецкихъ всадниковъ и столько же пѣхоты, подъ начальствомъ храбраго Ландмаршала, Филиппа Беля (40), съ крикомъ и воплемъ устремились изъ лѣса къ нашему тихому стану, оберегаемому малочисленною стражею. Россіяне хотя и знали о близости непріятеля, но думали, что онъ не вступитъ въ битву съ ихъ превосходною силою. Внезапность дала ему только минутную выгоду: послѣ перваго замѣшательства, Россіяне остановили, стѣснили Нѣмцевъ и всѣхъ до единаго истребили, взявъ въ плѣнъ 11 Коммандоровъ и 120 Рыцарей, въ числѣ коихъ находился и главный Предводитель. Утрата столь многихъ чиновниковъ, особенно Ландмаршала, называемаго послѣднимъ, ревностнымъ защитникомъ, послѣднею надеждою Ливоніи, была величайшимъ бѣдствіемъ для Ордена (41). Представленный Воеводамъ Московскимъ, сей знаменитый мужъ не измѣнился въ своей душевной твердости; не таилъ внутренней скорби, но взиралъ на нихъ съ гордымъ величіемъ; отвѣтствовалъ на всѣ вопросы искренно, спокойно, смѣло. Курбскій, хваля его характеръ, умъ, краспорѣчіе, повѣствуетъ слѣдующее:

Великодушіе Беля.

«Стараясь привѣтливостію смягчить жестокую «долю сего необыкновеннаго человѣка, мы за «обѣдомъ ласково бесѣдовали съ нимъ объ Исто-«ріи Ливонскаго Ордена. *Когда* — сказалъ онъ — «*усердіе къ истинной Вѣрѣ, добродѣтель, благо-«честіе, обитали въ сердцахъ нашихъ: тогда Го-«сподь явно помогалъ намъ; не боялись мы ни «Россіянъ, ни Литовскихъ Князей. Вы слыхали о «той славной, достопамятной битвѣ съ грознымъ «Витовтомъ, въ коей легли шесть Магистровъ «Орденскихъ, одинъ за другимъ избранныхъ для «предводительства* (42): *таковы были древніе Ры-«цари; таковы и новѣйшіе, съ коими имѣлъ войну «дѣдъ нынѣшняго Царя Московскаго, Іоаннъ Ве-«ликій, и которые столь мужественно сража-«лись съ вашимъ славнымъ Воеводою Даніиломъ* (43). «*Когда же мы отступили отъ Бога, испровергли «уставы истинной Вѣры, пріяли новую, изобрѣ-«тенную умомъ человѣческимъ въ угодность стра-«стямъ; когда забыли чистоту нравовъ, вдались «въ гнусное сластолюбіе, необузданно устреми-«лись на широкій путь разврата: тогда Богъ пре-«далъ Орденъ въ руки ваши. Грады красные, твер-«дыни высокія, палаты и дворы свѣтлые, создан-«ные нашими предками, — сады и винограды, ими «насажденные, безъ труда вамъ достались. Но «что говорю о Россіянахъ! по крайней мѣрѣ вы «брали мечемъ: другіе* (Поляки) *меча не обна-«жали, а брали, лукаво обѣщая намъ дружбу, «защиту, вспоможеніе. Вотъ ихъ дружба: сто-«имъ предъ вами въ узахъ, и милое отечество гиб-*

«нетъ! . . . . *Нѣтъ, не думайте, чтобы вы доблестію побѣдили насъ: Богъ вами казнитъ грѣшниковъ!* Тутъ онъ залился слезами, отеръ ихъ, «и съ лицемъ свѣтлымъ примолвилъ: *Но я благодарю Всевышняго и въ оковахъ: сладостно терпѣть за отечество, и не боюся смерти!* — Воеводы Россійскіе слушали его съ любопытствомъ, съ сердечнымъ умиленіемъ, и пославъ «въ Москву вмѣстѣ со всѣми плѣнниками, убѣдительно писали къ Государю, чтобы онъ изъявилъ милосердіе къ сему добродѣтельному витязю, который, будучи столь уважаемъ въ Ливоніи, могъ оказать намъ великія услуги и склонить Магистра къ покорности. Но Іоаннъ уже «любилъ тогда жестокость: призвавъ его къ «себѣ, началъ говорить съ нимъ гнѣвно. Великодушный плѣнникъ отвѣтствовалъ, что Ливонія стоитъ за честь, за свободу, и гнушается «рабствомъ; что мы ведемъ войну какъ лютые «варвары и кровопійцы. Іоаннъ велѣлъ отсѣчь «ему голову» — за *противное* слово (говоритъ Лѣтописецъ) и за вѣроломное нарушеніе перемирія ([44]). Невольно удивляясь смѣлой твердости Бели, Іоаннъ послалъ остановить казнь; но она между тѣмъ совершилась ([45]).

Полководцы наши, осадивъ Феллинъ, разбили пушками стѣны и въ одну ночь зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ. Тогда воины Нѣмецкіе объявили Фирстенбергу, что надобно вступить въ переговоры. Тщетно сей знаменитый старецъ убѣждалъ ихъ не *измѣнять* чести и долгу, пред-

лагая имъ всѣ свои сокровища, золото и серебро, въ награду за мужество: наемники не хотѣли вѣрной смерти, ибо ни откуда не могли ждать помощи. Фирстенбергъ требовалъ, чтобы Россіяне выпустили его съ казною: Совѣтъ Боярскій не
Взятіе Феллина. принялъ сего условія, отвѣтствуя, что Государь для чести желаетъ имѣть Магистра плѣнникомъ, а изъ великодушія обѣщаетъ ему милость. Выпустили только воиновъ Нѣмецкихъ (21 Августа); но узнавъ, что они разломали сундуки Фирстенберговы и похитили многія драгоцѣнности, свезенныя Ливонскимъ Дворянствомъ въ Феллинъ, Князь Мстиславскій велѣлъ отнять у нихъ все, взятое ими беззаконно, даже и собственность, такъ, что сіи несчастные пришли нагіе въ Ригу, гдѣ Кетлеръ повѣсилъ ихъ какъ измѣнниковъ (46). Занявъ городъ, Россіяне удивились малодушію Нѣмцевъ, которые могли бы долго противиться величайшимъ усиліямъ осаждающихъ, имѣя въ немъ три каменныя крѣпости съ глубокими рвами, 450 пушекъ и множество всякихъ запасовъ (47). «Такая «робость непріятелей (говорили они) есть «милость Божія къ Царю православному.» Когда плѣнники Феллинскіе прибыли въ Москву, Іоаннъ велѣлъ показать ихъ на-[illegible] и водить изъ улицы въ улицу (48). [illegible]тъ, что Царь Казанскій, находясь въ

числѣ любопытныхъ зрителей сего торжества, плюнулъ на одного Нѣмецкаго сановника, сказавъ ему: «За дѣло вамъ, безумцамъ! Вы научили Русскихъ владѣть оружіемъ: погубили насъ и самихъ себя!» — Государь принялъ Фирстенберга весьма благосклонно; исполнилъ всѣ обѣщанія Воеводъ и далъ ему Костромское мѣстечко Любимъ во владѣніе, гдѣ онъ и кончилъ дни свои, жалуясь на Судьбу, но искренно хваля милосердіе Іоанново (49). Слово Царя Казанскаго.

Паденіе Феллина предвѣстило совершенное паденіе Ордена. Города Тарвастъ, Руя, Верполь и многіе укрѣпленные замки сдалися. Князь Андрей Курбскій разбилъ новаго Орденскаго Ландмаршала близъ Вольмара, и свѣдавъ, что легкіе отряды Литовскіе приближаются къ Вендену, встрѣтилъ ихъ какъ непріятелей, обратилъ въ бѣгство, выгналъ изъ предѣловъ Ливоніи (50). Воевода Яковлевъ, опустошивъ приморскую часть Эстоніи, захватилъ множество скота и богатства, ибо знатнѣйшіе жители Гарріи укрывались тамъ съ своимъ имѣніемъ. Онъ шелъ мимо Ревеля: смѣлые граждане, числомъ менѣе тысячи, сдѣлали вылазку и были жертвою нашей превосходной силы; легли на мѣстѣ или отдалися въ плѣнъ. Вѣроятно, что Россіяне могли бы овладѣть тогда и Ревелемъ; но главный Воевода, Князь Мстиславскій, на пути къ

нему хотѣлъ безъ Государева повелѣнія взять крѣпкій, окруженный вязкими ржавцами Вейсенштеинъ: стоялъ подъ нимъ шесть недѣль, не отважился на приступъ, издержалъ всѣ запасы и долженъ былъ осенью возвратиться въ Россію ([51]).

Въ сіе время Ливонія уже перестала мыслить о сохраненіи независимости: изнуренная безполезными усиліями, она искала только лучшаго Властелина, чтобы спасти бѣдные остатки свои отъ плѣна и мѣча Россіянъ. Фридерикъ, Король Датскій, хотѣлъ Эстоніи, и купилъ для своего брата, Магнуса, Епископство Эзельское: сей юный Принцъ, осужденный быть удивительнымъ игралищемъ Судьбы, весною 1560 года прибылъ въ Габзаль съ лестными обѣщаніями для Рыцарства. Король Шведскій не показывалъ властолюбивыхъ замысловъ на Орденскія земли, но боясь успѣховъ Россіи, далъ знать Магистру, что онъ готовъ снабдить Ревель воинскими запасами; что тамошніе жители, въ случаѣ осады, могутъ прислать женъ и дѣтей въ Финляндію; что Швеція, забывая невѣрность Ордена, искренно ему благопріятствуетъ и никогда не согласится на его уничтоженіе ([52]). Такъ думалъ старецъ Густавъ Ваза, умершій въ концѣ 1560 года. Новый Король Эрикъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе: представилъ Чинамъ Эстонскимъ съ одной стороны неминуемую гибель, съ другой защиту, спасеніе, и безъ великаго труда убѣдилъ ихъ объявить себя подданными Швеціи,

къ досадѣ Магистра, который находился въ тайныхъ переговорахъ съ Сигизмундомъ. Сіе важное происшествіе ускорило развязку Драмы. Видя, что ветхое зданіе Ордена рушится, Кетлеръ, Архіепископъ Рижскій и Депутаты Ливоніи спѣшили въ Вильну, гдѣ 28 Ноября, 1561 года, въ присутствіи Короля и Вельможъ Литовскихъ, навѣки уничтожилось бытіе знаменитаго *Братства Меченосцевъ*, въ силу торжественнаго, клятвою утвержденнаго договора, по коему Сигизмундъ-Августъ былъ признанъ Государемъ Ливоніи — съ условіемъ не измѣнять ни Вѣры ея, ни законовъ, ни правъ гражданскихъ — а Кетлеръ наслѣдственнымъ Герцогомъ Курляндіи, Вассаломъ или подручникомъ Королевскимъ (53). Въ сей достопамятной грамотѣ сказано, что «Ливонія, терзаемая лютѣйшимъ изъ враговъ, не можетъ спастися безъ тѣснаго соединенія съ Королевствомъ Польскимъ; что Сигизмундъ обязанъ вступиться за Христіанъ, утѣсняемыхъ варварами; что онъ изгонитъ Россіянъ и внесетъ войну въ собственную ихъ землю: ибо лучше питаться кровію непріятеля, нежели питать его своею.» Возвратясь въ Ригу, Кетлеръ всенародно сложилъ съ себя достоинство Магистра, крестъ и мантію: Рыцари также, проливая слезы. Присягнувъ въ вѣрности къ Королю, *онъ вручилъ* его Намѣст-

Конецъ Ордена.

нику, Князю Николаю Радзивилу, печать Ордена, грамоты Императоровъ и ключи городскіе; а Радзивилъ, именемъ Короля, далъ ему санъ Ливонскаго Правителя. — Такимъ образомъ земли Орденскія раздѣлились на пять частей: Нарва, Дерптъ, Аллентакенъ, нѣкоторые Уѣзды Ервенскіе, Вирландскіе и всѣ мѣста сосѣдственныя съ Россіею были завоеваны Іоанномъ; Швеція взяла Гаррію, Ревель и половину Вирландіи; Магнусъ владѣлъ Эзелемъ; Готгардъ Кетлеръ Курляндіею и Семигаліею; Сигизмундъ южною Ливоніею ([54]). Каждый изъ сихъ Владѣтелей старался пріобрѣсти любовь новыхъ подданныхъ: ибо самъ Іоаннъ, ужасный въ видѣ непріятеля, изъявлялъ милость народу и Дворянству въ областяхъ завоеванныхъ. Но конецъ Ордена еще не могъ быть концемъ бѣдствій для стѣсненной Ливоніи, гдѣ четыре Сѣверныя Державы находились въ опасномъ совмѣстничествѣ другъ съ другомъ, и гдѣ каждая изъ нихъ желала распространить свое господство.

Переговоры съ Швеціею.

Въ то время, когда Шведское войско уже вступало въ Ревель, Эрикъ предлагалъ намъ миръ и дружбу, но съ условіемъ относиться во всемъ къ самому Царю, не къ Намѣстникамъ Новогородскимъ, и выключить изъ прежняго договора важную статью, коею Густавъ Ваза обязывался не помо-

гать ни Литвѣ, ни Ордену. Чиновники Шведскіе въ переговорахъ съ Московскими Боярами сказали имъ въ угрозу: «Императоръ, Король «Сигизмундъ и Фридерикъ Датскій убѣждаютъ «Государя нашего вмѣстѣ съ ними воевать Рос«сію. Послы ихъ въ Стокгольмѣ: Эрикъ не далъ «имъ рѣшительнаго отвѣта, ибо ждетъ вашего» (55). Бояре объявили, что Россія семь вѣковъ слѣдуетъ одной системѣ политической и не измѣняетъ старыхъ своихъ обычаевъ. «Въ Швеціи» — говорили они — «было много Владѣтелей «до Эрика: который же не сносился съ Новымго«родомъ? Густавъ Ваза, не хотѣвъ того, видѣлъ «ужасное опустошеніе земли своей и смирился. «Густавъ славился мудростію, а Эрикъ еще неиз«вѣстенъ. Легко начать злое дѣло, но трудно «исправить его. Іоаннъ захотѣлъ — и взялъ два «Царства: что сдѣлалъ вашъ Король новый? «Или снова утвердите грамоту отца его, или вы «еще не доѣдете до Стокгольма, а война уже за«пылаетъ — и не скоро угаснетъ ея пламя. Вы «пугаете насъ Литвою, Цесаремъ, Даніею: будь«те друзьями всѣхъ Царей и Королей: не устра«шимся.» Сія твердость принудила Шведовъ возобновить старый договоръ. Хотя Іоаннъ не могъ безъ досады свѣдать о происшедшемъ въ Эстоніи; хотя чиновники Новогородскіе, посланные въ Стокгольмъ съ мирною грамотою, жаловались Царю, что Эрикъ принялъ ихъ весьма грубо (и даже предлагалъ имъ ѣсть мясо въ постные дни); *хотя они дали* знать Королю, что

мы не будемъ равнодушными зрителями его властолюбія: однакожь миръ состоялся, ибо Царь не хотѣлъ умножать числа враговъ своихъ до времени, чтобы управиться съ главнымъ, то есть съ Литвою.

Мы говорили о сватовствѣ Іоанновомъ: онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ его, и весьма ошибся, къ прискорбію своего самолюбія. Послы наши, отправленные въ Вильну, торжественно говорили Сигизмунду о мирѣ, а тайно о желаніи Царя быть ему зятемъ. Имъ надлежало выбрать или большую сестру Королевскую, Анну, или меньшую, Екатерину, смотря по ихъ *красотѣ*, *здоровью* и *дородству* ([56]). Они избрали Екатерину. Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что для сего нужно согласіе Императора, Князя Брауншвейгскаго и Короля Венгерскаго, ея покровителей и родственниковъ; что приданое невѣсты, хранимое въ Польской казнѣ, состоитъ изъ цѣпей, запонъ, платья и золота, всего на 100,000 червонныхъ; что хотя и не слѣдовало бы выдать меньшую сестру прежде большой, но онъ не противится сему браку, съ условіемъ, чтобы Екатерина осталась въ Римскомъ законѣ. Послы желали представиться невѣстѣ: имъ дозволили видѣть ее въ церкви и вручили портреты обѣихъ сестеръ. — Но Сигизмундъ, увѣренный въ необходимости войны за Ливонію, считалъ безполезнымъ свойство съ Іоанномъ. Приславъ въ Москву Маршалка Шимковича будто бы для договора о мирѣ и сватовствѣ, онъ требовалъ Но-

вагорода, Пскова, земли Сѣверской, Смоленска ([57])! Посолъ уѣхалъ, и непріятельскія дѣйствія начались тѣмъ, что Литовскій Гетманъ Радзивилъ, вступивъ съ войскомъ въ Ливонію, взялъ городъ Тарвастъ ([58]): осада продолжалась пять недѣль, а Воеводы Московскіе не успѣли дать ему помощи; собирались, готовились и не хотѣли слушаться другъ друга, считаясь въ старѣйшинствѣ между собою. Тогдашняя строгость Іоаннова не унимала зловреднаго Мѣстничества, и Государь, казня Вельможъ за одно слово нескромное, за укорительный взглядъ, за великодушную смѣлость, изъявлялъ снисхожденіе къ сему старому обычаю. Подвиги нашего многочисленнаго войска состояли единственно въ новомъ опустошеніи нѣкоторыхъ Ливонскихъ селеній. Князь Василій Глинскій и Петръ Серебряный ходили въ слѣдъ за Радзивиломъ и побили его отрядъ близъ Пернау. Литовцы, занявъ важнѣйшія крѣпости, не остались въ Тарвастѣ: Іоаннъ велѣлъ разорить сей городъ до основанія ([59])!

Тогда Сигизмундъ написалъ къ Царю, что долго и безполезно убѣждавъ его оставить Ливонію въ покоѣ, онъ долженъ прибѣгнуть къ оружію; что Радзивилъ, взявъ Тарвастъ, выпустилъ оттуда Россіянъ; что виновникъ кровопролитія дастъ отвѣтъ Бо- Война съ Литвою.

гу; что мы еще можемъ отвратить войну, если выведемъ войско изъ бывшихъ Орденскихъ владѣній и заплатимъ всѣ убытки, или Европа увидитъ, на чьей сторонѣ правда и месть великодушная, на чьей лютость и стыдъ. Вручителю письма, Дворянину Корсаку, единовѣрцу нашему, Бояре объявили, что ему не будетъ оказано Посольской чести, ибо грамота Королевская исполнена выраженій непристойныхъ; а Царь отвѣчалъ Сигизмунду: «Ты умѣешь слагать вину свою на другихъ. Мы всегда уважали твои *справедливыя* требованія; но забывъ «условія предковъ и собственную присягу, ты «вступаешься въ древнее достояніе Россіи: ибо «Ливонія наша, была и будетъ. Упрекаешь «меня гордостію, властолюбіемъ: совѣсть моя «покойна; я воевалъ единственно для того, чтобы даровать свободу Христіанамъ, казнить «невѣрныхъ или вѣроломныхъ. Не ты ли склоняешь Короля Шведскаго къ нарушенію заключеннаго имъ съ Новымгородомъ мира? Не «ты ли, говоря со мною о дружбѣ и сватовствѣ, зовешь Крымцевъ воевать мою землю? «Грамота твоя къ Хану у меня въ рукахъ: прилагаю списокъ ея, да устыдишься (60) . . . . И «такъ уже знаемъ тебя совершенно, и болѣе «знать нечего. Возлагаемъ надежду на Судію «Небеснаго: Онъ воздастъ тебѣ по твоей злой «хитрости и неправдѣ.»

Тогда Іоаннъ, уже рѣшительно оставивъ мысль быть Сигизмундовымъ зятемъ, искалъ

себѣ другой невѣсты, въ земляхъ Азіатскихъ, по примѣру нашихъ древнихъ Князей. Ему сказали, что одинъ изъ знатнѣйшихъ Черкесскихъ Владѣтелей, Темгрюкъ, имѣетъ прелестную дочь: Царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, полюбилъ и велѣлъ учить Закону. Митрополитъ былъ ея воспріемникомъ отъ купѣли, давъ ей Христіанское имя Маріи (61). Бракъ совершился 21 Августа 1561 года; но Іоаннъ не переставалъ жалѣть о Екатеринѣ, по крайней мѣрѣ досадовать, готовясь мстить Королю и за Ливонію и за отказъ въ сватовствѣ, оскорбительный для гордости жениха. Вторый бракъ Іоанновъ.

Однакожь, не смотря на взаимныя угрозы, воинскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были слабы: Іоаннъ опасался Хана и держалъ полки въ южной Россіи, гдѣ предводительствовалъ ими Князь Владиміръ Андреевичь (62); а Сигизмундъ, разставивъ войско по крѣпостямъ въ Ливоніи, имѣлъ въ полѣ только малые отряды, которые приступали къ Опочкѣ, къ Невлю. Князь Петръ Серебряный разбилъ Литовцевъ близъ Мстиславля: Курбскій выжегъ предмѣстіе Витебска; другіе Воеводы изъ Смоленска ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Копысу, Шклову. Болѣе грабили, нежели сражались (63). Панъ Ходкѣвичь, Предводитель Сигизмундова войска въ Ливоніи, Г. 1562.

убѣждалъ нашихъ Воеводъ не тратить людей въ безполезныхъ сшибкахъ. Началисьбыло и мирные переговоры: Вельможи Литовскіе писали къ Митрополиту и Боярамъ Московскимъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе. Старецъ Макарій велѣлъ сказать имъ: «знаю только «дѣла церковныя; не *стужайте* мнѣ госу-«дарственными;» а Бояре объявили, что Іоаннъ согласенъ на миръ, если Сигизмундъ не будетъ спорить съ нами ни о Ливоніи, ни о титулѣ Царскомъ. «Вспомни-«те» — прибавили они — «что и самая «Литва есть отчина Государей Москов-«скихъ! Для спокойствія обѣихъ Державъ «Іоаннъ хотѣлъ жениться на вашей Коро-«левнѣ: Сигизмундъ отвергнулъ его пред-«ложеніе — и для чего? безъ сомнѣнія въ «угодность Хану! Еще можно исправить «зло: пользуйтесь временемъ» (64)! Но 1563 годъ наступалъ; а Послы Королевскіе, ожидаемые въ Москвѣ, не являлись: уже не боясь Хана, который, вступивъ въ южную Россію, бѣжалъ назадъ отъ города Мценска (65), Іоаннъ замыслилъ нанести важный ударъ Литвѣ.

Въ началѣ зимы собралися полки въ Можайскѣ: самъ Государь отправился туда Декабря 23; а съ нимъ Князь Владиміръ Андреевичь, Цари Казанскіе, Александръ и Симеонъ, Царевичи Ибакъ, Тохтамышъ,

Бекбулатъ, Кайбула, и сверхъ знатнѣй- г. 1563.
шихъ Воеводъ двѣнадцать Бояръ Думныхъ, 5 Окольничихъ, 16 Дьяковъ. Воиновъ было, какъ увѣряютъ, 280,000, обозныхъ людей 80,900, а пушекъ 200 (66). Сіе огромное, необыкновенное ополченіе столь незапно вступило въ Литву, что Король, находясь въ Польшѣ, не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. Іоаннъ 31 Генваря осадилъ Полоцкъ, и 7 Февраля взялъ укрѣпленія внѣшнія. Тутъ узнали, что 40,000 Литовцевъ съ двадцатью пушками идутъ отъ Минска: Гетманъ Радзивилъ предводительствовалъ ими; онъ далъ слово Королю спасти осажденный городъ, но встрѣченный Московскими Воеводами, Князьями Юріемъ Рѣпнинымъ и Симеономъ Палицкимъ, не отважился на битву; хотѣлъ единственно тревожить Россіянъ, и не успѣлъ ничего сдѣлать: ибо городъ 15 Февраля былъ уже въ рукахъ Іоанновыхъ. Тамошній начальникъ, именемъ Довойна, услужилъ Царю своею безразсудностію: впустилъ въ крѣпость 20,000 поселянъ, и чрезъ нѣсколько дней выгнавъ ихъ, далъ случай Іоанну явить опасное въ такихъ случаяхъ великодушіе. Сіи несчастные шли на вѣрную смерть и были приняты въ Московскомъ станѣ какъ братья: изъ благодарности они указали намъ множество хлѣба, зарытаго ими въ глубокихъ ямахъ, и тайно извѣ-

стили гражданъ, что Царь есть отецъ всѣхъ единовѣрныхъ: побѣждая, милуетъ ([67]). Между тѣмъ ядра сыпались въ городъ; стѣны падали ([68]), и малодушный Воевода, въ угодность жителямъ, спѣшилъ заключить выгодный договоръ съ непріятелемъ снисходительнымъ, который обѣщалъ свободу личную, цѣлость имѣнія — и не сдержалъ слова. Полоцкъ славился торговлею, промышленостію, избыткомъ: Іоаннъ, взявъ государственную казну, взялъ и собственность знатныхъ, богатыхъ людей, Дворянъ, купцевъ: золото, серебро, драгоцѣнныя вещи; отправилъ въ Москву Епископа, Воеводу Полоцкаго, многихъ чиновниковъ Королевскихъ, Шляхту и гражданъ; велѣлъ рязорить Латинскія церкви и крестить всѣхъ Жидовъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ ([69]). Одни Королевскіе иноземные воины могли хвалиться великодушіемъ побѣдителя: имъ дали нарядныя шубы и письменный, милостивый пропускъ, въ коемъ Іоаннъ съ удовольствіемъ назвалъ себя Великимъ Княземъ *Полоцкимъ*, приказывая своимъ Боярамъ, сановникамъ Россійскимъ, Черкесскимъ, Татарскимъ, Нѣмецкимъ, оказывать имъ въ пути защиту и вспоможеніе ([70]). Нѣсколько дней онъ праздновалъ сіе легкое, блестящее завоеваніе древняго Княжества Россіи, наслѣдія достопамятной Го-

Взятіе Полоцка.

рославы, знаменитаго въ Исторіи нашихъ междоусобій, и раннимъ подданствомъ Литвѣ спасеннаго отъ ига Моголовъ ([71]); послалъ всюду гонцевъ, чтобы Россіяне изъявили благодарность Небу за свою новую славу, и писалъ къ Первосвятителю Макарію: «се нынѣ исполнилось пророчество дивнаго Петра Митрополита, «сказавшаго, что Москва вознесетъ руки свои «на плеща враговъ ея» ([72])!

Сигизмундъ и Паны его были въ страхѣ: многолюдный, укрѣпленный Полоцкъ считался главною твердынею Литвы, и Воеводы Московскіе, не теряя времени, шли на Вильну, къ Мстиславлю, въ Самогитію, опустошая землю невозбранно: ибо Гетманъ бѣжалъ назадъ въ Минскъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Вельможи Королевскіе писали къ нашимъ Боярамъ, что Послы ихъ готовы ѣхать въ Москву, если мы остановимъ непріятельскія дѣйствія: а Царь, приказавъ отвѣтствовать, что *Посла не сѣкутъ, ни рубятъ* ([73]), далъ Литвѣ перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Велѣвъ исправить укрѣпленія, отслуживъ молебенъ въ Софійскомъ Полоцкомъ храмѣ и ввѣривъ защиту города мужественному Князю Петру Шуйскому, Государь 26 Февраля выступилъ оттуда со всѣмъ войскомъ, распустилъ его въ Великихъ Лукахъ, спѣшилъ въ столицу и встрѣтилъ на пути Бояръ, высланныхъ къ нему изъ Москвы съ поздравленіями отъ сыновей и супруги. Мать Князя Владиміра Андреевича, Евфросинія, великолѣпно угостила его въ Удѣлѣ

своего сына, въ Старицѣ. Царевичь Іоаннъ ждалъ родителя въ Обители Св. Іосифа, Ѳеодоръ въ селѣ Крылацкомъ. Тутъ былъ новый пиръ; а на другой день, 21 Марта, когда Государь ѣхалъ Крылацкимъ полемъ, явился Бояринъ Трахaніотовъ съ вѣстію, что Царица родила ему сына Василія (74). У церкви Бориса и Глѣба, на Арбатѣ, стояло Духовенство съ хоругвями и крестами: Іоаннъ благодарилъ Митрополита и Святителей за ихъ усердныя молитвы; Святители благодарили Царя за мужество и побѣду. Онъ шелъ въ торжествѣ, отъ Арбата до Соборовъ, среди Вельможъ и народа, среди привѣтствій и восклицаній, точно такъ, какъ по взятіи Казани. . . . . Не доставало народу единственно любви къ Государю, а Государю счастія: ибо его нѣтъ для Тирановъ! — Новорожденный Царевичь жилъ только пять недѣль.

Рожденіе Царевича Василія.

Торжество Іоанново.

Смерть Царевича.

Не сомнѣваясь въ продолженіи войны съ Литвою и надѣясь на благопріятное дѣйствіе своей знаменитой побѣды, Іоаннъ извѣстилъ о томъ Хана; писалъ къ нему съ гордостію и съ ласкою, напоминалъ искреннюю дружбу Менгли-Гирееву съ Великимъ Княземъ Іоанномъ, счастливую для обѣихъ Державъ, и всѣ худые успѣхи Крымскихъ впаденій, хотя вредныхъ для Россіи, но еще болѣе для самой Тавриды, уже бѣдной людьми, оружіемъ и конями; указывалъ на

Дѣла Крымскія.

Христіанскія церкви въ Казани, въ Астрахани; хвалился усердіемъ вѣрныхъ Князей Черкесскихъ и Ногаевъ, сожалѣлъ о безсильной злобѣ Сигизмунда, наказаннаго стыдомъ, разореніемъ земли его, и говорилъ: «Всѣ Паны Королевскіе «били челомъ Боярамъ нашимъ, да прекратимъ «ихъ бѣдствія. Бояре молили Князя Владиміра «Андреевича и вмѣстѣ съ нимъ пали къ ногамъ «моимъ, вѣщая: *Государь! у васъ одна Вѣра: на «что болѣе проливать кровь? Руки твои напол«нились плѣна и богатства; ты взялъ лучшій «городъ у Сигизмунда. Недругъ въ слезахъ, и же«лаетъ быть въ твоей волѣ.* Я не хотѣлъ оскор«бить любезнаго мнѣ брата и Вельможъ доб«рыхъ: мы возвратились! . . . Угодно ли тебѣ «быть моимъ другомъ» (75)? Уже нѣсколько лѣтъ Послы вѣроломнаго Девлетъ-Гирея сидѣли у насъ въ тѣсной неволѣ: ихъ освободили въ знакъ Государева къ нему благорасположенія; но Іоаннъ въ письмѣ своемъ не хотѣлъ его назвать *братомъ*, и вмѣсто стариннаго *челобитья* приказалъ единственно поклонъ Хану. Не смотря на то, Посолъ Московскій, Аѳанасій Нагой, долженъ былъ за тайну объявить Крымскимъ Вельможамъ, что Царь удалилъ отъ себя Адашевыхъ, Воеводу Шереметева и Дьяка Ивана Михайлова будто бы за ихъ ненависть къ Девлетъ-Гирею (76)! Умъ, ловкость нашего Посла, и богатые дары произвели дѣйствіе: Ханъ склонился къ миру, года два не тревожилъ Россіи, и въ знакъ своего доброжелательства открылъ

намъ важную тайну. Мы видѣли, что могущественный Солиманъ не равнодушно смотрѣлъ на успѣхи Іоаннова величія и на гибель Царствъ Мусульманскихъ (77): занимаясь другими, ближайшими опасностями и предпріятіями важнѣйшими для его славолюбія, онъ медлилъ; наконецъ по внушенію знатнаго бѣглеца Астраханскаго, Князя Ярлыгаша, замыслилъ великое дѣло: соединить Донъ съ Волгою прокопомъ, основать крѣпость на Переволокѣ (тамъ, гдѣ сіи рѣки сближаются), другую на Волгѣ, гдѣ нынѣ Царицынъ, третью близъ моря Каспійскаго, чтобы сперва утвердить безопасность своихъ Азовскихъ владѣній, а послѣ взять Астрахань, Казань, — стѣснить, ослабить Россію. Главнымъ орудіемъ или дѣйствователемъ надлежало быть Хану: Султанъ велѣлъ ему итти къ Астрахани, обѣщая прислать Дономъ пушки и людей искусныхъ въ строеніи крѣпостей. Но, къ счастію Россіи, Девлетъ-Гирей страшился господства Турковъ еще болѣе, нежели ея силы: не хотѣлъ уступить имъ Царствъ Батыевыхъ, и стараясь доказать Султану невозможность успѣха, извѣстилъ Іоанна о семъ опасномъ для насъ предпріятіи, которое осталось тогда безъ исполненія. — Не смотря на дружелюбныя сношенія съ Крымомъ, Государь ласкалъ постояннаго врага Девлетъ-Гиреева, Главу

Замыслъ Султановъ.

Ногайскихъ Владѣтелей, Исмаила, который оберегалъ Астрахань, увѣдомлялъ насъ о вѣроломныхъ замыслахъ ея Князей, тайныхъ друзей Крыма, и, къ сожалѣнію Россіянъ, умеръ въ 1563 году, оставивъ сына, Тинъ-Ахмата, начальникомъ Орды Ногайской. Подобно отцу, сей Князь усердно искалъ Іоанновой милости (78).

Уже Польша, Данія и Швеція воевали за Ливонію; первыя двѣ хотѣли общими силами обуздать властолюбіе Эрика: ибо Шведы отняли у Сигизмунда Пернау и Вейсенштеинъ, у Датчанъ Леаль и Габзаль (79). Король Датскій, Фридерикъ, желалъ союза Іоаннова: Царь утвердилъ съ нимъ миръ, какъ бы изъ великодушія уступивъ ему Эзель и Викъ; но гордо отвергнулъ его посредничество въ нашихъ дѣлахъ съ Литвою, сказавъ: «мы сами «умѣемъ стоять за себя, и кромѣ Божіей «помощи не хотимъ никакой» (80). Онъ велѣлъ отвести дворы купцамъ Датскимъ въ Новѣгородѣ и Нарвѣ, съ условіемъ, чтобы и нашимъ отведены были такіе же въ Копенгагенѣ и Визби, гдѣ Россіяне издревле торговали. Гофмейстеръ Фридериковъ, Эллеръ Гарденбергъ, съ другими чиновниками былъ въ Москвѣ для договора: Князь Ромодановскій ѣздилъ въ Данію для размѣна грамотъ. — Въ то же время и Шведы *старались всячески уле-* Происшествія въ Ливоніи.

стить опаснаго Царя: Эрикъ извинялся въ неучтивостяхъ, оказанныхъ нашимъ Посламъ, и прислалъ шесть знатныхъ сановниковъ въ Москву, чтобы заключить *договоръ о Ливоніи* съ самимъ Царемъ, а не съ его Воеводами ([81]). Отвѣтомъ была грубая насмѣшка. Іоаннъ велѣлъ сказать Эрику: «Когда я съ Дворомъ своимъ переселюсь въ Швецію, тогда повелѣвай и величайся — а не нынѣ! Я отъ тебя такъ «далеко, какъ небо отъ земли.» Шведы уступили. Государь велѣлъ Боярину Морозову, Намѣстнику Ливонскому, дать Королю особенное перемиріе на семь лѣтъ по дѣламъ Ливоніи; *дозволилъ* Эрику владѣть Ревелемъ и всѣми занятыми имъ городами въ Эстоніи, но оставилъ себѣ право, по истеченіи означеннаго срока, изгнать оттуда Шведовъ какъ хищниковъ; то есть, Іоаннъ не мѣшалъ враждующимъ за Ливонію Державамъ изнурять другъ друга, готовый воспользоваться ихъ ослабленіемъ и присоединить ее къ Россіи. Увидимъ слѣдствія, какихъ не ожидала его хитрая Политика.... Теперь будемъ говорить о внутреннихъ происшествіяхъ сего времени.

Перемиріе съ Швеціею.

Вторый бракъ Іоанновъ не имѣлъ счастливыхъ дѣйствій перваго. Марія, одною красотою плѣнивъ супруга, не замѣнила Анастасіи ни для его сердца, ни для Госу-

дарства, которое уже не могло съ мыслію Злонравіе супруги Іоанновой.
о Царицѣ соединять мысль о Царской
добродѣтели. Современники пишутъ, что
сія Княжна Черкесская, дикая нравомъ,
жестокая душею, еще болѣе утверждала
Іоанна въ злыхъ склонностяхъ (82), не
умѣвъ сохранить и любви его, скоро простывшей:
ибо онъ уже вкусилъ опасную
прелесть непостоянства и не зналъ стыда.
Равнодушный къ Маріи, Іоаннъ помнилъ
Анастасію, и еще лѣтъ семь, въ память ея,
надѣлялъ богатою милостынею святые монастыри
Аѳонскіе (83). Такимъ же образомъ
Государь честилъ и память своего брата, Кончина К. Юрія.
Юрія, умершаго въ исходѣ 1563 года (84).
Сей Князь, скудный умомъ, пользовался
наружными знаками уваженія, и неспособный
ни къ ратнымъ, ни къ государственнымъ
дѣламъ, только именемъ начальствовалъ
въ Москвѣ, когда Царь выѣзжалъ изъ
столицы. Но супруга его, Іуліанія, считалась
второю Анастасіею по своимъ необыкновеннымъ
достоинствамъ: она рѣшилась Постриженіе невѣстки Іоанновой.
оставить свѣтъ. Іоаннъ, Царица Марія,
Князь Владиміръ Андреевичь, Бояре и народъ
въ глубокомъ молчаніи шли за нею
отъ Кремля до Новодѣвичьяго монастыря,
гдѣ, названная въ Инокиняхъ Александрою,
она хотѣла кончить дни свои въ мирѣ,
не предвидя, что сей тронутый ея ревностнымъ,
Ангельскимъ благочестіемъ

Царь, исполненный къ ней — такъ казалось — любви и братской нѣжности, въ порывѣ безумнаго гнѣва будетъ ея свирѣпымъ убійцею! Онъ желалъ, чтобы невѣстка его и въ видѣ смиренной Монахини имѣла почести Царскія: устроилъ ей въ келліяхъ пышный Дворъ, далъ сановниковъ въ услугу и богатыя помѣстья во владѣніе, какъ бы желая тѣмъ еще привязать ее къ суетамъ міра (88)!

Постриженіе Ефросиніи.

Еще прежде Іуліаніи, волею или неволею, постриглась мать Князя Владиміра Андреевича, честолюбивая Евфросинія, вмѣстѣ съ сыномъ заслуживъ гнѣвъ Царя по доносу Дьяка ихъ, который за свои худыя дѣла сидѣлъ въ темницѣ. Государь призвалъ обвиняемыхъ, Митрополита, Епископовъ; *уличилъ* — какъ сказано въ лѣтописи — мать и сына *въ неправдѣ*, но, уваживъ моленіе Духовенства, изъ *милосердія* отпустилъ имъ вину. Тогда Евфросинія, оставивъ свѣтъ, заключилась въ Воскресенскомъ монастырѣ на Бѣлѣозерѣ, куда проводили ее знатные Дворскіе чиновники; а Князю Владиміру Іоаннъ далъ *новыхъ* Бояръ, Стольниковъ и Дьяковъ, взявъ его собственныхъ къ себѣ въ Царскую службу: то есть, окружилъ сего Князя надзирателями; между тѣмъ обходился съ нимъ ласково, ѣздилъ къ нему гостемъ въ Старицу, въ Верею, въ села Вышего-

родскія, чтобы пировать и веселиться ([86]). Еще внутренняя злоба таилась подъ личиною дружелюбія.

Въ послѣдній день 1563 года скончался, въ глубокой старости, знаменитый Митрополитъ Макарій, обвиняемый современниками въ честолюбіи, въ робости духа, но хвалимый за благонравіе: не смѣлый обличитель Царскихъ пороковъ, но и не грубый льстецъ ихъ. За нѣсколько дней до смерти открывая душу предъ людьми и Богомъ въ грамотѣ прощальной, Макарій пишетъ, что, изнуряемый многими печалями, онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя *житію молчальному* или пустынному, но Царь и Святители всегда неотступно убѣждали его остаться. Сей Пастырь Церкви не былъ, кажется, спокойнымъ зрителемъ Іоаннова разврата, предпочитая тишину пустыни блестящему сану іерарха. Ревностный къ успѣхамъ Христіанскаго просвѣщенія, онъ велѣлъ перевести Греческую Минею, и прибавилъ къ ней Житія Святыхъ Россійскихъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, для коихъ Соборомъ 26 Февраля, 1547 года, уставилъ онъ службу и праздниства: Новогородскому Архіепископу Іоанну, Александру Невскому, Савватію, Зосимѣ Соловецкимъ и другимъ ([87]). Макарій велѣлъ также сочинить извѣстную *Степен-*

Кончина Макарія.

Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной Книги.

ную Книгу, доведенную отъ Рюрика до 1559 года, и способствовалъ учрежденію первой въ Москвѣ типографіи. Европа уже около ста лѣтъ пользовалась счастливымъ открытіемъ Гуттемберга, Фауста, Шеффера: Государи Московскіе слышали о томъ и хотѣли присвоить себѣ выгоду столь важную для успѣховъ просвѣщенія, имъ любезнаго. Великій Князь Іоаннъ III давалъ жалованье славному Любекскому типографщику Варѳоломею (88); Царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ *для книжнаго дѣла* и, какъ вѣроятно, нашелъ ихъ для образованія нашихъ собственныхъ въ Москвѣ: ибо въ 1553 году онъ приказалъ устроить особенный домъ книгопечатанія подъ руководствомъ двухъ мастеровъ, Ивана Ѳедорова, Діакона церкви Св. Николая Гостунскаго, и Петра Тимоѳеева Мстиславца, которые въ 1564 году издали *Дѣянія* и *Посланія* Апостоловъ, древнѣйшую изъ печатныхъ книгъ Россійскихъ, достойную замѣчанія красотою буквъ и бумаги (89). Въ прибавленіи сказано, что Макарій благословилъ Царя на благое дѣло доставить Христіанамъ, вмѣсто невѣрныхъ рукописей, печатныя, исправныя книги, содержащія въ себѣ и Законъ Божій и службу церковную: для чего надлежало сличать древнѣйшіе, лучшіе списки, дабы не обмануться ни въ

Заведеніе Типографіи.

словахъ, ни въ смыслѣ. Сіе важное предпріятіе, внушенное Христіанскою просвѣщенною ревностію, возбудило негодованіе многихъ грамотѣевъ, которые жили списываніемъ книгъ церковныхъ. Къ симъ людямъ присоединились и суевѣры, изумленные новостію ([90]). Начались толки, и художникъ Иванъ Өедоровъ, смертію Макарія лишенный усерднаго покровителя, какъ мнимый еретикъ долженъ былъ — вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Петромъ Мстиславцемъ — удалиться отъ гонителей въ Литву. Хотя Московская типографія, переведенная въ Александровскую Слободу ([91]), еще напечатала Евангеліе; но Царь уступилъ славу издать всю Библію Волынскому Князю Константину Константиновичу, одному изъ потомковъ Св. Владиміра. Сей Князь, ревностный сынъ нашей Церкви, съ любовію принявъ изгнанника, Ивана Өедорова, завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ; досталъ въ Москвѣ же (чрезъ Государственнаго Секретаря Литовскаго, Гарабурду) полный списокъ Ветхаго и Новаго Завѣта, свѣрилъ его съ Греческою Библіею, присланною къ нему отъ Іереміи, Патріарха Константинопольскаго, исправилъ (посредствомъ нѣкоторыхъ Филологовъ) и напечаталъ въ 1581 году, заслуживъ тѣмъ благодарность всѣхъ единовѣрцевъ ([92]). — Между досто-

Изданіе Библіи въ Острогѣ.

памятными церковными дѣяніями Макаріева времени замѣтимъ еще учрежденіе Полоцкой *Архіепископіи*, въ честь сего древняго Княжества и тамошняго знаменитаго храма Софійскаго. Бывшій Святитель Суздальскій, Трифонъ Ступишинъ, постриженникъ Св. Іосифа Волоцкаго, мужъ добродѣтельный, но ветхій и недужный, въ угодность Царю принялъ санъ Полоцкаго Архипастыря (93).

Полоцкая Архіепископія.

Г. 1564. По кончинѣ Макарія всѣ Епископы съѣхалися въ Москву, чтобы избрать новаго Пастыря Церкви; но еще прежде того, исполняя волю Государеву, они Соборною грамотою уставили, что Митрополиты Россійскіе должны впредь носить *клобуки бѣлые, съ рясами и съ Херувимомъ*, какъ изображаются на иконахъ Митрополиты Петръ и Алексій, Новогородскій Архіепископъ Іоаннъ и Чудотворцы Ростовскіе Леонтій, Игнатій, Исаія. «Для чего» — сказано въ «сей грамотѣ — «для чего одни Святители «Новогородскіе носятъ нынѣ бѣлые клобу«ки, мы искали и не могли найти въ писа«ніяхъ. Да возвратится Митрополитамъ «ихъ древнее отличіе! Да печатаютъ так«же, подобно Архіепископамъ Новогород«скому и Казанскому, всѣ грамоты свои «*краснымъ воскомъ*. Печать на одной сто«ронѣ должна представлять образъ Бого«матери со Младенцемъ, а на другой руку

Бѣлый клобукъ Митрополитовъ.

«*благословенную* съ именемъ Митрополита» ([94]). Чрезъ нѣсколько дней былъ избранъ въ Первосвятители Инокъ Чудова монастыря, Аѳанасій, бывшій Благовѣщенскій Протоіерей и Духовникъ Государевъ. По совершеніи Литургіи, Владыки, снявъ съ Митрополита одежду служебную, возложили на него *златую икону вратную*, мантію съ источниками и бѣлый клобукъ. Аѳанасій сталъ на Святительское мѣсто, выслушалъ привѣтственную рѣчь Царя, далъ ему благословеніе, и громогласно молилъ Всевышняго, де ниспошлетъ здравіе и побѣды Іоанну ([95]). Онъ уже не смѣлъ, кажется, говорить о добродѣтели!

Посвященіе Аѳанасія въ Митрополиты.

ГЛАВА II.

Продолжение царствования Іоанна Грознаго.

Г. 1563 — 1569.

Переговоры и война съ Литвою. Бѣгство Россіянъ въ Литву. Измѣна К. Андрея Курбскаго. Переписка его съ Царемъ. Нападеніе Литвы и Крымцевъ. Посольство В. Магистра Нѣмецкаго. Таинственный отъѣздъ Іоанновъ. Письмо Царя къ Митрополиту и къ народу. Ужасъ въ Москвѣ. Учрежденіе Опричнины. Вторая эпоха казней. Александровская Слобода. Монашеская жизнь Іоаннова. Иноземные любимцы Іоанновы. Великодушіе Митрополита Филиппа. Третія эпоха убійствъ. Язва. Воинскія дѣйствія и переговоры Земская Дума. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Шведскія. Важное предпріятіе Султана. Бѣдствіе Турковъ. Сношенія съ Персіею. Дань Сибирская. Торговля. Посольства Англійскія. Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію. Злодѣй Бомелій.

Г. 1563. Переговоры и война съ Литвою.

Перемиріе, данное Іоанномъ Сигизмунду, не мѣшало Россіянамъ и Литовцамъ нападать другъ на друга. Первые малочисленными отрядами довершали завоеваніе Полоцкой области. Слуга Сигизмундовъ, Князь Михайло Вишневецкій, съ

толпами Козаковъ и Бѣлогородскихъ Татаръ опустошалъ Уѣзды Черниговскіе, Стародубскіе (96): Князь Иванъ Щербатый, Сѣверскій Воевода, разбилъ его на голову. Пословъ Сигизмундовыхъ долго ждали въ Москвѣ: наконецъ они пріѣхали, 5 Декабря 1563 года, и слѣдуя обыкновенію, требовали отъ насъ Новагорода, Пскова, кромѣ всѣхъ завоеваній дѣда, отца Іоаннова и его собственныхъ; а Бояре наши, также слѣдуя обыкновенію, отвѣтствовали, что мы для надежнаго мира должны взять у Литвы не только Кіевъ, Волынію, Подолію, но и Вильну, которая въ древнія времена принадлежала Россіи (97). Они говорили о неправдахъ, лукавствѣ, спеси Короля, не хотящаго именовать Іоанна Царемъ и замышляющаго быть Государемъ Ливоніи, гдѣ еще въ XI вѣкѣ основанъ Ярославомъ Великимъ городъ Юрьевъ, и гдѣ Александръ Невскій огнемъ и мечемъ казнилъ своихъ подданныхъ, Нѣмцевъ, за ихъ бунтъ и непослушаніе. «Такъ было» — заключили Бояре словомъ Государя — «такъ было до «временъ *великаго мстителя неправдамъ*, моего «дѣда: до славнаго родителя моего, *обрѣтателя «древней нашей отчины*, и до меня *смиреннаго*.» Хотя съ обѣихъ сторонъ умѣрили требованія; хотя мы соглашались уже не говорить о Вильнѣ, Подоліи, Волыніи, и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндію, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемиріе на 10 или 15 лѣтъ: однакожь Послы не привыкли

чтобы они вышли изъ Королевскихъ владѣній, и для того гонецъ Литовскій съ вѣстію о бѣгствіи Шуйскаго нарочно былъ посланъ въ Дубровну чрезъ такія мѣста, гдѣ ему надлежало встрѣтить Россіянъ: его схватили и привели къ Воеводамъ на-
Февр. 9. шимъ, которые — узнавъ, что случилось — дѣйствительно возвратились къ Смоленску, но отмстивъ непріятелю огнемъ и мечемъ: выжгли селенія отъ Дубровны до Кричева; взяли въ плѣнъ множество земледѣльцевъ (101). Мѣсяцевъ пять миновало въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ: въ Іюлѣ Полководецъ Іоанновъ, Князь Юрій Токмаковъ, съ малочисленною пѣхотою и конницею ходилъ изъ Невля къ Озерищу, въ
Іюля 22. надеждѣ завладѣть симъ городомъ (102). Свѣдавъ, что 12,000 Литовцевъ идутъ изъ Витебска спасти осажденныхъ, сей Воевода, извѣстный мужествомъ, отпустилъ снарядъ и пѣхоту на судахъ въ Невль, съ одною конницею встрѣтилъ непріятеля и разбилъ его передовую дружину; но когда подошло главное войско Литовское, онъ долженъ былъ отступить, безчеловѣчно умертвивъ взятыхъ имъ плѣнниковъ. Смоленскій Воевода, Бутурлинъ, предводительствуя Дѣтьми Боярскими, Татарами, Мордвою, снова опустошилъ правый берегъ Днѣпра и вывелъ 4800 плѣнниковъ обоего пола. Между тѣмъ Литовцы тревожили

владеніемъ область Дерптскую (103); а Козаки Сигизмундовы грабили купцевъ и Посланниковъ Іоанновыхъ на пути изъ Москвы въ Тавриду. — Но скоро война сдѣлалась важнѣе, по крайней мѣрѣ для насъ опаснѣе, отъ неожидаемой измѣны одного изъ славнѣйшихъ Воеводъ Іоанновыхъ.

Ужасъ, наведенный жестокостями Царя на всѣхъ Россіянъ, произвелъ бѣгство многихъ изъ нихъ въ чужія земли. Князь Димитрій Вишневецкій служилъ примѣромъ: усердный ко славѣ нашего отечества, и любимъ Іоанна добродѣтельнаго, онъ не хотѣлъ подвергать себя злобному своенравію Тирана: изъ воинскаго стана въ южной Россіи ушелъ къ Сигизмунду, который принялъ Димитрія милостиво какъ злодѣя Іоаннова, и далъ ему собственнаго Медика, чтобы излечить сего славнаго воина отъ тяжкаго недуга, произведеннаго въ немъ отравою (104). Но Вишневецкій не думалъ лить крови единовѣрныхъ Россіянъ: тайно убѣждаемый нѣкоторыми Вельможами Молдавіи изгнать недостойнаго ихъ Господаря, Стефана, онъ съ дружиною вѣрныхъ Козаковъ спѣшилъ туда искать новой славы и былъ жертвою обмана; никто не явился подъ знамена Героя: Стефанъ плѣнилъ Вишневецкаго и послалъ въ Константинополь, гдѣ Султанъ велѣлъ умертвить его. — Въ слѣдъ за Вишневецкимъ отъѣхали

Бѣгство Россіянъ въ Литву.

въ Литву два брата, знатные сановники, Алексѣй и Гаврило Черкасскіе ([105]), безъ сомнѣнія угрожаемые опалою. Бѣгство не всегда измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: *спасаться отъ мучителя;* но горе гражданину, который за тирана мститъ отечеству! Юный, бодрый Воевода, въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ ознаменованный славными ранами, мужъ битвы и совѣта, участникъ всѣхъ блестящихъ завоеваній Іоанновыхъ, Герой подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ Башкирскихъ и на поляхъ Ливоніи, нѣкогда любимецъ, другъ Царя ([106]), возложилъ на себя печать стыда и долгъ на Историка вписать гражданина столь знаменитаго въ число государственныхъ преступниковъ. То былъ Князь Андрей Курбскій. Доселѣ онъ имѣлъ славу заслугъ, не имѣя ни малѣйшаго пятна на сей славѣ въ глазахъ потомства; но Царь уже не любилъ его какъ друга Адашевыхъ: искалъ только случая обвинить невиннаго. Начальствуя въ Дерптѣ, сей гордый Воевода сносилъ выговоры, разныя оскорбленія; слышалъ угрозы; наконецъ свѣдалъ, что ему готовится погибель. Не боясь смерти въ битвахъ, но устрашенный казнію, Курбскій спросилъ у жены своей, чего она желаетъ: видѣть ли его мертваго предъ собою или разстаться съ нимъ живымъ навѣки? Ве-

Измѣна Князя Андрея Курбскаго.

малодушная съ твердостію отвѣтствовала, что жизнь супруга ей драгоцѣннѣе счастія. Заливаясь слезами, онъ простился съ нею, благословилъ девятилѣтняго сына, ночью тайно вышелъ изъ дому, перелѣзъ черезъ городскую стѣну, нашелъ двухъ осѣдланныхъ коней, изготовленныхъ его вѣрнымъ слугою, и благополучно достигъ Вольмара, занятаго Литовцами ([107]). Тамъ Воевода Сигизмундовъ принялъ изгнанника какъ друга, именемъ Королевскимъ обѣщая ему знатный санъ и богатство. Первымъ дѣломъ Курбскаго было изъясниться съ Іоанномъ: открыть душу свою, исполненную горести и негодованія. Въ порывѣ сильныхъ чувствъ онъ написалъ письмо къ Царю: усердный слуга, единственный товарищъ его, взялся доставить оное, и сдержалъ слово: подалъ запечатанную бумагу самому Государю, въ Москвѣ, на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: «отъ господина моего, «твоего изгнанника, Князя Андрея Михай-«ловича.» Гнѣвный Царь ударилъ его въ ногу острымъ жезломъ своимъ: кровь лилася изъ язвы: слуга, стоя неподвижно, безмолвствовалъ. Іоаннъ оперся на жезлъ и велѣлъ читать вслухъ письмо Курбскаго такого содержанія ([108]):

Переписка его съ Царемъ.

«Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога про-«славленному — нынѣ же, по грѣхамъ на-«шимъ, омраченному адскою злобою въ

«сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану, без-«примѣрному между самыми невѣрными Влады-«ками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сер-«дечной скажу мало, но истину. Почто различ-«ными муками истерзалъ ты Сильныхъ во Из-«раилѣ, Вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ «Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь «ихъ проліялъ во храмахъ Божіихъ? Развѣ они «не пылали усердіемъ къ Царю и отечеству? Вы-«мышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь из-«мѣнниками, Христіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою «и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи «предстатели отечества? Не ими ли разорены «Батыевы Царства, гдѣ предки наши томились «въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни «Германскія въ честь твоего имени? И что же «воздаешь намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты «самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и право-«судія вышняго для Царя? . . . Не описываю «всего, претерпѣннаго мною отъ твоей жесто-«кости; еще душа моя въ смятеніи; скажу еди-«ное: ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя, «за тебя изліянная, вопіетъ къ Богу. Онъ ви-«дитъ сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣ-«лахъ и въ тайныхъ помышленіяхъ; вопрошалъ «совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю «грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки «твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ «непріятелю: слава моя была твоею. Не годъ, «не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ тру-«дахъ и подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и

«болѣзни, не видя матери, не зная супруги, «далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, «исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все из«вѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на за«ступленіе Святыхъ и праотца моего, Князя «Θеодора Ярославскаго [109]..... Мы разста«лись съ тобою навѣки: не увидишь лица моего «до дни суда Страшнаго. Но слезы невинныхъ «жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мерт«выхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: «они у престола Его требуютъ мести! Не спа«сутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ «ласкатели, Бояре недостойные, товарищи пи«ровъ и нѣги, губители души твоей, которые «приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! — «Сію грамоту, омоченную слезами моими, велю «положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею «на судъ Божій. Аминь. Писано въ градѣ Воль«марѣ, въ области Короля Сигизмунда, Государя «*моего*, отъ коего съ Божіею помощію надѣюсь «милости и жду утѣшенія въ скорбяхъ.»

Іоаннъ выслушалъ чтеніе письма и велѣлъ пытать вручителя, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства побѣга, всѣ тайныя связи, всѣхъ единомышленниковъ Курбскаго въ Москвѣ. Добродѣтельный слуга, именемъ Василій Шибановъ (сіе имя принадлежитъ Исторіи) не объявилъ ничего; въ ужасныхъ мукахъ хвалилъ своего отца-господина; радовался мыслію, что за него умираетъ. Такая великодушная твердость, *усердіе, любовь*, изумили всѣхъ и самого

Іоанна, какъ онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ изгнаннику: ибо Царь, волнуемый гнѣвомъ и внутреннимъ безпокойствомъ совѣсти, немедленно отвѣчалъ Курбскому. «Во имя Бога все-«могущаго (пишетъ Іоаннъ), Того, Кѣмъ жи-«вемъ и движемся, Кѣмъ Цари царствуютъ и «Сильные глаголютъ, смиренный Христіанскій «отвѣтъ бывшему Россійскому Боярину, нашему «Совѣтнику и Воеводѣ, Князю Андрею Михай-«ловичу Курбскому, *восхотѣвшему быть Яро-«славскимъ Владыкою* . . . . Почто, несчастный, «губишь свою душу измѣною, спасая бренное «тѣло бѣгствомъ? Если ты праведенъ и добро-«дѣтеленъ, то для чего же не хотѣлъ умереть «отъ меня, строптиваго Владыки, и наслѣдовать «вѣнецъ Мученика? Что жизнь, что богатство и «слава міра сего? суета и тѣнь: блаженъ, кто «смертію пріобрѣтаетъ душевное спасеніе! Усты-«дися раба своего, Шибанова: онъ сохранилъ «благочестіе предъ Царемъ и народомъ; давъ «господину обѣтъ вѣрности, не измѣнилъ ему «при вратахъ смерти (110). А ты, отъ единаго «моего гнѣвнаго слова, тяготишь себя клятвою «измѣнниковъ; не только себя, но и душу пред-«ковъ твоихъ: ибо они клялися великому моему «дѣду служить намъ вѣрно со всѣмъ ихъ потом-«ствомъ. Я читалъ и разумѣлъ твое писаніе. «Ядъ аспида въ устахъ измѣнника; слова его «подобны стрѣламъ. Жалуешься на претерпѣн-«ныя тобою гоненія; но ты не уѣхалъ бы ко «врагу нашему, если бы мы не излишно мило-

«вали васъ, недостойныхъ! Я иногда наказывалъ «тебя за вины, но всегда легко, и съ любовію; а «жаловалъ примѣрно. Ты въ юныхъ лѣтахъ «былъ Воеводою и Совѣтникомъ Царскимъ; «имѣлъ всѣ почести и богатство. Вспомни отца «своего: онъ служилъ въ Боярахъ у Князя «Михайла Кубенскаго! Хвалишься пролитіемъ «крови своей въ битвахъ: но ты единственно «платилъ долгъ отечеству. И велика ли слава «твоихъ подвиговъ? Когда Ханъ бѣжалъ отъ «Тулы, вы пировали на обѣдѣ у Князя Григорія «Темкина, и дали непріятелю время уйти во-«свояси (111). Вы были подъ Невлемъ съ 15,000 «и не умѣли разбить четырехъ тысячь Литов-«цевъ (112). Говоришь о Царствахъ Батыевыхъ, «будто бы вами покоренныхъ: разумѣешь Ка-«занское (ибо милость твоя не видала Астра-«хани): но чего намъ стоило вести васъ къ по-«бѣдѣ? Сами итти не желая, вы безумными сло-«вами и въ другихъ охлаждали ревность къ «воинской славѣ (113). Когда буря истребила подъ «Казанью суда наши съ запасомъ, вы хотѣли «бѣжать малодушно — и безвременно требовали «рѣшительной битвы, чтобы возвратиться въ «домы, побѣдителями или побѣжденными, но «только скорѣе. Когда Богъ даровалъ намъ го-«родъ, что вы дѣлали? грабили! А Ливонією мо-«жете ли хвалиться? Ты жилъ праздно во Пско-«вѣ, и мы семь разъ писали къ тебѣ, писали къ «Князю Петру Шуйскому: *идите на Нѣмцевъ!* «Вы съ малымъ числомъ людей взяли тогда бо-

«дѣе пятидесяти городовъ; но своимъ ли умомъ «и мужествомъ? Нѣтъ, только исполненіемъ, «хотя и лѣнивымъ, нашего распоряженія. Чтожь «вы сдѣлали послѣ съ своимъ мудрымъ начальникомъ, Алексѣемъ Адашевымъ, имѣя у себя «войско многочисленное? едва могли взять Феллинъ: ушли отъ Пайды (Вейсенштейна)! Если «бы не ваша строптивость, то Ливонія давно бы «вся принадлежала Россіи. Вы побѣждали не«вольно, дѣйствуя какъ рабы, единственно си«лою понужденія. Вы, говорите, проливали за «насъ кровь свою: мы же проливали потъ и сле«зы отъ вашего неповиновенія (114). Что было «отечество въ ваше царствованіе и въ наше ма«лолѣтство? Пустынею отъ Востока до Запада; «а мы, унявъ васъ, устроили села и грады тамъ, «гдѣ витали дикіе звѣри. Горе дому, коимъ вла«дѣетъ жена; горе Царству, коимъ владѣютъ «многіе! Кесарь Августъ повелѣвалъ вселенною, «ибо не дѣлился ни съ кѣмъ властію: Византія «пала, когда Цари начали слушаться Эпарховъ, «Синклитовъ и Поповъ, братьевъ вашего Силь«вестра.» Тутъ Іоаннъ описываетъ уже извѣстныя Читателю вины бывшихъ своихъ любимцевъ (115) и продолжаетъ: «Безстыдная ложь, «что говоришь о нашихъ мнимыхъ жестоко«стяхъ! Не губимъ *сильныхъ во Израилѣ*; ихъ «кровію не обагряемъ церквей Божіихъ: *силь«ные*, добродѣтельные здравствуютъ и служатъ «намъ. Казнимъ однихъ измѣнниковъ — и гдѣ «*же щадятъ* ихъ? Константинъ Великій не по-

«щадилъ и сына своего; а предокъ вашъ, свя-
«тый Князь Ѳеодоръ Ростиславичь, сколько
«убилъ Христіанъ въ Смоленскѣ ([116])? Много
«опалъ, горестныхъ для моего сердца; но еще
«болѣе измѣнъ гнусныхъ, вездѣ и всѣмъ извѣст-
«ныхъ. Спроси у купцевъ чужеземныхъ, пріѣз-
«жающихъ въ наше Государство: они скажутъ
«тебѣ, что твои *предстатели* суть злодѣи ули-
«ченные, коихъ не можетъ носить земля Рус-
«ская. И что такое *предстатели отечества?*
«Святые ли, боги ли, какъ Аполлоны, Юпи-
«теры? Доселѣ Владѣтели Россійскіе были воль-
«ны, независимы: жаловали и казнили своихъ
«подданныхъ безъ отчета ([117]). Такъ и будетъ!
«Уже я не младенецъ. Имѣю нужду въ милости
«Божіей, Пречистыя Дѣвы Маріи и Святыхъ
«Угодниковъ: наставленія человѣческаго не тре-
«бую. Хвала Всевышнему: Россія благоден-
«ствуетъ; Бояре мои живутъ въ любви и согла-
«сіи: одни друзья, совѣтники ваши, еще во
«тьмѣ коварствуютъ. — Угрожаешь мнѣ судомъ
«Христовымъ на томъ свѣтѣ: а развѣ въ семъ
«мірѣ нѣтъ власти Божіей? Вотъ ересь Мани-
«хейская! Вы думаете, что Господь царствуетъ
«только на небесахъ, Діаволъ во адѣ, на землѣ
«же властвуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! вездѣ Го-
«сподня Держава, и въ сей и въ будущей жиз-
«ни. — Ты пишешь, что я не узрю здѣсь лица
«твоего *Эѳіопскаго*: горе мнѣ! какое бѣдствіе!—
«Престолъ Всевышняго окружаешь ты убіен-
«ными мною: *вотъ новая ересь*! Никто, по сло-

«ву Апостола, не можетъ видѣть Бога. — По-«ложи свою грамоту въ могилу съ собою: симъ «докажешь, что и послѣдняя искра Христіанства «въ тебѣ угасла: ибо Христіанинъ умираетъ съ «любовію, съ прощеніемъ, а не съ злобою. — «Къ довершенію измѣны называешь Ливонскій «городъ Вольмаръ областію Короля Сигизмунда, «и надѣешься отъ него милости, оставивъ своего «законнаго, Богомъ даннаго тебѣ Властителя. «Ты избралъ себѣ Государя лучшаго! Великій «Король твой есть рабъ рабовъ: удивительно «ли, что его хвалятъ рабы? Но умолкаю: Соло-«монъ не велитъ плодить рѣчей съ безумными: «таковъ ты дѣйствительно. — Писано нашея «Великія Россіи въ царствующемъ градѣ Мо-«сквѣ, лѣта міроздания 7072, Іюля мѣсяца въ 5 «день.»

Сіе письмо, наполненное изрѣченіями Ветхаго и Новаго Завѣта, свидѣтельствами историческими, богословскими толкованіями и грубыми насмѣшками, составляетъ цѣлую книгу въ подлинникѣ. Курбскій отвѣтствовалъ на оное съ презрѣніемъ: стыдилъ Іоанна забвеніемъ Властительскаго достоинства, унижаемаго языкомъ браннымъ, суесловіемъ жалкимъ, непристойною смѣсію Божественныхъ сказаній съ ложью и клеветами. «Я невиненъ, и бѣдствую «въ изгнаніи,» говоритъ онъ: «добрые жалѣютъ «обо мнѣ: слѣдственно не ты! Пождемъ мало: «истина не далеко» ([118]). Доселѣ можемъ осуждать изгнанника только за *язвительность* жа-

любви, и за то, что онъ наслажденію мести, удовольствію терзать мучителя словами смѣлыми, пожертвовалъ добрымъ, усерднымъ слугою: по крайней мѣрѣ еще не видимъ въ немъ государственнаго преступника, и не можемъ вѣрить обвиненію, что Курбскій хотѣлъ будто бы назваться *Государемъ Ярославскимъ* (119). Но, увлеченный страстію, сей мужъ злополучный лишилъ себя выгоды быть правымъ и главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ: внутренняго чувства добродѣтели. Онъ могъ безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища отъ гонителя въ самой Литвѣ: къ несчастію, сдѣлалъ болѣе: присталъ ко врагамъ отечества. Обласканный Сигизмундомъ, награжденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ (120), онъ предалъ ему свою честь и душу; совѣтовалъ, какъ губить Россію; упрекалъ Короля слабостію въ войнѣ; убѣждалъ его дѣйствовать смѣлѣе, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ насъ Хана — и скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000 Литовцевъ, Ляховъ, Прусскихъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Волоховъ, съ измѣнникомъ Курбскимъ идутъ къ Полоцку; что Девлетъ-Гирей съ 60,000 хищниковъ вступилъ въ Рязанскую область (121) . . . .

Нападеніе Литвы и Крымцевъ.

Сія послѣдняя вѣсть изумила Царя: онъ ѣхалъ тогда на богомолье въ Суздаль, всякой день ожидая новой Шертной грамоты

отъ Хана, который обѣщалъ ему и миръ и союзъ. Грамота въ самомъ дѣлѣ была написана, и Посолъ Іоанновъ, Аѳанасій Нагой, уже готовился къ отъѣзду изъ Тавриды ([122]); но золото Сигизмундово все перемѣнило: взявъ его, Девлетъ-Гирей устремился на Россію, беззащитную, какъ онъ думалъ: ибо Король писалъ къ нему, что Іоаннъ со всѣми полками на Ливонской границѣ. Обманутый дружелюбными увѣреніями Хана, Царь дѣйствительно распустилъ наши полки Украинскіе, такъ что въ Рязани, осажденной Девлетъ-Гиреемъ, не было ни одного воина, кромѣ жителей. Она спаслася геройствомъ двухъ любимцевъ Государевыхъ, Боярина Алексѣя Басманова и сына его, Ѳедора, которые, находясь тогда въ ихъ богатомъ помѣстьѣ на берегу Оки, первые извѣстили Царя о непріятелѣ, первые вооружились съ людьми своими, разбили нѣсколько отрядовъ Ханскихъ и засѣли въ Рязани, гдѣ ветхія стѣны падали, но гдѣ ревность, неустрашимость сихъ витязей, вмѣстѣ съ увѣщаніями Епископа Филоѳея, одушевили гражданъ рѣдкимъ мужествомъ. Крымцы приступали днемъ и ночью безъ успѣха: трупы ихъ лежали грудами подъ стѣнами. Дѣйствіе нашего огнестрѣльнаго снаряда не давало имъ отдыха и въ станѣ. Узнавъ, что Іоаннъ въ Москвѣ; что Воеводы Ѳедоръ и Яковлевъ съ Царскою дружиною уже стоятъ на берегу Оки; что изъ Михайлова, изъ Дѣдилова идетъ къ нимъ войско — что смѣлые наѣздники Россійскіе вездѣ бьютъ Крымцевъ,

приближаясь къ самому ихъ стану — Девлетъ-Гирей ушелъ еще скорѣе, нежели пришелъ; не дождался и своихъ отрядовъ, которые жгли берега Оки и Вожи. За нимъ не гналися; но Ширинскій Князь его, Мамай, хотѣвъ долѣе грабить въ селахъ Пронскихъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ 500 Крымцевъ; на мѣстѣ легло ихъ болѣе трехъ тысячь ([123]). Чрезъ 6 дней все затихло: уже не было слуха о Крымцахъ. Іоаннъ, оставивъ Царицу и дѣтей въ Александровской Слободѣ, выѣзжалъ изъ Москвы къ войску, когда Басмановы донесли ему о бѣгствѣ непріятеля: личная доблесть и слава сихъ двухъ любимцевъ еще болѣе оживляла его радость: онъ далъ имъ золотыя медали.

Вниманіе Государя обратилось на Полоцкъ: и тамъ мы торжествовали, къ стыду измѣнника нашего и гордаго Пана Радзивила, главнаго Воеводы Сигизмундова. Они расположились станомъ въ двухъ верстахъ отъ города, между рѣками Двиною и Полотою, въ надеждѣ, что возьмутъ его однимъ страхомъ или измѣною; но Воевода Полоцкій, Князь Петръ Щенятевъ, отвѣтствовалъ на ихъ предложенія выстрѣлами, а бывшій Царь Казанскій Симеонъ, Князья Иванъ Пронскій, Петръ и Василій Оболенскіе-Серебряные спѣшили изъ Великихъ Лукъ зайти непріятелю въ тылъ: ибо Государь, угадывая дѣйствіе совѣтовъ Курбскаго, заблаговременно усилилъ полки свои на сей границѣ. Радзивилъ не имѣлъ довѣренности къ Курбскому (такова участь

предателей!): вопреки его мнѣнію, опасался битвы, въ коей могъ быть между двумя огнями; 17 дней стоялъ праздно; терялъ людей отъ выстрѣловъ изъ крѣпости — и 4 Октября перешелъ на Литовскую сторону Двины ([124]). Сего не довольно: Воеводы Московскіе, изгнавъ Литовцевъ, взяли приступомъ Озерище, и славный побѣдитель Шуйскаго не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы спасти, сію важную крѣпость. — Въ туже осень Князь Василій Прозоровскій отразилъ Литовцевъ отъ Чернигова, и взявъ знамя Пана Сапѣги, заслужилъ Царскую милость ([125]). Зимою Курбскій съ 15,000 воиновъ Королевскихъ входилъ въ области Великихъ Лукъ; но подвиги его состояли единственно въ разореніи селъ, даже монастырей. «То сдѣлалось противъ моей воли,» писалъ онъ къ Іоанну: «не льзя было удержать хищныхъ ратниковъ. Я воевалъ мое отечество «такъ же, какъ Давидъ, гонимый Сауломъ, «воевалъ землю Израильскую» ([126]).

6 Ноября.

Къ общему распоряженію Короля принадлежали и дѣйствія Воеводъ его въ Ливоніи: чтобы способствовать успѣхамъ Хана и Радзивила, онъ велѣлъ Князю Александру Полубенскому и другимъ своимъ Воеводамъ итти къ Маріенбургу, Дерпту, въ область Псковскую. Было нѣсколько дѣлъ, довольно важныхъ: въ одномъ храб-

рый витязь Іоанновъ, Василій Вешняковъ, разбилъ непріятеля, а въ другомъ Князь Иванъ Шуйскій и Меньшій Шереметевъ уступили ему поле битвы ([127]). Литовцы не могли овладѣть Краснымъ; не могли защитить окрестностей Шмильтена, Венделена, Вольмара, Роннебурга, откуда мужественный Воевода Бутурлинъ вывелъ 3200 плѣнниковъ: за что Государь прислалъ къ нему золотыя медали. Силы Литовцевъ были раздѣлены: они сражались и съ нами и съ Шведами; послѣдніе же на сухомъ пути съ ними, а на морѣ съ Датчанами, за спорную Ливонію, къ удовольствію Іоанна, который внутренно смѣялся надъ ихъ усиліями, считая себя единственнымъ ея законнымъ Государемъ.

Іоаннъ надѣялся еще далѣе распространить пламя войны Ливонской и найти новаго, усерднаго сподвижника противъ Короля Сигизмунда въ Великомъ Магистрѣ Нѣмецкомъ, Вольфгангѣ: ибо сей древній Орденъ, утративъ свое бытіе въ Пруссіи, былъ возстановленъ въ Германіи ([128]), болѣе именемъ и обрядами, нежели духомъ и характеромъ. Вольфгангъ писалъ къ Царю, что онъ мыслитъ съ помощію Императора завоевать Пруссію, желаетъ союза Россіи, дабы общими силами наступить на Сигизмунда, и шлетъ Пословъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали (въ Сентябрѣ 1564

Посольство В. Магистра Нѣмецкаго.

года) съ письмами отъ Императора Фердинанда и Магистра, но единственно для того, чтобы исходатайствовать свободу плѣннику, старцу Фирстенбергу: не было слова о союзѣ и войнѣ. Государь съ досадою отвѣтствовалъ, что Магистръ нынѣ говоритъ одно, а завтра иное; что если Вольфгангъ отниметъ у Сигизмунда Ригу и Венденъ, то Царь пожалуетъ ими Фирстенберга; что Императору не будетъ отвѣта, ибо онъ писалъ къ Царю не съ своимъ, а съ чужими Послами (129).

Такимъ образомъ измѣна Курбскаго и замыселъ Сигизмундовъ потрясти Россію произвели одну кратковременную тревогу въ Москвѣ. Но сердце Іоанново не успокоилось, болѣе и болѣе кипѣло гнѣвомъ, волновалось подозрѣніями. Всѣ добрые Вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго: онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи; требовалъ доносовъ, и жаловался, что ихъ мало: самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаждѣ къ истязанію. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были предъ нимъ, и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для новыхъ ужасовъ — и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 года, Москва узнала, что

Таинственный отъѣздъ Іоанновъ.

Царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, Дворянами, людьми Приказными, воинскими, поимяпно созванными для того изъ самыхъ городовъ отдаленныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми (130). 3 Декабря, рано, явилось на Кремлевской площади множество саней: въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, святыя иконы, кресты, сосуды драгоцѣнные, одежды, деньги. Духовенство, Бояре, ждали Государя въ церкви Успенія: онъ пришелъ и велѣлъ Митрополиту служить Обѣдню; молился съ усердіемъ; принялъ благословеніе отъ Аѳанасія, милостиво далъ цѣловать руку свою Боярамъ, чиновникамъ, купцамъ; сѣлъ въ сани съ Царицею, съ двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михайломъ Салтыковымъ, Княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ (131), Иваномъ Чеботовымъ, съ другими любимцами, и провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ село Коломенское, гдѣ жилъ двѣ недѣли за распутьемъ: ибо сдѣлалась необыкновенная оттепель, шли дожди и рѣки вскрылись. 17 Декабря онъ съ обозами своими переѣхалъ въ село Тайнинское, оттуда въ монастырь Троицкій, а къ Рождеству въ Александровскую Слободу. — Въ Москвѣ, кромѣ Митрополита, находились тогда многіе Святители: они вмѣстѣ съ Боярами, вмѣстѣ съ народомъ — не зная, что думать о Государевомъ необыкновенномъ, таинственномъ путешествіи — безпокоились, унывали, ждали чего

нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

Г. 1565. Письмо Іоанново къ Митрополиту.

3 Генваря вручили Митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неустройства, беззаконія Боярскаго правленія во время его малолѣтства; доказывалъ, что и Вельможи и Приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья Государевы: радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество; что сей духъ въ нихъ не измѣнился; что они не престаютъ злодѣйствовать: Воеводы не хотятъ быть защитниками Христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ Хану, Литвѣ, Нѣмцамъ терзать Россію; а если Государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ Боярамъ и чиновникамъ, то Митрополитъ и Духовенство вступаются за виновныхъ, грубятъ, стужаютъ ему. «Въ слѣдствіе чего» — писалъ Іоаннъ — «не хотя терпѣть ва«шихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости «сердца оставили Государство и поѣхали, «куда Богъ укажетъ намъ путь» (132). — Другую грамоту прислалъ онъ къ гостямъ, купцамъ и мѣщанамъ: Дьяки Путило Михайловъ и Андрей Васильевъ въ собраніи народа читали оную велегласно. Царь увѣрялъ добрыхъ Москвитянъ въ своей ми-

лости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. «Государь насъ оставилъ!» вопилъ народъ: «мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защит-«никомъ въ войнахъ съ иноплеменными? «Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?» Духовенство, Бояре, сановники, Приказные люди, проливая слезы, требовали отъ Митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: «Пусть Царь каз-«нитъ своихъ лиходѣевъ: въ животѣ и въ «смерти воля его; но Царство да не оста-«нется безъ Главы! Онъ нашъ Владыка, «Богомъ данный: инаго не вѣдаемъ. Мы «всѣ *съ своими головами* ѣдемъ за тобою «*бить челомъ Государю* и *плакаться.*» То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: «Пусть Царь укажетъ намъ своихъ измѣн-«никовъ: мы сами истребимъ ихъ!» Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ Царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы Архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, Приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными Послами Святителя Новогородскаго Пимена и Чудовскаго Архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ

Ужасъ въ Москвѣ.

годарили, славили Іоаннову милость, Вельможи и Духовенство, у коего отнималъ Государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія! — Грозный Владыка, какъ бы смягченный смиреніемъ обреченныхъ жертвъ, велѣлъ Святителямъ праздновать съ нимъ Богоявленіе; удержалъ въ Слободѣ Князей Бѣльскаго и Щепятева, а другихъ Бояръ, вмѣстѣ съ Дьяками, отпустилъ въ Москву, чтобы дѣла не остановились въ Приказахъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала Царя, и долго; говорили, что онъ занимается тайнымъ дѣломъ съ людьми ближними; угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2 Февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ Духовенство, Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ ([134]). Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ; имѣлъ *высокія* плеча, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ Римскій, глаза не большіе, сѣрые, но свѣтлые, проницательные, исполненные огня, и лице нѣкогда пріятное ([135]). Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что не льзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость; всѣ черты исказились; взоръ угасъ; а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса ([136]), отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова исчисливъ вины Бояръ, и подтвердивъ

согласіе остаться Царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности Вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе Державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры — о кратковременности жизни, о необходимости видѣть далѣе гроба, и предложилъ уставъ *Опричины* (137): имя, дотолѣ неизвѣстное! Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти; но обстоятельства удивили, а слѣдствія привели въ новый ужасъ Россію. 1) Царь объявлялъ своею собственностію города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Ярославецъ, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галичь, Юрьевецъ, Балахну, Вологду, Устюгъ, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости Московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1000 тѣлохранителей изъ Князей, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, и давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ улицы Чертольскую, Арбатскую съ Сивцовымъ Врагомъ, половину Никитской съ разными слободами, откуда надлежало выслать всѣхъ Дворянъ и Приказныхъ людей, не записанныхъ въ

Учрежденіе Опричины.

Царскую тысячу; 4) назначилъ *особенныхъ* сановниковъ для услугъ своихъ: Дворецкаго, Казначеевъ, Ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ бы возненавидѣвъ славныя воспоминанія Кремлевскія и священные гробы предковъ, не хотѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III: указалъ строить новый за Неглинною, между Арбатомъ и Никитскою улицею, и подобно крѣпости оградить высокою стѣною ([138]). Сія часть Россіи и Москвы, сія тысящная дружина Іоаннова, сей новый Дворъ, какъ отдѣльная собственность Царя находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы *Опричниною;* а все остальное — то есть, все Государсгво — *Земщиною*, которую Іоаннъ поручалъ *Боярамъ Земскимъ*, Князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ, велѣвъ старымъ Государственнымъ чиновникамъ — Конюшему, Дворецкому, Казначеямъ, Дьякамъ — сидѣть въ ихъ Приказахъ, рѣшить всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относиться къ Боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ Государю. То есть, Іоаннъ по видимому желалъ какъ бы удалиться отъ Царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго Владѣтеля, и въ доказательство, что *Государево* и *Государственное* уже не одно знаменуютъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны Земской 100,000 рублей за издержки его путешествія отъ Москвы до Слободы Александров-

ской ([139])! — Никто не противорѣчилъ: воля Царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе.

1 Февраля Москва увидѣла исполненіе *условій*, объявленныхъ Царемъ Духовенству и Боярамъ въ Александровской Слободѣ ([140]). Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной Царицы Анастасіи и дѣтей его ([141]). Первою жертвою былъ славный Воевода, Князь Александръ Борисовичь Горбатый-Шуйскій, потомокъ Св. Владиміра, Всеволода Великаго и древнихъ Князей Суздальскихъ, знаменитый участникъ въ завоеваніи Казанскаго Царства, мужъ *ума глубокаго*, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отечества и Христіанъ. Ему надлежало умереть вмѣстѣ съ сыномъ, Петромъ, семнадцати-лѣтнимъ юношею. Оба шли къ мѣсту казни безъ страха, спокойно, держа другъ друга за руку. Сынъ не хотѣлъ видѣть казни отца, и первый склонилъ подъ мечь свою голову: родитель отвелъ его отъ плахи, сказавъ съ умиленіемъ: «да не зрю тебя мертваго!» Юноша уступилъ ему первенство, взялъ отсѣченную голову отца, поцѣловалъ ее, взглянулъ на небо и съ лицемъ веселымъ отдалъ себя въ руки палача ([142]). Шуринъ Горбатаго, Петръ Ховринъ (родомъ Грекъ),

Вторая эпоха Казней

Окольничій Головинъ, Князь Иванъ Сухой-Кашинъ, и Кравчій, Князь Петръ Ивановичь Горенскій, были казнены въ тотъ же день; а Князь Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ ([143]): пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но, укрѣпляемый Вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ Канонъ Іисусу. Двухъ Бояръ, Князей Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмаго, постригли: у многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ отняли имѣніе; другихъ съ семействами сослали въ Казань ([144]). — Одинъ изъ знатнѣйшихъ Вельможъ, ближній родственникъ добродѣтельной Царицы Анастасіи, Бояринъ и Воевода Иванъ Петровичь Яковлевъ, также навлекъ на себя опалу; но Іоаннъ въ самомъ ожесточеніи еще любилъ хвалиться милосердіемъ: простивъ Яковлева, взялъ съ него клятвенную грамоту, утвержденную подписями Святителей, въ томъ, чтобы не уходить ему изъ Россіи ни въ Литву, ни къ Папѣ, ни къ Императору, ни къ Султану, ни къ *Князю Владиміру Андреевичу*, и не имѣть съ нимъ никакихъ тайныхъ сношеній. Мы упоминали о ссылкѣ первостепеннаго Боярина, славнаго Воеводы, Князя Михайла Воротынскаго: лишенный имѣнія, онъ года четыре жилъ на Бѣлѣозерѣ, получая изъ Государевой казны около 100 рублей ежегодно, сверхъ запаса, винъ, плодовъ иноземныхъ, одежды, бѣлья ([145]). Наконецъ Іоаннъ возвратилъ сего знаменитаго изгнанника ко Двору, въ Думу: сдѣлалъ Намѣстникомъ Казанскимъ *и Державцемъ* Новосильскимъ, обязавъ его въ

вѣрности такою же грамотою, какъ и Яковлева, съ прибавленіемъ, что Митрополитъ и Епископы были ихъ ходатаями. Не велѣвъ Духовенству вступаться за опальныхъ, Царь желалъ польстить ему симъ милостивымъ словомъ. Но ходатаевъ уже не было! Духовенство могло только слезами орошать Олтари и возсылать теплыя молитвы къ Богу о спасеніи несчастныхъ! — Другіе Бояре — Левъ Андреевичь Салтыковъ, Князья Василій Серебряный, Иванъ Охлябининъ, Захарія Очинъ-Плещеевъ — долженствовали представить за себя ручателей въ неизмѣнной службѣ Государю; а въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести знатную сумму денегъ въ казну: на примѣръ, за Князя Серебрянаго 25,000 рублей или около полумилліона нынѣшнихъ ([146]). Предосторожность безполезная и постыдная для Государя; но сей Государь былъ тиранъ!

Послѣ казней Іоаннъ занялся образованіемъ своей новой Дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, Князь Аѳанасій Вяземскій ([147]), и другіе любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ Дѣтей Боярскихъ, отличныхъ не достоинствами, но такъ называемымъ удальствомъ, распутствомъ, готовностію на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ: требовалось именно, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными Боярами; неизвѣстность,

самая низость происхожденія вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, Царь избралъ 6000, и взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ *Земскими* (то есть, со всѣми не записанными въ Опричнину), не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно Государя. За то Государь далъ имъ не только земли, но и домы и всю движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ Опричнины съ голыми руками, такъ, что многіе изъ нихъ, люди заслуженые, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія: новые Дворяне, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностію закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами: деревни разорились. Но сіе зло казалось еще маловажнымъ въ сравненіи съ другимъ. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ Опричнымъ: они были всегда правы въ судахъ, а на нихъ не было ни суда, ни управы. Опричникъ или *Кромѣшникъ* — такъ стали называть ихъ, какъ бы изверговъ тьмы *кромѣшней* ([148]) — могъ безопасно тѣснить, грабить сосѣда, и въ случаѣ жалобы бралъ съ него пеню за безчестье. Сверхъ многихъ иныхъ злодѣйствъ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, слѣдую-

щее вошло въ обыкновеніе: слуга Опричника, исполняя волю господина, съ нѣкоторыми вещами прятался въ домѣ купца или Дворянина; господинъ заявлялъ его мнимое бѣгство, мнимую кражу; требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина, пять сотъ, тысячу или болѣе рублей. Не было снисхожденія: надлежало или немедленно заплатить или итти *на правежъ:* то есть, неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сѣчь его всенародно до заплаты денегъ ([149]). Иногда Опричникъ самъ подметывалъ что нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ, и за сію будто бы украденную у него вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань: ибо сказать неучтивое слово Кромѣшнику значило оскорбить самого Царя; въ такомъ случаѣ невинный спасался отъ тѣлесной казни тягостною денежною пенею. Однимъ словомъ, люди Земскіе, отъ Дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ Опричныхъ; первые были *ловомъ*, послѣдніе *ловцами*, и единственно для того, чтобы Іоаннъ могъ надѣяться на усердіе своихъ разбойниковъ-тѣлохранителей въ новыхъ, замышляемыхъ имъ убійствахъ. Чѣмъ болѣе Государство ненавидѣло Опричныхъ, тѣмъ болѣе Государь имѣлъ къ нимъ довѣренности: сія общая ненависть служила ему залогомъ ихъ

вѣрности. — Затѣйливый умъ Іоанновъ изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ : они ѣздили всегда съ *собачьими головами* и съ *метлами*, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что *грызутъ* лиходѣевъ Царскихъ и *метутъ* Россію ([150])!

Александровская Слобода.

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ : по крайней мѣрѣ не взлюбилъ Москвы, и съ сего времени жилъ большею частію въ Слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ : на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ ([151]). Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные, воинскіе чиновники въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу; купцы также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоаннова : для чего въ трехъ верстахъ отъ *Слободы*, прозванной *Неволею* ([152]), обыкновенно стояла воинская стража. — Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельно-

Монашеская жизнь Іоаннова.

[...]ностію успокоивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ Иноковъ: выбралъ изъ Опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, назвалъ *братіею*, себя Игуменомъ, Князя Аѳанасія Вяземскаго Келаремъ, Малюту Скуратова Параклисіархомъ ([153]); далъ имъ *тафьи*, или скуфейки, и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою ([154]); сочинилъ для нихъ уставъ Монашескій, и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ Царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ Заутренѣ; братья спѣшили въ церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до шести или семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ ([155]). Въ 8 часовъ опять собирались къ Обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу, всѣ, кромѣ Іоанна, который стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія ([156]). Между тѣмъ братья ѣли и пили досыта; всякой день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ — то есть, Царь — обѣдалъ послѣ ([157]); бесѣдовалъ съ любимцами о Законѣ; дремалъ или ѣхалъ въ темницу, пытать какого нибу[...]

вѣрности. — Затѣйливый умъ Іоанновъ изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ : они ѣздили всегда съ *собачьими головами* и съ *метлами*, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что *грызутъ* лиходѣевъ Царскихъ и *метутъ* Россію (150)!

Александровская Слобода.

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ : по крайней мѣрѣ не взлюбилъ Москвы, и съ сего времени жилъ большею частію въ Слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ : на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ (151). Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные, воинскіе чиновники въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу; купцы также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоаннова : для чего въ трехъ верстахъ отъ *Слободы*, прозванной *Неволею* (152), обыкновенно стояла воинская стража. — Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельно-

Монашеская жизнь Іоаннова.

ностію успокоивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ Иноковъ: выбралъ изъ Опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, назвалъ *братіею*, себя Игуменомъ, Князя Аѳанасія Вяземскаго Келаремъ, Малюту Скуратова Параклисіархомъ ([153]); далъ имъ *тафьи*, или скуфейки, и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою ([154]); сочинилъ для нихъ уставъ Монашескій, и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ Царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ Заутренѣ; братья спѣшили въ церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до шести или семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ ([155]). Въ 8 часовъ опять собирались къ Обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу, всѣ, кромѣ Іоанна, который стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія ([156]). Между тѣмъ братья ѣли и пили досыта; всякой день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ — то есть, Царь — обѣдалъ послѣ ([157]); бесѣдовалъ съ любимцами о Законѣ; дремалъ или ѣхалъ въ темницу, пытать какого нибудь

несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія; шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго ([158]). Въ 8 часовъ шли къ Вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ, одинъ за другимъ, разсказывали ему сказки: онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не на-долго: въ полночь вставалъ — и день его начинался молитвою ([159])! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ; иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время Заутрени или Обѣдни ([160])! Единообразіе сей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми *объѣздами:* посѣщалъ монастыри, и ближніе и дальніе, осматривалъ крѣпости на границѣ ([161]); ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ; любилъ въ особенности медвѣжью травлю ([162]); между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами: ибо Земскіе Бояре, мнимо-уполномоченные Правители Государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда пріѣзжали къ намъ знатные Послы иноземные, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой Кремлевской палатѣ, близъ церкви Св. Іоанна ([163]); являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко. Опричники, блистая въ своихъ златыхъ одеждахъ, наполняли дворецъ, но не заграждали пути къ престолу и старымъ Боярамъ: только смотрѣли на нихъ

спесиво, величаясь какъ подлые рабы въ чести недостойной.

Кромѣ сихъ любимцевъ, Іоаннъ удивительнымъ образомъ честилъ тогда нѣкоторыхъ Ливонскихъ плѣнниковъ. Въ Іюнѣ 1565 году, обвиняя Дерптскихъ гражданъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ Магистромъ (164), онъ вывелъ оттуда всѣхъ Нѣмцевъ и сослалъ въ Владиміръ, Угличь, Кострому, Нижній Новгородъ, съ женами и дѣтьми; но далъ имъ пристойное содержаніе и Христіанскаго наставника, Дерптскаго Пастора Веттермана, который могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ, чтобы утѣшать ихъ въ печальной ссылкѣ: Царь отмѣнно уважалъ сего добродѣтельнаго мужа и велѣлъ ему разобрать свою библіотеку, въ коей Веттерманъ нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима, вѣроятно Царевною Софіею (165). Нѣмцы Эберфельдъ, Кальбъ, Таубе, Крузе вступили къ намъ въ службу, и хитрою лестію умѣли вкрасться въ довѣренность къ Іоанну. Увѣряютъ даже, что Эберфельдъ склонялъ его къ принятію Аугсбургскаго Исповѣданія, доказывая ему, словесно и письменно, чистоту онаго (166)! По крайней мѣрѣ Царь дозволилъ Лютеранамъ имѣть церковь въ Москвѣ (167) и взыскалъ важную денежную пеню съ Митрополита за кукую-то обиду, сдѣланную имъ

Иноземные любимцы Іоанновы.

одному изъ сихъ иновѣрцевъ; хвалилъ ихъ обычаи, славился своимъ Германскимъ происхожденіемъ, хотѣлъ женить сына на Княжнѣ Нѣмецкой, а дочь выдать за Нѣмецкаго Князя, дабы утвердить дружественную связь съ Имперіею. Въ искреннихъ бесѣдахъ онъ жаловался чужестраннымъ любимцамъ на Бояръ, на Духовенство, и не таилъ мысли искоренить первыхъ ([168]), чтобы царствовать свободнѣе, безопаснѣе съ Дворянствомъ новымъ, или съ Опричниною, ему преданною: ибо она видѣла въ немъ своего отца и благодѣтеля, а Бояре жалѣли о временахъ Адашевскихъ, когда имъ была свобода, а Царю неволя (такъ говорилъ Іоаннъ)! Естественно не любя Россіи, страшной для сосѣдственныхъ Державъ, и желая только угождать Царю, иноземцы безъ сомнѣнія не думали выводить его изъ мрачнаго заблужденія и гнѣвить смѣлымъ языкомъ истины; могли даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть сію бурю, которая сокрушала главные столпы великой Монархіи: ибо Царь губилъ лучшихъ Воеводъ своихъ, лучшихъ совѣтниковъ Государственныхъ. Иноземцы молчали, или, вопреки совѣсти, хвалили тирана. Знаменитые Россіяне, лишаемые свободнаго доступа къ Государю, ознаменованные какъ бы презрительнымъ именемъ *Земскихъ*, нагло оскорбляемые неистовыми Кромѣшниками, угрожаемые опалою, казнію безъ вины, также молчали, вмѣстѣ съ Духовенствомъ. Но когда старецъ, Митрополитъ Аѳанасій, изнуренный тяж-

кою болѣзнію, а можетъ быть и душевною г. 1566.
горестію, оставилъ (въ 1566 г.) Митрополію [109]: тогда явился мужъ смѣлый добродѣтелію и ревностною любовію къ отечеству, который подобно Сильвестру предпріялъ исправить Царя, но, менѣе счастливый, могъ только умереть за Царство въ вѣнцѣ Мученика.

Изъявляя усердіе ко благу Церкви, Іоаннъ хотѣлъ дать ей Пастыря отличнаго Христіанскими достоинствами: выборъ палъ сперва на Архіепископа Казанскаго Германа, который долго уклонялся отъ сана опаснаго въ такихъ обстоятельствахъ Россіи и при такомъ Царѣ, но долженъ былъ, исполняя рѣшительную волю его, согласиться. Уже всѣ Епископы съѣхалися въ Москву; уже написали грамоту избирательную, и Германъ нѣсколько дней жилъ въ палатахъ Митрополитскихъ, готовясь къ посвященію. Въ сіе время, бесѣдуя съ Іоанномъ наединѣ, онъ хотѣлъ испытать его сердце: началъ говорить съ нимъ, какъ должно Первосвятителю, о грѣхахъ и Христіанскомъ покаяніи, тихо, скромно, однакожь съ нѣкоторою силою; упомянулъ о смерти, о Страшномъ Судѣ, о вѣчной мукѣ злыхъ. Іоаннъ задумался; вышелъ отъ него съ лицемъ мрачнымъ, пересказалъ любимцамъ своимъ рѣчи Архіепископа и спрашивалъ, что они думаютъ?

Алексѣй Басмановъ отвѣтствовалъ: «Ду-«маемъ, Государь, что Германъ желаетъ «быть вторымъ Сильвестромъ: ужасаетъ «твое воображеніе и лицемѣритъ, въ на-«деждѣ овладѣть тобою; но спаси насъ и «себя отъ такого Архипастыря!» Германа изгнали изъ палатъ, и Царь искалъ другаго Первосвятителя (170).

Великодушіе Митрополита Филиппа.

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями Игуменъ Филиппъ, сынъ Боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности, и служа примѣромъ строгой жизни для Иноковъ отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ: ибо сей Игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата: сдѣлалъ воздухъ благорастворённѣе (171). Безсмерт-

ный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ (172), любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова права; вѣроятно, что первый открывалъ Игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго Царя, устройствомъ и счастіемъ Царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на *край вселенныя*, и не могъ ожидать такой славы. Никто безъ сомнѣнія не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, Царь вздумалъ — мимо Святителей, мимо всѣхъ Архимандритовъ — возвести Филиппа на Митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, Царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву *для совѣта духовнаго*, отслужилъ Литургію, причастилъ всю братію, и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой Обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго Игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ (173). Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объя-

вилъ, что ему быть Митрополитомъ. Пусты
ный Инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ с
блестящей тягости; убѣждалъ его не *ввѣря
бремени великаго ладіи малой.* Царь былъ
преклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ усл
віе; сказалъ Царю: «Повинуюся твоей волѣ;
«умири же совѣсть мою: да не будетъ Опри
«нины! да будетъ только единая Россія! и
«всякое раздѣленное Царство, по глаголу Вс
«вышняго, запустѣетъ. Не могу благословля
«тебя искренно, видя скорбь отечества» (17
Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: останови
движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтств
валъ тихо: «Развѣ не знаешь, что мои хотя
«поглотить меня; что ближніе готовятъ мнѣ
«бель?» и доказывалъ необходимость сего учре
денія; но скоро выведенный изъ терпѣнія см
лыми возраженіями старца, велѣлъ ему умол
нуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Ге
ману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣ
противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ да
ему славы гонимаго за добродѣтель: желал
склонить его къ безмолвію, явить слабымъ
глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастником
въ новыхъ правилахъ своего царствовані
Главные Пастыри Церковные служили для то
орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣ
дали Филиппа принять санъ Митрополита бе
всякаго условія, думать единственно о бла
Церкви, не гнѣвить Государя дерзостію, но ут
лить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кр

гостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ Святителя есть молиться и наставлять Царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ Царства (175). Нѣкоторые изъ Святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ее; другіе — именно, Пименъ Новогородскій, Филоѳей Рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго Царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ Архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, Которое властвуетъ надъ Царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: «да будетъ, что угодно Государю и Церковнымъ Пастырямъ!»

Написали грамоту (176), въ коей сказано, что новый, избираемый Митрополитъ далъ слово Архіепископамъ и Епископамъ не вступаться въ Опричнину Государеву и не оставлять Митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписами, и Филиппъ, заявленный

врагъ Опричнины, былъ немедленно возведен
на Митрополію ([177]), къ общему удовольстві
народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоа
новыхъ. Казалось, что Государь одержалъ счас
ливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добро
дѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаружи
свою важную мысль: Россіяне узнали, чего он
желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣ
такого Первосвятителя. Всѣ добрые слушали с
восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго Ми
трополита къ Іоанну, истинно пастырскую:
долгѣ Державныхъ быть отцами подданных
блюсти справедливость, уважать заслуги; о гну
ныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престол
ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ стр
стямъ, а не отечеству, — хвалятъ достойн
хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнност
земнаго величія; о побѣдахъ *невооруженн
любви*, которыя пріобрѣтаются государственн
ми благодѣяніями и еще славнѣе *побѣдъ ра
ныхъ* ([178]). Казалось, что самъ Іоаннъ внимал
съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно мо
чавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любе
ный для него гласъ напомнилъ ему время счас
ливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную.-
Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, в
надеждахъ для столицы. Затихли жалобы
Кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь л
скалъ Митрополита; а сей добродѣтельный ст
рецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую П
стыню и строгій обѣтъ своей юности, начал

строить въ Москвѣ церковь во имя ея Святыхъ, Зосимы и Савватія (179).

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притворства Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ Слободскаго вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву. Хотѣвъ удивить Россію избраніемъ Митрополита, о коемъ никто не думалъ, Іоаннъ не замедлилъ увидѣть въ немъ орудіе ненавистныхъ Бояръ; увѣрялъ себя, что они внушили ему мысль требовать уничтоженія Опричнины (180) и возмущаютъ народъ противъ сей Царской дружины: ибо Кромѣшники, посылаемые въ столицу для наблюденій, доносили, что граждане бѣгаютъ отъ нихъ какъ отъ язвы, на улицахъ и площадяхъ; что все безмолвствуетъ, гдѣ явится Опричникъ. Въ воображеніи Іоанна составились ковы и заговоры: надлежало открыть, доказать ихъ — и слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ новымъ убійствамъ. Главнымъ Боярамъ Московскимъ, Князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому, Конюшему Ивану Петровичу Ѳедорову, тайно вручили грамоты, подписанныя Королемъ Сигизмундомъ и Литовскимъ Гетманомъ Хоткѣвичемъ: Король и Гетманъ убѣждали ихъ оставить Царя жестокаго, звали къ себѣ, обѣщали имъ Удѣлы; напоминали двумъ первымъ, что они Литов-

Третія эпоха убійствъ.

скаго роду: третьему, что онъ былъ нѣкогд
Владѣтельнымъ Княземъ; а Конюшему Ѳедоро-
ву, что Царь уже давалъ ему чувствовать гнѣв
свой въ разныхъ случаяхъ (181). Бояре, предста
вивъ сіи грамоты Іоанну, отвѣтствовали Королю
что склонять вѣрныхъ подданныхъ къ измѣн
есть дѣло безчестное; что они умрутъ за Царя
добраго, ужаснаго для однихъ злодѣевъ; чт
если Король желаетъ вызвать ихъ изъ Россіи
то пусть отдастъ имъ всю Литву, Галицію
Пруссію, Жмудь, Бѣлорусію, Волынскую и По-
дольскую землю. Ѳедоровъ писалъ къ Сигиз-
мунду: «Какъ могъ ты вообразить, чтобы я
«занося ногу во гробъ, вздумалъ погубить душ
«свою гнусною измѣною? Что мнѣ у тебя дѣ-
«лать? Водить полковъ твоихъ я не въ силахъ
«пировъ не люблю, веселить тебя не умѣю, пля-
«скамъ вашимъ не учился.» Въ письмѣ къ Гет-
ману Хоткѣвичу онъ прибавилъ: «Чѣмъ может
«обольстить меня? я богатъ и знатенъ. Угро-
«жаешь мнѣ гнѣвомъ Царя: вижу отъ нег
«только милости.» Самъ Іоаннъ взялся, какъ вѣ
роятно, доставить Королю сіи отвѣты, писан-
ные однимъ слогомъ; но доставилъ ли, неиз-
вѣстно: по крайней мѣрѣ, любя всегда упрекат
Сигизмунда козними, нигдѣ въ сношеніяхъ с
Литвою не упоминаетъ о такомъ безчестномъ
неосторожномъ подманѣ нашихъ Вельможъ
Если Государь составленіемъ мнимыхъ Коро-
левскихъ грамотъ испытывалъ вѣрность Бояр
своихъ, то она симъ случаемъ была доказана в

его глазахъ, но не въ глазахъ Россіи: гражданинъ, дающій врагамъ надежду склонить его къ измѣнѣ, уже омрачается какою-то подозрительною тѣнію. На сей разъ Князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій, уцѣлѣли; но Θедоровъ, мужъ старыхъ обычаевъ, украшенный воинскою славою и сѣдиною государственной опытности, бывъ 19 лѣтъ въ знатномъ санѣ Конюшаго (182) и начальникомъ Казеннаго Приказа, Вельможа щедрый, пышный, сдѣлался предметомъ клеветы. Еще онъ ревностно служилъ Царю, доживая вѣкъ свой съ супругою *святою*, не имѣя дѣтей, и готовился дать отчетъ Судіи вышнему, когда земный судія объявилъ его главою заговорщиковъ, повѣривъ или вымысливъ, что сей ветхій старецъ думаетъ свергнуть Царя съ престола и властвовать надъ Россіею. Іоаннъ спѣшилъ разрушить мнимый ужасный заговоръ: въ присутствіи всего Двора, какъ пишутъ (183), надѣлъ на Θедорова Царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руку, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: «Здравъ буди, великій Царь земли Русскія! Се пріялъ ты отъ меня честь, тобою желаемую! Но имѣя власть сдѣлать тебя Царемъ, «могу и низвергнуть съ престола!» Сказавъ, ударилъ его въ сердце ножемъ: Опричники дорѣзали старца, извлекли обезображенное тѣло изъ дворца, бросили псамъ на снѣденіе; умертвили и престарѣлую жену Конюшаго Марію. Потомъ казнили всѣхъ мнимыхъ единомышлениковъ

невиннаго: Князей Ивана Андреевича Куракина-Булгакова, Дмитрія Ряполовскаго (мужественнаго воина, одержавшаго многія побѣды надъ Крымцами), и трехъ Князей Ростовскихъ. Одинъ изъ нихъ воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ ([184]): присланные изъ Москвы Кромѣшники, числомъ тридцать, нашли его тамъ стоящаго въ церкви и сказали: «Князь Ростовскій! «велѣніемъ Государя ты нашъ узникъ.» Воевода, бросивъ на землю Властительскую булаву свою, спокойно отдался имъ въ руки. Его раздѣли, повезли обнаженнаго, и въ двадцати верстахъ, на берегу Волги, остановились: онъ спросилъ хладнокровно, зачѣмъ? «Поить коней,» отвѣтствовали Кромѣшники. «Не конямъ (сказалъ несчаст-«ный), а мнѣ пить сію воду, и не выпить!» Ему въ тоже мгновеніе отсѣкли голову; тѣло кинули въ рѣку, а голову положили къ ногамъ Іоанна, который, оттолкнулъ ее, злобно смѣялся и говорилъ, что сей Князь, любивъ обагряться кровію непріятелей въ битвахъ, наконецъ обагрился и собственною ([185]). Князь Петръ Щенятевъ, знаменитый Полководецъ, думалъ укрыться отъ смерти въ монастырѣ: отказался отъ свѣта, отъ имѣнія, отъ супруги и дѣтей; но убійцы нашли его въ келліи и замучили: жгли на
Г. 1563-1564. сковородѣ (какъ повѣствуетъ Курбскій), вбивали ему иглы за ногти. Князь Иванъ Турун-

тай Пронскій, сѣдый старецъ, служилъ еще отцу Іоаннову, участвовалъ во всѣхъ походахъ, во всѣхъ битвахъ, славнѣйшихъ для Россіи, и также хотѣлъ быть наконецъ Монахомъ: его утопили (186). Казначея Государева, именемъ Хозяина Юрьевича Тютина (187), славнаго богатствомъ, разсѣкли на части, вмѣстѣ съ женою, съ двумя сыновьями младенцами, съ двумя юными дочерьми: сію казнь совершилъ Князь Михайло Темгрюковичь Черкасскій, братъ Царицы! Такъ же истерзали и Печатника или Думнаго Дьяка Казарина Дубровскаго. Многихъ другихъ именитыхъ людей умертвили, когда они, ничего не вѣдая, шли спокойно или въ церковь, или въ свои Приказы. Опричники, вооруженные длинными ножами, сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ, убивали всенародно, человѣкъ десять или двадцать въ день; трупы лежали на улицахъ, на площадяхъ: никто не смѣлъ погребать ихъ (188). Граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ.

Безмолствовалъ и добродѣтельный Митрополитъ для гражданъ и Бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а Царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя жестокія укоризны, къ несчастію безполезныя (189): убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые Вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленныя стогны (190): онъ утѣшалъ горестныхъ, именемъ Отца Небеснаго; далъ имъ слово

не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

г. 1568. Однажды, въ день Воскресный, въ часъ Обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми Боярами и множествомъ Опричниковъ, входитъ въ Соборную Церковь Успенія: Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приближился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ Бояре сказали: «Святый Владыко! се Государь: благослови «его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ «одѣяніи странномъ не узнаю Царя право«славнаго; не узнаю и въ дѣлахъ Цар«ства. . . . . . О Государь! мы здѣсь прино«симъ жертвы Богу, а за Олтаремъ льется «невинная кровь Христіанская. Отколѣ «солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не «слыхано, чтобы Цари благочестивые воз«мущали собственную Державу столь ужа«сно (191)! Въ самыхъ невѣрныхъ, язы«ческихъ Царствахъ есть законъ и правда, «есть милосердіе къ людямъ — а въ Россіи «нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ «не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ «убійства — и совершаются именемъ Цар«скимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть

«Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его? обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!... Государь! вѣщаю яко Пастырь душъ. Боюся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишно щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. — На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ Князь Василій Пронскій (192). Всѣхъ главныхъ сановниковъ Митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого Первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе — и между тѣмъ что дѣлалъ?

Такъ пишутъ очевидцы (193): въ Іюлѣ мѣсяцѣ, 1568 года, въ полночь, любимцы Іоанновы, Князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Василій Грязной, съ Царскою дружиною вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, Дьякамъ, купцамъ; взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывезли изъ города. Въ слѣдъ за ними, по восхожденіи солнца, выѣхалъ и самъ Іоаннъ, окруженный тысячами Кромѣшниковъ. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, дру-

не щадить своей жизни для спасені
и сдержалъ оное.

г. 1568. Однажды, въ день Воскресный,
Обѣдни, Іоаннъ, провождаемый
рыми Боярами и множествомъ О
ковъ, входитъ въ Соборную Церко
нія: Царь и вся дружина его были
ныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыка
трополитъ Филиппъ стоялъ въ це
своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приближи
нему и ждалъ благословенія. Митр
смотрѣлъ на образъ Спасителя, не
ни слова. Наконецъ Бояре сказали
«тый Владыко! се Государь: бла
«его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Ф
отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ,
«одѣяніи странномъ не узнаю Цар
«славнаго; не узнаю и въ дѣлах
«ства. . . . . О Государь! мы здѣсь
«симъ жертвы Богу, а за Олтаремъ
«невинная кровь Христіанская.
«солнце сіяетъ на небѣ, не вида
«слыхано, чтобы Цари благочестив
«мущали собственную Державу сто
«сно ([191])! Въ самыхъ невѣрныхъ
«ческихъ Царствахъ есть законъ и
«есть милосердіе къ людямъ — а въ
«нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гр
«не имѣютъ защиты. Вездѣ грабеж
«убійства — и совершаются имене
«скимъ! Ты высокъ на тронѣ;

, Судія нашъ и твой. Какъ предста-
ъ Его? обагренный кровію невин-
ушаемый воплемъ ихъ муки? ибо
ни подъ ногами твоими вопіютъ о
осударь! вѣщаю яко Пастырь душъ.
ода единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ
лъ жезломъ о камень и сказалъ го-
шнымъ: «Чернецъ! доселѣ я из-
илъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ
ымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ
На другой день были новыя казни.
атныхъ погибъ Князь Василій Прон-
сѣхъ главныхъ сановниковъ Митро-
взяли подъ стражу, терзали, допра-
йныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и
вѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возло-
а самого Первосвятителя, любимаго,
родомъ болѣе, нежели когда нибудь;
у ударъ, но имѣлъ терпѣніе — и
что дѣлалъ?

утъ очевидцы ([193]): въ Іюлѣ мѣся-
а, въ полночь, любимцы Іоанновы,
сій Вяземскій, Малюта Скуратовъ,
зной, съ Царскою дружиною вломи-
ы ко многимъ знатнымъ людямъ,
упцамъ; взяли ихъ женъ, извѣст-
ою, и вывезли изъ города. Въ слѣдъ
восхожденіи солнца, выѣхалъ и
, окруженный тысячами Кромѣшни-
ервомъ ночлегѣ ему представили
збралъ *нѣкоторыхъ для себя*, дру-

гихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы Бояръ опальныхъ, казнилъ ихъ вѣрныхъ слугъ, даже истреблялъ скотъ, особенно въ Коломенскихъ селахъ убитаго Конюшаго Ѳедорова (194); возвратился въ Москву, и велѣлъ ночью развезти женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ стыда и горести.

Убѣгая Митрополита, Царь однакожь видалъ его въ церкви. Въ день Свв. Апостоловъ, Прохора и Никанора, 28 Іюля (195), Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и Царь съ Опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ *тафьѣ:* Митрополитъ увидѣвъ сіе безчиніе остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ Государю; но Опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ Государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ Митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ (196), клялся, что уличитъ его во всемъ — и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ Духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ Протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ (197). Немедленно отправились въ Соловки Епископъ Суздальскій Пафнутій, Архимандритъ Андрониковскій Ѳеодосій и Князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмано-

вымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но Царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы Царскіе то ласкали, то ужасали Монаховъ Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго Игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ Глава, Игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться Епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли Митрополиту явиться на судъ. Царь, Святители, Бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, Митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго (198); а Царю: «Государь, Великій «Князь! ты думаешь, что я боюся тебя или «смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости «безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни «мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, же«лаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, «моему и твоему Господу. Лучше умереть невин«нымъ мученикомъ, нежели въ санѣ Митропо«лита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія «сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ «угодно. Се жезлъ Пастырскій; се бѣлый кло-

«букъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить «меня. А вы, Святители, Архимандриты, Игу«мены и всѣ служители Олтарей! пасите вѣрно «стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ, и «страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели «земнаго» (199). Онъ хотѣлъ удалиться: Царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь Святительскую и еще служить Обѣдню въ день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ Бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ Опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ Соборомъ Духовенства лишенъ сана Пастырскаго. Воины вступили въ Олтарь, сорвали съ Митрополита одежду Святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ Обитель Богоявленія (200). Народъ бѣжалъ за Митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитеся!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи (201). Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ

молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, — вспомнить, какъ царствовали его предки (202), какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ Обитель Св. Николая *Стараго*, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича (203), и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви граждань Московскихъ ко сверженному Митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ Обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости (204) — Царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго Митрополита, Троицкаго Архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа (205).

Освободивъ себя отъ Архипастыря строгаго, непреклоннаго, и давъ сей важный санъ Иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Іоаннъ могъ тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ необузданнѣе свирѣпствовать; дотолѣ губилъ людей: оттолѣ цѣлыс

города. Началося съ Торжка, гдѣ нео
вые Опричники, въ день ярмонки, за
ссору и драку съ жителями: Царь
явилъ гражданъ бунтовщиками; ве
ихъ мучить, топить въ рѣкѣ. То же
лалось въ Коломнѣ и такія же были
ствія (206). Къ сему городу принадле
помѣстья несчастнаго Ѳедорова: жи
любили его и казались Іоанну мяте
ками (207).

Однимъ словомъ, тиранство созрѣл
конецъ онаго былъ еще далеко! Нич
могло обезоружить свирѣпаго: ни см
ніе, ни великодушіе жертвъ, ни с
естественныя бѣдствія сего времени:
Россія, омрачаемая ужасами мучитель
Язва. была тогда же казнима язвою, пришед
къ намъ изъ Эстоніи или Швеціи (208)
Іюлѣ 1566 года началося моровое повѣ
въ Новогородской Шелонской Пятин
черезъ мѣсяцъ и въ Новѣгородѣ, Поло
Озерищѣ, Невлѣ, Великихъ-Лукахъ,
ропцѣ, Смоленскѣ. Люди умирали ск
постижно, *знаменіемъ*, какъ сказано
лѣтописи: вѣроятно, пятномъ или н
вомъ. Многія деревни опустѣли, м
домы затворилися въ городахъ; це
стояли безъ пѣнія, лишенныя Іереевъ
торые не берегли себя въ усердномъ ис
неніи своихъ обязанностей; на мѣсто
присылали Священниковъ изъ другихъ

родовъ. Умирало болѣе Духовныхъ и гражданъ, нежели воинскихъ людей. Язва дошла и до Можайска: Царь учредилъ тамъ заставу, и не велѣлъ никого пускать въ столицу изъ мѣстъ зараженныхъ. Сообщеніе пересѣклось между многими городами. Мучились страхомъ, терпѣли нужду, дороговизну. Въ разныхъ областяхъ были неурожаи: въ Казанской и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которыя *тучами* выходили изъ лѣсовъ, ѣли хлѣбъ на корню, въ скирдахъ, въ житницахъ, такъ, что земледѣльцы не могли защитить себя отъ сихъ животныхъ (209). Повѣтріе утишилось въ началѣ весны, но еще нѣсколько разъ возобновлялось.

Въ сихъ внутреннихъ бѣдствіяхъ Государства, въ семъ уныніи Вельможъ и народа, Іоаннъ не слабѣлъ въ дѣлахъ войны и Политики внѣшней: еще являлся съ блескомъ и величіемъ въ отношеніи къ другимъ Державамъ. Литовцы въ нападеніяхъ на Россію нигдѣ не имѣли успѣха: изъ Смоленска Бояринъ Морозовъ, изъ Полоцка Князь Андрей Ногтевъ писали къ Государю, что легкіе отряды наши вездѣ бьютъ непріятеля (210). Съ Тавридою мы хотѣли мира; но Казанскіе бѣглецы, Князь Спатъ, Ямгурчей-Азы, Уланъ Ахмаметъ, сильные при *Дворѣ Хана*, доказывали ему,

Г. 1565-1569.

Воинскія дѣйствія и переговоры.

что Іоаннъ обманываетъ его : говоритъ о мирѣ, а велитъ Козакамъ строить городъ на Дону, готовитъ суда на Пслѣ, на Днѣпрѣ, имѣя намѣреніе взять Азовъ, открыть себѣ путь въ Тавриду; что сей Царь умнѣе, счастливѣе, слѣдственно опаснѣе всѣхъ прежнихъ Государей Московскихъ; что онъ, будучи въ войнѣ съ Ханомъ, умѣлъ завоевать Казань, Астрахань, Ливонію, Полоцкъ, — овладѣлъ землею Черкесскою, располагаетъ Ногаями; что если Девлетъ-Гирей выдастъ Короля Сигизмунда, то Царю не станетъ Польши и на годъ; что истребивъ Короля, Іоаннъ на досугѣ истребитъ и послѣдній Юртъ Батыевъ. Сіи представленія имѣли дѣйствіе; а еще болѣе дары Сигизмунда, который послалъ вдругъ 30,000 золотыхъ въ алчную Тавриду — и Ханъ снова обнажилъ мечь, написавъ къ Іоанну: «Вспомни, что предки твои рады были своей «землѣ, а Мусульманскихъ не трогали; если «хочешь мира, то отдай мнѣ Астрахань и Ка«зань» (211)! Но Государь остерегся. Въ степяхъ Донскихъ разъѣзжали Козаки для открытія первыхъ движеній непріятеля; въ городахъ стояло войско: другое, главное, подъ начальствомъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князей Бѣльскаго и Мстиславскаго, на берегу Оки. Въ Сентябрѣ (1565 года) Ханъ перешелъ Донецъ, везъ тяжелыя пушки съ собою на телегахъ, и 7 Октября приступилъ къ Болхову. Тамъ были Воеводами Князья Иванъ Золотой и Василій Кашинъ: они сдѣлали вылазку; бились мужественно; не дали Крымцамъ

сжечь посада; взяли плѣнниковъ — а Бѣльскій и Мстиславскій уже приближались. Ханъ бѣжалъ ночью, жалуясь на Литву: ибо Король, убѣждая его воевать Россію, клялся дѣйствовать противъ насъ съ другой стороны всѣми силами, и не исполнилъ обѣщанія (212).

Между тѣмъ Посолъ нашъ, Аѳанасій Нагой, жилъ въ Тавридѣ; дѣйствовалъ неутомимо; подкупалъ Евреевъ, чиновниковъ Ханскихъ; имѣлъ вездѣ лазутчиковъ; опровергалъ ложные слухи, распускаемые врагами нашими о кончинѣ Іоанновой (213); зналъ все, и писалъ къ Государю, что Девлетъ-Гирей сносится съ Казанскими Татарами, Мордвою, Черемисою: тайные Послы сихъ измѣнниковъ увѣряли Хана, что онъ, вступивъ въ ихъ землю, найдетъ между ими 70,000 усердныхъ сподвижниковъ, и что ни одного Россіянина не останется живаго ни въ Свіяжскѣ, ни въ Казани (214). Когда Ханъ понуждалъ Аѳанасія выѣхать изъ Тавриды, сей ревностный слуга Іоанновъ отвѣтствовалъ: «умру здѣсь, а не выѣду безъ окончанія дѣлъ» (215) — то есть, безъ мира, и не терялъ надежды. Иногда Литовская, иногда наша сторона одерживала верхъ въ Ханской Думѣ, такъ, что Девлетъ-Гирей съ дозволенія Султанова въ 1567 году разорилъ часть Королевскихъ владѣній за неисправный платежъ *дани* (216); однакожь и съ нами не утверждалъ мира: требовалъ отъ Іоанна богатѣйшихъ даровъ, какіе присылались изъ Москвы Магметъ-Гирею; запрещалъ Россіи вступаться въ

Черкесскую землю. Государь нѣсколько разъ совѣтовался съ Боярами: отклоняя требованія Хана, предлагалъ ему женить сына или внука на дочери Царя Шигъ-Алея и взять за нею въ приданое городъ отца ея, Касимовъ: ибо сей знаменитый изгнанникъ тогда умеръ (почти въ одно время съ другими бывшими Царями Казанскими (217), Симеономъ и Александромъ). Но Девлетъ-Гирей размышлялъ, колебался, и снова требовалъ невозможнаго: то есть, Астрахани и Казани.

Съ Литвою мы также были въ переговорахъ. Казалось, что Сигизмундъ искренно желалъ конца войны, для него тягостной; казалось, что и Царь хотѣлъ отдохновенія. Съ обѣихъ сторонъ изъявляли рѣдкую уступчивость. Единственно для соблюденія стараго обычая, Великіе Послы Королевскіе (218), пріѣхавъ въ Москву, требовали Смоленска, а наши Бояре Кіева, Бѣлорусіи и Волыніи: ни мы, ни они въ самомъ дѣлѣ не помышляли о семъ невозможномъ возвратѣ. Сигизмундъ уступалъ намъ даже Полоцкъ; а Государь велѣлъ сказать Посламъ: «любя спокойствіе Христіанъ, я уже не требую «Царскаго титула отъ Короля: довольно, что «всѣ иные Вѣнценосцы даютъ мнѣ оный.» Затрудненіе состояло въ Ливоніи: Сигизмундъ предлагалъ, чтобы каждому владѣть въ ней своею частію, ему и намъ; чтобы общими силами изгнать Шведовъ изъ Эстоніи и раздѣлить *ее между* Польшею и Россіею: въ такомъ слу-

чѣ обязывался быть истиннымъ другомъ Іоанну и называть его Царемъ. Но Царь хотѣлъ Риги, Вендена, Вольмара, Ронне-бурга, Кокенгузена: за что уступалъ Королю Озерище, Лукомль, Дриссу, Курляндію и 12 городковъ въ Ливоніи; освобождалъ безденежно всѣхъ плѣнниковъ Королевскихъ, а своихъ выкупалъ. Послы стояли за Ригу, за Венденъ; наконецъ сказали Боярамъ, что истинный, твердый миръ всего скорѣе можетъ быть заключенъ между ихъ Государями въ личномъ свиданіи на границѣ. Сія мысль сперва полюбилась Іоанну. Избрали мѣсто: Царю надлежало пріѣхать въ Смоленскъ, Королю въ Оршу, каждому съ пятью тысячами благородныхъ воиновъ. Но Послы не брали на себя условиться въ обрядахъ свиданія: на примѣръ, Іоаннъ желалъ въ первый день угостить Сигизмунда въ своемъ шатрѣ: что имъ казалось несовмѣстно съ достоинствомъ Государя ихъ (219). Миновало около двухъ мѣсяцевъ въ переговорахъ.

Тогда (въ Юлѣ 1566 года) Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ въ Земскую Думу не только знатнѣйшее Духовенство, Бояръ, Окольничихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, Казначеевъ, Дьяковъ, Дворянъ *первой* и *второй статьи* (220), но и гостей, купцевъ, помѣщиковъ иногородныхъ; отдалъ имъ на судъ переговоры Земская Дума.

наши съ Литвою, и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ Королемъ? Въ собраніи находилось 339 человѣкъ. Всѣ отвѣтствовали — Духовенство за себя, Бояре, сановники, граждане также особенно, но единогласно — что Государю безъ вреда для Россіи уже не льзя быть снисходительнѣе; что Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева или Дерпта, самаго Пскова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и *затворится*, если сіи города Ливонскіе останутся у Короля; что Государи вольны видѣться на границѣ для тишины Христіанъ, но что Сигизмундъ по видимому намѣренъ только длить время, дабы между тѣмъ устроить запутанныя дѣла въ своемъ отечествѣ, примириться съ Цесаремъ, умножить войско въ Ливоніи. Духовенство прибавило: «Государь! твоя власть «дѣйствовать, какъ вразумитъ тебя Богъ; намъ «должно молиться за Царя, а совѣтовать непристойно.» Воинскіе чиновники изъявили готовность пролить кровь свою въ битвахъ; граждане вызывались отдать Царю послѣднее достояніе на войну, если гордый Сигизмундъ отвергнетъ предлагаемыя ему условія для мира. Была ли свобода во мнѣніяхъ, была ли искренность въ отвѣтѣ сей Земской или Государственной Думы? Но совѣщаніе имѣло видъ торжественный, и народъ съ благоговѣніемъ видѣлъ Іоанна не среди Опричниковъ ненавистныхъ, а въ истинномъ величіи Государя, внимающаго гласу отечества изъ устъ Россіянъ знаменитѣйшихъ: явленіе

достойное лучшихъ временъ Іоаннова Царствованія!

Дума утвердила сей приговоръ грамотою; а Панамъ Королевскимъ сказали, что Государь чрезъ своихъ Пословъ объяснится съ Королемъ, соглашаясь между тѣмъ прекратить воинскія дѣйствія и размѣняться плѣнниками (221). Симъ кончилось дѣло. Въ слѣдъ за Послами Литовскими (въ 1567 году) отправились къ Сигизмунду наши, Бояринъ Умной-Колычевъ и Дворецкій Григорій Нагой, уполномоченные подписать миръ: что было новостію: ибо прежніе договоры съ Литвою совершались единственно въ Москвѣ. Сигизмундъ встрѣтилъ нашихъ Бояръ въ Гроднѣ: когда они вошли къ нему, всѣ Литовскіе Вельможи встали; но Послы увидѣли тутъ Князя Андрея Курбскаго и съ презрѣніемъ отвратились (222): имъ велѣно было требовать головы сего измѣнника! Девять разъ они съѣзжались съ Королевскими Панами и не могли ни въ чемъ согласиться: Іоаннъ непремѣнно хотѣлъ, изгнавъ Шведовъ и Датчанъ, владѣть всею Ливоніею, уступая Сигизмунду Курляндію. Не смотря на свое искреннее желаніе мира, Король отвергнулъ сіи предложенія; не согласился выдать и Курбскаго. Рѣшились продолжать войну. «Я вижу» — писалъ Сигизмундъ къ Іоанну — «что ты хочешь кровопролитія; говоря о мирѣ, «приводишь полки въ движеніе. Надѣюсь, что «Господь благословитъ мое оружіе въ защитѣ «необходимой и справедливой.»

Полки наши дѣйствительно шли изъ Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска къ Великимъ Лукамъ. Цѣлію была Ливонія. Основавъ на Литовской границѣ новыя крѣпости Усвятъ, Улу, Соколъ, Копіе ([223]), Государь съ Царевичемъ Іоанномъ выѣхалъ изъ Москвы къ войску. 5 Октября, въ полѣ, близъ Мѣднаго, представили ему Посланника Королевскаго, Юрія Быковскаго, съ упомянутымъ письмомъ Сигизмундовымъ. Іоаннъ сидѣлъ въ шатрѣ, вооруженный, въ полномъ доспѣхѣ, среди Бояръ, многихъ чиновниковъ, также вооруженныхъ съ головы до ногъ, и сказалъ ему: «Юрій! мы посылали къ брату на-«шему, Сигизмунду Августу, своихъ знатныхъ «Бояръ съ предложеніемъ весьма умѣреннымъ. «Онъ задержалъ ихъ въ пути, оскорблялъ, без-«честилъ. И такъ не дивися, что мы сидимъ въ «доспѣхѣ воинскомъ: ибо ты пришелъ къ намъ «отъ брата нашего съ язвительными стрѣла-«ми» ([224]). Спросивъ Юрія о здравіи Королевскомъ, приказавъ ему сѣсть, но не давъ руки, Іоаннъ выслалъ изъ шатра всѣхъ чиновниковъ ратныхъ, кромѣ Совѣтниковъ, Большихъ Дворянъ и Дьяковъ; выслушалъ рѣчь Посланника, велѣлъ угостить его въ другой ставкѣ и немедленно отослать — въ темницу Московскую! Сіе нарушеніе Права Народнаго безъ сомнѣнія не извинялось грубыми выраженіями письма Королевскаго и тѣмъ, что Бояре Колычевъ и Нагой, пріѣхавъ тогда же въ станъ къ Іоанну, жаловались ему на худые съ ними поступки въ Литвѣ.

Кромѣ множества сановниковъ, тѣлохранителей, провождали Царя Суздальскій Епископъ Пафнутій, Архимандритъ Θеодосій, Игуменъ Никонъ, до Новагорода, гдѣ онъ жилъ 8 дней, усердно моляся въ древнемъ Софійскомъ храмѣ и занимаясь распоряженіемъ полковъ, чтобы итти къ Ливонскимъ городамъ, Лужѣ и Рѣзицѣ. Но вдругъ воинскій жаръ его простылъ: встрѣтились затрудненія, опасности, коихъ Іоаннъ не предвидѣлъ, и для того призвалъ всѣхъ главныхъ Воеводъ на совѣтъ. Они 12 Ноября съѣхалися близъ Краснаго, въ селеніи Оршанскомъ (225), и разсуждали съ Царемъ, начать ли осаду непріятельскихъ городовъ или отложить походъ: ибо за худыми дорогами обозы съ тяжелымъ снарядомъ двигались медленно къ границѣ, лошади падали, люди разбѣгались; надлежало ждать долго и стоять въ мѣстахъ скудныхъ хлѣбомъ. Узнали также, что Король собираетъ войско въ Борисовѣ, замышляя итти зимою къ Полоцку и Великимъ Лукамъ. Боялись утомить рать осадою крѣпостей, въ то время, когда непріятель съ другой стороны можетъ явиться въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ; а всего болѣе опасались найти язву въ Ливоніи, гдѣ, по слуху, многіе люди умирали отъ заразительныхъ болѣзней (226). Рѣшили, чтобы Государю ѣхать назадъ въ Москву, а Воеводамъ стоять въ Великихъ Лукахъ, въ Торопцѣ, и наблюдать непріятеля.

Такимъ образомъ Іоаннъ не безъ внутренней

Полки наши дѣйствительно и
Дорогобужа, Смоленска къ Ве
Цѣлію была Ливонія. Основа
границѣ новыя крѣпости Усвят
Копіе (223), Государь съ Царе
выѣхалъ изъ Москвы къ войску
полѣ, близъ Мѣднаго, предста
ника Королевскаго, Юрія Быко
мянутымъ письмомъ Сигизмун
сидѣлъ въ шатрѣ, вооруженны
доспѣхѣ, среди Бояръ, многих
также вооруженныхъ съ головы
залъ ему: «Юрій! мы посылал
«шему, Сигизмунду Августу, св
«Бояръ съ предложеніемъ весьм
«Онъ задержалъ ихъ въ пути, ос
«честилъ. И такъ не дивися, что
«доспѣхѣ воинскомъ: ибо ты пр
«отъ брата нашего съ язвител
«ми» (224). Спросивъ Юрія о зд
скомъ, приказавъ ему сѣсть, но
Іоаннъ выслалъ изъ шатра всѣх
ратныхъ, кромѣ Совѣтниковъ,
рянъ и Дьяковъ; выслушалъ рѣч
велѣлъ угостить его въ другой
ленно отослать — въ темницу М
нарушеніе Права Народнаго *без*
извинялось грубыми выраженіями
левскаго и тѣмъ, что Бояре Коль
пріѣхавъ тогда же въ станъ къ І
лись ему на худые съ ними посту

множества сановниковъ, тѣлохрани-
ювождали Царя Суздальскій Епископъ
, Архимандритъ Ѳеодосій, Игуменъ
до Новагорода, гдѣ онъ жилъ 8 дней,
юляся въ древнемъ Софійскомъ храмѣ
ясь распоряженіемъ полковъ, чтобы
Ливонскимъ городамъ, Лужѣ и Рѣзицѣ.
ъ воинскій жаръ его простылъ: встрѣ-
атрудненія, опасности, коихъ Іоаннъ не
лъ, и для того призвалъ всѣхъ глав-
еводъ на совѣтъ. Они 12 Ноября съѣ-
близъ Краснаго, въ селеніи Оршан-
[25]), и разсуждали съ Царемъ, начать ли
пріятельскихъ городовъ или отложить
ибо за худыми дорогами обозы съ
гъ снарядомъ двигались медленно къ
, лошади падали, люди разбѣгались;
ло ждать долго и стоять въ мѣстахъ
ъ хлѣбомъ. Узнали также, что Король
тъ войско въ Борисовѣ, замышляя итти
ъ Полоцку и Великимъ Лукамъ. Боялись
рать осадою крѣпостей, въ то время,
епріятель съ другой стороны можетъ
въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ; а
олѣе опасались найти язву въ Ливоніи,
слуху, многіе люди умирали отъ зарази-
хъ болѣзней ([226]). Рѣшили, чтобы Госу-
хать назадъ въ Москву, а Воеводамъ
въ Великихъ Лукахъ, въ Торопцѣ, и на-
непріятеля.

мъ *образомъ Іоаннъ* не безъ внутренней

досады возвратился въ столицу; но, къ утѣшенію его самолюбія, Король Польскій сдѣлалъ тоже: (въ 1568 году) собравъ 60,000 или болѣе воиновъ (227), хваляся по слѣдамъ Ольгерда устремиться къ Москвѣ, и дѣйствительно выступивъ въ поле съ Дворомъ блестящимъ, Сигизмундъ нѣсколько недѣль стоялъ праздно въ Минской области, распустилъ главное войско, и самъ уѣхавъ въ Гродно, послалъ только отряды въ западную Россію. Подъ Улою Литовцы претерпѣли великій уронъ (228); но имѣли и нѣкоторыя выгоды. Строеніемъ новой крѣпости, названной Копіемъ, управляли Князья Петръ Серебряный и Василій Палицкій: Литовцы въ нечаянномъ нападеніи убили Палицкаго; а Князь Серебряный едва ускакалъ въ Полоцкъ (229). Близъ Велижа плѣнивъ знатнаго чиновника Петра Головина, они истребили нѣсколько селеній въ Смоленской области, и какимъ-то обманомъ взяли Изборскъ (въ началѣ 1569 года); но Россіяне выгнали ихъ немедленно: громили Польскую Ливонію, сожгли большую часть Витебска (230). Между тѣмъ размѣнивались плѣнниками на границѣ: Іоаннъ освободилъ Королевскаго Воеводу Довойну, Сигизмундъ Князя Темкина. Жена Довойны умерла въ Москвѣ: Царь согласился отпустить ея тѣло въ Литву, съ условіемъ, чтобы Король прислалъ въ Москву тѣло Князя Петра Шуйскаго: о чемъ просили добрые сыновья сего несчастнаго Воеводы (231).

Уваживъ совѣтъ Бояръ не прерывать мир-
ныхъ сношеній съ Литвою (232), Государь осво-
бодилъ Посланника Сигизмундова, семь мѣсяцевъ
страдавшаго въ темницѣ; далъ ему видѣть лице
свое, говорилъ съ нимъ милостиво; сказалъ:
«Юрій! ты вручилъ намъ письмо столь грубое,
«что тебѣ не надлежало бы остаться живымъ;
«но мы не любимъ крови. Иди съ миромъ къ
«Государю своему, который забылъ тебя въ
«несчастіи. Мы готовы съ нимъ видѣться; го-
«товы прекратить бѣдствія войны. Кланяйся отъ
«насъ брату, Королю Сигизмунду Августу.» На-
чались снова переговоры. Гонцы ѣздили изъ
земли въ землю: Сигизмундовы, въ рѣчахъ съ
Боярами, именовали Іоанна *Царемъ*, и на во-
просъ: что значитъ сія новость? отвѣтствовали:
«такъ намъ приказано отъ Вельможъ Литов-
«скихъ» (233). Гонцамъ Московскимъ давались
также наставленія миролюбивыя, и слѣдующее,
достойное замѣчанія: «Если будетъ говорить съ
«вами въ Литвѣ Князь Андрей Курбскій или ему
«подобный *знатный* бѣглецъ Россійскій, то ска-
«жите имъ: *ваши гнусныя измѣны не вредятъ ни*
«*славѣ, ни счастію Царя Великаго: Богъ даетъ*
«*ему побѣды, а васъ казнитъ стыдомъ и отчая-*
«*ніемъ*. Съ *простымъ* же бѣглецомъ не говорите
«ни слова: только плюньте ему въ глаза и отво-
«ротитесь . . . . Когда же спросятъ у васъ: что
«такое Московская Опричнина? скажите: *Мы*
«*не знаемъ Опричнины: кому велитъ Государь*
«*жить близъ себя, тотъ и живетъ близко; а кому*

«далеко, тотъ далеко. Всѣ люди Божіи да «Государевы» (234). — Наконецъ Іоаннъ и Сигизмундъ условились остановить непріятельскія дѣйствія. Посламъ Литовскимъ надлежало быть въ Москву для заключенія мира, коего желали искренно обѣ стороны: что изъясняется обстоятельствами времени. Сигизмундъ не имѣлъ дѣтей: движимый истинною любовію къ отечеству, онъ хотѣлъ неразрывнымъ соединеніемъ Литвы съ Польшею утвердить ихъ могущество, опасаясь, чтобы та и другая Держава, по его смерти, не избрала себѣ особеннаго Властителя. Намѣреніе было достохвально, полезно, но исполненіе трудно: ибо Вельможи Польскіе и Литовскіе жили въ вѣчной враждѣ между собою; одна власть Королевская могла обуздывать ихъ страсти. Сигизмундъ желалъ внѣшняго спокойствія, чтобы успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ, предложенномъ тогда Люблинскому Сейму; а Царь желалъ короны Сигизмундовой: ибо носился слухъ, что Паны мыслятъ избрать въ Короли сына его, Царевича Іоанна (235). Гонцамъ нашимъ велѣно было развѣдать о томъ въ Литвѣ и ласкать Вельможъ. Государь унялъ кровопролитіе, дабы потушить въ Литовцахъ враждебное къ намъ чувство.

Перемиріе съ Литвою.

Перемѣна въ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи также не мало способствовала миро-

любію Іоаннову въ отношеніи къ Сигизмунду. Чтобы удержать Эстонію за собою вопреки Даніи и Польшѣ, Король Эрикъ имѣлъ нужду не только въ мирѣ, но и въ союзѣ съ Царемъ: для чего употреблялъ всѣ возможныя средства, и мыслилъ даже совершить подлое, гнусное злодѣяніе. Прелестная и не менѣе добрая сестра Сигизмундова, Екатерина, на коей Царь хотѣлъ жениться (236), и которая, можетъ быть, спасла бы его и Россію отъ великихъ несчастій — Екатерина въ 1562 году вступила въ супружество съ любимымъ сыномъ Густава Вазы, Герцогомъ Финляндскимъ Іоанномъ. Завистливый, безразсудный Эрикъ издавна не терпѣлъ сего брата и возненавидѣлъ еще болѣе за противный ему союзъ съ Королемъ Польскимъ; выдумалъ клевету и заключилъ Іоанна. Тутъ обнаружилось великодушіе Екатерины: ей предложили на выборъ, оставить супруга или свѣтъ. Вмѣсто отвѣта она показала свое кольцо, съ надписью: *ничто, кромѣ смерти* (237) — и четыре года была Ангеломъ-утѣшителемъ злосчастнаго Іоанна въ Грипсгольмской темницѣ, не зная того, что два тирана готовили ей гораздо ужаснѣйшую долю. Царь предложилъ, и Король согласился выдать ему Екатерину, какъ предметъ странной любви или злобы его за безчестіе отказа. Дѣло началось тайною

Дѣла Шведскія.

перепискою, а кончилось торжественнымъ договоромъ: въ Февралѣ 1567 года пріѣхали Шведскіе государственные сановники, Канцлеръ Нильсъ Гилленстирна и другіе, прямо въ Александровскую Слободу, были угощены великолѣпно и подписали хартію союза Швеціи съ Россіею. Царь назвалъ Эрика другомъ и братомъ, уступалъ ему навѣки Эстонію, обѣщалъ помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніею и съ городами Ганзейскими: за что Эрикъ обязывался прислать свою невѣстку въ Москву ([238]). Думный Совѣтникъ Воронцовъ и Дворянинъ Наумовъ поѣхали въ Стокгольмъ съ договорною грамотою, а Бояре Морозовъ, Чеботовъ, Сукинъ должны были принять Екатерину на границѣ. Но Провидѣніе не дало восторжествовать Іоанну. Послы наши, встрѣченные въ Стокгольмѣ съ великою честію, жили тамъ цѣлый годъ безъ всякаго успѣха въ своемъ дѣлѣ. Пригласивъ ихъ обѣдать съ собою, Эрикъ упалъ въ обморокъ и не могъ выйти къ столу: съ сего времени Послы не видали Короля; имъ сказывали, что онъ или боленъ, или сражается съ Датчанами. Для переговоровъ являлись къ Воронцову только Совѣтники Думы Королевской и говорили, что выдать Екатерину Царю, отнять жену у мужа, мать у дѣтей, противно Богу и закону; что самъ Царь навѣки обезславилъ бы себя такимъ не-Христіанскимъ дѣломъ; что у Сигизмунда есть другая сестра, дѣвица, которую Эрикъ можетъ *достать* для Царя; что Послы

Шведскіе заключили договоръ о Екатеринѣ безъ вѣдома Королевскаго. Бояринъ Московскій не щадилъ въ отвѣтахъ своихъ ни Совѣтниковъ, ни Государя ихъ; доказывалъ, что они лжецы, клятвопреступники, и требовалъ свиданія съ Эрикомъ. Сей несчастный Король былъ тогда въ жалостномъ состояніи: многими жестокими, безразсудными дѣлами заслуживъ общую ненависть, боялся и народа и Дворянства, мучился совѣстію, терялъ умъ, освободилъ и думалъ снова заключить брата; въ смятеніи духа, въ малодушномъ страхѣ, то объявлялъ нашимъ Посламъ, что самъ ѣдетъ въ Москву, то опять хотѣлъ послать Екатерину къ Царю ([239]). Наконецъ совершился ударъ: 29 Сентября, 1568 года, Послы Московскіе увидѣли страшное волненіе въ столицѣ, и не долго были спокойными зрителями онаго: воины съ ружьями, съ обнаженными мечами вломились къ нимъ въ домъ, сбили замки, взяли все: серебро, мѣха; даже раздѣли Пословъ, грозили имъ смертію. Въ сію минуту явился Принцъ Карлъ, меньшій братъ Эриковъ: Бояринъ Воронцовъ, стоя передъ нимъ въ одной рубашкѣ, съ твердостію сказалъ ему, что такъ дѣлается въ вертепѣ разбойниковъ, а не въ Государствахъ Христіанскихъ. Карлъ выгналъ неистовыхъ воиновъ; изъяснилъ Боярину, что Эрикъ, какъ безумный тиранъ, сверженъ съ престола; что новый Король, братъ его Іоаннъ, желаетъ дружбы Царя Московскаго; что обида, сдѣланная Посламъ, не останется безъ наказа-

нія, будучи единственно слѣдствіемъ безпорядка, соединеннаго съ перемѣною верховной власти. Послы требовали отпуска: выѣхали изъ Стокгольма, но 8 мѣсяцевъ жили въ Абовѣ какъ невольники и возвратились въ Москву уже въ Іюлѣ 1569 года ([240]), донести Царю о судьбѣ его *друга* и *брата*, несчастнаго Эрика, торжественно осужденнаго Государственными Чинами умереть въ темницѣ, за разныя злодѣйства, какъ сказано въ семъ приговорѣ, и за безчестныя, *не-Христіанскія* условія союза съ Россіею ([241]). Легко представить себѣ досаду Царя: онъ умѣлъ скрывать свои чувства; дозволилъ Шведскимъ Посламъ, Епископу Абовскому, Павлу Юсту, съ другими знатными чиновниками быть въ Москву, и велѣлъ ихъ *ограбить*, задержать въ Новѣгородѣ, точно такъ, какъ Бояринъ Воронцовъ и Наумовъ были ограблены, задержаны въ Швеціи ([242]). Сіе дѣйствіе казалось ему справедливою местію; но онъ хотѣлъ и важнѣйшей: хотѣлъ немедленно выгнать Шведовъ изъ Эстоніи, и для того примириться на время съ Сигизмундомъ, чтобы не имѣть дѣла съ двумя врагами.

Важное предпріятіе Султана.

Надлежало отвратить еще другую опасность, которая тогда явилась для Россіи, но не долго тревожила Іоанна и дала безъ побѣды новую воинскую славу его цар-

ованію. Что замышлялъ противъ насъ Соли-
ь Великій, то сынъ его, малодушный Се-
ъ, хотѣлъ исполнить: возстановить Цар-
Мусульманское на берегахъ Ахтубы ([243]):
чему склоняли Султана нѣкоторые Князья
айскіе, Хивинцы и Бухарцы, представляя
что Государь Россійскій истребляетъ Маго-
нскую Вѣру, и пресѣкъ для нихъ сообщеніе
Меккою; что Астрахань есть главная при-
ь Каспійскаго моря, наполненная кораблями
ъ народовъ Азіатскихъ, и что въ казну
кую входитъ тамъ ежедневно около тысячи
тыхъ монетъ ([244]). Послы Литовскіе, нахо-
въ Константинополѣ, говорили тоже. Одинъ
ь Девлетъ-Гирей доказывалъ, что къ Астра-
не льзя итти ни зимою, ни лѣтомъ: зимою
несноснаго для Турковъ холода, лѣтомъ
безводія; и что гораздо лучше воевать Мо-
скую Украйну. Не слушая возраженій Хана,
мъ (весною 1569 года) прислалъ въ Кафу
00 Спаговъ, 2000 Янычаръ, и велѣлъ ея
ѣ, Касиму, итти къ Переволокѣ, соединить
ь съ Волгою, море Каспійское съ Азовскимъ,
ь Астрахань или, по крайней мѣрѣ, осно-
тамъ крѣпость въ ознаменованіе Султан-
Державы ([245]). 31 Мая Паша выступилъ въ
одъ; Ханъ также, имѣя до 50,000 всадни-
. Они сошлися въ нынѣшней Качалинской
ницѣ и ждали судовъ, которыя плыли До-
ь отъ Азова съ тяжелымъ снарядомъ, съ
тою казною, имѣя для защиты своей только

500 воиновъ и 2500 гребцовъ, большею ча
Христіанскихъ невольниковъ, окованныхъ
пями. Турки въ отмеляхъ выгружали пу
влекли ихъ берегомъ, съ трудомъ неопи
нымъ. Тысячи двѣ Россіянъ могли бы безъ
вопролитія взять снарядъ и казну: неволь
ждали ихъ съ надеждою, а Турки съ трепе
— никто не показывался! Донскіе Козаки,
ганные слухомъ о походѣ Султанскаго во
скрылись въ дальнихъ степяхъ, и суда 15 А
ста благополучно достигли Переволоки.
началась работа жалкая и смѣшная: Касимъ
лѣлъ рыть каналъ отъ Дона до Волги; уви
невозможность, велѣлъ тащить суда зем
Турки не хотѣли слушаться, и говорили,
Паша безумствуетъ, предпринимая такое д
для коего мало ста лѣтъ для всѣхъ работни
Оттоманской Имперіи. Ханъ совѣтовалъ во
титься; но, къ удовольствію Касима, яви
Послы Астраханскіе (246). «Начто вамъ су
сказали они: «мы дадимъ ихъ вамъ, ско
«хотите; идите только избавить насъ отъ вл
«Россіянъ.» Паша усмирилъ войско: 2 Сент
отпустилъ пушки назадъ въ Азовъ, и съ 12
кими орудіями пошелъ къ Астрахани, гдѣ
тели готовились встрѣтить его какъ избави
надежда ихъ не исполнилась.

Посолъ Іоанновъ, Аѳанасій Нагой, писал
Государю изъ Тавриды о замыслѣ Султанов
письмы его, хотя и не скоро, доходили. В
съ Турціею не представляла Іоанну ничего,

нѣ опасностей: собирая многочисленное войско въ Нижнемъ Новѣгородѣ и немедленно отрядивъ мужественнаго Князя Петра Серебрянаго съ легкою дружиною занять Астрахань, онъ въ тоже время послалъ дары къ Пашѣ Кафинскому, чтобы склонить его къ миролюбію. Паша взялъ дары, цѣловалъ грамоту Іоаннову, три дни честилъ гонцевъ Московскихъ, а на четвертый заключилъ въ темницу (247). Но Государь успокоился, свѣдавъ о маломъ числѣ Турковъ и худомъ усердіи Девлетъ-Гирея къ сему походу; угадывалъ слѣдствія, и не обманулся.

16 Сентября Паша и Ханъ стали ниже Астрахани, на Городищѣ, гдѣ была, какъ вѣроятно, древняя столица Козарская (248). Тутъ ждали ихъ наши измѣнники Астраханскіе съ судами и Ногаи съ дружественными увѣреніями: Касимъ, велѣвъ Ногаямъ прикочевать къ Волгѣ, началъ строить новую крѣпость на Городищѣ, и Турки, къ изумленію своему, узнали, что Паша намѣренъ зимовать подъ Астраханью, гдѣ горсть бодрыхъ Россіянъ обуздывала измѣну жителей и казалась ему страшною, такъ, что онъ не смѣлъ отважиться на приступъ. Въ самомъ дѣлѣ ничто не могло быть безразсуднѣе сего намѣренія: Паша давалъ Россіянамъ время изготовиться къ оборонѣ; давалъ время Царю прислать войско въ Астрахань, а свое изнурялъ трудами, голодомъ: ибо Астраханцы не могли доставлять ему хлѣба въ избыткѣ. Ропотъ обратился въ мятежъ, когда услышали Турки, что Ханъ, по

совершеніи крѣпости, долженъ возвратиться въ Тавриду. Они рѣшительно объявили, что никто изъ нихъ не останется зимовать въ землѣ непріятельской. Еще Касимъ упорствовалъ, грозилъ; но вдругъ, 26 Сентября, зажегъ сдѣланныя имъ деревянныя укрѣпленія и вмѣстѣ съ Ханомъ удалился отъ Астрахани: причиною было то, что Князь Петръ Серебряный вступилъ въ сей городъ съ войскомъ, и что за нимъ, какъ сказывали, шло другое, сильнѣйшее (249). Турки и Крымцы бѣжали день и ночь. Въ шестидесяти верстахъ, на Бѣломъ озерѣ, встрѣтились имъ гонцы Султанскій и Литовскій: Селимъ писалъ къ Пашѣ, чтобы онъ непремѣнно держался подъ Астраханью до весны; что къ нему будетъ новая рать изъ Константинополя; что лѣтомъ увидитъ Россія въ нѣдрахъ своихъ знамена Оттоманскія, за коими долженъ итти и Ханъ къ Москвѣ, утвердивъ союзъ и дружбу съ Литвою (250). Но Касимъ продолжалъ бѣгство. Путеводитель его, Девлетъ-Гирей, умышленно велъ Турковъ мѣстами безводными, голодною пустынею, гдѣ кони и люди умирали отъ изнуренія; гдѣ Черкесы стерегли ихъ въ засадахъ, и томныхъ, полумертвыхъ брали въ плѣнъ; гдѣ Россіяне могли бы совершенно истребить сіе жалкое войско, если бы они не слѣдовали правилу, что надобно

Бѣдствіе Турковъ.

давать волю бѣгущему непріятелю. Турки были въ отчаяніи: проклиная Пашу, не щадили и Султана, который послалъ ихъ въ землю неизвѣстную, въ ужасную Россію, не за побѣдою, а за голодомъ и смертію безчестною. Касимъ съ толпою блѣдныхъ тѣней черезъ мѣсяцъ достигъ Азова, чтобы золотомъ откупиться отъ петли. Онъ приписывалъ свое несчастіе единственно тому, что не могъ ранѣе начать похода; но Девлетъ-Гирей увѣрялъ Султана въ невозможности взять или удержать Астрахань, столь отдаленную отъ владѣній Турецкихъ; а Крымскому Послу нашему сказалъ: «Государь твой долженъ «благодарить меня: я погубилъ Султанское вой«ско; не хотѣлъ ни приступать къ Астрахани, «ни строить тамъ крѣпости на старомъ Горо«дищѣ, вопервыхъ желая угодить ему, вовто«рыхъ и для того, что не хочу видѣть Тур«ковъ властелинами древнихъ Улусовъ Татар«скихъ» (251). Къ утвержденію нашей безопасности съ сей стороны, Азовская крѣпость со всѣми пороховыми запасами взлетѣла тогда на воздухъ; не только большая часть города, зажженнаго, какъ думали, Россіянами (252), но и пристань съ военными судами обратилась въ пепелъ.

Сей несчастный походъ войска Селимова описанъ нами по сказанію очевидца, Царскаго садовника, Семена Мальцова, достойнаго быть извѣстнымъ потомству. Онъ ѣхалъ изъ Ногайскихъ Улусовъ и встрѣтилъ непріятелей на берегу Волги: *окруженный ими*, скрылъ Госуда-

ревъ наказъ, какъ неприкосновенную свят
въ деревѣ на Царицынѣ-островѣ; слался
полумертвый отъ ранъ; прикованный къ пу
терзаемый чувствомъ боли, жажды, голода
ежечасно угрожаемый смертію, не преста
ревностно служить Царю своему; стращалъ
ковъ разсказами: увѣрялъ, что Астрахан
Ногаи манятъ ихъ въ сѣти; что Шахъ Пер
скій есть союзникъ Россіи; что мы послал
нему 100 пушекъ и 500 пищалей для напа
на Касима; что Князь Серебряный плывет
тридцатью тысячами къ Астрахани, а К
Иванъ Бѣльскій идетъ полемъ съ несмѣт
силою. Мальцовъ училъ и другихъ на
плѣнниковъ сказывать тоже; склонялъ Греко
Волоховъ, бывшихъ съ Касимомъ, пристат
Россіянамъ въ случаѣ битвы; звалъ сын
Девлетъ-Гиреевыхъ къ намъ въ службу;
рилъ имъ: «Васъ у отца много: онъ разд
«васъ по людямъ. Вы ни сыты, ни голо
«скитаетесь изъ мѣста въ мѣсто. Въ Москв
«найдете честь и богатство. Самъ отецъ бу
«вамъ завидовать» (253). Безъ всякой наде
увидѣть святую Русь, безъ всякой мысли
градѣ, о славѣ, сей усердный гражданинъ
тѣлъ еще и на канунѣ смерти быть полезн
Государю, отечеству. Такихъ слугъ имѣл
анъ Грозный, упиваясь кровію своихъ под
ныхъ! — Провидѣніе спасло Мальцова. В
плѣнный въ Азовѣ нашимъ Крымскимъ
сломъ, Аѳанасіемъ Нагимъ, онъ возвратил

Москву, донести Царю, что Россіяне могутъ не страшиться Оттомановъ (254).

И такъ внѣшнія дѣйствія или отношенія Россіи къ иноземнымъ Державамъ были довольно благопріятны. Съ Литвою мы ожидали мира, удерживая за собою новыя, важныя завоеванія; слабую Швецію презирали; видѣли тылъ и гибель Султанской рати; узнавъ непріязнь Хана къ Туркамъ, тѣмъ менѣе опасались его впаденій, и тѣмъ болѣе надѣялись съ нимъ примириться. Войско наше было многочисленно, границы укрѣплены: на самомъ отдаленномъ Терекѣ Іоаннъ поставилъ городъ, какъ для защиты своего тестя, Черкесскаго Князя Темгрюка, такъ и для утвержденія своей власти надъ симъ краемъ (255). — Шахъ Персидскій, Тамасъ, хотѣлъ быть другомъ Іоанну, который, желая заключить съ нимъ тѣсный союзъ противъ Султана, въ Маѣ 1569 года посылалъ въ Персію чиновника Алексѣя Хозникова (256). — Сибирь платила намъ дань: около 1563 года новый Князь ея, Шибанскій Царевичь Едигерь, убилъ тамъ нашего данщика: за что Государь остановилъ въ Москвѣ Посла Сибирскаго, но скоро освободилъ его, изъ уваженія къ ходатайству Исмаила, Ногайскаго Владѣтеля, и въ 1569 году торжественнымъ договоромъ съ новымъ Сибирскимъ *Царемъ*, Кучюмомъ, утвердилъ сію

Сношенія съ Персіею.

Дань Сибирская.

ревъ наказъ, какъ неприкосновенную святыню, въ деревѣ на Царицынѣ-островѣ; слался уже полумертвый отъ ранъ; прикованный къ пушкѣ, терзаемый чувствомъ боли, жажды, голода, — ежечасно угрожаемый смертію, не преставалъ ревностно служить Царю своему; стращалъ Турковъ разсказами: увѣрялъ, что Астраханцы и Ногаи манятъ ихъ въ сѣти; что Шахъ Персидскій есть союзникъ Россіи; что мы послали къ нему 100 пушекъ и 500 пищалей для нападенія на Касима; что Князь Серебряный плыветъ съ тридцатью тысячами къ Астрахани, а Князь Иванъ Бѣльскій идетъ полемъ съ несмѣтною силою. Мальцовъ училъ и другихъ нашихъ плѣнниковъ сказывать тоже; склонялъ Грековъ и Волоховъ, бывшихъ съ Касимомъ, пристать къ Россіянамъ въ случаѣ битвы; звалъ сыновей Девлетъ-Гиреевыхъ къ намъ въ службу; говорилъ имъ: «Васъ у отца много: онъ раздаетъ «васъ по людямъ. Вы ни сыты, ни голодны; «скитаетесь изъ мѣста въ мѣсто. Въ Москвѣ же «найдете честь и богатство. Самъ отецъ будетъ «вамъ завидовать» ([253]). Безъ всякой надежды увидѣть святую Русь, безъ всякой мысли о наградѣ, о славѣ, сей усердный гражданинъ хотѣлъ еще и на канунѣ смерти быть полезнымъ Государю, отечеству. Такихъ слугъ имѣлъ Іоаннъ Грозный, упиваясь кровію своихъ подданныхъ! — Провидѣніе спасло Мальцова. Выкупленный въ Азовѣ нашимъ Крымскимъ Посломъ, Аѳанасіемъ Нагимъ, онъ возвратился въ

Москву, донести Царю, что Россіяне могутъ не страшиться Оттомановъ (254).

И такъ внѣшнія дѣйствія или отношенія Россіи къ иноземнымъ Державамъ были довольно благопріятны. Съ Литвою мы ожидали мира, удерживая за собою новыя, важныя завоеванія; слабую Швецію презирали; видѣли тылъ и гибель Султанской рати; узнавъ непріязнь Хана къ Туркамъ, тѣмъ менѣе опасались его впаденій, и тѣмъ болѣе надѣялись съ нимъ примириться. Войско наше было многочисленно, границы укрѣплены: на самомъ отдаленномъ Терекѣ Іоаннъ поставилъ городъ, какъ для защиты своего тестя, Черкесскаго Князя Темгрюка, такъ и для утвержденія своей власти надъ симъ краемъ (255). — Шахъ Персидскій, Тамасъ, хотѣлъ быть другомъ Іоанну, который, желая заключить съ нимъ тѣсный союзъ противъ Султана, въ Маѣ 1569 года посылалъ въ Персію чиновника Алексѣя Хозникова (256). — Сибирь платила намъ дань: около 1563 года новый Князь ея, Шибанскій Царевичь Едигерь, убилъ тамъ нашего данщика: за что Государь остановилъ въ Москвѣ Посла Сибирскаго, но скоро освободилъ его, изъ уваженія къ ходатайству Исмаила, Ногайскаго Владѣтеля, и въ 1569 году торжественнымъ договоромъ съ новымъ Сибирскимъ *Царемъ*, Кучюмомъ, утвердилъ сію

Сношенія съ Персіею.

Дань Сибирская.

землю въ подданствѣ Россіи. Іоаннъ *взялъ* Кучюма *подъ свою руку, въ оберeганіе*, съ условіемъ, чтобы онъ давалъ ему ежегодно тысячу соболей, а Посланнику Государеву, который пріѣдетъ за данію, тысячу бѣлокъ. Боярскій Сынъ, Третьякъ Чабуковъ, (въ 1571 году) отвезъ въ Сибирь жалованную Іоаннову грамоту, украшенную златою печатію (257). — Россія внутри бѣдствовала — отъ язвы, голода и тиранства

Торговля. — но торговля ея процвѣтала. Цари Абдула Шамаханскій и Бухарскій того же имени, Сеитъ Самаркандскій, Азимъ Хивинскій, присылали дары въ Москву, чтобы Іоаннъ дозволялъ ихъ подданнымъ купечествовать не только въ Астрахани и въ Казани, но и въ другихъ городахъ нашихъ (258). Не смотря на явную вражду Султана, Россіяне еще торговали въ Кафѣ, въ Азовѣ, а Турки въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Армянами (259). Самъ Государь изъ казны своей отправлялъ за Каспійское море мѣха драгоцѣнные и купцевъ Московскихъ въ Антверпенъ, въ Лондонъ, даже въ Ормусъ (260). Ганза не переставала искать милости въ Іоаннѣ и мѣнялась съ нами товарами въ Нарвѣ, завидуя Англичанамъ (261), которые пользовались благосклонностію Царя и правами исключительными въ Россіи, особенно съ восшествія на престолъ Елисаветы: ибо сія знаменитая Королева, ода-

ренная и великимъ умомъ и любезными свойствами, снискала его дружбу. Лондонское Россійское Общество дарило Царя алмазами; Елисавета писала къ нему ласковыя письма. Три раза Посланникъ ея, Дженкинсонъ, былъ въ Москвѣ; ѣздилъ оттуда въ Персію и съ усердіемъ исполнилъ тайный наказъ Государевъ къ Шаху (262). Слѣдствіемъ было то, что въ 1567 и въ 1569 году Іоаннъ далъ новыя выгоды купцамъ Англійскимъ: дозволилъ имъ ѣздить изъ Россіи въ Персію, завести селеніе на рѣкѣ Вычегдѣ, искать желѣзной руды и плавить ее, съ условіемъ выучить Россіянъ сему искусству, а при вывозѣ желѣза въ Англію платить деньгу съ фунта (263). Англичане должны были всѣ драгоцѣнныя вещи показывать Государеву Казначею; обязывались также продавать Царскіе товары въ Англіи и въ Персіи; впрочемъ могли вездѣ купечествовать свободно, безъ пошлинъ, вездѣ строить жилища, лавки, и чеканить для себя талеры; судились только судомъ Опричнины, и Московскій ихъ дворъ, у церкви Св. Максима, находился въ ея вѣдомствѣ. Напрасно купцы Ганзейскіе старались вредить Англичанамъ въ умѣ Іоанна; напрасно Короли Польскій и Шведскій убѣждали Елисавету не способствовать, выгодами торговли, могуществу опасной Россіи (264).

Посольства Англійскія.

Бывали неудовольствія взаимныя, однакожь прекращались дружелюбно. На примѣръ, въ 1568 году Посланникъ Елисаветинъ, Томасъ Рандольфъ, около четырехъ мѣсяцевъ жилъ въ Москвѣ, не видавъ Царя [265]. Іоаннъ досадовалъ на Англійскихъ купцевъ за то, что они ежегодно возвышали цѣну своихъ товаровъ; наконецъ велѣлъ Рандольфу быть къ себѣ, но не далъ лошадей: люди Посольскіе шли во дворецъ пѣшкомъ, и никто изъ Царскихъ сановниковъ не кланялся представителю лица Королевина. Гордый Англичанинъ, оскорбленный сею грубостію, самъ надѣлъ шляпу во дворцѣ. Ждали гнѣва, опалы: вмѣсто чего Іоаннъ принялъ Рандольфа весьма ласково, увѣрялъ въ своей дружбѣ къ *любезной сестрѣ* Елисаветѣ и возвратилъ милость купцамъ Англійскимъ; имѣлъ съ нимъ другое свиданіе наединѣ, ночью; говорилъ три часа — и послалъ къ Елисаветѣ Дворянина Андрея Савина, съ дѣломъ тайнымъ, которое знаемъ только по отвѣту Елисаветину, хранящемуся въ нашемъ Архивѣ: оно весьма любопытно, и доказываетъ малодушіе Іоанна. Сей Монархъ, еще побѣдитель, еще гроза всѣхъ Державъ сосѣдственныхъ, не находя ни малѣйшаго сопротивленія въ своихъ бѣдныхъ подданныхъ, невинно имъ губимыхъ, трепеталъ въ сердцѣ, ждалъ казни, мечталъ о бун-

Замыселъ

тахъ, объ изгнаніи; не устыдился писать о томъ къ Елисаветѣ и просить убѣжища въ ея землѣ на сей случай: униженіе достойное мучителя! Благоразумная Королева отвѣтствовала, что желаетъ ему царствовать со славою въ Россіи, но готова дружественно принять его вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, ежели, въ слѣдствіе *тайнаго заговора*, внутренніе мятежники или внѣшніе непріятели изгонятъ Іоанна изъ отечества; что онъ можетъ жить, гдѣ ему угодно въ Англіи, наблюдать въ Богослуженіи всѣ обряды Вѣры Греческой, имѣть своихъ слугъ и всегда свободно выѣхать, назадъ ли въ Россію или въ другую землю (266). Въ вѣрности сихъ обѣщаній Елисавета дала ему *слово Христіанскаго Вѣнценосца* и грамоту, ею собственноручно подписанную въ присутствіи всѣхъ ея Государственныхъ Совѣтниковъ, Великаго Канцлера Николая Бакона, Лорда Норта, Руселя, Аруиделя и другихъ, съ прибавленіемъ, что Англія и Россія будутъ всегда соединенными силами противиться ихъ врагамъ общимъ. — Донесенія Савина, хотя обласканнаго въ Лондонѣ, не весьма благопріятствовали Англичанамъ: онъ сказалъ Царю, что Королева думаетъ единственно о выгодахъ Лондонскаго купечества (267). Іоаннъ былъ недоволенъ и тѣмъ, что Елисавета въ дѣлѣ столь важномъ

Іоанновъ бѣжать въ Англію.

отвѣтствовала ему чрезъ его Посланни
а не прислала своего; но берегъ ея дру
бу, ибо дѣйствительно хотѣлъ бѣжать
крайности за море. Сію мысль вселилъ
него, какъ увѣряютъ, Голландскій Доктор
Злодѣй Бомелій. Елисей Бомелій, негодяй и бродяга,
гнанный изъ Германіи: снискавъ досту
къ Царю, онъ полюбился ему своими к
нями: питалъ въ немъ страхъ, подозрѣні
чернилъ Бояръ и народъ, предсказыва
бунты и мятежи, чтобы угождать несча
ному расположенію души Іоанновой (
Цари и въ добрѣ и въ злѣ имѣютъ все
ревностныхъ помощниковъ: Бомелій
служилъ первенство между услужника
Іоанна, то есть, между злодѣями Ро
сіи. Казнь Божія для нихъ готовилась
кровавый пиръ тиранства былъ еще
срединѣ. Открывается новый ѳеатръ уж
совъ!

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Г. 1569—1572.

Кончина Царицы. Четвертая, ужаснѣйшая эпоха мучительства. Запустѣніе Новагорода. Спасеніе Пскова. Казни въ Москвѣ. Царскіе шуты. Голодъ и моръ. Сношенія съ Литвою. Королевство Ливонское. Милость Царя къ Магнусу. Посольство въ Константинополь. Нашествіе Хана. Сожженіе Москвы. Новое супружество Іоанново. Пятая эпоха душегубства. Смерть Царицы. Путешествіе Іоанново въ Новгородъ. Дѣла Шведскія. Четвертый бракъ Іоанновъ. Союзъ съ Елисаветою. Переговоры съ Даніею и съ Литвою. Отбытіе Іоанна въ Новгородъ. Нашествіе Хана. Знаменитая побѣда К. Воротынскаго. Письмо къ Королю Шведскому.

1 Сентября 1569 года скончалась супруга Іоаннова, Марія, едва ли *искренно* оплаканная и самимъ Царемъ, хотя, для соблюденія пристойности, вся Россія долженствовала явить образъ глубокой печали [269]: дѣла остановились; Бояре, Дворяне, Приказные люди надѣли *смиренное платье* или трауръ (шубы бархатныя и камчатныя *безъ золота*); во всѣхъ городахъ служили Пани- Г. 1569. Кончина Царицы.

отвѣтствовала ему чрезъ его Послан[illegible]
а не прислала своего; но берегъ ея [illegible]
бу, ибо дѣйствительно хотѣлъ бѣж[illegible]
крайности за море. Сію мысль все[illegible]
него, какъ увѣряютъ, Голландскій До[illegible]
Злодѣй Бомелій. Елисей Бомелій, негодяй и бродяг[illegible]
гнанный изъ Германіи: снискавъ до[illegible]
къ Царю, онъ полюбился ему свои[illegible]
нями: питалъ въ немъ страхъ, подоз[illegible]
чернилъ Бояръ и народъ, предсказ[illegible]
бунты и мятежи, чтобы угождать не[illegible]
ному расположенію души Іоанновой[illegible]
Цари и въ добрѣ и въ злѣ имѣютъ [illegible]
ревностныхъ помощниковъ: Бомелі[illegible]
служилъ первенство между услужн[illegible]
Іоанна, то есть, между злодѣями [illegible]
сіи. Казнь Божія для нихъ готовилас[illegible]
кровавый пиръ тиранства былъ ещ[illegible]
срединѣ. Открывается новый ѳеатръ [illegible]
совъ!

хиды; давали милостыню нищимъ, вклады въ монастыри и въ церкви; показывали горесть лицемѣрную, скрывая истинную, общую, производимую свирѣпствомъ Іоанна, который чрезъ десять дней уже могъ спокойно принимать иноземныхъ Пословъ во дворцѣ Московскомъ, но спѣшилъ выѣхать изъ столицы, чтобы въ страшномъ уединеніи Александровской Слободы вымыслить новыя измѣны и казни. Кончина двухъ супругъ его, столь несходныхъ въ душевныхъ свойствахъ, имѣла слѣдствія равно несчастныя: Анастасія взяла съ собою добродѣтель Іоаннову; казалось, что Марія завѣщала ему превзойти самого себя въ лютыхъ убійствахъ. Распустивъ слухъ, что Марія, подобно Анастасіи, была отравлена тайными злодѣями, онъ приготовилъ тѣмъ Россію къ ужаснѣйшимъ изступленіямъ своей ярости.

Четвертая ужаснѣйшая эпоха мучительства.

Іоаннъ каралъ невинныхъ; а виновный, дѣйствительно виновный, стоялъ предъ тираномъ: тотъ, кто въ противность закону хотѣлъ быть на тронѣ, не слушался болящаго Царя, радовался мыслію объ его близкой смерти, подкупалъ Вельможъ и воиновъ на измѣну (270) — Князь Владиміръ Андреевичъ! Прошло 16 лѣтъ; но Іоаннъ, какъ мы видѣли, умѣлъ помнить старыя вины, и не переставалъ его опасаться (271). Никто изъ Бояръ не дерзалъ

имѣть дружелюбнаго обхожденія съ симъ Княземъ: одни лазутчики приближались къ нему, чтобы всякое нескромное слово употребить въ доносъ. Что спасало несчастнаго? Естественный ли ужасъ обагрить руки кровію ближняго родственника? Быть можетъ: ибо есть остановки, есть затрудненія для самаго ожесточеннаго тирана: иногда онъ бываетъ человѣкомъ; уже не любя добра, боится крайностей во злѣ; тревожимый совѣстію, облегчаетъ себя мыслію, что онъ еще удерживается отъ нѣкоторыхъ преступленій! Но сей оплотъ ненадеженъ: злодѣйства стремятъ къ злодѣйствамъ, и Князь Владиміръ могъ предвидѣть свою неминуемую участь, не смотря на милостивое прощеніе, ему объявленное въ 1563 году (272), — не смотря на лицемѣріе Іоанна, который всегда честилъ, ласкалъ его. Въ знакъ милости давъ Владиміру большое мѣсто въ Кремлѣ для новаго великолѣпнаго дворца и города Дмитровъ, Боровскъ, Звенигородъ, Царь взялъ себѣ на обмѣнъ Верею, Алексинъ, Старицу (273), безъ сомнѣнія для того, что сей Князь съ новыми помѣстьями казался менѣе опаснымъ, нежели съ наслѣдственными, гдѣ еще хранился духъ древней Удѣльной Системы. Весною въ 1569 году собирая войско въ Нижнемъ Новѣгородѣ для защиты Астрахани, Іоаннъ не усомнился ввѣрить оное своему мужественному брату (274); но сія мнимая довѣренность произвела опалу и гибель. Князь Владиміръ ѣхалъ въ Нижній чрезъ Кострому, гдѣ граждане

и Духовенство встрѣтили его со крестами, съ хлѣбомъ и солью, съ великою честію, съ изъявленіемъ любви. Узнавъ о томъ, Царь велѣлъ привезти тамошнихъ начальниковъ въ Москву и казнилъ ихъ (275); а брата ласково звалъ къ себѣ. Владиміръ съ супругою, съ дѣтьми, остановился верстахъ въ трехъ отъ Александровской Слободы, въ деревнѣ Слотинѣ; далъ знать Царю о своемъ пріѣздѣ, ждалъ отвѣта — и вдругъ видитъ полкъ всадниковъ: скачутъ во всю прыть съ обнаженными мечами какъ на битву, окружаютъ деревню; Іоаннъ съ ними: сходитъ съ коня и скрывается въ одномъ изъ сельскихъ домовъ. Василій Грязной, Малюта Скуратовъ объявляютъ Князю Владиміру, что онъ умышлялъ на жизнь Государеву, и представляютъ уличителя, Царскаго повара, коему Владиміръ далъ будто бы деньги, и ядъ, чтобы отравить Іоанна (276). Все было вымышлено, приготовлено. Ведутъ несчастнаго съ женою и съ двумя юными сыновьями къ Государю: они падаютъ къ ногамъ его, клянутся въ своей невинности, требуютъ постриженія. Царь отвѣтствовалъ: «вы хотѣли «умертвить меня ядомъ: пейти его сами!» Подали отраву. Князь Владиміръ, готовый умереть, не хотѣлъ изъ собственныхъ рукъ отравить себя. Тогда супруга его, Евдокія (родомъ Княжна Одоевская), умная, добродѣтельная — видя, что нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости въ сердцѣ губителя — отвратила лице свое отъ Іоанна, осушила слезы, и съ твердостію сказала мужу: «не

«мы себя, но мучитель отравляетъ насъ: лучше «принять смерть отъ Царя, нежели отъ палача.» Владиміръ простился съ супругою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ: за нимъ Евдокія и сыновья. Они вмѣстѣ молились. Ядъ начиналъ дѣйствовать: Іоаннъ былъ свидѣтелемъ ихъ терзанія и смерти (277)! Призвавъ Боярынь и служанокъ Княгини Евдокіи, онъ сказалъ: «Вотъ трупы моихъ злодѣевъ! Вы служили имъ; но изъ «милосердія дарую вамъ жизнь.» Съ трепетомъ увидѣвъ мертвыя тѣла господъ своихъ, онѣ единогласно отвѣчали: «Мы не хотимъ твоего «милосердія, звѣрь кровожадный! Растерзай «насъ: гнушаясь тобою, презираемъ жизнь и «муки!» Сіи юныя жены, вдохновенныя омерзѣніемъ къ злодѣйству, не боялись ни смерти, ни самаго стыда: Іоаннъ велѣлъ обнажить ихъ и разстрѣлять. — Мать Владимірова, Евфросинія, нѣкогда честолюбивая, но въ Монашествѣ смиренная, уже думала только о спасеніи души: умертвивъ сына, Іоаннъ тогда же умертвилъ и мать: ее утопили въ рѣкѣ Шекснѣ, вмѣстѣ съ другою Инокинею, добродѣтельною Александрою (278), его невѣсткою, виновною, можетъ быть, слезами о жертвахъ Царскаго гнѣва.

Судьба несчастнаго Князя Владиміра произвела всеобщую жалость (279): забыли страхъ; слезы лилися въ домахъ и въ храмахъ. Никто безъ сомнѣнія не вѣрилъ объявленному умыслу сего Князя на жизнь Государеву: видѣли одно гнусное братоубійство, внушенное еще болѣе

злобою, нежели подозрѣніемъ. Онъ не имѣлъ великихъ свойствъ, но имѣлъ многія достохвальныя: могъ бы царствовать въ Россіи и не быть тираномъ! Сносилъ долговременную, явную опалу свою съ твердостію, ждалъ своей неминуемой гибели съ какимъ-то Христіанскимъ спокойствіемъ, и приводилъ добрыя сердца въ умиленіе, раждающее любовь. Іоаннъ слышалъ — если не смѣлыя укоризны, то по крайней мѣрѣ воздыханія Россіянъ великодушныхъ, и хотѣлъ открытіемъ мнимаго важнаго заговора доказать необходимость своей жестокости для обузданія предателей, будто бы единомышленниковъ Князя Владиміра. Сія новая клевета на живыхъ и мертвыхъ была ли только изобрѣтеніемъ смятеннаго ума Іоаннова, или адскимъ ковомъ его сподвижниковъ въ губительствѣ, которые желали тѣмъ изъявить ему свое усердіе и питать въ немъ страсть къ мучительству? Надѣялся ли Іоаннъ обмануть современниковъ и потомство грубою ложью, или обманывалъ самого себя легковѣріемъ? Послѣднее утверждаютъ Лѣтописцы, чтобы облегчить лежащее на Іоаннѣ бремя дѣлъ страшныхъ; но самое легковѣріе въ такомъ случаѣ не вопіетъ ли на небо? уменьшаетъ ли омерзаніе къ убійствамъ неслыханнымъ?

Новгородъ, Псковъ, нѣкогда свободныя Державы, смиренныя Самовластіемъ, лишенныя своихъ древнихъ правъ и знатнѣйшихъ граждан, населенныя отчасти иными жителями, уже

измѣнились въ духѣ народномъ, но сохраняли еще какую-то величавость, основанную на воспоминаніяхъ старины и на нѣкоторыхъ остаткахъ ея въ ихъ бытіи гражданскомъ. Новгородъ именовался *Великимъ* и заключалъ договоры съ Королями Шведскими, избирая, равно какъ и Псковъ, своихъ *судныхъ цѣловальниковъ* или Присяжныхъ ([280]). Дѣти отъ родителей наслѣдовали и тайную нелюбовь къ Москвѣ: еще разсказывали въ Новѣгородѣ о битвѣ Шелонской; еще могли быть очевидцы послѣдняго народнаго Вѣча во Псковѣ ([281]). Забыли бѣдствія вольности: не забыли ея выгодъ. Сіе расположеніе тамошняго слабаго гражданства, хотя уже и не опасное для могущественнаго Самодержавія, безпокоило, гнѣвило Царя, такъ, что весною 1569 года онъ вывелъ изъ Пскова 500 семействъ, а изъ Новагорода 150 въ Москву ([282]), слѣдуя примѣру своего отца и дѣда. Лишаемые отчизны, плакали; оставленные въ ней, трепетали. То было началомъ: ждали слѣдствія. Въ сіе время, какъ увѣряютъ, одинъ бродяга Волынскій, именемъ Петръ, за худыя дѣла наказанный въ Новѣгородѣ, вздумалъ отмстить его жителямъ: зная Іоанново къ нимъ неблаговоленіе, сочинилъ письмо отъ Архіепископа и тамошнихъ гражданъ къ Королю Польскому; скрылъ оное въ церкви Св. Софіи, за образъ Богоматери; бѣжалъ въ Москву, и донесъ Государю, что Новгородъ измѣняетъ Россіи. Надлежало представить улику: Царь далъ ему вѣрнаго человѣка,

который поѣхалъ съ нимъ въ Новгородъ и вынулъ изъ-за образа мнимую Архіепископову грамоту, въ коей было сказано, что Святитель, Духовенство, чиновники и весь народъ поддаются Литвѣ. Болѣе не требовалось никакихъ доказательствъ. Царь, принявъ нелѣпость за истину, осудилъ на гибель и Новгородъ и всѣхъ людей, для него подозрительныхъ или ненавистныхъ (283).

Въ Декабрѣ 1569 года онъ съ Царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ Дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ Слободы Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, первый городъ бывшаго Тверскаго Великаго Княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги Московскаго Самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному Легіону своему начать войну, убійства, грабежъ, тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою, гдѣ мирные подданные встрѣчали Государя какъ отца и защитника. Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ (284). Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келліи Отроча-монастыря еще дышалъ Св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Іоаннова сердца: тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ Митрополита и послалъ къ нему

своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину Посольства, онъ съ кротостію примолвилъ: «я давно ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!» Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ Св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ Игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи [285]. Устрашенные Иноки вырыли могилу за Олтаремъ, и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго Іерарха Церкви Россійской, украшеннаго вѣнцемъ Мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни Новая, ни Древняя Исторія не представляютъ намъ Героя знаменитѣйшаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (1584 году) святыя мощи его были принесены въ Обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву, въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ покланяемся [286].

За тайнымъ злодѣйствомъ слѣдовали явныя. Іоаннъ не хотѣлъ въѣхать въ Тверь, и пять дней жилъ въ одномъ изъ ближнихъ монастырей, между тѣмъ, какъ сонмы неистовыхъ воиновъ грабили сей городъ, начавъ съ Духовенства и не оставивъ ни одного дома цѣлаго: брали легкое, драгоцѣнное; жгли, чего не могли взять съ собою; людей мучили, убивали, вѣшали въ забаву; однимъ словомъ, напомнили несчастнымъ Тве-

ритянамъ ужасный 1327 годъ, когда ж
кая месть Хана Узбека совершалась
ихъ предками ([287]). Многіе Литовскіе п
ники, заключенные въ тамошнихъ те
цахъ, были изрублены или утоплены
прорубяхъ Волги: Іоаннъ смотрѣлъ н
душегубство! — Оставивъ наконецъ д
щуюся кровію Тверь, онъ также сви
ствовалъ въ Мѣдномъ, въ Торжкѣ, гд
одной башнѣ сидѣли Крымскіе, а въ др
Ливонскіе плѣнники, окованные цѣп
ихъ умертвили; но Крымцы, защищ
тяжело ранили Малюту Скуратова, ед
ранивъ и самого Іоанна. Вышній Воло
и всѣ мѣста до Ильменя были опусто
огнемъ и мечемъ. Всякаго, кто встрѣ
на дорогѣ, убивали, для того, что по
Іоанновъ долженствовалъ быть *тайно*
Россіи!

г. 1570. 2 Генваря передовая многочисленная
жина Государева вошла въ Новгор
окруживъ его со всѣхъ сторонъ крѣп
заставами, дабы ни одинъ человѣкъ
могъ спастися бѣгствомъ. Опечатали
ви, монастыри въ городѣ и въ окре
стяхъ; связали Иноковъ и Священник
взыскивали съ каждаго изъ нихъ по
цати рублей; а кто не могъ заплатит
пени, того *ставили на правежъ:* в
родно били, сѣкли съ утра до вечера
Опечатали и дворы всѣхъ гражданъ

тыхъ; гостей, купцевъ, Приказныхъ людей оковали цѣпями; женъ, дѣтей стерегли въ домахъ. Царствовала тишина ужаса. Никто не зналъ ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытія Государева.

6 Генваря, въ день Богоявленія, ввечеру, Іоаннъ съ войскомъ сталъ на Городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада (289). На другой день казнили всѣхъ Иноковъ, *бывшихъ на правежѣ:* ихъ избили палицами, и каждаго отвезли въ свой монастырь для погребенія. Генваря 8 Царь съ сыномъ и съ дружиною вступилъ въ Новгородъ, гдѣ, на Великомъ мосту, встрѣтилъ его Архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами: не принявъ Святительскаго благословенія, Іоаннъ грозно сказалъ: «Злочестивецъ! въ рукѣ «твоей не крестъ животворящій, но оружіе убій«ственное, которое ты хочешь вонзить намъ въ «сердце. Знаю умыселъ твой и всѣхъ гнусныхъ «Новогородцевъ; знаю, что вы готовитесь пре«даться Сигизмунду Августу. Отселѣ ты уже не «пастырь, а врагъ Церкви и Св. Софіи, хищный «волкъ, губитель, ненавистникъ вѣнца Монома«хова (290)!» Сказавъ, Государь велѣлъ ему итти съ иконами и крестами въ Софійскую церковь; слушалъ тамъ Литургію, молился усердно, пошелъ въ палату къ Архіепископу, сѣлъ за столъ со всѣми Боярами, началъ обѣдать и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ (291).... Явились воины, схватили Архіепископа, чиновниковъ, слугъ его; ограбили палаты, келліи, — а Дво-

рецкій Левъ Салтыковъ и Духовникъ Госуда
Евстафій церковь Софійскую: взяли ризную
ну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и д
храмы въ монастыряхъ богатыхъ: послѣ
немедленно открылся судъ на городище . . .
Судили Іоаннъ и сынъ его такимъ образ
ежедневно представляли имъ отъ пяти со
тысячи и болѣе Новогородцевъ; били ихъ
чили, жгли какимъ-то составомъ огненн
привязывали головою или ногами къ са
влекли на берегъ Волхова, гдѣ сія рѣка не
нетъ зимою, и бросали съ моста въ воду, ц
ми семействами, женъ съ мужьями, матер
грудными младенцами (292). Ратники Моско
ѣздили на лодкахъ по Волхову съ кольями
грами и сѣкирами: кто изъ вверженных
рѣку всплывалъ, того кололи, разсѣкал
части. Сіи убійства продолжались пять нед
заключились грабежемъ общимъ: Іоаннъ
дружиною объѣхалъ всѣ Обители вокругъ
да; взялъ казны церковныя и монастырскія
лѣлъ опустошить дворы и келліи, истре
хлѣбъ, лошадей, скотъ; предалъ также и
Новгородъ грабежу, лавки, домы, церкви;
ѣздилъ изъ улицы въ улицу; смотрѣлъ,
хищные воины ломились въ палаты и кладо
отбивали ворота, влѣзали въ окна, дѣлили
ду собою шелковыя ткани, мѣха; жгли пе
кожи; бросали въ рѣку воскъ и сало. Толпы
дѣевъ были посланы и въ Пятины Новог
скія, губить достояніе и жизнь людей безъ

бора, безъ отвѣта. Сіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *неисповѣдимое колебаніе, паденіе, разрушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль.*

Февраля 12, въ Понедѣльникъ второй недѣли Великаго поста, на разсвѣтѣ, Государь призвалъ къ себѣ остальныхъ именитыхъ Новогородцевъ, изъ каждой улицы по одному человѣку: они явились какъ тѣни, блѣдные, изнуренные ужасомъ, ожидая смерти. Но Царь *возрѣлъ на нихъ окомъ милостивымъ и кроткимъ:* гнѣвъ, ярость, дотолѣ пылавшіе въ глазахъ его, какъ страшный метеоръ, угасли. Іоаннъ сказалъ тихо: «Мужи «Новогородскіе, всѣ доселѣ живущіе! молите «Господа о нашемъ благочестивомъ Царскомъ «Державствѣ, о христолюбивомъ воинствѣ, да «побѣждаемъ всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ! Суди Богъ измѣннику моему, вашему «Архіепископу Пимену, и злымъ его совѣтникамъ! На нихъ, на нихъ взыщется кровь, здѣсь «изліянная! Да умолкнетъ плачь и стенаніе; да «утишится скорбь и горесть! Живите и благоденствуйте въ семъ градѣ! Вмѣсто себя оставляю вамъ Правителя, Боярина и Воеводу «моего, Князя Петра Даніиловича Пронскаго. «Идите въ домы свои съ миромъ (293).» — Еще судьба Архіепископа не рѣшилась: его посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою, съ бубномъ въ рукахъ, какъ шута или скомороха (294), возили изъ улицы въ улицу, и за крѣпкою стражею отвезли въ Москву.

Іоаннъ немедленно удалился отъ Новаго-рода дорогою Псковскою, отправивъ не-смѣтную добычу святотатства и грабежа въ столицу. Некому было жалѣть о богатствѣ похищенномъ: кто остался живъ, благодарилъ Бога или не помнилъ себя въ изступленіи! Увѣряютъ, что граждань и сельскихъ жителей изгибло тогда не менѣе шестидесяти тысячь (295). Кровавый Волховъ, запруженный тѣлами и членами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро. Голодъ (296) и болѣзни довершили казнь Іоаннову, такъ, что Іереи, въ теченіе шести или семи мѣсяцевъ, не успѣвали погребать мертвыхъ: бросали ихъ въ яму безъ всякихъ обрядовъ. Наконецъ Новгородъ какъ бы пробудился отъ мертваго оцѣпенѣнія: 8 Сентября всѣ, еще живые, Духовенство, міряне, собралися въ полѣ, у церкви Рождества Христова, служить общую Панихиду за усопшихъ, надъ тамошнею скудельницею, гдѣ лежало 10,000 неотпѣтыхъ тѣлъ Христіанскихъ! (Въ первомъ мѣстѣ стоялъ нищій старецъ, Іоаннъ Жгальцо, который одинъ съ молитвою предавалъ мертвыхъ землѣ въ сіе ужасное время). — Опустѣлъ Великій Новгородъ. Знатная часть Торговой, нѣкогда многолюдной Стороны обратилась въ площадь, гдѣ, сломавъ всѣ уже

Запустѣніе Новагорода.

юбитаемые домы, заложили дворецъ Го-
ударевъ (297).

Іоаннъ готовилъ Пскову участь Новаго-
рода, думая, что и жители онаго хотѣли
измѣнить Россіи. Тамъ начальствовалъ
добрый Князь Юрій Токмаковъ и жилъ
славный благочестіемъ отшельникъ, *Са-*
лосъ (юродивый) Никола: одинъ счастли-
вымъ совѣтомъ, другой счастливою дерзо-
стію спасли городъ. Въ Субботу второй
недѣли Великаго поста Царь ночевалъ въ
монастырѣ Св. Николая на Любатовѣ, ви-
дя Псковъ, гдѣ, въ ожиданіи приближаю-
щейся грозы, никто не смыкалъ глазъ; всѣ
люди были въ движеніи; ободряли другъ
друга или прощались съ жизнію, отцы съ
дѣтьми, жены съ мужьями. Въ полночь
Царь услышалъ благовѣстъ и звонъ церк-
вей Псковскихъ: сердце его, какъ пишутъ
современники, чудесно умилилось (298). Онъ
вообразилъ живо, съ какими чувствами
идутъ граждане къ Заутренѣ, въ послѣдній
разъ молить Всевышняго о спасеніи ихъ
отъ гнѣва Царскаго; съ какимъ усердіемъ,
съ какими слезами припадаютъ къ Святымъ
иконамъ — и мысль, что Господь внимаетъ
гласу сердецъ сокрушенныхъ, тронула ду-
шу, столь ожесточенную! Въ какомъ-то
неизъяснимомъ порывѣ жалости Іоаннъ
сказалъ Воеводамъ своимъ: «Иступите ме-
чи о камень! да престанутъ убійства!...»

Спасеніе Пскова. На другой день, вступивъ въ город
съ изумленіемъ увидѣлъ на всѣхъ ули
предъ домами, столы съ изготовле
яствами (такъ было сдѣлано по
Князя Юрія Токмакова): граждане,
ихъ, дѣти, держа хлѣбъ и соль, прекл
колѣна, благословляли, привѣтст
Царя, и говорили ему: «Государь
«Великій! мы, вѣрные твои подданны
«усердіемъ и любовію предлагаемъ
«хлѣбъ-соль; а съ нами и животами
«ми твори волю свою: ибо все, что им
«и мы сами твои, Самодержецъ Вел
Сія неожидаемая покорность была п
Іоанну. Игуменъ Печерскій, Корнилі
Духовенствомъ встрѣтилъ его на пл
у церквей Св. Варлаама и Спаса. Цар
шалъ молебенъ въ храмѣ Троицы,
нился гробу Св. Всеволода-Гавріил
удивленіемъ разсматривалъ тяжелый
сего древняго Князя и зашелъ въ к
къ старцу *Салосу* Николѣ, который
защитою своего юродства не убоялся
чать тирана въ кровопійствѣ и свят
ствѣ ([299]). Пишутъ, что онъ предло
Іоанну въ даръ . . . . кусокъ сыраго
что Царь сказалъ: «Я Христіанинъ,
«ѣмъ мяса въ Великій постъ;» а пус
никъ отвѣтствовалъ: «ты дѣлаешь
«питаешься человѣческою плотію и
«вію, забывая не только постъ, но и Б

грозилъ ему, предсказывалъ несчастія, и такъ устрашилъ Іоанна, что онъ немедленно выѣхалъ изъ города; жилъ нѣсколько дней въ предмѣстіи; дозволилъ воинамъ грабить имѣніе богатыхъ людей, но не велѣлъ трогать Иноковъ и Священниковъ; взялъ только казны монастырскія и нѣкоторыя иконы, сосуды, книги, и какъ бы невольно пощадивъ Ольгину родину, спѣшилъ въ Москву, чтобы новою кровію утолить свою неутолимую жажду къ мучительству.

Архіепископъ Пименъ и нѣкоторые знатнѣйшіе Новогородскіе узники, вмѣстѣ съ нимъ присланные въ Александровскую Слободу, ждали тамъ конца своего. Миновало около пяти мѣсяцевъ, но не въ бездѣйствіи: производилось важное слѣдствіе; собирали доносы, улики; искали въ Москвѣ тайныхъ единомышленниковъ Пименовыхъ, которые еще укрывались отъ мести Государевой, сидѣли въ главныхъ Приказахъ, даже въ Совѣтѣ Царскомъ, даже пользовались особенною милостію, довѣренностію Іоанна. Печатникъ, или Канцлеръ, Иванъ Михайловичь Висковатый, мужъ опытнѣйшій въ дѣлахъ государственныхъ — Казначей Никита Фуниковъ, также вѣрный слуга Царя и Царства отъ юности до лѣтъ преклонныхъ — Бояринъ Семенъ Васильевичь Яковлевъ — умные

Казни въ Москвѣ.

Дьяки Василій Степановъ и Андрей Васи
были взяты подъ стражу: а съ ними вмѣст
общему удивленію, и первые любимцы Іо
вы: Вельможа Алексѣй Басмановъ, Воевод
жественный, но безстыдный угодникъ т
ства — сынъ его, Крайчій Θеодоръ, прекра
лицемъ, гнусный душею, безъ коего Іоан
могъ ни веселиться на пирахъ, ни свирѣп
вать въ убійствахъ — наконецъ самый бли
шій къ его сердцу нечестивецъ, Князь Аѳа
Вяземскій, обвиняемые въ томъ, что он
Архіепископомъ Пименомъ хотѣли отдать
городъ и Псковъ Литвѣ, извести Царя и
дить на тронъ Князя Владиміра Андреевича
Жалѣя о добрыхъ, заслуженыхъ сановник
Россіяне могли съ тайнымъ удовольствіем
дѣть казнь Божію надъ клевретами мучи
безъ сомнѣнія невинными предъ нимъ, но
новными предъ Государствомъ и челов
ствомъ. Сіи жестокіе Царедворцы поздно
ли, что милость тирана столь же опасна, к
ненависть его; что онъ не можетъ долго вѣ
людамъ, коихъ гнусность ему извѣстна;
малѣйшее подозрѣніе, одно слово, одна м
достаточны для ихъ паденія; что губитель,
своихъ услужниковъ, наслаждается чувст
[illegible]

ловѣренность къ Аѳанасію Вяземскому: единственно изъ рукъ сего любимаго Оружничаго принималъ лекарства своего Доктора Арнольфа Лензея ([300]); единственно съ нимъ бесѣдовалъ о всѣхъ тайныхъ намѣреніяхъ, ночью, въ глубокой тишинѣ, въ спальнѣ. Сынъ Боярскій, именемъ Ѳедоръ Ловчиковъ ([301]), облагодѣтельствованный Княземъ Аѳанасіемъ, донесъ на него, что онъ будто бы предувѣдомилъ Новогородцевъ о гнѣвѣ Царскомъ, слѣдственно былъ ихъ единомышленникомъ. Іоаннъ не усомнился: молчалъ нѣсколько времени, и вдругъ, призвавъ Вяземскаго къ себѣ, говоря ему о важныхъ дѣлахъ государственныхъ съ обыкновенною довѣренностію, велѣлъ между тѣмъ умертвить его лучшихъ слугъ: возвращаясь домой, Князь Вяземскій увидѣлъ ихъ трупы: не показалъ ни изумленія, ни жалости; прошелъ мимо, въ надеждѣ симъ опытомъ своей преданности обезоружить Государя; но былъ вверженъ въ темницу, гдѣ уже сидѣли и Басмановы, подобно ему уличаемые въ измѣнѣ. Всѣхъ обвиняемыхъ пытали: кто не могъ вынести мукъ, клеветалъ на себя и другихъ, коихъ также пытали, чтобы вывѣдать отъ нихъ неизвѣстное имъ самимъ. Записывали показанія истязуемыхъ; составили дѣло огромное, предложенное Государю и сыну его, Царевичу Іоанну; объявили казнь измѣнникамъ: ей надлежало совершиться въ Москвѣ, въ глазахъ всего народа, и такъ, чтобы столица,

уже пріученная къ ужасамъ, еще могла изумиться!

25 Іюля, среди большой торговой площади, въ Китаѣ-городѣ, поставили 18 висѣлицъ; разложили многія орудія мукъ; зажгли высокой костеръ, и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою (302). Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что настаалъ послѣдній день для Москвы; что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться, гдѣ могли. Площадь опустѣла; въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы Опричниковъ у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ раздался звукъ бубновъ: явился Царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, съ Боярами и Князьями, съ Легіономъ Кромѣшниковъ, въ стройномъ ополченіи; позади шли осужденные, числомъ 300 или болѣе, въ видѣ мертвецовъ, истерзанные, окровавленные, отъ слабости едва передвигая ноги. Іоаннъ сталъ у висѣлицъ, осмотрѣлся, и не видя народа, велѣлъ Опричникамъ искать людей, гнать ихъ отовсюду на площадь; не имѣвъ терпѣнія ждать, самъ поѣхалъ за ними, призывая Москвитянъ быть свидѣтелями его суда, обѣщая имъ безопасность и милость. Жители не смѣли ослушаться: выходили изъ ямъ, изъ погребовъ; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стѣнѣ, на кровляхъ стояли зрители. Тогда Іоаннъ, воз-

высивъ голосъ, сказалъ: «Народъ, увидишь «муки и гибель; но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй: правъ ли судъ мой?» Всѣ отвѣтствовали велегласно: «Да живетъ многія лѣта Государь «Великій! да погибнутъ измѣнники!» Онъ приказалъ вывести 180 человѣкъ изъ толпы осужденныхъ и даровалъ имъ жизнь, какъ менѣе виновнымъ. Потомъ Думный Дьякъ Государевъ, развернувъ свитокъ, произнесъ имена казнимыхъ; вызвалъ Висковатаго и читалъ слѣдующее: «Иванъ Михайловъ, бывшій Тайный Совѣтникъ Государевъ! ты служилъ неправедно «Его Царскому Величеству и писалъ къ Королю Сигизмунду, желая предать ему Новгородъ. Се первая вина твоя!» Сказавъ, ударилъ Висковатаго въ голову ([303]), и продолжалъ: «А се вторая, меньшая вина твоя: ты, измѣнникъ неблагодарный, писалъ къ Султану Турецкому, чтобы онъ взялъ Астрахань и Казань.» Ударивъ его въ другой — и въ третій разъ, Дьякъ примолвилъ: «Ты же звалъ и Хана Крымскаго опустошать Россію: се твое третіе злое «дѣло!» Тутъ Висковатый, смиренный, но великодушный, поднявъ глаза на небо, отвѣтствовалъ: «Свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, «вѣдающимъ сердца и помышленія человѣческія, что я всегда служилъ вѣрно Царю и отечеству. Слышу наглыя клеветы: не хочу болѣе «оправдываться, ибо земный судія не хочетъ «внимать истинѣ; но Судія небесный видитъ «мою невинность — и ты, о Государь! увидишь

«ее предъ лицемъ Всевышняго!» . . . . Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили, разсѣкли на части, и первый Малюта Скуратовъ, сошедши съ коня, отрѣзалъ ухо страдальцу (304). Второю жертвою былъ Казначей Фуниковъ-Карцовъ, другъ Висковатаго, въ тѣхъ же измѣнахъ и столь же нелѣпо обвиняемый. Онъ сказалъ Царю: «Се кланяюся «тебѣ въ послѣдній разъ на землѣ, моля Бога, «да пріимешь въ вѣчности праведную мзду по «дѣламъ своимъ!» Сего несчастнаго обливали кипящею и холодною водою: онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копіемъ одного старца. Умертвили въ 4 часа около двухъ сотъ человѣкъ. Наконецъ, совершивъ дѣло, убійцы, обліянные кровію, съ дымящимися мечами стали предъ Царемъ, восклицая: *гойда! гойда!* и славили его правосудіе. Объѣхавъ площадь, обозрѣвъ груды тѣлъ, Іоаннъ, сытый убійствами еще не насытился отчаяніемъ людей: желалъ видѣть злосчастныхъ супругъ Фуникова и Висковатаго; пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, смѣялся надъ ихъ слезами; мучилъ первую, требуя сокровищъ; хотѣлъ мучить и пятнадцатилѣтнюю дочь ея, которая стенала и вопила; но отдалъ ее сыну, Царевичу Іоанну, а послѣ вмѣстѣ съ матерію и съ женою Висковатаго заточилъ въ монастырь, гдѣ онѣ умерли съ горести (305).

Граждане Московскіе, свидѣтели сего ужас-

наго дня, не видали въ числѣ его жертвъ ни Князя Вяземскаго, ни Алексѣя Басманова: первый испустилъ духъ въ пыткахъ (306); конецъ послѣдняго — не смотря на всѣ безпримѣрныя, описанныя нами злодѣйства — кажется еще невѣроятнымъ: да будетъ сіе страшное извѣстіе вымысломъ богопротивнымъ, внушеніемъ естественной ненависти къ тирану, но клеветою! Современники пишутъ, что Іоаннъ будто бы принудилъ юнаго Ѳедора Басманова убить отца своего, тогда же или прежде заставивъ Князя Никиту Прозоровскаго умертвить брата, Князя Василія (307)! По крайней мѣрѣ сынъ извергъ не спасъ себя отцеубійствомъ: онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ другими (308). Имѣніе ихъ описали на Государя; многихъ знатныхъ людей сослали на Бѣлоозеро, а Святителя Пимена, лишивъ сана Архіепископскаго, въ Тульскій монастырь Св. Николая; многихъ выпустили изъ темницъ на поруки; нѣкоторыхъ даже наградили Царскою милостію. — Три дни Іоаннъ отдыхалъ: ибо надлежало предать трупы землѣ! Въ четвертый день снова вывели на площадь нѣсколько осужденныхъ и казнили: Малюта Скуратовъ, предводитель палачей, разсѣкалъ топорами мертвыя тѣла, которыя цѣлую недѣлю лежали безъ погребенія, терзаемыя псами. (Тамъ, близъ Кремлевскаго рва, на крови и на костяхъ, во послѣдующія времена стояли церкви, какъ умилительный, Христіанскій памятникъ сего

душегубства.) Жены избіенныхъ Дворянъ
ломъ 80, были утоплены въ рѣкѣ ([309]).

Однимъ словомъ, Іоаннъ достигъ нако
вышней степени безумнаго своего тиран
могъ еще губить, но уже не могъ изумлять
сіянъ никакими новыми изобрѣтеніями лют
Скрѣпивъ сердце, опишемъ только нѣкот
изъ безчисленныхъ злодѣяній сего времени

Не было ни для кого безопасности, но
менѣе для людей извѣстныхъ заслугами и
гатствомъ; ибо тиранъ, ненавидя добродѣ
любилъ корысть. Славный Воевода, отъ
бѣжала многочисленная рать Селимова, —
рый двадцать лѣтъ не сходилъ съ коня, по
дая и Татаръ и Литву и Нѣмцевъ, Князь П
Семеновичь Оболенскій-Серебряный, при
ный въ Москву, видѣлъ и слышалъ отъ
однѣ ласки; но вдругъ Легіонъ Опричн
стремится къ его дому Кремлевскому: лом
ворота, двери, и предъ лицемъ, у ногъ І
отсѣкаютъ голову сему, ни въ чемъ не обв
ному Воеводѣ ([310]). Тогдаже были казн
Думный Совѣтникъ Захарія Ивановичь Оч
Плещеевъ; Хабаровъ-Добрынскій, одинъ
богатѣйшихъ сановниковъ ([311]); Иванъ В
цовъ, сынъ Өедора, любимца Іоанновой
сти ([312]); Василій Разладинъ, потомокъ сла
въ XIV вѣкѣ Боярина Квашни ([313]); Во
Кирикъ-Тырковъ, равно знаменитый и Ан
скою чистотою нравовъ и великимъ умомъ
дарственнымъ и примѣрнымъ мужествомъ

скимъ, израненный во многихъ битвахъ; Герой-защитникъ Лаиса, Андрей Кашкаровъ (314); Воевода Нарвскій, Михайло Матвѣевичь Лыковъ, коего отецъ сжегъ себя въ 1534 году, чтобы не отдать города непріятелю (315), и который, будучи съ юныхъ лѣтъ плѣнникомъ въ Литвѣ, выучился тамъ языку Латинскому, имѣлъ свѣдѣнія въ Наукахъ, отличался благородствомъ души, пріятностію въ обхожденіи — и ближній родственникъ сего Воеводы, также Лыковъ, прекрасный юноша, посыланный Царемъ учиться въ Германію: онъ возвратился-было ревностно служить отечеству съ душею пылкою, съ разумомъ просвѣщеннымъ (316)! Воевода Михайловскій, Никита Козариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, уѣхалъ изъ столицы и посхимился въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки; узнавъ же, что Царь прислалъ за нимъ Опричниковъ, вышелъ къ нимъ и сказалъ: «я тотъ, кого вы ищете!» Царь велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря въ шутку, что Схимники Ангелы, и должны летѣть на небо (317). Чиновникъ Мясоѣдъ Вислой имѣлъ прелестную жену: ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову (318).

Гнѣвъ тирана, падая на цѣлыя семейства, губилъ не только дѣтей съ отцами, супруговъ съ супругами, но часто и всѣхъ родственниковъ мнимаго преступника. Такъ, кромѣ десяти Колычевыхъ, погибли многіе Князья

Ярославскіе (одного изъ нихъ, Князя Ивана Шаховскаго, Царь убилъ изъ собственныхъ рукъ булавою); многіе Князья Прозоровскіе, Ушатые, многіе Заболотскіе, Бутурлины (319). Не рѣдко знаменитые Россіяне избавлялись отъ казни славною кончиною. Два брата, Князья Андрей и Никита Мещерскіе, мужественно защищая новую Донскую крѣпость, пали въ битвѣ съ Крымцами: еще трупы сихъ витязей, орошаемые слезами добрыхъ сподвижниковъ, лежали непогребенные, когда явились палачи Іоанновы, чтобы зарѣзать обоихъ братьевъ: имъ указали тѣла ихъ! Тоже случилось и съ Княземъ Андреемъ Оленинымъ: присланные убійцы нашли его мертваго на полѣ чести. Іоаннъ, ни мало тѣмъ не умиленный, совершилъ лютую месть надъ дѣтьми сего храбраго Князя: уморилъ ихъ въ заточеніи (320).

Но смерть казалась тогда уже легкою: жертвы часто требовали ее какъ милости. Невозможно безъ трепета читать въ запискахъ современныхъ о всѣхъ адскихъ вымыслахъ тиранства, о всѣхъ способахъ терзать человѣчество. Мы упоминали о сковородахъ (321): сверхъ того были сдѣланы для мукъ особенныя печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы; разрѣзывали людей по составамъ, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины.....

И когда, въ ужасахъ душегубства, Россія цѣпенѣла, во дворцѣ раздавался шумъ ликующихъ: Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами, коихъ присылали къ нему изъ Новагорода и другихъ областей вмѣстѣ съ медвѣдями! Послѣдними онъ травилъ людей, и въ гнѣвѣ и въ забаву: видя иногда близъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, и громко смѣялся бѣгству, воплю устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ: давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе (322). Одною изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить Царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ими славился Князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, не довольный какою-то шуткою, Царь вылилъ на него мису горячихъ щей: бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножемъ . . . . обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали Доктора Арнольфа. «Исцѣли слугу моего добраго,» сказалъ Царь: «я поигралъ съ нимъ неосторожно.» *Такъ неосторожно* (отвѣчалъ Арнольфъ), *что развѣ Богъ и твое Царское*

Царскіе шуты.

Величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія. Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ, и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему Воевода Старицкій, Борисъ Титовъ, — поклонился до земли и величалъ его какъ обыкновенно. Царь сказалъ: «будь здравъ, любимый мой Воевода: ты до«стоинъ нашего жалованья» — и ножемъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ, не изъявивъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицемъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо (323)! — Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ яства и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать Литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки Царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцемъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: *гойда! гойда!* съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу (324).... Однакожь и въ сіе время, и на

сихъ пирахъ убійственныхъ, еще слышался иногда голосъ человѣческій, вырывались слова великодушной смѣлости. Мужъ храбрый, именемъ Молчанъ Митьковъ, нудимый Іоанномъ выпить чашу крѣпкаго меда, воскликнулъ въ горести: «о Царь! ты велишь намъ вмѣстѣ съ тобою пить медъ смѣшенный съ кровію нашихъ братьевъ, Христіанъ правовѣрныхъ!» Іоаннъ вонзилъ въ него свой острый жезлъ (325). Митьковъ перекрестился и съ молитвою умеръ.

Таковъ былъ Царь; таковы были подданные! Ему ли, имъ ли должны мы наиболѣе удивляться? Если онъ не всѣхъ превзошелъ въ мучительствѣ, то они превзошли всѣхъ въ терпѣніи, ибо считали власть Государеву властію Божественною и всякое сопротивленіе беззаконіемъ; приписывали тиранство Іоанново гнѣву Небесному и каялись въ грѣхахъ своихъ; съ вѣрою съ надеждою ждали умилостивленія, но не боялись и смерти, утѣшаясь мыслію, что есть другое бытіе для счастія добродѣтели, и что земное служитъ ей только искушеніемъ; гибли, но спасли для насъ могущество Россіи: ибо сила народнаго повиновенія есть сила государственная.

Довершимъ картину ужасовъ сего времени: голодъ и моръ помогали тирану опустошать Россію. Казалось, что земля Голодъ

Величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія. Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ, и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему Воевода Старицкій, Борисъ Титовъ, — поклонился до земли и величалъ его какъ обыкновенно. Царь сказалъ: «будь здравъ, любимый мой Воевода: ты достоинъ нашего жалованья» — и ножемъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ, не изъявивъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицемъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо (323)! — Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ яства и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать Литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки Царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцемъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: *гойда! гойда!* съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу (324) . . . . Однакожь и въ сіе время, и на

пирахъ убійственныхъ, еще слышал-
огда голосъ человѣческій, вырыва-
лова великодушной смѣлости. Мужъ
ый, именемъ Молчанъ Митьковъ,
ый Іоанномъ выпить чашу крѣпкаго
восклинулъ въ горести: «о Царь!
елишь намъ вмѣстѣ съ тобою пить
смѣшенный съ кровію нашихъ
ревъ, Христіанъ правовѣрныхъ!»
ь вонзилъ въ него свой острый
(325). Митьковъ перекрестился и съ
вою умеръ.
овъ былъ Царь; таковы были под-
е! Ему ли, имъ ли должны мы наи-
удивляться? Если онъ не всѣхъ пре-
лъ въ мучительствѣ, то они превзо-
сѣхъ въ терпѣніи, ибо считали власть
ареву властію Божественною и вся-
противленіе беззаконіемъ; приписы-
тиранство Іоанново гнѣву Небесному
ись въ грѣхахъ своихъ; съ вѣрою съ
дою ждали умилостивленія, но не
сь и смерти, утѣшаясь мыслію, что
ругое бытіе для счастія добродѣтели,
земное служитъ только искуше-
; гибли, но спасли для насъ могуще-
Россіи: ибо сила народнаго повино-
есть сила государственная.
ершимъ картину ужасовъ сего вре-
: голодъ и язвы помогали тирану
опуст[illegible] казалось, что земля Голодъ
г.

в мор. утратила силу плодородія: сѣяли, но не сбирали хлѣба; и холодъ и засуха губили жатву. Дороговизна сдѣлалась неслыханная: четверть ржи стоила въ Москвѣ 60 алтынъ или около девяти нынѣшнихъ рублей серебряныхъ (226). Бѣдные толпились на рынкахъ, спрашивали о цѣнѣ хлѣба и вопили въ отчаяніи. Милостыня оскудѣла; ее просили и тѣ, которые дотолѣ сами питали нищихъ. Люди скитались какъ тѣни; умирали на улицахъ, на дорогахъ. Не было явнаго возмущенія, но были страшныя злодѣйства: голодные тайно убивали и ѣли другъ друга (327)! Отъ изнуренія силъ, отъ пищи неестественной родилась прилипчивая, смертоносная болѣзнь въ разныхъ мѣстахъ. Царь приказалъ заградить многіе пути; конная стража ловила всѣхъ ѣдущихъ безъ письменнаго вида, неуказною дорогою, имѣя повелѣніе жечь ихъ вмѣстѣ съ товарами и лошадьми (328). Сіе бѣдствіе продолжалось до 1572 года.

Но ни Судьба, ни тиранъ еще не насытились жертвами. Не заключимъ, а только прервемъ описаніе золъ, чтобы съ удивленіемъ видѣть Іоанна какъ бы равнодушнаго, спокойнаго въ его неутомимой политической дѣятельности.

Сношенія съ Литвою. Весною въ 1570 году Послы Сигизмундовы пріѣхали въ Москву для заключенія мира, желая доставить его и Королю Швед-

скому (329); но Іоаннъ не хотѣлъ слышать о послѣднемъ. Въ тайной бесѣдѣ они сказали Царю, что Вельможи ихъ думаютъ въ случаѣ Сигизмундовой, вѣроятно не отдаленной смерти предложить ему вѣнецъ Королевскій, какъ Государю Славянскаго племени, Христіанину и Владыкѣ сильному. Не изъявивъ ни удовольствія, ни рѣшительнаго согласія, Іоаннъ хладнокровно отвѣтствовалъ: «Милосердіемъ Божіимъ и «молитвами нашихъ прародителей Россія «велика: начто мнѣ Литва и Польша? Ко«гда же вы имѣете сію мысль, то вамъ не «должно раздражать насъ затрудненіями въ «святомъ дѣлѣ покоя Христіанскаго.» Говорили о мирѣ, но заключили только перемиріе на три года, утвержденное Сигизмундомъ въ Варшавѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ (330), которые донесли Царю, что Вельможи Литовскіе желаютъ выдать за него сестру Сигизмундову, Софію, и видятъ въ немъ уже будущаго своего Властителя; что они не хотятъ поддаться ни Цесарю, худому защитнику и собственныхъ земель его, ни другимъ Государямъ, болѣе или менѣе слабымъ, въ сравненіи съ Московскимъ, непріятелемъ опаснымъ, но и самымъ надежнѣйшимъ покровителемъ. Честолюбивый Іоаннъ вѣрилъ, и мысленно уже простиралъ свою кровавую десницу къ вѣнцу Ягеллоновъ!

Королевство Ливонское.

Между тѣмъ онъ дѣятельно занимался Ливоніею. Любимцы его, Таубе и Крузе, возвышенные имъ въ санъ Думныхъ людей, внушили ему мысль составить изъ бывшихъ Орденскихъ земель особенное *Королевство* подъ верховною властію Россіи, увѣряя, что всѣ жители въ такомъ случаѣ пристанутъ къ намъ душею и сердцемъ, изгонятъ Шведовъ, Литовцевъ, и будутъ вмѣстѣ съ Королемъ своимъ вѣрнѣйшими подданными великаго Государя Московскаго. Еще въ 1565 году, какъ пишутъ, Іоаннъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ предлагалъ знаменитому своему плѣннику Фирстенбергу быть Ливонскимъ Владѣтелемъ и Царскимъ присяжникомъ; но сей великодушный старецъ отвѣчалъ, что для него лучше умереть въ неволѣ, нежели измѣнить совѣсти и святымъ обѣтамъ Рыцарства ([331]). Въ 1569 году Таубе и Крузе, пользуясь довѣренностію Іоанновою, имѣли сношенія съ Ревельскими гражданами, склоняя ихъ поддаться Царю, обѣщая имъ *времена златыя*, свободу, тишину, и говорили имъ: «Что представ«ляетъ Ливонія въ теченіе двѣнадцати «лѣтъ? картину ужасныхъ бѣдствій, кро«вопролитій, разореній. Никто не увѣренъ «ни въ жизни, ни въ достояніи. Мы слу«жимъ великому Царю Московскому, но «не измѣнили своему первому, истинному

«отечеству, коему хотимъ добра и спасенія. «Знаемъ, что онъ намѣренъ всѣми силами ударить на Ливонію: выгнать Шведовъ, Поляковъ и Датчанъ. Гдѣ защитники? Германія о «васъ не думаетъ: безпечность и слабость Императора вамъ извѣстны. Король Датскій не «смѣетъ молвить Царю грубаго слова. Дряхлый «Сигизмундъ унижается, ищетъ мира въ Москвѣ, а своихъ Ливонскихъ подданныхъ только «утѣсняетъ. Швеція ждетъ мести и казни: вы «уже сидѣли бы въ осадѣ, если бы жестокая «язва, свирѣпствуя въ Россіи, не препятствовала Царю мыслить о воинскихъ дѣйствіяхъ. «Онъ любитъ Нѣмцевъ; самъ происходитъ отъ «Дома *Баварскаго* (332), и даетъ вамъ слово, что «подъ его державою не будетъ города счастливѣе Ревеля. Изберите себѣ Властителя изъ «Князей Германскихъ: не вы, но единственно «сей Властитель долженъ зависѣть отъ Іоанна, «какъ Нѣмецкіе Принцы зависятъ отъ Императора — не болѣе. Наслаждайтесь миромъ, вольностію, всѣми выгодами торговли, не платя «дани, не зная трудовъ службы воинской. Царь «желаетъ быть единственно вашимъ благодѣтелемъ!» Въ то же время они именемъ Іоанновымъ предлагали Герцогу Курляндскому Готгарду санъ Ливонскаго Короля. Но имъ не вѣрили, какъ ненавистнымъ слугамъ Московскаго, уже вездѣ извѣстнаго тирана. Ревель не хотѣлъ измѣнить Швеціи, а Готгардъ Сигизмунду. Тогда повѣренные Іоанновы обратились къ Принцу

Датскому, Магнусу, Владѣтелю Эзеля, и сей легкомысленный юноша, ими обольщенный, согласился быть орудіемъ Іоанновой Политики, безъ вѣдома брата своего, Короля Датскаго (333).

Въ знакъ довѣренности къ великимъ милостямъ, ему обѣщаннымъ, Магнусъ самъ поѣхалъ къ Царю. Въ Дерптѣ услышалъ онъ о судьбѣ Новагорода (334): остановился, медлилъ и думалъ возвратиться съ пути отъ ужаса. Но честолюбіе одержало верхъ: онъ пріѣхалъ въ Москву съ великою пышностію, на двухъ стахъ коняхъ, со множествомъ слугъ и чиновниковъ (335); былъ принятъ съ особенною благосклонностію, угощаемъ пирами — и чрезъ нѣсколько дней совершилось важное дѣло: Царь назвалъ Магнуса *Королемъ Ливоніи*, а Магнусъ Царя своимъ верховнымъ Владыкою и отцемъ, удостоенный чести жениться на его племянницѣ, *Евфиміи*, дочери несчастнаго Князя Владиміра Андреевича. Бракъ отложили до благопріятнѣйшаго времени. Іоаннъ обѣщалъ невѣстѣ пять бочекъ золота; для своего будущаго зятя освободилъ Дерптскихъ плѣнниковъ; далъ ему войско для изгнанія Шведовъ изъ Эстоніи. Провождаемый многими Нѣмцами и полками Россійскими (336), Магнусъ вступилъ въ Ливонію, объявляя жителямъ свое *Королевство*, милость Іоаннову, соединеніе

Милость Царя къ Магнусу.

всѣхъ земель Орденскихъ, начало тишины и благоденствія. Таубе, Крузе, уполномоченные Царемъ, торжественно ручались за его искренность и добрую волю; говорили и писали, что Ливонія останется Державою свободною, платя только легкую дань Государю Московскому; что всѣ наши чиновники выѣдутъ оттуда; что одни Нѣмцы именемъ Короля и закона будутъ управлять землею. Многіе вѣрили и радовались, но не долго. Магнусъ, жертва честолюбія и легковѣрія, сдѣлался виновникомъ новыхъ бѣдствій для несчастной Ливоніи.

Слушаясь во всемъ Таубе и Крузе, онъ (23 Августа) приступилъ къ Ревелю съ 25,000 Россіянъ и со многочисленною Нѣмецкою дружиною, въ надеждѣ овладѣть имъ безъ кровопролитія; но граждане отвѣтствовали на его предложеніе, что они знаютъ коварство Іоанна; что тиранъ своего народа не можетъ быть благотворителемъ чужаго; что неопытный, юный Магнусъ имѣетъ совѣтниковъ или злонамѣренныхъ или безразсудныхъ; что ему готовится въ Россіи участь Князя Михайла Глинскаго, но что Ревель не хочетъ уподобиться Смоленску (337). Началась осада, вылазки и смертоносныя болѣзни какъ въ городѣ, такъ и въ станѣ Россіянъ, которые оказывали болѣе терпѣнія, нежели искусства и храбрости. Земляныя работы изнуряли осаждающихъ безполезно; дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда было слабо. Занявъ высоты предъ самыми воротами Ревельскими, и по-

строивъ деревянныя башни, они пускали грана-
ты, каленыя ядра въ крѣпость, безъ важнаг
вреда для непріятеля. Настала осень, зима. Вое
воды Московскіе, Бояринъ Иванъ Петровичъ
Яковлевъ, Князья Лыковъ, Кропоткинъ, не умѣ
взять Ревеля, только грабили села Эстонскія,
въ Февралѣ отпустили въ Россію 2000 саней на
полненныхъ добычею ([338]). Ждали, что голод
заставитъ осажденныхъ сдаться; но Шведскі
флотъ успѣлъ доставить имъ изобиліе въ съѣст
ныхъ и воинскихъ припасахъ. Наконецъ войск
уже изъявляло неудовольствіе. Магнусъ был
въ отчаяніи; винилъ Царскихъ совѣтниковъ
Таубе и Крузе; не зналъ, что дѣлать, и послал
Духовника своего, Шраффера, съ новыми убѣж
деніями къ Ревельскимъ гражданамъ. Сей кра
снорѣчивый Пасторъ безстыдно увѣрялъ ихъ
что Іоаннъ есть Государь истинно Христіанскій
любитъ Церковь Латинскую болѣе Греческой
легко можетъ пристать къ Аугсбургскому Испо
вѣданію; что онъ строгъ по необходимости дл
однихъ Россіянъ, а Нѣмцамъ другъ истинный
что Ревель безполезнымъ сопротивленіемъ уда
ляетъ златый вѣкъ, даруемый Ливоніи въ особ
юнаго Короля. Граждане велѣли ему итти назад
безъ отвѣта — и 16 Марта, стоявъ подъ Рев
лемъ 30 недѣль, Магнусъ снялъ осаду, зажег
станъ, ушелъ съ своею Нѣмецкою дружиною в
Оберпаленъ, данный ему Царемъ въ залогъ бу
дущаго Королевства; а наше войско расположи
лось въ восточной Ливоніи ([339]).

Сія первая неудача должна была оскорбить Царя. Въ тоже время свѣдавъ о мирѣ Короля Датскаго съ Шведскимъ, онъ изъявилъ Магнусу живѣйшее неудовольствіе, обвиняя брата его въ нарушеніи союза съ Россіею и въ дружбѣ съ ея злодѣемъ ([340]). Другое неожиданное происшествіе еще болѣе встревожило и Царя и Магнуса. Обязанные Іоанну свободою, знатностію, богатствомъ, Крузе и Таубе, послѣ несчастной Ревельской осады утративъ довѣренность новаго Короля Ливонскаго, боясь утратить и Государеву, забыли клятву, честь — вступили въ тайныя сношенія съ Шведами, съ Поляками, и вознамѣрились овладѣть Дерптомъ, чтобы отдать его тѣмъ или другимъ. Способъ казался легкимъ: они могли располагать дружиною Нѣмецкихъ воиновъ, которые, служа Царю за деньги, не усомнились измѣнить ему. Знатные жители Дерптскіе, бывъ долго плѣнниками въ Россіи, болѣе другихъ Ливонцевъ ненавидѣли ея господство: слѣдственно можно было надѣяться на ихъ ревностное содѣйствіе. Съ сею мыслію заговорщики вломились въ городъ: умертвили стражу; звали къ себѣ друзей, братьевъ; кричали, что насталъ часъ свободы и мести. Но изумленные граждане остались только зрителями: никто не присталъ къ измѣнникамъ, съ коими Россіяне въ нѣсколько минутъ управились: однихъ изрубили, другихъ выгнали, и считая жителей предателями, въ остервененіи умертвили многихъ невинныхъ ([341]). Таубе и

Крузе спаслися бѣгствомъ: отверженные Ревельцами, не хотѣвшими ни слушать, ни видѣть ихъ, они искали убѣжища въ Польскихъ владѣніяхъ, гдѣ Король и въ особенности Герцогъ Курляндскій приняли сихъ безразсудныхъ съ великою честію, въ надеждѣ свѣдать отъ нихъ важныя государственныя тайны Россіи, но свѣдали единственно о всѣхъ ужасахъ тиранства Іоаннова (342)! За годъ до того времени Таубе и Крузе писали къ Императору Максимиліану, что одинъ Іоаннъ можетъ изгнать Турковъ изъ Европы, имѣя войско безчисленное, опытное, непобѣдимое (343): измѣнивъ Россіи, они увѣряли Максимиліана и другихъ Европейскихъ Государей въ ея безсиліи и въ возможности завоевать или по крайней мѣрѣ стѣснить оную! — Опасаясь быть жертвою ихъ измѣны и гнѣва Іоаннова, Магнусъ, хотя и невинный, спѣшилъ уѣхать изъ Оберпалена на островъ Эзель.

Но Царь умѣлъ быть твердымъ въ намѣреніяхъ, скрывать внутреннюю досаду, казаться хладнокровнымъ въ самыхъ важныхъ несгодахъ. Онъ старался успокоить Магнуса новыми увѣреніями въ своей милости; съ горестію извѣстивъ его о незапной кончинѣ невѣсты, юной Евфиміи, предложилъ ему руку малолѣтной сестры ея, Маріи, съ такимижъ условіями, съ тѣмъ же богатымъ приданымъ (344), и снова обѣщалъ завоевать для него Эстонію. Магнусъ утѣшился: съ благодарностію принялъ опять *имя* жениха Царской племянницы; ждалъ с

нею Королевства, и писалъ къ брату, къ Императору, къ Князьямъ Германіи, что не суетное честолюбіе, но истинное усердіе къ общему благу Христіанъ заставило его искать союза Россіи, дабы сдѣлаться посредникомъ между Имперіею и сею великою Державою, которая можетъ вмѣстѣ съ другими Европейскими Вѣнценосцами возстать для обузданія Турціи. Сію надежду имѣлъ и самъ Императоръ и вся Германія, устрашаемая Султанскимъ властолюбіемъ; но Іоаннъ, какъ увидимъ, не думалъ о славѣ защитить Христіанскую Европу отъ Магометанскаго оружія: думалъ единственно о выгодахъ своей особенной Политики — о вѣрнѣйшемъ способѣ овладѣть всею Ливоніею и смирить гордость Ревельцевъ, которые дерзали торжественно именовать его тираномъ и величались побѣдою, одержанною надъ Россіянами, уставивъ ежегодно праздновать ея память 16 Марта (345). Онъ готовилъ месть, замедленную тогда ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ Москвы и всей юго-восточной Россіи.

Слѣдуя правилу не умножать враговъ Россіи, Іоаннъ хотѣлъ отвратить новую, безполезную войну съ Султаномъ, коего добрая къ намъ пріязнь могла обуздывать Хана: для того (въ 1570 году) Дворянинъ Новосильцовъ ѣздилъ въ Константинополь поздравить Селима съ воцареніемъ (346). Посольство въ Кон-

и зимою распустилъ большую часть
ска. . . . .

Нашествіе Хана. Тѣмъ болѣе онъ встревожился при
ступленіи весны, когда Ханъ, вооруж
всѣхъ своихъ Улусниковъ, тысячь сто
болѣе, съ необыкновенною скоростію
пилъ въ южные предѣлы Россіи, гдѣ во
тили его нѣкоторые бѣглецы, напи
Боярскіе, изгнанные изъ отечества ужа
Московскихъ казней (352): сіи измѣн
сказали Девлетъ-Гирею, что голодъ, я
непрестанныя опалы въ два года истре
большую часть Іоаннова войска; что ос
ное въ Ливоніи и въ крѣпостяхъ; что
къ Москвѣ открытъ; что Іоаннъ тольк
славы, только для вида можетъ выйт
поле съ малочисленною Опричниною,
замедлитъ бѣжать въ сѣверныя пуст
что въ истинѣ того они ручаются свое
ловою, и будутъ вѣрными путеводите
Крымцевъ. Измѣнники, къ несчастію,
зали правду: мы имѣли уже гораздо м
Воеводъ мужественныхъ и войска исп
наго. Князья Бѣльскій, Мстиславскій, І
тынскій, Бояре Морозовъ, Шереме
спѣшили, какъ обыкновенно, занять б
Оки, но не успѣли (353): Ханъ обо
ихъ, и другимъ путемъ приближил
Серпухову, гдѣ былъ самъ Іоанн
Опричниною. Требовалось рѣшите
сти, великодушія: Царь бѣжалъ!

въ Коломну, оттуда въ Слободу, мимо несчастной Москвы; изъ Слободы къ Ярославлю, чтобы спастися отъ непріятеля, спастися отъ измѣнниковъ: ибо ему казалось, что и Воеводы и Россія выдаютъ его Татарамъ! Москва оставалась безъ войска, безъ начальниковъ, безъ всякаго устройства; а Ханъ уже стоялъ въ тридцати верстахъ! Но Воеводы Царскіе съ береговъ Оки, не отдыхая, приспѣли для защиты — и что же сдѣлали? вмѣсто того, чтобы встрѣтить, отразить Хана въ полѣ, заняли предмѣстія Московскія, наполненныя безчисленнымъ множествомъ бѣглецовъ изъ деревень окрестныхъ; хотѣли обороняться между тѣсными, бренными зданіями. Князь Иванъ Бѣльскій и Морозовъ съ Большимъ Полкомъ стали на Варламовской улицѣ; Мстиславскій и Шереметевъ съ Правою Рукою на Якимовской; Воротынскій и Татевъ на Таганскомъ лугу противъ Крутицъ; Темкинъ съ дружиною Опричниковъ за Неглинною (354). На другой день, Мая 24, въ праздникъ Вознесенія, Ханъ подступилъ къ Москвѣ — и случилось; чего ожидать надлежало: онъ велѣлъ зажечь предмѣстія. Утро было тихое, ясное (355). Россіяне мужественно готовились къ битвѣ, но увидѣли себя объятыми пламенемъ: деревянные домы и хижины вспыхнули въ десяти разныхъ мѣстахъ. Небо омрачи-

Сожженіе Москвы.

лось дымомъ; поднялся вихрь, и чрезъ нѣс
ко минутъ огненное, бурное море разлилос
конца въ конецъ города съ ужаснымъ шу
и ревомъ. Никакая сила человѣческая не
остановить разрушенія: никто не думал
шить; народъ, воины, въ безпамятствѣ и
спасенія, и гибли подъ развалинами пылаю
зданій, или въ тѣснотѣ давили другъ д
стремясь въ городъ, въ Китай, но отовсю
нимые пламенемъ: бросались въ рѣку и то
Начальники уже не повелѣвали, или ихъ н
шались: успѣли только завалить Кремл
ворота, не впуская никого въ сіе послѣднее
жище спасенія, огражденное высокими стѣ
Люди горѣли, падали мертвые отъ жара и
въ церквахъ каменныхъ. Татары хотѣли,
могли грабить въ предмѣстіяхъ: огонь вы
ихъ, и самъ Ханъ, устрашенный симъ а
удалился къ селу Коломенскому. Въ три ча
стало Москвы: ни посадовъ, ни Китая го
уцѣлѣлъ одинъ Кремль, гдѣ въ церкви Ус
Богоматери сидѣлъ Митрополитъ Кирилл
святынею и съ казною; Арбатскій любимый
рецъ Іоанновъ разрушился. Людей погибл
вѣроятное множество: болѣе ста-двадцати
сячь воиновъ и граждавъ, кромѣ женъ, мл
цевъ и жителей сельскихъ, бѣжавшихъ въ
скву отъ непріятеля; а всѣхъ около осьми
тысячь [356]. Главный Воевода, Князь Бѣл
задохнулся въ погребѣ на своемъ дворѣ,
Бояринъ Михайло Ивановичь Вороной, не

Докторъ Іоанновъ, Арнольфъ Линзей, и 25 Лондонскихъ купцевъ. На пеплѣ бывшихъ зданій лежали груды обгорѣлыхъ труповъ, человѣческихъ и конскихъ. «Кто видѣлъ сіе зрѣлище» — пишутъ очевидцы — «тотъ воспоминаетъ объ немъ всегда съ новымъ ужасомъ и молитъ Бога не видать онаго вторично» (357).

Девлетъ-Гирей совершилъ подвигъ: не хотѣлъ осаждать Кремля, и съ Воробьевыхъ горъ обозрѣвъ свое торжество, кучи дымящагося пепла на пространствѣ тридцати верстъ (358), немедленно рѣшился итти назадъ, испуганный, какъ увѣряютъ, ложнымъ слухомъ, что Герцогъ или Король Магнусъ приближается со многочисленнымъ войскомъ (359). Іоаннъ, въ Ростовѣ получивъ вѣсть объ удаленіи врага, велѣлъ Князю Воротынскому итти за Ханомъ, который однакожь успѣлъ разорить большую часть юговосточныхъ областей Московскихъ, и привелъ въ Тавриду болѣе ста тысячь плѣнниковъ (360). Не имѣя великодушія быть утѣшителемъ своихъ подданныхъ въ страшномъ бѣдствіи, боясь видѣть ѳеатръ ужаса и слезъ, Царь не хотѣлъ ѣхать на пепелище столицы: возвратился въ Слободу и далъ указъ очистить Московскія развалины отъ гніющихъ труповъ. Хоронить было некому: только знатныхъ или богатыхъ погребали съ Христіанскими обрядами; тѣлами другихъ наполнили Москву-рѣку, такъ, что ея теченіе пресѣклось: они лежали грудами, заражая ядомъ тлѣнія и воздухъ и воду; а колодези осу-

лось дымомъ; поднялся вихрь, и чрезъ нѣсколько минутъ огненное, бурное море разлилось из конца въ конецъ города съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ. Никакая сила человѣческая не могла остановить разрушенія: никто не думалъ тушить; народъ, воины, въ безпамятствѣ искали спасенія, и гибли подъ развалинами пылающихъ зданій, или въ тѣснотѣ давили другъ друга стремясь въ городъ, въ Китай, но отовсюду гонимые пламенемъ: бросались въ рѣку и тонули. Начальники уже не повелѣвали, или ихъ не слушались: успѣли только завалить Кремлевскія ворота, не впуская никого въ сіе послѣднее убѣжище спасенія, огражденное высокими стѣнами. Люди горѣли, падали мертвые отъ жара и дыма въ церквахъ каменныхъ. Татары хотѣли, но не могли грабить въ предмѣстіяхъ: огонь выгналъ ихъ, и самъ Ханъ, устрашенный симъ адомъ, удалился къ селу Коломенскому. Въ три часа не стало Москвы: ни посадовъ, ни Китая города: уцѣлѣлъ одинъ Кремль, гдѣ въ церкви Успенія Богоматери сидѣлъ Митрополитъ Кириллъ со святынею и съ казною; Арбатскій любимый дворецъ Іоанновъ разрушился. Людей погибло невѣроятное множество: болѣе ста-двадцати тысячь воиновъ и гражданъ, кромѣ женъ, младенцевъ и жителей сельскихъ, бѣжавшихъ въ Москву отъ непріятеля; а всѣхъ около осьми сотъ тысячь (356). Главный Воевода, Князь Бѣльскій задохнулся въ погребѣ на своемъ дворѣ, также *Бояринъ* Михайло Ивановичь Вороной, перв-

очевидцы — «тотъ воспоминаетъ объ
сегда съ новымъ ужасомъ и молитъ Бога
ить онаго вторично» (357).
тъ-Гирей совершилъ подвигъ: не хо-
аждать Кремля, и съ Воробьевыхъ горъ
ъ свое торжество, кучи дымящагося
а пространствѣ тридцати верстъ (358),
нно рѣшился итти назадъ, испуганный,
ѣряютъ, ложнымъ слухомъ, что Герцогъ
оль Магнусъ приближается со многочи-
ъ войскомъ (359). Іоаннъ, въ Ростовѣ
ъ вѣсть объ удаленіи врага, велѣлъ Кня-
отынскому итти за Ханомъ, который
ь успѣлъ разорить большую часть юго-
ыхъ областей Московскихъ, и привелъ
иду болѣе ста тысячь плѣнниковъ (360).
великодушія быть утѣшителемъ своихъ
ыхъ въ страшномъ бѣдствіи, боясь ви-
атръ ужаса и слезъ, Царь не хотѣлъ

шились или были засыпаны: остальные жители изнемогали отъ жажды. Наконецъ собрали людей изъ окрестныхъ городовъ; вытаскали трупы изъ рѣки и предали ихъ землѣ ([361]). — Такимъ образомъ фіалъ гнѣва Небеснаго изліялся на Россію. Чего не доставало къ ея бѣдствіямъ, послѣ голода, язвы, огня, меча, плѣна и — тирана?

Теперь увидимъ, сколь тиранъ былъ малодушенъ въ семъ первомъ, важнѣйшемъ заключеніи своего Царствованія. 15 Іюня онъ приблизился къ Москвѣ и остановился въ Братовщинѣ ([362]), гдѣ представили ему двухъ гонцевъ отъ Девлетъ-Гирея, который, выходя изъ Россіи, какъ величавый побѣдитель желалъ съ нимъ искренно объясниться. Царь былъ въ простой одеждѣ: Бояре и Дворяне также, въ знакъ скорби или неуваженія къ Хану. На вопросъ Іоанновъ о здравіи брата его, Девлетъ-Гирея, чиновникъ Ханскій отвѣтствовалъ: «*Такъ говорить тебѣ Царь нашъ:* Мы назывались друзьями; нынѣ стали непріятелями. Братья ссорятся «и мирятся. Отдай Казань съ Астраханью: то«гда усердно пойду на враговъ твоихъ.» Сказавъ гонецъ явилъ дары Ханскіе: ножъ, окованный золотомъ, и примолвилъ: «Девлетъ-Ги«рей носилъ его на бедрѣ своей: носи и ты. «Государь мой еще хотѣлъ послать тебѣ коня; «но кони наши утомились въ землѣ твоей.» Іоаннъ отвергнулъ сей даръ *непристойный* и велѣлъ читать Девлетъ-Гирееву грамоту: «Жгу и

лъ изъ Москвы — и смѣешь хвалиться
мъ Царскимъ величіемъ, не имѣя ни му-
ва, ни стыда! Нынѣ узналъ я пути Госу-
ва твоего: снова буду къ тебѣ, если не
бодишь Посла моего, безполезно томимаго
нею въ Россіи; если не сдѣлаешь, чего тре-
и не дашь мнѣ клятвенной грамоты за себя,
тей и внучатъ своихъ.» Какъ же посту-
Іоаннъ, столь надменный противъ Хри-
кихъ, знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Евро-
билъ челомъ Хану: обѣщалъ уступить ему
хань при торжественномъ заключеніи ми-
до того времени молилъ его не тревожить
; не отвѣчалъ на слова бранныя и на-
ки язвительныя; соглашался отпустить По-
рымскаго, если Ханъ отпуститъ Аѳанасія
о и пришлетъ въ Москву Вельможу для
ѣйшихъ переговоровъ. Дѣйствительно го-
 въ крайности отказаться отъ своего бле-

въ угодность Девлетъ-Гирею выдал
тогда же одного знатнаго Крымскаго
ника, сына Княжескаго, добровольн
нявшаго въ Москвѣ Вѣру Христіан
выдалъ на муку или на перемѣну За
къ неслыханному соблазну для Прав
вія ([363]).

Унижаясь предъ врагомъ, Іоаннъ
бы обрадовался новому поводу къ
губству въ бѣдной землѣ своей, и ещ
сква дымилась, еще Татары злодѣй
вали въ нашихъ предѣлахъ, а Цар
казнилъ и мучилъ подданныхъ! Мы
ли, что измѣнники Россійскіе вели Дев
Гирея къ столицѣ: сею измѣною І
могъ изъяснять успѣхъ непріятеля;
какъ и прежде, оправдывать изступ
своего гнѣва и злобы: нашелъ и д
вину, не менѣе важную. Скучая вдовст
хотя и не цѣломудреннымъ, онъ уже
искалъ себѣ третьей супруги. Впаденіе
ское прервало сіе дѣло; когда же опас
миновалась, Царь снова занялся о
Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣст
Слободу, и знатныхъ и незнатныхъ
сломъ болѣе двухъ тысячь: каждую
ставляли ему особенно. Сперва он
бралъ 24, а послѣ 12, коихъ надл
осмотрѣть Доктору и бабкамъ; долго
нивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятнос
въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ М

ьевну Собакину, дочь купца Нового- аго, въ тоже время избравъ невѣсту старшаго Царевича, Евдокію Богда- Сабурову ([364]). Отцы счастливыхъ вицъ изъ ничего сдѣлались Боярами, будущей Царицы Окольничими, братъ имъ; возвысивъ саномъ, ихъ надѣ- и богатствомъ, *добычею опалъ*, имѣ- отнятымъ у древнихъ родовъ Кня- ихъ и Боярскихъ. Но Царская невѣста огла; начала худѣть, сохнуть: сказа- то она *испорчена* злодѣями, ненави- ами Іоаннова семейственнаго благо- ія, и подозрѣніе обратилось на ближ- родственниковъ Царицъ умершихъ, асіи и Маріи. Разыскивали — вѣ- о, страхомъ и лестію домогались ы или клеветы. Не знаемъ всѣхъ об- ельствъ: знаемъ только, кто и какъ ъ въ сію *пятую* эпоху убійствъ. нъ Іоанновъ, Князь Михайло Тем- вичь, суровый Азіатецъ, то знатнѣй- оевода, то гнуснѣйшій палачь, осы- ій и милостями и ругательствами, кратно обогащаемый и многократно мый всего въ забаву Царю, долженъ съ полкомъ Опричниковъ итти въ за Девлетъ-Гиреемъ ([365]): онъ высту- — и вдругъ, сраженный опалою, былъ енъ на колъ! Вельможу Ивана Петро- Яковлева (прощеннаго въ 1566 году),

Новое супружество Іоанново.

Пятая эпоха душегубства.

брата его, Василія, бывшаго пѣстуномъ старшаго Царевича, и Воеводу Замятню Сабурова, роднаго племянника несчастной Соломониды, первой супруги отца Іоаннова, засѣкли, а Боярина Льва Андреевича Салтыкова постригли въ Монахи Троицкой Обители, и тамъ умертвили. Открылись казни инаго рода: злобный клеветникъ, Докторъ Елисей Бомелій, о коемъ мы упоминали, предложилъ Царю истреблять лиходѣевъ ядомъ, и составилъ, какъ увѣряютъ, губительное зеліе съ такимъ адскимъ искусствомъ, что отравляемый издыхалъ въ назнаемую тираномъ минуту. Такъ Іоаннъ казнилъ одного изъ своихъ любимцевъ, Григорія Грязнаго, Князя Ивана Гвоздева-Ростовскаго и многихъ другихъ, признанныхъ участниками въ отравленіи Царской невѣсты или въ измѣнѣ, открывшей путь Хану къ Москвѣ ([366]). Между тѣмъ Царь женился (28 Октября) на больной Марѳѣ, надѣясь, по его собственнымъ словамъ, спасти ее симъ дѣйствіемъ любви и довѣренности къ милости Божіей ([367]); чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи; но свадебные пиры заключились похоронами: Марѳа 13 Ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою человѣческой злобы или только несчастною виновницею казни безвинныхъ. Во всякомъ случаѣ царственный гробъ ея, стоящій

Смерть Царицы.

двухъ супругъ Іоанновыхъ, въ Дѣ-
мъ монастырѣ Вознесенскомъ, есть
етъ умиленія и горестныхъ мыслей
томства.

шенный местію, Іоаннъ искалъ даль-
го разсѣянія въ дѣлахъ государ-
ныхъ. Боясь вторичнаго Ханскаго на-
ія, и желая взять мѣры для безопас-
Москвы, онъ уничтожилъ ея посады:
купцевъ и мѣщанъ перевелъ оттуда
родъ, и запретилъ имъ строить *высо-*
ревянные домы, опасные въ случаѣ
ра ([368]); осмотрѣлъ, распорядилъ вой-
велѣлъ Касимовскому Царю, Саинъ-
у, съ передовою дружиною итти на
овъ, къ Орѣшку, и самъ отправился
вгородъ. Казалось, что ему не легко Путешествіе Іоанново въ Новгородъ.
увидѣть сіе позорище лютыхъ каз-
жасное знаменіе его гнѣва, — то мѣ-
дѣ, въ страшномъ безмолвіи людей,
вопіяли на губителя, — мѣсто скор-
ыпія, нищеты и болѣзней, которыя
еще свирѣпствовали. Намѣстники Но-
одскіе велѣли собраться всѣмъ жите-
предъ пустымъ, необитаемымъ Дво-
Архіепископскимъ, и читали имъ
ту Іоаннову: Царь писалъ, чтобы они
спокойны и готовили, по древнему
аю, запасы для его прибытія. Очистили
воръ и садъ на Никитской улицѣ; по-
ли въ Софійской церкви новое мѣсто

Царское и надъ нимъ златаго голубя, какъ бы въ знакъ примиренія и незлобія; обновили и мѣсто Святительское въ семъ, безъ Владыки осиротѣломъ храмѣ (369). Взяли строгія мѣры для безопасности Царскаго здравія: не велѣли хоронить въ городѣ людей умирающихъ отъ болѣзни заразительной; отвели для нихъ кладбище на берегу Волхова, близъ монастыря Хутынскаго; съ утра до ночи ходили стражи по улицамъ, осматривая домы, и запирая тѣ, въ коихъ сей недугъ обнаруживался; не пускали къ больнымъ и Священниковъ, угрожая тѣмъ и другимъ, въ случаѣ непослушанія, сожженіемъ на кострѣ. Сія жестокая строгость имѣла однакожъ благодѣтельное слѣдствіе: въ началѣ зимы Духовенство объявило торжественно Посланнику Государеву, что моръ совершенно прекратился въ Новѣгородѣ — и 23 Декабря, для обрадованія жителей, пріѣхалъ къ нимъ новый ихъ Архіепископъ Леонидъ, постановленный въ Москвѣ изъ Архимандритовъ Чудовскаго монастыря; а на другой день и самъ Государь съ дѣтьми своими и съ знатнѣйшими чиновниками. Еще Дворъ Іоанновъ, не смотря на избіеніе столь многихъ Вельможъ, казался пышнымъ и блестящимъ; еще являлись у трона мужи украшенные сѣдиною и заслугами. Походную или воинскую Думу его составляли тогда Бояре и Князья Мстиславскій, Воротынскій, Пронскій, Трубецкій, Одоевскій, Сицкій, Шереметевъ и знатнѣйшій *между* ими Петръ Тутаевичь Шійдяковъ Ногай-

скій; Окольничій Василій Собакинъ; Думные Дворяне, Малюта Скуратовъ и Черемисиновъ; Печатникъ Олферьевъ; Дьяки Андрей и Василій Яковлевы Щелкаловы (370), главные дѣльцы по смерти злосчастнаго Ивана Михайловича Висковатаго. Полки собирались въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ, чтобы воевать вмѣстѣ и Финляндію и Эстонію, въ отмщеніе Королю Шведскому за неисполненіе Эрикова безумнаго договора и за неудачу Магнуса подъ Ревелемъ.

Но пепелъ Москвы, оскудѣніе Россіи и новыя опасенія со стороны Хана склоняли Іоанна къ миролюбію: онъ хотѣлъ только мира честнаго. Послы Шведскіе были сосланы въ Муромъ (371): ихъ привезли въ Новгородъ, гдѣ объявили имъ условія Царской милости. Іоаннъ требовалъ, чтобы Король заплатилъ 10,000 ефимковъ за оскорбленіе Воронцова и Наумова въ Стокгольмѣ, уступилъ намъ всю Эстонію и серебряные рудники въ Финляндіи, заключилъ съ Царемъ союзъ противъ Литвы и Даніи, а въ случаѣ войны давалъ ему 1000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратниковъ; наконецъ, чтобы Король именовалъ его въ грамотахъ *Властителемъ Швеціи* и прислалъ въ Москву свой гербъ для изображенія онаго на печати Царской (372)! Послы, изнуренные жестокою неволею, страшились

Дѣла Шведскія.

досадить Іоанну, какъ за себя, такъ и за сла
Швецію, угрожаемую нападеніемъ сильнаго
ска: молили Царевичей и Бояръ убѣдить Г
даря, чтобы онъ унялъ свой мечь, отпуст
ихъ къ Королю и согласился мирно ждать о
та; говорили, что въ Финляндіи нѣтъ сере
ной руды; что Швеція есть земля бѣдная
въ силахъ помогать намъ войскомъ. Предс
ленные Іоанну, они пали ницъ: Царь вел
имъ встать и сказалъ: «Я Владыка Христіа
«и не хочу земнаго себѣ поклоненія;» исчисл
вины Короля: повторилъ свои требованія и
молвилъ: «да исполнитъ волю нашу, или
«димъ, чей мечь острѣе» (373). Далѣе объяв
имъ, что онъ, требуя Екатерины отъ Эр
считалъ ее вдовою бездѣтною: слѣдственн
нарушалъ тѣмъ устава Божественнаго (374);
тѣлъ единственно имѣть надежный залогъ
усмиренія Сигизмунда. Послы увѣряли, что
роль во всемъ *исправится* и *добьетъ челомъ*
рю за вину свою; обѣдали съ нимъ и подпи
грамоту, въ коей сказано, что Великій Госу
Россійскій примѣнилъ гнѣвъ на милость
Швеціи и согласился не воевать ея владѣні
Троицына дни, съ условіемъ, чтобы Ко
прислалъ къ сему времени другихъ Посло
Новгородъ, а съ ними 10,000 ефимковъ за о
Воронцова и Наумова, 200 конныхъ воин
снаряженныхъ по *Нѣмецкому чину*, на слу
Московскую и нѣсколько искусныхъ Метал
говъ; чтобы онъ свободно пропускалъ въ Р

мѣдь, олово, свинецъ, нефть, сѣру:
же Медиковъ, художниковъ, людей
аскихъ. Въ ласковой бесѣдѣ съ Епи-
омъ Абовскимъ Бояре разспрашивали
ѣтахъ, умѣ и дородствѣ юной сестры
олевской; изъявили желаніе имѣть ея
описный образъ и дали чувствовать,
Царь можетъ на ней жениться (375).
онецъ отпустили Пословъ въ Сток-
мъ съ честію и съ письмомъ къ Ко-
о. Іоаннъ писалъ: «Ничѣмъ не умо-
шь меня, если не откажешься отъ Ли-
іи. Надежда твоя на Цесаря есть пу-
я. Говори что хочешь; но словами не
цитишь земли своей» (376). Тогда Царь
вилъ войску, что непріятельскія дѣй-
я отлагаются изъ уваженія къ чело-
ью Шведовъ (377), и пробывъ 26 дней
Новѣгородѣ — не сдѣлавъ тамъ никому
, возстановивъ къ удовольствію жите-
старинный обычай судныхъ поедин-
ь, давъ имъ въ Намѣстники первосте- г. 1572.
наго Боярина, Князя Мстиславскаго, и
искаго — 18 Генваря выѣхалъ оттуда,
вождаемый благословеніями народа.
ервымъ дѣломъ его по возвращеніи въ
кву или въ Александровскую Слободу
неслыханное дотолѣ въ Россіи цер- Четвертый бракъ Іоанновъ.
ое беззаконіе. Онъ въ *четвертый разъ*
лся на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской,
цѣ весьма незнатной, не разсудивъ за

благо требовать Святительскаго благослов
но немедленно усовѣстился, созвалъ Епи
повъ и молилъ ихъ утвердить сей бракъ. М
литъ Кириллъ въ то время преставился (378
Соборѣ первенствовалъ Новогородскій Арх
скопъ Леонидъ, корыстолюбецъ, угодникъ
ской власти. Такъ Іоаннъ говорилъ Свя
лямъ (торжественно, въ храмѣ Успенія): «
«люди чародѣйствомъ извели первую су
«мою, Анастасію. Вторая, Княжна Черкас
«также была отравлена, и въ мукахъ, въ т
«піяхъ отошла ко Господу. Я ждалъ не
«времени и рѣшился на третій бракъ, от
«для нужды тѣлесной, отчасти для дѣтей м
«еще не достигшихъ совершеннаго возр
«юность ихъ претила мнѣ оставить міръ; а
«въ мірѣ безъ жены соблазнительно. Благ
«венный Митрополитомъ Кирилломъ, я
«искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, нак
«избралъ; но зависть, вражда погубили М
«только именемъ Царицу: еще въ невѣ
«она лишилась здравія и чрезъ двѣ недѣл
«пружества преставилась дѣвою. Въ отча
«въ горести я хотѣлъ посвятить себя ж
«Иноческому; но видя опять жалкую мла
«сыновей и Государство въ бѣдствіяхъ, дер
«на четвертый бракъ. Нынѣ, припадая съ
«леніемъ, молю Святителей о разрѣшеніи
«гословеніи» (379). Такое смиреніе Великаг
ря, какъ сказано въ дѣяніяхъ сего Собора
боко тронуло Архіепископовъ и Епископ

они *проливали слезы*, болѣзнуя о винѣ и виновномъ. Читали Уставъ Вселенскихъ Соборовъ; разсуждали и положили утвердить бракъ, *ради теплаго, умильнаго покаянія* Государева, съ заповѣдію не входить Іоанну въ храмъ до Пасхи, только въ сей день причаститься Святыхъ Таинъ, годъ стоять въ церкви съ *припадающими*, годъ съ *вѣрными* и вкушать Антидоръ единственно въ праздники (380); но въ случаѣ воинскаго похода увольняли его отъ сей Эпитиміи: брали ее на себя; между тѣмъ обязывались молиться за Царицу Анну — и дабы беззаконіе Царя не было соблазномъ для народа, то грозили ужасною церковною клятвою всякому, кто подобно Іоанну дерзнетъ взять четвертую жену. Кромѣ Леонида, грамоту разрѣшительную подписали Архіепископы Корнилій Ростовскій и Антоній Полоцкій, семь Епископовъ, нѣсколько Архимандритовъ и знатнѣйшихъ Игуменовъ. Успокоивъ Іоаннову совѣсть, они занялись и другимъ важнымъ дѣломъ: избрали Митрополита: сей чести удостоился Архіепископъ Антоній.

29 Апрѣля.

Май.

Между тѣмъ, желая мира, но готовясь къ войнѣ — требуя всѣхъ Дѣтей Боярскихъ на службу, укрѣпляя города южные, Болховъ, Орелъ, не задолго до сего времени основанный въ степи (381) — Іоаннъ имѣлъ *переговоры съ разными* Державами.

благо требовать Святительскаго благослов
но немедленно усовѣстился, созвалъ Епи
повъ и молилъ ихъ утвердить сей бракъ. М
литъ Кириллъ въ то время преставился (378
Соборѣ первенствовалъ Новогородскій Арх
скопъ Леонидъ, корыстолюбецъ, угодникъ
ской власти. Такъ Іоаннъ говорилъ Свят
лямъ (торжественно, въ храмѣ Успенія): «
«люди чародѣйствомъ извели первую су
«мою, Анастасію. Вторая, Княжна Черкас
«также была отравлена, и въ мукахъ, въ т
«ніяхъ отошла ко Господу. Я ждалъ не
«времени и рѣшился на третій бракъ, от
«для нужды тѣлесной, отчасти для дѣтей мо
«еще не достигшихъ совершеннаго возр
«юность ихъ претила мнѣ оставить міръ; а
«въ мірѣ безъ жены соблазнительно. Благ
«венный Митрополитомъ Кирилломъ, я
«искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, нако
«избралъ; но зависть, вражда погубили М
«только именемъ Царицу: еще въ невѣс
«она лишилась здравія и чрезъ двѣ недѣл
«пружества преставилась дѣвою. Въ отча
«въ горести я хотѣлъ посвятить себя
«Иноческому; но видя опять жалкую мла
«сыновей и Государство въ бѣдствіяхъ, дер
«на четвертый бракъ. Нынѣ, припадая съ
«леніемъ, молю Святителей о разрѣшеніи
«гословеніи» (379). Такое смиреніе Великаг
ря, какъ сказано въ дѣяніяхъ сего Собора
боко тронуло Архіепископовъ и Епископ

Государева, съ заповѣдію не вхо-
вну въ храмъ до Пасхи, только въ
причаститься Святыхъ Таинъ,
оять въ церкви съ *припадающими*,
вѣрными и вкушать Антидоръ един-
въ праздники (380); но въ случаѣ
го похода увольняли его отъ сей
и: брали ее на себя; между тѣмъ
лись молиться за Царицу Анну —
беззаконіе Царя не было соблаз-
я народа, то грозили ужасною цер-
клятвою всякому, кто подобно Іо-
рзнетъ взять четвертую жену. Кро-
нида, грамоту разрѣшительную под- 29 Апрѣля.
Архіепископы Корнилій Ростовскій
ій Полоцкій, семь Епископовъ, нѣ-
Архимандритовъ и знатнѣйшихъ
овъ. Успокоивъ Іоаннову совѣсть,
ялись и другимъ важнымъ дѣломъ:
Митрополита: сей чести удостоил- Мая.
епископъ Антоній.

Союзъ съ Елисаветою.

Онъ возобновилъ союзъ съ Королевою Елисаветою, бывъ недоволенъ ея холодностію къ объявленному имъ намѣренію искать убѣжища въ Англіи, и едва не выгнавъ изъ Россіи Лондонскихъ купцевъ, обвиняемыхъ въ беззаконномъ корыстолюбіи. Чтобы умилостивить Царя, Елисавета въ четвертый разъ прислала къ нему Дженкинсона, съ увѣреніями въ дружествѣ искреннемъ и неизмѣнномъ (382). «Для «чего же Королева» (сказалъ Іоаннъ) «занимаясь единственно выгодами Англій-«ской торговли, не оказала живаго участія «въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ для «судьбы моей? Знаю, что торговля важна «для Государства; но собственныя дѣла «Царскія еще важнѣе купеческихъ.» Дженкинсонъ оправдывалъ Елисавету, виня худыхъ переводчиковъ, которые не умѣли истолковать ея словъ, одушевленныхъ любовію къ Царю; спрашивалъ о преступленіи купцевъ Лондонскихъ; исчислилъ ихъ услуги; доказывалъ, что они, исполняя волю Королевы, содѣйствовали успѣхамъ нашего оружія въ Ливоніи, не давъ Сѣвернымъ Державамъ заградить морскаго пути въ Нарву и лишить Россію выгодъ Балтійской торговли. Іоаннъ смягчился; объявилъ милость всѣмъ Англичанамъ; не хотѣлъ говорить о винѣ ихъ, сказавъ: «Кого «*прощаю*, того уже не виню. Будемъ друзья-

ми, какъ были. Прежняя тайна останется тайною. Теперь иныя обстоятельства; а въ случаѣ нужды откроюсь возлюбленной сестрѣ моей, Елисаветѣ, съ полною довѣренностію.» То есть, искоренивъ мнимыхъ внутреннихъ враговъ, онъ уже не мыслилъ о бѣгствѣ въ Лондонъ! Снова исходатайствовавъ для купцевъ своихъ милостивое дозволеніе торговать въ Россіи, предложивъ основать Контору въ Астрахани для мѣны съ Персіею и гостиный дворъ въ Колмогорахъ, Дженкинсонъ требовалъ еще 1) свободнаго отпуска Англійскихъ художниковъ и ремесленниковъ изъ Москвы въ Лондонъ; 2) платежа за товары, взятые у Англичанъ въ долгъ нѣкоторыми опальными, *казненными* Дворянами Царскими, и 3) за все, что сгорѣло у сихъ купцевъ во время Московскаго пожара. Сіи требованія, кажется, были непріятны Іоанну: онъ сказалъ, что иноземцы вольны жить или не жить у насъ; что велитъ справиться о долгахъ, а впредь не хочетъ объ нихъ слышать; что Государь не отвѣтствуетъ за огонь и за гнѣвъ Божій, который обратилъ Москву въ пепелъ. Дженкинсона отпустили съ честію и съ ласковымъ письмомъ къ Елисаветѣ.

Въ новыхъ сношеніяхъ съ Даніею и съ Литвою Іоаннъ слѣдовалъ старымъ правиламъ гордой *непреклонности*. Король Фри- Пере-

говоры съ Даніею и съ Литвою.

дерикъ не давалъ ему знать о своемъ мирѣ съ Швеціею, не изъявлялъ ни малѣйшаго участія въ судьбѣ Магнуса, но увѣрялъ Царя въ неизмѣнномъ дружествѣ; жаловался, что Россіяне отнимаютъ у Норвежцевъ земли и рыбныя ловли; просилъ *опасной грамоты* для Пословъ Императора Максимиліана, ѣдущихъ въ Москву за важнымъ дѣломъ (383). Царь сказалъ: «Фридерикъ хорошо дѣлаетъ, что желаетъ намъ «быть вѣрнымъ другомъ до конца жизни; «но то не хорошо, что безъ нашего велѣнія мирится съ непріятелемъ Россіи. Да «исправится; да стоитъ съ нами за-едино: «да убѣдитъ Шведовъ повиноваться волѣ «моей! О дѣлахъ Норвежскихъ развѣдаемъ «и не замедлимъ въ управѣ. Пословъ брата «нашего, Максимиліана, ожидаемъ: имъ «путь свободенъ сюда и отсюда.» Сигизмундовъ Посланникъ Гарабурда объявилъ Іоанну, что во многихъ Нѣмецкихъ городахъ ходятъ отъ его имени письма бранныя, весьма оскорбительныя для Короля, исполненныя лжи и нелѣпостей; что Царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ злобою разсѣянныхъ клеветъ; что Герцогъ Магнусъ съ помощію Россіянъ воевалъ Королевскія Мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвастъ; что Сигизмундъ желалъ бы охотно уступить намъ *нѣкоторые* изъ Ливонскихъ городовъ за

лоцкъ. Дьякъ Царскій, Андрей Щелка-
ъ, отвѣтствовалъ, что бранныя письма
Королѣ сочинены Нѣмцами, Таубе и
узе, въ опроверженіе Сигизмундова
словія, какъ они доносили Іоанну;
сіи два негодяя бѣжали въ Литву;
Королю должно прислать ихъ въ
скву для казни, и что тогда Царь не-
ленно извѣститъ всѣхъ Государей Ев-
пейскихъ о подлогѣ оскорбительныхъ
Сигизмунда грамотъ; что Тарвастъ
ятъ нами, ибо онъ нашъ; что Маг-
съ воевалъ не Польскія, а Шведскія
адѣнія; что если Король уступитъ Рос-
всю Ливонію, то мы готовы усту-
ть ему и Полоцкъ и Курляндію; что
аннъ, для дѣла столь важнаго, будетъ
ать Великихъ Пословъ Королевскихъ во
ковѣ (384): ибо Царь опять ѣхалъ въ Отбытіе Іоанна въ Новгородъ.
вгородъ, чтобы заключить миръ или
евать съ Швеціею презираемою, въ то
емя, когда, не имѣя вѣстей изъ Тавриды,
ъ угадывать злое намѣреніе Хана; ко-
уже носился слухъ о близости его но-
о нашествія; когда безопасность и Мо-
ы и Россіи требовала Царскаго присут-
ія въ столицѣ, возникающей изъ пепла,
бой, робкой въ ужасныхъ воспомина-
хъ своего не-давняго бѣдствія! Іоаннъ
ъ бы искалъ единственно личной безо-
сности въ странѣ *отдаленной*: послалъ

говоры съ Даніею и съ Литвою.

дерикъ не давал
съ Швеціею, не
участія въ судьб
Царя въ неизмѣн
вался, что Россія
цевъ земли и рыбн
сной грамоты для
ксимиліана, ѣдуп
нымъ дѣломъ (383
«рикъ хорошо дѣ
«быть вѣрнымъ
«но то не хорош
«нія мирится съ
«исправится; да
«да убѣдитъ Ш
«моей! О дѣлах
«и не замедлим
«нашего, Мак
«путь свободе
мундовъ Посл
Іоанну, что
дахъ ходятъ
ныя, весьма
исполненны
долженъ тор
злобою раз
Магнусъ
Королевск
ность дог
гизмундъ
нѣкоторы

...еція, но болѣзнь Хавская
...ла его оставить Москву
...ратиться въ столицу. съ
...евичами, со всѣмъ Дво-
...ять благодарность народа
...ства! . . .
...ъ изъ Новагорода Іоаннъ
... письмо къ Королю Шве-
— говорилъ онъ — что
я, казненная нашимъ гнѣ-
зумились. я ждалъ Пословъ
не ѣдутъ, и ты распускаешь
я *прошу* у васъ мира! . . .
земли Шведской: надѣешься
ство! . . . Спроси, что было
ому отъ Воеводъ моихъ! Мы
въ Москву, а къ Декабрю
въ Великомъ Новѣгородѣ.
...шь, какъ Царь Россійскій и
...*росятъ мира* у Шведовъ» [358].

Письмо къ Ко... Шве...

говоры съ Данiею и съ Литвою.

дерикъ не давалъ ему знать о своемъ м
съ Швецiею, не изъявлялъ ни малѣйш
участiя въ судьбѣ Магнуса, но увѣр
Царя въ неизмѣнномъ дружествѣ; ж
вался, что Россiяне отнимаютъ у Нор
цевъ земли и рыбныя ловли; просилъ
сной грамоты для Пословъ Императора
ксимилiана, ѣдущихъ въ Москву за
нымъ дѣломъ ([383]). Царь сказалъ: «Фр
«рикъ хорошо дѣлаетъ, что желаетъ
«быть вѣрнымъ другомъ до конца жи
«но то не хорошо, что безъ нашего в
«нiя мирится съ непрiятелемъ Россi
«исправится; да стоитъ съ нами за-е
«да убѣдитъ Шведовъ повиноваться
«моей! О дѣлахъ Норвежскихъ развѣд
«и не замедлимъ въ управѣ. Пословъ б
«нашего, Максимилiана, ожидаемъ:
«путь свободенъ сюда и отсюда.» Си
мундовъ Посланникъ Гарабурда объяв
Iоанну, что во многихъ Нѣмецкихъ г
дахъ ходятъ отъ его имени письма б
ныя, весьма оскорбительныя для Кор
исполненныя лжи и нелѣпостей; что
долженъ торжественно отказаться отъ
злобою разсѣянныхъ клеветъ; что Гер
Магнусъ съ помощiю Россiянъ вое
Королевскiя Мызы; что мы въ про
ность договору заняли Тарвастъ; что
гизмундъ желалъ бы охотно уступить
нѣкоторые изъ Ливонскихъ городов

Полоцкъ. Дьякъ Царскій, Андрей Щелкаловъ, отвѣтствовалъ, что бранныя письма о Королѣ сочинены Нѣмцами, Таубе и Крузе, въ опроверженіе Сигизмундова злословія, какъ они доносили Іоанну; что сіи два негодяя бѣжали въ Литву; что Королю должно прислать ихъ въ Москву для казни, и что тогда Царь немедленно извѣститъ всѣхъ Государей Европейскихъ о подлогѣ оскорбительныхъ для Сигизмунда грамотъ; что Тарвастъ занятъ нами, ибо онъ нашъ; что Магнусъ воевалъ не Польскія, а Шведскія владѣнія; что если Король уступитъ Россіи всю Ливонію, то мы готовы уступить ему и Полоцкъ и Курляндію; что Іоаннъ, для дѣла столь важнаго, будетъ ждать Великихъ Пословъ Королевскихъ во Псковѣ (384): ибо Царь опять ѣхалъ въ Новгородъ, чтобы заключить миръ или воевать съ Швеціею презираемою, въ то время, когда, не имѣя вѣстей изъ Тавриды, могъ угадывать злое намѣреніе Хана; когда уже носился слухъ о близости его новаго нашествія; когда безопасность и Москвы и Россіи требовала Царскаго присутствія въ столицѣ, возникающей изъ пепла, слабой, робкой въ ужасныхъ воспоминаніяхъ своего не-давняго бѣдствія! Іоаннъ какъ бы искалъ единственно личной безопасности въ странѣ отдаленной: послалъ

Отбытіе Іоанна въ Новгородъ.

въ Новгородъ 450 возовъ съ казною ([385]); взялъ туда съ собою и юную супругу, обоихъ сыновей, Царевича Михаила (Кайбулина сына), Молдавскаго Воеводича Стефана и Волошскаго Радула ([386]), братьевъ Царицы, Григорія и Александра Колтовскихъ, немногихъ Бояръ, всѣхъ любимцевъ, лучшихъ Дьяковъ и войско отборное, а на случай осады (слѣдственно имъ предвидѣнной!) ввѣрилъ защиту Москвы Князьямъ Юрью Токмакову и Тимоѳею Долгорукому ([387]). Но осталось войско и въ полѣ: знаменитый мужъ, Князь Михайло Воротынскій, съ достойными товарищами, съ Бояриномъ Шереметевымъ, съ Князьями Никитою Одоевскимъ, Андреемъ Хованскимъ, стояли на Окѣ, чтобы ждать, отразить Хана. Государь далъ имъ и свою седмитысячную дружину Нѣмецкую съ ея предводителемъ, Георгіемъ Фаренсбахомъ ([388]); только самъ — былъ уже далеко!

Пріѣхавъ въ Новгородъ, Іоаннъ усилилъ войско въ Дерптѣ, Феллинѣ, Ланcѣ; ждалъ вѣстей отъ Короля Шведскаго и писалъ къ Сигизмунду, что успѣхъ государственныхъ дѣлъ зависитъ отъ выбора людей; что Каштелянъ Троцкій, Евстафій Воловичь, и Писарь Михайло Гарабурда скорѣе всѣхъ иныхъ Литовскихъ Пановъ могутъ доставить своему отечеству надежный миръ съ Россіею. Король не хотѣлъ, кажется, исполнить желанія Іоаннова, отвѣтствуя, что Послами его будутъ сановники равной знатности съ Воловичемъ и съ Гарабурдою ([389]). Сіе письмо

было послѣднимъ Сигизмундовымъ словомъ къ Царю: онъ умеръ 18 Іюля, давъ совѣтъ Вельможамъ предложить корону Ягеллоновъ Государю Россійскому (390). По крайней мѣрѣ они спѣшили извѣстить Царя о Сигизмундовой смерти, обѣщая немедленно вступить съ нимъ въ важные переговоры. Открылись новые, благопріятные виды для честолюбія Іоаннова. . . . Но въ сіе время онъ думалъ болѣе о спасеніи своего Царства, нежели о пріобрѣтеніи чуждаго.

Еще не довольный ни разореніемъ Московскихъ областей, ни униженіемъ гордаго Іоанна, и въ надеждѣ вторично обогатиться плѣнниками безъ сраженія, убивать только безоружныхъ, достигнуть нашей столицы безъ препятствія, даже свергнуть, изгнать Царя, варваръ Девлетъ-Гирей молчалъ, отдыхалъ *не разсѣдлывая коней*, и вдругъ, сказавъ Уланамъ, Князьямъ, Вельможамъ, что лучше не тратить времени въ перепискѣ *лживой*, а рѣшить дѣло объ Астрахани и Казани съ Государемъ Московскимъ изустно, лицемъ къ лицу, устремился старымъ, знакомымъ ему путемъ къ Дону, къ Угрѣ, сквозь безопасныя для него степи, мимо городовъ обожженныхъ, чрезъ пепелъ разрушенныхъ селъ, съ войскомъ, какого послѣ Мамая, Тохтамыша, Ахмета, не собирали Ханы — съ Нашествіе Хана.

Ногаями, съ Султанскими Янычарами, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Малочисленные Россіяне сидѣли въ крѣпостяхъ неподвижно; въ полѣ изрѣдка являлись всадники, не для битвы, а для наблюденій. Ханъ уже видѣлъ Оку предъ собою — и тутъ увидѣлъ наконецъ войско Московское: оно стояло на лѣвомъ берегу ея, въ трехъ верстахъ отъ Серпухова, въ окопахъ, подъ защитою многихъ пушекъ ([391]). Сіе мѣсто считалось самымъ удобнѣйшимъ для переправы; но Ханъ, занявъ Россіянъ жаркою пальбою, сыскалъ другое, менѣе оберегаемое, и въ слѣдующій день уже былъ на лѣвомъ берегу Оки, на Московской дорогѣ . . . . Іоаннъ узналъ о семъ 31 Іюля въ Новѣгородѣ, гдѣ онъ, скрывая внутреннее безпокойство души, пировалъ въ монастыряхъ съ Боярами, праздновалъ свадьбу шурина своего, Григорія Колтовскаго, и топилъ въ Волховѣ Дѣтей Боярскихъ ([392]). Еще имѣя полки, но уже не имѣя времени защитить ими столицу, Царь праздно ждалъ дальнѣйшихъ вѣстей; а Москва трепетала, слыша, что Ханъ уже назначалъ въ ея стѣнахъ домы для Вельможъ Крымскихъ ([393]). Насталъ часъ рѣшить, справедливо ли Государь гнѣвный всегда обвинялъ Полководцевъ Россійскихъ въ малодушіи, въ нерадѣніи, въ холодности ко благу и ко славѣ отечества!

Воротынскій, кинувъ укрѣпленія безполезныя, ринулся за непріятелемъ, гналъ его по пятамъ, настигъ, остановилъ, принудилъ къ битвѣ, *1 Августа*, въ пятидесяти верстахъ отъ сто-

лицы, у Воскресенія въ Молодяхъ. У Хана было 120,000 воиновъ (394): нашихъ гораздо менѣе. Первымъ надлежало побѣдить и для того, чтобы взять Астрахань съ Казанью, и для того, чтобы спастися или открыть себѣ свободный путь назадъ, въ отдаленные свои Улусы; а Россіяне стояли за все, что еще могли любить въ жизни: за Вѣру, отечество, родителей, женъ и дѣтей! Москва безъ Іоанна тѣмъ болѣе умиляла ихъ сердца жалостію, возставъ изъ пепла какъ бы единственно для новаго разрушенія. Вступили *въ бой на смерть* съ обѣихъ сторонъ. Берега Лопасни и Рожая облилися кровію. Стрѣляли, но болѣе сѣклись мечами въ схваткѣ отчаянной; давили другъ друга; хотѣли побѣдить дерзостію, упорствомъ. Но Князь Воротынскій и бился и наблюдалъ: устроивалъ, ободрялъ своихъ; вымышлялъ хитрости; заманивалъ Татаръ въ мѣста, гдѣ они валились грудами отъ дѣйствія скрытыхъ имъ пушекъ — и когда обѣ рати, двигаясь взадъ и впередъ, утомились, начали слабѣть, невольно ждали конца дѣлу, сей потомъ и кровію орошенный Воевода зашелъ, узкою долиною, въ тылъ непріятелю (395) . . . . Битва рѣшилась. Россіяне побѣдили: Ханъ оставилъ имъ въ добычу обозы, шатры, собственное знамя свое; ночью бѣжалъ въ степи, и привелъ въ Тавриду не болѣе двадцати

Знаменитая побѣда Князя

Воротынскаго.

тысячь всадниковъ, какъ увѣряютъ
Лучшіе Князья его пали; а знатнѣ
храбрецъ невѣрныхъ, бичь, губитель
стіанъ, Дивій Мурза Ногайскій, отдалс
плѣнъ Суздальскому Витязю Алалык
Сей день принадлежитъ къ числу вели
дней нашей воинской славы: Россіяне
сли Москву и честь; утвердили въ на
подданствѣ Астрахань и Казань; отмс
за пепелъ столицы, и если не навсегд
по крайней мѣрѣ надолго уняли Крымц
наполнивъ ихъ трупами нѣдра земли м
Лапаснею и Рожаемъ, гдѣ донынѣ ст
высокіе курганы, памятники сей знам
той побѣды и славы Князя Михайла В
тынскаго.

6 Августа привезли радостную вѣст
Новгородъ. Сановникъ Давыдовъ и К
Ногтевъ, свидѣтели, участники поб
съ лицемъ веселымъ, какого уже дав
видалъ Іоаннъ предъ собою, вручили
трофеи: два лука, двѣ сабли Девлет
реевы (397); смиренно били челомъ
Воеводъ доблихъ, которые всю славу
писывали Богу и Государю. Чуждый
ленія благодарности, онъ былъ счаст
концемъ своего мучительнаго страха:
палъ вѣстниковъ и Воеводъ милост
велѣлъ звонить въ колокола, пѣть мол
день и ночь, три дни сряду, и въ облич
своего малодушія — въ доказательство,

не Ливонія, не Швеція, но боязнь Ханскаго нашествія заставила его оставить Москву — спѣшилъ возвратиться въ столицу, съ супругою, съ Царевичами, со всѣмъ Дворомъ, чтобы принять благодарность народа за спасеніе отечества! . . .

Предъ выѣздомъ изъ Новагорода Іоаннъ написалъ грозное письмо къ Королю Шведскому. «Думая» — говорилъ онъ — «что «ты и земля твоя, казненная нашимъ гнѣ«вомъ, уже образумились, я ждалъ Пословъ «отъ тебя: они не ѣдутъ, и ты распускаешь «слухъ, будто *я прошу* у васъ мира! . . . «Тебѣ не жаль земли Шведской; надѣешься «на свое богатство! . . . Спроси, что было «Хану Крымскому отъ Воеводъ моихъ! Мы «ѣдемъ нынѣ въ Москву, а къ Декабрю «будемъ опять въ Великомъ Новѣгородѣ. «Тогда увидишь, какъ Царь Россійскій и «его войско *просятъ мира* у Шведовъ» (398). Письмо къ Королю Шведскому.

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

Г. 1572—1577.

Уничтоженіе Опричнины. Годуновъ. Дѣла Крымскія. Сношенія съ Литвою. Война въ Эстоніи. Бунтъ въ Казанской области. Бракъ Магнуса. Перемиріе съ Швеціею. Дѣла Польскія. Союзъ съ Австріею. Избраніе Баторія въ Короли. Война Ливонская. Измѣна Магнусова. Письмо къ Курбскому. Шестая эпоха казней. Мѣстничества. Примѣръ вѣрности. Пятое и шестое супружество Іоанново.

г. 1572. Іоаннъ въѣхалъ въ Москву съ торжествомъ и славою. Все ему благопріятствовало. Бѣдствія, опасности и враги исчезли. Смертоносныя болѣзни и голодъ прекратились въ Россіи. Ханъ смирился. Султанъ уже не мыслилъ о войнѣ съ нами. Литва, Польша, сиротствуя безъ Короля, нелицемѣрно искали Іоанновой дружбы. Швеція не имѣла ни силъ, ни устройства; а Царь, оставивъ въ Ливоніи рать многочисленную, нашелъ въ Москвѣ 70,000 побѣдителей, готовыхъ къ новымъ побѣдамъ. Но и безъ оружія, безъ кровопролитія онъ могъ

совершить дѣло великое, исполнить важный замыслъ своего отца ([399]), возвратить, чего мы лишились въ злосчастныя времена Батыевы, и еще соединить съ Россіею древнее достояніе Піастовъ — то есть, въ слѣдствіе мирнаго, добровольнаго избранія быть Королемъ Польскимъ. Одинъ внутренній мятежъ сердца злобнаго мѣшалъ Іоанну наслаждаться сими лестными для его честолюбія видами; но казалось, что Небо, избавивъ Россію отъ язвы и голода, хотѣло тогда смягчить и душу ея Царя.

Безпримѣрными ужасами тиранства испытавъ неизмѣнную вѣрность народа; не видя ни тѣни сопротивленія, ни тѣни опасностей для мучительства; истребивъ *гордыхъ, самовластныхъ* друзей Адашева, главныхъ сподвижниковъ своего добраго царствованія; передавъ ихъ знатность и богатство сановникамъ новымъ, безмолвнымъ, ему угоднымъ: Іоаннъ, къ незапной радости подданныхъ, вдругъ уничтожилъ ненавистную Опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лѣтъ терзала внутренность Государства ([400]). По крайней мѣрѣ исчезло сіе страшное имя съ его гнуснымъ символомъ ([401]), сіе безумное раздѣленіе областей, городовъ, Двора, Приказовъ, воинства. Опальная *Земщина* назвалась опять Россіею. Кромѣшники разоблачились, стали въ ряды обыкновенныхъ Уничтоженіе Опричнины.

Царедворцевъ, государственныхъ чиновник
воиновъ, имѣя уже не Атамана, но Царя,
наго для всѣхъ Россіянъ, которые могли
дѣяться, что время убійствъ и грабежа м
вало; что мѣра золъ исполнилась, и горес
отечество успокоится подъ сѣнію власти
конной.

Нѣкоторыя дѣйствія правосудія, совер
ныя Іоанномъ въ сіе время, безъ сомнѣні
же питали надежду добрыхъ. Объявивъ не
телей великодушнаго Іерарха Филиппа нагл
клеветниками, онъ заточилъ Соловецкаго
мена, лукаваго Паисія на дикій островъ Вал
безсовѣстнаго Филоѳея, Епископа Рязанс
лишилъ Святительства; чиновника Стефан
былина, жестокаго, грубаго пристава Ф
пова, сослалъ въ монастырь Каменнаго ост
и многихъ иныхъ пособниковъ зла съ гнѣ
удалилъ отъ лица своего (402), къ утѣшені
рода, который въ ихъ бѣдствіи видѣлъ до
тельство, что Богъ не предалъ Россіи въ ж
слѣпому случаю; что есть Всевышній Мсти
законъ и правда Небесная!

Оставался еще одинъ, но главный изъ кл
товъ тиранства, Малюта Григорій Лукьяно
Скуратовъ-Бѣльскій, наперсникъ Іоанно
гроба: онъ жилъ, вмѣстѣ съ Царемъ и дру
своимъ, для суда за предѣлами сего міра.
бовь къ нему Государева (если тираны мо
любить!) начинала тогда возвышать и благо
наго юношу, зятя его, свойственника пе

супруги отца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова, въ коемъ уже зрѣли и великія добродѣтели государственныя и преступное властолюбіе. Въ сіе время ужасовъ юный Борисъ, украшенный самыми рѣдкими дарами Природы, сановитый, благолѣпный, прозорливый, стоялъ у трона окровавленнаго, но чистый отъ крови, съ тонкою хитростію избѣгая гнуснаго участія въ смертоубійствахъ, ожидая лучшихъ временъ, и среди звѣрской Опричнины сіяя не только красотою, но и тихостію нравственною, наружно увѣтливый, внутренно неуклонный въ своихъ дальновидныхъ замыслахъ. Болѣе Царедворецъ, нежели воинъ, Годуновъ являлся подъ знаменами отечества единственно при особѣ Монарха, въ числѣ его первыхъ оруженосцевъ (403), и еще не имѣя никакого знатнаго сана, уже былъ на Іоанновой свадьбѣ (въ 1571 году) Дружкою Царицы Марѳы, а жена его, Марія, Свахою: что служило доказательствомъ необыкновенной къ нему милости Государевой. Можетъ быть, хитрый честолюбецъ Годуновъ, желая имѣть право на благодарность отечества, содѣйствовалъ уничтоженію Опричнины, говоря не именемъ добродѣтели опальной; но именемъ снисходительной, непротивной тиранамъ Политики, которая спускаетъ имъ многое, осуждаемое Вѣрою и нравственностію, но будто бы

Годуновъ.

нужное для ихъ личнаго, особеннаго б
отвергая единственно зло безполезно
семъ смыслѣ: ибо Царь не исправ
какъ увидимъ, и сокрушивъ любезно
дотолѣ орудіе мучительства, остался
телемъ!...

Довольный расположеніемъ призна
наго народа, свободный отъ стыда и
Дѣла Крымскія. ни, Іоаннъ, по возвращеніи въ сто
величаво принялъ гонца Ханскаго.
летъ-Гирей писалъ, что онъ совсѣм
думалъ воевать Россіи, а ходилъ къ
сквѣ единственно для заключенія
что наши Воеводы хвалятся побѣдою
мою, вымышленною; что Ногаи, уто
коней своихъ, слезами убѣдили его
назадъ, и что бывшія маловажныя сш
доказали превосходное мужество К
цевъ, а не Россіянъ. «Долго ли» —
рилъ Ханъ — «враждовать намъ за Ас
«хань и Казань? Отдай ихъ, и мы д
«навѣки. Тѣмъ спасешь меня отъ гр
«ибо, по нашимъ книгамъ, не мо
«оставить Царствъ Мусульманскихъ в
«кахъ у невѣрныхъ. Казны твоей не
«буемъ: съ одной стороны у насъ Л
«съ другой Черкасы: станемъ ихъ во
«по сосѣдству, и не будемъ голодны.»
просилъ хотя одной Астрахани; но Іо
отвѣтствовалъ ему уже какъ побѣдит
«Удаляясь отъ кровопролитія, мы до

утѣшили брата своего Девлетъ-Гирея, но ничѣмъ *не утѣшили*. Его требованія безразсудны. Нынѣ видимъ противъ себя одну *саблю*, Крымъ; а если отдадимъ Хану завоеванное нами, то Казань будетъ *вторая сабля*, Астрахань третья, Ногаи четвертая» (404). Девлетъ-Гирей, отпустивъ наконецъ знаменитаго Россійскаго Посла, Аѳанасія Нагаго, въ Москву, желалъ, чтобы Государь освободилъ и Крымскаго, Янъ-Болдыя, который 17 лѣтъ томился у насъ въ неволѣ; но сей Вельможа Ханскій, получивъ свободу, не успѣлъ ею воспользоваться, и кончилъ жизнь въ Дорогобужѣ. Одинъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Василій Грязной, былъ взятъ Крымцами въ разъѣздѣ на Молошныхъ Водахъ: Ханъ предлагалъ Царю обмѣнять сего плѣнника на Мурзу Дивія. Іоаннъ не согласился, хотя и жалѣлъ о судьбѣ Грязнаго, хотя и писалъ къ нему *дружественныя письма*, въ коихъ, по своему характеру, милостиво издѣвался надъ его заслугами, говоря: «Ты мыслилъ, что воевать «съ Крымцами такъ же легко, какъ шутить за «столомъ моимъ. Они не вы: не дремлютъ въ «землѣ непріятельской, и не твердятъ безпре«станно: *время домой!* Какъ вздумалось тебѣ «называться знатнымъ человѣкомъ? Правда, что «мы, окруженные Боярами измѣнниками, дол«жны были, удаливъ ихъ, приблизить васъ, «низкихъ рабовъ, къ лицу нашему; но не забы«вай отца и дѣда своего! Можешь ли равняться «съ Дивіемъ? Свобода возвратитъ тебѣ мягкое

нужное для ихъ личнаго, особеннаго бла
отвергая единственно зло безполезное
семъ смыслѣ: ибо Царь не исправи
какъ увидимъ, и сокрушивъ любезное
дотолѣ орудіе мучительства, остался м
телемъ! . . .

Довольный расположеніемъ призна
наго народа, свободный отъ стыда и
ни, Іоаннъ, по возвращеніи въ ст
величаво принялъ гонца Ханскаго.
Дѣла Крымскія. летъ-Гирей писалъ, что онъ сове
думалъ воевать Россіи, а ходилъ
сквѣ единственно для заключені
что наши Воеводы хвалятся побѣд
мою, вымышленною; что Ногаи,
коней своихъ, слезами убѣдили
назадъ, и что бывшія маловажны
доказали превосходное мужест
цевъ, а не Россіянъ. «Долго ли
рилъ Ханъ — «враждовать нам
«хань и Казань? Отдай ихъ,
«навѣки. Тѣмъ спасешь меня
«ибо, по нашимъ книгамъ
«оставить Царствъ Мусуль
«кахъ у невѣрныхъ. Каз
«буемъ: съ одной стор
«съ другой Черкасы:
«по сосѣдству, и не б
просилъ хотя одной
отвѣтствовалъ ему
«Удалясь отъ

«ложе, а ему мечь на Христіанъ. Довольно, что «мы, жалуя рабовъ усердныхъ, готовы искупить «тебя нашею казною» ([405]). — «Нѣтъ, Государь» — писалъ въ отвѣтъ Василій Грязной, рабъ умомъ и душею, хвастливый и подлый — «я не «дремалъ въ землѣ непріятельской: исполняя «приказъ твой, добывалъ языковъ для безопа-«сности Русскаго Царства; не вѣрилъ другимъ: «самъ день и ночь бодрствовалъ. Меня взяли «израненнаго, полумертваго, оставленнаго роб-«кими товарищами. Въ бою я губилъ враговъ «Христіанства, а въ плѣну твоихъ измѣнниковъ: «никто изъ нихъ не остался здѣсь въ живыхъ; «всѣ тайно пали отъ руки моей! . . . . Шутилъ я «за столомъ Государевымъ, чтобы веселить Го-«сударя; нынѣ же умираю за Бога и за тебя; «еще дышу, но единственно по особенной мило-«сти Божіей, и то изъ усердія къ твоей службѣ, «да возвращуся вновь тѣшить Царя моего. Я «тѣломъ въ Крыму, а душею у Бога и у тебя. «Не боюся смерти: боюся только опалы» ([406]). Имѣя нужду въ такихъ людяхъ для своей забавы и (какъ онъ думалъ) безопасности, Іоаннъ выку-пилъ Грязнаго за 2000 рублей; а Дивій умеръ невольникомъ въ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію Царя: ибо Ханъ готовъ былъ клятвенно утвер-дить союзъ съ нами, для освобожденія сего важ-наго плѣнника, уже не требуя Астрахани. Между тѣмъ гонцы Московскіе ѣздили въ Крымъ съ дружескими письмами, не столько для заключе-нія мира, сколько для вѣстей, которыя были

весьма благопріятны для спокойствія Россіи: ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Тавридѣ; Козаки Донскіе и Днѣпровскіе непрестанными набѣгами опустошали Улусы ея: первые взяли даже Азовъ, и хотя не могли въ немъ удержаться, но сею смѣлостію изумили Константинополь. Ханъ жилъ въ непрестанной тревогѣ: боялся гнѣва Султанскаго и внутренняго мятежа; слышалъ о намѣреніи Вельможъ Литовскихъ возвести Іоанна на престолъ ихъ отечества, и страшился новаго могущества Россіи (407).

Сіи обстоятельства, утверждая безопасность нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ, позволяли Царю свободно заниматься иными важными дѣлами его внѣшней Политики. Вельможи Коронные и Литовскіе убѣждали Іоанна изъ жалости къ осиротѣлому ихъ Государству не тревожить онаго никакими воинскими дѣйствіями, ни самой Ливоніи, до будущаго вѣчнаго мира. Призвавъ къ себѣ Литовскаго Посланника, Воропая, онъ торжественно изъявилъ ему желаніе быть Сигизмундовымъ преемникомъ, хвалился могуществомъ и богатствомъ, искренно винился въ своей жестокости, но извинялъ ее, какъ обыкновенно, вѣроломствомъ Бояръ. Сія любопытная рѣчь, ознаменованная какимъ-то *искусственнымъ* простосердечіемъ, снисхожде-

Сношенія съ Литвою.

ніемъ, умѣренностію, принадлежитъ къ до
памятнымъ изображеніямъ ума Іоаннова.
сказалъ Посланнику (408): «Ѳеодоръ! ты и
«стилъ меня отъ имени Пановъ о кончинѣ б
«моего Сигизмунда-Августа: о чемъ я хотя
«и прежде слышалъ, но не вѣрилъ: ибо н
«Государей Христіанскихъ, часто объявля
«умершими; а мы, по волѣ Божіей, все
«живемъ и здравствуемъ. Теперь вѣрю и с
«лѣю, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ не оста
«ни брата, ни сына, который могъ бы радѣ
«душѣ его и доброй памяти; оставилъ двухъ
«стеръ: одну за-мужемъ (но какова жизнь е
«Швеціи? къ несчастію, всѣмъ извѣстно);
«гую въ дѣвицахъ, безъ заступника, безъ по
«вителя — но Богъ ея покровитель! Вельмож
«Паны теперь безъ *Главы:* хотя у васъ и м
«*головъ*, но нѣтъ не единой превосходной
«коей соединялись бы всѣ думы, всѣ мысли
«сударственныя, какъ потоки въ морѣ . . .
«малое время были мы въ раздорѣ съ брат
«Сигизмундомъ; вражда утихла: любовь н
«чала водворяться между нами, но еще не ут
«дилась — и Сигизмунда не стало! Злоче
«*высится;* Христіанство *никнетъ.* Если бы
«признали меня своимъ Государемъ, то увид
«бы, умѣю ли быть Государемъ-защитнико
«Престало бы веселиться злочестіе; не униз
«бы насъ ни Царьградъ, ни самый Римъ вел
«вый! Въ отечествѣ вашемъ ославили меня з
«нымъ, гнѣвливымъ: не отрицаю того; н

-просятъ у меня, на кого злобствую? Скажу въ отвѣтъ: на злобныхъ; а доброму не пожалѣю -отдать и сію златую цѣпь, и сію одежду, мною «носимую» . . . . Тутъ Вельможа, Малюта-Скуратовъ, прервавъ рѣчь Іоаннову, сказалъ: «Царь «Самодержавный! казна твоя неубога: есть «чѣмъ жаловать слугъ вѣрныхъ!» — Государь «продолжалъ: «Въ Вильнѣ, въ Варшавѣ знаютъ «о богатствѣ моего отца и дѣда: я вдвое бога-«тѣе и сильнѣе. Упоминаю о томъ единственно «мимоходомъ. Удивительно ли, что ваши Ко-«роли любятъ своихъ подданныхъ, которые ихъ «взаимно любятъ? А мои желали предать меня «въ руки Хану, и бывъ впереди, не сразились: «пусть не одержали бы побѣды, но дали бы Ца-«рю время изготовиться къ новой битвѣ (409). Я «съ благодарностію принялъ бы отъ нихъ, во «знаменіе усердія, хотя одинъ бичь, одну плеть «Татарскую! Имѣя съ собою не болѣе шести-«тысячь воиновъ, я не испугался многочислен-«ности враговъ; но видя измѣну своихъ, только «устранился. Одна тысяча мужественныхъ спа-«сла бы Москву; но люди знатные не хотѣли «обороняться: что было дѣлать войску и народу? «Ханъ сжегъ столицу, а мнѣ и знать о томъ не «дали. Вотъ дѣла Бояръ моихъ! Я казнилъ из-«мѣнниковъ: не милуютъ ихъ и въ Вильнѣ, гдѣ, «на примѣръ, казнили злодѣя Викторина (410), «умыслившаго извести брата моего, «Сигизмунда, и распустивъ слухъ, что будто бы «я участвовалъ въ семъ замыслѣ: клевета гнус-

«ная, нелѣпая!» Сей Викторинъ былъ четв
ванъ въ Вильнѣ около 1563 года за тайное
шеніе съ Царемъ Московскимъ. Іоаннъ пр
жалъ : «Кто меня злословитъ въ вашемъ о
«ствѣ? мои ненавистники , предатели , Кур
«и подобные ему . . . . Курбскій! . . . сей
«вѣкъ отнялъ у него мать» (тутъ онъ указа
Царевича Іоанна) . . . . «отнялъ у меня су
«милую; а я хотѣлъ только на время лишит
«Боярскаго сана и жалованнаго имѣнія, не
«о казни смертной : въ чемъ свидѣтельст
«Богомъ! Однимъ словомъ : желаете ли у
«злость или доброту мою? пришлите своих
«тей служить мнѣ вѣрно . . . . осыпанные
«стями Царскими, они увидятъ истину! —
«угодно Всевышнему, чтобы я властвовалъ
«вами, то обѣщаю ненарушимо блюсти всѣ
«вы, права, вольности ваши, и еще распро
«нить ихъ, буде надобно. Если Паны вздум
«избрать въ Короли моего Царевича, то зн
«что у меня два сына какъ два ока : не ра
«нусь ни съ единымъ. Если же не захотите
«знать меня своимъ Государемъ, то можете
«Великихъ Пословъ условиться со мною о
«Не стою за Полоцкъ; соглашусь прида
«нему и нѣкоторыя изъ моихъ наслѣдствен
«владѣній , буде уступите мнѣ всю Ливон
«Двину. Тогда обяжемся клятвою, я и дѣти
«не воевать Литвы , доколѣ царствуетъ
«нашъ въ Россіи православной. — Пере
«не нарушу до срока; даю тебѣ *опасную*

«мету для Пословъ, и буду ожидать ихъ. «Время дорого.»

За симъ Іоаннъ, въ глубокую осень, выѣхалъ изъ Москвы, съ обоими сыновьями, чтобы устроить войско въ Новѣгородѣ и сдержать данное Королю Шведскому слово (411). Полки стояли уже въ готовности и двинулись къ Нарвѣ: самъ Государь предводительствовалъ ими, имѣя съ собою всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ, Царя Саинъ-Булата и Короля Магнуса, вооруженною рукою взятаго въ Аренсбургѣ и привезеннаго къ Іоанну болѣе въ видѣ плѣнника, нежели будущаго зятя. Въ одинъ день вступило 80,000 Россіянъ въ Эстонію, гдѣ никто не ожидалъ ихъ, и гдѣ мирные Дворяне въ замкахъ своихъ весело праздновали Святки, такъ, что передовые наши отряды вездѣ находили пиры, музыку, пляски (412). Царь велѣлъ не щадить никого: грабили домы, убивали жителей, безчестили дѣвицъ. Не было сопротивленія, до крѣпости Виттенштейна, гдѣ 50 Шведовъ съ гражданами и земледѣльцами рѣшились дать отпоръ всему войску Іоаннову. Россіяне взяли приступомъ Виттенштейнъ; но Царь лишился друга: Малюта Скуратовъ умеръ честною смертію воина, положивъ голову на стѣнѣ, какъ бы въ доказательство, что его злодѣянія превзошли мѣру земныхъ казней! Іоаннъ изъя-

Война въ Эстоніи.

г. 1573.

вилъ не жалость, но гнѣвъ и злобу: пос
съ богатою вкладою, тѣло Малюты въ
стырь Св. Іосифа Волоцкаго, гдѣ лежали о
мать и сынъ его ([413]), онъ сжегъ на кострѣ в
плѣнниковъ, Шведовъ и Нѣмцевъ: жертв
ношеніе достойное мертвеца, который жил
шегубствомъ!

Овладѣвъ сею важною крѣпостію, Іоанн
писалъ къ Шведскому Королю новое руга
ное письмо ([414]). «Казнимъ тебя и Шве
говорилъ онъ: «правые всегда торжеству
«Обманутые ложнымъ слухомъ о вдовствѣ
«терины, мы хотѣли имѣть ее въ рукахъ св
«единственно для того, чтобы отдать Ко
«Польскому, а за нее безъ кровопролитія
«Ливонію. Вотъ истина, вопреки клеветам
«шимъ. Что мнѣ въ женѣ твоей? Стоитъ л
«войны? Польскіе Королевны бывали и за к
«хами. Спроси у людей знающихъ, кто
«Войдило при Ягайлѣ? Не дорогъ мнѣ и К
«Эрикъ: смѣшно думать, чтобы я мыслилъ
«вратить ему престолъ, для коего ни онъ, н
«не родился. Скажи, чей сынъ отецъ твой?
«звали вашего дѣда? Пришли намъ свою р
«словную; уличи насъ въ заблужденіи: пб
«доселѣ увѣрены, что вы крестьянскаго п
«ни. О какихъ *древнихъ Короляхъ Шведских*
«писалъ къ намъ въ своей грамотѣ? Бы
«васъ одинъ *Король* Магнусъ, и то самозва
«ибо ему надлежало бы именоваться *Кня*
«Мы хотѣли имѣть печать твою и титло

а бывало, или намъ поддайся. Народъ
искони служилъ моимъ предкамъ: въ
ихъ лѣтописяхъ упоминается о Варягахъ,
рые находились въ войскѣ Самодержца
лава - Георгія: а Варяги были Шведы,
твенно его подданные. Ты писалъ, что
потребляемъ печать Римскаго Царства:
, собственную нашу, прародительскую.
чемъ и Римская не есть для насъ чуждая:
ы происходимъ отъ Августа-Кесаря. Не
мся, и тебя не хулимъ, а говоримъ исти-
образумишься. Хочешь ли мира? да явят-
слы твои предъ нами!»

нъ возвратился въ Новгородъ, оставивъ
Саинъ-Булата и Магнуса съ полками вое-
стонію. Они взяли Нейгофъ и Каркусъ; но
кій Генералъ Акесонъ разбилъ отрядъ
близъ Лоде, взялъ обозъ, пушки и зна-
Ливонскіе Историки пишутъ, что Шве-

непріятельскія дѣйствія до прибытія въ Новгородъ Пословъ его, ожидаемыхъ съ нетерпѣніемъ для утвержденія истиннаго дружества между обоими Государствами ([416]). Сія перемѣна въ расположеніи Іоанновомъ изъясняется не столько успѣхомъ Генерала Аксона, сколько другимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое тогда нечаянно встревожило и Царя и Москву: сильнымъ бунтомъ въ Казанской области, где свирѣпый, дикій народъ Черемисскій, Луговый и Горный, имѣя тайныя связи съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, явно отложился отъ Россіи, такъ, что Государь долженъ былъ немедленно послать многочисленную рать къ берегамъ Волги. Къ счастію, мятежники скоро увидѣли свое неблагоразуміе: Ханъ не могъ дать имъ войска, а Россійское уже стояло въ Муромѣ, готовое казнить ихъ огнемъ и мечемъ. Они смирились ([417]).

Бунтъ въ Казанской области.

Въ сіе время Іоаннъ, прекративъ войну въ Ливоніи, торжествовалъ въ Новѣгородѣ бракосочетаніе Магнуса съ юною Княжною Маріею Владиміровною: пировалъ, веселился съ своими любимыми гостями Нѣмецкими; самъ распоряжалъ пляскою и пѣлъ съ Монахами духовныя пѣсни ([418]). Уже Магнусъ, честимый, ласкаемый, надѣялся быть дѣйствительнымъ Королемъ, воображая, что Царь, сверхъ богатаго,

Бракъ Магнуса. 12 Апрѣля.

обѣщаннаго вѣна, отдастъ ему всѣ города Ливонскіе, занятые Россіянами; но, вмѣсто *пяти бочекъ золота* (419), привезли къ нему въ домъ нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ и съ нарядными одеждами молодой Королевы; вмѣсто всей Ливоніи Государь пожаловалъ своему зятю городокъ Каркусъ съ слѣдующимъ словеснымъ и письменнымъ наставленіемъ (420): «Король Магнусъ! иди съ супругою въ Удѣлъ, для васъ «назначенный. Я хотѣлъ нынѣ же вручить тебѣ «власть и надъ иными городами Ливонскими, «вмѣстѣ съ богатымъ денежнымъ приданымъ; «но вспомнилъ измѣну Таубе и Крузе, осыпанныхъ нашими милостями ..... Ты сынъ Вѣнценосца, и слѣдственно могу имѣть къ тебѣ «болѣе довѣренности, нежели къ слугамъ подданымъ; но — ты человѣкъ! Если измѣнишь, то «золотомъ казны моей наймешь воиновъ, чтобы «дѣйствовать за-одно съ нашими врагами, и мы «принуждены будемъ своею кровію вновь доставать Ливонію. Заслужи милость постоянною, «испытанною вѣрностію!» Такимъ образомъ Магнусъ съ печальнымъ сердцемъ уѣхалъ въ Каркусъ, изъ Каркуса въ Оберпаленъ, гдѣ, въ ожиданіи Государева, жилъ весьма бѣдно, *не имѣя болѣе трехъ блюдъ на столѣ* (какъ писалъ его братъ, Фридерикъ, Король Датскій, къ своему тестю, Герцогу Мекленбургскому), *веселя тринадцати-лѣтнюю жену дѣтскими игрушками, питая сластями и, къ неудовольствію Россіянъ, одѣвъ ее въ Нѣмецкое платье* (421). Сей Герцогъ,

Іоаннъ Альбрехтъ, находился тогда въ сношеніяхъ съ Царемъ: присылалъ въ Новгородъ сановника Мекленбургскаго, Доктора Фелинга, и хотѣлъ, чтобы Россія утвердила право его (Альбрехтова) сына на Ригу, обѣщанную ему Королемъ Польскимъ, Сигизмундомъ Августомъ. Фелингъ отъ имени Герцога поднесъ Іоанну въ даръ золотаго, алмазами и яхонтами украшеннаго льва, съ объясненіемъ, что *левъ ужасаетъ всѣхъ звѣрей, а Государь Московскій всѣхъ непріятелей*. Царь отвѣтствовалъ: «Благодарю за смиреніе и ласку, но не мо«гу отдать, чего еще не имѣю, хотя Ливо«нія съ Ригою и моя отчина, а не Коро«левская. Я намѣренъ отправить Посоль«ство къ Нѣмецкому Императору для за«ключенія съ нимъ союза противъ невѣр«ныхъ и для дѣлъ Ливонскихъ. Совѣтую «Герцогу вооружиться терпѣніемъ: могу «отдать ему Ригу, когда возьму ее, догово«ромъ или саблею.»

Между тѣмъ Іоаннъ не безъ досады видѣлъ, что Король Шведскій, имъ презираемый, началъ изъявлять гордость. Долго

Г. 1573-1575. Перемиріе съ Швеціею.

не было никакой вѣсти изъ Стокгольма; наконецъ Король отвѣчалъ, что никогда Послы его не будутъ въ такой землѣ, гдѣ Народное Право неизвѣстно, — гдѣ ихъ грабятъ, сажаютъ въ темницу; что Царь можетъ прислать своихъ къ нему, если дѣй-

ствительно желаетъ мира, или по крайней мѣрѣ на границу, куда выѣдутъ и Шведскіе Уполномоченные; что о перемиріи надлежало бы говорить тремя годами ранѣе, а не тогда, какъ войско Шведское выступаетъ въ поле. Сего мало: гонецъ нашъ ([422]), будучи въ Стокгольмѣ, терпѣлъ обиды, неслыханныя въ Державахъ образованныхъ. «Вельможи Королевскіе» — доносилъ онъ Царю — «хотѣли прежде времени знать «содержаніе твоей грамоты. Я доказывалъ имъ «нелѣпость сего требованія: за что одинъ изъ «нихъ ударилъ меня въ грудь, поносилъ словами «непристойными. *Если бы* — отвѣчалъ холопъ «твой пахалу Шведскому — *если бы я сидѣлъ на «конѣ вооруженный, ты не дерзнулъ бы безчинствовать, ни поднять руки, ни открыть гнуснаго рта своего; но мы здѣсь не для битвы* .... «Другой Вельможа хотѣлъ удержать меня идущаго къ престолу Королевскому, говоря: *дай «письмо, а на сукно тронное не ступай.* Я сталъ «на сукно, и вручилъ письмо Королю .... Въ «слѣдующее утро сановникъ Шведскій, Христофоръ Флемингъ, сказалъ мнѣ: *знай, что ты «вчера не видалъ Государя: я сидѣлъ на его мѣстѣ, а онъ стоялъ между Вельможами, ибо «не хотѣлъ взять громоты Царя вашего, думая, «что въ ней могутъ быть новыя ругательства, «коихъ нельзя читать и простому мѣщанину....* «Отпуская меня, Король молвилъ: *Царь сдѣлался миролюбивъ; но я не хочу съ нимъ мириться, «и его не боюся»* ([423]). Однимъ словомъ, Швеція

ободрилась, нанявъ 3000 Шотландцевъ и 2000 Англичанъ; а Царь, имѣя болѣе ста тысячь воиновъ въ Ливоніи и Новѣгородѣ, изъявилъ кротость, не вступился за обиду гонца своего, снесъ насмѣшки и сдѣлалъ угодное Королю: то есть, выслалъ Бояръ, Князя Сицкаго съ товарищами, на рѣку Сестру (которая служила границею между Финляндіею и Россіею) для переговоровъ о мирѣ съ Алмираломъ Класомъ Флемингомъ и другими Королевскими чиновниками. Долго спорили о мѣстѣ свиданія: Флемингъ требовалъ, чтобы оно было на мосту, въ шатрахъ; но Князь Сицкій заставилъ Шведовъ перейти на Россійскій берегъ рѣки. Далѣе ни въ чемъ не могли согласиться. Царь хотѣлъ взять Эстонію, и въ такомъ случаѣ давалъ Королю право сноситься прямо съ нимъ; а Король хотѣлъ послѣдняго безъ всякой уступки, явивъ длинную родословную Свѣтлѣйшаго Дому Вазъ, дабы убѣдить Іоанна въ древней знаменитости онаго (424). Заключили только
г. 1575. перемиріе (отъ Ильина дни 1575 до 1577 года) между Финляндіею и нашими сѣверными владѣніями: Россія обязывалась не воевать первой, а Швеція Новогородской земли, Корелы, Орѣшка и другихъ мѣстъ. Не было слова о Ливоніи, которая оставалась ѳеатромъ войны. Іоаннъ удовольствовался обѣщаніемъ, что скоро будутъ къ

у Шведскіе Послы для новаго мирнаго
говора и торжественно обязался принять
ъ съ честію, не лишать ни свободы, ни
ѣнія, — не оскорблять ни дѣломъ, ни
овомъ (425)! Съ того времени Короли
Шведскіе перестали относиться къ Нову-
роду: что всегда казалось имъ унизи-
льно, происходило дѣйствительно отъ
лаго уваженія Государей Московскихъ
симъ Вѣнценосцамъ, и было дотолѣ
премѣннымъ закономъ нашей гордой
олитики.

Если снисходительность Царя казалась
я него безполезною, то и Королю не
ставила она никакой *существенной вы-
ды*: непріятельскія дѣйствія продолжа-
сь въ Ливоніи. Шведы съ своими Шот-
ндскими наемниками безъ успѣха при-
упали къ Везенбергу: Россіяне опусто-
ли всѣ мѣста вокругъ Ревеля, и взяли
родъ Пернау, который стоилъ имъ семи
сячь воиновъ, убитыхъ въ его укрѣпле-
яхъ (426). Тамъ Полководецъ Іоанновъ,
икита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ,
умилъ жителей великодушіемъ, оставивъ
волю каждому или присягнуть Царю или
ѣхать со всѣмъ достояніемъ. Слѣд-
віемъ Политики столь человѣколюбивой
благоразумной было то, что замки Гель-
ть, Эрмисъ, Руэнъ, Пургель, Леаль, Ло- г. 1576.
, Фиккель сдалися безъ сопротивленія, а

Февраля 12. скоро и важная крѣпость Габзаль, гдѣ на ходилось множество всякихъ запасовъ, и мало воиновъ и Дворянъ, которые всегд любили хвалиться мужествомъ. Пишут что сіи мирные Герои, увѣренные Цар скимъ Воеводою въ совершенной безопас ности, тѣшились и веселились въ самы тотъ часъ, когда Россіяне входили въ го родъ; что одинъ изъ нашихъ молодых Князей, видя ихъ забавы, сказалъ своем пріятелю Нѣмцу: «Если бы мы, Русскіе «живые сдали непріятелю такую крѣпость «что сдѣлалъ бы съ нами Царь? и кто из «насъ смѣлъ бы взглянуть прямо въ лиц «доброму Христіанину? А вы, Нѣмцы «празднуете стыдъ свой» (427)! Они праз дновали среди могилъ и пепла. Казалось что Ливонія, истерзанная всѣми бѣдствіям войны долговременной, жертва и добыч всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ, уже н могла испытать ничего злѣйшаго. Голодъ нищета свирѣпствовали не только въ хи жинахъ, но и въ замкахъ. Такъ Лѣтопи сецъ говоритъ, что жена знатнаго Рыцаря Фонъ-Тедвена, имѣвъ прежде великолѣп ный домъ, блиставъ пышностію удиви тельною для самыхъ богатыхъ людей умерла тогда въ Габзалѣ на соломѣ и по ложена въ землю нагая (428)! . . . Но Судьба еще готовила новые ужасы для сей страны несчастной; еще Іоаннъ удерживалъ свои

руку, мечемъ и пламенемъ вооруженную для ея покоренія или гибели. Остерегаясь, хотя уже и не страшась Девлетъ-Гирея, онъ долженъ былъ, въ угрозу ему, отъ времени до времени собирать полки на берегахъ Оки; самъ, выѣхавъ изъ Новагорода (лѣтомъ въ 1574 году), осматривалъ войско многочисленное въ Серпуховѣ; посылалъ отряды и въ степи, гдѣ являлись иногда толпы Ханскія для разбоевъ ([429]); всего же болѣе занимался происшествіями Варшавскими, которыя, польстивъ его властолюбію, имѣли слѣдствія неожидаемыя, оскорбительныя для Царя и вредныя для Россіи.

Въ началѣ 1573 года открылся Сеймъ въ Варшавѣ, чтобы избрать Короля. Главными Кандидатами были: 1) юный Эрнестъ, сынъ Императора Максиміліана; 2) Герцогъ д'Анжу, братъ Карла IX; 3) Король Шведскій или сынъ его, Сигизмундъ; 4) Государь Россійскій. За перваго ходатайствовали Послы Испанскій и Максиміліановъ, за втораго Французскій, за третьяго Шведскіе: нашихъ не было. Царь ждалъ къ себѣ Пословъ отъ сейма, разсуждая: «я имъ нуженъ, а не они мнѣ!» Не смотря на сію гордость, многіе Коронные, и въ особенности Литовскіе Вельможи думали избрать Іоанна, чтобы симъ способомъ утвердить навѣки счастливый союзъ съ

Г. 1573-1577. Дѣла Польскія.

опасною, могущественною Россіею: мысль внушенная Политикою здравою и дальновидною! Зная безъ сомнѣнія всю его жестокость, они надѣялись, что законы ихъ Республики обуздаютъ тирана — и могли обмануться! Но Судьба устранила сей *опытъ*. Условія, съ обѣихъ сторонъ предложенныя, были равно неумѣренны, равно противны той и другой. Выслушавъ въ Новѣгородѣ Посла Литовскаго, Михайла Гарабурду, Іоаннъ (28 Февраля, 1573 года) далъ ему слѣдующій отвѣтъ (430): «Долговременное молчаніе вашихъ Пановъ, въ дѣлѣ столь важномъ, «меня удивляло: ибо худо Государству быть безъ «Государя. Вы извиняетесь бѣдствіями язвы, «которая свирѣпствовала въ землѣ вашей: со«жалѣю; это воля Божія. Нынѣ спрашиваете, «самъ ли я желаю властвовать надъ Литвою и «Польшею, или дать вамъ Царевича Θеодора въ «Короли, и требуете отъ насъ клятвы въ вѣр«номъ соблюденіи вашихъ уставовъ; хотите «еще, чтобы мы, отпустивъ къ вамъ сына, воз«вратили Княжеству Литовскому Смоленскъ, «Полоцкъ, Усвятъ, Озерище, а ему Θеодору «пожаловали нѣкоторые особенные города изъ «древнихъ владѣній Россійскихъ. Одно есте«ственно, другое непристойно. Естественно, «чтобы всякая земля хранила свои обычаи, уста«вы, законы, и мы конечно можемъ утвердить «присягою ваши права; но дѣльно ли требовать «отъ насъ Смоленска, Полоцка, даже наслѣд«ственныхъ городовъ Московскихъ, въ *прида-*

ıязю Өеодору? развѣ онъ дѣвица и невѣ-
Славно увеличивать, а не умалять Госу-
ıа. Польское и Литовское нескудно горо-
есть гдѣ жить Королю. И не вы, а мы
ы требовать возмездія. Слушайте: если
те имѣть Өеодора своимъ Государемъ,
ишите весь мой титулъ, какъ уставлено
ъ; называйте меня *Царемъ*, ибо я наслѣ-
ь сіе достоинство отъ предковъ, и не
ıиваю себѣ чуждаго. 2) Когда Господь
тъ моего сына изъ здѣшняго свѣта, да
ıуютъ надъ вами его сыновья правомъ
дія, а не *избранія;* когда же не останется
сыновей, то Литва и Польша да будутъ
ъльны съ *Россіею*, какъ собственность
наслѣдниковъ во вѣки вѣковъ, но безъ
о измѣненія правъ и вольностей народ-
съ особеннымъ именемъ Королевства Поль-
ı Великаго Княжества Литовскаго въ ти-
Государей Россійскихъ. Пристойно ли сы-
роля не быть наслѣдникомъ его престола?
общаго блага сихъ трехъ Державъ имъ
о имѣть единаго Владыку. Знаю, что
ія и Франція гораздо снисходительнѣе въ

«(что всѣмъ извѣстно). 3) Кто изъ моихъ на-«слѣдниковъ скончается въ землѣ вашей, тѣло «его да будетъ привезено въ Москву для погре-«бенія. 4) Городъ Кіевъ, древнѣйшее достояніе «Россіи, да присоединится къ ея владѣніямъ: за «что, изъ любви къ тишинѣ и согласію Хри-«стіанскому, уже не буду отыскивать нашихъ «старыхъ владѣній въ Литвѣ по рѣку Березу. «5) Ливонія вся останется за Россіею! — Вотъ «условія, на коихъ могу отпустить къ вамъ «моего любезнаго сына. Но онъ еще слишкомъ «молодъ, и не въ силахъ противиться врагамъ, «своимъ и нашимъ. Сверхъ того знаю, что мно-«гіе изъ Пановъ хотятъ въ Короли меня, а не «Царевича. Если они говорятъ вамъ иное, то «притворствуютъ. Слышу еще, что будто вы «думаете взять у меня сына обманомъ, съ намѣ-«реніемъ выдать его Туркамъ, для заключенія «съ ними мира. Правда ли, ложь ли, не знаю; «но не могу скрыть сего отъ тебя въ бесѣдѣ «искренней.»

Видя, что Іоаннъ желаетъ Королевства болѣе для себя, нежели для сына, умный Посолъ сказалъ: «Государь! всѣ мы хотѣли бы имѣть та-«кого сильнаго и мудраго Властителя, какъ ты; «но Москва далека отъ Варшавы, а присутствіе «Короля необходимо для внѣшней безопасности, «для внутренняго устройства и правосудія. У «насъ нѣтъ обычая, чтобы Король выѣзжалъ «изъ Государства и вмѣсто себя оставлялъ На-«мѣстниковъ. *Къ тому же безъ принятія Вѣры*

ѣзжая изъ одного въ другое, и что легко
нить препятствія, о коихъ ты говорилъ
. Требую только Кіева безъ всѣхъ иныхъ
довъ и волостей. Отдамъ Литвѣ Полоцкъ и
яндію. Возьму Ливонію до рѣки Двины. Ти-
нашъ будетъ: *Божіею милостію Господарь
и Великій Князь всея Россіи, Кіевскій, Вла-
ской, Московскій, Король Польскій и Великій
ь Литовскій.* Имена всѣхъ другихъ обла-
распишемъ по ихъ знатности: Польскія и
вскія могутъ стоять выше Россійскихъ.
ую уваженія къ Вѣрѣ Греческой; требую
ти строить церкви Православія во всѣхъ
ъ Государствахъ. *Да вѣнчаетъ меня на
левство не Латинскій Архіепископъ, а Ми-
олитъ Россійскій* (431)! .... Но не измѣню
ь чемъ вашихъ правъ и вольностей: буду
вать мѣста и чины съ согласія Думы
ской и Литовской. Когда же, изнуренный
ми въ силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ,
маю оставить свѣтъ и престолъ, чтобы въ

«лучше быть единственно Великимъ Княземъ «первой: тогда, утвердивъ всѣ ея законы моимъ «крестнымъ цѣлованіемъ, возьму къ Россіи «одинъ Кіевъ, а Литвѣ возвращу, силою или «договорами, всѣ ея древнія владѣнія, отнятыя «Поляками, и буду писаться въ титулѣ Вели- «кимъ Княземъ Московскимъ и Литовскимъ. — «Слушай далѣе. Могу, но не безъ труда, ѣздить «изъ земли въ землю: ибо приближаюсь къ ста- «рости; а Государю надобно все видѣть соб- «ственными глазами. И такъ не лучше ли вамъ «избрать въ Короли сына Цесарева, заключивъ «съ нами миръ и союзъ на сихъ условіяхъ: «1) Кіевъ и Ливонія къ Россіи, Полоцкъ и Кур- «ляндія къ Литвѣ; 2) мнѣ, Цесарю и сыну его «помогать другъ другу войскомъ или деньгами «противъ нашихъ общихъ враговъ? Тогда буду «желать добра Литвѣ и Польшѣ столько же, «какъ моей Россіи — и въ семъ тѣсномъ союзѣ «кого убоимся? Не захотятъ ли и всѣ иные Го- «судари Европейскіе присоединиться къ оному, «чтобы возстать на злодѣевъ Христіанства? Ка- «кая слава, и какая польза! . . . Наконецъ при- «казываю тебѣ сказать Панамъ, чтобы они не «избирали Князя Французскаго: ибо сей Князь «будетъ другомъ злочестивыхъ Турковъ, а не «Христіанъ; а если изберете его, то знайте, что «я не останусь спокойнымъ зрителемъ вашего «неблагоразумія. — Еще объяви Панамъ, что «многіе изъ нихъ писали къ намъ тайныя гра- «моты, совѣтуя мнѣ итти съ войскомъ въ Литву,

«чтобы страхомъ вынудить себѣ Королевство. «Другіе просили у меня золота и соболей, чтобы «избрать моего сына. Да знаетъ о томъ ваша «Дума Государственная!»

Съ такимъ отвѣтомъ Гарабурда поѣхалъ въ Варшаву. Вѣроятно, что Паны Литовскіе единственно для вида и для соблюденія *пристойности* требовали Смоленска и городовъ Россійскихъ; что они въ самомъ дѣлѣ не ждали столь великой уступчивости отъ Царя, и безъ дальняго упрямства отказались бы отъ сего требованія: тѣмъ непреклоннѣе былъ Царь въ своихъ условіяхъ, единогласно отверженныхъ Сеймомъ, который немедленно исключилъ его изъ Кандидатовъ. Перемѣнились ли Іоанновы мысли: увѣрился ли онъ въ невозможности господствовать надъ Польшею и Литвою, *какъ бы* ему хотѣлось? боялся ли примѣра своевольныхъ Вельможъ ихъ для Россіи безмолвной? Разсудилъ ли, что сей тѣсный союзъ имѣлъ бы истинныя выгоды для первыхъ двухъ Державъ, а не для нашего отечества; что не онѣ намъ, но мы имъ долженствовали бы помогать и людьми и казною въ случаѣ войны съ Турціею, съ Австріею, съ Тавридою: что имя Короля съ властію ограниченною, ненадежною, не стоило умноженія опасностей и расходовъ для Государя наслѣдственной, великой Державы, которой Небо судило быть сильною не чуждыми, а собственными, природными силами? Или Царь думалъ, что Сеймъ *могъ* согласиться на такія предложенія строгія,

уничтожить коренные законы Республики, до
ровольно отмѣнить избраніе Королей, устави
верховную власть наслѣдственную, отдать на
Кіевъ, и Святителю иновѣрному вручить в
нецъ Ягеллоновъ для возложенія на Іоанн
Трудно вообразить, чтобы надменность ослѣ
ляла его до сей степени безразсудности: гораз
вѣроятнѣе, что онъ, изъявивъ сперва искре
нее желаніе заступить мѣсто Сигизмунда-Авг
ста, по основательномъ соображеніи всѣхъ о
стоятельствъ уже сдѣлался равнодушнѣе къ т
кой чести.

Но избраніе Эрцгерцога въ Короли, имъ о
бренное, не угрожало ли намъ опаснымъ сосѣ
ствомъ съ Австрійскою, сильною Державо
тѣмъ болѣе, что ея Посолъ, ходатайствуя
Эрнеста, торжественно обѣщалъ Панамъ усер
ное вспоможеніе Императора въ войнахъ
Россіею (432)? Іоаннъ не долженствовалъ ли ск
рѣе благопріятствовать исканіямъ Франціи
даленной, и слѣдственно менѣе для насъ оп
ной? Не можемъ осудить его Политики. Зн
дружественную связь Парижа съ Константи
полемъ, онъ мыслилъ, что Генрикъ д'Анжу б
детъ располагать силами Турціи противъ в
шего отечества; а Султаны, кромѣ ихъ зло
рія, были страшнѣе Императоровъ слав
войскъ и побѣдъ многочисленныхъ. — Къ д
садѣ Царя и Максимиліана, Варшавскій Сей
избралъ Генрика, обольщенный хитрости
Французскаго Посла Монлюка, который

ныхъ рѣчахъ своихъ безстыдно хвалилъ
ожъ Польскихъ и Литовскихъ, сравни-
ихъ съ древними Римлянами, называлъ
омъ тирановъ, Героями добродѣтели, обѣ-
имъ милліонъ флориновъ, сильное войско
згнанія Россіянъ изъ Ливоніи и совершен-
зависимость Короля отъ Верховнаго Со-
.

кое, какъ говорилъ Іоаннъ, *ослушаніе* Сей-
единило виды нашей Политики съ Австрій-
. Императоръ спѣшилъ воспользоваться
ымъ расположеніемъ Царя: писалъ къ нему
во; жаловался на «злодѣйство Карла IX,
ебившаго болѣе ста тысячь вѣрныхъ под-
ныхъ въ день Св. Варѳоломея, единственно
о, что они имѣли свою Вѣру особенную;»
илъ съ негодованіемъ о пріязни Францу-
съ Султаномъ, коего ревностнымъ вспомо-
емъ дается Генрику вѣнецъ Ягеллоновъ;
далъ Іоанна вступиться за Христіанъ; пред-
ъ ему взять Литву, а Польшу уступить
ріи, и заключить тѣсный союзъ съ Импе-
противъ Турковъ ([433]). Царь немедленно
вилъ гонца къ Максимиліану, совѣтуя ему
ебить всѣ способы для задержанія Генрика
ти въ Варшаву; желалъ видѣть скорѣе По-
Императорскихъ въ Москвѣ, чтобы утвер-
вѣчный союзъ Австріи съ Россіею, и пи-
: «Мы всѣ будемъ стараться о томъ, чтобы
олевство Польское и Литва *не отошли* отъ
ихъ Государствъ; а мнѣ все одно, мой ли,

оролемъ-бѣглецомъ! Искавъ вѣнца Польскаго
динственно въ угодность матери, честолюбивой
Екатеринѣ Медицисъ, которая дѣйствовала въ
семъ случаѣ по внушенію хитраго карлы и бро-
дяги, Іоанна Красовскаго, Генрикъ, лѣнивый,
сладострастный, въ три мѣсяца не государствен-
ной дѣятельности, а пировъ, нѣги и звѣриной
ловли, успѣлъ возненавидѣть свое Королевство
и власть ограниченную; тайно изготовился къ
отъѣзду, и ночью ускакалъ отъ одного престола
къ другому; спѣшилъ наслѣдовать державу и
несчастіе своего брата, подобно ему царствовать
среди мятежей, измѣнъ и злодѣйствъ, оказать
себя малодушнымъ, вѣроломнымъ, но умереть
съ прекраснымъ словомъ, которое навѣки оста-
лось въ Исторіи и достойно наилучшаго изъ
Царей ([436]). Изумленные бѣгствомъ Короля,
Паны должны были искать другаго. Тогда мно-
гіе изъ нихъ — Архіепископъ Гнѣзненскій, Ка-
стелланъ Минскій, Янъ Глѣбовичь, и другіе —
тайно обратились къ Царю: совѣтовали ему не-
медленно прислать умныхъ Бояръ въ Варшаву,
съ такими условіями, на какихъ былъ избранъ
Генрикъ; отнестися письменно къ Духовенству,
къ Рыцарству и къ каждому Вельможѣ въ осо-
бенности: *просить* ихъ объ избраніи его (Іоанна)
въ Короли; сказать въ грамотѣ, что онъ не ере-
тикъ, а Христіанинъ и дѣйствительно крещенъ
во имя Троицы; что Поляки и Россіяне, будучи
одного племени, Славянскаго или Сарматскаго,
должны какъ братья имѣть единаго Отца-Госу-

«твой ли сынъ сядетъ тамъ на престолѣ . . . .
«Ты, братъ нашъ любезный, сѣтуешь объ ужас-
«номъ истребленіи невинныхъ людей и младен-
«цевъ въ день Св. Варѳоломея: всѣ Государи
«Христіанскіе должны скорбѣть о сей безчело-
«вѣчной жестокости Короля Французскаго, про-
«лившаго *безъ ума* столь много крови ([434])!»

Однакожь Іоаннъ, слѣдуя миролюбивой си-
стемѣ, не хотѣлъ прежде времени объявить себя
врагомъ новаго Короля Польскаго: напротивъ
того, узнавъ объ его прибытіи и торжествен-
номъ коронованіи въ древней столицѣ Піастовъ,
онъ готовился послать къ нему знатнаго чинов-
ника съ привѣтствіемъ. Но Генрикъ предупре-
дилъ Царя: извѣстилъ о своемъ восшествіи на
тронъ; убѣждалъ не нарушать перемирія съ
Республикою до 1576 года; писалъ, что онъ въ
горести; что Король Французскій умеръ; что
ему должно ѣхать въ Парижъ, и что сіе времен-
ное отсутствіе не мѣшаетъ Царю сноситься въ
дѣлахъ съ Вельможными Панами ([435]). Іоаннъ
отвѣтствовалъ: «Братъ нашъ Генрикъ! о твоемъ
«восшествіи на престолъ радуемся, о твоей пе-
«чали сожалѣемъ. Кончина Государей Христіан-
«скихъ есть бѣдствіе для Христіанъ и веселіе
«для невѣрныхъ. Мы хотимъ жить въ любви съ
«тобою. Послы мои будутъ въ Варшаву, когда
«ты возвратишься: ожидаю твоихъ въ Москву:
«а безъ тебя мнѣ непристойно имѣть дѣло съ
«Панами. О сохраненіи перемирія мы дали указъ
«своимъ Воеводамъ.» — Но Генрикъ былъ уже

оролемъ-бѣглецомъ! Искавъ вѣнца Польскаго динственно въ угодность матери, честолюбивой Екатеринѣ Медицисъ, которая дѣйствовала въ семъ случаѣ по внушенію хитраго карлы и бродяги, Іоанна Красовскаго, Генрикъ, лѣнивый, сладострастный, въ три мѣсяца не государственной дѣятельности, а пировъ, нѣги и звѣриной ловли, успѣлъ возненавидѣть свое Королевство и власть ограниченную; тайно изготовился къ отъѣзду, и ночью ускакалъ отъ одного престола къ другому; спѣшилъ наслѣдовать державу и несчастіе своего брата, подобно ему царствовать среди мятежей, измѣнъ и злодѣйствъ, оказать себя малодушнымъ, вѣроломнымъ, но умереть съ прекраснымъ словомъ, которое навѣки осталось въ Исторіи и достойно наилучшаго изъ Царей (436). Изумленные бѣгствомъ Короля, Паны должны были искать другаго. Тогда многіе изъ нихъ — Архіепископъ Гнѣзненскій, Кастелланъ Минскій, Янъ Глѣбовичь, и другіе — снова обратились къ Царю: совѣтовали ему немедленно прислать умныхъ Бояръ въ Варшаву, съ такими условіями, на какихъ былъ избранъ Генрикъ; отнестися письменно къ Духовенству, къ Рыцарству и къ каждому Вельможѣ въ особенности; *просить* ихъ объ избраніи его (Іоанна) въ Короли; сказать въ грамотѣ, что онъ не еретикъ, а Христіанинъ и дѣйствительно крещенъ во имя Троицы; что Поляки и Россіяне, будучи единаго племени, Славянскаго или Сарматскаго, должны какъ братья имѣть единаго Отца-Госу-

даря. Іоаннъ писалъ къ нимъ весьма
желюбно, благодарилъ за доброе нам
віе, обѣщалъ выслать Бояръ своих
Сейму, но не сказалъ ничего рѣшител
въ разсужденіи условій ([436]), ибо ждалъ
словъ Цесаревыхъ, которые уже ѣха
Москву.

Гонецъ нашъ, Скобельцынъ, въ Ав
1574 года возвратился изъ Вѣны безъ
каго отвѣта, сказывая, что Импера
хотѣлъ писать къ Царю съ своимъ
вѣкомъ. Сія странность объяснилась
вый гонецъ Максимиліановъ привез
Іоанну жалобу, что Скобельцынъ не
отвѣтной грамоты, будто бы надписа
безъ полнаго Царскаго имени, и само
но уѣхалъ; сверхъ чего велъ себя н
стойно и злословилъ Императора ([437]
ксимиліанъ увѣрялъ Царя въ искр
дружбѣ и благодарности, а Царь извѣ
его, что онъ *возложилъ* на Скобель
опалу. Послѣ того были въ Москвѣ
гіе чиновники Австрійскіе, съ из
віемъ, что Максиміліанъ *за большим
досугами* медлитъ условиться съ Іоа
о дѣлахъ Польскихъ. Въ знакъ у
одинъ изъ сихъ гонцевъ донесъ Боя
что Папы тайно склоняютъ Магнуса
нить Россіи, обѣщая ему городъ Ригу

Союзъ съ Австріею. Наконецъ, въ Генварѣ 1576 года, прі
къ намъ знатные Австрійскіе санов

Янъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ. Государь встрѣтилъ ихъ въ Можайскѣ, великолѣпно и пышно: *въ Русскомъ саженомъ* платьѣ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ и въ діадимѣ, держа въ рукѣ скипетръ; престолъ окружали всѣ Бояре и Дворяне въ златыхъ одеждахъ. Іоаннъ и Царевичь встали, спрашивая о здравіи Императора, который прислалъ въ даръ своему *брату* и *союзнику* золотую цѣпь, украшенную драгоцѣнными каменьями съ изображеніемъ имени Максиміліанова, цѣною въ 8000 талеровъ. Императоръ *молилъ* Іоанна способствовать ему словомъ и дѣломъ, грамотами и мечемъ, въ возведеніи Эрнеста на тронъ Польскій, и не воевать Ливоніи, области *издавна принадлежащей къ Римской Имперіи.* «Тогда» — говорили Послы Максиміліановы Іоанну — «вся Европа Христіанская заключитъ союзъ съ тобою, чтобы однимъ ударомъ, на моряхъ и на сушѣ, низвергнуть высокую Державу Оттомановъ. Вотъ подвигъ, коимъ ты можешь навѣки прославить себя и Россію! Изгонимъ Турковъ изъ Константинополя въ Аравію, искоренимъ Вѣру Магометову, знаменіемъ креста снова осѣнимъ Ѳракію, Элладу — и все древнее Царство Греческое *на восходъ солнца* да будетъ твое, о Царь великій! Такъ вѣщаютъ Императоръ, Св. Отецъ Папа и Король Испанскій» (439). Іоаннъ слушалъ холодно, не плѣняясь мыслію царствовать на берегахъ Воспора и Геллеспонта; сказалъ, что его слово всегда твердо и ненарушимо; что онъ не

что надобно скорѣе заключить договоръ, ясны торжественный между Австріею и Россіею; а к Вельможамъ Короннымъ написалъ, чтобъ он выбрали Эрнеста, если хотятъ быть въ вѣчно дружбѣ съ сильнымъ Московскимъ Государствомъ, и не принимали Властителя отъ *Султанской руки*, если не хотятъ отвѣтствоват Богу за ужасное кровопролитіе (441). Тогда ж въ грамотѣ къ Панамъ Литовскимъ онъ изъявилъ желаніе быть ихъ Великимъ Княземъ ил дать имъ Царевича Ѳеодора въ Государи, прибавивъ: «если же вы не разсудите за благо имѣт «особеннаго Властителя, то вмѣстѣ съ Польше «изберите Максимиліанова сына.»

Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ и Цесарь могл бы предписать законы Сейму, если бы, рѣш тельно объявивъ ему свои требованія, подкрѣпили оныя движеніемъ войска съ обѣихъ сто ронъ, какъ писали къ Царю доброхотствующ намъ Вельможи Литовскіе, зная расположен умовъ въ Вильнѣ и въ Варшавѣ; но Максим ліанъ, уже слабый тѣломъ и душею, медлилъ честилъ нашихъ Пословъ въ Регенсбургѣ (442 а своихъ не присылалъ въ Москву, и въ новы безполезныхъ сношеніяхъ съ Іоанномъ, чре гонцевъ, досаждалъ ему во-первыхъ тѣмъ, ч затруднялся называть его *Императоромъ* или *Царемъ Россіи*, называя только *Царемъ Казански* и *Астраханскимъ*; во-вторыхъ не престава ходатайствовать о *жалкой*, *убогой* Ливоніи, твердить, что она есть область Германіи. Отв

ствуя Максимиліану всегда учтиво, всегда дружелюбно, Царь хладѣлъ въ усердіи доставить Эрнесту корону Польскую, и слышалъ безъ гнѣва, что Рыцарство и Шляхта противятся Вельможамъ въ семъ избраніи (443). Сеймъ объявилъ тогда Кандидатами: 1) Эрнеста; 2) Фердинанда, брата Максимиліанова; 3) Короля или Принца Шведскаго; 4) Альфонса, Князя Моденскаго. О Царѣ не было слова: ибо онъ не отступился торжественно отъ сдѣланныхъ имъ въ 1574 году предложеній, столь несогласныхъ съ законами Республики, и вторично не разсудилъ за благо прислать знатныхъ, уполномоченныхъ сановниковъ въ Варшаву, довольствуясь угрозами и тайными сношеніями съ нѣкоторыми изъ Пановъ. Между тѣмъ гонцы наши извѣщали его о всѣхъ движеніяхъ Сейма. Іоаннъ изъ Слободскаго Дворца своего видѣлъ игру и бореніе страстей на семъ шумномъ ѳеатрѣ, гдѣ умъ и краснорѣчіе заслуживали рукоплесканіе, а золото и сила рѣшили; гдѣ не только спорили, вопили, но и мечи обнажались, и копья сверкали; гдѣ, отвергнувъ всѣхъ Кандидатовъ, выбрали наконецъ — двухъ Королей: вмѣсто Эрнеста, самого Императора, и Стефана Баторія: имя дотолѣ мало извѣстное, но коему надлежало прославиться въ Исторіи Россійской, къ безславію Іоанна!

Еще въ 1574 году, узнавъ о бѣгствѣ Генрика, Султанъ Селимъ далъ знать Вельможнымъ Панамъ (444), что если Королемъ ихъ будетъ Принцъ Австрійскій, воспитанный въ ненави-

сти къ Оттоманской Имперіи, то война и к
пролитіе неминуемы для обѣихъ Державъ
Князь Россійскій также опасенъ: что он
гутъ возложить вѣнецъ на добродѣтельнѣй
изъ Вельможъ, Сендомирскаго Воеводу, и
Короля Шведскаго, или — если хотятъ лу
го — на Князя Седмиградскаго Баторія,
знаменитаго разумомъ и великодушіемъ,
рый принесетъ къ нимъ и счастіе и славу,
дучи вѣрнымъ другомъ могущественной По
Сіе предложеніе не осталось безъ дѣйствія
Султанъ былъ страшнѣйшимъ изъ враговъ
ролевства Польскаго. Въ Варшавѣ, въ Кра
говорили о Стефанѣ, обязанномъ своею Кн
скою честію и властію не предкамъ, а собст
ному уму и характеру, избранію Вельмож
народа Седмиградскаго (445). Въ сей странѣ
дикой, необразованной, населенной людьми
бымп, духа мятежнаго, происхожденія и За
разнаго, онъ утвердилъ тишину, безопасн
терпимость Вѣръ: исповѣдуя Римскую, п
рѣлъ любовь и Лютеранъ и Кальвинистовъ;
скалъ довѣренность Султана, и въ тоже в
оказывалъ важныя услуги Императору; не м
отличался и храбростію, свѣдѣніями въ
кахъ, краснорѣчіемъ — и самою величест
ною наружностію: имѣя 42 года отъ рожд
еще былъ прекраснымъ мужемъ. Однимъ
вомъ, усердные къ государственному благу
ляки не могли желать достойнѣйшаго Вѣ
носца. Сторона ихъ усилилась ходатайст

льможи, Самуила Зборовскаго, бывшаго
гнанникомъ въ Трансильваніи, и тамъ
лаготвореннаго Стефаномъ. Дѣйствовали
любовь къ отечеству и золото Баторіево;
це болѣе закоренѣлая народная ненависть
ь Австрійскому Дому. Сенатъ усердство-
лъ Императору и Эрнесту; но въ рѣши-
льный часъ избранія раздался голосъ:
хотимъ Баторія! онъ дастъ намъ миръ съ
Турками и побѣду надъ всѣми иными вра-
гами» (446)! Шляхта завопила: «Баторія!»
апрасно многіе Вельможи представляли,
то онъ есть данникъ невѣрныхъ; что
ыдно Христіанской Республикѣ имѣть
лавою раба Султанскаго. Коронный Гет-
анъ, Янъ Замойскій, Епископъ Краков-
кій и знатная часть Дворянства наимено- Избраніе Баторія въ Короля Польскіе.
ли Королемъ Седмиградскаго Князя, а
римасъ и Сенаторы Польскіе Максими-
ана, стараго, недужнаго, какъ бы для
то, чтобы вѣроятною близостію новаго
ыбора угодить мятежной Шляхтѣ, кото-
я любила законодательствовать на Сей-
махъ. Та и другая сторона увѣдомили из-
ранного ею о сей чести, и Максимиліанъ,
е съ смертнаго одра, писалъ въ Москву,
о онъ Король Польскій. «Радуюсь,» отвѣ-
тъ Царь: «но Баторій уже въ Крако-
вѣ» (447)! Онъ дѣйствительно прибылъ
а съ хоругвію Султанскою и съ име-
емъ Короля, къ искреннему огорченію

многихъ Литовскихъ Вельможъ, усердно хотѣвшихъ имѣть Ѳеодора своимъ Государемъ, въ надеждѣ, что сей юный Царевичь, невинный въ жестокостяхъ родителя, будетъ всегда жить въ Литвѣ, приметъ ихъ обычаи и правы, полюбитъ сію страну единовѣрную какъ второе отечество, утвердитъ ея цѣлость миромъ съ Россіянами, и возвратитъ ей не только Полоцкъ, но, можетъ быть, и Смоленскъ, и всю землю Сѣверскую. «Для чего» — говорили они въ Вильнѣ чиновнику Іоаннову, Бастанову (448) — «для чего Іоаннъ не хотѣлъ для себя славы, «а для насъ счастія? Для чего Послы его не «были на Сеймѣ съ объявленіемъ условій со«гласныхъ съ истиннымъ благомъ обѣихъ Дер«жавъ? Мы не любимъ Цесаря, не терпимъ Ба«торія, какъ присяжника Селимова.» Нѣкоторые изъ нихъ даже мыслили, что еще не ушло время дѣйствовать; что можно уничтожить беззаконный выборъ двухъ Королей, если Іоаннъ отнесется съ ласкою и съ дарами къ главнымъ Польскимъ Вельможамъ; если наше войско немедленно вступитъ въ Литву.... Но Максимиліанъ умеръ (12 Октября 1576), а Баторій сѣлъ на престолѣ въ Краковѣ, давъ торжественное обязательство свято наблюдать договоръ Генриковъ и всѣ уставы Республики, жениться на пятидесятилѣтней сестрѣ Августа-Сигизмунда, Аннѣ, — заключить союзъ съ Оттоманскою Имперіею, смирить Хана, освободить мечемъ или выкупить всѣхъ Христіанскихъ плѣнниковъ въ Тавридѣ,

ть безопасность Государства крѣпостями, лично предводительствовать ратію и сносоединить къ Литвѣ всѣ ея земли, завоея Царями Московскими, если Сенатъ и ь хотятъ войны съ Россіею. «Да исчезбоязнь малодушная!» говорилъ онъ: дружину опытную, силу въ рукѣ и добь въ сердцѣ!» — Раздоры кончились; неьные умолкли. Польша и Литва единовоскликнули: «да здравствуетъ Король рій!»

інъ казался равнодушнымъ и спокойнымъ. въ, что ѣдутъ къ нему Посланники Стефа, онъ велѣлъ оказать имъ надлежащую Бояре спрашивали у нихъ о родѣ Батоотѣли знать, какой титулъ даютъ ему въ ахъ Султанъ, Императоръ и другіе Госу- Посланники отвѣтствовали: «Царь увититулъ Стефановъ въ его грамотѣ.» Ихъ тавили (449). Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ, въ ; подлѣ него старшій Царевичь; Бояре на яхъ въ Тронной, Дворяне и Дьяки въ сѣ; Дѣти Боярскіе стояли на Крыльцѣ и въ одахъ до Набережной Палаты; близъ сей ы, у перилъ и до церкви Благовѣщенія, и люди Приказные, всѣ безъ исключенія *лотой одеждѣ*; на площади Стрѣльцы съ ми. Взявъ грамоту Баторіеву, Царь спроздоровьѣ Короля, но не звалъ Посланникъ обѣду. Въ письмѣ, учтивомъ и скром-, Стефанъ обѣщалъ наблюдать *до урочнаго*

времени сосѣдственную дружбу, требуя *вида*, или *опасной грамоты*, для свободнаго проѣзда Великихъ Литовскихъ Пословъ въ Москву; увѣрялъ въ своемъ искреннемъ миролюбіи; жаловался на Максимиліана, который въ досадѣ и ненависти злословилъ его, называлъ данникомъ Турецкимъ, а самъ платилъ Султану въ десять разъ болѣе, и болѣе Седмиградскихъ Князей ему раболѣпствовалъ. Бояре именемъ Государя сказали Посланникамъ, что Король Стефанъ явно идетъ на кровопролитіе: ибо 1) въ грамотѣ своей не даетъ Іоанну титула Царскаго, ни Смоленскаго, ни Полоцкаго Князя, какимъ всѣ признаютъ его, кромѣ безсмысленныхъ Ляховъ, именующихъ *Густава* Шведскаго, хотя и не Вѣнценосца, Королемъ; 2) дерзаетъ называть Царя *братомъ* своимъ, будучи Воеводою Седмиградскимъ, подданнымъ Короля Венгерскаго [450], и слѣдственно не выше Князей Острожскихъ, Бѣльскихъ или Мстиславскихъ; 3) величаетъ себя Государемъ Ливонскимъ. Ихъ отпустили съ приказомъ: «если Король желаетъ братства «съ Іоанномъ, то долженъ не вступаться въ Ли«вонію и писать его *Царемъ*, Великимъ Княземъ «Смоленскимъ и Полоцкимъ;» но дали имъ *опасную* для Пословъ *грамоту*.

Сіе было въ Ноябрѣ 1576 года. Угадывая характеръ своего противника, твердость, непреклонность Стефанову — не имѣя надежды достигнуть цѣли одними угрозами, и склонить его къ тому, чтобы онъ добровольно отдалъ намъ

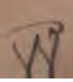
Ливонію, Іоаннъ рѣшился всѣми силами наступить на Шведскія и Польскія владѣнія въ сей землѣ. Время казалось ему благопріятнымъ: Король Шведскій, въ угодность женѣ своей окруживъ себя Іезуитами, вводя снова Латинскую Вѣру въ семъ Государствѣ, теряя любовь народа, производя мятежи, расколы, не могъ и мыслить тогда о сильномъ сопротивленіи Россіянамъ въ Ливоніи; а Стефанъ воевалъ въ Пруссіи и долженъ былъ заняться кровопролитною осадою бунтующаго Данцига. Ханъ Девлетъ-Гирей, боясь долговременнымъ бездѣйствіемъ заслужить презрѣніе Россіянъ, отважился было (въ 1576 году) явиться въ полѣ съ пятидесятью-тысячами всадниковъ; но съ Молочныхъ Водъ ушелъ назадъ, свѣдавъ, что полки Московскіе стоятъ на берегахъ Оки; что самъ Іоаннъ въ Калугѣ; что Донскіе Козаки въ смѣломъ набѣгѣ взяли Исламъ-Кирмень (451). Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для безопасности государственной; умноживъ войско въ крѣпостяхъ юго-восточной и западной Россіи, для отраженія Хана и Литвы (452); составивъ, сверхъ того, значительную рать судовую на Волгѣ изъ Двинянъ, Пермичей, Суздальцевъ, чтобы обуздывать мятежную Черемису, Астрахань, Ногаевъ, и вмѣстѣ съ Донскими Козаками дѣйствовать противъ самой Тавриды, Іоаннъ готовился рѣшить судьбу Ливоніи.

Насталъ 1577 годъ, ужаснѣйшій для сей земли несчастной, предзнаменованный (какъ думалъ

снѣговъ, равно бурныхъ ([453]). Въ сіе
Война Ливонская. 50,000 Россіянъ шло отъ Новагоро
Ревелю, коего граждане тщетно
вспоможенія моремъ, изъ Финляндіи,
ціи, Любека: корабли съ запасами
воинами тонули, или, уступая силѣ
тивныхъ вѣтровъ, обращались назадъ
было въ ожиданіи и въ страхѣ; а К
Шведскій, какъ бы въ шутку, писа
Іоанну, что имъ нѣтъ никакой при
воевать другъ съ другомъ; что Ш
продаетъ Ревель Нѣмецкому Импера
и что Царь, желая имѣть сей городъ
жетъ требовать его отъ Наслѣдника
симиліанова ([454]).

Но Ревельцы ободряли себя воспо
ніемъ 1571 года — то есть, Магнусов
ства отъ ихъ стѣнъ — и подъ на
ствомъ Шведскаго Генерала Горна
тили Россіянъ съ хладнокровнымъ
ствомъ. Первыми Воеводами Царским

свою голову (455). Тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ управлялъ Князь Никита Пріимковъ-Ростовскій, имѣя многихъ пушкарей Нѣмецкихъ и Шотландскихъ. 23 Генваря началась осада, 27 пальба изо всѣхъ нашихъ укрѣпленій — и продолжалась недѣль шесть безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Церкви, домы загарались; но граждане тушили огонь, отвѣтствовали на пальбу пальбою и въ частыхъ вылазкахъ иногда одерживали верхъ, такъ, что число Россіянъ, отъ битвъ, холода и болѣзней, значительно уменьшалось. Шереметевъ сдержалъ слово: не взялъ Ревеля, но положилъ свою голову, убитый ядромъ пушечнымъ. Тѣло сего храбраго Воеводы отвезли въ Москву (456) вмѣстѣ съ добычею и плѣнниками, Эстонскими и *Финляндскими:* ибо Князь Мстиславскій, не смотря на заключенное двулѣтнее перемиріе съ Финляндіею, посылалъ Татарскую конницу, черезъ ледъ залива, опустошать сію землю. Для устрашенія Ревельцевъ и для ободренія своихъ, Воеводы Московскіе распускали слухъ, что самъ Государь къ нимъ ѣдетъ; но первые знали (отъ измѣнника, Мурзы Булата, ушедшаго изъ стана въ крѣпость), что Царь въ Москвѣ; что въ Полководцахъ нашихъ нѣтъ бодрости, а въ воинахъ нѣтъ довѣренности къ Полководцамъ — и съ гордостію отвергали всѣ миролюбивыя предложенія Мстиславскаго. 13 Марта Россіяне зажгли станъ, наполненный трупами, и велѣвъ сказать

цы, но и самые Эстонскіе крестьяне вездѣ
дали на многочисленныхъ Россіянъ. Явил
тязь, сынъ Ревельскаго монетчика, Ивъ
кенбергъ, прозванный Аннибаломъ за смѣ
предводительствуя толпами вооруженных
ледѣльцевъ, онъ взялъ Виттенштейнъ
Пернау, ограбилъ нѣсколько городковъ
ковъ въ Ервенѣ, въ Вирландіи, близъ Д
злодѣйски мучилъ, убивалъ нашихъ пл
ковъ ([458]), и тѣмъ возбудилъ жестокую
которая скоро пала на Ливонію: ибо в
столь неудачно осаждавшее Ревель, было
нашимъ передовымъ отрядомъ.

Іоаннъ весною съ обоими сыновьями пр
въ Новгородъ ([459]): тамъ и во Псковѣ со
лись всѣ ратныя силы его обширнаго Ца
всѣхъ земель и городовъ, южныхъ и пол
ныхъ, Христіанскихъ и невѣрныхъ, съ
говъ моря Каспійскаго и Сѣвернаго, Черк
Ногаи, Мордва и Татары, Князья, Мурзы
маны — наконецъ всѣ Воеводы, кромѣ С

скимъ (460). Князья Иванъ Шуйскій, Василій
ій, Шейдяковъ, Θедоръ Мстиславскій и
инъ Никита Романовичь Захарьинъ-Юрьевъ
водительствовали особенными полками. Дав-
оссія не видала такого сильнаго войска. Всѣ
ли, что оно устремится на Ревель. «Мужай-
ь снова,» писали къ его гражданамъ Рижа-
тправивъ къ нимъ суда съ хлѣбомъ и воин-
и снарядами: «готовьтесь къ третьей, ужас-
ішей бурѣ — и въ третій разъ да спасетъ
ъ Господь отъ злочестиваго тирана (461)!»
юня выѣхавъ изъ Новагорода, Царь около
ца жилъ во Псковѣ, гдѣ явился къ нему и
нусъ, уже съ трепетомъ, уже вѣроломный,
увидимъ; но еще Царь не зналъ сего тай-
коварства и велѣлъ ему съ его Нѣмецкою
жиною итти къ Вендену, а самъ, 25 Іюля,
шилъ въ южную Ливонію, къ изумленію По-
въ, которые тамъ господствовали, считая
въ мирѣ съ Россіею. Такимъ образомъ на-
ся война Іоаннова съ Баторіемъ, столь важ-
послѣдствіями! Главный Воевода Стефа-
ь, Хоткѣвичь, ни мало не готовый къ обо-
ѣ, бѣжалъ: за нимъ и другіе. Царь въ нѣ-
лько дней взялъ Маріенгаузенъ, Луиценъ,
иттенъ, Дюнебургъ, Крейцбургъ, Лаудонъ;
итники ихъ, Поляки и Нѣмцы, не обнажили
а, требуя милосердія: которые сдавались
размышленія, тѣхъ выпускали свободными;
рые медлили, тѣхъ брали въ плѣнъ (462). До
ванія разоривъ Лаудонъ, а всѣ другія крѣ-

пости занявъ Московскими дружинами, Іоаннъ отрядилъ Воеводу Ѳому Бутурлина къ городу Зесвегену, гдѣ начальствовалъ братъ измѣнника Таубе. Россіяне овладѣли посадомъ; но Бутурлинъ извѣстилъ Царя, что Нѣмцы, отвергнувъ милость, *сѣли на смерть* въ крѣпости. Государь пришелъ
24 Августа. самъ и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ: стѣны пали, а съ ними и Нѣмцы къ ногамъ его. Уже не было милости: знатнѣйшихъ изъ нихъ посадили на колъ; другихъ продали Татарамъ въ неволю. Берсонъ, Кальценау покорились безъ условія: Іоаннъ отпустилъ всѣхъ тамошнихъ Нѣмцевъ, съ женами и дѣтьми, въ Курляндію. — Съ другой стороны Магнусъ также бралъ города, не силою, а добровольно. «Хотите-«ли спасти жизнь, свободу, достояніе?» писалъ онъ къ Ливонцамъ: «покоритесь «мнѣ, или увидите надъ собою мечь и око-«вы въ рукахъ Москвитянъ.» Всѣ съ радостію признавали его Королемъ, на условіяхъ выгодныхъ для ихъ безопасности, и въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ грозы Іоанновой. Магнусъ, безъ вѣдома Государева, занялъ Кокенгузенъ, Ашераденъ, Ленвардъ, Роннебургъ и многія иныя крѣпости; наконецъ Венденъ и Вольмаръ, гдѣ граждане выдали ему Воеводу Стефанова, Князя Александра Полубенскаго. Съ легкомысленною гордостію извѣстивъ Ца-

ря о сихъ успѣхахъ, онъ требовалъ, чтобы Россіяне не безпокоили Ливонцевъ, уже вѣрныхъ законному Королю своему, и въ числѣ городовъ, ему подвластныхъ, называлъ даже самый Юрьевъ или Дерптъ. Іоаннъ изумился!

Мы видѣли, что Царь, избравъ Магнуса въ орудіе нашей Политики, не ослѣплялся излишнею къ нему довѣренностію; помнилъ измѣну Таубе и Крузе; зналъ, что союзъ родственный не есть надежное ручательство въ усердіи властолюбиваго. Онъ конечно не оставилъ безъ вниманія и не забылъ слуховъ о тайныхъ Магнусовыхъ сношеніяхъ съ Панами (463); но молчалъ, скрывалъ подозрѣніе до сего времени: тутъ закипѣлъ гнѣвомъ; устремился къ Кокенгузену; велѣлъ умертвить тамъ 50 Нѣмцевъ Магнусовой дружины и всѣхъ жителей продать въ неволю (464); а къ зятю написалъ слѣдующее: «*Гольдовнику* нашему, Магнусу Королю. Я отпу«стилъ тебя изо Пскова съ дозволеніемъ занять «единственно Венденъ . . . . а ты, слѣдуя внуше«ніямъ злыхъ людей или собственной безраз«судности, хочешь всего! Знай, что мы не да«леко другъ отъ друга. Управа легка: имѣю «воиновъ и сухари; а болѣе мнѣ ничего непа«добно. Или слушайся, или — если ты не дово«ленъ городами, мною тебѣ данными — иди за «море въ свою землю. Могу отправить тебя и въ «Казань; а Ливонію очищу и безъ твоего содѣй«ствія.» Пославъ Воеводъ своихъ въ Ашераденъ, Ленвардъ, Швапенбургъ, Тирсенъ, Пе-

бальге, Царь два дни отдыхалъ въ Кокенгузенѣ, гдѣ, любя прѣнія Богословскія, мирно бесѣдовалъ съ главнымъ Пасторомъ о Вѣрѣ Евангелической, но едва было не предалъ его казни за нескромное сравненіе Лютера съ Апостоломъ Павломъ ([365]). Узнавъ, что крѣпости южной Ливоніи не противятся нашему войску, онъ выступилъ къ Эрлѣ, плѣнилъ всѣхъ ея жителей, за то, что они не вдругъ сдалися, и спѣшилъ къ Вендену. Въ тоже время Богданъ Бѣльскій съ Московскими Стрѣльцами окружилъ Вольмаръ, гдѣ начальствовалъ сановникъ Магнусовъ, Георгъ Вильке. Сія крѣпость считалась одною изъ важнѣйшихъ. Вильке не хотѣлъ впустить Россіянъ, отвѣтствуя, что она *взята Королевскою саблею;* но видя изготовленія къ приступу, выѣхалъ къ нашему Воеводѣ и сказалъ: «Знаю, «что мой Король присяжникъ Царя: удерживаюсь отъ кровопролитія. Возьмите городъ: «ѣду къ Магнусу.» Его послали къ Іоанну съ двадцатью Нѣмцами, а другихъ Магнусовыхъ людей, числомъ семдесятъ, изрубили; купцевъ и всѣхъ жителей оковали; ихъ имѣніе и домы опечатали. Въ знакъ своего особеннаго удовольствія Іоаннъ наградилъ Бѣльскаго золотою цѣпью, а бывшихъ съ нимъ Дворянъ золотыми медалями.

Въ Венденѣ находился самъ Магнусъ, который не хотѣлъ ѣхать къ Царю на встрѣчу, но, исполняя волю его, прислалъ къ нему Воеводу Стефанова, Князя Полубенскаго, и двухъ

ыхъ сановниковъ съ извиненіями. 31 Августа. Измѣна Магнусова.
скавъ перваго, Іоаннъ, какъ пишутъ,
далъ отъ него важную тайну: узналъ
ломство своего присяжника; узналъ,
Магнусъ сносится съ Герцогомъ Кур-
скимъ и мыслитъ покориться съ Ли-
кими городами Баторію, внутренно
видя Россіянъ или Царя ихъ (466). Что
вило сего Воеводу Стефанова измѣ-
довѣренности Магнуса? желаніе ли
тить ему за бунтъ Вольмарскихъ жи-
? малодушный ли страхъ? неожидае-
и милость Іоаннова? Какъ бы то ни
, Царь могъ законно казнить измѣн-
, могъ предаться естественному, пра-
ому гнѣву — но, умѣя иногда обузды-
себя, хладнокровно велѣлъ двухъ По-
ь Магнусовыхъ высѣчь розгами и ска-
ему, чтобы онъ немедленно явился въ
мъ станѣ. Магнусъ трепеталъ; не
ъ ослушаться, и съ двадцатью-пятью
вниками поѣхалъ на страшный судъ;
ѣлъ Іоанна, сошелъ съ коня, палъ къ
ъ Царскимъ. Іоаннъ поднялъ его, и
илъ такъ, болѣе съ презрѣніемъ, не-
съ гнѣвомъ: «Глупецъ! ты дерзнулъ
тать о Королевствѣ Ливонскомъ? ты,
дяга, нищій, принятый въ мое семей-
, женатый на моей возлюбленной пле-
ницѣ, одѣтый, обутый мною, надѣ-
ный *казною и городами* — ты измѣ-

«нилъ мнѣ, своему Государю, отцу, благодѣте-«лю? Дай отвѣтъ! Сколько разъ слышалъ я о «твоихъ замыслахъ гнусныхъ? но не вѣрилъ, «молчалъ. Нынѣ все открылось. Ты хотѣлъ об-«маномъ взять Ливонію и быть слугою Поль-«скимъ. Но Господь милосердый сохранилъ меня «и предаетъ тебя въ мои руки. И такъ будь «жертвою правосудія: возврати мое, и снова «пресмыкайся въ ничтожествѣ» (467)! — Магнуса со всѣми его чиновниками заперли въ одномъ пустомъ, ветхомъ домѣ, гдѣ онъ нѣсколько дней и ночей провелъ на соломѣ. Между тѣмъ что дѣлалось въ Венденѣ?

Россіяне безъ сопротивленія вступили въ городъ. Воеводы, Князь Голицынъ и Салтыковъ, не велѣли имъ трогать жителей; вездѣ поставили крѣпкую стражу; очистили домы для Государя и Бояръ. Все казалось мирно и тихо. Но Магнусовы Нѣмцы, боясь свирѣпости Іоанновой, съ женами, съ дѣтьми, съ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ укрылись въ замкѣ, и не отворяли его. Россіяне хотѣли употребить силу: Нѣмцы начали стрѣлять, убили многихъ Дѣтей Боярскихъ, ранили Воеводу Салтыкова; не слушались даже и Магнуса, который приказывалъ имъ сдаться. Узнавъ о томъ, гнѣвный Царь велѣлъ знатнаго плѣнника, Георга Вильке, посадить на колъ, пушками разбить замокъ, умертвить всѣхъ Нѣмцевъ. Три дни громили стѣны: онѣ валились; не было спасенія для осажденныхъ (468). Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «Умремъ, если

угодно Богу; но не дадимъ себя ти-
на муки. Подорвемъ замокъ!» Всѣ
или согласіе, даже и Пасторы, съ
бывшіе. Наполнили порохомъ своды
иго Магистерскаго дома; причасти-
Святыхъ Таинъ; стали на колѣна,
ъ, семействами: мужья съ женами,
и съ дѣтьми; молились усердно — и
стремящихся къ нимъ Россіянъ, дали
: сановникъ Магнусовъ, Генрикъ
анъ, бросилъ въ окно горящій фи-
на кучу пороха.... съ ужаснымъ
омъ взлетѣло зданіе. Всѣ погибли,
Бойсмана, оглушеннаго ударомъ,
ченнаго, но еще живаго, найденнаго
звалинахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ
спустилъ духъ, и мертвый былъ по-
ъ на колъ! Страшная месть пала и
рныхъ жителей: мучили и казнили,
и жгли ихъ, на улицахъ безчестили
и дѣвицъ (469). Трупы лежали во-
города не погребенные. Однимъ сло-
сія *Венденская кара* принадлежитъ
аснѣйшимъ подвигамъ Іоаннова ти-
за: она удвоила ненависть Ливон-
къ Россіянамъ.

уда Царь пошелъ къ Роннебургу, Три- 12 Септ.
Шмильтену; сіи крѣпости, занятыя
цами, ему не противились. Началь-
мирно встрѣчали его, довольные сво-
возвратиться въ отечество, безъ

оружія и безъ имѣнія; а Нѣмцевъ съ женами и съ дѣтьми брали въ плѣнъ ([470]). Оставалось только взять Ригу; но предвидя осаду кровопролитную, Іоаннъ спѣшилъ въ Вольмаръ, торжествовать свои побѣды; далъ великолѣпный пиръ Воеводамъ Россійскимъ и знатнымъ Литовскимъ освобожденнымъ плѣнникамъ; въ особенности ласкалъ Князя Александра Полубенскаго; одарилъ ихъ шубами и кубками; сказалъ имъ гордо: «Идите къ Королю Стефану: «убѣдите его заключить миръ со мною на «условіяхъ, мнѣ угодныхъ: ибо рука «моя *высока!* Вы видѣли: да знаетъ и «онъ» ([471])!... Вольмаръ напомнилъ Іоанну бѣглеца Курбскаго: онъ написалъ къ нему письмо такого содержанія (и вручилъ оное Князю Полубенскому для доставленія): «Мы, Великій Государь всея Россіи, «къ бывшему Московскому Боярину ([472]).... «Смиреніе да будетъ въ сердцѣ и на языкѣ «моемъ. Вѣдаю свои беззаконія, уступающія только милосердію Божію: оно спасетъ меня, по слову Евангельскому, что «Господь радуется о единомъ кающемся «грѣшникѣ болѣе, нежели о десяти праведникахъ. Сія пучина благости потопитъ «грѣхи мучителя и блудника!... Нѣтъ, не «хвалюся честію: честь не моя, а Божія... «Смотри, о Княже! судьбы Всевышняго «Вы, друзья Адашева и Сильвестра, хотѣли

Письмо къ Курбскому.

тѣть Государствомъ . . . . и гдѣ же нынѣ?
, сверженные правосудіемъ , кипя яростію,
или , что не осталось мужей въ Россіи ; что
безъ васъ уже безсильна и беззащитна : но
ь нѣтъ, а тверди Нѣмецкія пали предъ си-
Креста Животворящаго! Мы тамъ, гдѣ
не бывали . . . . Нѣтъ , ты былъ здѣсь, но
въ славѣ побѣды , а въ стыдѣ бѣгства , ду-
, что ты уже далеко отъ Россіи , въ убѣ-
щѣ безопасномъ для измѣны , недоступномъ
ея мстителей. Здѣсь ты изрыгалъ хулы на
ря своего ; но здѣсь нынѣ Царь , здѣсь Рос-
! . . . Чѣмъ виновенъ я предъ вами? Не вы
отнявъ у меня супругу милую, сдѣлались
инными виновниками моихъ человѣческихъ
бостей? Говорите о лютости Царя , хотѣвъ
шить его и престола и жизни! Войною ли,
віою ли пріобрѣлъ я Государство , бывъ Го-
аремъ еще въ колыбели? И Князь Влади-
ъ, любезный вамъ измѣнникамъ , имѣлъ ли
аво на Державу, не только по своему роду, но
по личному достоинству, Князь равно без-
ысленный и не благодарный, вашими отцами
ерженный въ темницу, и мною освобожден-
й (473)? Я стоялъ за себя ; остервененіе зло-
евъ требовало суда неумолимаго . . . . Но
хочу многословія ; довольно и сказаннаго.
ися промыслу Небесному; войди въ себя;
зсуди о дѣлахъ своихъ! Не гордость велитъ
ѣ писать къ тебѣ, а любовь Христіанская, да
споминаніемъ исправишься , и да спасется

«душа твоя.» — Сіе мнимое *смиреніе* конечно
исправило и не обмануло измѣнника, но мог
растравить язву сердца его, къ удовольств
мстительнаго Царя. Курбскій, также мстите
ный, ждалъ благопріятнаго времени для отвѣт
оно приближалось!

Доселѣ Іоаннъ бралъ, что хотѣлъ; свирѣ
ствовалъ, казнилъ Ливонію безпрепятственн
смѣялся надъ слабостію враговъ; съ надменн
стію воображалъ ужасъ, отчаяніе Королей Шве
скаго и Польскаго; думалъ, что оружіе уже в
рѣшило; что остальное прибавятъ договор
сильнаго съ безсильными. Отрядивъ часть ко
ницы къ Ревелю для новаго опустошенія Шве
скихъ владеній, разставивъ войско по городам
ввѣривъ оное Великому Князю Тверскому С
меону, Князьямъ Ивану Шуйскому и Васил
Сицкому, Царь поѣхалъ въ Дерптъ. За ним
везли измѣнника Магнуса и знатныхъ Дворян
его, которые ежечастно ждали смерти; но Іоанн
не уважая законовъ государственной нравстве
ности, государственнаго неумолимаго правос
дія, умѣлъ быть снисходительнымъ къ измѣн
для выгодъ Политики. Такъ онъ, будучи въ Д
небургѣ, *милостиво* сносился съ бѣглецами Кру
и Таубе: ибо сіи вѣроломные, видя успѣхи ег
дерзнули снова предложить ему свои услуг
искренно или коварно, съ обѣщаніемъ спосо
ствовать намъ въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ (47
Такъ Іоаннъ, къ общему удивленію, простил
и Магнуса въ Дерптѣ, взявъ съ него клятву в

вѣрности, съ обязательствомъ заплатить Россіи 40,000 Венгерскихъ гульденовъ; возвратилъ ему свободу и владѣніе, Оберпаленъ, Каркусъ; еще прибавилъ къ симъ городамъ Гельметъ, Зигевальде, Розенбергъ и другіе (475); оставилъ Магнусу имя Короля, а себѣ Верховнаго Повелителя Ливоніи, и велѣлъ тамъ изобразить въ церквахъ слѣдующую надпись, худыми Нѣмецкими стихами, имъ самимъ, какъ увѣряютъ, сочиненными: «Есмь Іоаннъ, Государь многихъ земель, исчисленныхъ въ моемъ титулѣ. Исповѣдаю Вѣру предковъ своихъ, истинно Христіанскую, по ученію Св. Апостола Павла, вмѣстѣ съ добрыми Москвитянами. Я ихъ Царь природный: не вымолилъ, не купилъ сего титула; а мой Царь есть Іисусъ Христосъ» (476). – Изъ Дерпта пріѣхавъ во Псковъ, Іоаннъ осмотрѣлъ всѣхъ плѣнниковъ Ливонскихъ (477), нѣкоторыхъ освободилъ, другихъ скованныхъ послалъ въ Москву, и самъ, какъ бы утружденный великими подвигами, спѣшилъ отдохнуть въ уединеніи Слободы Александровской.

Здѣсь конецъ нашихъ воинскихъ успѣховъ въ Ливоніи, хотя и не весьма важныхъ для потомства, но знаменитыхъ, блестящихъ для тогдашнихъ Россіянъ, которые славились взятіемъ *двадцати семи городовъ* въ два или три мѣсяца. Увидимъ жестокій оборотъ Судьбы, злополучіе отечества и стыдъ Царя; увидимъ новое доказательство, что малодушіе свойственно тирану: ибо бѣдствія для него казнь, а не

искушеніе, и довѣренность къ Провидѣнію столь же чужда его сердцу боязливому, сколь и довѣренность къ народному усердію! .... Но прежде описанія войны, какой дотолѣ мы не имѣли, въ послѣдній разъ еще явимъ Іоанна губительнымъ Ангеломъ Тмы для Россіянъ, обагреннымъ святою кровію невинности.

Шестая эпоха казней. Уже не было имени Опричниковъ, но жертвы еще падали, хотя и рѣже, менѣе числомъ; тиранство казалось утомленнымъ, дремлющимъ, только отъ времени до времени пробуждаясь. Еще великое имя вписалось въ огромную книгу убійствъ сего царствованія смертоноснаго. Первый изъ Воеводъ Россійскихъ, первый *Слуга Государевъ* — тотъ, кто въ славнѣйшій часъ Іоанновой жизни прислалъ сказать ему: *Казань наша;* кто, уже гонимый, уже знаменованный опалою, безчестіемъ ссылки и темницы, сокрушилъ Ханскую силу на берегахъ Лопасни, и еще принудилъ Царя изъявить ему благодарность отечества за спасеніе Москвы — Князь Михаилъ Воротынскій, чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ своего торжества, былъ преданъ на смертную муку, обвиняемый рабомъ его въ чародѣйствѣ, въ тайныхъ свиданіяхъ съ злыми вѣдьмами, и въ умыслѣ извести Царя (478): доносъ нелѣпый, обыкновенный въ сіе время, и всегда угодный ти-

Мужа славы и доблести привели къ Царю
ннаго. Услышавъ обвиненіе, увидѣвъ до-
еля, Воротынскій сказалъ тихо: «Госу-
! дѣдъ, отецъ мой учили меня служить
остно Богу и Царю, а не бѣсу; прибѣгать
скорбяхъ сердечныхъ къ Олтарямъ Все-
няго, а не къ вѣдьмамъ. Сей клеветникъ
мой рабъ бѣглый, уличенный въ татьбѣ:
ѣрь злодѣю.» Но Іоаннъ хотѣлъ вѣрить,
лѣ щадивъ жизнь сего *послѣдняго* изъ вѣр-
друзей Адашева, какъ бы невольно, какъ
я того, чтобы имѣть хотя единаго побѣдо-
го Воеводу на случай чрезвычайной опа-
н. Опасность миновалась — и шестидеся-
тняго Героя связаннаго положили на дерево
двумя огнями; жгли, мучили. Увѣряютъ,
амъ Іоаннъ кровавымъ жезломъ своимъ
ебалъ пылающіе уголья къ тѣлу стра-
а. Изожженнаго, едва дышущаго взяли и
ли Воротынскаго на Бѣлоозеро: онъ скон-
въ пути. Знаменитый прахъ его лежитъ
бители Св. Кирилла. «О мужъ великій!»
тъ несчастный Курбскій (479): мужъ крѣп-
душею и разумомъ! священна, незабвенна
ть твоя въ мірѣ! Ты служилъ отечеству
агодарному, гдѣ добродѣтель губитъ и сла-
змолвствуетъ; но есть потомство, и Евро-
тебѣ слышала: знаетъ, какъ ты своимъ
ствомъ и благоразуміемъ истребилъ воин-
невѣрныхъ на поляхъ Московскихъ, къ
енію Христіанъ и къ стыду надменнаго

«Султана! Пріими же здѣсь хвалу громк
«дѣла великія, а тамъ, у Христа Бога на
«вѣчное блаженство за неповинную муку
Знатный родъ Князей Воротынскихъ, п
ковъ Св. Михаила Черниговскаго, уже
пресѣкся въ Россіи (480): имя Князя Ми
Воротынскаго сдѣлалось достояніемъ и сл
нашей Исторіи.

Вмѣстѣ съ нимъ замучили Боярина-Вое
Князя Никиту Романовича Одоевскаго,
злополучной Евдокіи, невѣстки Іоанновой
уже давно обреченнаго на гибель мнимым
ступленіемъ зятя и сестры; но тиранъ лю
иногда отлагать казнь, хваляся долготе
ніемъ, или наслаждаясь долговременнымъ
хомъ, трепетомъ сихъ несчастныхъ! Тог
умертвили стараго Боярина, Михайла Як
вича Морозова, съ двумя сыновьями и съ с
гою Евдокіею, дочерью Князя Дмитрія
скаго, славною благочестіемъ и святостію
ни (482). Сей мужъ прошелъ невредимо с
всѣ бури Московскаго Двора; устоялъ въ
вратностяхъ мятежнаго господства Бояръ
бимый и Шуйскими и Бѣльскими и Глинс
на первой свадьбѣ Іоанновой, въ 1547
былъ Дружкою, слѣдственно ближнимъ
скимъ человѣкомъ; высился и во время А
ва, опираясь на достоинства; служилъ в
сольствахъ и воинствахъ, управлялъ огнест
нымъ снарядомъ въ Казанской осадѣ; не
санный въ Опричнину, не являлся на крова

ъ съ Басмановыми и съ Малютою, но еще
ь и трудами содѣйствовалъ благу государ-
ному; наконецъ палъ въ чреду свою, какъ
вный остатокъ, какъ ненавистный памят-
временъ лучшихъ. — Такъ же палъ (въ
году) старый Бояринъ, Князь Петръ Ан-
ичь Куракинъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ
дъ въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ, вмѣстѣ
ояриномъ Иваномъ Андреевичемъ Бутур-
къ, который, переживъ гибель своихъ мно-
ленныхъ единородцевъ, умѣвъ снискать
особенную милость Іоаннову (483), не изба-
опалы ни заслугами, ни искусствомъ при-
ымъ. Въ сей годъ и въ слѣдующіе два каз-
Окольничихъ: Петра Зайцева, ревностнаго
ника; Григорія Собакина, дядю умершей
цы Марѳы; Князя Тулупова, Воеводу *Дво-*
, слѣдственно любимца Государева, и Ни-
Борисова; Крайчаго, Іоаннова шурина,
на брата, Калиста Васильевича Собакина,
жничаго, Князя Ивана Деветелевича (484).
аемъ вины ихъ, или, лучше сказать, пред-
казни. Видимъ только, что Іоаннъ не из-
ъ своему *правилу смѣшенія* въ губитель-
довершая истребленіе Вельможъ старыхъ,
енныхъ его Политикою, *безпристрастно*
ь и новыхъ; карая добродѣтельныхъ, ка-
злыхъ. Такъ онъ, въ сіе же время, ве-
умертвить Псковскаго Игумена Корнилія,
святаго, — смиреннаго ученика его, Вас-
Муромцева, и Новогородскаго Архіепи-

скопа, Леонида, Пастыря недостойнаго, ал
корыстолюбца: первыхъ какимъ-то мучи
скимъ орудіемъ раздавили; послѣдняго об
въ медвѣжью кожу и затравили псами (485)
Тогда уже ничто не изумляло Россіянъ: т
ство притупило чувства . . . . Пишутъ,
Корнилій оставилъ для потомства исторію
го времени, изобразивъ въ ней бѣдствія о
ства, мятежъ, раздѣленіе Царства и гибе
рода, отъ гнѣва Іоаннова, глада, мора и
ствія иноплеменниковъ.

Здѣсь Курбскій повѣствуетъ еще о г
добродѣтельнаго Архимандрита Θеодорита
мужъ, бывъ Инокомъ Соловецкой Оби
другомъ Св. Александра Свирскаго и зна
таго Старца Порфирія, гонимаго отцемъ Іо
вымъ за смѣлое ходатайство о несчаст
Князѣ Шемякинѣ (486), имѣлъ славу кр
многихъ дикихъ Лопарей; не убоялся пу
снѣжныхъ; проникъ во глубину мрач
хладныхъ лѣсовъ, и возвѣстилъ Христа С
теля на берегахъ Туломы; узнавъ языкъ
лей, истолковалъ имъ Евангеліе, изобрѣл
нихъ писмена, основалъ монастырь близъ
Колы, училъ, благотворилъ, подобно Св
фану Пермскому, и съ сердечнымъ умиле
видѣлъ ревность сихъ мирныхъ, прост
ныхъ людей къ Вѣрѣ истинной. Въ 1560
по волѣ Іоанна, онъ ѣздилъ въ Констан
поль, и привезъ ему отъ тамошняго Грече
Духовенства *благословеніе на санъ Царскій*

стѣ *съ древнею книгою вѣнчанія* Императоровъ Византійскихъ ([487]). Послѣ того жилъ въ Вологдѣ, въ монастырѣ Св. Димитрія Прилуцкаго, и не смотря на старость, часто бывалъ въ своей любимой Кольской Обители, у новыхъ Христіанъ Лапландскихъ; ѣздилъ изъ пустыни въ пустыню, лѣтомъ рѣками и моремъ, зимою на оленяхъ; находилъ вездѣ любовь къ нему и вниманіе къ его ученію. Всѣми уважаемый, и самимъ Царемъ, Ѳеодоритъ возбудилъ гнѣвъ Іоанновъ дружбою къ Князю Курбскому, бывшему духовному сыну сего ревностнаго Христіанскаго Пастыря: дерзнулъ напомнить Государю о жалостной судьбѣ знаменитаго бѣглеца, столь же несчастнаго, сколь и виновнаго; дерзнулъ говорить о прощеніи. Ѳеодорита утопили въ рѣкѣ, по сказанію нѣкоторыхъ; другіе увѣряли, что онъ хотя и заслужилъ опалу, но мирно преставился въ уединеніи ([488]).

Не щадя ни добродѣтели, ни святости,— Мѣстничества.
требуя во всемъ повиновенія безмолвнаго, Іоаннъ въ тоже время съ удивительнымъ хладнокровіемъ терпѣлъ непрестанныя *мѣстничества* нашихъ Воеводъ, которые въ семъ случаѣ не боялись изъявлять самаго дерзкаго упрямства: молча видѣли казнь своихъ ближнихъ; молча склоняли голову подъ сѣкиру палачей: но не слуша-

лись Царя, когда онъ назначалъ имъ мѣста въ войскѣ не по ихъ родовому старѣйшинству. На примѣръ: чей отецъ или дѣдъ воеводствовалъ въ *Большомъ Полку*, тотъ уже не хотѣлъ зависѣть отъ Воеводы, коего отецъ или дѣдъ начальствовалъ единственно въ *Передовомъ* или въ *Сторожевомъ*, въ *Правой* или въ *Лѣвой Рукѣ* ([489]). Недовольный отсылалъ Указъ Государевъ назадъ съ жалобою, требуя суда. Царь справлялся съ Книгами Розрядными и рѣшилъ тяжбу о старѣйшинствѣ, или, въ случаяхъ важныхъ, отвѣтствовалъ: *«быть Воеводамъ безъ мѣстъ;* каждому «оставаться на своемъ, впредь до разбора.» Но время дѣйствовать уходило, ко вреду Государства, и виновникъ не подвергался наказанію. Сіе мѣстничество оказывалось и въ службѣ придворной: любимецъ Іоанновъ, Борисъ Годуновъ, новый Крайчій, (въ 1578 году) судился съ Бояриномъ, Княземъ Василіемъ Сицкимъ, котораго сынъ не хотѣлъ служить на-ряду съ нимъ за столомъ Государевымъ; не смотря на Боярское достоинство Князя Василія, Годуновъ Царскою грамотою былъ объявленъ выше его *многими мѣстами*, для того, что дѣдъ Борисовъ въ старыхъ Розрядахъ стоялъ выше Сицкихъ ([490]). — Дозволяя Воеводамъ спорить о первенствѣ, Іоаннъ не спускалъ имъ оплошности въ ратномъ дѣлѣ: на примѣръ, знатнаго сановника, Князя Михайла Ноздроватаго, *высѣкли на конюшнѣ* за худое распоряженіе при осадѣ Шмильтена ([491]).

«Но сіи люди» — пишетъ Историкъ Ливонскій — «ни отъ казней, ни отъ безчестія не слабѣли въ усердіи къ ихъ Монарху. Представимъ достопамятный случай (492). Чиновникъ Іоанновъ, Князь Сугорскій, посланный (въ 1576 году) къ Императору Максиміліану, занемогъ въ Курляндіи. Герцогъ, изъ уваженія къ Царю, нѣсколько разъ навѣдывался о больномъ чрезъ своего Министра, который всегда слышалъ отъ него сіи слова: *жизнь моя ничто: лишь бы Государь нашъ здравствовалъ!* Министръ изъявилъ ему удивленіе. *Какъ можете вы* — спросилъ онъ — *служить съ такою ревностію тирану?* Князь Сугорскій отвѣтствовалъ: *Мы Русскіе преданы Царямъ, и милосердымъ и жестокимъ.* Въ доказательство больный разсказалъ ему, что Іоаннъ незадолго предъ тѣмъ велѣлъ, за малую вину, одного изъ знатныхъ людей посадить на колъ; что сей несчастный жилъ цѣлыя сутки, въ ужасныхъ мукахъ говорилъ съ своею женою, съ дѣтьми, и безпрестанно твердилъ: *Боже! помилуй Царя!*» . . . . То есть, Россіяне славились тѣмъ, чѣмъ иноземцы укоряли ихъ: слѣпою, неограниченною преданностію къ Монаршей волѣ въ самыхъ ея безразсудныхъ уклоненіяхъ отъ государственныхъ и человѣческихъ законовъ.

Примѣръ вѣрности.

Въ сіи годы необузданность Іоаннова явила новый соблазнъ въ преступленіи святыхъ уставовъ Церкви, съ безстыдствомъ неслыханнымъ. Царица Анна скоро утратила нѣжность супруга, своимъ ли безплодіемъ, или единственно по тому, что его любострастіе, обманывая законъ и совѣсть, искало новыхъ предметовъ наслажденія: сія злосчастная, какъ нѣкогда Соломонія, должна была отказаться отъ свѣта, заключилась въ монастырѣ Тихвинскомъ, и названная въ монашествѣ или въ Схимѣ Даріею, жила тамъ до 1626 года (493); а Царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословенія отъ Епископовъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія женился (около 1575 года) въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой (494). Но не знаемъ, далъ ли онъ ей имя Царицы, торжественно ли вѣнчался съ нею: ибо въ описаніи его бракосочетаній нѣтъ сего *пятаго;* не видимъ также никого изъ ея родственниковъ при Дворѣ, въ чинахъ, между Царскими людьми ближними. Она схоронена въ Суздальской дѣвичьей Обители, тамъ, гдѣ лежитъ и Соломонія. *Шестою* Іоанновою супругою — или, какъ пишутъ, *женищемъ* — была прекрасная вдова, Василисса Мелентьева: онъ, безъ всякихъ

Пятое и шестое супружество Іоанново.

ь священныхъ обрядовъ, *взялъ толь-*
итву для сожитія съ нею! Увидимъ,
ъ не кончились беззаконныя же-
. Царя, ненасытнаго въ убійствахъ
юбострастіи!

ГЛАВА V.

Продолженіе царствованія Іоанна Грознаго.

г. 1577—1582.

Переговоры съ Австріею. Договоръ съ Даніею Дѣла Крымскія. Переговоры и война съ Баторіемъ. Чудесное дѣло Московскихъ пушкарей. Взятіе Полоцка, Сокола. Письмо Курбскаго. Соборъ въ Москвѣ. Посольство къ Императору и къ Папѣ. Завоеваніе Великихъ Лукъ. Бѣдствія Россіи. Седьмое супружество Іоанново. Неслыханное уничиженіе. Письмо къ Баторію : отвѣтъ его. Посольство отъ Папы. Славная осада Пскова. Шведы берутъ Нарву. Переговоры о мирѣ. Заключеніе перемирія. Сыноубійство. Мысль Іоаннова оставить свѣтъ. Врачь Строгановъ. Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ.

г. 1577-1578. Переговоры съ Австріею.

Торжествуя въ Москвѣ свои Ливонскія завоеванія, презирая Баторія и Швецію, Іоаннъ, кажется, не видалъ, не угадывалъ великихъ для себя опасностей ; однакожь искалъ союзниковъ : писалъ къ новому Императору, Рудольфу, въ отвѣтъ на его увѣдомленіе о кончинѣ Максимиліановой ; изъявлялъ готовность заключить съ нимъ

договоръ о *любви* и *братствѣ;* посылалъ въ Вѣну Дворянина Ждана Квашнина ([495]), въ надеждѣ склонить Цесаря къ войнѣ съ общимъ недругомъ, чтобы изгнать Стефана, раздѣлить Польшу, Литву, — наконецъ ополчиться со всею Европою на Султана: главная мысль сего времени, внушенная Папами Императорамъ! При дворѣ Вѣнскомъ жилъ тогда знаменитый бѣглецъ, Сирадскій Воевода, Албрехтъ Ласко, врагъ Стефановъ, который имѣлъ тайныя сношенія съ Іоанномъ: Государь убѣждалъ его одушевить умомъ своимъ и ревностію медленную, слишкомъ хладнокровную Политику Австрійскую. Замѣтимъ, что Квашнинъ долженъ былъ развѣдать въ Германіи, друженъ ли Папа съ Императоромъ, съ Королями Испанскимъ, Французскимъ, Шотландскимъ, Елисаветою Англійскою; усмирились ли внутренніе мятежи во Франціи; какіе переговоры идутъ у Цесаря съ нею и съ другими Державами; сколько у него доходу и войска? Такъ со временъ Іоанна III, первоначальника Державы Россійской и государственной ея системы, Цари наши уже не чуждались Европы; уже всегда хотѣли знать взаимныя отношенія Государствъ, отчасти изъ любопытства, свойственнаго разуму дѣятельному, отчасти и для того, чтобы въ ихъ союзахъ и непріязни искать непосредственной или хотя

Г. 1578. Іюня 18. отдаленной выгоды для нашей собстве
Политики. Но Квашнинъ возвратился
ко съ обѣщаніемъ, что Императоръ н
медлитъ прислать кого нибудь изъ перв
Вельможъ въ Москву, желая утвер
дружбу съ нами; и, къ неудовольс
Іоанна, Рудольфъ жаловался ему на
ственное опустошеніе Ливоніи, несог
ное ни съ ихъ *братствомъ*, ни съ чел
колюбіемъ, ни съ справедливостію. К
нинъ привезъ также грамоту отъ Вен
скаго Воеводы Роберта, который, х
умъ сего Царскаго Посланника, мо
Іоанна, какъ *втораго* Христіанскаго
ценосца, быть спасителемъ Европы,
щалъ ему знатное вспоможеніе золото
людьми въ войнѣ съ Турками, убѣж
его взять Молдавію, *отказанную* Р
умершимъ въ Москвѣ Господаремъ Б
номъ (496). Сіе письмо было тайное:
Австрійскій Кабинетъ, издавна опасли
безъ сомнѣнія не дозволилъ бы Ма
Венгерскому отъ имени своего народа
ситься съ чужеземнымъ Государемъ о
лахъ столь важныхъ. Робертъ уже з
Императора, искуснаго Химика, Астро
и всадника, но весьма худаго Мона
предвидѣлъ грозу для Венгріи отъ вла
любія Султановъ и желалъ противобор
вать оному новымъ властолюбіемъ Ро
ославленной тогда могуществомъ: ибо

симиліановы Послы, бывшіе у насъ въ 1576 году, распустили слухъ въ Европѣ о несмѣтности Іоаннова войска ([497]). Но слабодушный преемникъ Максимиліановъ хотя и ненавидѣлъ Баторія, хотя и трепеталъ Султана, но не думалъ воспользоваться союзомъ Царя для того, чтобы взять Польшу и спасти Венгрію.

Другимъ естественнымъ союзникомъ нашимъ могъ быть Король Датскій, Фридерикъ: не смотря на миръ съ Швеціею, онъ не вѣрилъ ея дружбѣ, искалъ Іоанновой, и (въ 1578 году) прислалъ въ Москву знатныхъ чиновниковъ, Якова Ульфельда и Григорія Ульстанда ([498]), съ жалобою, что Россіяне заняли въ Ливоніи нѣкоторыя Датскія владѣнія: Габзаль, Леаль, Лоде, и съ предложеніемъ вѣчнаго мира на условіяхъ выгодныхъ для обѣихъ Державъ. Фридерикъ желалъ имѣть часть Эстоніи и способствовать намъ въ изгнаніи Шведовъ, хваляся тѣмъ, что онъ не принялъ никакихъ льстивыхъ обѣщаній врага нашего, Стефана. Но гордые, непреклонные Бояре Московскіе, какъ пишетъ Ульфельдъ ([499]), думали только о выгодахъ собственнаго властолюбія; не оказали ни малѣйшаго снисхожденія; не хотѣли слушать ни требованій, ни противорѣчій; отвергнули искренній союзъ Даніи, вѣчный миръ, и заключили единственно перемиріе на 15 лѣтъ,

Договоръ съ Даніею

коего условія были слѣдующія: 1) Корол признаетъ всю Ливонію и Курляндію собственностію Царя, а Царь утверждаетъ за нимъ островъ Эзель съ его землями и городами; 2) первому не давать ни людей, ни денегъ Баторію, ни Шведамъ въ ихъ войнѣ съ Россіею, которая также не будетъ помогать врагамъ Даніи; 3) въ Норвегіи возстановятся древнія границы между Россійскими и Датскими владѣніями; 4) съ обѣихъ сторонъ объявляется полная свобода для купцевъ и безопасность для путешественниковъ; 5) Фридерикъ не долженъ останавливать Нѣмецкихъ художниковъ на пути въ Москву. За сей договоръ, явно выгодный для одного Царя, Ульфельдъ лишился Фридериковой милости (500), и злобясь на Россіянъ, въ описаніи своего путешествія клянетъ ихъ упрямство, лукавый умъ, необузданность безпримѣрную.

Дѣла Крымскія. Желая если не союза, то хотя мира съ Девлетъ-Гиреемъ, уже слабымъ, издыхающимъ, Іоаннъ не переставалъ сноситься съ нимъ чрезъ гонцевъ; если не уступалъ, то и не требовалъ ничего, кромѣ Шертной грамоты и мирнаго бездѣйствія отъ Хана. Девлетъ-Гирей умеръ (29 Іюня 1577), сынъ его, Магметъ-Гирей, заступивъ мѣсто отца, весьма дружелюбно извѣстилъ о томъ Іоанна; сдѣлалъ еще болѣе: напалъ на Литву, разорилъ и выжегъ не малу

сть земли Волынской, исполняя совѣтъ Вельможъ, которые говорили, что новый Ханъ долженъ ознаменовать свое воцареніе пожарами и кровопролитіемъ въ земляхъ сосѣдственныхъ! Іоаннъ спѣшилъ отправить къ нему знатнаго чиновника, Князя Мосальскаго, съ привѣтствіемъ, съ богатыми дарами, какихъ дотолѣ не видала Таврида и съ наказомъ весьма снисходительнымъ; на примѣръ: «*Бить челомъ* Хану; обѣщать дары *ежегодные* въ случаѣ союза, но не писать ихъ въ Шертную грамоту; требовать, но безъ упорства, чтобы Магметъ-Гирей называлъ Великаго Князя *Царемъ*; вообще вести себя *смирно*, убѣгать рѣчей колкихъ, и если Ханъ или Вельможи его вспомянутъ о временахъ Калиты и Царя Узбека, то не оказывать гнѣва, но отвѣтствовать тихо: *не знаю старины; вѣдаетъ ее Богъ и вы, Государи!*» Столь домогался Іоаннъ найти сподвижника въ новомъ Ханѣ, чтобы обуздать Стефана ужасомъ Крымскихъ, гибельныхъ для Литвы набѣговъ! Но Политика, счастливая только въ государствованіе Іоанна III, ни для сына, ни для внука его не имѣла успѣха. Магметъ-Гирей за свою дружбу хотѣлъ Астрахани, обѣщая отдать намъ Литву и Польшу! хотѣлъ также, чтобы Царь свелъ Козаковъ съ Днѣпра и съ Дона. Сіи требованія были объявлены Ханскими Послами въ Москвѣ [501]. Имъ сказали, что Днѣпровскіе и Донскіе Козаки не зависятъ отъ насъ; что первые служатъ Баторію, а вторые суть бѣглецы Рос-

сійскіе и Литовскіе, коихъ велѣно казни
гдѣ явятся въ нашихъ предѣлахъ;
оружіе и Вѣра навѣки утвердили Астрах
за Россіею; что тамъ уже воздвигну
храмы Бога Христіанскаго, основаны
настыри, живутъ коренные Христіане. М
метъ-Гирей твердилъ Царю: «Ты уступ
«намъ сей городъ: исполни же *обѣща*
«Тогда вдовы и сироты ваши могутъ с
«койно ходить въ серебрѣ и золотѣ: ни
«изъ моихъ воиновъ не тронетъ ихъ
«самыхъ пустынныхъ дорогахъ.» Ме
тѣмъ онъ просилъ четырехъ тысячь р
лей: Государь послалъ ему тысячу; не
лѣлъ даровъ ни для женъ, ни для Вельмо
его, но не достигъ цѣли: Стефанъ пре
предилъ насъ, и купивъ постыдное дру
ство сего Атамана разбойниковъ, м
дѣйствовать всѣми силами противъ Рос

Переговоры и война съ Баторіемъ. Любя великія дѣла и славу, но у
ждать времени и случая, Баторій, заня
осадою Данцига, какъ бы равнодушно
дѣлъ успѣхи Іоанновы въ Ливоніи; б
сомнѣнія зналъ, что не переговорам
мечемъ должно рѣшить дѣло, однакожь
салъ къ Царю, что онъ удивляется
явному недружелюбію и предлагаетъ
лить крови, буде еще можно согласить
ромъ выгоды, честь, безопасность обѣ
Державъ, Россіи и Польши. «Твоя д
«да неосновательна,» отвѣтствовалъ

Іоаннъ: «взявъ города свои въ Ливоніи, я выслалъ оттуда людей вашихъ безъ всякаго *наказанія*. Ты Король, но не Ливонскій» (502). Послы Стефановы, Воеводы Мазовецкій и Минскій, прибывъ въ Москву (въ Генварѣ 1578), торжественно объявили Боярамъ, что Король мыслитъ единственно о спокойствіи Державъ Христіанскихъ, хочетъ жить въ дружбѣ со всѣми и въ особенности съ Россіею; что перемиріе нарушено непріятельскими дѣйствіями Царя въ Ливоніи; что Стефанъ уполномочилъ ихъ (Пословъ) возстановить тишину навѣки. Для сего Бояре требовали, чтобы Король, именуя Іоанна Царемъ, Великимъ Княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ, не вступался ни въ Ливонію, ни въ Курляндію, нераздѣльную съ нею, и еще отдалъ Россіи Кіевъ, Каневъ, Витебскъ съ другими городами; а Паны Королевскіе требовали не только всей Ливоніи, но и *всѣхъ* древнихъ Россійскихъ областей отъ Калуги до Чернигова и Двины. Видя невозможность мира, согласились единственно возобновить перемиріе на три года, но въ Русскую грамоту включили слова: *Королю не вступаться въ Ливонію* (чего не было въ Польской грамотѣ), и Государь, утверждая сей договоръ обыкновенною присягою, сказалъ: «цѣлую крестъ *сосѣду* моему, Стефану Королю, «въ томъ, что исполню условія; а Ливонской и «Курляндской земли не отступаюсь.» Сановники Карповъ и Головинъ поѣхали къ Стефану быть свидѣтелями его клятвы и размѣняться запи-

сями (503). Но сей договоръ остался без
ствія и не унялъ кровопролитія.

Уже обстоятельства начали измѣнятьс
досадѣ Іоанна и ко вреду Россіи. Еще въ
году Шведскій Адмиралъ Гилленанкеръ съ
руженными судами явился передъ Нарвою, с
тамъ деревянныя укрѣпленія, умертвилъ и
въ плѣнъ нѣсколько Россіянъ (504); другая
па Шведовъ опустошила часть Кексгольм
Уѣзда. Ревельцы и Шенкенбергъ-Аннибал
же непрестанными впаденіями тревожили
нію Россійскую; а Воеводы Іоанновы спо
отдыхали въ городахъ, презирая слабыхъ
говъ, и своимъ бездѣйствіемъ вселяя въ
смѣлость. Пишутъ, что Литовскіе санов
желая отнять у насъ Дюнебургъ, употре
хитрость: какъ бы въ знакъ дружбы при
тамошнимъ Московскимъ воинамъ бочку
ночью ворвались въ крѣпость и всѣхъ ихъ
твили пьяныхъ. Нѣмцы, служащіе Бат
столь же внезапно и легко взяли еще го
важнѣйшее мѣсто, Венденъ, прославленны
ликодушною гибелію Магнусовой дружин
жестокою местію Царя. Оплошные Воево
видали, не слыхали, какъ Нѣмцы, подд
ключи къ воротамъ Венденскимъ, вступи
городъ, чтобы рѣзать сонныхъ Россіянъ
Въ то же время свѣдалъ Іоаннъ, что тѣнь
маго Королевства Ливонскаго, изобрѣтені
рой его Политики, исчезла наконецъ бѣгст
мнимаго Короля. Измѣна, уже давно замы

мая, совершилась: жертва честолюбія и страха, Магнусъ, снова присягнувъ въ вѣрности къ Іоанну, снова обратился къ Баторію, заключилъ съ нимъ договоръ и тайно уѣхалъ изъ Оберпалена въ Курляндію, въ городокъ Пильтенъ, вмѣстѣ съ юною супругою, которая не безъ горести пожертвовала ему своимъ отечествомъ, хотя и не могла любить дяди, убійцы несчастныхъ ея родителей (506).

Легковѣріе не было свойственно Іоанну: онъ конечно не удивился бѣгству Магнуса, желавъ только на время имѣть въ немъ орудіе для своей Политики; но казался изумленнымъ, винилъ себя въ излишнемъ милосердіи къ вѣроломному (507) и послалъ знатнѣйшихъ Воеводъ къ Вендену, Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго съ сыномъ, Боярина Морозова и другихъ, чтобы землю, омоченную тамъ кровію Россіянъ, омочить Нѣмецкою; но Воеводы не умѣли взять крѣпости: стрѣляли изъ пушекъ, и сдѣлавъ проломъ въ стѣнѣ, удалились: ибо свѣдали, что на нихъ идутъ Воеводы Баторіевы, Дембинскій, Бюрингъ и Хоткѣвичь. Сію неудачу загладили младшіе сановники Царскіе, Князь Иванъ Михайловичь Елецкій и Дворянинъ Леонтій Григорьевичь Волуевъ: съ горстію людей осажденные въ Ленварденѣ Рижскими Нѣмцами и Литовскимъ Воеводою, не имѣя хлѣба, имѣя только желѣзо и порохъ, они бились какъ Герои въ теченіе мѣсяца: питались лошадинымъ мясомъ, кожами, и своимъ мужествомъ, своимъ терпѣ-

ніемъ побѣдили непріятеля: онъ ушелъ, о
вивъ множество труповъ подъ стѣнами
Между тѣмъ Шведы и неутомимый Шев
бергъ-Аннибалъ сожгли предмѣстіе Дерпт
всѣхъ, захваченныхъ ими Россіянъ умертв
женъ и дѣтей. Не было милосердія, ни чел
чества: обѣ стороны въ ужасныхъ своихъ
тостяхъ оправдывались закономъ мести.

Въ концѣ лѣта Воеводы Московскіе, Кн
Иванъ Юрьевичь Голицынъ, Василій Агише
Тюменскій, Хворостининъ, Тюфякинъ, при
пили къ Оберпалену, занятому Шведами п
Магнусова бѣгства съ согласія тамошнихъ
цевъ. Взявъ сію крѣпость и 200 плѣнник
Воеводы отослали ихъ въ Москву на каз
смерть; должны были итти немедленно къ
дену, но споря между собою о начальствѣ
исполняли Царскаго указа: Іоаннъ съ гнѣ
прислалъ въ Дерптъ знаменитаго Дьяка, Ан
Щелкалова, и любимаго Дворянина своего,
нила Салтыкова, велѣвъ имъ смѣнить Вое
въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго ослушанія (509).
конецъ они выступили, давъ время изготови
непріятелю и Литовцамъ соединиться съ Ш
дами; осадили Венденъ и чрезъ нѣско
дней (21 Октября) увидѣли непріятеля за со
Сапѣга съ Литвою и Нѣмцами, Генералъ Бо
Шведами напали на 18,000 Россіянъ, едва у
шихъ построиться внѣ своихъ окоповъ. Д
бились мужественно; но худая конница Та
*ская въ р*ѣшительный часъ выдала нашу пѣ

и бѣжала. Россіяне дрогнули, смѣшались, отступили къ укрѣпленіямъ, гдѣ сильною пальбою еще удерживали стремленіе непріятеля. Ночь прекратила битву: Сапѣга и Бое хотѣли возобновить ее, ждали утра; но первый вождь Московскій, Голицынъ, Окольничій Ѳедоръ Шереметевъ, Князь Андрей Палицкій, вмѣстѣ съ Дьякомъ Щелкаловымъ, равно умнымъ и малодушнымъ, въ безуміи страха уже скакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту, оставивъ войско ночью въ ужасѣ, коего слѣдствіемъ было общее бѣгство. Еще нѣкоторые говорили о долгѣ и чести; ихъ не слушали — но они говорили, что думали, и явили примѣръ достойный лучшихъ временъ Рима: Воеводы, Бояринъ Князь Василій Андреевичь Сицкій, Окольничій Василій Ѳедоровичь Воронцовъ (начальникъ огнестрѣльнаго снаряда), Данило Борисовичь Салтыковъ, Князь Михайло Васильевичь Тюфякинъ, не тронулись съ мѣста, хотѣли смерти, и нашли ее, когда непріятель, въ слѣдующее утро, видя единственно горсть великодушныхъ въ станѣ, всѣми силами на нихъ ударилъ: Окольничаго Татева, Князей Хворостинина, Семена Тюфякина, Дьяка Клобукова, взялъ въ плѣнъ; кинулся на снарядъ огнестрѣльный, и съ изумленіемъ увидѣлъ рѣдкое дѣйствіе воинской вѣрности: Московскіе пушкари, ужасаясь мысли отдаться непріятелю, повѣ- Чудесное дѣ-

ло Московскихъ пушкарей. сились на своихъ орудіяхъ (510) . . . . Сіи люди не мечтали о славѣ; имена ихъ остались неизвѣстными: самое дѣло не дошло бы до потомства, если бы умный Секретарь Королевскій, Гейденштейнъ, не внесъ онаго въ свою Исторію, съ удивленіемъ души благородной, чувствительной къ великому и въ самыхъ непріятеляхъ. Добычею побѣдителей были 17 пушекъ, весь обозъ и множество коней Татарскихъ. Число убитыхъ Россіянъ простиралось за 6000. — Такъ начались важные успѣхи Баторіевы и несгоды Іоанновы въ сей войнѣ злосчастной, но не безславной для Россіи, которая все имѣла для побѣды: и силу и доблесть, но не имѣла великодушнаго отца-Государя!

Доселѣ Іоаннъ не мыслилъ искренно о мирѣ: безъ сомнѣнія думалъ, что и перемиріе не будетъ утверждено Королемъ съ обязательствомъ не вступаться въ Ливонію (511); ждалъ вѣстей, съ одной стороны отъ Пословъ Московскихъ изъ Кракова, съ другой отъ Воеводъ о чаемомъ, легкомъ взятіи Вендена, и не хотѣлъ видѣть Стефанова гонца, присланнаго къ нему съ убѣжденіемъ заключить особенный договоръ о городахъ Ливонскихъ (512). Встревоженный судьбою нашего войска подъ Венденомъ, Іоаннъ немедленно отвѣтствовалъ на письмо Баторіево, что онъ

огласенъ дружелюбно рѣшить судьбу Ливоніи, будетъ ждать для того новыхъ Пословъ Королевскихъ въ Москву, удивляется невозвращенію нашихъ изъ Кракова и ревностно желаетъ честнаго мира. На Баторій уже изготовился къ войнѣ, смиривъ Данцигъ. г. 1579, 11 Генваря.

Сей опасный врагъ, изъявляя намъ миролюбіе, въ тоже время предлагалъ Варшавскому Сейму необходимость утвердить оружіемъ безопасность Государства. «Имѣемъ двухъ злыхъ непріятелей,» сказалъ онъ: «Крымцы жгутъ, Россіяне берутъ наши владѣнія. Итти ли на обоихъ вмѣстѣ? или съ кого начать?» Уже присутствіе великаго мужа одушевляло Вельможъ и Дворянство ревностію ко благу отечества: Баторій зналъ худо языкъ, но твердо Исторію Литвы и Польши; исчислялъ земли, отнятыя у нихъ Россіею; винилъ слабость Королей, льстилъ народному самолюбію, указывалъ на мечь свой и слушалъ разсужденія Сейма. «Таврида» — говорили Паны — «зависитъ отъ Султана: »наступательная война съ нею можетъ раздражить его; когда мы будемъ въ Тавридѣ, Оттоманы будутъ въ Польшѣ. И что »корысти? Сей дикій непріятель всегда »грабитъ и всегда бѣденъ. Лучше до времени искать мира съ Ханомъ. — Государство Московское велико и сильно: тѣмъ

«славнѣе побѣда! Оно цвѣтетъ изобиліемъ
«роды и торговлею: тѣмъ болѣе добычи
шили единогласно воевать Россію: велѣли
рать многочисленное войско; обременили
ханными дотолѣ налогами владѣльцевъ и
данъ: никто не противился; вооружались
тили съ чувствомъ или съ видомъ усердія.
обольщая себя излишнею надеждою на соб
ныя силы, Баторій требовалъ вспоможені
другихъ Державъ, отъ Султана и Папы!
снискать особенное благоволеніе перваго
не усомнился нарушить святую обязаннос
сти: ибо думалъ, что совѣсть должна молч
Политикѣ, и что государственная выгод
главный законъ для Государя. Въ самое т
мя, когда Стефанъ вездѣ искалъ мира и
чтобы усильно дѣйствовать противъ насъ
ный Козакъ Днѣпровскій, родомъ Волохъ,
ный наѣздникъ и силачь (одною рукою лом
на-двое подкову, и для сего прозванный
вою), умѣлъ съ толпою бродягъ нечаянно
вать Валахію, гдѣ властвовалъ присяжник
танскій, другъ Баторіевъ, Господарь
Оскорбленный такимъ успѣхомъ дерзости
фанъ послалъ войско изгнать хищника.
жественный Козакъ, Воеводами и словом
торія удостовѣренный въ личной безопас
сдался имъ добровольно. Чтожь сдѣлалъ К
велѣлъ отсѣчь ему голову, въ угодность
ну, и въ присутствіи его Посла, сказавъ В
жамъ: «для Народнаго Права не раздражу

, ко вреду Государства!» Сіе вѣроломство
вило Баторію одну ласку Амуратову: умный
ъ Махметъ сказалъ Посламъ Стефановымъ
арѣградѣ: «Желаемъ Королю славы и по-
ы; возможно, хотя и не легко одолѣть Ца-
Московскаго, коего одинъ Султанъ превос-
тъ грозою.» Папа обѣщалъ Баторію хода-
вовать за него во всѣхъ Кабинетахъ Евро-
прислалъ мечь съ благословеніемъ, а Кур-
ъ Бранденбургскій нѣсколько пушекъ (513).
ль Датскій, тайно доброхотствуя врагу на-
, колебался, ждалъ слѣдствій; но Шведскій
ленно заключилъ съ нимъ оборонительный
тупательный союзъ (514). Ханъ требовалъ
ъ отъ Литвы и получилъ ихъ съ условіемъ
іствовать ей въ войнѣ Россійской. Изъ
сильваніи шла къ Стефану его старая, опыт-
ружина, изъ земли Нѣмецкой рать наемная.
не доставало доходовъ государственныхъ
сѣхъ воинскихъ издержекъ: онъ умѣрилъ
ды Двора; сыпалъ въ казну собственное
о и серебро; занималъ, гдѣ могъ; осматри-
училъ войско; готовилъ съѣстные припа-
и какъ бы еще имѣя много свободнаго вре-

титулѣ обоихъ Государей; отвергали пустое имя *сосѣда*, кое Царь давалъ Баторію; хотѣли равенства; не таили, что договоръ, написанный въ Москвѣ, останется безъ исполненія. Встрѣтили Пословъ съ честію; но Баторій, сидя на тронѣ величаво, не хотѣлъ для нихъ встать, ни спросить о здравіи Царя, и равнодушный къ ихъ неудовольствію, велѣлъ сказать имъ, что они могутъ итти вонъ изъ дворца и ѣхать назадъ; что Литовскій гонецъ доставитъ Іоанну отвѣтъ Королевскій. Послы уѣхали (516), и въ слѣдъ за ними Король выступилъ съ войскомъ, отправивъ чиновника Лопатинскаго съ письмомъ въ Москву.

Но Іоанна уже не было въ столицѣ. Зная, что происходило на Сеймѣ Варшавскомъ — долго не имѣя вѣсти отъ Карпова и Головина — слыша о сильномъ, безпримѣрномъ вооруженіи Литвы и Польши, онъ самъ не терялъ времени: въ общемъ совѣтѣ Бояръ и Духовенства объявилъ, что настала *година великаго кровопролитія;* что онъ, прося милости Божіей, идетъ на дѣло *отечественное* и *свое* (516), на землю Нѣмецкую и Литовскую; двинулъ всѣ полки къ Западу; расписалъ имъ пути и мѣста: оставляя войско въ *осьмидесяти* городахъ для ихъ обороны, на берегахъ Волги, Дона, Оки, Днѣпра, Двины, указалъ соединиться главнымъ силамъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Европейскимъ и Азіатскимъ: кромѣ Россіянъ, Князья Черкесскіе, Шевкальскіе, Мордовскіе, Ногайскіе, Царевичи и Мурзы

древней Золотой Орды, Казанской, и Астраханской, день и ночь шли къ Ильменю и Пейпусу. Дороги заперлися пѣхотою и конницею. Зима, весна, часть лѣта миновали въ сихъ движеніяхъ. Наконецъ, поручивъ Москву Князю Андрею Петровичу Куракину, взявъ съ собою всѣхъ Бояръ, Думныхъ Дворянъ, множество Дьяковъ для воинскихъ и государственныхъ дѣлъ, Царь въ Іюлѣ выѣхалъ изъ столицы въ Новгородъ, гдѣ всѣ Воеводы ждали его дальнѣйшихъ повелѣній. Туда прибыли къ Іоанну и наши Послы изъ Литвы, съ донесеніемъ, что Баторій, отвергнувъ перемирную грамоту, идетъ на Россію (517); что у него сорокъ тысячъ воиновъ, но что сіе число умножается подходящими дружинами изъ Трансильваніи, изъ Нѣмецкой земли, и Литовскою вольницею. Вотъ сила непріятеля, замыслившаго потоптать Россію! А Царь въ одномъ своемъ особенномъ полку имѣлъ сорокъ тысячъ: Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, сверхъ главной Новогородской, сверхъ Псковской рати, подъ начальствомъ Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, Князей Ивана Мстиславскаго, Шуйскихъ, Ногтева, Трубецкаго и многихъ иныхъ Воеводъ. Одно слово Іоанново могло бы устремить сію громаду на Литву, гдѣ народъ и Дворянство не весьма благопріятствовали воинственнымъ замысламъ Стефановымъ, внутренно желая мира съ Россіею, и гдѣ вопль ужаса раздался бы отъ Двины до Буга. Но тѣни Шуйскаго, Серебрянаго, Во-

ротынскаго мечтались воображенію Іоаннову,
среди могилъ Новогородскихъ, исполненныхъ
жертвами его гнѣва: онъ не вѣрилъ усердію
Воеводъ своихъ, ни самаго народа; довѣренность свойственна только совѣсти чистой. Изгубивъ Героевъ, Царь въ сіе время щадилъ
Воеводъ недостойныхъ: Князья Иванъ Голицынъ, Палицкій, Θедоръ Шереметевъ, запечатлѣнные стыдомъ Венденскаго бѣгства, снова
начальствовали въ рати! Видя опасную войну
предъ собою, онъ не смѣлъ казнить ихъ,
чтобы другіе, имъ подобные, не измѣнили
ему и не ушли къ Баторію! Думая такъ о
своихъ Полководцахъ, Іоаннъ считалъ медленность, нерѣшительность благоразуміемъ;
хотѣлъ угрожать непріятелю только числомъ
собраннаго войска; еще надѣялся на миръ,
или ждалъ крайней необходимости дѣйствовать
мечемъ — и дождался! Узнавъ, что Баторіевъ
чиновникъ, Лопатинскій, ѣдетъ въ Москву,
Царь велѣлъ остановить его въ Дорогобужѣ.
Сей гонецъ прислалъ къ нему письмо Стефаново, весьма плодовитое, не краснорѣчивое
сухое, но умное. Стефанъ писалъ (изъ Вильны
отъ 26 Іюня), что наша перемирная грамота
есть подложная; что Бояре Московскіе обманомъ включили въ нее статью о Ливоніи [518]
что Іоаннъ, говоря о мирѣ, воюетъ сію землю
Королевскую, и выдумалъ басню о своемъ происхожденіи отъ Кесарей Римскихъ; что Россія
беззаконно отняла у Литвы и Новгородъ и С

кія области, и Смоленскъ и Полоцкъ; что
новъ и Головинъ, ничего не сдѣлавъ, ничего
казавъ, уѣхали изъ Кракова; что дальнѣйшія
ольства будутъ безполезны; что онъ (Сте-
ъ) съ Божіею помощію рѣшился искать упра-
оружіемъ. Въ тоже время извѣстили Царя,
Баторій уже въ предѣлахъ Россіи.
естно объявивъ намъ войну, Король совѣто-
ся въ Свирѣ съ Вельможами своими и Полко-
цами, гдѣ и какъ начать оную (519)? Многіе
нихъ предлагали вступить въ Ливонію, из-
ть Россіянъ, осадить Псковъ, городъ важный,
атый, но — какъ они думали — худо укрѣплен-
й. Король былъ инаго мнѣнія, доказывая, что
дно вести войну въ Ливоніи опустошенной, не-
горазумно оставить ее за собою, опасно уда-
ься отъ границъ; что лучше взять Полоцкъ,
чъ Ливоніи и самой Литвы; что сіе завоеваніе,
ежный щитъ для ихъ тыла, откроетъ имъ Рос-
, утвердитъ безопасное сообщеніе съ Ригою
редствомъ Двины, доставитъ выгоды и для рат-
хъ дѣйствій и для торговли; что должно завое-
ь Ливонію внѣ Ливоніи, что Полоцкъ крѣпокъ,
тѣмъ славнѣе, тѣмъ желательнѣе взять его,
ободренія своихъ, для устрашенія непріятеля.
орилъ мужъ великій: его слушались. Войско
фаново, подобно Аннибалову, было составлено
людей чуждыхъ другъ другу языкомъ, обы-
ми, Вѣрою: изъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ,
нихъ Славянъ Галицкихъ, Волынскихъ,
ировскихъ, Кривскихъ и коренныхъ Литов-

цевъ: Баторій умѣлъ дать ему едино
и соревнованіе. Выступивъ изъ Свир
издалъ Манифестъ къ народу Россійс
объявилъ, что извлекаетъ мечь на
Московскаго, а не на мирныхъ жи
коихъ будетъ щадить, миловать во вс
случаѣ; что любя доблесть, гнушаетс
варствомъ, желаетъ побѣды, а не раз
нія, не кровопролитія безполезнаго.
залъ и сдѣлалъ: никогда война не б
для земледѣльцевъ и гражданъ тише,
вѣколюбивѣе сей Баторіевой; говоря
Христіанинъ, онъ дѣйствовалъ какъ
тикъ: хотѣлъ преклонить къ себѣ жит
ибо хотѣлъ завоеваній прочныхъ.
началѣ Августа Баторій осадилъ Пол

Осада и взятіе Полоцка. Тамъ было мало войска: ибо Ца
ожидалъ сильнаго нападенія на Лито
границѣ, думая, что ѳеатромъ важ
непріятельскихъ дѣйствій будетъ Ли
но Полоцкъ издревле славился с
укрѣпленіями, исправленными, ра
страненными съ 1561 года. Двѣ крѣп
Стрѣлецкая и такъ называемый Ост
обтекаемыя Двиною и Полотою, соед
мыя мостомъ, воздвигнутыя на кру
высотахъ, служили защитою *большо
роду*, сверхъ его глубокихъ рвовъ,
вянныхъ стѣнъ и башенъ. Князь Ва
Ивановичь Телятевскій начальствова
городѣ, Петръ Волынскій въ Ост

нязь Дмитрій Щербатый и Дьякъ Ржев- й въ крѣпости, имѣя довольно запа- въ и снарядовъ, много усердія и мужества, азадо менѣе искусства, какъ сказано въ на- шихъ Розрядныхъ Книгахъ ([520]). Чтобы устра- шить непріятеля и не оставить себѣ на выборъ ничего, кромѣ побѣды или смерти, они, захва- тивъ нѣсколько Литовскихъ плѣнниковъ, велѣли ихъ умертвить, привязать къ бревнамъ и ки- нуть въ Двину, на позорище войску Королев- скому ([521]) . . . . Приступъ начался съ города: Россіяне малочисленные сами зажгли его, оста- вили, ушли въ крѣпость, гдѣ болѣе трехъ недѣль оборонялись мужественно. Время имъ благо- пріятствовало: лили дожди; бойницы осаждаю- щихъ дѣйствовали худо; обозы ихъ съ хлѣбомъ тонули въ грязи; лошади падали; войско терпѣ- ло голодъ: приступало къ крѣпости, но безъ успѣха. Воспользовался ли Царь сими обстоя- тельствами?

1 Августа Іоаннъ, будучи во Псковѣ, отрядилъ воеводъ, Князя Хилкова и Безнина, съ двад- цатью тысячами Азіатскихъ всадниковъ за рѣку Двину, въ Курляндскую землю, гдѣ дѣло ихъ состояло въ одномъ безопасномъ губитель- ствѣ ([522]); тогда же послалъ другое войско за- щитить Корелію и землю Ижерскую, опусто- шаемую Шведами; усилилъ *засады* или гарнизо- ны въ Ливоніи — но еще имѣлъ столько войска, что могъ бы смѣло итти на Вильну и Варшаву. Встревоженный извѣстіемъ о нечаянной осадѣ

Полоцкой [523], онъ велѣлъ Шеину, Князьямъ Лыкову, Палицкому, Кривоборскому съ дружинами Дѣтей Боярскихъ и Донскихъ Козаковъ спѣшить къ сему городу, вступить въ него хитростію или силою, а въ случаѣ невозможности занять крѣпость Соколъ, тревожить непріятеля, мѣшать его сообщенію съ Литвою, въ ожиданіи нашей главной рати. Шеинъ приблизился къ Баторіеву стану: не дерзнулъ на битву и занялъ Соколъ, распустивъ слухъ, что самъ Іоаннъ немедленно будетъ тамъ съ войскомъ сильнымъ. Но Король не устрашился: чувствовалъ единственно необходимость скорѣе рѣшить судьбу осады. Видя слабое дѣйствіе бойницъ, онъ предложилъ Венгерскимъ удальцамъ взойти на высоту крѣпости и зажечь ея стѣну, обѣщая имъ славу и золото. Для успѣха ихъ смѣлости, какъ бы нарочно, сдѣлалось ясное, сухое время: съ пылающими факелами они устремились къ стѣнамъ. . . . . многіе пали мертвые; нѣкоторые достигли цѣли, и чрезъ пять минутъ вспыхнула крѣпость. Тутъ, воскликнувъ побѣду, вся дружина Венгерская кинулась на приступъ, не слушая ни своихъ Вождей, ни Короля. Осыпаемы ядрами, пулами, головнями, Венгры сквозь огонь падающихъ стѣнъ вломились въ крѣпость; но Россіяне отчаянно стали грудью, рѣзались, вытѣснили непріятеля: онъ возвратился, усиленный толпами Нѣмцевъ, Поляковъ, и снова уступилъ остервенію нашихъ. Самъ Король, забывъ личную опасность, находился въ сей кровопро

литной битвѣ, чтобы возстановить порядокъ, удержать, соединить бѣгущихъ. Часъ былъ рѣшительный. Если бы Шеинъ, Князья Лыковъ, Палицкій, ударили на Литву, то могли бы спасти и крѣпость и честь Россіи. Они видѣли пожаръ, могли издали видѣть самую битву и слышать громкій кликъ осажденныхъ, побѣдителей въ сію минуту, призывный кликъ къ своимъ братьямъ Сокольскимъ. . . . Но прозорливый Баторій занялъ дорогу ([524]): выслалъ свѣжее войско къ Дриссѣ, чтобы остановить Россіянъ въ случаѣ ихъ движенія къ Полоцку. Въ то же время Донскіе Козаки измѣнили нашимъ Воеводамъ въ Соколѣ ([525]): самовольно ушли восвояси, къ извиненію Шеина и его товарищей. Стефанъ ждалъ весь день, всю ночь опаснаго ихъ нападенія; успокоился и спѣшилъ загладить неудачу.

Отбивъ приступъ, Россіяне угасили огонь въ крѣпости: непріятель сдѣлалъ новыя бойницы, новые окопы, приблизился къ стѣнамъ, отчасти разрушеннымъ, и калеными ядрами опять зажегъ башни. Еще нѣсколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать отъ дыма и жара; падали отъ Литовскихъ ядеръ, отъ усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобожденія; наконецъ, утративъ всю бодрость, требовали переговоровъ. Сперва Воеводы и достойный Архіепископъ Купріанъ не хотѣли о томъ слышать, говоря: «страшимся не злобы «Стефановой, а гнѣва Царскаго!» Въ отчаяніи

великодушномъ они думали взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ Петръ Волынскій и Стрѣльцы не дали имъ исполнить сего намѣренія ([526]) и предложили условія Стефану, который, изъ уваженія ли къ оказанной ими храбрости, или боясь длить время, согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ (изъ острога и крѣпости) въ Россію съ семействами, съ имѣніемъ, а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщалъ великія милости. Воеводы, не хотѣвъ участвовать въ семъ договорѣ, заперлись вмѣстѣ съ Архіепископомъ въ древней церкви Софійской, откуда силою извлекли и представили ихъ Баторію, смиренныхъ безъ уничиженія. Историкъ-очевидецъ пишетъ, что Россіяне, живо чувствуя великодушіе и человѣколюбіе Короля, никакъ однакожь не захотѣли служить ему; что почти всѣ, ожидая неминуемой казни отъ гнѣвнаго Царя, съ твердостію шли на оную и не внимали льстивымъ обѣщаніямъ Стефановымъ: «доказательство удивительной любви къ отечеству!» прибавляетъ сей Историкъ ([527]). Но Стефанъ, вопреки условію, не скоро отпустилъ сихъ плѣнниковъ, какъ бы опасаясь возвратить непріятелю такихъ вѣрныхъ, доблихъ воиновъ. — Велѣвъ очистить крѣпость, наполненную трупами, Король въѣхалъ въ нее торжественно; объявилъ Полоцкъ Литовскимъ Воеводствомъ; указавъ строить тамъ великолѣпную церковь Римскаго Исповѣданія, оставилъ Софійскую Хри-

амъ Греческимъ; далъ имъ въ Епископы
наго Святителя Витебскаго, и грамотою
рдилъ свободу нашей Вѣры, имѣя въ виду
тѣйшія завоеванія въ Россіи и желая уго-
ея народу сею благоразумною терпимостію,
еки своимъ любимцамъ, Іезуитамъ, коимъ
далъ тогда богатыя маетности и земли въ
орусіи, съ обязательствомъ исправлять нра-
жителей ученіемъ и примѣромъ ([528]). — Съ
времени древній нашъ Полоцкъ, Удѣлъ
ени Владимірова и Рогнѣдина, легко взя-
, безславно утраченный Іоанномъ, бывъ 18
областію Государства Московскаго, сдѣ-
я вновь собственностію Литвы, до царство-
Екатерины безсмертной.

ефанъ послалъ войско къ Соколу, а лег-
конницу къ самому Пскову, чтобы на-
ать движенія Іоанновой рати. 19 Сен-
я Литовцы осадили Соколъ; 25 зажгли
и, и съ трубнымъ звукомъ устремились
тѣнамъ. Россіяне тушили огонь; но вдругъ
лали многія бренныя зданія, такъ, что
оставалось въ городѣ мѣста безопаснаго
пяти или шести тысячь бывшихъ тамъ
овъ. Они сдѣлали вылазку; бились дол-
уступивъ наконецъ превосходной силѣ,
тились назадъ, а Нѣмцы вмѣстѣ съ ни-
втѣснились въ крѣпость. Тутъ начала-
ужасная сѣча, отчаянная для тѣхъ и
ихъ: ибо Россіяне захлопнули ворота,
тили желѣзную решетку и не оставили

возможности спасенія ни себѣ, ни врагамъ: рѣзались въ пламени, задыхались и горѣли, до той минуты, какъ Литовцы и Поляки вломились въ городъ, для совершеннаго истребленія нашихъ, коихъ пало 4000; плѣнили только Шереметева съ малымъ числомъ Дѣтей Боярскихъ ([529]). Въ остервененіи злобы Нѣмцы, терзая мертвыхъ, исказили трупы Шеина и многихъ иныхъ Россіянъ. — Литовцы взяли Красный, Козьянъ, Ситну, Туровль, Нещерду; опустошили землю Сѣверскую до Стародуба; выжгли 2000 селеній въ Смоленской области . . . . а Царь стоялъ неподвижно во Псковѣ!

Взятіе Сокола.

Въ то время, когда гибли добрые Россіяне, предаваемые въ жертву врагамъ Іоанновою боязливостію; когда отечество сѣтовало въ незаслуженномъ уничиженіи, торжествовалъ, къ вѣчному стыду своему, одинъ Россіянинъ, нѣкогда любезный отечеству: Князь Андрей Курбскій. Преступленіемъ лишенный имени Русскаго, онъ въ злобѣ своей искалъ новаго утѣшенія мести и находился подъ знаменами Баторіевыми, вмѣстѣ съ другимъ бѣглецомъ Московскимъ, Владиміромъ Заболоцкимъ; дѣятельно способствовалъ успѣхамъ Королевскаго оружія, и съ свѣжаго пепла завоеванной крѣпости Полоцкой, гдѣ дымилась кровь Россіянъ, написалъ отвѣтъ на Воль-

кое къ нему письмо Іоанново ([530]). твои побѣды?» говорилъ онъ: «въ илѣ Героевъ, истинныхъ Воеводъ той Руси, истребленныхъ тобою. оль съ малыми тысячами, единствен-мужествомъ его сильными, въ твоемъ ударствѣ, беретъ области и твер-и, нѣкогда нами взятыя, нами укрѣп-ныя; а ты съ войскомъ многочис-ымъ сидишь, укрываешься за лѣ-и, или бѣжишь, никѣмъ не гони-, кромѣ совѣсти, обличающей те-въ беззаконіяхъ. Вотъ плоды наста-ія, даннаго тебѣ Лжесвятителемъ іонамъ ([531])! Единъ царствуешь безъ *рыхъ* совѣтниковъ; единъ воюешь *гордыхъ* Воеводъ — и что же? сто любви и благословеній народ-ъ, нѣкогда сладостныхъ твоему серд-стяжалъ ненависть и проклятія все-ныя; вмѣсто славы ратной сты-ь упиваешься: ибо нѣтъ добраго ствованія безъ добрыхъ Вельможъ, смѣтное войско безъ искуснаго Пол-дца есть стадо овецъ, разгоняемое омъ вѣтра и паденіемъ древесныхъ ьевъ. Ласкатели не Синклиты, и кар-увѣчные духомъ, не суть Воеводы. Не ли совершился судъ Божій надъ тира-ь? Се глады и язва, мечь варваровъ, лъ столицы и — что всего ужаснѣе —

Письмо Курб-скаго.

«позоръ, позоръ для Вѣнценосца, нѣкогда столь «знаменитаго! Того ли мы хотѣли, то ли готови-«ли ревностною, кровавою службою нашему древ-«нему отечеству?» . . . Письмо заключалось хвалою доблести Стефановой, предсказаніемъ близкой гибели всего Царскаго Дому и словами: «кладу перстъ на уста, изумляюся и плачу!»... Движимый ненавистію къ Іоанну, Курбскій могъ оправдывать себя умомъ, но не въ совѣсти, которая тревожила его до конца жизни; владѣя городами и селами въ Вольгніи (532), ни въ богатствѣ, ни въ знатности не находилъ успокоенія; женился тамъ на Княгинѣ Дубровицкой, но не любилъ ее; искалъ утѣшенія въ дружествѣ и въ ученіи; зная языкъ Латинскій, переводилъ Цицерона; описалъ славное взятіе Казани, войну Ливонскую, мучительства Іоанна; пережилъ его, и въ старости еще тосковалъ о Россіи, съ чувствомъ называя оную своимъ *любимымъ отечествомъ*. Мракъ неизвѣстности сокрылъ послѣдніе дни и могилу мужа ознаменованнаго славою ратныхъ дѣлъ, ума, краснорѣчія — и безславіемъ преступленія!

Іоаннъ уже не отвѣчалъ Курбскому: ибо не могъ ничѣмъ хвалиться, ни грозить въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ расположеніи своего духа. Онъ написалъ въ Москву къ Государственному Дьяку, Андрею Щелкалову, что должно объявить успѣхи непріятеля жителямъ ея хладнокровно и спокойно. Созвавъ гражданъ, умный Дьякъ сказалъ имъ: «Добры

!! знайте, что Король взялъ Полоцкъ и
ъ Соколъ: вѣсть печальная; но благора-
е требуетъ отъ насъ твердости. Нѣтъ по-
нства въ свѣтѣ; счастіе измѣняетъ и вели-
, Государямъ. Полоцкъ въ рукахъ у Сте-
: вся Ливонія въ нашихъ. Пали нѣкоторые
іяне: пало гораздо болѣе Литовцевъ. Утѣ-
ся въ малой несгодѣ воспоминаніемъ столь
ихъ побѣдъ и завоеваній Царя православ-
» (533)! Удостовѣренный въ тишинѣ, въ
йствіи Москвы, Іоаннъ велѣлъ Боярамъ
ать къ Литовской Думѣ, что онъ мыслилъ
ленно итти на Короля, но что совѣтники
арственные, жалѣя слезъ Христіанскихъ,
ли его, хотя и не безъ великаго труда,
овить всѣ непріятельскія дѣйствія; что
онъ докажетъ свою истинную любовь къ че-
еству и справедливости, если, унявъ кро-
литіе, вступитъ съ Царемъ въ переговоры
номъ мирѣ, *о родствѣ* и дружбѣ искренней.
кою миролюбивою грамотою послали гонца
льну (534). Самъ Баторій прислалъ чинов-
къ Іоанну, но съ письмомъ весьма гру-
, объявляя, что воюетъ за Ливонію, для
нія его безразсуднаго властолюбія, и тре-
чтобы Лопатинскій, не выпускаемый изъ
обужа, былъ освобожденъ согласно съ
ннымъ Правомъ. Сей гонецъ непріятель-
обѣдалъ у Царя въ Новѣгородѣ, угощае-
какъ бы Вельможа дружественной Держа-
чего дотолѣ не бывало. «Не хочу» (отвѣт-

ствовалъ Іоаннъ Королю) «возражать на «упреки: ибо хочу быть въ братствѣ съ то-«бою. Даю *опасную грамоту* для твоихъ По-«словъ, коихъ ожидаю съ доброжелатель-«ствомъ. Между тѣмъ да будетъ тишина «въ Ливоніи и на всѣхъ границахъ! А въ «залогъ мира отпусти плѣнниковъ Россій-«скихъ, на обмѣнъ или выкупъ.» То же писалъ Іоаннъ и съ Лопатинскимъ, немедленно освобожденнымъ, и съ новымъ гонцемъ, посланнымъ къ Королю; нѣсколько мѣсяцевъ занимался спорами Воеводъ своихъ о первенствѣ ([535]) и не думалъ итти на Стефана, будучи доволенъ нѣкоторыми успѣхами нашей оборонительной системы въ Ливоніи, гдѣ Россіяне, въ жаркой схваткѣ, плѣнили наконецъ славнаго разбойника, Аннибала (послѣ казненнаго во Псковѣ), мужественно отразили Шведовъ отъ Нарвы и гнали ихъ до Ревеля ([536]). Симъ заключился 1579 годъ. Царь уже былъ въ Москвѣ, и не праздно.

г. 1580. Въ Генварѣ 1580 года онъ созвалъ знаменитѣйшее Духовенство въ столицу: Архіепископа Александра Новогородскаго, Іеремію Казанскаго, Давида Ростовскаго, всѣхъ Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, славнѣйшихъ умомъ или благочестіемъ Иноковъ; торжественно обаявилъ имъ, что Церковь и Православіе въ опасности; что безчисленные враги возстали на

Соборъ въ Москвѣ.

ію; что съ одной стороны невѣрные Тур-
Ханъ, Ногаи, — съ другой Литва, Поль-
Венгры, Нѣмцы, Шведы какъ дикіе звѣри
нули челюсти, дабы поглотить насъ; что
съ сыномъ своимъ, съ Вельможами и Вое-
ми бодрствуетъ день и ночь для спасенія
жавы, но что Духовенство обязано содѣй-
вать имъ въ семъ великомъ подвигѣ; что
имѣя людей, не имѣемъ казны достаточной;
войско скудѣетъ и нуждается, а монастыри
тѣютъ; что Государь требуетъ жертвы отъ
овенства, и что Всевышній благословитъ его
діе къ отечеству. Предложеніе было важно
атруднительно. Великій дѣдъ Іоанновъ хо-
ь коснуться церковнаго достоянія, но оста-
ь сію мысль, встрѣченный сильнымъ преко-
віемъ Святителей: внукъ умѣрилъ требова-
, и Соборъ приговорилъ грамотою, что земли
ла *Княжескія*, когда либо отказанныя Ми-
политамъ, Епископамъ, монастырямъ и цер-
мъ, или купленныя ими, оттолѣ будутъ Госу-
евыми, а всѣ другія остаются навѣки ихъ
тъемлемымъ достояніемъ; что впредь они
не должны присвоивать себѣ имѣній недви-
ыхъ, ни добровольною уступкою, ни куп-
, и что *заложенныя* имъ земли также
ются въ казну (537). — Симъ легкимъ спо-
мъ умноживъ владѣнія и доходы государ-
нные, Іоаннъ непрестанно умножалъ и
ско (538): чиновники ѣздили изъ области
область съ списками Дѣтей Боярскихъ;

отыскивали всѣхъ, кто укрывался или б
отъ службы; наказывали ихъ тѣлесно
порукою отсылали во Псковъ или Новго
гдѣ стояла главная рать, упуская благоп
ное время дѣйствовать наступательно: ибо
сіяне любили всегда выходить въ поле,
другіе уходили въ домы отъ ненастья и м
зовъ.

Хотя Баторій не мыслилъ дать намъ пер
рія, но осень и зима остановили его блест
успѣхи. Наемники требовали денегъ, сво
дохновенія. Расположивъ войско въ при
ныхъ мѣстахъ близъ границы, онъ спѣши
Вильну и на Сеймъ въ Варшаву, готовить н
средства побѣды, наслаждаться славою,
тать, устыдить неблагодарность и все одо
чтобы достигнуть цѣли. Въ Вильнѣ гражд
Дворянство встрѣтили его съ громогласн
благословеніями, а въ Варшавѣ многіе Пан
мрачными лицами и съ ропотомъ неудо
ствія — тѣ, которые любили законную и б
конную власть свою болѣе отечества, ра
бленпаго ихъ своевольствомъ, нѣгою, кор
любіемъ. Великихъ мужей славятъ и злосло
устрашенные сильною волею, сильными мѣ
Короля, Паны жаловались на его самовл
и довѣренность къ чужеземцамъ; распу
слухъ, что онъ воюетъ только для вида,
гами тяготитъ землю и мыслитъ тайно у
въ Трансильванію съ богатою казною К
левскою. Дѣйствіемъ сей клеветы могъ

зъ въ государственныхъ пособіяхъ, необимыхъ для войны. Баторій предсталъ Сейму: ета умолкла. Сказалъ, что сдѣлалъ и сдѣгъ: единодушно, единогласно одобрили всѣ предложенія; уставили новые налоги, веи собирать новое войско (539). . . . .

Царь домогался мира. Когда гонцы наши вратились съ отвѣтомъ, что Король не хоъ и слышать о Посольствѣ въ Москву, готоединственно изъ снисхожденія принять ново въ своей столицѣ, если мы дѣйствино расположены къ умѣренности и договоъ честнымъ; что плѣнниковъ не отпускаютъ время кровопролитія; что они въ землѣ Хриской, слѣдственно въ безопасности и не въ спеніи: тогда Іоаннъ вторично написалъ къ фану письмо дружелюбное. «Въ Московскихъ ремирныхъ грамотахъ» (говорилъ онъ) «были ова *разныя*, внесенныя въ нихъ съ вѣдома и гласія твоихъ Пословъ. Ты могъ отвергнуть й договоръ; но для чего же укоряешь насъ маномъ? Для чего безъ дѣла выслалъ шихъ Пословъ изъ Кракова, и столь убо, и писалъ къ намъ въ выраженіяхъ оль язвительныхъ? Забудемъ слова гнѣвыя, вражду и злобу. Не въ Литвѣ и не Польшѣ, а въ Москвѣ издревле заключаесь договоры между сими Державами и Росю. Не требуй же новаго! Здѣсь мои Бояре съ оими Уполномоченными рѣшатъ всѣ затруенія къ обоюдному удовольствію Государствъ

«нашихъ» ([540]). Но гонецъ Московск
случаѣ упрямства и явной готовност
ріевой къ возобновленію непріятел
дѣйствій, долженъ былъ тайно сказа
что Царь согласенъ прислать Бояръ с
въ Вильну или въ Варшаву. — Унич
безполезное: Король отвѣтствовалъ
дастъ Іоанну пять недѣль сроку и б
ждать Пословъ нашихъ въ мирном
дѣйствіи, хотя войско его готово
пить въ Россію, пылая нетерпѣніем
жества. Уже знатные сановники Ца
Стольникъ Князь Иванъ Сицкій,
ный Дворянинъ Пивовъ и Дьякъ Пет
ѣхали въ Вильну, когда узнали въ
сквѣ, что Баторій съ войскомъ въ
Август. дѣлахъ Россіи. «Назначенный срок
нулъ,» писалъ онъ къ Царю: «ты
«женъ отдать Литвѣ Новгородъ, П
«Луки, со всѣми областями Витеб
«и Полоцкими, также всю Ливонію
«желаешь мира.»

Посольство къ Импера. Сіе нападеніе казалось Іоанну вѣр
ствомъ: по крайней мѣрѣ онъ не

требовалъ, чтобы Рудольфъ исполнилъ свое обѣщаніе и прислалъ Уполномоченныхъ въ Москву для возобновленія союза противъ общихъ враговъ; жаловался Папѣ на злобу и вѣроломство Баторіево; предлагалъ ему усовѣстить, отвести его отъ ненавистной связи съ Турками; увѣрялъ, что ревностно желаетъ вмѣстѣ со всѣми Европейскими Государями ополчиться на Султана и быть для того въ непрестанныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ (541). Имѣя силу въ рукахъ, но робость въ душѣ, Іоаннъ унижался исканіемъ чуждаго, отдаленнаго вспоможенія, ненужнаго и невѣроятнаго. Онъ не думалъ самъ выступить въ поле; расположилъ войско единственно для обороны, и не зная, куда устремится Баторій, направлялъ полки къ Новугороду и Пскову, Кокенгузену и Смоленску (342); занялъ и берега Оки близъ Серпухова, опасаясь Хана. Сія неизвѣстность продолжалась около двухъ или трехъ недѣль, и Баторій опять явился тамъ, гдѣ его не ожидали.

Историкъ Стефановъ съ пышнымъ краснорѣчіемъ описываетъ устройство, ревность войска, одушевленнаго Геніемъ начальника. Конницею предводительствовали Сенаторы и лучшіе Воеводы; многіе изъ знатныхъ чиновниковъ, гражданскихъ и придворныхъ, служили въ ней наряду съ простыми всадниками. Большая часть пѣхоты, новаго набора, еще не видала огня: Нѣмецкіе и Седмиградскіе опытные воины со-

ставляли ея твердую основу, и между ими
чался бодростію измѣнникъ нашъ, Датскій
ковникъ, Георгій Фаренсбахъ, который
силу и слабость Россіянъ, бывъ предводит
Іоанновой Ливонской дружины. Непріятель
болотами и лѣсами дикими, гдѣ 150 лѣтъ
дило войско; гдѣ только Витовтъ въ 142
умѣлъ открыть себѣ путь къ областямъ Н
родскимъ, и гдѣ нѣкоторыя мѣста еще на
лись его именемъ. Баторій, подобно Ви
просѣкалъ лѣса, дѣлалъ гати, мосты, п
сражался съ трудностями, терпѣлъ недоста
вышелъ къ Велижу, къ Усвяту; взялъ ту
гую крѣпость, наполненныя запасами, и ра
легкій отрядъ нашей конницы, приступил
исходѣ Августа къ Великимъ Лукамъ (843)
городъ, красивый мѣстоположеніемъ, бога
торговый, ключь древнихъ южныхъ вл
Новогородской Державы, обѣщалъ знатн
бычу корыстолюбивому войску, близостію
къ Витебску и другимъ Литовскимъ крѣпо
представляя удобность для осады. Тамъ на
лось тысячь шесть или семь Россіянъ; но
рощѣ стоялъ Воевода Князь Хилковъ съ

Въ сіе время, когда надлежало возстать Россіи и подавить дерзкаго Баторія, спѣшили къ нему въ станъ Уполномоченные Іоанновы, Князь Сицкій и Пивовъ, для унизительныхъ договоровъ. Стефанъ принялъ ихъ въ шатрѣ, величаво, надменно; сидѣлъ въ шапкѣ, когда они ему *кланялись* отъ Царя; не хотѣлъ сказать имъ учтиваго слова. Послы требовали, чтобы Король немедленно снялъ осаду: вмѣсто отвѣта загремѣли пушки Литовскія. Тутъ Послы изъявили снисхожденіе: сказали, что еще въ первый разъ Московскій Государь начинаетъ переговоры съ Литвою внѣ Москвы; что онъ будетъ именовать Стефана *братомъ*, если Король возвратитъ намъ Полоцкъ; соглашались не требовать и Полоцка; уступали Курляндію и двадцать-четыре города въ самой Ливоніи. Но Стефанъ хотѣлъ всѣхъ областей Ливонскихъ, даже Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новагорода. Тутъ Сицкій и Пивовъ, объявивъ, что уже не могутъ уступить ничего болѣе, потребовали отпуска или дозволенія писать къ Іоанну. Отправили гонца въ Москву — и въ тотъ же день, Сентября 5, отъ взрыва башни, наполненной порохомъ, взлетѣла на воздухъ часть крѣпости (515); огонь довершилъ разрушеніе стѣнъ, а мечь непріятельскій гибель Россіянъ: Король взялъ пепелище, омоченное ихъ кровію, покры-

Завоеваніе Великихъ Лукъ.

тое истерзанными тѣлами и членами. В
немедленно возстановить укрѣпленія сего
наго мѣста, онъ напалъ на Хилкова близ
ропца и разбилъ его. Въ семъ жаркомъ
плѣнили сановника Царскаго, Григорья Н
кина, употребляемаго въ Посольствахъ, Ду
Дворянина Черемисинова, любимца Іоанно
200 Дѣтей Боярскихъ (546). Въ то же врем
товскій Вельможа, Филонъ Кмита, съ де
тысячами всадниковъ приблизился къ См
ску, въ надеждѣ сжечь его предмѣстія; но в
ченный въ полѣ тамошними храбрыми на
никами, Даниломъ Ногтевымъ и Княземъ
ромъ Мосальскимъ, бѣжалъ, кинувъ зна
обозъ и 60 легкихъ пушекъ (547). Сіи един
ные наши трофеи, вмѣстѣ съ тремя стами о
десятью взятыми плѣнниками, были послан
Москву: за что Іоаннъ наградилъ Воеводъ
тыми медалями. Еще Баторій, не смотря н
бокую осень, усильно продолжалъ войну. Н
Озерище ему сдалися. Заволочье, крѣпост
ста и мужествомъ Воеводы Сабурова, держ
и стоило непріятелю дорого; наконецъ
сдалося, и Баторій выпустилъ оттуда Рос
съ честію (548). Симъ заключился его по
Войско изнемогало отъ трудовъ и недуг
самъ Король лежалъ больной въ Полоцкѣ
еще съ блѣднымъ лицемъ явился на Сеймѣ
шавскомъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ.
«дуйтесь побѣдѣ,» говорилъ онъ Панамъ
«сего не довольно: умѣйте пользоваться

ба предаетъ вамъ, кажется, все Госу-
тво Московское: смѣлость и надежда
водствуютъ къ великому. Хотите ли
умѣренными? возьмите по крайней
Ливонію, которая есть главная цѣль
ы, и присоединенная навѣки къ Им-
Ляховъ, останется для потомства
енитымъ памятникомъ вашего муже-
. Дотолѣ нѣтъ для насъ мира (549)!»
я новаго вспоможенія людьми и день-
Король жаловался Панамъ, что они
ютъ ему способовъ вести войну не-
вно; что время теряется для него въ
здахъ и шумныхъ прѣніяхъ Сейма, а
о слабѣетъ духомъ въ праздности и
отдыхаетъ. Баторій дѣйствительно Бѣдствія
лъ время; но Литовскіе Воеводы и Россіи.
еще тревожили Россію: внезапнымъ
омъ взяли Холмъ, выжгли Старую
обогатились въ ней добычею (550);
ивоніи взяли Шмильтенъ; опустоши-
мѣстѣ съ измѣнникомъ Магнусомъ,
Дерптскихъ и самыхъ Псковскихъ
ній. Съ другой стороны показались и
ы: завоевали Кексгольмъ, осадили
ъ, гдѣ малочисленные Россіяне, то-
е голодомъ, ѣли собакъ, кошекъ, да-
ртвыя тѣла младенцевъ, но застрѣ-
Шведскаго чиновника, предлагавшаго
дать крѣпость. Тамъ, съ горстію от-
ыхъ, сидѣлъ Воевода старецъ, Да-

тое истерзанными тѣла
немедленно возстановить
наго мѣста, онъ напалъ
роица и разбилъ его. В
плѣнили сановника Цар
кана, употребляемаго въ
Дворянина Черемисинова
200 Дѣтей Боярскихъ (³⁴
товскій Вельможа, Фил
тысячами всадниковъ пр
ску, въ надеждѣ сжечь ег
ченный въ полѣ тамошн
никами, Даниломъ Ногт
ромъ Мосальскимъ, бѣж
обозъ и 60 легкихъ пуше
ные наши трофеи, вмѣстѣ
десятью взятыми плѣнни
Москву: за что Іоаннъ н
тыми медалями. Еще Бат
бокую осень, усильно про
Озерище ему сдалися. За
ста и мужествомъ Воево
и стоило непріятелю д
сдалося, и Баторій вып
съ честію (³⁴³). Симъ з
Войско изнемогало отъ
самъ Король лежалъ бо
еще съ блѣднымъ лицем
шавскомъ, дать отчетъ в
«дуйтесь побѣдѣ,» гово
«сего не довольно: ум

предаетъ вамъ, кажется, все Госу-
Московское: смѣлость и надежда
дствуютъ къ великому. Хотите ли
мѣренными? возьмите по крайней
ивонію, которая есть главная цѣль
и присоединенная навѣки къ Им-
Мяховъ, останется для потомства
тымъ памятникомъ вашего муже-
Дотолѣ нѣтъ для насъ мира (549)!»
оваго вспоможенія людьми и день-
ороль жаловался Панамъ, что они
ъ ему способовъ вести войну не-
о; что время теряется для него въ
хъ и шумныхъ прѣніяхъ Сейма, а
слабѣетъ духомъ въ праздности и
тдыхаетъ. Баторій дѣйствительно
время; но Литовскіе Воеводы и
ще тревожили Россію: внезапнымъ
ъ взяли Холмъ, выжгли Старую
богатились въ ней добычею (550);
ніи взяли Шмильтенъ; опустоши-
стѣ съ измѣнникомъ Магнусомъ,
ерптскихъ и самыхъ Псковскихъ
. Съ другой стороны показались и
завоевали Кексгольмъ, осадили
гдѣ малочисленные Россіяне, то-
олодомъ, ѣли собакъ, кошекъ, да-
выя тѣла младенцевъ, но застрѣ-
ведскаго чиновника, предлагавшаго
ь крѣпость. Тамъ, съ горстію от-
ъ, сидѣлъ Воевода старецъ, Да-

Бѣдствія Россіи.

нило Чихачевъ. Шведы, овладѣвъ зам
нашли въ немъ не людей, а тѣни: умер
всѣхъ, кромѣ одного молодаго сановника,
Михайла Сицкаго ([551]). Въ теченіе зимы он
ли на договоръ и Везенбергъ, гдѣ наход
около тысячи Стрѣльцевъ Московскихъ, ко
вышли оттуда съ однѣми деревянными ико

Россія казалась слабою, почти безору
имѣя до осьмидесяти становъ воинскихъ
крѣпостей, наполненныхъ снарядами и лю
ратными — имѣя сверхъ того многочисле
воинства полевыя, готовыя устремиться на
ву! Зрѣлище удивительное, навѣки достоп
ное для самаго отдаленнѣйшаго потомства
всѣхъ народовъ и Властителей земли; разі
ное доказательство, сколь тиранство уни
душу, ослѣпляетъ умъ привидѣніями ст
мертвитъ силы и въ Государѣ и въ Государ
Не измѣнилисьРоссіяне, но Царь измѣнилъ
Укрываясь въ Слободѣ Алексадровской, он
писалъ къ главнымъ Воеводамъ во Ржевъ и
Вязьму, къ Великому Князю Тверскому, Си
Бекбулатовичу, и Князю Ивану Мстиславск
«Промышляйте дѣломъ Государевымъ и
«скимъ, какъ Всевышній вразумитъ васъ, и
«лучше для безопасности Россіи. Все упован
«возлагаю на Бога и на ваше усердіе ([552]).» В
ды, смятенные нерѣшительностію Царя, сам
сались дѣйствовать рѣшительно; посылали
ды для наблюденія, для защиты границъ, и
ко однажды дерзнули вступить въ непріятел

землю: Князья Михайло Катыревъ Ростовскій, Дмитрій Хворостининъ, Щербатой, Туренинъ, Бутурлинъ, соединясь въ Можайскѣ, ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Шклову, Могилеву, Радомлю; выжгли Уѣзды и посады сихъ городовъ; разбили Литовцевъ подъ стѣнами Шклова (гдѣ въ самыхъ воротахъ палъ мужественный Бутурлинъ), и привели въ Смоленскъ множество плѣнниковъ (553). Іоаннъ далъ имъ золотыя медали, но не ободрился въ духѣ, какъ увидимъ.

Въ то время, когда Герой Баторій въ излишней надменности обѣщалъ Вельможнымъ Панамъ всю Россію, Царь ея праздновалъ свадьбы: женилъ втораго сына своего, Ѳеодора, на сестрѣ знаменитаго Бориса Годунова, Иринѣ, и самъ женился, въ шестый или въ седьмый разъ (554), безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, на дѣвицѣ Маріи, дочери сановника Ѳедора Ѳедоровича Нагаго: два брака ужасные своими неожиданными слѣдствіями для Россіи, вина и начало злу долговременному! Уже Годуновъ, возведенный тогда на степень Боярства, усматривалъ, можетъ быть, вдали, неясно, смѣлую цѣль его властолюбія, дотолѣ безпримѣрнаго въ нашей Исторіи! Какъ любимецъ Государевъ онъ могъ завидовать только Богдану Яковлевичу Бѣльскому, Оружничему, ближнему слугѣ, днемъ и ночью неотходному хранителю особы Іоанновой;

Седьмое супружество Іоанново.

какъ шуринъ Царевича дѣлился уважені
честію съ Царскими свойственниками, съ
земъ Иваномъ Михайловичемъ Глинскимъ
Нагими, коими вдругъ наполнился дворецъ
новъ; какъ Думный Совѣтникъ видѣлъ еще
гихъ старѣйшихъ Бояръ, Мстиславскихъ,
скихъ, Трубецкихъ, Голицыныхъ, Юрьев
Сабуровыхъ, но ни единаго равнаго ему въ
государственномъ. На сихъ двухъ роко
свадьбахъ, празднуемыхъ Іоанномъ тольк
людьми ближними, въ Слободѣ Александров
во дни горестные для отечества, подъ лич
усердныхъ слугъ и льстецовъ скрывались д
дущіе Царя и третій гнусный предатель Ро
Годуновъ былъ Дружкою Маріи, Князь Ва
Ивановичь Шуйскій Іоанновымъ, Михайло
хайловичь Кривой Салтыковъ чиновникомъ
да! Съ ними же пировалъ и другой, менѣе
ный, хотя и равно презрительный измѣн
свойственникъ Малюты Скуратова, Давидъ
скій, который чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣ
къ Стефану. Не знаемъ ни опалъ, ни казней
времени, кромѣ одной, весьма достопамятн
всѣми одобренной. Мы упоминали о Медик

невинныхъ, сдѣлался жертвою навѣта, ко славѣ Небеснаго правосудія. Можетъ быть, доносы, ложные или справедливые, коснулись тогда и Бѣльскаго; можетъ быть, подобно Курбскому, онъ ушелъ невиннымъ, но оказался преступникомъ, ибо началъ давать совѣты Баторію ко вреду Россіи ([536]).

Изъ сей несчастной Александровской Слободы (гдѣ тиранъ обыкновенно свирѣпствовалъ или пировалъ, ужасалъ вѣрныхъ подданныхъ или трепеталъ враговъ отечества) Царь, свѣдавъ о паденіи Великихъ Лукъ, далъ новый наказъ Сицкому и Пивову, которые въ слѣдъ за Баторіемъ ѣздили изъ мѣста въ мѣсто, будучи смиренными, жалкими свидѣтелями торжества его ([537]). Въ Варшавѣ они уступали ему еще нѣсколько г. 1581. областей Ливонскихъ за взятые имъ города Россійскіе, убѣждая Стефана отправить Пословъ въ Москву для мирныхъ условій и прекратить войну; но имъ велѣно было ѣхать къ Царю съ отвѣтомъ: «не будетъ ни «Посольства, ни мира, ни перемирія, доко«лѣ войско Россійское не очиститъ Ливо«ніи!» Болѣе и болѣе снисходительный, Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ именовалъ Стефана *братомъ;* жаловался, что Литовцы не престаютъ тревожить Россіи нападеніями; молилъ его не собирать войска къ лѣту, не истощать тѣмъ казны государственной — и немедленно послалъ къ

нему Думныхъ Дворянъ, Пушкина и Писемскаго, велѣвъ имъ не только быть смиренными, кроткими въ переговорахъ, но даже (неслыханное уничиженіе!) терпѣть и побои ([358])! Такъ Іоаннъ пилъ чашу стыда, имъ, не Россіею заслуженнаго! Новая уступчивость производила новыя требованія: Баторій, кромѣ всей Ливоніи, хотѣлъ городовъ Сѣверскихъ, Смоленска, Пскова, Новагорода, — по крайней мѣрѣ Себежа; хотѣлъ еще взять съ Россіи 400 *тысячь золотыхъ Венгерскихъ*, и прислалъ гонца въ Москву за рѣшительнымъ отвѣтомъ! Наконецъ Іоаннъ изъявилъ досаду: принимая гонца Литовскаго, не всталъ съ мѣста, не спросилъ о здоровьѣ Короля, и написалъ къ Стефану ([359]): «Мы, смиренный Го«сударь всея Россіи, *Божіею, а не человѣ«ческою многомятежную волею*.... Когда «Польша и Литва имѣли также Вѣнценос«цевъ наслѣдственныхъ, законныхъ, они «ужасались кровопролитія: нынѣ нѣтъ у «васъ Христіанства! Ни Ольгердъ, ни Ви«товтъ не нарушали перемирія; а ты, за«ключивъ его въ Москвѣ, кинулся на Рос«сію съ нашими злодѣями, Курбскимъ и «другими; взялъ Полоцкъ измѣною, и тор«жественнымъ Манифестомъ обольщаешь «народъ мой, да измѣнитъ Царю, совѣсти и «Богу! Воюешь не мечемъ, а предатель«ствомъ — и съ какимъ лютымъ звѣр-

Неслыханное уничиженіе.

Письмо къ Баторію.

ствомъ! Воины твои рѣжутъ мертвыхъ (560).... Наши Послы ѣдутъ къ тебѣ съ мирнымъ словомъ, а ты жжешь Луки калеными ядрами (изобрѣтеніемъ новымъ, безчеловѣчнымъ); они говорятъ съ тобою о дружбѣ и любви, а ты губишь, истребляешь! Какъ Христіанинъ я могъ бы отдать тебѣ Ливонію; но будешь ли доволенъ сею? Слышу, что ты клялся Вельможамъ присоединить къ Литвѣ всѣ завоеванія моего отца и дѣда. Какъ намъ согласиться? Хочу мира, хочешь убійства; уступаю, требуешь болѣе, и неслыханнаго: требуешь отъ меня золота за то, что ты беззаконно, безсовѣстно разоряешь мою землю!... Мужъ кровей! вспомни Бога!» Но Іоаннъ, не смотря на досаду свою, еще уступалъ Литвѣ всѣ завоеванныя Баторіемъ крѣпости Россійскія, желая единственно удержать восточную Эстонію и Ливонію, Нарву, Вейсенштейнъ, Дерптъ, и на такомъ условіи заключить семилѣтнее перемиріе. Отвѣтомъ на сію грамоту было *третіе* выступленіе Баторіево въ поле и письмо исполненное язвительныхъ укоризнъ, равно плодовитое и непристойное для Вѣнценосца (561). «Хвалиться своимъ наслѣдственнымъ Государствомъ,» писалъ Стефанъ: «не завидую тебѣ, ибо думаю, что лучше достоинствомъ пріобрѣсти корону, нежели родиться на тронѣ отъ Глинской, дочери Сигизмундова

Отвѣтъ Баторіевъ.

«предателя. Упрекаешь меня терзанiемъ *мерт*
«*выхъ:* я не терзалъ ихъ; а ты мучишь *живых*
«что хуже? Осуждаешь мое вѣроломство мни
«мое, ты, сочинитель подложныхъ договоров
«измѣняемыхъ въ смыслѣ обманомъ и тайным
«прибавленiемъ словъ, угодныхъ единствен
«твоему безумному властолюбiю! Называешь из
«мѣнниками Воеводъ своихъ, честныхъ плѣнни
«ковъ, коихъ мы должны были отпустить к
«тебѣ, ибо они вѣрны отечеству! Беремъ земл
«доблестiю воинскою, и не имѣемъ нужды в
«услугѣ твоихъ мнимыхъ предателей. Гдѣ ж
«ты, *Богъ* земли Русской, какъ велишь имено-
«вать себя рабамъ несчастнымъ? Еще не видал
«мы лица твоего, ни сей *крестоносной* хоругви
«коею хвалишься, ужасая *крестами* своими
«враговъ, а только бѣдныхъ Россiянъ. Жа-
«лѣешь ли крови Христiанской? назначь врем
«и мѣсто; явися на конѣ, и одинъ сразися с
«мною единымъ, да праваго увѣнчаетъ Бог
«побѣдою!» Не соглашаясь оставить за Россiе
ни пяди земли въ Ливонiи, Баторiй не хотѣл
далѣе говорить съ нашими Послами, выгнал
ихъ изъ своего ратнаго стана (862), и съ насмѣш
кою прислалъ къ Iоанну изданныя въ Германi
на Латинскомъ языкѣ книги о Россiйских
Князьяхъ и собственномъ его царствованiи,
доказательство (какъ онъ изъяснялся), что дре
нiе Государи Московскiе были не Августов
родственники, а данники Хановъ Перекопских
совѣтовалъ ему также читать пятидесятый Пс

ломъ Давидовъ и Христіански узнать самого себя. Сію бранную Стефанову грамоту подалъ Іоанну гонецъ Литовскій: Царь, выслушавъ оную, тихо сказалъ ему: «мы будемъ отвѣчать *брату* нашему, Королю Стефану,» и вставъ съ мѣста, примолвилъ учтиво: «кланяйся отъ насъ своему Государю!» То есть, Іоаннъ, приведенный въ новый страхъ движеніемъ Литовскаго войска, хотѣлъ снова искать мира, въ надеждѣ на важнаго посредника, который тогда явился между имъ и Баторіемъ.

Гонецъ Московскій, Шевригинъ, посланный въ Вѣну и въ Римъ, возвратился. Слабый, безпечный Рудольфъ (563) отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома Князей Имперскихъ: что его Вельможи, коимъ надлежало ѣхать въ Москву для заключенія союза, или умерли или больны. Но Папа, славный ревностію къ успѣхамъ Латинской Вѣры — тотъ который освѣтилъ Римъ потѣшными огнями, свѣдавъ о злодѣйствахъ Варѳоломеевской ночи во Франціи — Григорій XIII изъявилъ живѣйшее удовольствіе, видя, какъ онъ думалъ, случай присоединить Россію къ своей обширной паствѣ. Еще въ 1576 году Григорій хотѣлъ послать въ Москву одного Священника, именемъ Рудольфа Клепхена, знавшаго обычаи и языкъ Россіи, съ письменнымъ наставленіемъ, весьма умнымъ и хитрымъ, въ коемъ сказано (для объявленія Царскимъ Вельможамъ), что Папа, много слышавъ о силѣ, завоеваніяхъ, геройствѣ,

мудрости, благочестіи и всѣхъ вел
свойствахъ Іоанновыхъ, равно удив
ныхъ и любезныхъ, исполняетъ нак
свое давнишнее ревностное желаніе
вить столь необыкновенному Вѣнц
сердечную пріязнь и надежду, что ем
дно будетъ смирить ненавистниковъ
стіанства, Оттомановъ, и возстанови
лость Святой Вѣры на земномъ шар
Вѣроятно, что сію мысль внушилъ I
рію Посолъ Императорскій, Кобе
ибо онъ славилъ въ Европѣ не т
могущество, но и мнимое доброжел
ство Россіянъ къ Латинской Церкви,
въ донесеніи къ Вѣнскому Министе
«Несправедливо считаютъ ихъ врага
«шей Вѣры; такъ могло быть прежде
«же Россіяне любятъ бесѣдовать о
«желаютъ его видѣть; знаютъ, что въ
«страдали и лежатъ великіе Мученик
«стіанства, ими еще болѣе, нежели
«уважаемые; знаютъ, лучше многихъ
«цевъ и Французовъ, святость Лорет
«усомнились даже вести меня къ обра
«колая Чудотворца, главной Святын
«народа, слыша, что я древняго Зако
«Лютерова, для нихъ ненавистнаго» (
Кленхенъ, кажется, не былъ въ М
наставленіе, ему данное, осталось тол
Римскихъ Архивахъ. Ласково приня
вригина, одаривъ его золотыми цѣ

бархатными ферезями, Папа велѣлъ славному Богослову, Іезуиту Антонію Поссевину, ѣхать къ Баторію и въ Москву для примиренія воюющихъ Державъ. Антоній нашелъ Короля въ Вильнѣ. «Государь Московскій» (сказалъ Баторій Іезуиту) «хочетъ обмануть Св. Отца; видя грозу надъ «собою, радъ все обѣщать: и соединеніе «Вѣръ и войну съ Турками; но меня не «обманетъ. Иди и дѣйствуй: не противлюсь; знаю только, что для выгоднаго и «честнаго мира надобно воевать: мы будемъ имѣть его; даю слово» (566). И миротворецъ Антоній, благословивъ Короля на дѣла достойныя Героя и Христіанина, поѣхалъ къ Царю; а Баторій, въ слѣдъ за нимъ, со всѣмъ войскомъ, вновь усиленнымъ, быстро двинулся ко Пскову, въ Августѣ мѣсяцѣ. Посольство отъ Папы.

Сіе нападеніе уже не было нечаяннымъ: Іоаннъ ожидалъ его и ввѣрилъ защиту Пскова Воеводамъ надежнымъ: Боярамъ Князьямъ Шуйскимъ, Ивану Петровичу и Василію Ѳедоровичу (Скопину), Никитѣ Ивановичу Очину-Плещееву, Князю Андрею Хворостинину, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову; далъ имъ письменный наказъ, и въ храмѣ Успенія, предъ Владимірскою иконою Богоматери, взялъ съ нихъ торжественную присягу, что они не сдадутъ города Баторію до своей смерти (567). Славная осада Пскова.

[illegible] ферезями, Папа велѣлъ слав[illegible]ослову, Iезуиту Антонію Поссе[illegible]нть къ Баторію и въ Москву для [illegible]iя воюющихъ Державъ. Антоній [illegible]короля въ Вильнѣ. «Государь М[illegible] [illegible] сказалъ Баторій Iезуиту [illegible]кануть Св. Отца: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

мудрости, благочестіи и всѣхъ вел
свойствахъ Іоанновыхъ, равно удив
ныхъ и любезныхъ, исполняетъ нак
свое давнишнее ревностное желаніе
вить столь необыкновенному Вѣнц
сердечную пріязнь и надежду, что ем
дно будетъ смирить ненавистниковъ
стіанства, Оттомановъ, и возстанови
лость Святой Вѣры на земномъ шар
Вѣроятно, что сію мысль внушилъ I
рію Посолъ Императорскій, Кобе
ибо онъ славилъ въ Европѣ не т
могущество, но и мнимое доброжел
ство Россіянъ къ Латинской Церкви,
въ донесеніи къ Вѣнскому Министе
«Несправедливо считаютъ ихъ врага
«шей Вѣры; такъ могло быть прежде:
«же Россіяне любятъ бесѣдовать о
«желаютъ его видѣть; знаютъ, что въ
«страдали и лежатъ великіе Мученик
«стіанства, ими еще болѣе, нежели
«уважаемые; знаютъ, лучше многихъ
«цевъ и Французовъ, святость Лорет
«усомнились даже вести меня къ обра
«колая Чудотворца, главной Святын
«народа, слыша, что я древняго Закон
«Лютерова, для нихъ ненавистнаго» (3
Кленхенъ, кажется, не былъ въ М
наставленіе, ему данное, осталось тол
Римскихъ Архивахъ. Ласково принявъ
вригина, одаривъ его золотыми цѣ

бархатными ферезями, Папа велѣлъ славному Богослову, Іезуиту Антонію Поссевину, ѣхать къ Баторію и въ Москву для примиренія воюющихъ Державъ. Антоній нашелъ Короля въ Вильнѣ. «Государь Московскій» (сказалъ Баторій Іезуиту) «хочетъ обмануть Св. Отца; видя грозу надъ «собою, радъ все обѣщать: и соединеніе «Вѣръ и войну съ Турками; но меня не «обманетъ. Иди и дѣйствуй: не противлюсь; знаю только, что для выгоднаго и «честнаго мира надобно воевать: мы будемъ имѣть его; даю слово» (566). И миротворецъ Антоній, благословивъ Короля на дѣла достойныя Героя и Христіанина, поѣхалъ къ Царю; а Баторій, въ слѣдъ за нимъ, со всѣмъ войскомъ, вновь усиленнымъ, быстро двинулся ко Пскову, въ Августѣ мѣсяцѣ. Посольство отъ Папы.

Сіе нападеніе уже не было нечаяннымъ: Іоаннъ ожидалъ его и ввѣрилъ защиту Пскова Воеводамъ надежнымъ: Боярамъ Князьямъ Шуйскимъ, Ивану Петровичу и Василію Ѳедоровичу (Скопину), Никитѣ Ивановичу Очину-Плещееву, Князю Андрею Хворостинину, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову; далъ имъ письменный наказъ, и въ храмѣ Успенія, предъ Владимірскою иконою Богоматери, взялъ съ нихъ торжественную присягу, что они не сдадутъ города Баторію до своей смерти (567). Славная осада Пскова.

Воеводы такою же клятвою обязали и
Боярскихъ, Стрѣльцевъ, граждан Псков
старыхъ и *малыхъ;* всѣ цѣловали крес
восторгѣ любви къ отечеству, взывая:
ремъ, но не сдадимся!» Ихъ было тр
тысячь ([568]). Исправили ветхія укрѣпленія
ставили пушки, ручницы, пищали; назн
мѣста, гдѣ быть каждому Воеводѣ съ свое
бенною дружиною для обороны Кремля, г
Средняго и Большаго, Запсковья и такъ
ваемой *Окольней* или внѣшней стѣны, н
странствѣ семи или осьми верстъ. Царь
станно писалъ къ сановникамъ и войску,
они помнили клятву и должность. Тоже п
къ нимъ и Новогородскій Владыка Алекс
Игуменъ Печерскій, добродѣтельный Т
оставивъ свою Обитель, явился на ѳеатрѣ
щаго кровопролитія, чтобы увѣщаніями
литвою служить отечеству. Все изготов
принять Баторія, съ тѣмъ великодушіемъ,
онъ не любилъ въ Россіянахъ, но коему
отдавать справедливость. Въ Новѣгородѣ
40,000 воиновъ съ Княземъ Юріемъ Го
нымъ, во Ржевѣ тысячъ пятнадцать, для
моженія угрожаемому Пскову. На берега
стояли Князья Василій Ивановичь Щуй
Шестуновъ, чтобы дѣйствовать оборони
въ случаѣ Ханскаго впаденія; въ Волокѣ
кій Князь Тверскій Симеонъ, Мстислав
Курлятевъ съ главными силами, такъ
Государь имѣлъ въ полѣ до трехъ сотъ т

воиновъ [569]: рать, какой не видала ни Россія, ни Европа съ нашествія Моголовъ! Іоаннъ выѣхалъ наконецъ изъ Слободы Александровской и прибылъ въ Старицу со всѣмъ Дворомъ, съ Боярами, съ дружиною Царскою — казалось, для того, чтобы лично предводительствовать войсками, взять и двинуть ихъ громаду, по примѣру Героя Донскаго, на встрѣчу къ новому Мамаю. . . . . Но Іоаннъ готовился къ хитростямъ и лести, а не къ битвамъ!

18 Августа пріѣхалъ къ Государю въ Старицу нетерпѣливо ожидаемый имъ Іезуитъ Поссевинъ, коего отъ Смоленска до сего мѣста вездѣ честили, привѣтствовали съ необыкновенною пышностію и ласкою. Дружины воинскія, блестящія золотомъ, стояли въ ружьѣ предъ Іезуитомъ; чиновники сходили съ коней, низко кланялись и говорили рѣчи. Никогда не оказывалось въ Россіи такого уваженія ни Королевскимъ, ни Императорскимъ Посламъ [570]. Чрезъ два дни, данные путешественнику на отдохновеніе, Антоній съ четырмя братьями своего Ордена былъ представленъ Государю, удивленный великолѣпіемъ Двора, множествомъ Царедворцевъ, сіяніемъ драгоцѣнныхъ металловъ и каменьевъ, порядкомъ и тишиною. Іоаннъ и старшій Царевичь встали при имени Григорія XIII и съ великимъ вниманіемъ разсматривали дары его: крестъ съ изображеніемъ Страстей Господнихъ, четки съ алмазами и книгу въ богатомъ переплетѣ о Флорентійскомъ Соборѣ [571]. Григорій

писалъ особенно и къ Царевичамъ и къ Ца
(именуя Марію *Анастасіею*); называлъ Іо
въ письмѣ къ нему, своимъ сыномъ возлю
нымъ, а себя единственнымъ Намѣстн
Христовымъ; увѣрялъ Россію въ усерд
доброжелательствѣ; обѣщалъ склонить Ба
къ миру, нужному для общаго блага Хрис
скихъ Державъ, и къ возвращенію отнята
справедливо, въ надеждѣ, что Іоаннъ ум
Церковь соединеніемъ нашей съ *Апостоль*
вспомнивъ, что Греческая Имперія пала от
пріятія уставовъ Флорентійскаго Собора
Антоній объявилъ на словахъ Думнымъ Д
намъ и Дьяку Андрею Щелкалову, что онъ
полняя волю Папы, и готовый отдать ду
Царя, склонилъ Баторія не требовать съ на
негъ за убытки войны; что Стефанъ удо
ствуется одною Ливоніею, но всею; что з
чивъ миръ съ нимъ и съ Королемъ Швед
(чего желаетъ Папа), Іоаннъ долженъ вст
въ тѣсный союзъ съ Римомъ, съ Императо
съ Королями Испанскимъ, Французским
Венеціею и съ другими Европейскими Д
вами противъ Оттоманской; что Папа
50,000 или болѣе воиновъ въ составъ сего
стіанскаго ополченія, въ коемъ и Шахъ Пе
скій можетъ взять участіе. Наконецъ Ан
просилъ Государя, чтобы онъ дозволилъ
ціанамъ свободно торговать и строить церк
Россіи. Ему отвѣтсвовали ласково, однако
нѣкоторою твердостію. Царь благодарилъ

бовь и доброжелательство; хвалилъ за ве-
) мысль наступить на Турковъ общими си-
Европы; не отвергалъ и соединенія церк-
мира съ Швеціею, въ угодность Григорію,
ежде хотѣлъ мира съ Баторіемъ; изъявлялъ
енность къ Поссевину; сказалъ, что бы
нова ѣхалъ къ Королю для совершенія на-
о имъ дѣла; что Россія, отъ временъ Яро-
I владѣвъ Ливоніею, уступаетъ въ ней
ну 66 городовъ, и сверхъ того Великія
, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, удер-
і за собою единственно 35 городовъ Ливон-
ь, Дерптъ, Нарву и проч.; что болѣе ничего
ить не можетъ, и что отъ Стефана зави-
прекратить войну на сихъ условіяхъ. Поз-
Италіанскимъ купцамъ торговать въ Рос-
имѣть Латинскихъ Священниковъ и мо-
я Богу, какъ имъ угодно, Іоаннъ примол-
: «а церквей Римскихъ у насъ не бывало и
удетъ.»—Во время сихъ переговоровъ сми-
ие Іезуиты обѣдали у Государя на золотѣ,
тѣ съ Боярами и людьми знатнѣйшими. «Я
ілъ (пишетъ Антоній) не грознаго Само-
кца, но радушнаго хозяйна среди любез-
ъ ему гостей, привѣтливаго, внимател-
, разсылающаго ко всѣмъ яства и вина. Въ
ивинѣ обѣда Іоаннъ, облокотясь на столъ,
алъ мнѣ: *Антоній! укрѣпляйся пищею и*
іемъ. Ты совершилъ путь дальній отъ
а до Москвы, будучи посланъ къ намъ Свя-
іъ Отцемъ, Главою и Пастыремъ Римской

«Церкви, коего мы чтимъ душевно» ([573]). П
ненный надежды услужить Царю миромъ и
содѣйствовать важнымъ намѣреніямъ Пап
отношеніи къ Россіи, Антоній поѣхалъ къ
фану, и нашелъ его уже среди кровопролит

Свѣдавъ, что Стефанъ идетъ прямо на Пс
тамошніе Воеводы и воины, Духовенство и
дане съ крестами, чудотворными иконами
щами Св. Князя Всеволода-Гавріила об
вокругъ всѣхъ укрѣпленій; матери несли мл
цевъ на рукахъ ([574]). Молились, да будетъ
ній градъ Ольгинъ неодолимою твердынею
враговъ, да спасется и спасетъ Россію! У
шавъ, что Баторій взялъ Опочку, Крас
Островъ, и на берегахъ Черехи разбилъ л
отрядъ нашей конницы, Воеводы (18 Авг
зажгли предмѣстіе, сѣли на коней, велѣл
нить въ *осадный колоколъ*, и скоро увидѣл
стыя облака пыли, которыя сильнымъ юж
вѣтромъ неслися къ городу. Явилась и рат
фанова: она шла медленно, осторожно, то
необозримыми; заняла дорогу Порховску
стала вдоль рѣки Великой. Россіяне сдѣлал
кую вылазку: съ обѣихъ сторонъ взяли
пл[illegible]

что Посолъ Оттоманскій, прибывъ въ къ Королю и смотря на его блестящую сказалъ въ восторгѣ: «ежели Султанъ и ій захотятъ дѣйствовать единодушно, то дятъ вселенную» ([575]). Но сіе многочис-, прекрасное войско убоялось трудностей, рѣпость города, обширнаго, наполненнаго ми, снарядами и воинами, которые въ са-рвой битвѣ оказали необыкновенное му-. Еще въ Вильнѣ измѣнникъ нашъ, Да-Бѣльскій, совѣтовалъ Королю не ходить вугороду, ни къ Пскову, городамъ окру-мъ болотами и рѣками, твердымъ и камен-стѣнами и духомъ Русскимъ, но осадить скъ, менѣе недоступный, менѣе чуждый скаго духа ([576]). Король отвергнулъ сей со-благоразумный; не слушалъ и Воеводъ, е думали, что скорѣе можно взять Новго-Непреклонный Баторій страшился изъя-пасеніе и слабость; хотѣлъ быть увѣрен-въ своемъ счастіи и въ мужествѣ войска; ь одолѣвать трудности — и началъ досто-ую осаду Пскова.

вгуста непріятель обступалъ городъ, подъ въ всѣхъ нашихъ бойницъ, заслоняясь ь отъ ихъ пальбы, но теряя не мало лю-удивленію Стефана, не хотѣвшаго вѣрить мѣткому и сильному дѣйствію Россійскихъ ъ. Онъ сталъ въ шатрахъ на Московской, близъ Любатовской церкви Св. Нико-долженъ былъ снять ихъ, чтобы удалить-

ся отъ свисту летающихъ надъ нимъ ядеръ, къ берегамъ Черехи, за высоты и холмы. Пять дней миновало въ тишинѣ. Непріятель укрѣплялъ станъ на берегу Великой, осматривалъ городъ, и 1 Сентября началъ *копать борозды* (или вести траншеи) къ воротамъ Покровскимъ, вдоль рѣки; работалъ день и ночь; прикатилъ туры, сдѣлалъ осыпь. Воеводы Псковскіе видѣли работу, угадывали намѣреніе, и въ семъ опасномъ, угрожаемомъ мѣстѣ заложили новыя, внутреннія укрѣпленія, деревянную стѣну съ раскатами; выбрали лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и смѣлаго вождя, Князя Андрея Хворостинина, для ея защиты; велѣли пѣть тамъ молебны и кропить Святою водою землю, готовую ороситься кровію воиновъ доблихъ. Тутъ были неотходно и Князья Шуйскіе и Дьяки Государевы, данные имъ для совѣта ([577]). Поляки 7 Сентября, устроивъ бойницы, на самомъ разсвѣтѣ открыли сильную пальбу изъ двадцати тяжелыхъ орудій; громили стѣны между воротами Покровскими и Свиньими; въ слѣдующій день сбили ихъ въ разныхъ мѣстахъ — и Король объявилъ своимъ Воеводамъ, что путь въ городъ открытъ для Героевъ; что Россіяне въ ужасѣ, и время дорого. Воеводы, обѣдая въ шатрѣ Королевскомъ, сказали Баторію: «Государь! мы будемъ «нынѣ ужинать съ тобою въ замкѣ Псковскомъ.» Спѣшили къ дѣлу, обѣщая воинамъ всѣ богатства города, корысть и плѣнъ безъ остатка. Венгры, Нѣмцы, Поляки устремились къ проло-

ымъ, распустивъ знамена, съ трубнымъ зву-
комъ и съ воплемъ. Россіяне ждали ихъ: извѣ-
щенные о приступѣ звономъ *осаднаго колокола*,
всѣ граждане простились съ женами, благосло-
вили дѣтей, стали вмѣстѣ съ воинами между
развалинами каменной стѣны и новою деревян-
ною, еще не достроенною. Игуменъ Тихонъ и
Священники молились въ Храмѣ Соборномъ.
Господь услышалъ сію молитву: 8 Сентября
осталось въ Исторіи славнѣйшимъ днемъ для
Пскова.

Не взирая на жестокій огонь городскихъ бой-
ницъ, непріятель по тѣламъ своихъ достигъ крѣ-
пости, ворвался въ проломы, взялъ башню По-
кровскую, Свиную, и распустилъ на нихъ знаме-
на Королевскія, къ живѣйшей радости Баторія,
смотрѣвшаго битву съ колокольни Св. Никиты
мученика (въ полуверстѣ отъ города). Поляки
въ отверстіяхъ стѣны рѣзались съ гражданами,
съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами; изъ башенъ,
занятыхъ Венграми и Нѣмцами, сыпались пули
на Россіянъ, слабѣющихъ, тѣснимыхъ. Тутъ
Князь Шуйскій, облитый кровію, сходитъ съ
раненнаго коня, удерживаетъ отступающихъ,
показываетъ имъ образъ Богоматери и мощи Св.
Всеволода-Гавріила, несомыя Іереями изъ Со-
борнаго храма: свѣдавъ, что Литва уже въ баш-
няхъ и на стѣнѣ, они шли съ сею святынею, въ
самый пылъ битвы, умереть или спасти городъ
небеснымъ вдохновеніемъ мужества. Россіяне
укрѣпились въ духѣ; стали непоколебимо — и

вдругъ Свинская башня ([578]), въ рѣшительный часъ ими подорванная, взлетѣла на воздухъ съ Королевскими знаменами.... ровъ наполнился трупами Нѣмцевъ, Венгровъ, Ляховъ; а къ нашимъ приспѣли новыя дружины воиновъ изъ дальнихъ, безопасныхъ частей города: всѣ твердо сомкнулись, двинулись впередъ, воскликнувъ: «не предадимъ Богоматери и Св. Всеволода!» дружнымъ ударомъ смяли изумленныхъ враговъ, вытѣснили изъ проломовъ, низвергнули съ раскатовъ. Долѣе иныхъ упорствовали Венгры, засѣвъ въ Покровской башнѣ: ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Кровь лилася до вечера (ибо Стефанъ свѣжимъ войскомъ усилилъ Поляковъ), но уже внѣ крѣпости, гдѣ оставались только больные, старцы и дѣти: самыя жены, узнавъ, что *стѣна очищена отъ ногъ Литовскихъ* — что Царскія знамена опять стоятъ на ея раскатахъ, и что непріятель бросилъ нѣсколько легкихъ пушекъ въ воротахъ — явились на мѣстѣ битвы: однѣ съ веревками, чтобы тащить сіи взятыя орудія въ Кремль; другія съ холодною водою, чтобы освѣжить запекшіяся уста воиновъ, изнемогающихъ отъ жажды; многія даже съ копьями, чтобы помогать мужьямъ и братьямъ въ сѣчѣ ([579]). Наконецъ все не-Русское бѣжало. Съ трофеями знаменами, трубами Литовскими и съ великимъ числомъ плѣнниковъ возвратились побѣдители въ городъ, уже ночью, воздать хвалу Богу въ Соборной церкви, гдѣ Воеводы сказали ратникамъ и гражданамъ: «Такъ миновалъ для насъ

ый день трудовъ, мужества, плача и весе- Совершимъ, какъ мы начали? Пали силь- враги наши, а мы слабые съ ихъ доспѣ- стоимъ предъ олтаремъ Всевышняго. Гор- *исполинъ лишился хлѣба*, а мы въ Христіан- ъ смиреніи насытились милосердіемъ Не- ымъ. Исполнимъ клятвенный обѣтъ, дан- нами безъ лукавства и хитрости; не измѣ- Церкви и Государю, ни робостію, ни ма- шнымъ отчаяніемъ» ([580])! Воины и граж- отвѣтствовали со слезами умиленія: «Мы вы умереть за Вѣру Христову! какъ нача- акъ и совершимъ съ Богомъ, безъ всякой ости!» — Послали гонца въ Москву съ тною вѣстію: онъ счастливо миновалъ Литовскій. Велѣли успокоить и лечить ра- ъ изъ казны Государевой. Ихъ было 1626 ѣкъ, убитыхъ же 863. Непріятелей легло пяти тысячь, болѣе осьмидесяти знатныхъ иковъ, и въ числѣ ихъ Бекези, Полково- Венгерскій, отмѣнно уважаемый, любимый номъ, который съ досады заключился въ ѣ и не хотѣлъ видѣть Воеводъ своихъ, авшихъ ужинать съ нимъ въ замкѣ Псков- ..

, какъ бы устыдясь сего душевнаго огор- , Баторій на другой день вышелъ къ вой- ъ лицемъ покойнымъ; созвалъ Думу; ска- , что должно умереть или взять Псковъ, ю или зимою, не взирая ни на какія труд- ; велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и

ночь въ крѣпость, готовиться къ новы
ступамъ, и написалъ къ Воеводамъ Россі
«Дальнѣйшее кровопролитіе для васъ безп
«Знаете, сколько городовъ завоевано м
«два года! Сдайтеся мирно: вамъ будет
«и милость, какой не заслужите отъ М
«скаго тирана, а народу льгота, неизвѣс
«Россіи, со всѣми выгодами свободной то
«нѣкогда процвѣтавшей въ землѣ его. О
«достояніе, Вѣра будутъ неприкосновенн
«слово законъ. Въ случаѣ безумнаго упр
«гибель вамъ и народу!» Съ сею бумагою
ли стрѣлу въ городъ (ибо осажденные не
имѣть никакого сношенія съ врагами). В
такимъ же способомъ отвѣчали Королю
«не Жиды: не предаемъ ни Христа, ни
«ни отечества. Не слушаемъ лести, не
«угрозъ. Иди на брань: побѣда зависи
«Бога» ([581]). Они спѣшили довершить де
ную стѣну, защитили сю проломъ, вы
ровъ между ими, утвердили въ немъ д
острый частоколъ; пѣли молебны въ ук
ніяхъ, подъ ядрами Литовскихъ бо
спокойно ждали битвъ — и въ теченi
или шести недѣль славно отражали в
паденія. Бодрость осажденныхъ возра
осаждающіе слабѣли духомъ и тѣломъ
пя непастье, иногда и голодъ; ропта
смѣя винить Короля, винили главнаго
воду, Замойскаго; говорили, что онъ в
деміяхъ Италіянскихъ выучился всему,

кусства побѣждать Россіянъ; безъ сомнѣнія ѣдетъ съ Королемъ въ Варшаву, блистать краорѣчіемъ на Сеймѣ, а войско будетъ жертвою имы и свирѣпаго непріятеля. Баторій велѣлъ ыть землянки; запасался порохомъ и хлѣбомъ; е слушалъ ропота; надѣялся на дѣйствіе подкоповъ. Но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца Литовскаго о сихъ тайныхъ девяти подкопахъ, умѣлъ *перенять* нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились ([582]). Тщетны были всѣ дальнѣйшіе опыты, хитрости, усилія Баторіевы; ни огненныя ядра его, столь бѣдственныя для Великихъ Лукъ и Сокола, ни отчаянная смѣлость не производили желаемаго дѣйствія. Такъ въ одинъ день (Октября 28), при ужасной пальбѣ всѣхъ Литовскихъ бойницъ, Королевскіе Гайдуки устремились отъ рѣки Великой прямо къ городу съ кирками и съ ломами; начали, между угольною башнею и воротами Покровскими, разбивать каменную стѣну, закрывая себя широкими щитами; лѣзли въ отверстія и хотѣли сжечь внутреннія деревянныя укрѣпленія. Россіяне удивились, но въ нѣсколько минутъ истребили сихъ Баторіевыхъ смѣльчаковъ: лили на нихъ пылающую смолу, кидали гранаты *(кувшины съ зеліемъ)*, зажигали щиты; однихъ кололи въ отверстіяхъ, другихъ били каменьями, изъ ручницъ, самопаловъ; не многіе спаслися бѣгствомъ. Въ слѣдующіе пять дней пальба не умолкала; оказался новый проломъ въ стѣнѣ, отъ рѣки Великой, и Баторій (2 Ноября) хотѣлъ *въ послѣдній* разъ

испытать счастіе приступомъ. Литовцы густыми толпами шли по льду рѣки, сперва отважно и бодро; но вдругъ, осыпанные ядрами изъ крѣпости, стали, замѣшались. Напрасно Воеводы Стефановы, разъѣзжая на коняхъ, кричали, махали саблями, даже сѣкли робкихъ: вторый сильный залпъ изъ города обратилъ въ бѣгство и воиновъ и Воеводъ, въ виду Короля! Онъ имѣлъ твердость и нужду въ ней. Къ умноженію Баторіевой досады, Голова Стрѣлецкій, Өеодоръ Мясоѣдовъ, съ свѣжею, довольно многочисленною дружиною сквозь цѣпь непріятельскихъ полковъ открылъ себѣ путь и вступилъ въ славный Псковъ (583), къ несказанной радости его защитниковъ, неутомимыхъ въ мужествѣ, но уменьшенныхъ числомъ. Наконецъ Стефанъ далъ повелѣніе оставить укрѣпленія, вывезти пушки, снять туры, и дѣятельную, жестокую осаду превратить въ тихое облежаніе, думая изнурить осажденныхъ голодомъ (584) Россіяне ликовали на стѣнахъ, видя, какъ непріятель удалялся, бѣжалъ отъ крѣпости съ огнестрѣльнымъ снарядомъ.

Сего мало! Чтобы какимъ нибудь легкимъ завоеваніемъ ободрить унылую рать свою и потѣшить корыстолюбивыхъ наемниковъ, Баторій хотѣлъ взять, въ пятидесяти шести верстахъ отъ Пскова, древній Печерскій монастырь, въ 1519 году обновленный, украшенный Великокняжескимъ Дьякомъ Мунехинымъ, и съ того времени славный чудесами исцѣленія для

жныхъ, богатыми вкладами, красотою зда-
(585). Тамъ, кромѣ Монаховъ, находилось
защиты каменныхъ стѣнъ и башенъ 200 или
воиновъ, которые, имѣя отважнаго Вождя,
я Нечаева, безпрестанными нападеніями
ожили подвозы Литовскіе (586). Витязь Георг
Фаренсбахъ съ Нѣмцами и Воевода Коро-
кій Борнемисса съ Венгерскою дружиною,
ступивъ къ монастырю, требовали немедлен-
сдачи; но добрые Иноки отвѣтствовали
: «Похвально ли для Витязей воевать съ
рнцами? Если хотите битвы и славы, то
те ко Пскову, гдѣ найдете бойцевъ достой-
хъ (587). А мы не сдаемся.» Монахи еще
ше дѣйствовали, нежели говорили: вмѣстѣ
оинами, съ ихъ женами и дѣтьми, отразили
приступа; взяли молодаго Кетлера, Герцо-
племянника, и двухъ знатныхъ Ливон-
хъ сановниковъ. — Съ того времени много-
енная рать непріятельская сражалась болѣе
о съ холодомъ и голодомъ. Воины на ча-
замерзали, цѣпенѣли въ шатрахъ. За чет-
ь ржи въ Баторіевомъ станѣ платили не
е *десяти* нынѣшнихъ серебряныхъ рублей,
ловицу около *двадцати-пяти;* кормовщи-
надлежало посылать, съ великою опасно-
, верстъ за 150; лошади, скудно питаемыя
мъ и соломою, умирали. Казна истощалась;
ку не выдавали жалованья, и 3000 Нѣм-
ушло во-свояси. «Король хочетъ сдер-
ь слово» (588), писали Вожди Литовскіе

Юріи Голицынъ изъ Новагорода, Мстисл
изъ Волока, Шуйскій изъ Пскова вдругъ
пили на Баторія, то онъ увидѣлъ бы, что С
еще *не предаетъ ему всей Державы Российско*
Но одинъ Шуйскій дѣйствовалъ, безпо
непріятеля вылазками. Голицынъ, славный
лецъ (590), сидѣлъ крѣпко въ стѣнахъ
ныхъ, и слыша, что Литовскіе Козаки
Русу, едва не обратилъ всей Торговой Ст
въ пепелъ, боясь осады. Великій Князь Тве
Симеонъ, и Мстиславскіе стояли неподв
охраняя Москву и Государя; а Государь,
воженный вѣстію о новыхъ успѣхахъ Шв
въ Ливоніи и еще болѣе приближеніемъ Р
вила съ легкимъ отрядомъ Баторіевымъ
мому Ржеву, ускакалъ изъ Старицы въ Ал
дровскую Слободу.

Отважный набѣгъ Литовцевъ на берега
испугавъ Іоанна, не доставилъ имъ иной,
ственной выгоды: Радзивилъ бѣжалъ,

вань Св. Николая, Колмогоры и Бѣло-
рскъ, гдѣ хранилась главная казна Цар-
ая ([591]). Сія мысль, дѣйствительно смѣ-
я, казалась Шведамъ дерзостію безраз-
дною: ужасаясь отдаленныхъ, хладныхъ
стынь Россійскихъ, они, къ досадѣ Ба-
рія, искали ближайшихъ, вѣрнѣйшихъ,
рочныхъ завоеваній въ Ливоніи, и не ду-
али уступить ему всѣхъ областей ея безъ
здѣла; пользуясь долговременною осадою
скова, бездѣйствіемъ Воеводъ Іоанно-
ыхъ, въ два или три мѣсяца отняли у
съ Лоде, Фиккель, Леаль, Габзаль, са-
ю Нарву, гдѣ, въ кровопролитной сѣчѣ, Шведы берутъ Нарву.
сло 7000 Россіянъ, Стрѣльцевъ и жите-
й; гдѣ мы уже двадцать лѣтъ торговали
Европою: съ Даніею, съ Германіею, съ
идерландами; гдѣ находилось множество
варовъ и богатства. Чрезъ нѣсколько дней
аменитый Вождь Шведскій, Французъ
-ла-Гарди, поставилъ ногу и на древнюю
сь: завоевалъ Иваньгородъ, Яму, Ко-
рье; плѣнилъ дружину Московскихъ Дво-
нъ, и въ числѣ ихъ нашелъ опаснаго
насъ измѣнника, Аѳанасія Бѣльскаго,
торый, будучи достойнымъ родствен-
комъ Малюты Скуратова и бѣглеца Да-
да, предложилъ свои ревностныя услуги
ведамъ. Овладѣвъ и крѣпкимъ Виттен-
ейномъ, величавый де-ла-Гарди торже-
ствовалъ побѣду въ Ревелѣ, и навелъ, какъ

пишутъ, такой *ужасъ* на Россіянъ, что они уставили молебствія въ церквахъ, да спасетъ ихъ Небо отъ сего врага лютаго (592).

По крайней мѣрѣ Іоаннъ былъ въ *ужасѣ*: не видалъ силъ и выгодъ Россіи, видѣлъ только непріятельскія и ждалъ спасенія не отъ мужества, не отъ побѣды, но единственно отъ Іезуита Папскаго, Антонія, который писалъ къ нему изъ Баторіева стана, что сей Герой, истинно Христіанскій, не обольщаясь славою, готовъ, какъ и прежде, дать миръ Россіи на условіяхъ извѣстныхъ Царю, отвергая всѣ иныя, и ждетъ для того нашихъ уполномоченныхъ сановниковъ; что войско Литовское бодро и многочисленно; что дальнѣйшее кровопролитіе угрожаетъ намъ великими бѣдствіями. Сего было довольно для Іоанна: онъ положилъ на совѣтѣ съ Царевичемъ и съ Боярами: «уступить необходимости и «могуществу Баторія, союзника Шведовъ, «располагающаго силами многихъ земель «и народовъ; отдать ему, но только *въ ко*«*нечной неволѣ*, *всю* Россійскую Ливонію, «съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ намъ всѣ «иныя завоеванія и не включалъ Шведовъ «въ договоръ, дабы мы на свободѣ могли «унять ихъ» (593).

Съ такимъ наказомъ отправили къ Стефану Дворянина Князя Дмитрія Петровича
Перего- Елецкаго и Печатника Романа Васильевича

ерьева, чтобы заключить миръ или пе- вріе. Между Опоками и Порховымъ [594], селѣ Бешковичахъ, ждалъ ихъ Римскій олъ, Iезуитъ Антоній Поссевинъ, и стѣ съ ними, Декабря 13, прибылъ въ евню Киверову Гору, въ пятнадцати стахъ отъ Запольскаго Яму, гдѣ уже одились Уполномоченные Стефановы, вода Янушъ Збаражскій, Маршалокъ зь Албрехтъ Радзивилъ и Секретарь икаго Княжества Литовскаго, извѣст- й Михайло Гарабурда. Въ сихъ мѣстахъ, оренныхъ, выжженныхъ непріятелемъ, ди пустынь и снѣговъ, вдругъ явились иколѣпіе и пышность: чиновники Іоан- ы и люди ихъ блистали нарядами, зо- омъ одеждъ своихъ и приборовъ кон- хъ; купцы навезли туда богатыхъ това- ь и раскладывали ихъ въ шатрахъ, со- ваемыхъ пылающими кострами. Но всѣ и въ дымныхъ избахъ, питались ху- ъ хлѣбомъ, пили снѣжную воду: и Послы наши имѣли мясо, достав- ое имъ изъ Новагорода, и могли дневно угощать Іезуита Антонія [595]. Немедленно начались переговоры; а орій, давъ всѣ нужныя наставленія имъ Повѣреннымъ и главному Вое- ѣ Замойскому, уѣхалъ въ Варшаву. лѣднимъ его словомъ было: «ѣду съ

воры о миръ.

«малою, ут
«свѣжимъ
Сей отъ
истребова
въ тогда
для Коро
зывало
ную оса
что Ст
отдать
Корол
него
вѣри
обма
рая
угро
дри
—
«З
«
«
«

...ерьевъ просили добраго со-
...евинова: Iезуитъ хитрилъ,
...нный наказъ Царскій, сла-
...наго Баторія и коварно жа-
...ъ, неминуемыхъ бѣдствіяхъ
...лучаѣ продолженія войны отъ
...ства. Доброе содѣйствіе было г. 1582.
Воеводъ Псковскихъ: они, 4
...е сильно напали на Замойскаго,
...ю и пѣхотою: взяли знатное
...нныхъ, убили многихъ сановни-
...ятельскихъ, и съ трофеями воз-
...въ городъ (599). Сія вылазка была
...стая — *и прощальная:* ибо Замой-
... знать своимъ Посламъ, что тер-
...йска уже истощилось; что надобно
...ь договоръ или бѣжать. Настала
...рѣшительная. Збаражскій объя-
...то Стефанъ велѣлъ кончить перего-
...и сею твердостію побѣдилъ нашу:
...райность, не смѣя ѣхать въ Москву
...мира, не смѣя ослушаться Государя,
...кій и Олферьевъ должны были при-
...главное условіе: то есть, именемъ Іоан- Заключеніе перемирія.
...имъ отказались отъ Ливоніи; уступили
...олоцкъ съ Велижемъ; а Баторій согла-
...ся не требовать съ насъ денегъ, не упо-
...ать въ записи ни о Шведскомъ Королѣ,
...о городахъ Эстонскихъ (Ревелѣ, Нарвѣ),
...вратить намъ Великія Луки, Заволочье,
...ель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Крас-

ливость безъ грубости. «Когда вы (гово
Панъ Збарашскій) «пріѣхали сюда за дѣлом
«не съ пустымъ многорѣчіемъ : то скажите
«Ливонія наша, и внимайте дальнѣйшимъ у
«віямъ побѣдителя, который уже завоева
«малую часть Россіи, возметъ и Псковъ и Н
«родъ, ждетъ рѣшительнаго слова, и даетъ
«три дни сроку ([598])». Россійскіе сановник
вѣтствовали : «Высокомѣріе не есть мирол
«Вы хотите, чтобы Государь нашъ безъ вс
«возмездія отдалъ вамъ богатую землю и
«шился всѣхъ морскихъ пристаней, необх
«мыхъ для свободнаго сообщенія Росс
«иными Державами. Вы осаждаете Псковъ
«четыре мѣсяца, конечно съ достохваль
«мужествомъ, но съ успѣхомъ ли? имѣет
«дѣйствительно надежду взять его? а ес
«возьмете, то не погубите ли и войска и в
«своихъ завоеваній?» Вмѣсто трехъ дней, н
ченныхъ Баторіемъ, миновало болѣе трех
дѣль въ съѣздахъ, въ прѣніяхъ, съ нашей
роны хладнокровныхъ, жаркихъ съ Литов
Послы Іоанновы уступали Королю 14 горо
Ливонскихъ, занятыхъ Россійскимъ войск
—Полоцкъ со всѣми его пригородами, Озер
Усвятъ, Луки, Велижъ, Невель, Завол
Холмъ, чтобы удержать единственно Дерпт
пятнадцатью крѣпостями. Стефановы Вел
жи не соглашались; требовали и Ливоніи
негъ за убытки войны; хотѣли также в
чить Шведскаго Короля въ договоръ. Нап

й и Олферьевъ просили добраго со-
я Поссевинова: Іезуитъ хитрилъ,
алъ тайный наказъ Царскій, сла-
еодолимаго Баторія и коварно жа-
новыхъ, неминуемыхъ бѣдствіяхъ
въ случаѣ продолженія войны отъ
упрямства. Доброе содѣйствіе было г. 1582.
отъ Воеводъ Псковскихъ: они, 4
я, еще сильно напали на Замойскаго,
ницею и пѣхотою: взяли знатное
лѣнныхъ, убили многихъ сановни-
пріятельскихъ, и съ трофеями воз-
ись въ городъ (599). Сія вылазка была
шестая — *и прощальная:* ибо Замой-
лъ знать своимъ Посламъ, что тер-
ойска уже истощилось; что надобно
ть договоръ или бѣжать. Настала
рѣшительная. Збаражскій объя-
то Стефанъ велѣлъ кончить перего-
и сею твердостію побѣдилъ нашу:
айность, не смѣя ѣхать въ Москву
ира, не смѣя ослушаться Государя,
й и Олферьевъ должны были при-
авное условіе: то есть, именемъ Іоан- Заключеніе
ь отказались отъ Ливоніи; уступили перемирія.
цкъ съ Велижемъ; а Баторій согла-
е требовать съ насъ денегъ, не упо-
въ записи ни о Шведскомъ Королѣ,
родахъ Эстонскихъ (Ревелѣ, Нарвѣ),
тить намъ Великія Луки, Заволочье,
, Холмъ, Себежъ, Островъ, Крас-

ный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе Псковск
занятые имъ пригороды (600). На сихъ условія
положили быть десятилѣтнему перемирію отъ
Генваря 1582 года. Но еще нѣсколько дней сп
рили о титулахъ и словахъ, однажды съ таки
жаромъ, что смиренный Іезуитъ Антоній в
шелъ, изъ себя: вырвалъ черную запись и
рукъ Олферьева, бросилъ на землю, схвати
его за воротъ (601). Теряя Ливонію, Іоаннъ ж
лалъ еще именоваться, въ договорѣ, *Ливонски*
Властителемъ и *Царемъ*, въ смыслѣ *Импер*
тора: о чемъ ни Послы Стефановы, ни Папскі
не хотѣли слышать. Первые, какъ бы въ н
смѣшку, требовали Смоленска, Великихъ Лу
и всѣхъ городовъ Сѣверскихъ, чтобы назва
Іоанна Царемъ, но единственно Казанскимъ
Астраханскимъ, въ такомъ смыслѣ, въ како
Молдавскихъ Воеводъ называютъ Господарям
а Поссевинъ утверждалъ, что одинъ Папа м
жетъ возвышать Вѣнценосцевъ новыми тит
лами. Наконецъ условились дать Іоанну толь
въ Россійской перемирной грамотѣ имя *Цар*
Властителя *Смоленскаго* и *Ливонскаго;* въ Кор
левской же просто *Государя*, а Стефану титу
Ливонскаго! Утвердивъ грамоты крестнымъ ц
лованіемъ, Повѣренные обѣихъ Державъ обн
лися какъ друзья, и 17 Генваря извѣстили Во
водъ Псковскихъ о замиреніи. Тихій, полумер
вый станъ Литовскій ожилъ шумною радості
защитники Пскова съ умиленіемъ принес
жертву благодарности Небу, совершивъ св

подвигъ съ честію для Россіи. Замойскій звалъ ихъ на пиръ: Князь Иванъ Шуйскій отпустилъ къ нему Воеводъ младшихъ, но самъ не поѣхалъ: успокоился, но не хотѣлъ веселиться (602).

Такъ кончилась война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи, менѣе славная для Баторія, чѣмъ постыдная для Іоанна, который въ любопытныхъ ея происшествіяхъ оказалъ всю слабость души своей, униженной тиранствомъ; который, съ неутомимымъ усиліемъ домогаясь Ливоніи, чтобы славно предупредить великое дѣло Петра, имѣть море и гавани для купеческихъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Европою — воевавъ 24 года непрерывно, чтобы медленно, шагъ за шагомъ двигаться къ цѣли — изгубивъ столько людей и достоянія — повелѣвая воинствомъ отечественнымъ, едва не равносильнымъ Ксерксову, вдругъ все отдалъ, и славу и пользу, изнуреннымъ остаткамъ разноплеменнаго сонмища Баторіева! Въ первый разъ мы заключили миръ столь безвыгодный, едва не безчестный съ Литвою; и если удержались еще въ своихъ древнихъ предѣлахъ, не отдали и болѣе: то честь принадлежитъ Пскову: онъ, какъ твердый оплотъ, сокрушилъ *непобѣдимость* Стефанову; взявъ его, Баторій не удовольствовался бы Ливоніею; не оставилъ бы за Россіею ни Смоленска, ни земли Сѣверской; взялъ бы, можетъ быть, и Новгородъ, въ *очарованіи* Іаннова страха: ибо современники дѣйствительно изъ-

ясняли удивительное бездѣйствіе нашихъ очарованіемъ; писали, что Іоаннъ, устр ный видѣніями и чудесами, ждалъ тольк ствій въ войнѣ съ Баторіемъ, не вѣ какимъ благопріятнымъ донесеніямъ Во своихъ [603]; что явленіе Кометы предвѣ тогда несчастіе Россіи; что громовая стрѣ мою, въ день Рождества Христова, при я солнцѣ зажгла Іоаннову спальню въ Сл Александровской; что близъ Москвы сл ужасный голосъ: *бѣгите, бѣгите, Русскіе* въ семъ мѣстѣ упалъ съ неба мраморный вый камень съ таинственною, неизъяс надписью; что изумленный Царь самъ в его и велѣлъ разбить своимъ тѣлохраните Сказка достойная суевѣрнаго вѣка; но то на, что Псковъ или Шуйскій спасъ Росс величайшей опасности, и память сей в заслуги не изгладится въ нашей Исторіи, мы не утратимъ любви къ отечеству и имени.

4 Февраля Замойскій выступилъ въ Ли чтобы принять отъ насъ ся города и крѣ Сподвижники его, удаляясь съ радостію, тѣли смотрѣть на стѣны и башни Пско окруженныя могилами ихъ братьевъ. Тол сей день отворились наконецъ ворота О града, гдѣ всѣ жители и воины, испо долгъ усердія къ отечеству и славно ми опасности, наслаждались живѣйшимъ для *вѣка* и гражданина удовольствіемъ [604

были чувства Россіянъ въ Ливоніи, уже давно жительствовали какъ въ твѣ, имѣли семейства, домы, храмы, нію въ Дерптѣ: согласно съ договыѣзжая оттуда въ Новгородъ и, съ женами, съ дѣтьми — въ по разъ слыша тамъ благовѣстъ Прая и моляся Господу по обрядамъ Церкви, смиренной, изгоняемой, рько плакали, а всего болѣе надъ своихъ ближнихъ ([605]). Около шеъ лѣтъ именовавъ Ливонію своимъ іемъ — повелѣвавъ ея дикими жи- еще при Св. Владимірѣ, строивъ въ ѣпости при Ярославѣ Великомъ, и ое цвѣтущее время Ордена собиравъ ь областей Дерптскихъ ([606]), Россія твенно отказалась отъ сей, нашею орошенной земли, на долго, до Гелтавскаго. — Между тѣмъ народъ, миролюбивый, въ Москвѣ и вездѣ овилъ конецъ войны разоритель-); но Іоаннъ насладился ли успокое- робкой души своей? По крайней Богъ не хотѣлъ того, избравъ сіе для ужасной казни его сердца, же-, но еще не совсѣмъ окаменѣлаго — дительскаго, не мертваго.

таршемъ, любимомъ сынѣ своемъ, , Царь готовилъ Россіи *втораго* вмѣстѣ съ нимъ занимаясь дѣлами Сыноубійство.

важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзж
сударство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолю
валъ и губилъ людей (608), какъ бы для
чтобы сынъ не могъ стыдить отца и Ро
могла ждать ничего лучшаго отъ наслѣ
Юный Царевичь, не бывъ вдовцемъ,
тогда уже третію супругу, Елену Ива
роду Шереметевыхъ (609): двѣ первыя, Са
и Параскева Михайловна Соловая, были п
жены. Своевольно или въ угодность род
мѣняя женъ, онъ еще мѣнялъ и налож
чтобы во всемъ ему уподобляться. Но изъ
страшное въ юности ожесточеніе сердца
обузданность въ любострастіи, оказывал
въ дѣлахъ и чувствительность ко слав
хотя къ безславію отечества. Во время п
воровъ о мирѣ страдая за Россію, читая г
и на лицахъ Бояръ — слыша, можетъ бы
всеобщій ропотъ — Царевичь исполнил
ности благородной, пришелъ къ отцу и
валъ, чтобы онъ послалъ его съ войско
гнать непріятеля, освободить Псковъ, воз
вить честь Россіи (610). Іоаннъ въ волненіи
закричалъ: «мятежникъ! ты вмѣстѣ съ Бо
«хочешь свергнуть меня съ престола!»
нялъ руку. Борисъ Годуновъ хотѣлъ уде
ее: Царь далъ ему нѣсколько ранъ ос
жезломъ своимъ (611) и сильно ударилъ им
ревича въ голову. Сей несчастный упалъ,
ваясь кровію. Тутъ исчезла ярость Іоа
Поблѣднѣвъ отъ ужаса, въ трепетѣ, въ

вленія онъ воскликнулъ: «я убилъ сына!» и кинулся обнимать, цѣловать его; удерживалъ кровь текущую изъ глубокой язвы; плакалъ, рыдалъ, звалъ лекарей; молилъ Бога о милосердіи, сына о прощеніи. Но судъ Небесный совершился! . . . Царевичь, лобызая руки отца, нѣжно изъявлялъ ему любовь и состраданіе; убѣждалъ его не предаваться отчаянію; сказалъ, что умираетъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ . . . . жилъ четыре дни, и скончался 19 Ноября, въ ужасной Слободѣ Александровской (612) . . . . Тамъ, гдѣ столько лѣтъ лилася кровь невинныхъ, Іоаннъ, обагренный сыновнею, въ оцѣпенѣніи сидѣлъ неподвижно у трупа, безъ пищи и сна нѣсколько дней . . . . . 22 Ноября Вельможи, Бояре, Князья, всѣ въ одеждѣ черной, понесли тѣло въ Москву. Царь шелъ за гробомъ до самой церкви Св. Михаила Архангела, гдѣ указалъ ему мѣсто между памятниками своихъ предковъ. Погребеніе было великолѣпно и умилительно. Всѣ оплакивали судьбу Державнаго юноши, который могъ бы жить для счастія и добродѣтели, если бы рука отцевская, назло Природѣ, безвременно не ввергнула его въ развратъ и въ могилу! Человѣчество торжествовало: оплакивали и самого Іоанна! . . . Обнаженный всѣхъ знаковъ Царскаго сана, въ ризѣ печальной, въ видѣ простаго, отчаяннаго грѣшника, онъ бился о гробъ и землю съ воплемъ пронзительнымъ.

Такъ правосудіе Всевышняго Мстителя и въ

семъ мірѣ караетъ иногда исполиновъ безчеловѣчія, болѣе для примѣра, нежели для ихъ исправленія: ибо есть, кажется, предѣлъ во злѣ, за коимъ уже нѣтъ истиннаго раскаянія: нѣтъ свободнаго, рѣшительнаго возврата къ добру: есть только мука, начало адской, безъ надежды и перемѣны сердца. Іоаннъ стоялъ уже далеко за симъ роковымъ предѣломъ: исправленіе *такого* мучителя могло бы соблазнить людей слабыхъ . . . . . Нѣсколько времени онъ тосковалъ ужасно; не зналъ мирнаго сна: ночью, какъ бы устрашаемый привидѣніями, вскакивалъ, падалъ съ ложа, валялся среди комнаты, стеналъ, вопилъ; утихалъ только отъ изнуренія силъ; забывался въ минутной дремотѣ, на полу, гдѣ клали для него тюфякъ и зголовье; ждалъ и боялся утренняго свѣта, боясь видѣть людей и явить имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы (613).

Мысль Іоаннова оставить свѣтъ.

Въ семъ душевномъ волненіи Іоаннъ призвалъ знатнѣйшихъ мужей государственныхъ и сказалъ торжественно, что ему, столь жестоко наказанному Богомъ, остается кончить дни въ уединеніи монастырскомъ; что меньшій его сынъ, Ѳеодоръ, неспособенъ управлять Россіею, и не могъ бы царствовать долго; что Бояре должны избрать Государя достойнаго, коему онъ немедленно вручитъ державу и сдастъ Царство. Всѣ изумились: одни вѣ-

ли искренности Іоанновой и были тронуты глубины сердца; другіе опасались коварства, умая, что Государь желаетъ только вывѣдать хъ тайныя мысли, и что ни имъ, ни тому, кого ни признали бы достойнымъ вѣнца, не миноать лютой казни. Единодушнымъ отвѣтомъ ыло: «не оставляй насъ; не хотимъ Царя, кромѣ Богомъ даннаго, тебя и твоего сына!» оаннъ какъ бы невольно согласился носить еще тягость правленія (614); но удалилъ отъ глазъ воихъ всѣ предметы величія, богатства и пышности; отвергнулъ корону и скипетръ; облекъ ебя и Дворъ въ одежду скорби; служилъ Панихиды и каялся; послалъ 10,000 рублей (615) въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, къ Патріархамъ, да молятся объ успокоеніи души Царевича — и самъ наконецъ успоолся! Хотя, какъ пишутъ, онъ не преставалъ оплакивать любимаго сына, и даже въ *веселыхъ* разговорахъ часто воспоминалъ объ немъ со лезами (616), но, слѣдственно, могъ снова *веселиться;* снова, если вѣрить чужеземнымъ Источникамъ, свирѣпствовалъ и казнилъ многихъ люй воинскихъ, которые будто бы малодушно давали крѣпости Баторію, хотя сами враги надолжны были признать тогда Россіянъ храбрѣйшими, неодолимыми защитниками городовъ (617). Въ сіе же время, и подъ симъ же видомъ правосудія, Іоаннъ изобрѣлъ необыкновенное наказаніе для отца супруги своей. Долго видя Годунова, избитаго, израненнаго за Ца-

гановымъ , искуснымъ въ леченіи
говъ ; обнялъ больнаго, и въ знак
бенной милости давъ его цѣлителю
именитыхъ людей , называться по
отчествомъ или *Вичемъ* , какъ только
нѣйшіе государственные сановники
Врачь Строгановъ. вались, велѣлъ, чтобы Строгановъ въ
же день сдѣлалъ самыя мучительныя
локи , на бокахъ и на груди , клеве
Ѳедору Нагому (618) ! Клевета есть ко
важное преступленіе ; но сія *замы*
тость въ способахъ муки изобража
сердце умиленное , сокрушенное гор
Тогда же въ дѣлахъ государстве
видимъ обыкновенное хладнокровіе
ново, его осмотрительность и спокой
которое могло происходить единст
или отъ удивительнаго величія душ
отъ малой чувствительности въ о
тельствахъ столь ужасныхъ для о
человѣка. 28 Ноября въ Москвѣ

повѣренныхъ, которые въ Февралѣ мѣсяцѣ возвратились къ нему съ договоромъ.

Скоро явился въ Москвѣ и хитрый Іезуитъ Антоній, принять нашу благодарность и воспользоваться ею, то есть, достигнуть главной цѣли его посланія, исполнить давнишній замыселъ Рима, соединить Вѣры и силы всѣхъ Державъ Христіанскихъ противъ Оттомановъ. Тутъ Іоаннъ оказалъ всю природную гибкость ума своего, ловкость, благоразуміе, коимъ и самъ Іезуитъ долженъ былъ отдать справедливость. Опишемъ сіи любопытныя подробности.

Бесѣды Іоанновы съ Римскимъ Посломъ.

«Я нашелъ Царя въ глубокомъ уныніи,» говоритъ Поссевинъ въ своихъ запискахъ: «сей Дворъ пышный казался тогда смиренною Обителію Иноковъ, чернымъ цвѣтомъ одежды изъявляя мрачность души «Іоанновой. Но судьбы Всевышняго неисповѣдимы: самая печаль Царя, нѣкогда «столь необузданнаго, расположила его къ «умѣренности и терпѣнію слушать мои «убѣжденія (620).» Изобразивъ важность оказанной имъ услуги Государству Россійскому доставленіемъ ему счастливаго мира, Антоній прежде всего старался увѣрить Іоанна въ искренности Стефанова дружества и повторилъ слова Баторіевы: «Скажи «Государю Московскому, что вражда угасла въ моемъ сердцѣ; что не имѣю ника-

«кой тайной мысли о будущихъ завоеваніях
«желаю его истиннаго братства и счастія Рос
«сіи. Во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ пути и при
«стани должны быть открыты для купцевъ
«путешественниковъ той и другой земли, къ их
«обоюдной пользѣ: да ѣздятъ къ нему свободн
«и Нѣмцы и Римляне чрезъ Польшу и Ливонію
«Тишина Христіанамъ, но месть разбойникам
«Крымскимъ! Пойду на нихъ: да идетъ и Царь!
«Уймемъ вѣроломныхъ злодѣевъ, алчныхъ ко
«злату и крови нашихъ подданныхъ. Условимся,
«когда и гдѣ дѣйствовать. Не измѣню, не осла-
«бѣю въ усиліяхъ: пусть Іоаннъ дастъ мнѣ сви-
«дѣтелей изъ своихъ Бояръ и Воеводъ! Я не
«Ляхъ, не Литвинъ, а пришлецъ на тронѣ: хочу
«заслужить въ свѣтѣ доброе имя навѣки» (621).
Но Іоаннъ, признательный къ дружественному
расположенію Баторіеву, отвѣтствовалъ, что
мы уже не въ войнѣ съ Ханомъ: Посолъ нашъ,
Князь Василій Мосальскій, живъ нѣсколько лѣтъ
въ Тавридѣ: наконецъ заключилъ перемиріе съ
нею: ибо Магметъ-Гирей имѣлъ нужду въ от
дыхѣ, будучи изнуренъ долговременною войно
Персидскою, въ коей онъ невольно помогал
Туркамъ, и которая спасала Россію отъ его опас
ныхъ нашествій въ теченіе пяти лѣтъ (622). Да
лѣе Антоній, приступивъ къ главному дѣлу
требовалъ особенной бесѣды съ Царемъ о сое
диненіи Вѣръ. «Мы готовы бесѣдовать съ тобо
«(сказалъ Іоаннъ), но только въ присутстві
«нашихъ ближнихъ людей, и безъ споровъ, есл

ожно: ибо всякой человѣкъ хвалитъ свою
и не любитъ противорѣчія. Споръ ведетъ
сорѣ, а я желаю тишины и любви.» Въ
ненный день (Февраля 21) Антоній съ тре-
унтами пришелъ изъ *Совѣтной палаты* въ
ую, гдѣ сидѣлъ Іоаннъ только съ Боярами,
пами *Сверстными* и Князьями *Служилы-*
тольниковъ и Млашихъ Дворянъ высла-
). Изъявивъ Послу ласку, Государь снова
алъ его не касаться Вѣры, примолвивъ:
ній! мнѣ уже 51 годъ отъ рожденія и не
жить въ свѣтѣ: воспитанный въ прави-
нашей *Христіанской* Церкви, издавно не-
сной съ *Латинскою* (624), могу ли измѣ-
ей прелъ концемъ земнаго бытія своего?
суда Небеснаго уже близокъ: онъ явитъ,
Вѣра, ваша ли, наша ли, истиннѣе и свя-
Но говори, если хочешь.» Тутъ Антоній
ивостію и съ жаромъ сказалъ: «Государь
лѣйшій! изъ всѣхъ твоихъ милостей, мнѣ
нѣ оказанныхъ, самая величайшая есть
озволеніе говорить съ тобою о предметѣ
важномъ для спасенія душъ Христіан-
ъ. Не мысли, о Государь! чтобы Св. Отецъ
ъ тебя оставить Вѣру Греческую: нѣтъ,
желаетъ единственно, чтобы ты, имѣя
глубокій и просвѣщенный, изслѣдовалъ
ія первыхъ ся Соборовъ, и все истинное,
ревнее навѣки утвердилъ въ своемъ Цар-
какъ законъ неизмѣняемый (625). Тогда
знетъ разнствіе между Восточною и Рим-

«скою Церковію; тогда мы всѣ будемъ един
«тѣломъ Іисуса Христа, къ радости еди
«истиннаго, Богомъ уставленнаго Пастыря I
«кви. Государь! моля Св. Отца доставить
«шину Европѣ и соединить всѣхъ Христі
«скихъ Вѣнценосцевъ для одолѣнія невѣрны
«не признаешь ли его самъ Главою Христі
«ства? Не изъявилъ ли ты особеннаго уваже
«къ Апостольской Римской Вѣрѣ, дозвол
«всякому, кто исповѣдуетъ оную, жить свобо
«въ Россійскихъ владѣніяхъ и молиться В
«вышнему по ея святымъ обрядамъ, ты, Ц
«великій, никѣмъ не нудимый къ сему тор
«ству истины, но движимый явно волею Ц
«Царей, безъ коей и листъ древесный не
«даетъ съ вѣтьви (626)? Сей желаемый тоб
«общій миръ и союзъ Вѣнценосцевъ можетъ
«имѣть твердое основаніе безъ единства Вѣр
«Ты знаешь, что оно утверждено Соборомъ Ф
«рентійскимъ, Императоромъ, Духовенств
«Греческой Имперіи, самымъ знаменитымъ
«рархомъ твоей Церкви, Исидоромъ: чи
«представленныя тебѣ дѣянія сего осьмаго В
«ленскаго Собора, и если гдѣ усомнишься
«повели мнѣ изъяснить темное. Истина оче
«на: пріявъ ее, въ братскомъ союзѣ съ си
«нѣйшими Монархами Европы, какой не дос
«нешь славы, какого величія? Государь! ты
«мешь не только Кіевъ, древнюю собственно
«Россіи, но и всю Имперію Византійскую, от
«тую Богомъ у Грековъ за ихъ расколъ и не

«виновеніе Христу Спасителю.» Царь спокойно отвѣтствовалъ: «Мы никогда не писали къ Папѣ «о Вѣрѣ. Я и съ тобою не хотѣлъ бы говорить «объ ней: вопервыхъ опасаюсь уязвить твое «сердце какимъ нибудь жесткимъ словомъ; во-«вторыхъ, занимаюсь единственно мірскими, «государственными дѣлами Россіи, не толкуя «церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего «Богомольца, Митрополита. Ты говоришь смѣ-«ло, ибо ты Попъ и для того сюда пріѣхалъ изъ «Рима. Греки же для насъ не Евангеліе: мы вѣ-«римъ Христу, а не Грекамъ. Что касается до «Восточной Имперіи, то знай, что я доволенъ «своимъ и не желаю никакихъ новыхъ Госу-«дарствъ въ семъ земномъ свѣтѣ; желаю только «милости Божіей въ будущемъ» (627). Ни упоминаю ни о Флорентійскомъ Соборѣ; ни о всеобщемъ Христіанскомъ союзѣ противъ Султана, Іоаннъ въ знакъ дружбы своей къ Папѣ снова обѣщалъ свободу и покровительство всѣмъ иноземнымъ купцамъ и Священникамъ Латинской Вѣры въ Россіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не толковали о Законѣ съ Россіянами. Но ревностный Іезуитъ хотѣлъ дальнѣйшаго прѣнія; утверждалъ, что мы *новоуки* въ Христіанствѣ; что Римъ есть древняя столица онаго. Уже Царь начиналъ досадовать. «Ты хвалишься правосла-«віемъ (сказалъ онъ), а стрижешь бороду (628); «вашъ Папа велитъ носить себя на престолѣ и «цѣловать въ туфель, гдѣ изображено распятіе: «какое высокомѣріе для смиреннаго Пастыря

«Христіанскаго! какое уничиженіе Святыни!
«Нѣтъ уничиженія,» возразилъ Антоній: «
«стойное воздается достойному. Папа есть Гл
«Христіанъ, учитель всѣхъ Монарховъ пра
«славныхъ, сопрестольникъ Апостола Пет
«Христова сопрестольника. Мы величаемъ
«тебя, Государь, какъ наслѣдника Мономахо
«а Св. Отецъ» . . . . . Іоаннъ, перервавъ
рѣчь, сказалъ: «У Христіанъ единъ Отецъ
«небесахъ! Насъ, земныхъ Властителей, ве
«чать должно по мірскому уставу; ученики
«Апостольскіе да смиренномудрствуютъ! На
«честь Царская, а Папамъ и Патріархамъ С
«тительская. Мы уважаемъ Митрополита наше
«и требуемъ его благословенія; но онъ ходи
«по землѣ и не возносится выше Царей горд
«стію. Были Папы дѣйствительно ученика
«Апостольскими: Климентъ, Сильвестръ, А
«ѳонъ, Левъ, Григорій; но кто именуется Хр
«стовымъ сопрестольникомъ, велитъ носить
«бя на сѣдалищѣ какъ бы на облакѣ, какъ
«Ангеламъ; кто живетъ не по Христову учен
«тотъ Папа есть волкъ, а не Пастырь» . . . .
тоній въ сильномъ негодованіи воскликнул
«если уже Папа волкъ, то мнѣ говорить не
«го (629)!» . . . Іоаннъ, смягчивъ голосъ, п
должалъ: «Вотъ для чего не хотѣлъ я бесѣ
«вать съ тобою о Вѣрѣ! Невольно досаждае
«другъ другу. Впрочемъ называю волкомъ
«Григорія XIII, а Папу не слѣдующаго Христ
«ученію. Теперь оставимъ.» Государь съ лас

положилъ руку на Антонія, отпустилъ его милостиво и приказалъ чиновникамъ отнести къ нему лучшія блюда стола Царскаго.

На третій день снова позвали Іезуита во дворецъ. Царь, указавъ ему мѣсто противъ себя, сказалъ громко, такъ, чтобы всѣ Бояре могли слышать: «Антоній! прошу тебя забыть сказанное мною, къ твоему неудовольствію, о Папахъ. Мы несогласны въ нѣкоторыхъ правилахъ Вѣры; но я хочу жить въ дружбѣ со всѣми Христіанскими Государями, и пошлю съ тобою одного изъ моихъ сановниковъ въ Римъ (630); а за твою оказанную намъ услугу изъявлю тебѣ признательность.» Царь велѣлъ ему говорить съ Боярами, коимъ Антоній опять силился доказывать истину Римскаго Исповѣданія, и согласно съ ихъ желаніемъ (какъ онъ увѣряетъ) въ три дни написалъ цѣлую книгу о мнимыхъ заблужденіяхъ Грековъ, основываясь на богословскихъ твореніяхъ Геннадія, Константинопольскаго Патріарха, утвержденнаго въ Первосвятительствѣ Магометомъ II! Именемъ Папы онъ убѣждалъ Царя послать въ Римъ нѣсколько грамотныхъ молодыхъ Россіянъ, съ тѣмъ, чтобы они узнали тамъ истинные *Догматы древней Греческой Церкви*, выучились языку Италіанскому, или Латинскому, и выучили Италіанцевъ нашему для удобной переписки съ Москвою (631); убѣждалъ также, чтобы Іоаннъ выгналъ ядовитыхъ *Лютерскихъ Магистровъ*, отвергающихъ Богоматерь и святость Угодни-

вутъ свободно въ Россіи, но не смѣютъ
щать другимъ своихъ заблужденій. Антов
лалъ еще примирить Швецію съ Россіею;
же болѣе настоялъ въ томъ, чтобы мы з
чили союзъ съ Европою для усмиренія Ту
«Пусть Король Шведскій (сказалъ Іоаннъ)
«изъявитъ мнѣ миролюбіе: тогда увидим
«искренность. Унять невѣрныхъ желак
«Папа, Императоръ, Король Испанскій,
«цузскій и всѣ другіе Вѣнценосцы должн
«жде чрезъ торжественное Посольство
«виться со мною въ мѣрахъ сего Христіа
«ополченія. Теперь не могу войти ни въ
«обязательство.» То есть, Іоаннъ, уже не
шась Баторія, явно охладѣлъ къ мысли и
Турковъ изъ Европы: Іезуитъ видѣлъ с
ремѣну, и жалуется на его лукавство. «Н
«дая ничего болѣе отъ Св. Отца для в
«своей Политики (пишетъ онъ), Царь вы

«*(гдѣ буду и самъ)*, *да созерцаешь красоту и ве-*
«*личіе истиннаго Богослуженія. Тамъ обожаемъ*
«*мы небесное, а не земное; чтимъ, но не носимъ*
«*Митрополита на рукахъ .... и Св. Апостола*
«*Петра также не носили вѣрные: онъ ходилъ*
«*пѣшъ и босъ; а вашъ Папа именуетъ себя его*
«*Намѣстникомъ!* .... Государь! отвѣчалъ я
«хладнокровно, удивленный сею новою грубо-
«стію: всякое мѣсто свято, гдѣ славятъ Христа;
«но пока не согласимся въ нѣкоторыхъ Догма-
«тахъ, и пока Митрополитъ Россійскій не бу-
«детъ въ сношеніяхъ съ Св. Отцемъ, я не могу
«видѣть вашего Богослуженія. Вторично скажу
«тебѣ, что воздавать честь Архипастырю Цер-
«кви есть долгъ, а не грѣхъ. Вы не носите Ми-
«трополита, но моете себѣ глаза водою, кото-
«рую онъ моетъ руки свои. — Изъяснивъ мнѣ,
«что сей обрядъ уставленъ въ воспоминаніе
«страстей Господнихъ, а не въ честь Митропо-
«литу, Іоаннъ далъ знакъ, — и толпы сановни-
«ковъ двинулись впередъ, къ дверямъ; увлекли
«и меня съ собою; а Царь издали сказалъ мнѣ
«громко: *Антоній! смотри, чтобы кто нибудь*
«*изъ Лютеранъ не вошелъ за тобою въ церковь.*
«Но я самъ не хотѣлъ войти въ нее; ждалъ ми-
«нуты, и тихонько ушелъ, когда Царедворцы
«остановились предъ Соборомъ. Всѣ думали,
«что мнѣ не миновать бѣды; но Іоаннъ, изум-
«ленный моимъ ослушаніемъ, задумался, по-
«теръ себѣ лобъ рукою и сказалъ: *его воля!*....
«Какое было намѣреніе Царя? представить Рос-

«сіянамъ торжество вѣры своей: Посла Рим-
«скаго молящагося въ ихъ храмѣ, лобызаю-
«щаго руку у Митрополита, во славу Церкви
«Восточной, къ уничиженію Западной, и тѣмъ
«вывести народъ изъ соблазна, произведеннаго
«необыкновенными знаками Царскаго уваже-
«нія къ Папѣ.» Поссевинъ, какъ вѣроятно,
не обманывался въ своей догадкѣ; но обма-
нулся въ надеждѣ присоединить насъ къ Рим-
ской Церкви!

Впрочемъ до самаго отъѣзда своего онъ ви-
дѣлъ знаки Іоанновой къ нему милости: его
встрѣчали, провожали во дворцѣ знатные са-
новники, водили обыкновенно сквозь блестящіе
ряды многолюдной Царской дружины: честь,
какой, можетъ быть, никогда и нигдѣ не оказы-
вали Іезуиту! Онъ выпросилъ свободу осьмнад-
цати невольникамъ, Испанцамъ, ушедшимъ изъ
Азова въ Россію и сосланнымъ въ Вологду (633);
исходатайствовалъ также облегченіе Литовскимъ
и Нѣмецкимъ плѣнникамъ, впредь до размѣны:
ихъ выпустили изъ темницъ, отдали въ домы
гражданамъ, велѣли довольствовать всѣмъ нуж-
нымъ. Но Іоаннъ снова отринулъ сильныя до-
могательства Іезуитовы о строеніи Латинскихъ
церквей въ Россіи. «Католики вольны (сказалъ
«Антонію) жить у насъ по своей Вѣрѣ, *безъ уко-
«ризны изазору*: сего довольно.» Бесѣдуя съ Дум-
ными Совѣтниками о нашихъ обычаяхъ, стран-
ныхъ для Европы, онъ ссылался на Гербер-
штейнову книгу о Россіи, гдѣ сказано, что

, давая цѣловать руку Нѣмецкимъ По-
ь, въ туже минуту моетъ ее водою, какъ
оскверпивъ себя ихъ прикосновеніемъ: но
е объявили Герберштейна, два раза столь
сканнаго въ Москвѣ, неблагодарнымъ кле-
икомъ, всклепавшимъ небылицу на Госуда-
Московскихъ (634). Съ удивленіемъ также
па отъ Поссевина, что будто бы отецъ
новъ, Великій Князь Василій, обѣщалъ
ератору Карлу V тридцать тысячь воиновъ
отпускъ въ Россію многихъ Нѣмецкихъ
жников, Бояре отвѣчали: «людей ратныхъ
отъ Государи Государямъ по договорамъ, а
въ обмѣнъ за ремесленниковъ.» — Нако-
ь, въ день отпуска, Іоаннъ торжественно
одарилъ Поссевина за дѣятельное участіе
мирѣ; увѣрилъ его въ своемъ личномъ
женіи; вставъ съ мѣста, велѣлъ кланяться
горію и Королю Стефану; далъ ему руку —
послалъ нѣсколько драгоцѣнныхъ черныхъ
лей, для Папы и для Антонія. Іезуитъ не
лъ-было взять своего дара, славя бѣдность
иковъ Христовыхъ; однакожь взялъ и выѣ-
изъ Москвы (15 Марта) вмѣстѣ съ нашимъ
цемъ, Яковомъ Молвяниновымъ, съ коимъ
написалъ къ Папѣ отвѣтъ на грамоту
увѣряя, что мы готовы участвовать въ
ѣ Христіанскихъ Державъ противъ Отто-
овъ, но ни слова не говоря о соединеніи
квей (635).

Симъ на долгое время пресѣклись сношен Рима съ Москвою, безполезныя и для насъ для Папы: ибо не ходатайство Іезуита, но д блесть Воеводъ Псковскихъ склонила Батор къ умѣренности, не лишивъ его ни славы, важныхъ пріобрѣтеній, коими сей Герой об занъ былъ смятенію Іоаннова духа еще болѣ нежели своему мужеству.

ГЛАВА VI.

Первое завоеваніе Сибири.

Первыя свѣдѣнія о Сибири. Извѣстія о Татарской Державѣ въ Сибири. Древнѣйшее путешестіе Россіянъ въ Китай. Знатные купцы Строгановы. Невѣрность Царя Кучюма. Разбой Козаковъ. Ермакъ. Походъ на Сибирь. Гнѣвъ Іоанновъ. Подвиги Ермаковы. Битвы. Ночный совѣтъ Козаковъ. Рѣшительная битва. Взятіе Искера или города Сибири. Строгость Ермака. Плѣненіе Царевича Маметкула. Дальнѣйшія завоеванія. Посольство въ Москву. Радость въ Москвѣ. Посланіе рати въ Сибирь. Новыя завоеванія. Жалованье Царское. Болѣзни и голодъ въ Сибири. Неосторожность Козаковъ. Осада Искера. Послѣднія завоеванія Ермаковы. Гибель Ермака. Изображеніе Героя Сибирскаго. Козаки оставляютъ Сибирь.

Въ то время, когда Іоаннъ, имѣя триста тысячь добрыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнія, уступая ихъ двадцати-шести тысячамъ полумертвыхъ Ляховъ и Нѣмцевъ, — въ то самое время малочисленная шайка бродягъ, движимыхъ и грубою алчностію къ корысти и благородною любовію ко славѣ, пріобрѣла новое Царство для Россіи, открыла *вторый новый міръ* для Европы, безлюдный и хладный, но привол-

ный для жизни человѣческой, ознаменованны
разнообразіемъ, величіемъ, богатствомъ Есте
ства, гдѣ въ нѣдрахъ земли лежатъ металлы
камни драгоцѣнные, въ глуши дремучихъ лѣсов
витаютъ пушистые звѣри, и сама Природа усѣ
ваетъ обширныя степи дикимъ хлѣбомъ (636); гд
судоходныя рѣки, большія рыбныя озера и пло-
досныя цвѣтущія долины, осѣненныя высоким
тополями, въ безмолвіи пустынь ждутъ трудолю-
бивыхъ обитателей, чтобы въ теченіе вѣковъ
представить новые успѣхи гражданской дѣятель-
ности, дать просторъ стѣсненнымъ въ Европѣ на-
родамъ и гостепріимно облагодѣтельствовать из-
лишекъ ихъ многолюдства.—Три купца и бѣглый
Атаманъ Волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ
Царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать
Сибирь.

Сіе неизмѣримое пространство Сѣверной Азіи
огражденное Каменнымъ Поясомъ, Ледовитым
моремъ, Океаномъ Восточнымъ, цѣпію гор
Альтайскихъ и Саянскихъ — отечество малолю
ныхъ племенъ Могольскихъ, Татарскихъ, Чу
скихъ (Финскихъ), Американскихъ (637) — укр
валось отъ любопытства древнихъ Космографов
Тамъ, *на главной высотѣ земнаго шара*, было, ка
угадывалъ великій Линней (638), первобытное уб
жище Ноева семейства послѣ гибельнаго, вс
мірнаго наводненія; тамъ воображеніе Герод
товыхъ современниковъ искало *грифовъ, стрег
щихъ золото* (639): но Исторія не вѣдала Сибир

до нашествія Гунновъ, Турковъ, Моголовъ на Европу: предки Аттилины скитались на берегахъ Енисея; славный Ханъ Дизавулъ принималъ Юстиніанова сановника Земарха въ долинахъ Альтайскихъ; Послы Иннокентія IV и Св. Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисовымъ мимо Байкала, и несчастный отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура (640). Какъ данники Моголовъ узнавъ въ XIII вѣкѣ Югъ Сибири, мы еще ранѣе, какъ завоеватели, узнали ея Сѣверо-Западъ, гдѣ смѣлые Новогородцы уже въ XI вѣкѣ обогащались мѣхами драгоцѣнными (641). Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы уже развѣвались на снѣжномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ, и Воеводы Іоанна III возгласили его великое имя на берегахъ Тавды, Иртыша, Оби, въ пяти тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже сей Монархъ именовался въ своемъ титулѣ *Югорскимъ*, сынъ его *Обдорскимъ* и *Кондинскимъ* (642), а внукъ *Сибирскимъ*, обложивъ данію сію Могольскую или Татарскую Державу, которая составилась изъ древнихъ Улусовъ Ишимскихъ, Тюменскихъ или Шибанскихъ, извѣстныхъ намъ съ 1480 года и названныхъ такъ, вѣроятно, по имени брата Батыева, Шибана (643),

Первыя свѣдѣнія о Сибири.

Единовластителя Сѣверной Азіи, на Востокъ отъ моря Аральскаго.

Извѣстія о Татарской Державѣ въ Сибири.

Пишутъ, что «Князь Ивакъ или Онъ (644), племени *Ногайскаго*, Вѣры Магометовой, жилъ на рѣкѣ Ишимѣ, повелѣвая многими Татарами, Остяками и Вогуличами; что какой-то мятежникъ Чингисъ свергнулъ Ивака, но изъ любви къ его сыну, Тайбугѣ, далъ ему рать для завоеванія береговъ Иртыша и Великой Оби, гдѣ сей юный Князь основалъ Сибирское Ханство и городъ Чингій на Турѣ, въ коемъ властвовали послѣ сынъ Тайбугинъ, Ходжа, и внукъ Маръ, отецъ Адера и Яболака (645), женатый на Царевнѣ *Казанской*, сестрѣ Упаковой; что Упакъ убилъ Мара, а сынъ Адеровъ, Магметъ, убивъ Упака, построилъ Искеръ или Сибирь на Иртышѣ (въ шестнадцати верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска); что преемниками Магметовыми были Агишъ, сынъ Яболаковъ, Магметовъ сынъ Казы и дѣти Казыевы, Едигеръ (данникъ Московскій) и Бекбулатъ, свергнутые Кучюмомъ, сыномъ Киргизскаго Хана Муртазы (646), «*первымъ Царемъ Сибирскимъ*» (также Іоанновымъ данникомъ). Сказанія не весьма достовѣрныя, слышанныя Россіянами отъ Магометанскихъ жителей Сибири и внесенныя въ ея лѣтописи безъ всякаго критическаго изслѣдованія. Въ Царской же грамотѣ 1597 года на[...]

менованъ первымъ Ханомъ Сибирскимъ *Ибакъ*, дѣдъ Кучюмовъ, вторымъ Магметъ, третьимъ Казый, четвертымъ Едигеръ, Князья Тайбугина рода. Замѣтимъ, что полки Московскіе, въ 1483 году воюя на берегахъ Иртыша, еще не видали *Татаръ* въ сихъ мѣстахъ, гдѣ уже существовала крѣпость *Сибирь* и властвовалъ *Князь Лятикъ* (647), безъ сомнѣнія Югорскій, или Остяцкій; слѣдственно Ишимскіе Ногаи, соединясь съ Тюменскими, завладѣли устьемъ Тобола едва ли ранѣе XVI вѣка, и не *основали*, а *взяли* городокъ *Сибирь*, названный ими Искеромъ.

Уже твердо зная путь въ сію столицу, Едигерову и Кучюмову, гдѣ бывали чиновники Московскіе, любопытный Іоаннъ желалъ узнать и страны дальнѣйшія: для того въ 1567 году послалъ двухъ Атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на Югъ, съ дружественными грамотами къ неизвѣстнымъ Властителямъ неизвѣстныхъ народовъ (648). Атаманы благополучно возвратились и представили Государю описаніе всѣхъ земель отъ Байкала до моря Корейскаго, бывъ въ Улусахъ *Черной* или Западной Мунгаліи, подвластной разнымъ Князьямъ, и въ городахъ Восточной или *Желтой* (649), гдѣ царствовала женщина, и гдѣ народъ пользовался выгодами земледѣлія, скотоводства,

Древнѣйшее путешествіе Россіянъ въ Китай.

торговли. Упомянувъ по слуху о Туркест
Бухаріи, Кашгарѣ, Тибетѣ, путешествен
Іоанновы сказываютъ въ своемъ любопыт
донесеніи, что грамота Мунгальской Цар
отверзла для нихъ желѣзныя врата ст
Китайской; но что, свободно достигнувъ
гатаго, многолюднаго Пекина, они не м
видѣть Императора, не имѣвъ къ нему
ровъ отъ Государя. Такъ мы узнали Ки
бывъ обязаны симъ первымъ достовѣрн
объ немъ извѣстіемъ рѣдкому смыслу,
жеству, терпѣнію двухъ Козаковъ, умѣвш
преодолѣть всѣ труды, опасности пути
няго, невѣдомаго сквозь степи, горы н
чевья варваровъ, видѣнныя, можетъ б
только отчасти славнымъ Венеціянскимъ
тешественникомъ XIII вѣка, Маркомъ
ломъ (650).

Но еще господство наше за Камен
Поясомъ было слабо и ненадежно: Та
Сибирскіе, признавъ Іоанна своимъ вер
нымъ Властителемъ, не только худо пла
ему дань, но и частыми набѣгами трево
Великую Пермь, гдѣ былъ конецъ Ро
Озабоченный важными, непрестанными
нами, Царь не могъ утвердить ни вл
своей надъ отдаленною Сибирью; ни спо
ствія нашихъ владѣній между Камою и
ною, гдѣ уже издавна селились многіе
сіяне, привлекаемые туда естественнымъ
биліемъ земли, дешевизною всего нуж

для жизни, выгодами мѣны съ полудикими, сосѣдственными народами, въ особенности богатыми мягкою рухлядью. Въ числѣ тамошнихъ Россійскихъ всельниковъ были и купцы Строгановы, Яковъ и Григорій Іоанникіевы или Аникины, коихъ отецъ обогатился заведеніемъ соляныхъ варницъ на Вычегдѣ и (если вѣрить сказанію иностранцевъ) *первый* открылъ путь для нашей торговли за хребетъ горъ Уральскихъ (651). Пишутъ, что сіи купцы происходили отъ знатнаго, крещенаго Мурзы Золотой Орды, именемъ Спиридона, научившаго Россіянъ употребленію счетовъ; что Татары, имъ озлобленные, плѣнили его въ битвѣ, измучили и будто бы *застрогали* до смерти; что сынъ его по тому названъ *Строгановымъ*, а внукъ (652) способствовалъ искупленію Великаго Князя Василія Темнаго, бывшаго плѣнникомъ въ Казанскихъ Улусахъ. Желая взять дѣятельныя мѣры для обузданія Сибири, Іоаннъ призвалъ упомянутыхъ двухъ братьевъ, Якова и Григорія, какъ людей умныхъ и знающихъ всѣ обстоятельства сѣверо-восточнаго края Россіи (653); бесѣдовалъ съ ними, одобрилъ ихъ мысли и далъ имъ жалованныя грамоты на пустыя мѣста, лежащія внизъ по Камѣ отъ Земли Пермской до рѣки Сылвы, и берега Чусовой до ея вершины; позво-

Знатные купцы Строгановы.

лилъ имъ ставить тамъ крѣпости въ защи-
ту отъ Сибирскихъ и Ногайскихъ хищни-
ковъ, имѣть снарядъ огнестрѣльный, пуш-
карей и воиновъ на собственномъ иждиве-
ніи, принимать къ себѣ всякихъ людей
вольныхъ, не *тяглыхъ* и не бѣглыхъ, —
вѣдать и судить ихъ независимо отъ Перм-
скихъ Намѣстниковъ и Тіуновъ, *не возит*
и не кормить Пословъ, ѣздящихъ въ Мо-
скву изъ Сибири или въ Сибирь изъ Мо-
сквы, заводить селенія, пашни и соляны
варницы, — въ теченіе двадцати лѣт
торговать безъ пошлины солью и рыбою
но съ обязательствомъ *не дѣлать рудъ*,
если найдутъ гдѣ серебряную, или мѣдную
или оловянную, то немедленно извѣщать
семъ Казначеевъ Государевыхъ ([654]). Д
вольные Царскою милостію, дѣятельные
г. 1558-1572. богатые Строгановы основали въ 15
году близъ устья Чусовой городокъ Ка
коръ, на мысу Пыскорскомъ (гдѣ стоя
монастырь Всемилостиваго Спаса) въ 15
г. крѣпость Кергеданъ на Орловскомъ В
локѣ, въ 1568 и 1570 г. нѣсколько остр
говъ на берегахъ Чусовой и Сылвы ([65
приманили къ себѣ многихъ людей, бр
дягъ и бездомковъ, обѣщая богатые пло
трудолюбію и добычу смѣлости; имѣ
свое войско, свою управу, подобно Кня
камъ Владѣтельнымъ; берегли Сѣверо-В
стокъ Россіи, и въ 1572 году смири

бунтъ Черемисы, Остяковъ, Башкирцевъ (656), одержавъ знатную побѣду надъ ихъ соединенными толпами, и снова взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности къ Государю. Сіи усердные стражи земли Пермской, сіи населители пустынь Чусовскихъ, сіи купцы-Владѣтели, распространивъ предѣлы обитаемости и Государства Московскаго до Каменнаго Пояса, устремили мысль свою и далѣе.

Кучюмъ, овладѣвъ Сибирью, искалъ благоволенія Іоаннова, когда еще опасался ея жителей, насильно обращаемыхъ имъ въ Магометанскую Вѣру (657), и Ногаевъ, друзей Россіи; но утвердивъ власть свою надъ Тобольскою Ордою, перезвавъ къ себѣ многихъ степныхъ Киргизовъ и женивъ сына, Алея, на дочери Ногайскаго Князя, Тинъ-Ахмата (658), уже не исполнялъ обязанностей нашего данника, тайно сносился съ Черемисою, возбуждалъ сей народъ свирѣпый къ бунту противъ Государя Московскаго и подъ смертною казнію запрещалъ Остякамъ, Югорцамъ (659), Вогуличамъ, платить древнюю дань Россіи. Встревоженный слухомъ о Строгановскихъ крѣпостяхъ, Кучюмъ (въ Іюлѣ 1573 года) послалъ своего племянника (660), Маметкула, развѣдать объ нихъ и, если можно, истребить всѣ наши заведенія въ окрестностяхъ Камы. Маметкулъ явился съ войскомъ какъ

Невѣрность Царя Кучюма.

г. 1573.

непріятель: умертвилъ нѣсколько вѣрныхъ намъ Остяковъ; плѣнилъ ихъ женъ, дѣтей и Посла Московскаго, Третьяка Чебукова, ѣхавшаго въ Орду Киргизъ-Кайсакскую: но узнавъ, что въ городкахъ Чусовскихъ довольно и ратныхъ людей и пушекъ, бѣжалъ назадъ. Строгановы не смѣли гнаться за разбойникомъ безъ Государева повелѣнія: извѣстили о томъ Іоанна, и просили указа строить крѣпости въ землѣ Сибирской, чтобы стѣснить Кучюма въ его собственныхъ владѣніяхъ и навсегда утвердить безопасность нашихъ. Они не требовали ни полковъ, ни оружія, ни денегъ; требовали единственно жалованной грамоты на землю непріятельскую — и получили: 30 Мая, 1574 года, Іоаннъ далъ имъ сію грамоту, гдѣ сказано, что Яковъ и Григорій Строгановы могутъ укрѣпиться на берегахъ Тобола и вести войну съ измѣнникомъ Кучюмомъ для освобожденія первобытныхъ жителей Югорскихъ, нашихъ данниковъ, отъ его ига; могутъ, въ возмездіе за ихъ добрую службу, выдѣлывать тамъ не только желѣзо, но и мѣдь, олово, свинецъ, сѣру для опыта, до нѣкотораго времени; могутъ свободно и безъ пошлины торговать съ Бухарцами и съ Киргизами (661). — Слѣдствено Строгановы имѣли законное право итти съ огнемъ и мечемъ за Каменный Поясъ; но силы,

г. 1574.

жетъ быть, не отвѣтствовали ревности
такого важнаго предпріятія. Миновало
сть лѣтъ, и въ теченіе сего времени
овъ съ Григоріемъ умерли, оставивъ
е богатство, умъ и дѣятельность въ
лѣдіе меньшему брату, Семену, кото-
й вмѣстѣ съ племянниками, Максимомъ
влевымъ и Никитою Григорьевымъ,
стливо исполнилъ ихъ славное намѣре-
, заслуживъ тѣмъ сперва гнѣвъ Іоан-
ъ, а благодарность, его и Россіи, уже
лѣ!

Мы говорили о происхожденіи, доброй и
ой славѣ, вѣрности и невѣрности Дон- Разбои Козаковъ.
хъ Козаковъ, то честныхъ воиновъ
сіи, то мятежниковъ, ею не признавае-
хъ за Россіянъ. Гнѣвные отзывы Іоан-
ы о сей вольницѣ, въ письмахъ къ Сул-
амъ и къ Ханамъ Таврическимъ, были
иною [662]: ибо Козаки дѣйствительно,
бивая купцевъ, даже Пословъ Азіат-
хъ на пути ихъ въ Москву, грабя са-
казну Государеву, нѣсколько разъ за-
живали опалу; нѣсколько разъ высыла-
ь дружины воинскія на берега Дона
Волги, чтобы истребить сихъ хищни-
въ [663]: такъ въ 1577 году Стольникъ Г. 1577.
анъ Мурашкинъ, предводительствуя
льнымъ отрядомъ, многихъ изъ нихъ
лъ и казнилъ; но другіе не смирились:
одили на время въ пустыни, снова явля-

лись и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перевозахъ; въ быстромъ набѣгѣ взяли даже столицу Ногайскую, городъ Сарайчикъ, не оставили тамъ камня на камнѣ и вышли съ знатною добычею, раскопавъ самыя могилы, обнаживъ мертвыхъ. Къ числу буйныхъ Атамановъ Волжскихъ принадлежали тогда Ермакъ (Германъ) Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, осужденный Государемъ на смерть, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ ([664]), извѣстные удальствомъ рѣдкимъ: слыша, какъ они ужасаютъ своею дерзостію не только мирныхъ путешественниковъ, но и всѣ окрестные Улусы кочевыхъ народовъ, умные Строгановы предложили симъ пяти храбрецамъ службу честную; послали къ нимъ дары, написали грамоту ласковую (6 Апрѣля 1579 года), убѣждали ихъ отвергнуть ремесло, недостойное Христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами *Царя Бѣлаго*, искать опасностей не безславныхъ, примириться съ Богомъ и съ Россіею; сказали: «имѣемъ крѣпости и «земли, но мало дружины: идите къ намъ «оборонять Великую Пермь и восточный «край Христіанства.» Ермакъ съ товарищами прослезился отъ умиленія, какъ пишутъ: мысль свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою государственною, и промѣнять имя смѣлыхъ грабите-

Ермакъ.

г. 1579.

лей на имя доблихъ воиновъ отечества, тронула сердца грубыя, но еще не лишенныя угрызеній совѣсти. Они подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцевъ (665) и (21 Іюня) прибыли къ Строгановымъ — «съ радостію и на радость,» говоритъ Лѣтописецъ: «чего хотѣли одни, что обѣщали другіе, то исполнилось: Атаманы «стали грудью за область Христіанскую. «Невѣрные трепетали; гдѣ показывались, «тамъ гибли.» И дѣйствительно (22 Іюля 1581 года) усердные Козаки разбили на голову Мурзу Бегулія (666), дерзнувшаго съ семью стами Вогуличей и Остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой; взяли его въ плѣнъ и смирили Вогуличей. Сей успѣхъ былъ началомъ важнѣйшихъ. г. 1581.

Призывая Донскихъ Атамановъ, Строгановы имѣли въ виду не одну защиту городовъ своихъ: испытавъ бодрость, мужество и вѣрность Козаковъ; узнавъ разумъ, великую отвагу, рѣшительность ихъ главнаго Вождя, Ермака Тимоѳеева, *родомъ неизвѣстнаго*, *душею знаменитаго*, какъ сказано въ лѣтописи; составивъ еще особенную дружину изъ Русскихъ Татаръ, Литвы, Нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ неволи у Ногаевъ (которые, служа въ войнахъ Іоанну (667), возвращались обыкновенно въ Улусы свои съ плѣнниками);

добывъ оружія, изготовивъ всѣ нужны
Походъ на Сибирь. запасы, Строгановы [668] объявили походъ
Ермака Воеводою и Сибирь цѣлію. Ратни
ковъ было 840, одушевленныхъ ревності
и веселіемъ: кто хотѣлъ чести, кто до
бычи; Донцы надѣялись заслужить ми
лость Государеву, а Нѣмецкіе и Литовскі
плѣнники свободу: Сибирь казалась им
путемъ въ любезное отечество! Воево
устроилъ войско; сверхъ Атамановъ, из
бралъ Есауловъ, Сотниковъ, Пятидесятни
ковъ [669]: главнымъ подъ нимъ был
неустрашимый Иванъ Кольцо. Нагрузив
ладіи запасами и снарядами, легкими пу
ками, *семипядными* пищалями: взявъ во
жатыхъ, толмачей, Іереевъ; отпѣвъ мол
бенъ; выслушавъ послѣдній наказъ Стр
гановыхъ: «иди съ миромъ, очистить зе
«лю Сибирскую и выгнать безбожнаго Са
«тана Кучюма,» Ермакъ *съ обѣтомъ добл
сти и цѣломудрія*, при звукѣ трубъ вои
скихъ, 1 Сентября 1581 года [670] отплы
рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ, н
подвигъ славы, безъ всякаго содѣйстві
даже безъ вѣдома Государева: ибо Стро
гановы, имѣя Іоаннову жалованную гра
моту на мѣста за Каменнымъ Поясомъ
думали, что имъ уже нѣтъ надобност
требовать новаго Царскаго указа для их
великаго предпріятія. Не такъ мыслил
Іоаннъ, какъ увидимъ.

Въ то самое время, когда Россійскій Пизарро, не менѣе Испанскаго грозный для дикихъ народовъ, менѣе ужасный для человѣчества, шелъ воевать Кучюмову Державу, Князь Пелымскій ([671]) съ Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами нечаянно напалъ на берега Камы, выжегъ, истребилъ селенія близъ Чердыни, Усолья и новыхъ крѣпостей Строгановскихъ; умертвилъ, плѣнилъ множество Христіанъ. Защитниковъ не было; но свѣдавъ о походѣ Козаковъ въ Сибирь, онъ спѣшилъ удалиться для защиты собственныхъ владѣній. Сей разбой поставили въ вину Строгановымъ: Іоаннъ писалъ къ нимъ, что они, какъ доносилъ ему Чердынскій Намѣстникъ, Василій Пелепелицынъ, не умѣютъ или не хотятъ оберегать границы; *самовольно* призвали опальныхъ Козаковъ, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая тѣмъ и Князя Пелымскаго и Салтана Кучюма; что такое дѣло есть измѣна, достойная казни. «Приказываю вамъ (писалъ онъ «далѣе) немедленно выслать Ермака съ «товарищами въ Пермь и въ Усолье Камское, гдѣ имъ должно *покрыть* вины свои «совершеннымъ усмиреніемъ Остяковъ и «Вогуличей; а для безопасности вашихъ «городковъ можете оставить у себя Козаковъ сто, не болѣе. Если же не испол-

Гнѣвъ Іоанновъ.

«ните нашего указа; если впредь что ни-
«будь случится надъ Пермскою землею отъ
«Пелымскаго Князя и Сибирскаго Салтана:
«то возложимъ на васъ *большую опалу*, а
«Козаковъ измѣнниковъ велимъ перевѣ-
«шать» ([672]). Сей гнѣвный указъ испугалъ
Строгановыхъ; но блестящій, неожидан-
ный успѣхъ оправдалъ ихъ дѣло, и гнѣвъ
Іоанновъ перемѣнился въ милость.

Подвиги Ермаковы. Начиная описаніе Ермаковыхъ подви-
говъ, скажемъ, что они, какъ все необы-
кновенное, чрезвычайное, сильно дѣйствуя
на воображеніе людей, произвели многія
басни, которыя смѣшались въ преданіяхъ
съ истиною и подъ именемъ лѣтописаній
обманывали самыхъ Историковъ. Такъ, на
примѣръ, сотни Ермаковыхъ воиновъ, по-
добно Кортецовымъ или Пиззаровымъ, об-
ратились въ тысячи, мѣсяцы дѣйствія въ
годы, плаваніе трудное въ чудесное. Оставля-
ляя баснословіе, слѣдуемъ въ важнѣйшихъ
обстоятельствахъ грамотамъ и достовѣр-
нѣйшему современному повѣствованію ([673])
о семъ завоеваніи любопытномъ, дѣйстви-
тельно удивительномъ, если и не чудес-
номъ.

Атаманы плыли четыре дни вверхъ по
рѣкѣ Чусовой ([674]), быстрой, каменистой
опасной, до хребта Уральскаго и межд
горами, подъ сѣнію ихъ скалъ навислыхъ
два дни рѣкою Серебряною, и достигли с

такъ называемаго *пути Сибирскаго*; остановились, и не зная, что ожидало ихъ впереди, для своей безопасности сдѣлали земляное укрѣпленіе, давъ ему имя *Кокуя городка*; видѣли только пустыни, или малочисленныхъ жителей мирныхъ, и черезъ волокъ перевезлися оттуда до рѣки Жаравли (675). Сіи мѣста еще и нынѣ ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, слѣды укрѣпленій называются его именемъ; ладіи тяжелыя, оставленныя имъ между Серебряною и Баранчею, еще не совсѣмъ истлѣли, какъ увѣряютъ, и надъ ихъ гніющими днами растутъ высокія деревья (676). — Жаравлею и Тагиломъ вошли Атаманы въ рѣку Туру, уже въ область Сибирскаго Царства, гдѣ въ первый разъ обнажили мечь завоеванія. На мѣстѣ нынѣшняго Туринска стоялъ городокъ Князя Епанчи, который, повелѣвая многими Татарами и Вогуличами, встрѣтилъ смѣлыхъ пришельцевъ тучею стрѣлъ съ берега (гдѣ теперь село Усениново), но бѣжалъ, устрашенный громомъ пушекъ. Ермакъ велѣлъ разорить сей городокъ; осталось только имя: ибо жители донынѣ называютъ Туринскъ Епанчинымъ (677). Опустошивъ Улусы и селенія внизъ по Турѣ, Атаманы на устьѣ Тавды взяли въ плѣнъ Кучюмова сановника, Таузака, который, искренностію спасая жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей, и будучи за то освобожденъ, извѣстилъ ея Царя, что предсказаніе Сибирскихъ волхвовъ сбывается (678): ибо сіи ку-

они: «время итти назадъ. Всяка
«битва для насъ опасна: ибо с
«кому будетъ побѣждать.» Но А
отвѣтствовали: «Нѣтъ, братья: на
«только впередъ! Уже рѣки покр
«льдомъ: обративъ тылъ, замерз
«глубокихъ снѣгахъ; а если и дос
«Руси, то съ пятномъ клятвопре
«ковъ, обѣщавъ смирить Кучюма,
«ликодушною смертiю загладить н
«ны предъ Государемъ. Мы долг
«худою славою: умремъ же съ
«Богъ даетъ побѣду, кому хочетъ:
«ко слабымъ мимо сильныхъ, да с
«имя Его» (634)! Дружина сказала:
и съ первыми лучами солнца, 23 О
устремилась къ засѣкѣ, воскликн
нами Богъ! Непрiятель сыпалъ
язвилъ Козаковъ, и въ трехъ м

Рѣшительная битва.

огнемъ рѣдили толпы непріятель-
гоня ихъ къ засѣкѣ. Ермакъ, Иванъ
о мужествовали впереди, повторяя
ое восклицаніе: *съ нами Богъ!* а слѣ-
учюмъ, стоя на горѣ, съ Иманами,
ллами своими кликалъ Магомета для
ія Правовѣрныхъ. Къ счастію Рос-
къ ужасу непріятелей, раненный
кулъ долженъ былъ оставить сѣчу;
увезли его въ ладіи на другую сто-
Иртыша, и войско безъ предводителя
ось въ побѣдѣ: Князья Остяцкіе
ылъ; бѣжали и Татары. Слыша, что
а Христіанскія уже развѣваются на
, Кучюмъ искалъ безопасности въ
ъ Ишимскихъ, успѣвъ взять только
казны своей въ Сибирской столицѣ.
авная, кровопролитнѣйшая битва, въ
ало 107 добрыхъ Козаковъ, донынѣ
аемыхъ въ Соборной Тобольской цер-
[35]), рѣшила господство Россіи отъ
наго хребта до Оби и Тобола.

Октября Ермакъ, уже знаменитый для
и, отпѣвъ молебенъ, торжественно
лъ въ Искеръ или въ городъ Сибирь, Взятіе Искера или города Сибири.
ій стоялъ на высокомъ берегу Ир-
укрѣпленный съ одной стороны кру-
, глубокимъ оврагомъ, а съ другой
мъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣди-
ашли великое богатство, если вѣ-
Лѣтописцу: множество золота и се-

ребра, Азіатскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ, и все братски раздѣляли между собою ([686]). Городъ былъ пустъ: овладѣвъ Царствомъ, наши витязи еще не видали въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи: но 30 Октября явились къ нимъ Остяки съ Княземъ своимъ Боаромъ, съ дарами и запасами; клялися въ вѣрности, требовали милосердія и покровительства. Скоро явилось и множество Татаръ съ женами и съ дѣтьми, коихъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ, и всѣхъ отпустилъ въ ихъ прежніе Юрты, обложивъ легкою данію. Сей бывшій Атаманъ разбойниковъ, оказавъ себя Героемъ неустрашимымъ, Вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчиненности, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой власти, и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ завоеванной ими, *на краю свѣта*, не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, жалѣя воиновъ Христіанскихъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое *дѣло студное* ([687]): онъ требовалъ отъ дружины не только повиновенія, но и чистоты душевной, чтобы уг-

Строгость Ермака.

дить вмѣстѣ и Царю земному и Царю Небесному; онъ думалъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ, и Козаки его, по сказанію Тобольскаго Лѣтописца, и въ пути и въ столицѣ Сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились! Еще опасности не миновали.

Прошло нѣсколько времени: не имѣя слуха о Кучюмѣ, Атаманы безъ опасенія занимались ловлею въ окрестностяхъ города. Но Кучюмъ былъ не далеко: племянникъ его, Маметкулъ, не смотря на язву свою, уже бодрствовалъ въ полѣ, и 5 Декабря незапно ударивъ на 20 Россіянъ, которые ловили рыбу въ озерѣ Абалацкомъ (688), умертвилъ всѣхъ до единаго. Свѣдавъ о томъ, Ермакъ устремился за непріятелемъ: настигъ его близъ Абалака (гдѣ селеніе Шамшинскіе Юрты), разбилъ, разсѣялъ; взялъ тѣла своихъ убитыхъ и съ честію предалъ землѣ на Сауксанскомъ мысу, близъ Искера, гдѣ было древнее Ханское кладбище. — Чрезвычайный холодъ, опасныя вьюги и краткость зимнихъ дней въ сихъ странахъ полунощныхъ не дозволяли ему мыслить о новыхъ, важныхъ предпріятіяхъ до весны. Между тѣмъ владѣнія Козаковъ распространились мирнымъ подданствомъ двухъ Князей Вогульскихъ, Ишбердея и Суклема: первый господствовалъ за Эскальбинскими болотами (689), на берегахъ Конды или Тавды, а вторый въ окрестностяхъ Тобола; оба вызвались добро-

вольно платить ясакъ или дань собол
и присягнули Россіи въ вѣрности, к
рою Ишбердей пріобрѣлъ особенную
бовь Козаковъ, служа имъ добрымъ
вѣтникомъ и путеводителемъ въ мѣст
незнаемыхъ. Такимъ образомъ дѣла
тренняго управленія, собираніе дани,
риная и рыбная ловля, нужная для
довольствія въ землѣ безхлѣбной,
г. 1582. мали Ермака до Апрѣля мѣсяца (690),
гда одинъ Мурза извѣстилъ его, что
кій Маметкулъ снова приблизился къ
тышу и кочуетъ въ Вагаѣ съ малочис
ною толпою: требовалось скорости и
ны болѣе, нежели силы, чтобы ис
бить сего врага неутомимаго: Атам
выбрали только шестьдесятъ удальц
которые ночью подкрались къ Маме
лову стану (691), напали въ распл
умертвили многихъ сонныхъ Татаръ,
Плѣненіе Царевича Маметкула. ли самого Царевича живаго и при
съ торжествомъ въ Искеръ, къ вел
радости Ермака: ибо онъ симъ сч
ливымъ плѣномъ избавился отъ см
го, мужественнаго непріятеля и
имъ воспользоваться, какъ важнымъ
логомъ, въ случаѣ войны или мир
изгнанникомъ Кучюмомъ; видѣлъ Ма
кула обагреннаго кровію своихъ брать
но не думалъ о мести личной: лас
и честилъ его подъ крѣпкою стра

Уже имѣя лазутчиковъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ, Ермакъ въ то же время узналъ, что Кучюмъ, сраженный вѣстію о несчастіи Маметкула, скитается въ пустыняхъ за Ишимомъ; что юный сынъ убитаго имъ Князя Сибирскаго, Бекбулата (692), Сейдекъ, увезенный въ Бухарію слугами отца своего, возмужавъ лѣтами и духомъ, идетъ на сего Царя-хищника съ шайками Узбековъ, и что Вельможа Карача измѣнилъ ему въ бѣдствіи: оставилъ Кучюма, увелъ многихъ людей съ собою и расположился кочевать въ *Лымской* землѣ (693), на большемъ озерѣ, выше устья Тары, впадающей въ Иртышъ, близъ рѣки Осмы. Сіе достовѣрное извѣстіе о безсиліи главнаго, злобнаго врага и наступленіе весны благопріятствовали новымъ подвигамъ знаменитаго Атамана.

Оставивъ въ Искерѣ часть дружины, Ермакъ съ Козаками поплылъ Иртышемъ къ Сѣверу (694). Уже ближайшіе Улусы признавали власть его: онъ шелъ мирно до устья Аримдзянки, гдѣ Татары, еще независимые, засѣли въ крѣпости и не хотѣли сдаться: взявъ ее приступомъ, Атаманы велѣли разстрѣлять или повѣсить главныхъ виновниковъ сего опаснаго упорства. Всѣ иные жители, смиренные ужасомъ, клялися быть подданными Россіи, цѣлуя омоченную кровію саблю. Нынѣш-

Дальнѣйшія завоеванія.

воиновъ, готовыхъ къ битвѣ, отверги
предложенія Ермаковы. Лѣтописецъ ра
ваетъ, что въ семъ городкѣ былъ зол
миръ, будто бы вывезенный изъ древней
во время ея крещенія; что Остяки держ
въ чашѣ, пили изъ нее воду и тѣмъ укрѣ
въ мужествѣ; что Атаманы, стрѣльбою
осажденныхъ, вступили въ городъ, но н
найти въ немъ драгоцѣннаго идола (695)
лѣе, плывя Иртышемъ, завоеватели
толпу кудесниковъ, приносящихъ жерт
ному кумиру Рачѣ, съ моленіемъ, да
ихъ отъ страшныхъ пришельцевъ. Ид
молвствовалъ, Россіяне шли съ своимъ
и кудесники бѣжали въ темноту лѣсо
семъ мѣстѣ нынѣ селеніе *Рачевые* Юрть
Демьянскаго Яма.— Далѣе, въ Цынгальск
сти, гдѣ Иртышъ, стѣсняемый горами,
узкое и быстрое теченіе, собралося мн

въ страну знатнѣйшаго Князя Остяцкаго,
ра, который соединился съ другими осмью
ьками и ждалъ Россіянъ для битвы, чтобы
ить судьбу всей древней земли Югорской.
яся мужествомъ и силою, Самаръ забылъ
рожность: спалъ крѣпкимъ сномъ вмѣстѣ
ойскомъ и стражею, когда Атаманы въ часъ
вѣта ударили на его станъ: пробужденный
омъ, онъ схватилъ оружіе и палъ мертвый
первой пули; войско разбѣжалось, а жители
ались платить ясакъ Россіи. — Уже Ермакъ
игъ славной Оби, коей теченіе извѣстно
и древнимъ Новогородцамъ, но устье и
ина, по выраженію Московскихъ путеше-
нниковъ 1567 года (697), таились во мракѣ
ленія. Завоевавъ еще главный Остяцкій го-
Назымъ и многія иныя крѣпости на бере-
ея, плѣнивъ ихъ Князя и горестно оплакавъ
ину храбраго сподвижника, Атамана Ники-
ана, убитаго на приступѣ вмѣстѣ съ нѣко-
ями изъ лучшихъ Козаковъ (698), Ермакъ не
ѣлъ итти далѣе: ибо видѣлъ предъ собою
хладныя пустыни, гдѣ мшистая кора бо-
и лѣтомъ едва теплѣетъ отъ жаркихъ лу-
солнца, и гдѣ, среди мерзлыхъ тундръ,
нныхъ мамантовыми костями, предста-
тся глазамъ образъ ужаснаго кладбища
роды. Поставивъ Князя Остяцкаго Алача
ою надъ Обскими Юртами, Ермакъ тѣмъ
путемъ возвратился въ Сибирскую столицу,
имый своими данниками какъ побѣдитель и

Владыка; вездѣ, съ изъявленіями
лѣпства, встрѣчали, провожали его,
мужа грозы и доблести сверхъестес
ной. Козаки плыли съ воинскою муз
и выходили на берегъ всегда въ с
праздничныхъ кафтанахъ, чтобы уди
жителей пышностію и богатствомъ
Отъ предѣловъ Березовскихъ до Т
утвердивъ господство Россіи, Ермак
гополучно возвратился въ Искеръ,
и спокойный.

Посольство въ Москву. Тогда единственно, по сказанію
писца, сей витязь счастливый далъ
Строгановымъ, что Богъ помогъ ем
лѣть Салтана, взять его столицу, з
Царевича, а съ народовъ присягу в
ности; написалъ и къ Іоанну, что ег
ные, опальные Козаки, угрызаемые
стію, исполненные раскаянія, ш
смерть и присоединили знаменитую
жаву къ Россіи, во имя Христа и Ве
Государя, *на вѣки вѣковъ, доколѣ Всев*
благоволитъ стоять міру; что они
указа и Воеводъ его (700) сдадутъ имъ
ство Сибирское, и безъ всякихъ ус
готовые умереть или въ новыхъ подв
чести или на плахѣ, какъ будетъ
ему и Богу. Съ сею грамотою поѣха
Москву вторый Атаманъ, первый спо
никъ Ермака Тимоѳеева, первый съ
въ думѣ и въ сѣчахъ, Иванъ Кольц

боясь своего торжественнаго осужденія на лютую казнь преступника ([701]).

Здѣсь предупредимъ вопросъ Читателя: столь поздно извѣстивъ Строгановыхъ о своемъ успѣхѣ, не думалъ ли Ермакъ, обольщенный легкимъ завоеваніемъ Сибири (какъ угадывали нѣкоторые Историки) властвовать тамъ независимо? не для того ли наконецъ обратился къ Іоанну, что увидѣлъ необходимость требовать его вспоможенія, ежедневно слабѣя въ силахъ, хотя и побѣждая? Но могъ ли умный Атаманъ и съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, оставленныхъ Россіею, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые платили дань пришельцамъ единственно подъ угрозою меча или выстрѣла? Гораздо вѣроятнѣе, что Лѣтописецъ, не бывъ очевидцемъ дѣяній, означаетъ ихъ порядокъ на-угадъ; или Ермакъ опасался безвременно хвалиться въ Россіи успѣхомъ: хотѣлъ прежде довершить завоеваніе, и довершилъ, по его мнѣнію, загнавъ Кучюма въ дальнія степи и водрузивъ межевый столпъ Государства Московскаго на берегу Оби.

Восхищенные вѣстію Атамановъ, Строгановы спѣшили въ Москву, донесли Государю о всѣхъ подробностяхъ и молили его утвердить Сибирь за Россіею: ибо они, какъ частные люди, не имѣли способовъ удержать столь обширное

завоеваніе. Явились и Послы Ерм
Атаманъ Кольцо съ товарищами, *би*
ломъ Іоанну Царствомъ Сибирским
гоцѣнными соболями, черными ли
Радость въ Москвѣ. и бобрами. Давно, какъ пишутъ (
бывало такого веселія въ Москвѣ у
Государь и народъ *воспрянули д*
Слова: «новое Царство послалъ
Россіи!» съ живѣйшею радостію п
лись во дворцѣ и на Красной пл
Звонили въ колокола, пѣли молебн
годарственные, какъ въ счастливы
мена Іоанновой юности, завоеваній
скаго и Астраханскаго. Молва увел
славу подвига: говорили о безчисл
воинствахъ, разбитыхъ Козаками:
жествѣ народовъ, ими покоренных
смѣтномъ богатствѣ, ими найденно
залось, что Сибирь упала тогда с
для Россіянъ: забыли ея давнишн
вѣстность и самое подданство, чтоб
болѣе славить Ермака. Опала сд
честію: оглашенный преступникъ,
Кольцо, смиренно наклоняя по
свою голову предъ Царемъ и Б
слышалъ милость, хвалу, имя
витязя, и съ слезами лобызалъ рук
нову. Государь жаловалъ его и
Сибирскихъ Пословъ деньгами, с
камками; немедленно отрядилъ В
Князя Семена Дмитріевича Болхо

повника Ивана Глухова и 500 Стрѣль- Посланіе рати въ Сибирь.
въ къ Ермаку (703); дозволилъ Ивану
льцу на возвратномъ пути искать охот-
ковъ для переселенія въ новый край То-
льскій и велѣлъ Епископу Вологодскому
править туда десять Священниковъ съ
ь семействами для Христіанскаго бого-
уженія. Весною Князь Болховскій дол- Г. 1583.
нъ былъ взять ладіи у Строгановыхъ и
ыть рѣкою Чусовою по слѣдамъ Сибир-
го Героя. Сіи усердные, знаменитые
аждане, истинные виновники столь важ-
о пріобрѣтенія для Россіи, уступивъ
е Государству, не остались безъ воз-
дія: Іоаннъ за ихъ *службу и радѣніе*
каловалъ Семену Строганову два мѣ-
чка, Большую и Малую Соль, на Волгѣ,
Максиму и Никитѣ право торговать во
ѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно (704).
Между тѣмъ завоеватели Сибирскіе не
здно ждали добрыхъ вѣстей изъ Рссіи:
шли рѣкою Тавдою въ землю Вогули- Новыя завоеванія.
ч (705). — Близъ устья сей рѣки господ-
овали Князья Татарскіе, Лабутанъ и
ченѣгъ, разбитые Ермакомъ въ дѣлѣ
овопролитномъ, на берегу озера, гдѣ,
къ увѣряетъ повѣствователь, и въ его
емя еще лежало множество костей чело-
ческихъ (706). Но робкіе Вогуличи Ко-
цкой и Табаринской волости мирно дали
къ Атаманамъ. Сіи тихіе дикари жили

залъ ему долговременную славу, но умол
близкой его смерти. Здѣсь баснословіе из
еще Гигантовъ между карлами Вогульским
жители сей печальной земли не бываютъ
два аршина ростомъ: пишутъ, что Р
близъ городка Табаринскаго съ изумленіем
дѣли великана, въ двѣ сажени вышиною,
рый хваталъ рукою и давилъ вдругъ чел
по-десяти или болѣе; что они не могли
его живаго и застрѣлили! Вообще извѣ
семъ походѣ не весьма достовѣрно, на
только въ прибавленіи къ Сибирской лѣт
Тамъ сказано далѣе, что Ермакъ, дост
болотъ и лѣсовъ Пелымскихъ, разсѣявъ
Вогуличей и взявъ плѣнниковъ, старался
отъ нихъ о пути съ береговъ Верхней
черезъ Каменный Поясъ въ Пермь, даб
крыть новое сообщеніе съ Россіею, менѣе
ное или трудное, но не могъ проложить с

вно именуемую въ титулѣ Москов-
ъ Самодержцевъ (707), Ермакъ возвра-
я въ Сибирскую столицу принять за
ные труды отличную награду.
ванъ Кольцо прибылъ въ Искеръ съ
даревымъ жалованьемъ, Князь Бол-
кій съ людьми воинскими. Первый
илъ Атаманамъ и рядовымъ богатые
, а Вождю ихъ двѣ брони, серебряный
къ и шубу съ плеча Царскаго (708).
нъ въ ласковой грамотѣ объявилъ
камъ вѣчное забвеніе старыхъ винъ
чную благодарность Россіи за важную
гу; назвалъ Ермака (такъ пишутъ)
земъ Сибирскимъ (709); велѣлъ ему рас-
жать и начальствовать, какъ было до-
, чтобы утвердить порядокъ въ землѣ
рховную Государеву власть надъ нею.
ки же честили Іоаннова Воеводу и
ъ Стрѣльцевъ, дарили соболями, уго-
со всею возможною роскошью (710),
вясь съ ними къ дальнѣйшимъ пред-
іямъ. — Сіе счастіе Ермаково и
вижниковъ его не продолжилось: на-
ются ихъ бѣдствія.

Жалованье Царское.

первыхъ открылась жестокая цынга,
знь обыкновенная для новыхъ при-
цевъ въ климатахъ сырыхъ, холод-
ь, въ мѣстахъ еще дикихъ, мало насе-
ыхъ: занемогли Стрѣльцы, отъ нихъ
заки; многіе лишились силъ, многіе и

Болѣзни и голодъ въ Сибири.

жизни. Вовторыхъ оказался зимою недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: страшные морозы, вьюги, мятели, препятствуя Козакамъ ловить звѣрей и рыбу, мѣшали и доставленію хлѣба изъ сосѣдственныхъ Юртовъ, гдѣ нѣтоторые жители занимались скуднымъ землепашествомъ. Сдѣлался голодъ: болѣзнь еще усилилась; люди гибли ежедневно, а въ числѣ многихъ другихъ умеръ и самъ Воевода Іоанновъ, Князь Болховскій, съ честію и слезами схороненный въ Искерѣ (711). Общее уныніе коснулось и Ермакова сердца: давно не боясь смерти, онъ боялся утратить завоеваніе, обмануть надежду Царя и Россіи. —

г. 1584. Сіе бѣдствіе миновало весною: теплота воздуха способствовала излеченію больныхъ, и подвозы доставили Россіянамъ изобиліе. Тогда Ермакъ (712), исполняя указъ Іоанновъ, отправилъ въ Москву Царевича Маметкула, написавъ къ Государю, что все опять благополучно въ его Сибири, но моля о сильнѣйшемъ, немедленномъ вспоможеніи, дабы удержать взятое и взять еще болѣе. — Сей плѣнный Царевичь, вѣрный блюститель Магометова Закона, служилъ послѣ въ нашихъ ратяхъ (713).

Лишась, можетъ быть, половины воиновъ отъ заразы и голода, Ермакъ претерпѣлъ еще знатную убыль въ силахъ от-

легковѣрія и неосторожности. Мурза или Князь Карача, оставивъ Царя своего въ несгодѣ, имѣлъ на Тарѣ Улусъ многолюдный, лазутчиковъ въ Искерѣ, друзей и единомышленниковъ во всѣхъ окрестныхъ Юртахъ; хотѣлъ быть избавителемъ отечества; ждалъ времени, и между тѣмъ коварно ласкалъ Россіянъ: прислалъ къ нимъ дары, требовалъ ихъ защиты, будто бы угрожаемый Ногаями; клялся въ вѣрности, и такъ обольстилъ Ермака, что онъ послалъ къ нему сорокъ добрыхъ воиновъ съ Атаманомъ Иваномъ Кольцомъ. Сія горсть людей отважныхъ могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей; но, влекомые Судьбою на гибель, Козаки шли къ мнимымъ друзьямъ безъ всякого опасенія и мирно стали подъ ножъ убійцъ: первый Герой Ермаковъ и воины его, львы въ сѣчахъ, пали какъ агнцы въ Тарскомъ Улусѣ (714)! .... Слѣдствіемъ были мятежъ и бунтъ всѣхъ нашихъ данниковъ: Татары, Остяки Сибирскіе возстали на Россіянъ, убили въ разъѣздѣ Атамана Якова Михайлова (715), соединились въ полѣ съ Карачею и стали необозримыми обозами вокругъ Искера, гдѣ Ермакъ увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ: завоеванія его, Царство и подданные вдругъ исчезли; нѣсколько саженей деревянной стѣны съ земляными укрѣпленіями со-

Неосторожность Козаковъ.

Осада города Сибири.

ставляли единственное владѣніе Козаковъ! Ермакъ могъ дѣлать вылазки, но жалѣлъ своихъ людей малочисленныхъ; стрѣлялъ, но безполезно, имѣя только легкія пушки: ибо непріятель стоялъ далеко и не хотѣлъ приступать къ стѣнамъ, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, дѣйствительно неминуемымъ для ея защитниковъ, если бы осада продолжилась. Въ сей крайности рѣшились Козаки на дѣло отчаянное: 12 Іюня (716), ночью, съ Атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ, оставивъ Ермака блюсти крѣпость, прокрались сквозь обозы непріятельскіе къ мѣсту называемому Саусканомъ, гдѣ былъ станъ Карачи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и кинулись на сонныхъ Татаръ: умертвили ихъ множество и двухъ сыновей Карачиныхъ, гнали бѣгущихъ во всѣ стороны, плавали въ крови невѣрныхъ. Самъ Князь или Мурза ушелъ за озеро только съ малымъ числомъ людей. Хотя утренній свѣтъ ободрилъ непріятелей; хотя они, приспѣвъ изъ другихъ становъ, удержали бѣглецовъ, сомкнулись и вступили въ бой: но Козаки, засѣвъ въ обозѣ Княжескомъ (717), сильною ружейною стрѣльбою отразили всѣ нападенія, и въ полдень съ торжествомъ возвратились въ городъ, ими освобожденный: ибо Карача, въ ужасѣ немедленно снявъ осаду, бѣжалъ за Ишимъ; а селенія и Юрты окрестные всѣ снова поддалися Ро-

мъ. Еще Судьба благопріятствовала мъ!

страхъ непріятелю и для своей буду- безопасности Ермакъ, хотя уже и сла- числомъ людей, предпріялъ итти въ за Карачею, вверхъ Иртышемъ, что- аспространить на Востокъ владенія и. Онъ побѣдилъ Князя Бегиша и городокъ его (коего остатки еще (718), на берегу излучистаго озера, устья Вагайскаго); завоевалъ всѣ мѣ- Ишима, местію ужасая непокорныхъ, безоружныхъ. Въ Саргацкой волости тогда какой-то знаменитый Старѣй- наслѣдственный главный судія всѣхъ въ Татарскихъ отъ временъ перваго Сибирскаго, и Князь Еличай въ го- Тебендѣ: оба изъявили смиреніе, а вмѣстѣ съ данію представилъ Ермаку ю дочь, невѣсту сына Кучюмова; но удренный Атаманъ велѣлъ ей уда- съ ея прелестями опасными и съ постію, какъ говоритъ Лѣтописецъ. устья Ишимскаго, въ кровопролит- хваткѣ съ жителями, бѣдными и свѣ- ми, Ермакъ лишился пяти мужествен- Козаковъ, донынѣ воспѣваемыхъ въ ыхъ Сибирскихъ пѣсняхъ (719); взялъ городокъ Ташатканъ, но не хотѣлъ о приступать къ важнѣйшей крѣпо- снованной Царемъ Кучюмомъ на бе-

Послѣднія завоеванія Ермаковы.

регу озера Аусаклу; достигнулъ рѣки Шиш
начинаются голыя степи, и распорядивъ д
семъ новомъ завоеваніи, возвратился въ И
съ трофеями, уже послѣдними!

Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сі
Казаки успѣли завести торговлю съ самы
даленными Азіатскими странами, издревл
ными богатствомъ и купечествомъ. Уж
ваны Бухарскіе ходили къ нимъ мимо
сквозь степи Киргизъ-Кайсаковъ, путем
сомнѣнія давно проложеннымъ (можетъ
еще во времена Чингисовы или его нас
ковъ) оживляя пустынную Сибирскую с
зрѣлищемъ дѣятельной ярмонки и дос
тамъ Россіянамъ, въ обмѣнъ на мягку
лядь, плоды Восточнаго ремесла, нужн
пріятные для воиновъ, которые не берег
зни, но любили наслаждаться ею. Ожида
купцевъ Бухарскихъ (720), и свѣдавъ, что
никъ Кучюмъ не даетъ имъ дороги въ
Вагайской, гдѣ онъ снова дерзнулъ явитьс
кій Ермакъ съ пятидесятью Козаками сп
ихъ встрѣтить: искалъ цѣлый день, не
ни каравана, ни слѣдовъ непріятеля, и
вратномъ пути расположился ночевать
трахъ, оставивъ лодки свои у берега,
Вагайскаго устья, гдѣ Иртышъ, дѣлясь н
течетъ весьма кривою излучиною къ Во
прямымъ искусственнымъ каналомъ, н
мымъ *Ермаковою перекопью*, но вырытым
надобно думать, въ древнѣйшія времен

гладкіе берега его не представляютъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ копанія (721). Тамъ же, къ Югу отъ рѣки, среди низкаго луга, возвышается холмъ, насыпанный, по общему преданію, руками дѣвичьими для жилища Царскаго (722). Между сими памятниками какого-то забытаго вѣка надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, съ коего начинается ея несомнительная Исторія — погибнуть отъ своей оплошности, изъясняемой единственно неодолимымъ дѣйствіемъ Рока. Ермакъ зналъ о близости врага, и, какъ бы утомленный жизнію, погрузился въ глубокій сонъ съ своими удалыми витязями, безъ наблюденія, безъ стражи. Лилъ сильный дождь; рѣка и вѣтеръ шумѣли, тѣмъ болѣе усыпляя козаковъ; а непріятель бодрствовалъ на другой сторонѣ рѣки: его лазутчики сыскали бродъ, тихо приблизились къ стану Ермакову, видѣли сонныхъ, взяли у нихъ три пищали съ лядунками и представили своему Царю въ удостовѣреніе, что можно наконецъ истребить непобѣдимыхъ (723). *Заиграло Кучюмово сердце*, какъ сказано въ лѣтописи: онъ напалъ на Россіянъ полумертвыхъ (въ ночи 5 Августа) и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ; другой, самъ Ермакъ, пробужденный звукомъ мечей и стономъ издыхающихъ, воспрянулъ . . . . .

Гибель Ермакова.

увидѣлъ гибель, махомъ сабли ес
зилъ убійцъ, кинулся въ бурный г
Иртышъ и, не доплывъ до своихъ
утонулъ отягченный желѣзною б
данною ему Іоанномъ . . . . Конец
кій для завоевателя: ибо, лишаясь
онъ могъ думать, что лишается и с
Нѣтъ, волны Иртыша не поглоти
Россія, Исторія и Церковь гласятъ
вѣчную память!

Сей Герой — ибо отечество благ
давно изгладило имя разбойника пр
маковымъ — сей Герой погибъ безвр
но совершивъ главное дѣло: ибо К
зарѣзавъ 49 сонныхъ Козаковъ, уже
отнять Сибирскаго Царства у велик
жавы, которая единожды навсегда п
оное своимъ достояніемъ. Ни соврем
ни потомство не думали отнимать у
полной чести сего завоеванія, вели
блесть его не только въ лѣтописаніях
въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще
торжественно молимся за него и за
ну храбрыхъ, которые вмѣстѣ с
пали на берегахъ Иртыша. Тамъ и
витязя живетъ и въ названіи мѣст
преданіяхъ изустныхъ; тамъ самы
Изображеніе Героя Сибирскаго. ныя жилища украшаются изображ
Атамана-Князя. Онъ былъ видомъ
роденъ, сановитъ, росту средняго
покъ мышцами, широкъ плечами;

лице плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательнаго. — Тѣло Ермаково (13 Августа) приплыло къ селенію Епанчинскимъ Юртамъ, въ 12 верстахъ отъ Абалака, гдѣ Татаринъ Янишъ, внукъ Князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ ноги человѣческія, петлею вытащилъ мертваго, узналъ его по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною опра́вою, съ золотымъ орломъ на груди, и созвалъ всѣхъ жителей деревни видѣть исполина бездушнаго. Пишутъ, что одинъ Мурза, именемъ Кандаулъ, хотѣлъ снять броню съ мертваго, и что изъ тѣла, уже оцѣпенѣлаго, вдругъ хлынула свѣжая кровь; что злобные Татары, положивъ оное на рундукъ, пускали въ него стрѣлы; что сіе продолжалось шесть недѣль; что Царь Кучюмъ и самые отдаленные Князья Остяцкіе съѣхались туда наслаждаться местію; что, къ удивленію ихъ, плотоядныя птицы, стаями летая надъ трупомъ, не смѣли его коснуться; что страшныя видѣнія и сны заставили невѣрныхъ схоронить мертвеца, на Бегишевскомъ кладбищѣ, подъ кудрявою сосною; что они, въ честь ему изжаривъ 30 быковъ въ день погребенія [724], отдали верхнюю кольчугу Ермакову жрецамъ славнаго Бѣлогорскаго Идола, нижнюю Мурзѣ Кандаулу, кафтанъ Князю Сейдеку, а саблю съ поясомъ Мурзѣ Карачѣ; что многія чудеса совершались надъ Ермаковою могилою, сіялъ яркій свѣтъ и пылалъ столпъ

огненный; что Духовенство Магометанское, испуганное ихъ дѣйствіемъ, нашло способъ скрыть сію могилу, нынѣ никому неизвѣстную; что Сотникъ Ульянъ Ремезовъ въ 1650 году узналъ всѣ обстоятельства Ермаковыхъ дѣлъ и смерти отъ Тайши Калмыцкаго Аблая, ревностно желавшаго имѣть и наконецъ доставшаго броню Ермакову отъ потомковъ Кандауловыхъ.

Вѣсть о гибели Вождя привела въ неописанный ужасъ Россіянъ въ Сибири: ихъ было около ста пятидесяти, Козаковъ и воиновъ Московскихъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгановской дружины (725), подъ главнымъ начальствомъ Атамана Матвѣя Мещеряка. Съ Ермакомъ все для нихъ кончилось: и смѣлость великодушная и надежда. Опасаясь Кучюма, Сейдека, Карачи, жителей, голода, они рѣшились итти назадъ въ Россію, и вышли (15 Августа) изъ Сибирской столицы съ горькими слезами, покидая въ ней гробы братьевъ и знаменія Христіанства, теряя всѣ плоды своихъ трудовъ кровавыхъ, видя между собою и святою Русью еще пустыни необозримыя, опасности, битвы и, можетъ быть, смерть безвѣстную. Сіи уже не гордые завоеватели, а бѣдные изгнанники поплыли вверхъ Тобола, къ великой радости Кучюма и всѣхъ жителей: ибо дикіе не любятъ господъ чужеземныхъ

Козаки оставляютъ Сибирь.

Убивъ Ермака, Кучюмъ не дерзнулъ приступить къ Искеру; свѣдавъ о бѣгствѣ Козаковъ, все еще для него страшныхъ, непобѣдимыхъ, и въ крѣпости и въ ладіяхъ громоносныхъ, не мыслилъ тревожить ихъ плаванія, и въ слѣдъ за сыномъ своимъ, Алеемъ, вошелъ въ пустый городъ Сибирскій, снова царствовать и снова лишиться Царства ..... Тамъ не осталось Россіянъ: остались ихъ прахъ и могилы: они звали мстителей; тѣни Ермака и его усопшихъ сподвижниковъ манили Россіянъ довершить легкое завоеваніе края неизмѣримаго, отъ Каменнаго Пояса до Сѣверной Америки и Восточнаго Океана, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, надлежало сойтися предѣламъ нашего отечества съ предѣлами Испанскихъ владѣній; гдѣ ожидали насъ не только богатые рудники, драгоцѣнные плоды звѣроловства, выгодная мѣна Китайская, но и слава мирнаго гражданскаго образованія дикихъ народовъ, и счастливый способъ искоренять преступленія людей безъ душегубства, оставлять жизнь и злодѣямъ, безвредно и еще не безкорыстно для Государства, населять ими пустыни — ихъ руками, отъ узъ свободными, извлекать сокровища изъ нѣдръ земли, и не рѣдко исправлять сихъ злосчастныхъ, къ утѣшенію человѣчества.

Скоро увидимъ возвращеніе Россіянъ, ихъ дальнѣйшія побѣды и завоеванія въ новомъ мірѣ Сибирскомъ, уже въ царствованіе Іоаннова преемника.

ГРОЗНАГО.

Г. 1582 — 1584.

Война и перемиріе съ Швеціею. Дѣла Лит
Бунтъ Черемисскій. Сношенія съ разным
жавами и въ особенности съ Англіею. В
ніе Іоанново жениться на Англичанкѣ. О
невѣсты. Посольство въ Лондонъ. Посол
саветинъ. Болѣзнь и кончина Іоаннова.
Россіянъ къ Самодержавію. Сравненіе Іо
другими мучителями. Польза Исторіи.
добра и зла въ Іоаннѣ. Іоаннъ образоват
сударственный и Законодавецъ. Приказ
ки, Приказные люди. Думные Дворяне.
Сверстные и Младшіе. Князья служилые.
ники. Ратныя учрежденія. Законы. Цѣн
Церковныя учрежденія. Достопамятный
церковный. Строеніе городовъ. Состоя
сквы. Торговля. Роскошь и пышност
Іоаннова.

о непріятеля и тѣмъ возвысить честь
ружія въ глазахъ Европы. Успѣхъ ка-
сомнительнымъ, легкимъ. Баторій не
редалъ Шведскаго Короля мести Іоан-
ю еще и самъ угрожалъ ему войною за
: требуя сей области, онъ велѣлъ ска-
олю: «Ты воспользовался моими успѣ-
присвоилъ себѣ Нарву съ другими го-
Нѣмецкими, собственность Польши;» а
отвѣтствовалъ: «Что пріобрѣтено кро-
ихъ, то наше. Я былъ въ полѣ, еще не
аменъ твоихъ. Вспомни, что вся Европа
ла нѣкогда имени Готѳовъ, коихъ мы
вали и силу и мужество: не боимся
и Русскаго, ни Седмиградскаго» (726).
ость, если и великодушная, могла имѣть
ія слѣдствія для Швеціи слабой, еще
ой изувѣрствомъ ея Вѣнценосца, ревно-
къ Латинству и ссорою съ братомъ,
мъ Карломъ. *Съ одной* стороны пылкій
, сказавъ: «возьму, чего требую,» гото-
тти на Шведовъ; *съ другой* Іоанновы
, Князья Михайло Катыревъ-Ростов-
менскій, Хворостининъ, Меркурій Щер-
ыступивъ изъ Новагорода, шли къ Нар-
ѣ и за Неву въ Финляндію (727): встрѣ-
пріятеля въ Ботской Пятинѣ, въ селѣ
ъ, и разбили его на голову. Іоаннъ
ь имъ золотыя медали, отличивъ истин-
новника сей побѣды, Князя Дмитрія
инина, одного изъ Псковскихъ Ге-

Гарди неожиданно устремился къ Нот
гу или Орѣшку, чтобы взять его смѣ
приступомъ. Тамъ начальствовали Вое
Князь Василій Ростовскій, Судаковъ,
стовъ: они бились неустрашимо; рѣ
топили Шведовъ въ Невѣ; а Князь А
Шуйскій спѣшилъ съ конными дружи
изъ Новагорода для спасенія сей ва
крѣпости. Надменный де-ла-Гарди бѣ

Но Судьба помогла Швеціи. Герой
рій, сильный въ битвахъ, увидѣлъ сла
свою на Сеймѣ, гдѣ неблагодарные,
вольные Паны, отвергнувъ всѣ его пр
женія, внушенныя ему истинною люб
къ ихъ отечеству, сказали рѣшите
«не хотимъ войны, ни съ Крымомъ,
Шведами; не даемъ ни людей, ни ден
Ты король, если вѣрно исполняешь ус
Королевства, примолвилъ одинъ изъ

осѣ, и 26 Мая (1583) заключили [illegible]
ріе, на два мѣсяца, а послѣ на три года,
авивъ Яму, Ивань-городъ, Копорье [illegible]
ахъ Шведовъ [729]! . . . . Сія неожидан-
уступчивость изъясняется слѣдующими
тоятельствами:

Вопервыхъ, миръ съ Литвою казался не-
ьма надежнымъ [730]. Послы Баторіевы,
одясь въ Москвѣ для утвержденія [illegible]
а, объявили новыя требованія: [illegible]
бы Іоаннъ нигдѣ не писался [illegible]
онскимъ и призналъ всю Эстонію [illegible]
нымъ Стефановымъ владѣніемъ. [illegible]
ько отчасти удовлетворили [illegible]
ію, давъ имъ грамоту [illegible]
омъ не воевать Эстоніи [illegible]
и лѣтъ. Іоаннъ присягнулъ, [illegible]
же, исполнять честно всѣ [illegible]
овскіе Воеводы силою [illegible] ю,
Уѣздахъ Торопецкомъ, [illegible] ыдъ
мъ; не хотѣли опредѣл[illegible] и са-
ъ между обѣими Держав[illegible] ва опа-
честили нашихъ [illegible] я крово-
и обѣщанный [illegible] предѣлахъ
ля за Θедора [illegible] рнютъ, изъя-
отыхъ, или около [illegible] райней мѣрѣ не
олей, за Князя [illegible] ударственныхъ,
оростинина 3228 [illegible] въ Москвѣ, уже
лей [731], но [illegible] ндровскую Слобо-
Стефанъ, [illegible] обитала кровавая
Царемъ, [illegible] утствовалъ въ Думѣ

ведливыми, обязываясь немедленно
дерзость Литовскихъ чиновниковъ,
нилъ Россіянъ, оправдывая своихъ,
нудилъ Іоанна послать на границу (в
тябрѣ 1583 года) 2000 Дѣтей Боярс
Стрѣльцовъ, чтобы защитить ея ж
отъ дальнѣйшихъ утѣсненій Вите
Воеводы Паца, который основалъ
крѣпость на землѣ Россійской. О
словомъ, не смотря на всю малод
терпѣливость Іоаннову, непріятельск
ствія съ сей стороны легко могли во
виться.

Бунтъ Черемисскій.

Вовторыхъ, общій бунтъ незапно
нулъ въ землѣ Луговыхъ Черемисовъ
опасный и жестокій, что Казанскіе
ды никакъ не могли усмирить его.
воженный Государь (въ Октябрѣ 158
послалъ къ нимъ войско съ Княземъ
кимъ; свѣдавъ же, что бунтъ не ути
велѣлъ итти туда изъ Мурома зн
шимъ Полководцамъ, Князьямъ
Михайловичу Воротынскому и муж
ному Дмитрію Хворостинину (732).
вѣсти еще болѣе устрашили Москву
ли, что Ханъ Магметъ-Гирей, в
мирной грамотѣ, сносится съ Че
скими мятежниками и готовъ устре
на Россію; что Ногаи, дотолѣ в
имъ и Сибирскимъ Царемъ возбужд
грабятъ въ Камскихъ предѣлахъ.

ло вдругъ дѣйствовать всѣми силами: отря-
ли войско къ Камѣ; другое подъ началь-
вомъ Князей, Ѳедора Мстиславскаго, Курля-
ва, Щуйскихъ, заняло берега Оки; третіе
ыло на судахъ Волгою къ Свіяжску. Ханъ не
рнулъ вступить въ Россію; но бунтъ Чере-
сскій продолжался до конца Іоанновой жизни
остервененіемъ удивительнымъ: не имѣя ни
лъ, ни искусства для стройныхъ битвъ въ
лѣ, сіи дикари свирѣпые, озлобленные, вѣ-
тно, жестокостію Царскихъ чиновниковъ,
вались съ Московскими воинами на пеплѣ
лищъ своихъ, въ лѣсахъ и въ вертепахъ,
томъ и зимою; хотѣли независимости или
ерти. Для стѣсненія мятежниковъ Воевода,
язь Туренинъ, основалъ тогда крѣпость Коз-
демьянскъ.

Такимъ образомъ, купивъ дорогою цѣною пе-
миріе съ Литвою, чтобы потоптать Швецію,
, вмѣсто успѣховъ важныхъ, имѣвъ стыдъ
змолвно уступить ей и города Эстонскіе и са-
ю древнюю собственность Россіи — снова опа-
сь и Баторія и Хана — наконецъ видя крово-
олитный мятежъ въ восточныхъ предѣлахъ
оей Державы, Іоаннъ, какъ увѣряютъ, изъя-
лялъ наружное спокойствіе; по крайней мѣрѣ не
рялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ,
утреннихъ и внѣшнихъ; жилъ въ Москвѣ, уже
тавивъ злосчастную Александровскую Слобо-
, гдѣ, для его воображенія, обитала кровавая
нь убитаго имъ сына; присутствовалъ въ Думѣ

вляя учтивость, но ни слова не гово
ни о войнѣ, ни о мирѣ: дозволяя
его купцамъ ѣздить въ Москву, и на
скія парчи вымѣнивать соболей —
рями Державъ Каспійскихъ также
единственно дѣла торговыя. Но все
бопытнѣе были тогда сношенія Дво
сковскаго съ Лондонскимъ.

Торговля Англичанъ съ 1572 года
цвѣла въ Россіи: они снова хвалились
стію Царскою, вездѣ находили управу,
ту, вспоможеніе, къ досадѣ купцевъ
ландскихъ и Нѣмецкихъ, которые
происками и навѣтами хотѣли вреди
въ мысляхъ Іоанновыхъ, не жалѣя
въ Москвѣ, подкупая Дьяковъ и Цар
цевъ. Елисавета также не внимала пр
вленіямъ Державъ Сѣверныхъ о вре
торговли для Европы, угрожаемой в

скій, желая лишить Россію сообщенія съ Европейскими Государствами, вступается нынѣ въ Колу и Печенгу, древнюю собственность моего отечества: уничтожимъ его замыслы; очисти море и путь къ Двинѣ военными кораблями; а я велѣлъ ратнымъ своимъ дружинамъ занять пристани Сѣвернаго Океана для охраненія твоихъ гостей отъ насилія Датчанъ» (734). о Фридерикъ, объявивъ требованія несправедливыя, замолчалъ, не думая воевать съ Россіею въ дикихъ пустыняхъ ланландскихъ, и боясь оскорбить Англію, же сильную флотами.

Одобряемый умомъ государственнымъ, кренній союзъ сихъ двухъ Державъ новывался и на личномъ дружествѣ анновомъ къ Королевѣ, питаемомъ разазами Англійскихъ купцевъ въ Москвѣ великихъ свойствахъ и дѣлахъ Елисаты, объ ея красотѣ и любезности, о бромъ расположеніи и любви къ Царю; сали даже, что онъ мыслилъ жениться сей пятидесятилѣтней красавицѣ (735): азаніе, коего истина не подтверждается торическими современными свидѣтельвами; но Іоаннъ, въ шестый или въ Намѣреніе Іоанново жениться на Англичанкѣ. дьмый разъ женатый, въ самый первый нь сего несчастнаго брака, уже *зная еменность Маріи*, дѣйствительно искалъ ѣ знатной невѣсты въ Англіи, чтобы

еще болѣе укрѣпить дружественную
съ Елисаветою! . . . Предложимъ об
тельства дѣла, столь любопытнаго, с
которою подробностію.

Приславъ въ Москву Лейбъ-Медик
берта Якоби, Королева (лѣтомъ въ
году) писала къ Царю: «Мужа иску
«шаго въ цѣленіи болѣзней уступаю
«моему *брату кровному*, не для того,
«бы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для
«что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло вв
«ему свое здравіе. Посылаю съ ним
«угодность твою, Аптекарей и цырю
«ковъ, волею и неволею, хотя мы
«имѣемъ недостатокъ въ такихъ
«дяхъ» (736). Бесѣдуя съ Робертомъ
аннъ спросилъ у него, есть ли въ А
невѣсты, вдовы или дѣвицы, дост
руки Вѣнценосца? «Знаю одну,» ск
Медикъ: «Марію Гастингсъ, тридца
«нюю дочь *Владѣтельнаго* Князя,
«Гонтингдонскаго, племянницу Кор
«ну по матери.» Вѣроятно, что Ро
угадавъ намѣреніе Іоанново, благо
ное для выгодъ Англіи, плѣнилъ е
ображеніе описаніемъ необыкнове
Посольство въ Лондонъ. достоинствъ невѣсты; по крайней
Царь немедленно отправилъ Двор
Писемскаго въ Лондонъ съ слѣдую
наставленіемъ: «1) Условиться о тѣ
«государственномъ союзѣ между А

оссіею. 2) Быть наединѣ у Королевы, а тайну открыть ей мысль Государеву разсужденіи женидьбы, если Марія Гасъ имѣетъ качества нужныя для Царской сты: для чего требовать свиданія съ и живописнаго образа ея (на декѣ или гѣ). 3) Замѣтить, высока ли она, дород- ли, бѣла ли, и какихъ лѣтъ? 4) Узнать ство ея съ Королевою и санъ отца; тъ ли братьевъ, сестеръ? Развѣдать объ все, что можно. Буде Королева скажетъ, у Государя есть супруга, то отвѣтство- : *правда; но она не Царевна, не Княжна дѣтельная, не угодна ему и будетъ оста- а для племянницы Королевиной.* 5) Объя- , что Марія должна принять Вѣру Грече-, равно какъ и *люди* ея, которые захотятъ *при Дворѣ* Московскомъ (737); что наслѣд- мъ Государства будетъ Царевичь Ѳеодоръ, новьямъ Княжны Англійской дадутся осо- ыя частныя владѣнія или Удѣлы, какъ евле водилось въ Россіи; что сіи условія *емлѣны*, и что въ случаѣ Королевина не- асія тебѣ велѣно требовать отпуска.» — густа (1582 года) отплывъ изъ Колмогоръ, скій вышелъ не берегъ Англіи 16 Сен-, въ то время, когда заразительная бо- (738), свирѣпствуя въ Лондонѣ, принудила авету удалиться въ Виндзоръ и жить уеди-. Посла возили изъ деревни въ деревню, али, знакомили съ Англіею, но не могли

унять его жалобъ на скуку праздности въ теченіе шести или семи недѣль. Наконецъ, 4 Ноября, онъ съ Дьякомъ своимъ, Неудачею, и толмачемъ Бекманомъ былъ представленъ Королевѣ въ Виндзорскомъ замкѣ, среди многочисленнаго собранія Вельможъ, Перовъ (739), сановниковъ Двора и купцевъ Лондонскаго Россійскаго Общества. Елисавета встала, слыша имя Іоанново; ступила нѣсколько шаговъ впередъ; взявъ дары и письмо Государево, сказала съ улыбкою, что не знаетъ Русскаго языка; спрашивала о здравіи своего друга; изъявила сожалѣніе о смерти Царевича; была весела, привѣтлива, и на слова Писемскаго, что Іоаннъ любитъ Королеву болѣе всѣхъ иныхъ Европейскихъ Вѣнценосцевъ, отвѣтствовала: «люблю «его не менѣе и душевно желаю видѣть когда «нибудь собственными глазами.» Она хотѣла знать, нравится ли Послу Англія, и спокойно ли въ Россіи? Писемскій хвалилъ Англію, изобильную, многолюдную; увѣрялъ, что всѣ мятежи утихли въ Россіи; что преступники изъявили раскаяніе, а Государь милость. — Довольный пріемомъ, честію, ласкою, Писемскій не былъ доволенъ медленностію Елисаветы въ дѣлахъ; не хотѣлъ ни гулять, ни забавляться звѣриною ловлею, какъ ему предлагали, и говорилъ: «мы здѣсь за дѣломъ, а не за *игрушками*: «мы Послы, а не стрѣлки» (740). 18 Декабря, въ *селѣ* Гриничѣ, онъ имѣлъ первое, важное объ*ясненіе* съ Министрами Англійскими: сказалъ

то Баторій, союзникъ Папы и Цесаря, есть врагъ Россіи; что Іоаннъ, издавна *жалуя Англичанъ какъ своихъ людей*, намѣренъ торжественнымъ договоромъ утвердить дружбу съ Елисаветою, дабы имѣть съ нею однихъ пріятелей и непріятелей, вмѣстѣ воевать и мириться; что Королева можетъ ему содѣйствовать, если не оружіемъ, то деньгами; что онъ, не имѣя ничего завѣтнаго для Англіи изъ произведеній Россійскихъ, требуетъ отъ нее снаряда огнестрѣльнаго, доспѣховъ, сѣры, нефти, мѣди, олова, свинца и всего нужнаго для войны. «Но развѣ война Литовская не кончилась?» спросили Елисаветины Министры: «Папа хвалится примиреніемъ Царя съ Баторіемъ.» *Папа можетъ хвалиться, чѣмъ ему угодно*, отвѣтствовалъ Іоанновъ сановникъ: *Государь нашъ знаетъ, кто ему другъ и недругъ.* Министры изъявили согласіе Королевы на всѣ предложенія Царя и написали главныя статьи договора, именуя Іоанна братомъ и *племянникомъ* Елисаветинымъ, употребивъ выраженіе: «Царь *проситъ* Королеву,» и прибавивъ, что никакимъ иноземцамъ, кромѣ Англичанъ, не торговать въ землѣ Двинской, въ Соловкахъ, на рѣкѣ Оби, Печорѣ, Мезени. Писемскій сказалъ съ неудовольствіемъ: «Царь братъ, а не *племянникъ* Елисаветинъ; Царь объявляетъ волю свою, требуетъ, спрашиваетъ, а не *проситъ*, и никому не даетъ исключительнаго права торговли въ Россіи: пристани наши открыты для всѣхъ

«мореплавателей иноземныхъ.» Министры вычернили имя *племянникъ*, объяснивъ, что оно есть ласковое, не унизительное; вычернили и слово *просить;* доказывали, что Англичане, съ великими опасностями, трудами, издержками отыскавъ путь къ берегамъ Сѣверной Россіи, могутъ по справедливости требовать исключительныхъ для себя выгодъ въ Двинской торговлѣ. Они жаловались также на пошлину новую, тягостную для ихъ купцевъ. Писемскій возразилъ, что сіи купцы, долго свободные отъ всякой пошлины, обогатились у насъ *неслыханно*, и что Государь уставилъ брать съ нихъ только легкую, *половинную;* что имѣя жестокую войну съ Литвою, съ Ханомъ и съ иными врагами, онъ въ 1581 году велѣлъ гостямъ Англійскимъ внести въ Московскую казну 1000 рублей, а въ 1582 году 500 рублей, какъ и всѣмъ другимъ гостямъ, чужеземнымъ и нашимъ, обложеннымъ соразмѣрно ихъ богатству для воинскихъ издержекъ (741). — Симъ заключились государственные переговоры: началось сватовство.

18 Генваря Елисавета призвала нетерпѣливаго Писемскаго къ себѣ, осталась съ нимъ наединѣ и спросила о тайномъ дѣлѣ Государевомъ, уже ей извѣстномъ по донесенію Медика Роберта; слушала съ великимъ вниманіемъ, изъявила благодарность за желаніе Іоанна быть съ нею въ свойствѣ, но не думала, чтобы Марія Гастингсъ, отличаясь единственно нравственными достоинствами, могла полюбиться ему

ному любителю красоты. «Къ тому же
явила Елисавета) она не давно была въ
ни за что въ свѣтѣ не соглашусь, чтобы
дѣлъ и живописецъ изобразилъ ее для
съ лицемъ краснымъ, съ глубокими ря-
и.» Посолъ настоялъ: Королева обѣщала,
времени, нужнаго для совершеннаго вы-
ленія невѣсты. Далѣе говорили объ усло-
брака. Дочь Генрика VIII, мужа шести
не дивилась, что Царь, имѣя супругу,
другой; но хотѣла заблаговременно, тор-
нымъ договоромъ, утвердить права бу-
Царицы и дѣтей ея. Съ симъ отпустили
который нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ чести
невѣсту.

ду тѣмъ супруга Іоаннова (19 Октября) ро-
Москвѣ сына Уара-Димитрія (741), столь
наго для себя и Россіи, невиннаго винов-
олговременныхъ злодѣйствъ и бѣдствій!
стіе быть снова отцемъ не тронуло Іоан-
рдца: онъ все еще мыслилъ удалить мать
іеву отъ своего ложа и жениться на Ели-
ой племянницѣ, ибо не далъ Писемскому
къ новыхъ повелѣній, такъ, что сей усерд-
новникъ, слыша въ Лондонѣ о рожденіи
ча, не хотѣлъ тому вѣрить. «Злые люди»
рилъ онъ Министрамъ Англійскимъ — вы-
сію новость, чтобы препятствовать Госу-
сватовству, благословенному для вашего
о отечества (742). Королева должна вѣрить
твенно грамотѣ Царя и мнѣ, Послу его.»

нутъ явилась и Марія съ женою Канц
съ Графинею Гонтингдонскою, со мно
знатными Англичанками. «Вотъ она,
залъ Бромлей Послу: «гляди, разсм
«вай на досугѣ. Королевѣ угодно, ч
«ты видѣлъ ее не въ темномъ мѣст
«въ комнатахъ, а на чистомъ возд
Невѣста поклонилась и стала непод
предъ своимъ, для женскаго само
опаснымъ цѣнителемъ, который, у
ствуя оправдать важную къ нему дов
ность Іоаннову, устремилъ любопы
проницательный взоръ на скромную А
чанку, чтобы все видѣть, ничего н
быть, впечатлѣть образъ ея въ пам
передать Государю безъ ошибки. Ска
довольно, онъ гулялъ съ невѣсто
алеяхъ сада, расходился, встрѣчал
нею, еще смотрѣлъ — и написалъ в

мнѣніе Писемскаго; говорила, что ему конечно не нравится; что изоніе лица ея, съ нимъ посылаемое и ю не украшенное художникомъ, безъ нія такъ же не плѣнитъ разборчиваго . Скатъ увѣрялъ Елисавету въ промъ — и, казалось, угодилъ ей своими ии. Слѣдственно она желала сего браелала и невѣста, какъ пишутъ (743), ро перемѣнила мысли, устрашенная зами о свирѣпости жениха вѣнцето, и безъ труда убѣдила Королеву ть ее отъ сей чести.

стивъ Посла великолѣпнымъ обѣъ Гриничѣ, Елисавета дала ему два къ Іоанну: въ одномъ благодарила предложеніе союза, въ другомъ *за еніе посѣтить Англію* (какъ она слы не въ случаѣ какой либо опасности, а, бѣдствія (744), но только для сви личнаго знакомства съ нѣжною се, готовою доказать ему, что ея земля ля него вторая Россія. — Съ Писем отправился въ Москву Посолъ Ан- Посолъ Елисаветинъ. ій, Іеронимъ Баусъ, для рѣшительокончанія всѣхъ дѣлъ, государствен и *тайныхъ*, какъ объявила Елиса-

нъ былъ доволенъ: принялъ Бауса ктября 1583) весьма милостиво; съ шимъ участіемъ распрашивалъ о

къ тайному дѣлу о сватовствѣ. То и дру
залось Царю уже легкимъ, несомнитель
по донесеніямъ Писемскаго; но Царь о
ошиблась, можетъ быть, и Елисавета, и
Бауса для утвержденія пріязни съ Іоа
человѣка неуклоннаго, грубаго, который
вомъ словѣ объявилъ рѣшительно, что
жетъ перемѣнить ни буквы въ статьях
ченныхъ Англійскими Министрами наше
слу въ Лондонѣ; что Елисавета готова
Царя, съ кѣмъ ему угодно, а не воевать
шими врагами, ибо щадитъ кровь людей
ренныхъ ей Богомъ; что Англія въ прі
Литвою, Швеціею и Даніею. «Если г
«враги мои» — сказалъ Іоаннъ — «друзья
«левѣ, то могу ли быть ей союзникомъ?
«вета должна или склонить Баторія къ
«ному миру съ Россіею (заставивъ его
«тить мнѣ Ливонію и Полоцкую област

йской мѣны, гавань Балтійскую, Нарву,
о у насъ Шведами; что купцы Нѣмецкіе,
андскіе, Французскіе торгуютъ съ Рос-
же единственно въ сѣверныхъ приста-
откуда ихъ нельзя выгнать въ угодность
етѣ; что святѣйшій законъ для Госу-
ь есть народная польза; что мы находимъ
свободной торговлѣ со всѣми Европей-
не можемъ дать на себя кабалы Англи-
, гостямъ, а не повѣлителямъ въ Россіи;
і не стыдятся обмановъ въ дѣлахъ купе-
ь, и привозятъ къ намъ гнилыя сукна;
ѣкоторые изъ нихъ сносились тайно съ
телями Царя, съ Королями Шведскимъ и
мъ, усердствовали, помогали имъ, писали
осквы въ Англію худое о нашемъ Госу-
ѣ, именуя Россіянъ невѣждами, глупцами;
инъ единственно для Королевы предалъ
ію такія вины; что она безъ сомнѣнія не
етъ указывать Вѣнценосцу, коему не ука-
тъ ни Императоры, ни Султаны, ни Ко-
наменитѣйшіе. Тутъ Посолъ съ досадою
илъ, что нѣтъ Вѣнценосцевъ знаменитѣе
еты; что она не менѣе Императора, коего
ея нанималъ воевать съ Франціею; не
и Царя. За сіе слово, какъ пишетъ Баусъ,
съ гнѣвомъ выслалъ его изъ дворца, но
одумался, и хваля усердіе Посла къ Коро-
й чести, примолвилъ: «Дай Богъ, чтобъ
я самого былъ такой вѣрный слуга» (746)!
къ особеннаго снисхожденія Государь со-

Вельможи Царскіе, въ особенности Г
ственный Дьякъ Андрей Щелкаловъ, по
ны Нидерландскими купцами, онъ тре
личныхъ сношеній съ Царемъ: Іоаннъ
валъ — и всегда съ неудовольствіемъ от
его, какъ упрямаго, непреклоннаго.

Надѣясь по крайней мѣрѣ кончить с
дѣло о сватовствѣ, Государь велѣлъ ем
у себя (Декабря 13) *тайно*, *безъ меча*
жала (747). Всѣ царедворцы вышли изъ
ты: остались только Бояре, Князь Ѳедо
бецкій, Никита Романовичь Юрьевъ,
Ивановичь Годуновъ, Бѣльскій, и Думн
ряне: Татищевъ, Черемисиновъ, Воейко
сидѣли далѣе отъ Царя; а Дьяки (Щел
Фроловъ, Стрѣшневъ) стояли у печи. Дав
рукою, чтобы Баусъ съ толмачемъ
Юрьевъ, Бѣльскій, Андрей Щелкаловъ
приближились, Іоаннъ разсказалъ всю
Англійскаго сватовства, все слышанн

нить Законъ; что она слабаго здоровья и не хороша лицемъ; что у Королевы есть другія ближайшія и прелестнѣйшія свойственницы, хотя онъ, безъ ея вѣдома, и не смѣетъ назвать ихъ; что Царь можетъ свататься за любую .... «Съ чѣмъ же ты пріѣхалъ?» спросилъ Іоаннъ: «съ отказомъ? «съ пустословіемъ? съ неумѣренными требованіями, на которыя мой Посолъ уже «отвѣтствовалъ въ Лондонѣ Министрамъ «Елисаветинымъ? съ предложеніемъ новаго, безыменнаго, слѣдственно невозможнаго сватовства?» Назвавъ его *Посломъ неученымъ*, безтолковымъ; сказавъ: «не прошу Елисаветы быть судіею между Баторіемъ и мною, а хочу только союза Англіи» (748), Іоаннъ велѣлъ Баусу готовиться къ отъѣзду. Тутъ, жалѣя о худомъ успѣхѣ своего дѣла, Посолъ началъ извиняться незнаніемъ Русскихъ обыкновеній; убѣждалъ Государя снова объясниться съ Елисаветою; увѣрялъ, что она радуется мыслію о *кровномъ союзѣ* съ такимъ великимъ Царемъ, доставитъ ему изображенія десяти или болѣе знатныхъ, прелестныхъ дѣвицъ Лондонскихъ, и *можетъ*, не взирая на свое миролюбіе, усердно помогать намъ въ войнахъ, людьми или деньгами, если Іоаннъ возвратитъ Англійскимъ купцамъ *всѣ* ихъ старыя, исключительныя права въ Двинской торговлѣ. Еще надежда быть супру- г. 1584.

ставовъ, велѣлъ наказать ихъ, да
изслѣдованія, чтобы сей человѣкъ
столюбивый, сварливый по свидѣ
нашихъ Министерскихъ бумагъ,
ѣхалъ съ злобою изъ Россіи. Но
успѣлъ выѣхать, ни Государь на
Посла въ Лондонъ! . . . .

Болѣзнь и кончина Іоаннова.

Приступаемъ къ описанію часа
ственнаго, великаго! . . . . . Мы
жизнь Іоаннову: увидимъ конецъ е
удивительный, желанный для че
ства, но страшный для воображен
тиранъ умеръ, какъ жилъ — губ
хотя въ современныхъ преданіях
именуются его послѣднія жертвы (
жно ли вѣрить безсмертію и не ужа
такой смерти? . . . . Сей грозны
давно предсказанный Іоанну и со
невинными мучениками (750), тихо

гдашній трепетъ гнѣва и боязни, угрызеніе совѣсти безъ раскаянія, гнусные восторги сластолюбія мерзостнаго, мука стыда, злоба безсильная въ неудачахъ оружія, наконецъ адская казнь сыноубійства истощили мѣру силъ Іоанновыхъ: онъ чувствовалъ иногда болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 года. Въ сіе время явилась Комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ между церковію Іоанна Великаго и Благовѣщенія: любопытный Царь вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружающимъ: *вотъ знаменіе моей смерти* ([751])! Тревожимый сею мыслію, онъ искалъ, какъ пишутъ, Астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, въ Россіи и въ *Лапландіи*, собралъ ихъ до шестидесяти, отвелъ имъ домъ въ Москвѣ, ежедневно посылалъ любимца своего, Бѣльскаго, толковать съ ними о Кометѣ, и скоро занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить ([752]), а тѣло пухнуть. Увѣряютъ, что Астрологи предсказали ему неминуемую смерть чрезъ нѣсколько дней, именно 18 Марта, но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать, съ угрозою сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, если будутъ нескромны. Въ теченіе Февраля мѣсяца онъ еще занимался дѣлами; но 10 Марта велѣно было остановить Посла Литовскаго на пути въ Москву, *ради недуга Государева* ([753]). Еще самъ Іоаннъ далъ сей приказъ; еще надѣялся на выздоровленіе, однакожь созвалъ Бояръ и велѣлъ

мянницы Великаго Князя Василія), Ники
мановича Юрьева (брата первой Царицы,
дѣтельной Анастасіи), Бориса Годунова и
скаго (751) въ совѣтники и блюстители Де
да облегчають юному Θеодору (слабому т
и душею) бремя заботъ государственныхъ
денцу Димитрію съ матерію назначилъ въ
городъ Угличь и ввѣрилъ его воспитаніе
Бѣльскому; изъявилъ благодарность всѣм
рамъ и Воеводамъ: называлъ ихъ своими
ми и сподвижниками въ завоеваніи Царс
вѣрныхъ, въ побѣдахъ одержанныхъ на
вонскими Рыцарями, надъ Ханомъ и Султ
убѣждалъ Θеодора царствовать *благочест*
любовію и милостію; совѣтовалъ ему
главнымъ Вельможамъ удаляться отъ во
Христіанскими Державами; говорилъ о н
ныхъ слѣдствіяхъ войны Литовской и
ской; жалѣлъ объ истощеніи Россіи; пред
уменьшить налоги, освободить всѣхъ узн

казалось, что лучь святой истины въ пред-
могилы освѣтилъ наконецъ сіе мрачное,
ое сердце; что раскаяніе и въ немъ подѣй-
ло, когда Ангелъ смерти невидимо пред-
ему съ вѣстію о вѣчности . . . .
въ то время, когда безмолвствовалъ Дворъ
яали (ибо о всякомъ умирающемъ Вѣнце-
искренно и лицемѣрно Дворъ печалится);
любовь Христіанская умиляла сердце на-
когда, забывъ свирѣпость Іоаннову, граж-
толицы молились въ храмахъ о выздоров-
Царя; когда молились о немъ самыя опаль-
емейства, вдовы и сироты людей, невинно
ныхъ . . . . . что дѣлалъ онъ, касаясь гро-
ь минуты облегченія приказывалъ носить
а креслахъ въ палату, гдѣ лежали его со-
ща дивныя ([755]); разсматривалъ каменья
цѣнные, и 15 Марта показывалъ ихъ съ
ьствіемъ Англичанину Горсею, ученымъ
мъ знатока описывая достоинство алма-
и яхонтовъ! . . . . Вѣрить ли еще сказанію
ѣйшему? Невѣстка, супруга Ѳеодорова,
а къ болящему съ нѣжными утѣшеніями и
а съ омерзѣніемъ отъ его любострастнаго
дства ([756])! . . . . Каялся ли грѣшникъ? ду-
ли о близкомъ грозномъ судѣ Всевышняго?
е силы недужнаго исчезали; мысли омра-
ь: лежа на одрѣ въ безпамятствѣ, Іоаннъ
о звалъ къ себѣ убитаго сына, видѣлъ его
ображеніи, говорилъ съ нимъ ласково. . . .
рта ему стало лучше, отъ дѣйствія теплой

ванны, такъ, что онъ велѣлъ Послу Литовскому немедленно ѣхать изъ Можайска въ столицу, и на другой день (если вѣрить Горсею) сказалъ Бѣльскому (757): «объяви «казнь лжецамъ Астрологамъ: нынѣ, по «ихъ баснямъ, мнѣ должно умереть а я «чувствую себя гораздо бодрѣе.» *Но день еще не миновалъ*, отвѣтствовали ему Астрологи. Для больнаго снова изготовили ванну: онъ пробылъ въ ней около трехъ часовъ, легъ на кровать, всталъ, спросилъ шахматную доску, и сидя въ халатѣ на постелѣ, самъ разставилъ шашки; хотѣлъ
18 Марта. играть съ Бѣльскимъ . . . вдругъ упалъ и закрылъ глаза навѣки, между тѣмъ, какъ врачи терли его крѣпительными жидкостями, а Митрополитъ — исполняя, вѣроятно, давно извѣстную волю Іоаннову — читалъ молитвы постриженія надъ издыхающимъ, названнымъ въ Монашествѣ Іоною (758) . . . . Въ сіи минуты царствовала глубокая тишина во дворцѣ и въ столицѣ: ждали, что будетъ, не дерзая спрашивать. Іоаннъ лежалъ уже мертвый, но еще страшный для предстоящихъ царедворцевъ, которые долго не вѣрили глазамъ своимъ и не объявляли его смерти. Когда же рѣшительное слово: «не стало Госу«даря!» раздалося въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно . . . . отъ того ли, какъ *пишутъ*, что зналъ слабость Өеодорову и

боялся худыхъ ея слѣдствій для Государства, или платя Христіанскій долгъ жалости усопшему Монарху, хотя и жестокому?... На третій день совершилось погребеніе великолѣпное въ храмѣ Св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицахъ изображалась горесть, и земля тихо приняла въ свои нѣдра трупъ Іоанновъ! Безмолвствовалъ судъ человѣческій предъ Божественнымъ — и для современниковъ опустилась на θеатръ завѣса: память и гробы остались для потомства!

Любовь Россіянъ къ Самодержавію.

Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверхъ бѣдствій Удѣльной Системы, сверхъ ига Моголовъ, Россія должна была испытать и грозу Самодержца-мучителя: устояла съ любовію къ Самодержавію, ибо вѣрила, что Богъ посылаетъ и язву и землетрясеніе и тирановъ; не преломила желѣзнаго скиптра въ рукахъ Іоанновыхъ, и двадцать-четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы, въ лучшія времена, имѣть Петра Великаго, Екатерину Вторую (Исторія не любитъ именовать живыхъ). Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на лобномъ мѣстѣ, какъ Грекивъ Термопилахъ, за отечество, за Вѣру и Вѣрность, не имѣя и мысли о бунтѣ. Напрасно нѣкоторые чужеземные Историки, извиняя жестокость Іоаннову, писали о заговорахъ, будто

не вызвали бы звѣря изъ вертепа Сло
Александровской (759), если бы замыш
измѣну, взводимую на нихъ столь ж
лѣпо, какъ и чародѣйство. Нѣтъ,
упивался кровію агнцевъ — и жертвы
дыхая въ невинности, послѣднимъ
ромъ на бѣдственную землю треб
справедливости, умилительнаго вос
нанія отъ современниковъ и потомств

Сравненіе Іоанна съ другими мучителями.

Не смотря на всѣ умозрительныя
сненія, характеръ Іоанна, Героя доб
тели въ юности, неистоваго кровоп
въ лѣтахъ мужества и старости, ес
ума загадка, и мы усомнились бы въ
нѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣ
если бы лѣтописи другихъ народо
являли намъ столь же удивительных
мѣровъ; если бы Калигула, *образецъ*
дарей и *чудовище*, — если бы Неронъ
томецъ мудраго Сенеки, предметъ

оба кровожадные и женолюбивые,
Азіатскимъ и Римскимъ мучите-
Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ
тностей разсудка: сіи ужасные ме-
сіи блудящіе огни страстей не-
ныхъ озаряютъ для насъ, въ про-
вѣ вѣковъ, бездну возможнаго че-
каго разврата, да видя содрогаемся!
тирана есть бѣдствіе для человѣче-
о его Исторія всегда полезна, для Польза Исторіи.
ей и народовъ: вселять омерзѣніе
сть вселять любовь къ добродѣтели
ава времени, когда вооруженный
Дѣеписатель можетъ, въ правле-
одержавномъ, выставить на позоръ
Властителя, да не будетъ уже впредь
добныхъ! Могилы безчувственны:
не страшатся вѣчнаго проклятія въ
, которая, не исправляя злодѣевъ,
еждаетъ иногда злодѣйства, всегда
ныя, ибо страсти дикія свирѣп-
и въ вѣки гражданскаго образо-
52), веля уму безмолвствовать или
ъ гласомъ оправдывать свои изсту-

Іоаннъ имѣлъ разумъ превосход- Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ.
), не чуждый образованія и свѣ-
соединенный съ необыкновеннымъ
слова, чтобы безстыдно раболѣп-
ь гнуснѣйшимъ похотямъ. Имѣя
память, зналъ наизусть Библію,

стію и щедростію, обогащая любимцевъ
ніемъ опальныхъ Бояръ и гражданъ; хв
правосудіемъ, карая вмѣстѣ, съ равным
вольствіемъ, и заслуги и преступленія; хв
духомъ Царскимъ, соблюденіемъ Державн
сти, велѣвъ изрубить присланнаго изъ
въ Москву слона, не хотѣвшаго стать
нимъ на колѣна, и жестоко наказывая б
царедворцевъ, которые смѣли играть
Державнаго въ шашки или въ карты (765
лился наконецъ глубокою мудростію го
ственною, по системѣ, по эпохамъ (766),
кимъ-то хладнокровнымъ размѣромъ ист
знаменитые роды, будто бы опасные дл
ской власти — возводя на ихъ степен
новые, подлые, и губительною рукою
самыхъ будущихъ временъ: ибо туча до
лей, клеветниковъ, Кромѣшниковъ, имъ
ванныхъ, какъ туча гладоносныхъ насѣк
исчезнувъ, оставила злое сѣмя въ нар

имый, часто проницательный въ государ-
иной дѣятельности; хотя, любивъ всегда
ять себя въ доблести съ Александромъ Ма-
скимъ ([767]), не имѣлъ ни тѣни мужества въ
, но остался завоевателемъ; въ Политикѣ
шей неуклонно слѣдовалъ великимъ намѣ-
мъ своего дѣда; любилъ правду въ судахъ,
не рѣдко разбиралъ тяжбы, выслушивалъ
бы, читалъ всякую бумагу, рѣшилъ немед-
; казнилъ утѣснителей народа, сановни-
безсовѣстныхъ, лихоимцевъ, тѣлесно и
мъ (рядилъ ихъ въ великолѣпную одежду,
ъ на колесницу и приказывалъ живоде-
возить изъ улицы въ улицу); не терпѣлъ
аго пьянства (только на Святой недѣлѣ и
ждество Христово дозволялось народу ве-
ься въ кабакахъ; пьяныхъ во всякое иное
отсылали въ темницу). Не любя смѣлой
зны, Іоаннъ не любилъ иногда и грубой
: представимъ доказательство. Воеводы,
я Іосифъ Щербатый и Юрій Борятинскій,
ленные Царемъ изъ Литовскаго плѣна,
оились его милости, даровъ и чести съ
обѣдать. Онъ распрашивалъ ихъ о Литвѣ:
атый говорилъ истину; Борятинскій лгалъ
вѣстно, увѣряя, что Король не имѣетъ ни
а, ни крѣпостей, и трепещетъ Іоаннова
. «Бѣдный Король!» сказалъ тихо Царь,
головою: «какъ ты мнѣ жалокъ!» и
ъ, схвативъ посохъ, изломалъ его въ мел-
епы о Борятинскаго, приговаривая: «вотъ

«тебѣ, безстыдному, за грубую ложь» ([768])! — Іоаннъ славился благоразумною терпимостію Вѣръ (за исключеніемъ одной Іудейской): хотя, дозволивъ Лютеранамъ и Кальвинистамъ имѣть въ Москвѣ церковь ([769]), лѣтъ черезъ пять велѣлъ сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствіи народа?): однакожь не мѣшалъ имъ собираться для богослуженія въ домахъ у Пасторовъ; любилъ спорить съ учеными Нѣмцами о Законѣ и сносилъ противорѣчія: такъ (въ 1570 году) имѣлъ онъ въ Кремлевскомъ дворцѣ торжественное прѣніе съ Лютеранскимъ Богословомъ Роцитою, уличая его въ ереси: Роцита сидѣлъ передъ нимъ на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ богатыми коврами; говорилъ смѣло, оправдывалъ Догматы Аугсбургскаго Исповѣданія, удостоился знаковъ Царскаго благоволенія и написалъ книгу о сей любопытной бесѣдѣ ([770]). Нѣмецкій Проповѣдникъ, Каспаръ, желая угодить Іоанну, крестился въ Москвѣ по обрядамъ нашей Церкви и вмѣстѣ съ нимъ, къ досадѣ своихъ единоземцевъ, шутилъ надъ Лютеромъ ([771]); но никто изъ нихъ не жаловался на притѣсненіе. Они жили спокойно въ Москвѣ, въ новой Нѣмецкой Слободѣ, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами. — Іоаннъ изъявлялъ уваженіе къ Искусствамъ и Наукамъ, лаская иноземцевъ просвѣщенныхъ: не основалъ Академій, но способствовалъ народному образованію размноженіемъ школъ церковныхъ, гдѣ и міряне учили-

ѣ, Закону, даже Исторіи (772), осо- готовясь быть людьми Приказными, ду Бояръ, которые еще не всѣ умѣ- да писать (773). — Наконецъ Іоаннъ итъ въ Исторіи какъ законодавецъ дарственный образователь.

Іоаннъ образователь государственный и законодавецъ.

ъ сомнѣнія, что истинно великій III, издавъ Гражданское Уложеніе, лъ и разныя Правительства для луч- дѣйствія Самодержавной власти: кро- вней Боярской Думы, въ дѣлахъ сего ни упоминается о Казенномъ Дворѣ, казахъ (774); но болѣе ничего не ь, имѣя уже ясныя, достовѣрныя гія о многихъ Расправахъ и Судеб- Мѣстахъ, которыя существовали въ ѣ при Іоаннѣ IV. Главные Приказы, *ети*, именовались Посольскимъ, Роз- мъ, Помѣстнымъ, Казанскимъ: пер- собенно вѣдалъ дѣла внѣшнія или матическія, вторый воинскія, третій розданныя чиновникамъ и Дѣтямъ кимъ за ихъ службу, четвертый дѣла ва Казанскаго, Астраханскаго, Си- аго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; е три Приказа, сверхъ означенныхъ остей, также занимались и распра- бластныхъ городовъ (775): смѣшеніе ное! Жалобы, тяжбы, слѣдствія по- ли въ Чети изъ областей, гдѣ судили или Намѣстники съ своими Тіунами

Приказы.

му, такъ, что безъ Царскаго утв
никого не казнили, никого не ли
стоянія ([776]). Только Намѣстники
скіе, Псковскіе, Новогородскіе
скіе, почти ежегодно смѣняемые
въ случаяхъ чрезвычайныхъ, на
преступниковъ ([777]). Новые закон
жденія, налоги объявлялись всег
Приказы. Собственность или вотч
ская, въ коей заключались многі
имѣла свою Расправу. Сверхъ т
нуются еще *Избы* (или Приказы):
кая, Ямская, Дворцовая, Казенная
ная, Земскій Дворъ или Московск
ва, Большой Приходъ или Государ
Казначейство, Бронный или Ор
Приказъ, Житный или Запасный,
пій Судъ, гдѣ рѣшились тяжбы о
ныхъ людяхъ ([778]). Какъ въ сих

угихъ, но зная твердо и законы, преданія, ряды, Дьяки или Приказные люди составляли особенный родъ слугъ государственихъ, степенію ниже Дворянъ и выше ильцовъ или нарочитыхъ Дѣтей Боярихъ, гостей или купцевъ именитыхъ; а яки *Думные* уступали въ достоинствѣ лько Совѣтникамъ Государственнымъ: ярамъ, Окольничимъ и новымъ *Думмъ Дворянамъ*, учрежденнымъ Іоанномъ 1572 году (780), для введенія въ Думу ловников отличныхъ умомъ, хотя и не атныхъ родомъ: ибо, не смотря на всѣ злоотребленія власти неограниченной, онъ ажалъ иногда древніе обычаи: на прирѣ, не хотѣлъ дать Боярства любимцу ши своей, Малютѣ Скуратову, опасаясь изить сей верховный санъ такимъ скомъ возвышеніемъ человѣка *худороднаго*. ноживъ число людей Приказныхъ и давъ ъ болѣе важности въ государственномъ тройствѣ, Іоаннъ, какъ искусный Властитель, образовалъ еще новыя степени аменитости для Дворянъ и Князей, разливъ первыхъ на двѣ *статьи*, на Двонъ *Верстныхъ* и *Младшихъ* (781), а втоыхъ на Князей простыхъ и *Служилыхъ*; числу же царедворцевъ прибавилъ *тольниковъ*, которые, служа за столомъ сударевымъ, отправляли и воинскія дол-

Думные Дворяне.

Дворяне Сверстные и Младшіе. Князья Служилые.

Стольники.

жности, будучи сановитѣе Дворянъ Младшихъ. — Мы писали о ратныхъ учрежденіяхъ сего дѣятельнаго Царствованія (782): своимъ малодушіемъ срамя наши знамена въ полѣ, Іоаннъ оставилъ Россіи войско, какого она не имѣла дотолѣ: лучше устроенное и многочисленнѣйшее прежняго; истребилъ Воеводъ славнѣйшихъ, но не истребилъ доблести въ воинахъ, которые всего болѣе оказывали ее въ несчастіяхъ, такъ, что безсмертный врагъ нашъ, Баторій, съ удивленіемъ разсказывалъ Поссевину, какъ они въ защитѣ городовъ не думаютъ о жизни: хладнокровно становятся на мѣста убитыхъ или взорванныхъ дѣйствіемъ подкопа и заграждаютъ проломы грудью; день и ночь сражаясь, ѣдятъ одинъ хлѣбъ; умираютъ отъ голода, но не сдаются, *чтобы не измѣнить Царю-Государю;* какъ самыя жены мужествуютъ съ ними, или гася огонь или съ высоты стѣнъ пуская бревна и камни въ непріятелей. Въ полѣ же сіи вѣрные отечеству ратники отличались если не искусствомъ, то хотя чудеснымъ терпѣніемъ, снося морозы, вьюги и ненастье подъ легкими наметами и въ шалашахъ сквозящихъ (783). — Въ древнѣйшихъ Розрядахъ именовались единственно Воеводы: въ Розрядахъ сего времени именуются обыкновенно и *Головы*, или частные Предводит-

Ратныя учрежденія

и, которые вмѣстѣ съ первыми отвѣтствовали Царю за всякое дѣло (784).

Іоаннъ, какъ мы сказали, дополнилъ въ Судебникѣ Гражданское Уложеніе своего дѣда, включивъ въ него новые законы, но не перемѣнивъ системы или духа старыхъ. Дѣдъ не велитъ судіямъ лихоимствовать: внукъ опредѣляетъ тяжкую денежную пеню за ихъ лихоимство и неправосудіе *умышленное* (785), оставляя только неумышленное безъ наказанія: криводушныхъ Дьяковъ сажали въ темницу, Подъячихъ сѣкли кнутомъ. Обиженные Намѣстникомъ должны были приносить жалобы до его смѣны (786); но клеветники наказывались тѣлесно, сверхъ денежнаго взысканія за безчестье. Судейскія и казенныя пошлины не были умножены, хотя цѣна монеты нѣсколько унизилась (въ 1557 году считалось въ рублѣ 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, въ 1582 году около трехъ *старыхъ Польскихъ злотыхъ*, въ царствованіе Θеодора Іоанновича марка (787), а въ началѣ XVII вѣка два рейхсталера и 10 денегъ). Тяжбы рѣшились, какъ и дотолѣ, свидѣтельствами, клятвою, поединкомъ, а между иноземцами и Русскими *жеребьемъ*: чей вынимался въ судѣ, того объявляли правымъ (788). Дьякъ записывалъ дѣло, а Старосты и Цѣловальники прикладывали руки къ сей бумагѣ. Въ случаѣ мира, всегда желаемаго Законодателемъ, судимые

Законы.

Цѣна рубля.

закону (790). Казни были прежнія: кнутъ з
вое воровство, смерть за второе; смерть у
измѣннику, предателю города, церковном
ловному татю (791), зажигателю, разбойник
метчику, даже злому обманщику и ябедник
Обговорамъ татя не вѣрили безъ свидѣте
честныхъ гражданъ, пятнадцати или два
Люди или чиновники Намѣстниковъ не мог
кого ни взять, ни оковать безъ вѣдома Ст
и Цѣловальниковъ (793). Здѣсь видимъ болѣ
рожности, болѣе уваженія къ человѣчест
жели въ законахъ Іоанна III.—Гражданскі
вы Судебника также совершеннѣе и полнѣ
примѣръ, въ немъ уже различаются имѣ
слѣдственное и купленное: въ случаѣ пр
или залога оныхъ, родственники могли
пать первое, въ теченіе сорока лѣтъ, ес
подписались свидѣтелями въ крѣпости и
закладной; доказавъ, что сіе имѣніе не

всегда справляться съ государственными книгами (796), гдѣ означались имена, достатокъ гражданъ и платимая ими дань въ казну: одинъ списокъ сихъ книгъ хранился въ Московскихъ Приказахъ, другой у чиновниковъ областныхъ, у Старостъ и Цѣловальниковъ. Требованіе, превосходящее достатокъ отвѣтчика, вмѣнялось въ вину истцу. — Уважая права господъ въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ или холопямъ, Законодатель прибавилъ къ древнимъ уставамъ, что дѣти закабаленнаго слуги, рожденныя до его холопства, суть вольные люди; что ключники и Тіуны сельскіе, безъ особенной, *докладной* крѣпости, не рабы; что отецъ и мать, вступивъ въ Монашество, лишаются права отдавать дѣтей своихъ въ крѣпость; что заимодавцы не могутъ кабалить должниковъ, обязанныхъ единственно платить имъ ростъ; а если кого нибудь возьмутъ къ себѣ въ домъ для рабской услуги, и если сей человѣкъ уйдетъ, даже обокравъ хозяина, то послѣднему нѣтъ суда, ни удовлетворенія; что Дѣти Боярскіе и потомство ихъ навѣки отчуждаются отъ рабскаго состоянія (797). — Утверждая силу отпускныхъ, Царь велѣлъ давать ихъ единственно въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ и Псковѣ, за печатію Бояръ или Намѣстниковъ: безъ чего онѣ, хотя бы и рукою господъ писанныя, не имѣли силы. — Въ законѣ о свободномъ переходѣ крестьянъ изъ села въ село сказано, что они, сверхъ пожилаго за дворъ, платятъ еще владѣльцу за *повозъ* два

алтына съ двора, и если оставили хлѣбъ въ землѣ, то, снявъ его, даютъ господину два же алтына; что имъ всегда дозволяется продавать себя въ крѣпость владѣльцамъ (798). — Согласно съ древнимъ обыкновеніемъ Царь утвердилъ судъ Святительскій: оставилъ Епископамъ право судить Іереевъ, Діаконовъ, Монаховъ и старыхъ вдовъ, которыя питаются отъ церкви Божіей; позволилъ нищимъ, а людямъ торговымъ запретилъ жить въ монастыряхъ (799). — Уставъ о куплѣ дополненъ слѣдующими статьями: «1) Не льзя ничего купить на торгу или съ «*лавки* безъ поруки; 2) всякая купленная лошадь «должна быть въ тотъ же день заклеймена у «Царскихъ пятнальщиковъ и вписана въ ихъ «книгу, съ платежемъ двухъ денегъ въ казну, «для избѣжанія споровъ; преступникъ сего «устава наказывается пенею не менѣе двухъ «рублей» (800). — Упомянемъ еще о новомъ законѣ касательно безчестья: оно платилось Дѣтямъ Боярскимъ соразмѣрно съ ихъ доходомъ или жалованьемъ, а Дьякамъ Дворцовымъ по Государеву назначенію; гостю или знатному купцу 50 рублей; людямъ торговымъ, посадскимъ, *среднимъ*, и Боярскимъ добрымъ слугамъ 5 рублей; а чернымъ людямъ и крестьянамъ рубль; женамъ же всегда вдвое противъ мужей, въ знакъ особеннаго уваженія къ чести слабаго пола (801).

Сказавъ въ концѣ Судебника, что законы е[го] не касаются дѣлъ старыхъ и не отмѣняютъ р[ѣ-]

леній прежнихъ, хотя еще и не исполненныхъ; что новые случаи могутъ встрѣтиться въ судахъ и произвести новые уставы, которые должны быть приписаны къ сему Гражданскому Уложенію, Іоаннъ отъ 1550 до 1580 года издалъ многіе дополнительные указы, важные по тогдашнимъ обстоятельствамъ Государства: отмѣнивъ (въ 1556 году) судные платежи (802), вмѣсто ихъ опредѣливъ жалованье Намѣстникамъ, положивъ общую дань на города и волости, велѣвъ разбирать уголовныя дѣла судьямъ избраннымъ гражданами и сельскими жителями, Головамъ, Старостамъ, Сотскимъ, онъ запретилъ судебные поединки во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было рѣшить дѣло свидѣтельствами или крестнымъ цѣлованіемъ (803), то есть, уничтожилъ навѣки сіе древнее обыкновеніе временъ Рыцарства и невѣжества; уставилъ наказывать лжесвидѣтелей кнутомъ итяжкою денежною пенею; прибавилъ слѣдующія статьи къ законамъ: 1) «Если въ обыскѣ люди говорятъ разно, одни за истца, другіе за отвѣтчика, то вѣрить большинству голосовъ, пятидесяти или шестидесяти; если число голосовъ на обѣихъ сторонахъ равное, то сдѣлать новый обыскъ: призвать людей изъ иныхъ ближнихъ селеній, дабы узнать истину. Свидѣтельство пяти или шести человѣкъ, мало извѣстныхъ, не достаточно для обвиненія; но слово Боярина, Дьяка и Приказнаго всегда уважается какъ

«достовѣрное. Если истецъ и отвѣтчикъ шлют-«ся на одного человѣка, то онъ рѣшитъ «тяжбу. За ложное свидѣтельство Боярскихъ «и Дворянскихъ людей подвергается ихъ го-«сподинъ Царскому гнѣву; но если самъ го-«сподинъ объявитъ Царю о лжи ихъ, то «невиненъ. Главное дѣло Старостъ есть пред-«упреждать обманы и *заговоры* въ мірскихъ «показаніяхъ; въ случаѣ небреженія, криво-«душія, пристрастія сихъ избранныхъ чиновни-«ковъ, имъ казнь безъ милосердія (804). 2) Если «господинъ будетъ искать сносовъ на вольномъ «человѣкѣ, который, служивъ ему безъ крѣпо-«сти, оставилъ его или даже тайно ушелъ изъ «дому: то не давать суда господину, ибо онъ «можетъ съ досады всклепать на слугу невин-«наго, коего держалъ безъ кабалы, негласно для «закона и неосторожно. 3) Холопъ освобожден-«ный уже не долженъ служить старому господи-«ну, или его отпускная уничтожается. 4) Если «господинъ присвоиваетъ себѣ кого въ рабы, а «сей человѣкъ доказываетъ свою вольность, и «будучи отданъ на поруку, уйдетъ: то ручатель «платитъ истцу за бѣглаго четыре рубли, кромѣ «всякаго инаго иска. 5) Кто сочинитъ подложную «крѣпость на вольнаго человѣка, тому смертная «казнь. 6) Плѣнникъ можетъ быть рабомъ, но «смертію господина освобождается; а дѣти его «всегда свободны, если онъ не женится на рабѣ «или не дастъ на себя крѣпости. Крещеные ино-«земцы могутъ итти въ кабалу, но только съ

«вѣдома Казначея Государева, и если они не въ «Царской службѣ ([805]). 7) Для взысканія ста «рублей долгу назначается мѣсяцъ сроку, а съ «человѣка служиваго два мѣсяца: послѣ чего «должникъ неисправный выдается головою истцу «до выкупа, но не въ вѣчное рабство ([806]).» Сіе взысканіе долговъ, наываемое *Правежемъ*, дѣлалось такимъ образомъ: Приставъ выводилъ должника разутаго на улицу, къ дверямъ *Судной Избы*, и сѣкъ его въ часы засѣданія, по голой ногѣ прутомъ, иногда для вида, иногда больно, до самаго того времени, какъ судьи уѣзжали домой ([807]): обыкновеніе Азіатское, отмѣненное Петромъ Великимъ. — 8) «Съ лю«дей служивыхъ взыскивать *старые* долги въ «теченіе пяти лѣтъ (отъ 1558 до 1563) безъ «лихвы, а *новые* съ половинными ростами или «10 на 100 ([808]): ибо Государь отмѣняетъ на«всегда старую тягостную лихву (20 на 100). «9) Взысканіе по ряднымъ грамотамъ должно «быть для всѣхъ непремѣнное и точное, но «безъ ростовъ ([809]). 10) Кто не выкупитъ руч«наго заклада, того надобно извѣстить, что «срокъ минулъ, и назначить новый для пла«тежа, недѣлю или двѣ; ежели и послѣ не «выкупитъ, то нести закладъ къ Старостѣ и «къ Цѣловальникамъ, продать честно, не безъ «надежныхъ свидѣтелей, и взять долгъ съ «ростами, а лишнее отдать должнику; если «же вырученныхъ денегъ мало для уплаты «займа, то остальное взыскать съ должника ([810]).

«11) Истецъ-заимодавецъ не имѣетъ нужды въ «письменномъ обязательствѣ, если отвѣтчикъ «въ судѣ признаетъ себя должникомъ. 12) Многіе заложили свои вотчины, съ тѣмъ, чтобы, «вмѣсто ростовъ, заимодавцы пахали и сѣяли «тамъ хлѣбъ: для облегченія должниковъ повелѣвается возвратить имъ всѣ такія земли, «съ обязательствомъ не продавать никому, и «въ теченіе пяти лѣтъ удовлетворить заимодавцевъ, коимъ, въ случаѣ неисправнаго «платежа, снова отдается вотчина» (811). Въ семъ указѣ говорится о книгахъ *вотчинныхъ*, *крѣпостныхъ* и *закладныхъ*, которыя находились у Дьяковъ. — 13) «Если жена, умирая, «назначитъ въ духовной душеприкащикомъ мужа своего, то сей духовной не вѣрить: ибо «жена въ волѣ мужа: что онъ велитъ писать «ей, то она и пишетъ. 14) Налагать эпитимію «на Христіанъ, которые, бывъ въ плѣну или «въ неволѣ, дали клятву не бѣжать, и бѣжали: «ибо клятвопреступленіе есть грѣхъ смертный, «и лучше умереть, нежели нарушить обѣтъ «священный. — 15) Иногородные, истецъ съ «отвѣтчикомъ, судятся въ Москвѣ у Царскихъ «Казначеевъ, буде они изъ разныхъ городовъ; «а если изъ одного, то отсылаются къ ихъ «Намѣстнику въ дѣлахъ земскихъ, но не въ «уголовныхъ, судимыхъ на мѣстѣ преступленія (812). — 16) Въ столицѣ нѣтъ ни смертной, «ни торговой казни въ день большой Панихиды, когда Митрополитъ обѣдаетъ у Госу-

ря.» — Запретивъ Духовенству покупать
вижимое имѣніе безъ Царскаго вѣдома ([813]),
нъ предписалъ въ сихъ дополненіяхъ Су-
ника отнять у Епископовъ и монастырей
казенныя земли, села, рыбныя ловли,
ми они несправедливо завладѣли въ смут-
времена Боярской власти ([814]). «Иноки»
салъ онъ къ Святителю Казанскому, Гурію)
жны орать не землю, а сердца — сѣять
хлѣбъ, а словеса Божественныя — наслѣ-
вать не села, а Царство Небесное... Многіе
скопы наши думаютъ о бренномъ стяжа-
болѣе, нежели о Церкви» ([815]). Мысля
мъ образомъ, Іоаннъ смѣлѣе дѣда своего
ащалъ казну достояніемъ безмолвнаго Ду-
нства.

ъ сего времени *Новый Судебникъ* былъ
ею книгою законовъ для Россіи до цар-
ванія Алексія Михайловича. Сверхъ того
нъ давалъ областнымъ начальствамъ *Гра-
ы Уставныя и Губныя:* первыя опредѣ-
доходы, права, обязанности Намѣстни-
ь и другихъ Царскихъ сановниковъ, за-
чая въ себѣ и важнѣйшія уголовныя статьи
ебника, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частными,
енными постановленіями. Въ одной изъ
ь, данной Колмогорскимъ жителямъ въ
 году, сказано, что Царь освобождаетъ
отъ суда Намѣстниковъ, съ условіемъ,
ы они вносили въ казну ежегодно по
цати рублей *съ сохи*, то есть, съ шести-

вѣренность сограждан, тѣснить люд
имствовать, то будутъ казнены смер
всякія дѣла, обыскныя и судныя, запи
у нихъ земскими Дьяками; что Двиня
смѣнять судей, и въ такомъ случаѣ
присылать новыхъ въ Москву, да
крестъ предъ Дьякомъ Государевым
блюденіи правды. Въ другой Уставн
Двинской грамотѣ означена мѣра двор
ледниковъ и всего, что жители дол
выстроить для Намѣстниковъ и Тіу
— Слово *Губа* знаменовало въ древ
мецкомъ Правѣ *усадьбу*, а въ нашем
или *вѣдомство* (818): *Губныя грамоты*
областнымъ судьямъ и содержали въ
ственно уголовные законы; въ них
сывалось Старостамъ, Губнымъ Цѣ
камъ и Дьякамъ начинать исправле
должности обыскомъ или съѣздомъ

имъ воровъ и *лихихъ людей*. Сіи показанія вносились въ книгу; обвиняемыхъ предавали суду, пытали: достояніе ихъ описывали для удовлетворенія истцевъ; кто винился, того казнили по Судебнику; кто запирался, не могъ быть уличенъ вѣрными свидѣтельствами и представлялъ за себя надежныхъ ручателей, того освобождали; не уличенныхъ совершенно, но сильно подозрѣваемыхъ сажали навсегда въ темницу; кто рѣшительно одобрялъ человѣка судимаго уголовнымъ судомъ, тотъ имѣніемъ и жизнію отвѣтствовалъ за его будущія преступленія. Стараясь обуздать злодѣевъ для спокойствія честныхъ гражданъ, Іоаннъ лучше хотѣлъ быть жестокимъ, нежели слабымъ, въ противность новѣйшей мысли Россійскаго уголовнаго законодательства, что лучше десять виновныхъ оставить безъ наказанія, нежели казнить одного безвиннаго.

От учрежденій гражданскихъ перейдемъ къ церковнымъ, равно достопамятнымъ. Мы упоминали о Московскомъ Соборѣ 1551 года (820): означимъ здѣсь важнѣйшіе или любопытнѣйшіе его уставы. Слѣдуя наказу Іоаннову, Святители опредѣлили: «1) Въ Москвѣ и во всемъ Госу«дарствѣ быть Епархіальнымъ Старостамъ «и Десятскимъ, избираемымъ изъ луч– Церковныя учрежденія.

«списывались съ древнихъ Греческихъ, и
«писалъ ихъ Андрей Рублевъ ([821]) и дру
«менитые художники: симъ святымъ
«занимаются единственно люди признавн
«Государя и Епископовъ достойными он
«только искусствомъ, но и жизнію непор
«наградою же имъ да будетъ всеобщее
«ніе!» Слѣдуютъ предписанія о звонѣ,
церковномъ, Литургіи, утренней и в
службѣ, гдѣ сказано: «3) Да никто изъ
«Вельможъ и всѣхъ добрыхъ Христіанъ
«дитъ въ церковь съ главою покровенн
«тафьяхъ Мусульманскихъ! Да не внос
«Олтарь ни пива, ни меду, ни хлѣба, кро
«сфоръ! Да уничтожится навѣки нелѣп
«чай возлагать на престолъ такъ назы
«*сорочки*, въ коихъ родятся младенцы (
«4) Злоупотребленія и соблазны губятъ
«Духовенства. Что видимъ въ монаст

ются и разоряютъ села монастырскія. Отъ
нѣ да будетъ въ Обителяхъ едина трапеза
всѣхъ: Инокамъ выслать юныхъ слугъ (824);
пускать женщинъ; не держать вина (кромѣ
жскаго), ни крѣпкихъ медовъ; не ѣздить
забавы по селамъ и городамъ. Преступ-
ь да будетъ изверженъ или отлученъ отъ
ія Святыни. Сей законъ умѣренности, воз-
занія, цѣломудрія, данъ всему Духовен-
: Іереямъ, Діаконамъ, Причетникамъ. —
Обители, богатыя землями и доходами, не
дятся требовать милостыни отъ Государя:
едь да не стужаютъ ему! — 6) Святители и
астыри вольны ссужать земледѣльцевъ и
кданъ деньгами, но безъ всякой лихвы. —
Милосердіе Христіанское устроило во мно-
ь мѣстахъ богадѣльни для недужныхъ и
старѣлыхъ, а злоупотребленіе ввело въ
я молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ: да
тъ послѣдніе изгнаны, а на ихъ мѣста вве-
ы первые, согласно съ намѣреніемъ благо-
рителей, и вездѣ да смотрятъ за богадѣль-
и добрые Священники, люди градскіе и Цѣ-
льники (825). — 8) Многіе Иноки, Черницы,
ше, хваляся какими-то сверхъестественны-
сновидѣніями и пророчествомъ, скитаются
мѣста въ мѣсто съ святыми иконами, и
буютъ денегъ для сооруженія церквей, не-
стойно, безчинно, къ удивленію иноземь:
ь: нынѣ объявить на торгахъ заповѣдь Го-
реву, чтобы впредь не быть такому соблаз-

«ну. Если не уймутся бродяги, то ихъ выгонять,
«а иконы отдавать въ церкви. — 9) Храмы древ-
«ніе пустѣютъ, новые вездѣ воздвигаются, не
«усердіемъ къ Вѣрѣ, а тщеславіемъ, и скоро
«также пустѣютъ, отъ недостатка въ Іереяхъ,
«въ иконахъ, въ книгахъ. Видимъ еще иное зло:
«празднолюбцы уходятъ изъ монастырей, заво-
«дятъ Пустыни въ лѣсахъ и стужаютъ Христіа-
«намъ о денежномъ вспоможеніи. Государь ука-
«залъ Епископамъ не дозволять ни того, ни дру-
«гаго безъ особеннаго, строгаго разсмотрѣ-
«нія ([826]). — 10) Прихожане избираютъ Священ-
«никовъ и Діаконовъ: первые должны быть не
«менѣе тридцати, а вторые двадцати-пяти лѣтъ
«отъ рожденія, житія нравственнаго, и грамот-
«ные: кто изъ нихъ читаетъ или пишетъ худо,
«того отсылать въ училища, нынѣ во всѣхъ го-
«родахъ заводимыя. Ставленикъ дастъ Митро-
«политу и Епископамъ только указное: Священ-
«никъ рубль Московскій и *благословенную* грив-
«ну; Діаконъ полтину ([827]). Слѣдуя уставу Вели-
«кихъ Князей, Іоанна Василіевича и сына его,
«новобрачные платятъ за вѣнецъ алтынъ, за
«вторый бракъ вдвое, за третій четыре алтына;
«но крещеніе, исповѣдь, причастіе, погребеніе,
«не терпятъ никакой мзды. Никто изъ церков-
«никовъ не долженъ носить одежды странной:
«всякой имѣетъ свою, и воинъ и Тысящникъ, и
«купецъ и ремесленникъ ([828]): служителю ли
«Церкви украшаться златомъ и бисеромъ, пле-
«теніемъ и шитьемъ, подобно женѣ? Въ Игу-

[ме]ены, въ Архимандриты избираютъ Святители,
[а] Царь утверждаетъ выборъ. Снова запрещает-
[с]я вдовымъ Іереямъ и Діаконамъ священнодѣй-
[с]твовать, Монахамъ и Монахинямъ жить въ
[о]динной Обители, или въ мірѣ. — 11) Митропо-
[л]иту и Епископамъ безъ Государева вѣдома не
[п]еремѣнять ни Бояръ своихъ, ни Дворецкихъ;
[а] на мѣсто убылыхъ брать изъ тѣхъ же родовъ
[с]таринныхъ ([829]). — 12) Духовенство обязано
[и]скоренять языческія и всякія гнусныя обы-
[к]новенія. На примѣръ: когда истецъ съ отвѣт-
[ч]икомъ готовятся въ судѣ къ бою, тогда яв-
[л]яются волхвы, смотрятъ на звѣзды, гадаютъ
[в]ъ какія-то *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли*,
[п]редсказываютъ побѣду счастливому, умно-
[ж]аютъ зло кровопролитія ([830]). Легковѣрные
[д]ержатъ у себя книги Аристотелевскія, звѣздо-
[ч]етныя, Зодіаки, Алманахи, исполненныя ере-
[т]ической мудрости. На канунѣ Іоаннова дни
[л]юди сходятся ночью, пьютъ, играютъ, пля-
[ш]утъ цѣлыя сутки; такъ же безумствуютъ и
[н]а канунѣ Рождества Христова, Василія Вели-
[к]аго и Богоявленія. Въ Субботу Троицкую пла-
[ч]утъ, вопятъ и глумятъ на кладбищахъ, пры-
[г]аютъ, бьютъ въ ладоши, поютъ Сатанинскія
[п]ѣсни. Въ утро Великаго Четверга палятъ со-
[л]ому и кличутъ мертвыхъ; а Священники въ
[с]ей день кладутъ соль у престола и лечатъ ею
[н]ужныхъ. Лживые пророки бѣгаютъ изъ села
[в]ъ село, нагіе, босые, съ распущенными воло-
[с]ами; трясутся, падаютъ на землю, баснсло-

«чины и женщины моются въ однѣхъ б
«куда самые Иноки, самыя Инокини хо
«стыдятся. На торгахъ продаютъ зайцевъ,
«тетеревей удавленныхъ; ѣдятъ кровь и
«басы, вопреки уставу Соборовъ Вселев
«слѣдуя Латинскому обычаю, брѣютъ б
«подстригаютъ усы, носятъ одежду иноз
«клянутся во лжи именемъ Божіимъ и ск
«словятъ; наконецъ — что всего мерзос
«за что Богъ казнитъ Христіанъ войнам
«домъ, язвою — впадаютъ въ грѣхъ
«скій (831). Отцы духовные! пресѣките з
«ставляйте, грозите, казните эпитиміею:
«ники да не входятъ въ церковь! Учит
«стіанъ страху Божію и цѣломудрію, да
«мирно въ сосѣдствѣ, безъ ябеды, краж
«боевъ, лжесвидѣтельства и клятвопре
«нія; да будетъ вездѣ благонравіе въ н
«любезномъ отечествѣ, и дѣти да чтутъ

тѣтимъ странность: желая истребить обычаія древнія, противныя Святой Вѣрѣ, Іоя Духовенство не коснулись, въ Стоглавѣ, ая давать людямъ имена не Христіанскія, съ свойствамъ нравственнымъ: не только олюдины, но и знатные сановники, уже я за грѣхъ называться Олегами или Рюри-, назывались въ самыхъ государственныхъ ахъ *Дружинами*, *Тишинами*, *Истомами*, *чами*, *Хозяинами* [832], единственно съ принiемъ Христіанскаго отчества. Сей обычай ся Царю невиннымъ.

Февралѣ 1581 года, по кончинѣ Митропо-Антонія, избравъ на его мѣсто Діонисія, нскаго Игумена, Іоаннъ съ Епископами и ми уставилъ обрядъ посвященія въ сей вный санъ, не прибавивъ, кажется, ничего арому, но только утвердивъ оный слѣдую-Соборною грамотою: «Кому благоволитъ одь быть Митрополитомъ, Епископу ли, ену или Старцу, того немедленно извѣь о сей чести. Въ день *нареченія* и *возведе*звонятъ и поютъ молебны. Святители, отъ Канонъ Богоматери и Петру Чудотворцу, тъ двухъ Архимандритовъ, Рожественскаго оицкаго, за *Нареченнымъ*, который вмѣстѣ ими идетъ къ Государю. Царь сажаетъ буго Митрополита, и говоритъ ему рѣчь о твѣ. Послѣ того *Нареченный* знаменуется рамѣ Успенія, у святыхъ иконъ и гробовъ, ъ вмѣстѣ съ Епископами на Дворъ Митро-

«политовъ, въ Бѣлую Палату, и тамъ, сѣвъ на «свое мѣсто, ждетъ, встрѣчаетъ Царя, бесѣдуетъ «съ нимъ; слушаетъ Литургію въ Соборной цер«кви, стоя у Митрополитскаго мѣста; обѣдаетъ «въ Бѣлой Палатѣ со всѣми Святителями; от«толѣ же, до поставленія, никого не прини«маетъ, обѣдая въ келліи съ немногими ближ«ними Иноками. Дни чрезъ два совершается «*избраніе*, объявляемое ему *Благовѣстниками*, «Архимандритами Спасскимъ и Чудовскимъ. «Уготовляютъ мѣсто въ церкви и пишутъ орла «надъ онымъ. Въ день назначенный, во время «звона, Святители облачаются, а съ ними и бу«дущій Митрополитъ, если онъ Епископъ; если «же не Епископъ, то облачается въ придѣлѣ. «Окруженный Боярами, Государь вступаетъ въ «храмъ, знаменуется у святыхъ иконъ, восхо«дитъ на уготованное мѣсто, и садится: Вла«дыки также. *Избранный*, между осьмью стоя«щими *огненниками*, подъ орломъ, читаетъ «Исповѣданіе Вѣры. Начинаютъ Обѣдню. Лам«падѣ и посоху быть Архіепископа Новгород«скаго или Казанскаго. Когда въ третій разъ «запоютъ: *Святъ*, *Святъ*, тогда Владыки ста«вятъ Митрополита по древнему обычаю. Онъ «совершаетъ Литургію, и Архіепископъ име«нуетъ его въ молитвѣ послѣ *Изрядна*. Свѣще«носецъ, держа въ рукѣ свѣщу и лампаду, кла«няется Митрополиту и занимаетъ предъ нимъ «свое мѣсто въ Олтарѣ; когда же возгласятъ «*со страхомъ Божіимъ*, тогда уносятъ Архіепи-

скопову лампаду съ посохомъ, а Митрополитовы Поддiаконы становятся у Царскихъ дверей съ лампадою и посохомъ новаго Архипастыря. Отпѣвъ Литургiю, Епископы возводятъ его на мѣсто, гдѣ сидѣлъ Государь; сажаютъ трижды, произнося *Исполлаэти Деспота;* снимаютъ съ него одежду служебную, возлагаютъ ему на грудь икону *вратную*, мантiю съ источниками на плеча, клобукъ бѣлый или черный (какъ Государь укажетъ) на главу, и ведутъ на каменное Святительское мѣсто. Царь приближается, говоритъ рѣчь и даетъ Святителю посохъ въ десницу. Тутъ знатное Духовенство, Бояре, Князья многолѣтствуютъ Митрополиту. Онъ благословляетъ Царя и говоритъ рѣчь. Духовенство и Бояре многолѣтствуютъ Царю. На крылосахъ поютъ также *многая лѣта*. Выходятъ изъ церкви. У Государя столъ для всего знатнаго Духовенства, для Вельможъ и сановниковъ. Митрополитъ ѣздитъ вокругъ Москвы на ослѣ, коего ведутъ Бояринъ Царскiй и Святительскiй. Послѣ стола чаши: Петра Чудотворца, Государева и Митрополитова» (833).

Упомянемъ здѣсь также о церковномъ любопытномъ обрядѣ сего времени, уже давно забытомъ въ Россiи. Въ Недѣлю Вайй, предъ Обѣднею, собирался весь народъ Московскiй въ Кремлѣ. Изъ храма Достопамятный обрядъ

церковный. Успенія выносили большое дерево, обвѣшенное разными плодами (яблоками, изюмомъ, смоквами, финиками); укрѣпляли его на двухъ саняхъ и везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молитвы. За санями шли многіе юноши съ пылающими восковыми свѣчами и съ огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ высокія хоругви, шесть кадильницъ и шесть иконъ; за иконами слѣдовали Іереи, числомъ болѣе ста, въ великолѣпныхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ; за ними Бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Митрополитъ: послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ (или на конѣ) одѣтомъ бѣлою тканію (834): лѣвою рукою придерживалъ (Митрополитъ) на своихъ колѣнахъ Евангеліе, окованное золотомъ, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ: Государь, одною рукою касаясь длиннаго повода узды, несъ въ другой вербу. Путь Митрополиту устилали сукнами. Далѣе шли еще Бояре и сановники; за ними безчисленное множество людей. Обходивъ такимъ образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, возвращались въ храмъ Успенія, гдѣ Митрополитъ служилъ Литургію: послѣ чего давалъ обѣдъ Царю и Вельможамъ. — Сей церковный ходъ въ память срѣтенія Христова въ Іеруса-

химѣ, былъ уставленъ, какъ вѣроятно, въ древнѣйшія времена, но сдѣлался намъ извѣстенъ только съ Іоаннова, по описанію иноземныхъ наблюдателей.

Къ достохвальнымъ дѣяніямъ сего царствованія принадлежитъ еще строеніе многихъ новыхъ городовъ для безопасности нашихъ предѣловъ. Кромѣ Лаишева, Чебоксаръ, Козмодемьянска, Болхова, Орла и другихъ крѣпостей, о коихъ мы упоминали, Іоаннъ основалъ Донковъ, Епифань, Веневъ, Чернь, Кокшажскъ (835), Тетюши, Алатырь, Арзамасъ. Но воздвигая красивыя твердыни въ лѣсахъ и въ степяхъ, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ до конца жизни своей развалины и пустыри въ Москвѣ, сожженной Ханомъ въ 1571 году (836), такъ, что въ ней, если вѣрить Поссевинову исчисленію, около 1581 года считалось не болѣе тридцати тысячь жителей, въ шесть разъ менѣе прежняго, какъ говоритъ другой иноземный Писатель, слышавъ то отъ Московскихъ старожиловъ въ началѣ XVII вѣка (837). Стѣны новыхъ крѣпостей были деревянныя, насыпанныя внутри землею съ пескомъ, или крѣпко плетенныя изъ хвороста (838); а каменныя единственно въ столицѣ, Александровской Слободѣ, Тулѣ, Коломнѣ, Зарайскѣ, Старицѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Бѣлозерскѣ, Орховѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ.

Строеніе городовъ.

Состояніе Москвы.

чужеземныхъ издѣлій или на выш
шихъ произведеній, но даже и на
ное, привозимое въ города, была
тельная пошлина, иногда откупаем
телями. Въ Новогородскомъ тамож
уставѣ 1571 года ([840]) сказано,
всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ иноз
гостями и цѣнимыхъ людьми при
ми, казна беретъ семь денегъ на
купцы же Россійскіе платили 4,
городскіе $1\frac{1}{2}$ денги: съ мяса, скота
икры, меду, соли (Нѣмецкой и *м*
луку, орѣховъ, яблокъ, кромѣ осо
сбора съ телегъ, судовъ, саней.
зимые металлы драгоцѣнные плати
и за все иное; а вывозъ ихъ счита
ступленіемъ. Достойно замѣчанія
Государевы товары не освобождал
пошлины. Утайка наказывалась

вую тишину, когда Россія въ бѣдствіяхъ Литовской и Шведской войны утратила сію важную пристань. Тѣмъ болѣе цвѣла наша Двинская торговля, въ коей Англичане должны были дѣлиться выгодами съ купцами Нидерландскими, Нѣмецкими, Французскими, привозя къ намъ сахаръ, вина, соль, ягоды, олово, сукна, кружева, и вымѣнивая на нихъ мѣха, пеньку, ленъ, канаты, шерсть, воскъ, медъ, сало, кожи, желѣзо, лѣсъ ([841]). Французскимъ купцамъ, привезшимъ къ Іоанну дружественное письмо Генрика III, дозволялось торговать въ Колѣ, а Испанскимъ или Нидерландскимъ въ Пудожерскомъ Устьѣ: знаменитѣйшій изъ сихъ гостей назывался Иваномъ Девахомъ Бѣлобородомъ, доставлялъ Царю драгоцѣнные каменья и пользовался особеннымъ его благоволеніемъ, къ неудовольствію Англичанъ. Въ разговорѣ съ Елисаветинымъ Посломъ, Баусомъ, Іоаннъ жаловался, что Лондонскіе купцы не вывозятъ къ намъ ничего хорошаго; снялъ съ руки перстень, указалъ на изумрудъ *колпака* своего и хвалился, что Девахъ уступилъ ему первый за 60 рублей, а вторый за тысячу: чему дивился Баусъ, оцѣнивъ перстень въ 300 рублей, а изумрудъ въ 40,000 ([842]). Въ Швецію и въ Данію отпускали мы знатное количество хлѣба. «Сія благословенная земля» (пишетъ Кобенцель о Россіи) «изобилуетъ всѣмъ необходимымъ для жизни человѣческой, не имѣя дѣствительной нужды ни въ какихъ иноземныхъ произ-

воиско, завести арсеналы (гдѣ нахо
всегда въ готовности не менѣе двух
сячь осадныхъ (844) и полевыхъ
строить крѣпости, палаты, храмы,
Роскошь и пышность. любилъ употреблять избытокъ дохо
на роскошь: мы говорили объ уд
иноземцевъ, видѣвшихъ въ казнѣ М
ской груды жемчугу, горы золота
ребра во дворцѣ (845), блестящія со
обѣды, за коими въ теченіе пяти,
часовъ *пресыщалось* 600 или 700
не только изобильными, но и до
яствами, плодами и винами жаркихъ
ленныхъ климатовъ: однажды, свер
дей именитыхъ, въ Кремлевскихъ
тахъ обѣдало у Царя 2000 Ногаі
союзниковъ, шедшихъ на войну
скую (846). Въ торжественныхъ вы
и выѣздахъ Государевыхъ все такж
ставляло образъ Азіатскаго велико

ановниковъ, по-три въ рядъ; предъ
ками 5000 отборныхъ Стрѣльцовъ
въ рядъ. Среди обширной, снѣж-
нины, на высокомъ помостѣ, дли-
женей въ 200 или болѣе, стояли
и воины, стрѣляли въ цѣль, раз-
укрѣпленія, деревянныя, осыпан-
млею, и ледяныя. Въ торжествахъ
ыхъ, какъ мы видѣли, Іоаннъ так-
лся народу съ пышностію рази-
, умѣя видомъ искусственнаго сми-
ридавать себѣ еще болѣе вели-
, и съ блескомъ мірскимъ соеди-
ружность Христіанскихъ добродѣ-
угощая Вельможъ и Пословъ въ
е праздники, сыпалъ богатую ми-
ю на бѣдныхъ.

иключеніе скажемъ, что добрая сла-
нова пережила его худую славу *въ* Слава Іоаннова.
й памяти: стенанія умолкли, жерт-
тѣли, и старыя преданія затмились
ими; но имя Іоанново блистало
ебникѣ и напоминало пріобрѣтеніе
Царствъ Могольскихъ: доказатель-
лъ ужасныхъ лежали въ книгохра-
хъ, а народъ въ теченіе вѣковъ
Казань, Астрахань, Сибирь какъ
монументы Царя-Завоевателя; чтилъ
ь знаменитаго виновника нашей го-
венной силы, нашего гражданскаго
анія; отвергнулъ или забылъ на-

званіе *Мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой донынѣ именуетъ его только *Грознымъ*, не различая внука съ дѣдомъ, такъ названнымъ древнею Россіею болѣе въ хвалу, нежели въ укоризну (849). Исторія злопамятнѣе народа!

КОНЕЦЪ IX ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ IX.

ГЛАВА I.

ОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1560—1564.

Стр.

ГЛАВА II.

ОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1563—1569.

40*

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1569—1572.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1572—1577.

Стр.

ГЛАВА V.

ОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1577—1582.

ГЛАВА VI.

ПЕРВОЕ ЗАВОЕВАНІЕ СИБИРИ.

ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Г. 1582—1584.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ГЛАВА I.

Царствованіе Θеодора Іоанновича.

Г. 1584—1587.

Свойства Θеодоровы. Члены Верховной Думы. Волненіе народа. Собраніе Великой Думы Земской. Царевичь Димитрій и мать его отправляются въ Угличь. Мятежъ въ Москвѣ. Власть и свойства Годунова. Царское вѣнчаніе Θеодорово. Разныя милости. Годуновъ Правитель Царства. Усмиреніе Черемисскаго бунта. Вторичное покореніе Сибири. Сношенія съ Англіею и съ Литвою. Заговоръ противъ Годунова. Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. Перемиріе съ Швеціею. Посольство въ Австрію. Возобновленіе дружества съ Даніею. Дѣла Крымскія. Посольство въ Константинополь. Царь Иверскій, или Грузинскій, данникъ Россіи. Дѣла съ Персіею. Дѣла внутреннія. Основаніе Архангельска. Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ. Начало Уральска. Опасности для Годунова. Ссылки и казнь. Жалостная смерть Героя Шуйскаго. Судьба Магнусова семейства. Праздность Θеодорова.

«Первые дни по смерти тирана» (гово- Г. 1584.
рятъ ([1]) Римскій Историкъ) «бываютъ

сецъ, боясь уподобиться своему не
ному предшественнику и желая с
любовь общую, легко впадаетъ въ
крайность, въ послабленіе вредно
дарству. Сего могли опасаться ис
друзья отечества, тѣмъ болѣе, чт
необыкновенную кротость наслѣдн
аннова, соединенную въ немъ съ
робкимъ, съ набожностію безпредѣ
съ равнодушіемъ къ мірскому велич
громоносномъ престолѣ свирѣпаг
теля Россія увидѣла *постника* и *м*
ника, болѣе для келліи и пещеры,
для власти Державной рожденнаго
въ часы искренности, говорилъ о Ѳ
самъ Іоаннъ, оплакивая смерть лю
старшаго сына (2). Не наслѣдова
царственнаго, Ѳеодоръ не имѣлъ
витой наружности отца, ни мужес

Свойства Ѳеодоровы.

невныхъ. Угадывая, что сей двадцати-
лѣтній Государь, осужденный Приро-
на всегдашнее малолѣтство духа, бу-
ь зависѣть отъ Вельможъ или Мона-
ъ, многіе не смѣли радоваться концу
нства, чтобы не пожалѣть о немъ во
безначалія, козней и смутъ Боярскихъ,
ѣе губительныхъ для людей, но еще
ственнѣйшихъ для великой Державы,
роенной сильною, нераздѣльною властію
скою..... Къ счастію Россіи, Ѳеодоръ,
ь власти какъ опаснаго повода къ грѣ-
ъ, ввѣрилъ кормило Государства рукѣ
усной — и сіе царствованіе, хотя не
дое беззаконій, хотя и самымъ ужас-
ъ злодѣйствомъ омраченное, казалось
еменникамъ милостію Божіею, благо-
твіемъ, златымъ вѣкомъ (4): ибо на-
ило послѣ Іоаннова!

овая Пентархія или Верховная Дума,
авленная умирающимъ Іоанномъ изъ *Члены Верховной Думы.*
и Вельможъ, была предметомъ общаго
манія, надежды и страха. Князь Мсти-
скій отличался единственно знатно-
рода и сана (5), будучи старшимъ
риномъ и Воеводою, Никиту Романо-
Юрьева уважали какъ брата незаб-
ной Анастасіи и дядю Государева, лю-
какъ Вельможу благодушнаго, не
неннаго даже и злословіемъ въ бѣд-
енныя времена кровопійства. Въ Князѣ

Шуйскомъ чтили славу великаго п
ратнаго, отважность и бодрость
Бѣльскаго, хитраго, гибкаго, нена
какъ перваго любимца Іоаннова. Уж
ли рѣдкія дарованія Годунова, и тѣ
лѣе опасались его: ибо онъ также
снискать особенную милость тирана,
зятемъ гнуснаго Малюты Скуратова
ственникомъ и другомъ (едва ли
нимъ) Бѣльскаго. — Пріявъ власть
дарственную, Дума Верховная въ
первую ночь (28 Марта) выслала и
лицы многихъ извѣстныхъ услужн
Іоанновой лютости, другихъ заключ
темницы ([6]), а къ родственникамъ
ствующей Царицы, Нагимъ, прис
стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ ум
(вѣроятно, въ намѣреніи объявить
Димитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ
Волненіе народа. сква волновалась; но Бояре утиш
волненіе: торжественно присягнул
дору вмѣстѣ со всѣми чиновникам
слѣдующее утро письменно обнаро
его воцареніе. Отряды воиновъ
изъ улицы въ улицу; пушки сто
площадяхъ ([7]). Немедленно послав
цевъ въ области съ указомъ мол
Собраніе Великой Думы Земской. душѣ Іоанновой и счастливомъ цар
ніи Θеодора, новое Правительство
Великую Думу Земскую, знатнѣйшее
венство, Дворянство и всѣхъ люде

нитыхъ; чтобы взять нѣкоторыя общія мѣры для государственнаго устройства. Назначили день Царскаго вѣнчанія; Соборною грамотою утвердили его священные обряды (8); разсуждали о благосостояніи Державы, о средствахъ облегчить народныя тягости. Тогда же послали вдовствующую Царицу съ юнымъ сыномъ, отца ея, братьевъ, всѣхъ Нагихъ, въ городъ Угличь, давъ ей Царскую услугу, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцевъ для обереганія (9). Добрый Θеодоръ, нѣжно прощаясь съ младенцемъ Димитріемъ, обливался горькими слезами, какъ бы невольно исполняя долгъ болѣзненный для своего сердца. Сіе удаленіе Царевича, единственнаго наслѣдника Державы, могло казаться блестящею ссылкою, и пѣстунъ Димитріевъ, Бѣльскій, не желая въ ней участвовать, остался въ Москвѣ: онъ надѣялся законодательствовать въ Думѣ, но увидѣлъ грозу надъ собою.

Димитрій и мать его отправляются въ Угличь.

Между тѣмъ, какъ Россія славила благія намѣренія новаго Правительства, въ Москвѣ коварствовали зависть и беззаконное властолюбіе: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному Монарху, а скоро наименовали и человѣка, готоваго злодѣйствомъ изумить Россію: сказали, что Бѣльскій, будтобы

отравивъ Іоанна, мыслитъ погубить и Өеодора, умертвить всѣхъ Бояръ, возвести на престолъ своего друга и совѣтника — Годунова (10)! Тайными виновниками сей клеветы считали Князей Шуйскихъ, а Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, Дворянъ Рязанскихъ, ихъ орудіями, возмутителями народа легковѣрнаго, который, принявъ оную за истину, хотѣлъ усердіемъ спасти Царя и Царство отъ умысловъ изверга. Вопль бунта раздался изъ конца въ конецъ Москвы, и двадцать тысячь вооруженныхъ людей, чернь, граждане, Дѣти Боярскіе, устремились къ Кремлю, гдѣ едва успѣли затворить ворота, собрать нѣсколько Стрѣльцевъ для защиты и Думу для совѣта въ опасности незапной. Мятежники овладѣли въ Китаѣ-городѣ тяжелымъ снарядомъ, обратили Царь-пушку къ воротамъ Флоровскимъ и хотѣли разбить ихъ, чтобы вломиться въ крѣпость. Тогда Государь выслалъ къ нимъ Князя Ивана Мстиславскаго, Боярина Никиту Романовича, Дьяковъ Андрея и Василія Щелкаловыхъ, спросить, что виною мятежа, и чего они требуютъ? «Бѣльскаго!» отвѣтствовалъ народъ: «выдайте намъ злодѣя! Онъ мыс«литъ извести Царскій корень и всѣ роды «Боярскіе!» Въ тысячу голосовъ вопили: «Бѣльскаго!» Сей несчастный Вельможа, изумленный обвиненіемъ, устрашенный

Мятежъ въ Москвѣ.

народа, искалъ безопасности въ Государ-
спальнѣ, [11] трепеталъ и молилъ о спасе-
ѳодоръ зналъ его невинность; знали оную
е: но, искренно или притворно ужасаясь
ролитія, вступили въ переговоры съ
иками; склонили ихъ удовольствоваться
ю мнимаго преступника, и немедленно
ли Бѣльскаго изъ Москвы. Народъ, вос-
: «да здравствуетъ Царь съ вѣрными
ми!» мирно разошелся по домамъ; а Бѣль-
ь того времени воеводствовалъ въ Ниж-
Новѣгородѣ [12].

такой постыдной робости, отъ такого
женія Самодержавной власти чего ожидать
ало! козней въ Думѣ, своевольства въ
, безпорядка въ правленіи. Бѣльскаго
и: Годуновъ остался для мести! Митеж-
е требовали головы его, не произнесли
ени, уважая въ немъ Царицына брата: но
дѣлъ умыселъ клеветниковъ; видѣлъ, что
виновники сего возмущенія готовятъ ему
, и думалъ о своей безопасности. Дотолѣ
Царскій, по древнему уваженію къ род-
ому старѣйшинству, могъ считать себя
ъ Вельможею: такъ мыслилъ и Дворъ и
; такъ мыслилъ и лукавый Дьякъ Госу-
енный, Андрей Щелкаловъ, стараясь сни-
довѣренность Боярина Юрьева [13] и на-
змѣстѣ съ нимъ управлять Думою. Знали
Годунова надъ сестрою нѣжною, добро-
ною Ириною, уподобляемою Лѣтописцами

Анастасіи (ибо тогда не было инаго
ненія въ добродѣтеляхъ женскихъ);
власть Ирины надъ Ѳеодоромъ, ко
въ семъ мірѣ истинно любилъ, м
быть, одну супругу; но Годуновъ,
лось, выдалъ друга: радовались его
лію или боязливости, не угадывая
онъ, вѣроятно, притворствовалъ въ
бѣ къ Бѣльскому, внутренно опаса
немъ тайнаго совмѣстника, и воспол
ся симъ случаемъ для утвержденія
могущества: ибо Ѳеодоръ мягкосердо
обремененный державою, испуганны
тежемъ, видя необходимость мѣръ
гихъ для государственнаго устройс
не имѣя ни проницанія въ умѣ, ни т
Власть и свойства Годунова. сти въ волѣ, искалъ болѣе, нежели
ника или помощника: искалъ, на ко
ложить всю тягость правленія, съ
ственностію предъ единымъ Богомъ
вершенно отдался смѣлому често
ближайшему къ сердцу его милой су
Безъ всякой хитрости, слѣдуя единс
чувству, зная умъ, не зная только
тайныхъ наклонностей Годунова,
утвердила союзъ между Царемъ, нес
нымъ властвовать, и подданнымъ, д
нымъ власти. Сей мужъ знаменитый
дился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизн
полной силѣ тѣлесной и душевной,
32 года отъ рожденія. Величеств

красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ Вельможъ (какъ говоритъ Лѣтописецъ), Борисъ не имѣлъ только.... добродѣтели; хотѣлъ, умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви ко славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли; если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ зло казалось для нее выгодою — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ Исторіи добрую славу Борисову.

Первымъ дѣйствіемъ Годунова было наказаніе Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ главныхъ возмутителей Московской черни: ихъ послали въ дальніе города и заключили въ темницы. Народъ молчалъ или славилъ правосудіе Царя; Дворъ угадывалъ виновника сей законной строгости, и съ безпокойствомъ взиралъ на Бориса, коего рѣшительное владычество открылось не прежде Ѳеодорова Царскаго вѣнчанія, отложеннаго, ради шестинедѣльнаго моленія объ усопшемъ Вѣнценосцѣ, до 31 Мая (14).

Въ сей день, на самомъ разсвѣтѣ, сдѣлалась ужасная буря, гроза, и ливный дождь затопилъ многія улицы въ Москвѣ, какъ Царское вѣнчаніе.

ніе Θеодорово. бы въ предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій (15); но суевѣріе успокоилось, когда гроза миновалась, и солнце возсіяло на чистомъ небѣ. Собралося безчисленное множество людей на Кремлевской площади, такъ, что воины едва могли очистить путь для Духовника Государева, когда онъ несъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ изъ Царскихъ палатъ въ храмъ Успенія *святыню Мономахову*, животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы (Годуновъ несъ за Духовникомъ скипетръ). Не взирая на тѣсноту безпримѣрную, все затихло, когда Θеодоръ вышелъ изъ дворца со всѣми Боярами, Князьями, Воеводами, чиновниками: Государь въ одеждѣ небеснаго цвѣта (16), придворные въ златой — и сія удивительная тишина провождала Царя до самыхъ дверей храма, также наполненнаго людьми всякаго званія: ибо всѣмъ Россіянамъ дозволялось видѣть священное торжество Россіи, единаго семейства подъ державою Отца-Государя. Во время молебна Окольничіе и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «благоговѣйте и молитеся!» Царь и Митрополитъ Діонисій сѣли на изготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, у вратъ западныхъ, и Θеодоръ среди общаго безмолвія сказалъ Первосвятителю: «Владыко! родитель нашъ, Самодер«жецъ Іоаннъ Василіевичь, оставилъ зем-

«ное Царство, и пріявъ Ангельскій образъ, «отшелъ на Царство Небесное; а меня благо«словилъ державою и всѣми хоругвями Государ«ства; велѣлъ мнѣ, согласно съ древнимъ уста«вомъ, *помазаться* и вѣнчаться Царскимъ вѣн«цемъ, діадимою и святыми бармами: завѣщаніе «его извѣстно Духовенству, Боярамъ и народу. «И такъ, по волѣ Божіей и благословенію отца «моего, соверши обрядъ священный, да буду «Царь и *Помазанникъ!*» Митрополитъ, осѣнивъ Θеодора крестомъ, отвѣтствовалъ: «Господинъ, «возлюбленный сынъ Церкви и нашего смире«нія, Богомъ избранный и Богомъ на престолъ «возведенный! данною намъ благодатію отъ «Святаго Духа помазуемъ и вѣнчаемъ тебя, да «именуешься Самодержцемъ Россіи!» Возложивъ на Царя животворящій крестъ Мономаховъ, бармы и вѣнецъ на главу, съ моленіемъ, да благословитъ Господь его правленіе, Діонисій взялъ Θеодора за десницу, поставилъ на особенномъ *Царскомъ мѣстѣ*, и вручивъ ему *скипетръ*, сказалъ: «блюди хоругви великія Россіи!» Тогда Архидіаконъ на амвонѣ, Священники въ Олтарѣ и Клиросы возгласили многолѣтіе Царю вѣнчанному, привѣтствуемому Духовенствомъ, сановниками, народомъ съ изъявленіемъ живѣйшей радости; и Митрополитъ въ краткой рѣчи напомнилъ Θеодору главныя обязанности Вѣнценосца: долгъ хранить Законъ и Царство, *имѣть духовное повиновеніе къ Святителямъ и вѣру къ монастырямъ*, искреннее

дружество къ брату, *уваженіе къ Боярамъ, основанное на ихъ родовомъ старѣйшинствѣ*, милость къ чиновнокамъ, воинству и всѣмъ людямъ. «Цари намъ вмѣсто Бога», продолжалъ Діонисій: «Господь ввѣряетъ имъ судьбу человѣче-«скаго рода, да блюдутъ не только себя, но и «другихъ отъ зла; да спасаютъ міръ отъ тре-«волненія, и да боятся *серпа Небеснаго!* Какъ «безъ солнца мракъ и тьма господствуютъ на «землѣ, такъ и безъ ученія все темно въ ду-«шахъ: будь же любомудръ, или слѣдуй му-«рымъ; будь добродѣтеленъ: ибо едина добро-«дѣтель украшаетъ Царя, едина добродѣтель «безсмертна. Хочешь ли благоволенія Небес-«наго? благоволи о подданныхъ..... Не слушай «злыхъ клеветниковъ, о Царь, рожденный ми-«лосердымъ!... Да цвѣтетъ во дни твои правда: «да успокоится отечество! . . . И возвыситъ Го-«сподь Царскую десницу твою надъ всѣми вра-«гами, и будетъ Царство твое мирно и вѣчно въ «родъ и родъ!» Тутъ, проливая слезы умиленія, всѣ люди воскликнули: «будетъ и будетъ многолѣтно!» — Θеодоръ, въ полномъ Царскомъ одѣяніи, въ коронѣ Мономаховой, въ богатой мантіи, и держа въ рукѣ длинный скипетръ (сдѣланный изъ драгоцѣннаго (17) китоваго зуба), слушалъ Литургію, имѣя видъ утомленнаго. Предъ нимъ лежали короны завоеванныхъ Царствъ; а подлѣ него, съ правой стороны, какъ ближній Вельможа, стоялъ Годуновъ: дядя Θеодоровъ, Никита Романовичь Юрьевъ, нарядъ У

угими Боярами. Ничто, по сказанію оче-
въ, не могло превзойти сего торжества въ
олѣпіи. Амвонъ, гдѣ сидѣлъ Государь съ
ополитомъ, — налой, гдѣ лежала утварь
кая, и мѣста для Духовенства были устла-
архатами, а помостъ церкви коврами Пер-
ими и красными суквами Англійскими.
цы Вельможъ, въ особенности Годунова и
Ивана Михайловича Глинскаго, сіяли ал-
и, яхонтами, жемчугомъ удивительной ве-
ы (18), такъ, что иноземные писатели цѣ-
ихъ въ милліоны. Но всего болѣе торже-
украшалось веселіемъ лицъ и знаками жи-
ой любви къ престолу. — Послѣ Херувимской
Митрополитъ, въ дверяхъ Царскихъ, воз-
ъ на Ѳеодора *Мономахову цѣпь Аравійскаго*
; въ концѣ же Литургіи *помазалъ его Свя-*
Мѵромъ и причастилъ Святыхъ Таинъ. Въ
емя Борисъ Годуновъ держалъ скипетръ,
въ и Димитрій Ивановичь Годуновъ (дядя
ы), вѣнецъ Царскій на златомъ блюдѣ. Бла-
венный Діонисіемъ и въ южныхъ дверяхъ
осыпанный деньгами, Ѳеодоръ ходилъ по-
ться гробамъ предковъ, моляся, да наслѣ-
ихъ государственныя добродѣтели. Между
Ирина, окруженная Боярынями, сидѣла въ
подъ растворенным окномъ своей пала-
) и была привѣтствуема громкими воскли-
ии народа: «да здравствуетъ Царица!» Въ
ой Вельможи и чиновники цѣловали руку
ударя; въ Столовой палатѣ съ нимъ обѣ-

дали, равно какъ и все знатное Духовенство. Пиры, веселія, забавы народныя продолжались цѣлую недѣлю и заключились воинскимъ праздникомъ внѣ города, гдѣ, на обширномъ лугу, въ присутствіи Царя и всѣхъ жителей Московскихъ, гремѣло 170 мѣдныхъ пушекъ, предъ осмью рядами Стрѣльцевъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и въ бархатъ. Множество всадниковъ, также богато одѣтыхъ, провождало Θеодора (20).

Разныя милости.

Одаривъ Митрополита, Святителей, и самъ принявъ дары отъ всѣхъ людей чиновныхъ, гостей и купцевъ, Россійскихъ, Англійскихъ, Нидерландскихъ (21), нововѣнчанный Царь объявилъ разныя милости: уменьшилъ налоги; возвратилъ свободу и достояніе многимъ знатнымъ людямъ, которые лѣтъ двадцать сидѣли въ темницѣ (22); исполняя завѣщаніе Іоанново, освободилъ и всѣхъ военоплѣнныхъ; наименовалъ Боярами Князей Дмитрія Хворостинина, Андрея и Василія Ивановичей Шуйскихъ, Никиту Трубецкаго, Шестунова, двухъ Куракиныхъ, Θедора Шереметева и трехъ Годуновыхъ, внучатныхъ братьевъ Ирины; пожаловалъ Герою, Князю Ивану Петровичу Шуйскому, всѣ доходы города Пскова, имъ спасеннаго (23). Но сіи личныя милости были ничто въ сравненіи съ тѣми, коими Θеодоръ осыпалъ своего шурина, давъ ему все, что

одданный могъ имѣть въ Самодержавіи: не олько древній знатный санъ Конюшаго, въ ечепіе семнадцати лѣтъ никому не жалованый, но и титло *Ближняго Великаго Боярина*, амѣстника двухъ Царствъ (24), Казанскаго и страханскаго. Безпримѣрному сану отвѣтствоало и богатство безпримѣрное: Годунову дали, ли Годуновъ взялъ себѣ, лучшія земли и поѣстья, доходы области Двинской, Ваги, — всѣ рекрасные луга на берегу Москвы-рѣки, съ ѣсами и пчельниками, — разные казенные сборы Московскіе, Рязанскіе, Тверскіе, Сѣверскіе, верхъ особеннаго денежнаго жалованья: что, мѣстѣ съ дохомъ его родовыхъ отчинъ въ язьмѣ и Дорогобужѣ, приносило ему ежегодно е менѣе осьми или девяти сотъ тысячь нынѣшихъ рублей серебряныхъ (25): богатство, какого отъ начала Россіи до нашихъ временъ не мѣлъ ни одинъ Вельможа, такъ, что Годуновъ огъ на собственномъ иждивеніи выводить въ оле до ста тысячь воиновъ (26)! Онъ былъ уже временщикъ, не любимецъ, но Властитель арства. Увѣренный въ Ѳеодорѣ, Борисъ еще асался завистниковъ и враговъ: для того хоълъ изумить ихъ своимъ величіемъ, чтобы они дерзали и мыслить объ его низверженіи съ кой высокой степени, недоступной для обыновеннаго честолюбія Вельможъ-царедворцевъ. ѣйствительно изумленные, сіи завистники и аги нѣсколько времени злобились втайнѣ, безлѣйствуя, но вымышляя ударъ; а Годуновъ, со

ревніемъ души славолюбивой, устремился къ великой цѣли: дѣлами общественной пользы оправдать довѣренность Царя, заслужить довѣренность народа и признательность отечества. *Пентархія*, учрежденная Іоанномъ, какъ тѣнь исчезла: осталась древняя Дума Царская, гдѣ Мстиславскій, Юрьевъ, Шуйскій судили наряду съ иными Боярами, слѣдуя мановенію *Правителя:* ибо такъ современники именовали Бориса (27), который одинъ, въ глазахъ Россіи, смѣло правилъ рулемъ государственнымъ, повелѣвалъ именемъ Царскимъ, но дѣйствовалъ своимъ умомъ, имѣя совѣтниковъ, но не имѣя ни совмѣстниковъ, ни товарищей.

Годуновъ Правитель.

Когда Ѳеодоръ, утомленный мірскимъ великолѣпіемъ, искалъ отдохновенія въ набожности; когда, прервавъ блестящія забавы и пиры, въ видѣ смиреннаго богомольца ходилъ пѣшкомъ изъ монастыря въ монастырь, въ Лавру Сергіеву и въ иныя святыя Обители, вмѣстѣ съ супругою (28), провождаемою знатнѣйшими Боярынями и цѣлымъ полкомъ особенныхъ Царицыныхъ тѣлохранителей (пышность новая, изобрѣтенная Годуновымъ, чтобы вселить въ народъ болѣе уваженія къ Иринѣ и къ ея роду) . . . . въ то время Правительство уже неусыпно занималось важными дѣлами государственными, исправ-

вяло злоупотребленія власти, утверждало безопасность внутреннюю и внѣшнюю. Во всей Россіи, какъ въ счастливыя времена Князя Ивана Бѣльскаго и Адашева, смѣнили худыхъ Намѣстниковъ, Воеводъ и судей, избравъ лучшихъ (29); грозя казнію за неправду, удвоили жалованье чиновниковъ, чтобы они могли пристойно жить безъ лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, гдѣ надлежало возстановить честь оружія или спокойствіе отечества. Начали съ Казани. Еще лилася кровь Россіянъ на берегахъ Волги, и бунтъ кипѣлъ въ землѣ Черемисской: Годуновъ болѣе умомъ, нежели мечемъ (30), смирилъ мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что новый Царь, забывая старыя преступленія, готовъ, какъ добрый отецъ, миловать и виновныхъ въ случаѣ искренняго раскаянія; они прислали старѣйшинъ въ Москву и дали клятву въ вѣрности. Тогда же Борисъ велѣлъ строить крѣпости на Горной и Луговой сторонѣ Волги, Цывильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ и другіе, населилъ оныя Россіянами, и тѣмъ водворилъ тишину въ сей землѣ, столь долго для насъ бѣдственной.

Усмиреніе Черемисскаго бунта.

Усмиривъ Казанское Царство, Годуновъ совершилъ завоеваніе Сибирскаго. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшеніе его силъ отъ болѣзней и голода, онъ

Вторичное покореніе Сибири.

г. 1583. немедленно послалъ туда Воеводу, Ивана Мансурова, съ отрядомъ Стрѣльцевъ, а въ слѣдъ за нимъ и другихъ, Василія Сукина, Ивана Мяснаго, Данила Чулкова съ знатнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (31). Первый встрѣтилъ нашихъ Сибирскихъ витязей, Атамана Матвѣя Мещеряка съ остаткомъ Ермаковыхъ сподвижниковъ, на рѣкѣ Турѣ. «Добліе «Козаки ожили радостію,» говоритъ Лѣтописецъ: не боясь новыхъ опасностей и битвъ, ужасаясь единственно мысли явиться въ отечествѣ бѣдными изгнанниками, съ вѣстію о завоеваніи утраченномъ, они, исполненные мужества и надежды, возвратились къ устью Тобола, но не могли взять Искера, гдѣ властвовалъ уже не старецъ Кучюмъ, а юный, бодрый Князь Сейдякъ (32), его побѣдитель: свѣдавъ о бѣгствѣ Козаковъ, онъ собралъ толпы Ногаевъ, преданныхъ ему Татаръ Сибирскихъ, выгналъ Кучюма, и слыша о новомъ приближеніи Россіянъ, стоялъ на берегу Иртыша съ войскомъ многочисленнымъ, готовый къ усильному бою. Козаки предложили Мансурову плыть далѣе Иртышемъ, не смотря на осеннее время, холодъ и морозы. Тамъ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Обь, они вышли на берегъ и сдѣлали деревянную крѣпость: пишутъ, что Остяки, думая взять оную, принесли съ собою слав-

наго Бѣлогорскаго идола, или *Шайтана*, начали ему молиться подъ деревомъ и разбѣжались отъ ужаса, когда Россіяне пушечнымъ выстрѣломъ сокрушили сей кумиръ обожаемый. — Воеводы Сукинъ и Мясной остановились на берегу Туры ([33]), и на мѣстѣ городка Чингія основали нынѣшній Тюмень. Чулковъ же, не находя сопротивленія, или преодолѣвъ оное, заложилъ Тобольскъ, и въ немъ первую церковь Христіанскую (въ 1587 году); извѣстилъ о томъ Воеводу Мансурова, Атамана Мещеряка, соединился съ ними, разбилъ Князя Сейдяка, дерзнувшаго приступить къ Тобольской крѣпости, взялъ его въ плѣнъ раненаго, весь обозъ, все богатство, и сею побѣдою, которая стоила жизни послѣднему Ермакову Атаману, Никитѣ Мещеряку, довершилъ паденіе Ногайскаго Иртышскаго Царства. Искеръ опустѣлъ, и Тобольскъ сдѣлался новою столицею Сибири. Другое же, менѣе вѣроятное преданіе славитъ не мужество, а хитрость Воеводы Чулкова, весьма не достохвальную: узнавъ, какъ пишутъ ([34]), что Сейдякъ, другъ его, Царевичь Киргизскій Уразъ-Магметъ, и Мурза-Карача вышли изъ Искера съ пятью стами воиновъ, и на *Княжескомъ лугу*, близъ Тобольска, веселяются птичьею ловлею, Воевода пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, связалъ и послалъ въ Москву. — Еще изгнанникъ Кучюмъ держался съ шайками Ногаевъ Тайбугина Улуса ([35]) въ степи Барабинской, жегъ селенія, убивалъ людей въ волостяхъ Курдацкой, Салынской, въ

самыхъ окрестностяхъ Тобола: чтобы унять сего разбойника, новый Сибирскій Воевода Князь Кольцовъ-Мосальскій, ходилъ во глубину пустынь Ишимскихъ и близъ озера Чили-Кула (1 Августа 1591) истребилъ большую часть его конницы, захвативъ двухъ женъ Ханскихъ и сына, именемъ Абдулъ-Хаира (36). Тщетно Государь, желая водворить тишину въ своемъ новомъ, отдаленномъ Царствѣ, предлагалъ Кучюму жалованье, города и волости въ Россіи; обѣщалъ даже оставить его Царемъ въ землѣ Сибирской, если онъ съ покорностію явится въ Москвѣ (37). О томъ же писалъ къ отцу и плѣнникъ Абдулъ-Хаиръ, славя великодушіе Ѳеодора, который далъ ему и Царевичу Маметкулу богатыя земли въ собственность, *любя живить смертныхъ и миловать виновныхъ* (38). Оставленный двумя сыновьями, Ногайскими союзниками и знатнымъ Чинъ-Мурзою (который выѣхалъ къ намъ вмѣстѣ съ матерью Царевича Маметкула), Кучюмъ гордо отвѣтствовалъ на предложенія Ѳеодоровы: «Я не уступалъ Сибири Ер-«маку, хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, тре-«бую Иртышскаго берега» (39). Но безсильная злоба Кучюмова не мѣшала Россіянамъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ Сибири заложеніемъ новыхъ городовъ отъ рѣки Печоры до Кети и Тары, для безопаснаго сообщенія съ Пермію и съ Уфою (40), тогда же построенною, вмѣстѣ съ *Самарою*, для обузданія Ногаевъ. Въ 1592 году, при Тобольскомъ Воеводѣ Князѣ Ѳеодорѣ Ми-

айловичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, были осно-
аны Пелымъ, Березовъ, Сургутъ; въ 1594 Та-
а, въ 1596 Нарымъ и Кетскій Острогъ ([41]),
еодолимыя твердыни для дикихъ Остяковъ,
Югуличей и всѣхъ бывшихъ Кучюмовыхъ Улу-
никовъ, которые иногда еще мыслили о сопро-
ивленіи, измѣняли и не хотѣли платить ясака:
акъ въ грамотахъ Царскихъ упоминается о
ятежѣ Пелымскаго Князя Аблегирима ([42]), кое-
о велѣно было Воеводѣ нашему схватить хи-
ростію или силою, и казнить вмѣстѣ съ сы-
омъ и съ пятью или шестью главными бунтов-
цками Вогульскими. Кромѣ воиновъ, Стрѣль-
евъ и Козаковъ, Годуновъ посылалъ въ Си-
ирь и земледѣльцевъ изъ Перми, Вятки, Кар-
ополя, изъ самыхъ областей Московскихъ ([43]),
тобы населить пустыни и въ удобныхъ мѣ-
тахъ завести пашню. Распоряженіями благо-
азумными, обдуманными, безъ усилій тягост-
ыхъ, онъ навѣки утвердилъ сіе важное пріоб-
ѣтеніе за Россіею, въ обогащеніе Государства
овыми доходами, новыми способами торговли
промышлености народной. Около 1586 года
ибирь доставляла въ казну 200,000 соболей,
,000 лисицъ черныхъ и 500,000 бѣлокъ, кро-
ѣ бобровъ и горностаевъ ([44]).

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Борисъ слѣдо-
алъ правиламъ лучшихъ временъ Іоанновыхъ,
ъявляя благоразуміе съ рѣшительностію, осто-
ожность въ соблюденіи цѣлости, достоинства,
личія Россіи. Два Посла были въ Москвѣ сви-

Г. 1584-1587. Сношенія съ Англіею и съ Литвою.

дѣтелями Ѳеодорова воцаренія: Елисаветинъ и Литовскій. «Кончина Іоаннова (пишетъ Баусъ) измѣнила обстоятельства и «предала меня въ руки главнымъ врагамъ «Англіи: Боярину Юрьеву и Дьяку Андрею «Щелкалову, которые въ первые дни но«ваго царствованія овладѣли Верховною «Думою. Меня не выпускали изъ дому, «стращали во время бунта Московскаго, и «Щелкаловъ велѣлъ мнѣ сказать въ на«смѣшку: *Царь* Англійскій *умеръ* (45)! Бо«рисъ Годуновъ, нашъ доброжелатель, еще «не имѣлъ тогда власти.» Въ началѣ Мая объявили Баусу, что онъ можетъ ѣхать назадъ въ Англію; представили его Царю, отпустили съ честію, съ дарами и съ дружелюбнымъ письмомъ, въ коемъ Ѳеодоръ говорилъ Елисаветѣ: «Хотя дѣло о сва«товствѣ и тѣсномъ союзѣ съ Англіею «кончилось смертію моего родителя, одна«кожь искренно желаю твоей доброй пріяз«ни, и купцы Лондонскіе не лишаются «выгодъ, данныхъ имъ послѣднею жало«ванною грамотою» (46). Но Баусъ въ безразсудной досадѣ не хотѣлъ взять ни письма, ни даровъ Царскихъ; оставилъ ихъ въ Колмогорахъ, и вмѣстѣ съ Медикомъ Робертомъ Якоби уѣхалъ изъ Россіи (47). Удивленный такою дерзостію, Ѳеодоръ послалъ гонца Бекмана къ Королевѣ; жаловался на Бауса; снова предлагалъ ей

жбу, обѣщая милость купцамъ Англійскимъ, условіемъ, чтобы и наши могли свободно говать въ Англіи. Сей гонецъ долго жилъ Лондонѣ, не видя Елисаветы; наконецъ увиъ въ саду, гдѣ и вручилъ ей письмо Госуево. «Для чего нынѣшній Царь (спросила оролева) не любитъ меня? Отецъ его былъ оимъ другомъ; а Θеодоръ гонитъ нашихъ упцевъ изъ Россіи.» Слыша отъ Бекмана, что рь не гонитъ ихъ, но жалуетъ, и что они атятъ казнѣ вдвое менѣе иныхъ чужеземныхъ пцевъ въ Россіи, Елисавета написала въ отъ къ Θеодору. «Братъ любезнѣйшій! съ еизъяснимою скорбію узнала я о представленіи еликаго Государя, отца твоего, славныя паяти, и моего нѣжнѣйшаго друга. Въ его время мѣлые Англичане, открывъ моремъ неизвѣстый дотолѣ путь въ отдаленную страну вашу, ользовались тамъ важными правами, и если богащались, то не менѣе и Россію обогащали, лагодарно хваляся покровительствомъ Іоановымъ. Но имѣю утѣшеніе въ печали: гонецъ мой увѣрилъ меня, что сынъ достоинъ отца, слѣдовавъ его правила и дружество къ Анліи. Тѣмъ болѣе сожалѣю, что Посолъ мой усъ заслужилъ твое негодованіе: мужъ исытанный въ дѣлахъ государственныхъ, какъ дѣсь, такъ и въ иныхъ земляхъ, — всегда ромный и благоразумный. Удивляюся, хотя вѣрю твоимъ жалобамъ, которыя могутъ ыть изъяснены досадами, сдѣланными ему

«однимъ изъ твоихъ Совѣтниковъ Думныхъ» «(Дьякомъ Щелкаловымъ) явнымъ доброхотомъ «гостей Нѣмецкихъ. Но взаимная наша любовь «не измѣнится отъ сей непріятности. Требуешь «свободной торговли для купцевъ Россійскихъ «въ Англіи: чего никогда не бывало, и что «несовмѣстно съ пользою нашихъ; но мы и «тому не противимся, если ты исполнишь обѣ«щаніе Іоанново и дашь новую жалованную гра«моту, для исключительной торговли въ своемъ «Царствѣ *обществу* Лондонскихъ купцевъ, нами «учрежденному, не позволяя участвовать въ ея «выгодахъ *другимъ* Англичанамъ» (48). Не весьма довольный отвѣтомъ Елисаветы, ни холоднымъ пріемомъ Бекмана въ Лондонѣ, но желая сохранить полезную связь съ ея Державою, Царь велѣлъ (въ Сентябрѣ 1585 года) ѣхать къ Королевѣ Англійскому купцу, Іерониму Горсею, чтобы объясниться съ нею удовлетворительнѣе, и выборомъ такого Посланника доказать ей искренность нашего добраго расположенія (49). «Предѣлы Россіи» — писалъ Θеодоръ къ Елисаветѣ съ Горсеемъ — «открыты для вольной «торговли всѣхъ народовъ, сухимъ путемъ и «моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы Султановы, «Цесарскіе, Нѣмецкіе, Испанскіе, Французскіе, «Литовскіе, Персидскіе, Бухарскіе, Хивинскіе, «Шемахинскіе и многіе иные, такъ, что можемъ «обойтися и безъ Англичанъ, и въ угодность имъ «*не затворимъ дорогъ* въ свою землю. Для насъ «*всѣ* равны; а ты, слушаясь корыстолюбивыхъ

остей Лондонскихъ, не хочешъ равнять съ ми и другихъ своихъ подданныхъ! Говоришь, то у васъ никогда не бывало нашихъ людей орговыхъ — правда: ибо они и дома торуютъ выгодно; слѣдственно могутъ и впредь е ѣздить въ Англію. Мы рады видѣть купевъ Лондонскихъ въ Россіи, если не будешь ребовать для нихъ исключительныхъ правъ, есогласныхъ съ уставами моего Царства.» іи Θеодоровы мысли о вольной торговлѣ удили Англійскаго Историка, Юма, который наолилъ въ нихъ гораздо болѣе истины и пронинія, нежели въ Елисаветиныхъ понятіяхъ о печествѣ (50).

Но Елисавета настояла: извиняясь предъ Θеоромъ, что важныя государственныя дѣла мѣали ей входить въ дальнія объясненія съ Бекномъ, и что она видѣлась съ нимъ только въ ду, гдѣ обыкновенно *гуляетъ и бесѣдуетъ съ одьми ближними* (51). Королева уже не требола монополіи для купцевъ Лондонскихъ: убѣіала Царя единственно освободить ихъ отъ плажа тягостныхъ пошлинъ — и свѣдавъ отъ рсея всѣ обстоятельства Двора Московскаго, сала особенно къ Царицѣ и къ брату ея, именуя рвую *любезнѣйшею кровною сестрою*, а Годунова *днымъ пріятелемъ* (52); славила умъ и добротель Царицы; увѣдомляла, что изъ дружбы ней снова отпускаетъ въ Москву Медика оего Якоби, особенно искуснаго въ цѣленіи нскихъ и *родильныхъ* болѣзней; благодарила

Россіи. Такъ хитрила Елисавета — и не
лезно: Царица приняла ея ласковую г
съ любовію, Годуновъ съ живѣйшимъ уд
ствіемъ, и (въ 1587 году) далъ право Ан
намъ торговать безпошлинно (лишивъ ка
лѣе двухъ тысячь фунтовъ стерлинговъ е
наго доходу), съ обязательствомъ: 1) не при
къ намъ чужихъ издѣлій; 2) не разсылать
щиковъ по городамъ, но лично самимъ м
ся товарами (53); 3) не продавать ничего
ницу, а только оптомъ: сукна, камки, б
кипами, вина куфами, и проч.; 4) не отп
людей своихъ сухимъ путемъ въ Англі
вѣдома Государева; 5) въ тяжбахъ съ
нами зависѣть отъ суда Царскихъ Казна
Дьяка Посольскаго. Честолюбивый Бор
усомнился извѣстить Королеву, что *онъ*
вилъ сіи выгоды гостямъ Лондонскимъ
ствуя ея милость, и желаетъ всегда *блюс*
подъ своею рукою, въ надеждѣ, что они

цемъ: чего дотолѣ не терпѣла осторожная Политика нашихъ Царей. Въ тоже время получивъ бумагу отъ Министровъ Елисаветиныхъ, о разныхъ неумѣренныхъ требованіяхъ ихъ купечества, Годуновъ велѣлъ Дьяку Щелкалову написать въ отвѣтъ, что все возможное для Англіи сдѣлано, а болѣе уже ничего не сдѣлается; что имъ стыдно безпокоить *такого великаго человѣка* суесловіемъ, и что шурину Царскому, знаменитѣйшему Боярину великой Державы Россійской, не прилично самому отвѣчать на бумагу нескромную ([55]). Высоко цѣня благосклонность славной Королевы, и чувствительный къ ея лести, Годуновъ зналъ однакожь мѣру угожденія. Англичане старались низвергнуть ненавистнаго для нихъ Щелкалова; но Борисъ, уважая его опытность и способности, ввѣрялъ ему всѣ дѣла иноземныя и далъ новое, знаменитое титло Дьяка *Ближняго* ([56]).

Еще гораздо важнѣе и затруднительнѣе были для насъ сношенія съ Литвою: ибо Стефанъ, какъ бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпѣливо хотѣлъ довершить начатое: возвысить Державу свою униженіемъ Россіи, и считая Ливонію только задаткомъ, а миръ отдохновеніемъ, мечталъ о возстановленіи древнихъ границъ Витовтовыхъ на берегахъ Угры. Посолъ его Сапѣга, узнавъ въ Москвѣ о кончинѣ Іоанновой, сказалъ Боярамъ, что онъ безъ новаго Королевскаго наказа не можетъ видѣть новаго Царя, ни говорить съ ними о дѣлахъ ([57]);

есть, Баторій хотѣлъ испугать Ѳеодора и
хомъ расположить къ уступчивости п
Литвы!.... Во время сего пышнаго, как
новенно, представленія Царь сидѣлъ на
съ державою и скипетромъ; близъ него
Рынды въ бѣлой одеждѣ и въ *златы*
пяхъ (58); у трона *одинъ* Годуновъ: всѣ
Вельможи сидѣли далѣе. Но Послу оказал
безъ ласки: не приглашенный Ѳеодоро
обѣду, онъ съ сердцемъ уѣхалъ домой и
стилъ къ себѣ чиновника съ блюдами
Царскаго. Начавъ переговоры, Сапѣга
валъ, чтобы Ѳеодоръ далъ Королю 120
золотыхъ за нашихъ плѣнниковъ, осво
Литовскихъ безъ выкупа, удовлетворилъ
жалобамъ его подданныхъ на Россіянъ
именовалъ себя въ государственныхъ бу
Ливонскимъ Княземъ, если не желаетъ
ибо смерть Іоаннова, какъ думалъ Баторі

слѣдовавъ Державу, наслѣдовалъ и титулъ отца, который именовался *Ливонскимъ*. Въ слѣдствіе многихъ прѣній Сапѣга заключилъ съ Боярами мирное условіе только на десять мѣсяцевъ; а Царь послалъ Боярина, Князя Ѳедора Михайловича Троекурова, и Думнаго Дворянина, Михайла Безнина, въ Варшаву, чтобы склонить Короля къ истинному миролюбію. Но Стефанъ болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ войны и чаялъ въ ней успѣха, свѣдавъ, что дѣлалось тогда въ Москвѣ, и съ прибавленіями, внушенными злобою.

Годуновъ, стараясь дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ заслуживать благодарность отечества, а ласками пріязнь главныхъ Бояръ, спокойно властвовалъ 16 или 17 мѣсяцевъ, презиралъ недоброжелателей, имѣя въ рукѣ своей сердце Государево, и снискавъ особенную дружбу двухъ знаменитѣйшихъ Вельможъ, Никиты Романовича Юрьева и Князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго; одинъ правительствовалъ, но совѣтовался съ ними, удовлетворяя тѣмъ ихъ умѣренному честолюбію. Сія счастливая для него связь рушилась кончиною Юрьева (59): ибо слабодушный Князь Мстиславскій, хотя и *названый отецъ Борисовъ* (60), будучи обманутъ кознями враговъ его: Шуйскихъ, Воротынскихъ, Головиныхъ, присталъ къ нимъ, и, если вѣрить Лѣтопис-

Заговоръ противъ Годунова.

цу, сдѣлался участникомъ заговора гнуснаго: хотѣли, чтобы онъ позвалъ Бориса на пиръ и предалъ въ руки убійцъ! Такъ сказали Годунову устрашенные друзья его, свѣдавъ о злобномъ ковѣ; такъ сказалъ Годуновъ Царю .... Было ли законное слѣдствіе, разысканіе, неизвѣстно; знаемъ единственно, что Князя Ивана Мстиславскаго, неволею постриженнаго, сослали въ Обитель Кирилловскую; Воротынскихъ, Головиныхъ въ мѣста дальнія; иныхъ заключили въ темницу (61); Шуйскихъ не коснулись: для того ли, что не могли обличить ихъ, или изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, связаннаго дружествомъ съ ними (62)? Вообще не казнили смертію ни одного человѣка. Можетъ быть, Годуновъ опасался кровопроліемъ напомнить ненавистныя времена Іоанновы; можетъ быть — что еще вѣроятнѣе — онъ каралъ единственно личныхъ своихъ недоброжелателей, распустивъ слухъ о мнимомъ злодѣйскомъ умыслѣ. Даже сынъ Мстиславскаго, Князь Ѳеодоръ Ивановичь, остался въ Думѣ первымъ или старѣйшимъ Бояриномъ (63). Не смотря на такую умѣренность въ наказаніи дѣйствительнаго или вымышленнаго преступленія, столица и Дворъ были въ тревогѣ: ближніе, друзья опальныхъ, страшились дальнѣйшей мести, и знатный чиновникъ, Михайло Головинъ, ушелъ изъ Медынской своей отчины къ Баторію (64), какъ бы въ оправданіе Годунова: ибо сей бѣглецъ-измѣнникъ, милостиво принятый въ Литвѣ, заклиналъ Короля не

мириться съ Царемъ, увѣряя, что Москва и Россія въ безначаліи, въ неустройствѣ, отъ малоумія Θеодорова и несогласія Вельможъ; что Королю надобно только итти и взять все, ему угодное, въ нашемъ сиромъ, бѣдномъ отечествѣ, гдѣ никто не хочетъ ни воевать, ни служить Государю ([65]). Баторій вѣрилъ, и холодно принявъ Московскихъ Пословъ, сказалъ имъ, что можетъ изъ снисхожденія дать намъ перемиріе на десять лѣтъ, если *возвратимъ* Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ, землю Сѣверскую, и примолвилъ: «Отецъ Θеодоровъ не хотѣлъ меня знать, но узналъ; сыну будетъ тоже» ([66]).

Послы доказывали безразсудность Королевскаго требованія: ихъ не слушали. Тогда они употребили хитрость: во-первыхъ, искусно разгласили, что Михайло Головинъ есть лазутчикъ, посланный къ Стефану Московскими Боярами ([67]); во-вторыхъ, предложили Вельможамъ Коронымъ и Литовскимъ заключить тѣсный союзъ между ихъ Державою и Россіею для истребленія Хана Крымскаго. Та и другая мысль имѣла счастливое дѣйствіе. Въ Варшавѣ перестали вѣрить Головину, разсуждая, что знатные Россіяне могли естественно уходить изъ отечества въ царствованіе жестокаго Іоанна, а не Θеодора милосердаго; что сей мнимый бѣглецъ соритъ деньгами, безъ сомнѣнія данными ему изъ казны Царской для подкупа людей, и нелѣпо унижая Россію, будто бы готовую упасть къ ногамъ

Стефановымъ, изобличаетъ тѣмъ свою ложь: что Король, обольщенный Давидомъ Бѣльскимъ, изгубилъ многочисленное войско подъ стѣнами ужаснаго Пскова, и не долженъ быть новою жертвою легковѣрія; что онъ уже близокъ къ старости; что незапная смерть можетъ исхитить мечь, если и побѣдный, изъ рукъ неутомимаго воителя; что шумный Сеймъ будетъ спорить о выборѣ Стефанова преемника, а сильный врагъ опустошать Литву; что лучше воспользоваться извѣстною слабостію Ѳеодоровою для утвержденія съ Московскими Боярами искренняго, вѣчнаго союза между обоими Государствами, независимо отъ жизни или смерти ихъ Вѣнценосцевъ. Сіе мнѣніе одержало верхъ въ Думѣ Королевской, такъ, что Троекуровъ и Безнинъ не только возвратились въ Москву съ новою мирною грамотою, срокомъ на два года (68), но Король отправилъ къ намъ и своего Посла чрезвычайнаго, съ предложеніемъ столь неожиданнымъ, что оно изумило совѣтъ Царскій!

Посломъ былъ знаменитый мужъ, Михайло Гарабурда, давно извѣстный и пріятный Двору Московскому совершеннымъ знаніемъ нашего языка, умомъ гибкимъ, вѣжливостію, а всего болѣе усердіемъ къ Закону Греческому. Онъ вручилъ Боярамъ миролюбивыя, ласковыя письма отъ Вельможъ Королевскихъ (69), и въ тайной бесѣдѣ съ ними сказалъ: «Имѣя полную «довѣренность отъ Государя нашего, Духовенства и всѣхъ мужей Думныхъ, Коронныхъ и

итовскихъ, объявляю, что мы искренно хотимъ быть въ неразрывномъ союзѣ съ вашимъ отечествомъ и ревностно стоять противъ всѣхъ общихъ недруговъ. Для того оставимъ суетныя прѣнія о городахъ и волостяхъ, коихъ ни вы намъ, ни мы вамъ не уступимъ безъ кровопролитія ([70]). Пусть каждый во вѣки вѣковъ безспорно владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ нынѣ! Ничего не требуемъ: не требуйте и вы!.... Слушайте далѣе. Мы съ вами братья единаго Славянскаго племени, отчасти и единой Вѣры: для чего намъ не имѣть и единаго Властителя? Господь да продолжитъ лѣта обоихъ Вѣнценосцевъ; но они смертные: мы готовы, въ случаѣ Стефановой кончины, присоединить Великое Княжество Литовское и Польшу къ Державѣ Ѳеодора (такъ, чтобы Краковъ считался наравнѣ съ Москвою, а Вильна съ Новымгородомъ), если, въ случаѣ Ѳеодоровой смерти, обяжетесь признать Стефана Государемъ всей Россіи. Вотъ самый надежный способъ — и нѣтъ инаго — утвердить тишину, незыблемое, истинное дружество между нашими Государствами!» Бояре донесли Царю, и, послѣ торжественнаго совѣщанія Думы съ знатнѣйшимъ Духовенствомъ, дали слѣдующій отвѣтъ: «Мы не дозволяемъ себѣ и мыслить о кончинѣ нашего Великаго Самодержца; не хотимъ даже предполагать и Стефановой: у васъ иное обыкновеніе, едва ли достохвальное: ибо пристойно ли Послу ѣхать въ чужую землю за тѣмъ,

«чтобы говорить о смерти своего Вѣнценосца? «Устраняя сію непристойность, объявляемъ согласіе Государя на миръ вѣчный.» Но Гарабурда не хотѣлъ слышать о томъ безъ договора о соединеніи Державъ, прибавивъ: «развѣ отдадите «намъ и Новгородъ и Псковъ: ибо Стефанъ не «удовольствуется ни Смоленскою, ни Сѣверскою «областію.» *А нашъ Государь* — сказали ему Бояре — *не дастъ вамъ ни драницы съ кровли* (71). *Можемъ обойтися безъ мира. Россія нынѣ не старая: берегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну* (72)! Изъявивъ сожалѣніе, что наши Вельможи и Духовенство не вразумились въ мысль великую, добрую, Гарабурда откланялся Царю, а послѣ Боярамъ, которые особенно принимали его въ *набережныхъ сѣняхъ*, сидя на рундукѣ (гдѣ Борисъ занималъ четвертое мѣсто, уступая первенство Князьямъ Мстиславскому, Ивану Петровичу Шуйскому, Дмитрію Ивановичу Годунову); *дали ему руку*, и письмо учтивое къ Королевскимъ Вельможамъ, сказавъ: «Ты былъ у насъ съ дѣломъ важнымъ, «но ничего не сдѣлалъ. Ненавидя кровопролитіе, «Царь объяснится съ Королемъ чрезъ своего «Посла.» Гарабурда уѣхалъ (30 Апрѣля), а Князь Троекуровъ вторично отправился къ Стефану (28 Іюня) съ новымъ наказомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Баторій немедленно обнажилъ бы мечь на Россію, если бы Вельможные Паны, особенно Литовскіе, боясь разоренія земли своей, не противились его славолюбію и не-

и Королю отказомъ Сейма въ деньгахъ и
ляхъ. Обольщенный успѣхами войны съ
мъ, онъ только для вида и въ угодность
жамъ сносился съ нами, будто бы желая
и нелѣпо предлагая Думѣ Царской отдать
ссію по смерти Θеодора, въ то же время
ъ денегъ у Папы, чтобы итти къ Москвѣ,
я завоевать нашу землю, а для Рима нашу
ь: Іезуитъ Антоній былъ его ревност-
ходатаемъ (злобясь на Россіянъ за худый
своего Посольства къ Іоанну), и Сикстъ V
ся давать Стефану ежемѣсячно 25 тысячь
для предпріятія столь великаго (73)! Въ
расположеніи Стефанъ не думалъ слѣдо-
римѣру Θеодорова милосердія: хваля без-
тное освобожденіе Литовскихъ плѣнни-
требовалъ неумѣреннаго окупа за нашихъ;
съ Царя 54 тысячи рублей, отпустилъ нѣ-
іхъ, но удержалъ знатнѣйшихъ (74), и не
возвратить серебра, отнятаго въ Литвѣ у
Московскихъ, которые ѣхали въ Грецію
остынею для поминовенія Царевича Іоанна;
алъ Воеводъ своихъ, которые изъ Ливоніи,
ка и другихъ мѣстъ посылали шайки раз-
овъ въ области Псковскую, Великолуцкую,
овскую, (75); однимъ словомъ, явно иску-
ерпѣніе Россіи, чтобы произвести войну.
куровъ нашелъ Стефана въ Гроднѣ (76), и
ъ его Панамъ грамоту нашихъ Бояръ.
авъ ее, Паны изъявили сильное негодо-
«Желая тишины (говорили они), мы, во-

«преки Королю, предлагали вамъ условія искрен-
«няго братства, согласныя съ выгодами обѣихъ
«Державъ; а вы, не отвѣтствуя на главное пред-
«ложеніе, пишите, что Царю угодно осчастли-
«вить Короля миромъ, если уступимъ вамъ
«Кіевъ, Ливонію и все, что именуете древнею
«собственностію Россіи! То есть, *мы кормимъ*
«*Вельможъ Московскихъ хлѣбомъ, а Вельможи*
«*Московскіе бросаютъ намъ камень!* Отъ чего та-
«кая гордость? Развѣ мы не вѣдаемъ нынѣш-
«нихъ жалкихъ обстоятельствъ вашей земли? У
«васъ есть Царь; но какой? едва дышетъ, и без-
«дѣтенъ: умѣетъ только молиться (77). Бояре въ
«смутахъ, народъ въ волненіи, Держава въ
«неустройствѣ, рать безъ усердія и безъ доб-
«рыхъ Воеводъ. Знаемъ, что вы тайно сноси-
«тесь съ братомъ Императора Нѣмецкаго: како-
«ваше намѣреніе? можете ли найти защитника
«въ Цесарѣ, когда онъ и себѣ худый защит-
«никъ? Уже многіе Государи Европейскіе *мѣ-*
«*тятъ на васъ*. Султанъ требуетъ Астрахани и
«Казани; Ханъ съ огнемъ и мечемъ въ нѣдрахъ
«Россіи; народъ Черемисскій бунтуетъ. Гдѣ умъ
«вашихъ Бояръ? Отечество въ несгодѣ, а они
«презираютъ наше доброжелательство и твер-
«дятъ, что Царь готовъ стоять противъ всѣхъ
«недруговъ! Увидимъ. Доселѣ мы удерживали
«Стефана отъ исполненія клятвы, имъ данной
«при восшествіи на престолъ: клятвы отнять у
«Россіи все Литовское, чѣмъ она завладѣла по-
«слѣ Витовта. Теперь не хотимъ досаждать ему

«пересказомъ вашихъ рѣчей бездѣльныхъ, но «скажемъ: *Иди на Россію, до береговъ Угры: вотъ «наше золото, вотъ наши руки и головы!*»

Князь Троекуровъ слушалъ хладнокровно, отвѣтствовалъ съ жаромъ: «Не мы, но вы суесловите, Паны Вельможные! Какія рѣчи, дерзостныя и нелѣпыя! Царствованіе благодатное именуете несгодою и бѣдствіемъ для Россіи! Видите гнѣвъ Бо́жій, гдѣ мы видимъ одну милость Небесную! А будущее извѣстно ли смертному? Вы не бесѣдовали со Всевышнимъ. Горе «тому, кто злословитъ Вѣнценосца (78)! Имѣемъ «Царя здраваго душею и тѣломъ, умнаго и счастливаго, достойнаго своихъ великихъ предковъ. Какъ отецъ, дѣдъ, прадѣдъ Θеодоровъ, такъ и Θеодоръ судитъ народъ, строитъ землю, любитъ тишину, но готовъ и разить недруговъ. Есть у него воинство, какого еще не бывало въ Россіи: ибо онъ милостивъ къ людямъ и жалуетъ ихъ щедро изъ казны своей; есть воеводы добліе, ревнители славы умереть за отечество. Такъ, Θеодоръ умѣетъ молиться, и Господь, благоволя о небесной вѣрѣ его, конечно дастъ ему побѣду — и миръ, и благоденствіе, и чадъ возлюбленныхъ, да царствуетъ племя Св. Владиміра во вѣки вѣковъ! Пусть измѣнники оглашаютъ землю безстыднымъ лжесловіемъ о смутахъ Вельможъ и неустройствѣ нашего Царства: вѣтеръ клевету развѣваетъ. Не хотимъ уподобиться вамъ дерзостію и въ истинѣ: молчимъ о томъ, что видимъ въ

«Литвѣ и въ Польшѣ, ибо мы присланы не для «раздора.» Далѣе, сказавъ, что Вельможи Россійскіе знаютъ только своего Царя и не сносятся съ иноземными Князьями; что Султанъ требуетъ не Астрахани, не Казани, а нашего дружества; что Ханъ, помня 1572 годъ и Князя Михайла Воротынскаго (79), не смѣетъ заглянуть и въ нашу Украйну; что въ Россіи вездѣ тишина; что мы спокойно властвуемъ и въ отдаленной Сибири — на Кондѣ, въ *Пелымскомъ Государствѣ*, въ странѣ *Пѣгихъ Колмаковъ* и на Оби (80), гдѣ 94 города платятъ намъ дань — Посолъ заключилъ сими словами: «То ли называете несгодою Россіи? Мира желаемъ, но *не* «*купимъ*. Хотите ли войны? начинайте! Хотите «ли добраго дѣла? говорите о дѣлѣ!»

Вступили въ переговоры. Царь соглашался не требовать Кіева, ни Волыніи, ни Подоліи, требуя для мира одной Ливоніи, по крайней мѣрѣ Дерпта, Нейгауза, Ацеля, Киремпе, Маріенбурга, Тарваста. «Къ чему такое великодушіе?» сказали Паны Князю Троекурову съ насмѣшкою: «мы дозволяемъ вамъ отыскивать всей Литвы: «завоюйте и возьмите!» Они вторично предложили соединить обѣ Державы на вѣки вѣковъ, и для того съѣхаться Вельможамъ Московскимъ съ Королевскими на границѣ; а Троекуровъ изъяснялъ имъ, что Царь не можетъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ общей Земской Думы: что нужно не мало времени для призванія всѣхъ государственныхъ людей въ Москву изъ Нова-

города, Казани, Астрахани, Сибири — и требовалъ должайшаго перемирія. «Въ Россіи нѣтъ «обычая совѣтоваться съ землею,» возражали Паны: «Царь вздумаетъ, Бояре скажутъ *да*, и «дѣло сдѣлано.» Споривъ нѣсколько дней, утвердили перемиріе еще на два мѣсяца (отъ 3 Іюня до Августа 1588), чтобы въ теченіе сего времени съѣхаться Великимъ Посламъ съ обѣихъ сторонъ на рѣкѣ Иватѣ, между Оршею и Смоленскимъ, для условія о томъ, 1) «какъ Царю жить въ любви братской съ Стефаномъ, и 2) *какъ ихъ Государствамъ быть подъ единою державою въ случаѣ Θеодоровой или Стефановой кончины* (81), или 3) какими городами Литвѣ и Россіи владѣть безспорно, *буде онѣ не захотятъ соединиться.*» Хотя третья статья отнимала силу у второй; хотя въ самомъ дѣлѣ мы ничего не уступали и не вредили ни чести, ни безопасности государственной такими условіями: однакожь сей договоръ былъ подписанъ Троекуровымъ уже въ крайности, когда Паны объявили ему отпускъ. Мы желали длить время, въ надеждѣ на будущее, и видя доброе расположеніе къ миру въ землѣ непріятельской. Самъ Архіепископъ Гнѣзненскій въ бесѣдѣ съ Царскимъ чиновникомъ (Новосильцовымъ, посланнымъ тогда въ Вѣну) сказалъ ему, что Россія имѣетъ одного непримиримаго врага въ Литвѣ и въ Польшѣ: Баторія, коему жить не долго; что у него открылись на ногѣ опасныя раны, и что Медики не умѣютъ цѣлить ихъ, боясь тѣмъ ускорить его

ценосца, умъ и благость Царицы,
и высокія достоинства *Правителя*
Θедоровича Годунова. «Сей муж
«нитый (продолжалъ Архіеписко
«талъ, утѣшалъ нашихъ плѣннико
«гда они еще сидѣли въ темницѣ
«имъ свободу, милостиво угостилъ
«ихъ палатахъ, одаривъ каждаго
«и деньгами. Слава его вездѣ раз
«Вы счастливы, имѣя нынѣ Вл
«подобнаго Алексѣю Адашеву,
«человѣку, который управлялъ Ро
«царствованіе Іоанново» (82). Еще
вольный такимъ сравненіемъ, Н
цовъ увѣрялъ, что Годуновъ прево
Адашева и знаменитостію сана
кимъ разумомъ. — Однимъ словом
вая Политика нудила насъ удалят
сколько возможно. Еще Стефанъ б

Сравненіе Годунова съ Адашевымъ.

ный долгъ, предписываемый Государю пользою Государства, и лучше легкомысленныхъ Пановъ вѣдалъ невозможность истиннаго мира и трудность соединенія Королевства ихъ съ Царствомъ Московскимъ. Уже Баторій назначилъ день Сейма въ Варшавѣ, чтобы утвердить будущую судьбу Королевства заблаговременнымъ избраніемъ своего преемника, истиною и краснорѣчіемъ оживить въ сердцахъ любовь къ отечеству, ревность ко славѣ; наконецъ исторгнуть согласіе на войну съ Россіею. Но Судьба не благопріятствовала замысламъ великаго мужа, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Въ сихъ послѣднихъ сношеніяхъ съ Баторіемъ Правительство наше имѣло еще особенную, тайную цѣль: хотѣло возвратить отечеству изгнанниковъ и бѣглецовъ Іоаннова царствованія, не столько изъ милосердія, сколько для государственной выгоды. Слыша, что нѣкоторые изъ нихъ желаютъ, но боятся ѣхать въ Россію, Царь посылалъ къ нимъ милостивыя грамоты — именно къ Князю Гаврилу Черкасскому, Тимоѳею Тетерину, Мурзѣ Купкееву, Девятому Кашкарову, къ самому измѣннику Давиду Бѣльскому (свойственнику Годунова) — обѣщая имъ забвеніе вины, чины и жалованье, если они съ раскаяніемъ и съ усердіемъ явятся въ Москвѣ, чтобы *доставить намъ всѣ нужныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Литвы*, о видахъ и способахъ ея Политики (83). Ѳеодоръ прощалъ всѣхъ бѣглецовъ, кромѣ несчаснаго Курбскаго (вѣ-

роятно, что его уже не было на свѣтѣ и кромѣ новаго измѣнника, Михайла Головина: вывѣдавъ отъ него много тайнаго о Россіи, Баторій имѣлъ у насъ и собственныхъ лазутчиковъ, между купцами Литовскими: для чего Θеодоръ велѣлъ имъ торговать единственно въ Смоленскѣ, запретивъ ѣздить въ Москву [84].

Перемиріе съ Швеціею.

Стараясь удалить разрывъ съ Литвою, но ожидая его непрестанно, Царь оказывалъ тѣмъ болѣе миролюбія и снисходительности въ дѣлахъ съ Шведскимъ Королемъ, чтобы вдругъ не имѣть двухъ непріятелей, однакожь не забывая достоинства Россіи, чувствуя необходимость загладить ея стыдъ возвратомъ нашей древней собственности, похищенной Шведами, и только отлагая войну до удобнѣйшаго времени. Свѣдавъ о кончинѣ Іоанновой, Эстонскій Намѣстникъ де-ла-Гарди спрашивалъ у Новогородскаго Воеводы, Князя Василья Θедоровича Шуйскаго-Скопина, хотимъ ли мы наблюдать договоръ, заключенный на берегу Плюсы [85], и будутъ ли наши Послы въ Стокгольмъ для условія о вѣчномъ мирѣ? Но къ письмѣ своемъ, какъ бы желая досадить Царю, онъ назвалъ Короля *Великимъ Княземъ Ижерскимъ* и *Шелонскія Пятины въ землѣ Русской*. Ему отвѣчали, что Россія никогда не слыхала о Шведскомъ Великомъ Князѣ Пятинѣ Ше-

лонской; что онъ (де-ла-Гарди) можетъ извиниться единственно невѣдѣніемъ государственныхъ обычаевъ, будучи иноземцемъ и пришлецомъ, удаленнымъ отъ Двора и дѣлъ Думныхъ; что Царь исполняетъ договоръ отца своего, не любитъ бѣдствій войны и ждетъ Пословъ Шведскихъ, а своихъ не можетъ отправить въ Стокгольмъ. Колкость произвела брань. Де-ла-Гарди въ новомъ письмѣ къ Шуйскому говорилъ о старомъ невѣжествѣ, о безумной гордости Россіянъ, еще необразумленныхъ худыми ея слѣдствіями ([86]). «Знайте (писалъ онъ), что меня «не именуютъ чужеземцемъ въ *высокохвальномъ* «Королевствѣ Шведскомъ: правда, не рѣдко «удаляюсь отъ Двора, но единственно для того, «чтобы учить васъ смиренію. Вы не забыли, ду«маю, сколько разъ мои знамена встрѣчались съ «вашими; то есть, сколько разъ вы уклоняли «ихъ предо мною и спасались бѣгствомъ?» Отвѣтомъ на сію непристойность было молчаніе презрѣнія. Еще благоразумнѣе и достохвальнѣе поступилъ Ѳеодоръ въ личномъ сношеніи съ Королемъ Іоанномъ. Предлагая намъ не возобновлять гибельнаго кровопролитія, Іоаннъ въ грамотѣ къ Царю употребилъ слѣдующее выраженіе: «отецъ твой, терзая собственную землю, «питаясь кровію подданныхъ, былъ злымъ со«сѣдомъ и для насъ и для всѣхъ иныхъ Вѣнце«носцевъ.» Сію грамоту Ѳеодоръ возвратилъ Королю, велѣвъ сказать гонцу его, что къ сыну не пишутъ такъ о родителѣ ([87])! Но слова не мѣ-

шали дѣлу: Бояринъ, Князь Ѳеодоръ Димитріевичь Шестуновъ, и Думный Дворянинъ, Игнатій Татищевъ, съѣхались (25 Октября 1585) на устьѣ Плюсы, близъ Нарвы, съ Шведскими знатными сановниками, Класомъ Тоттомъ, де-ла-Гардіемъ и другими (88). Шведы требовали Новагорода и Пскова, а мы и взятыхъ ими городовъ Россійскихъ и всей Эстоніи, и семисотъ тысячь рублей деньгами; смягчались, уступали съ обѣихъ сторонъ, и не могли согласиться. Шведы грозили намъ союзомъ съ Баторіемъ и панятіемъ ста тысячь воиновъ: мы грозили имъ силою одной Россіи, прибавляя: «не имѣемъ нужды, подоб-«но вамъ, закладывать города свои и нани-«мать воиновъ; дѣйствуемъ собственными «руками и головами (89).» Послѣднія наши условія для мира, отвергнутыя Шведами, состояли въ томъ, чтобы Король возвратилъ намъ Иваньгородъ, Яму, Копорье за 10,000 рублей или 20,000 Венгерскихъ червонцевъ. Сказали: «да будетъ же война!» Но одумались, и въ Декабрѣ 1585 года утвердили перемиріе на четыре года безъ всякихъ уступокъ, съ обязательствомъ вновь съѣхаться Посламъ обѣихъ Державъ въ Августѣ 1586 года для соглашенія о мирѣ вѣчномъ. — Во время сихъ переговоровъ знаменный де-ла-Гарди утонулъ въ Наровѣ (90).

Еще двѣ Державы Европейскія находи-

лись тогда въ сношеніяхъ съ Θеодоромъ: Австрія и Данія. Извѣстивъ Рудольфа о своемъ воцареніи, онъ предлагалъ ему дружбу и свободную торговлю между ихъ Государствами. Сановника Московскаго, Новосильцова (91), честили въ Прагѣ, гдѣ жилъ Императоръ: не только Австрійскіе Министры, но и Легатъ Римскій, Послы Испанскій, Венеціянскій, давали ему обѣды; разспрашивали его о Востокѣ и Сѣверѣ; о Персіи, земляхъ Каспійскихъ и Сибири; славили могущество Царя и хвалили разумъ Посланника, дѣйствительно разумнаго, какъ то свидѣтельствуютъ его бумаги. Онъ доносилъ Боярской Думѣ, что Рудольфъ занимается болѣе своею великолѣпною конюшнею, нежели правленіемъ, уступивъ тягостную для него власть умному Вельможѣ Адаму Дитрихштейну; что Императоръ, бѣдный казною, не стыдится платить дань Султану, единственно на время удаляя тѣмъ грозу меча Оттоманскаго; что состояніе Европы печально; что Австрія бѣдствуетъ въ мирѣ, а Франція въ войнѣ междоусобной; что Филиппъ II, подозрѣвая сына (Карлоса) въ умыслѣ на жизнь отца, думаетъ объявить наслѣдникомъ Испаніи Эрнеста, Цесарева брата (92). Въ сихъ донесеніяхъ Новосильцовъ описываетъ и предметы гражданской жизни, плоды народнаго образованія, заведенія

Посольство въ Австрію.

полезныя или пріятныя, имъ видѣнныя и неизвѣстныя въ Россіи, даже сады и теплицы, исполняя Посольскій наказъ любопытнаго Годунова. Министры Австрійскіе за тайну объявили ему желаніе утвердить союзъ съ Россіею, чтобы низвергнуть Баторія и раздѣлить его Королевство (93); но сія мысль, излишно смѣлая для слабаго Рудольфа, осталась безъ дѣйствія: Императоръ хотѣлъ послать къ Царю собственнаго Вельможу, и не сдержалъ слова, написавъ съ Новосильцовымъ единственно учтивое письмо къ Θеодору.

Возобновленіе дружества съ Даніею.

Фридерикъ, Король Датскій, бывъ въ явной недружбѣ съ Іоанномъ (94), спѣшилъ увѣрить новаго Царя въ искреннемъ доброжелательствѣ; прислалъ въ Москву знатнаго чиновника; писалъ съ нимъ, что всемірная слава о *Христіанскомъ нравѣ и чувствѣ* Θеодоровомъ даетъ ему надежду прекратить всѣ старыя неудовольствія и возобновить дружественныя связи съ Россіею, государственныя и торговыя. Сіи связи дѣйствительно возобновились, и Данія уже не мыслила тревожить нашей морской сѣверной торговли, желая только участвовать въ ея выгодахъ.

Будучи въ мирѣ — по крайней мѣрѣ на время — съ Христіанскою Европою, Россія, спокойная внутри, хотя и не страшилась, однакожъ непрестанно береглась Тав-

иды. Магметъ-Гирей, обѣщая союзъ и Дѣла Крымскія.
Царю и Литвѣ, тайно сносясь съ Черемисою и явно посылая толпы разбойниковъ въ наши юго-восточные предѣлы (95), палъ отъ руки брата, Исламъ-Гирея, который съ Янычарскою дружиною и съ именемъ Хана прибылъ изъ Константинополя (96). Убійствомъ наслѣдовавъ и тронъ и Политику своего предмѣстника, Исламъ писалъ къ Θеодору: «Отецъ твой купилъ миръ съ нами десятью тысячами рублей, сверхъ мѣховъ драгоцѣнныхъ, присланныхъ отъ васъ моему брату. Дай мнѣ еще болѣе — и мы раздавимъ Литовскаго недруга: съ одной стороны мое войско, съ другой Султанское, съ третьей Ногаи, съ четвертой полки твои устремятся на его землю» (97) — и въ то же время Крымскія шайки, вмѣстѣ съ Азовцами, съ Ногаями Казыева Улуса, жгли селенія въ Уѣздахъ Бѣлевскомъ, Козельскомъ, Воротынскомъ, Мещовскомъ, Мосальскомъ (98): Думный Дворянинъ, Михайло Безнинъ, съ легкою конницею встрѣтилъ ихъ на берегу Оки, подъ Слободою Монастырскою, разбилъ на голову, отнялъ плѣнниковъ, и получилъ отъ Царя золотую медаль за свое мужество. Еще два раза Крымцы, числомъ отъ тридцати до сорока тысячь (99), злодѣйствовали въ Украйнѣ: въ Іюнѣ 1587 года они взяли и сожгли Кропивну. Воеводы

Московскіе били, гнали ихъ, слѣдомъ пепла и крови; не отходили отъ береговъ Оки; стояли въ Тулѣ, въ Серпуховѣ, ожидая самого Хана. Таврида уподоблялась для насъ ядовитому гаду, который издыхаетъ, но еще язвитъ смертоносымъ жаломъ: ввергала огонь и смерть въ предѣлы Россіи, не взирая на свое изнуреніе и бѣдствія, коихъ она была тогда жертвою. Сыновья Магметъ-Гиреевы, Сайдетъ и Муратъ, изгнанные дядею, (въ 1585 году) возвратились съ пятьнадцатью тысячами Ногаевъ, свергнули Исламъ-Гирея съ престола, взяли его женъ, казну, опустошили всѣ Улусы. Сайдетъ назвался Ханомъ, но Исламъ, бѣжавъ въ Кафу, черезъ два мѣсяца снова изгналъ племянниковъ, съ 4000 Султанскихъ воиновъ одержавъ надъ ними побѣду въ кровопролитной сѣчѣ; умертвилъ многихъ Князей и Мурзъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ; окружилъ себя Турками и далъ имъ волю насильствовать, убивать и грабить ([100]). Пользуясь сими обстоятельствами, Царь предложилъ убѣжище изгнанникамъ Сайдету и Мурату: дозволилъ первому кочевать съ толпами Ногайскими близъ Астрахани; звалъ втораго въ Москву, чествовалъ, обязалъ присягою въ вѣрности, и съ двумя Воеводами отпустилъ въ Астрахань, гдѣ надлежало ему быть орудіемъ нашей Политики и гдѣ встрѣтили его какъ знаменитаго Князя Владѣтельнаго: войско стояло въ ружьѣ; въ крѣпости и въ пристани гремѣли пушки, *били въ набаты и въ бубны*, *играли въ трубы и въ сур*

ны [101]. Въ семъ древнемъ городѣ, наполненномъ купцами Восточными. Муратъ явился съ великолѣпіемъ Царскимъ: открылъ пышный Дворъ; торжественно принималъ сосѣдственныхъ Князей и Пословъ ихъ; держа въ рукѣ хартію Ѳеодорову съ златою печатію, именовалъ себя Владыкою четырехъ рѣкъ: Дона, Волги, Яика и Терека, всѣхъ вольныхъ Улусниковъ и Козаковъ; хвалился растоптать Ислама и смирить надменнаго Султана; говорилъ: «милостію и дружбою Царя Московскаго будемъ Царями: братъ мой Крымскимъ, я Астраханскимъ; для того *великіе люди* Россійскіе даны «мнѣ въ услугу.» Такъ говорилъ онъ своимъ единовѣрцамъ, а Воеводу Астраханскаго, Князя Ѳедора Михайловича Лобанова-Ростовскаго, тайно убѣждалъ избавить его отъ строгаго, явнаго присмотра, дабы Ногаи и Крымцы имѣли къ нему болѣе довѣренности и не видали въ немъ раба Московскаго: ибо Лобановъ и другіе Воеводы, сохраняя пристойность, наблюдали за всѣми движеніями Мурата. Величаясь знаками наружнаго уваженія, онъ ѣздилъ въ мечеть сквозь ряды многочисленныхъ Стрѣльцовъ [102], но не могъ ни съ кѣмъ объясняться безъ свидѣтелей. Между тѣмъ служилъ намъ ревностно: склонялъ Ногаевъ къ тишинѣ и къ покорности; увѣрялъ, что Царь единственно для ихъ безопасности и для обузданія хищныхъ Козаковъ строитъ города на Самарѣ и на Уфѣ [103]; грозилъ огнемъ и мечемъ мятежному Князю сей

Орды, Якшисату, за непріязнь къ Россіи, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Сайдетомъ, готовился ударить на Тавриду, съ Ногаями, Козаками, Черкесами, ожидая только Ѳеодорова повелѣнія, пушекъ и десяти тысячь обѣщанныхъ ему Стрѣльцевъ для сего предпріятія.

Но Царь медлилъ. Опасаясь Стефана гораздо болѣе, нежели Ислама, и не увѣренный въ мирѣ съ первымъ, онъ писалъ къ Мурату (въ Февралѣ 1587 года): «Благопріятное время для завоеванія Тавриды еще не наступило: мы должны «прежде усмирить инаго врага, сильнѣйшаго. «Будь готовъ съ вѣрными Ногаями и Козаками «итти къ Вильнѣ, гдѣ встрѣтишься со мною; и «когда управимся съ своимъ Литовскимъ недругомъ, тогда легко истребимъ и вашего: поздравимъ Сайдетъ-Гирея Ханомъ Улусовъ Крымскихъ ([104]).» А къ Исламу приказывалъ Государь въ сіе же время: «Ханъ Сайдетъ-Гирей, «Царевичь Муратъ, Князья Ногайскіе, Черкесскіе, Шавкальскіе, Тюменскіе и Горскіе молятъ насъ о дозволеніи свергнуть тебя съ престола. Еще удерживаемъ ихъ на время; еще «можемъ забыть твои разбои ([105]), буде искренно «желаешь ополчиться на Литву, когда выйдетъ «срокъ перемирія, заключеннаго нами съ симъ «Властителемъ кровожаднымъ: ибо мы вѣрны «слову и договорамъ. Я самъ поведу рать свою «отъ Смоленска къ Вильнѣ; а ты съ главною силою иди въ Волынію, въ область Галицкую и «далѣе; вели иной рати итти къ Путивлю, гдѣ

ova соединится съ нашею Сѣверскою, чтобы осадить Кіевъ, имѣя съ правой стороны мое войско Астраханское, коему должно съ Царевичемъ Муратомъ также вступить въ Литву. Испытавъ худыя слѣдствія впаденій въ Россію, испытай счастія союзомъ съ нею.» Предвидя, то Сайдетъ, низвергнувъ Ислама, подобно ему дѣлался бы для насъ атаманомъ разбойниковъ, что мы промѣняли бы только одного варвара а другаго, Ѳеодоръ обольщалъ сыновей Магетъ-Гиреевыхъ Крымскимъ Ханствомъ, а Хана жасалъ ими, чтобы имѣть болѣе силы для войы съ Баторіемъ. Сія хитрость не осталась безъ ѣйствія: Исламъ, боясь племянниковъ, увѣилъ Ѳеодора, что впаденія Крымцевъ въ Росію происходили отъ своевольства нѣкоторыхъ Іурзъ, казненныхъ за то безъ милосердія; что нъ ждетъ Московскаго Посла съ Шертною граотою, и наступитъ всѣми силами на Литву. сламъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ своимъ Улункамъ, что имъ до времени лучше грабить тефанову землю, нежели Ѳеодорову!

Всего болѣе занимаясь Баторіемъ, Швеціею, вридою, мы видѣли опасность важную и съ угой стороны, будучи въ сосѣдствѣ съ Держаю страшною для цѣлой Европы, и конечно не ѣли нужды въ предостереженіяхъ Австрійаго Двора, чтобы ожидать грозы съ береговъ спора, Трофеи Султанскіе въ нашихъ рукахъ, ыселъ Солимановъ на Астрахань, бѣгство и бель Солимановой рати въ пустыняхъ Кас-

шихъ для Россіи, коей надлежало с
литься и внѣшними пріобрѣтеніям
тренимъ образованіемъ, дабы всту
смертный бой съ сокрушителями
тійскаго Царства. Такъ дѣйствов
аннъ Великій, сынъ, внукъ его
даже иногда пріязнію Султановъ
вать и Крымъ и Литву; того х
Посольство въ Константинополь. Θеодоръ, отправивъ (въ Іюлѣ 15
Посланника Благова въ Константи
извѣстить Султана о восшествіи св
престолъ ([107]), объяснить ему ми
вую систему Россіи, въ разсужден
ціи, и склонить Амурата къ дружес
связи съ нами. «Наши прадѣды (І
«Баязетъ)» — писалъ Θеодоръ къ
— «дѣды (Василій и Солиманъ), о
«аннъ и Селимъ) назывались брат
«въ любви ссылались другъ съ д

«*скихъ* Козаковъ, мѣшающихъ сообщенію между «Константинополемъ и Дербентомъ, гдѣ нынѣ «Султанъ властвуетъ, отнявъ его у Шаха Пер«сидскаго: отецъ Государевъ, Іоаннъ, для безо«пасности Черкесскаго Князя, Темгрюка, осно«валъ крѣпость на Терекѣ, но въ удовольствіе «Селима вывелъ оттуда своихъ ратниковъ: съ «сего времени живутъ въ ней Козаки Волжскіе, «опальные бѣглецы, безъ Государева вѣдома. «Жалуетесь еще на утѣсненіе Магометанской «Вѣры въ Россіи: но кого же утѣсняемъ? Въ «сердцѣ Московскихъ владѣній, въ Касимовѣ, «стоятъ мечети и памятники Мусульманскіе: «Царя Шигъ-Алея, Царевича Кайбулы. Саинъ«Булатъ, нынѣ Симеонъ, Великій Князь Твер«скій, принялъ Христіанство добровольно, а на «мѣсто его сдѣланъ Царемъ Касимовскимъ Му«стафалей, Закона Магометова, сынъ Кайбу«линъ (108). Нѣтъ, мы никогда не гнали и не го«нимъ иновѣрцевъ.» Не имѣя приказа входить въ дальнѣйшія объясненія, Благовъ, честимый въ Константинополѣ наравнѣ съ Господаремъ Волошскимъ и болѣе Посла Венеціянскаго (109), не безъ труда убѣдилъ Амурата послать собственнаго чиновника въ Москву. Паши говорили: « Султанъ есть великій Самодержецъ; Послы его ѣздятъ только къ знаменитымъ Монархамъ: къ Цесарю, къ Королю Французскому, Испанскому, Англійскому: ибо они имѣютъ съ нимъ важныя дѣла государственныя и *присылаютъ ему казну* или богатую дань; а съ вами

«у насъ одни купеческія дѣла.» Благовъ отвѣтствовалъ: «Султанъ великъ между Государями «Мусульманскими, Царь великъ между Христіанскими. Казны и дани не присылаемъ никому. «Торговля важна для Государствъ: могутъ встрѣтиться и другія дѣла важнѣйшія; но если Султанъ не отправитъ со мною знатнаго чиновника «въ Москву, то Посламъ его уже никогда не видать очей Царскихъ ([110]).» Султанъ велѣлъ надѣть на Благова кафтанъ бархатный съ золотомъ и ѣхать съ нимъ въ Москву Чаушу своему, Адзію Ибрагиму, коего встрѣтили, на берегахъ Дона, Воеводы Россійскіе, высланные для безопасности его путешествія ([111]). Вручивъ Ѳеодору письмо Султанское (въ Декабрѣ 1585), Ибрагимъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ Боярами; а Султанъ, называя Ѳеодора *Королемъ Московскимъ*, изъявлялъ ему благодарность за добрую волю быть въ дружбѣ съ Оттоманскою Имперіею, подтверждалъ свободу торговли для нашихъ купцевъ въ Азовѣ, и Восточнымъ слогомъ превозносилъ счастіе мира; но требовалъ въ доказательство искренней любви, чтобы Царь выдалъ Ибрагиму измѣнника, Магметъ-Гиреева сына, Мурата, и немедленно унялъ Донскаго Атамана, Кишкина, злаго разбойника Азовскихъ предѣловъ ([112]). Видя, что система Константинопольскаго Двора въ отношеніи къ Россіи не измѣнилась — что Султанъ не думаетъ о заключеніи дружественнаго, государственнаго договора съ нею, желая единственно свободной торговли

между обѣими Державами, до перваго случая объявить себя нашимъ врагомъ ([113]), Царь отпустилъ Ибрагима съ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе Козаки Литовскіе, нежели Россійскіе; что Атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Москву, и товарищамъ его не велѣно тревожить Азовцевъ; что о сынѣ Магметъ-Гиреевѣ, нашемъ слугѣ и присяжникѣ, будетъ наказано къ Султану съ новымъ Посломъ Царскимъ. Но въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ мы уже никого не посылали въ Константинополь, и даже явно дѣйствовали противъ Оттоманской Имперіи.

Въ самый день Ибрагимова отпуска (5 Октября 1586) Государь торжественно вступилъ въ обязательство, которое могло и долженствовало быть весьма непріятно для Султана. Около ста лѣтъ мы не упоминали о Грузіи ([114]): въ сей несчастной землѣ, угнетаемой Турками и Персіянами, властвовалъ тогда Князь или Царь Александръ, который, приславъ въ Москву Священника, Монаха и наѣздника Черкесскаго, слезно молилъ Ѳеодора взять древнюю знаменитую Иверію подъ свою высокую руку, говоря: «Настали времена ужасныя для Христіанства, предвидѣнныя многими богодухновенными мужами. Мы, единовѣрные братья Россіянъ, стенаемъ отъ злочестивыхъ: единъ ты, Вѣнценосецъ Пра-

Царь Иверскій, данникъ Россіи.

«вославія, можешъ спасти нашу жизнь и душу.
«Бью тебѣ челомъ до лица земли со всѣмъ на-
«родомъ : да будемъ твои во вѣки вѣковъ ([115])!»
Столь убѣдительно и жалостно предлагали Рос-
сіи новое Царство, неодолимое для воинствен-
ныхъ древнихъ Персовъ и Македонянъ, блестя-
щее завоеваніе Помпеево! Она взяла его: даръ
опасный! ибо мы, господствомъ на берегахъ
Кура, ставили себя между двумя сильными, вою-
ющими Державами. Уже Турція владѣла Запад-
ною Иверіею и спорила съ Шахомъ о Восточ-
ной, требуя дани съ Кахетіи, гдѣ царствовалъ
Александръ, и съ Карталиніи, подвластной Кня-
зю Симеону, его зятю ([116]). Но дѣло шло болѣе
о чести и славѣ нашего имени, нежели о суще-
ственномъ господствѣ въ мѣстахъ столь отда-
ленныхъ и едва доступныхъ для Россіи, такъ,
что Ѳеодоръ, объявивъ себя верховнымъ Вла-
дыкою Грузіи, еще не зналъ пути въ сію землю!
Александръ предлагалъ ему основать крѣпости
на Терекѣ, послать тысячь двадцать воиновъ на
мятежнаго Князя Дагестанскаго, Шавкала (или
Шамхала) ([117]), овладѣть его столицею, Тарками,
и берегомъ Каспійскаго моря открыть сообще-
ніе съ Иверіею чрезъ область ея данника, Князь-
ка Сафурскаго. Для сего требовалось не мало
времени и приготовленій: избрали другой, вѣр-
нѣйшій путь, чрезъ землю мирнаго Князя Авар-
скаго; отправили сперва гонцевъ Москов-
скихъ ([118]), чтобы обязать Царя и народъ Ивер-
скій клятвою въ вѣрности къ Россіи; а за гон-

цами послали и знатнаго сановника, Князя Симеона Звенигородскаго, съ жалованною грамотою. Александръ, цѣлуя крестъ, клялся вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Ираклiемъ, Давидомъ и Георгiемъ, вмѣстѣ со всею землею, быть въ вѣчномъ, неизмѣнномъ подданствѣ у Θеодора, у *будущихъ* его дѣтей и наслѣдниковъ, имѣть однихъ друзей и враговъ съ Россiею, служить ей усердно *до издыханiя*, присылать ежегодно въ Москву пятьдесятъ златотканныхъ камокъ Персидскихъ и десять ковровъ съ золотомъ и серебромъ, или, въ ихъ цѣну, собственныя *узорочья* земли Иверской; а Θеодоръ обѣщалъ всѣмъ ея жителямъ *безстрашное пребыванiе въ его державной защитѣ* — и сдѣлалъ, что могъ.

Въ удовольствiе Султана оставленный нами городокъ *Терскiй*, нѣсколько времени служивъ дѣйствительно пристанищемъ для однихъ Козаковъ вольныхъ, былъ немедленно исправленъ и занятъ дружинами Стрѣльцовъ подъ начальствомъ Воеводы, Князя Андрея Ивановича Хворостинина, коему надлежало утвердить власть Россiи надъ Князьями Черкесскими и Кабардинскими, ея присяжниками со временъ Iоанновыхъ, и вмѣстѣ съ ними блюсти Иверiю. Другое Астраханское войско смирило Шавкала, и завладѣло берегами Койсы (119). Доставивъ Александру снарядъ огнестрѣльный, Θеодоръ обѣщалъ прислать къ нему мастеровъ искусныхъ въ литiи пушекъ. Ободренный надеждою на Россiю, Александръ умножилъ собственное войско: собралъ тысячь пят-

надцать всадниковъ и пѣшихъ; вывелъ въ поле, строилъ, училъ; давалъ имъ знамена крестоносныя, Епископовъ, Монаховъ въ предводители, и говорилъ Князю Звенигородскому: «Слава «Россійскому Вѣнценосцу! Это не мое войско, а «Божіе и Ѳеодорово.» Въ сіе время Паши Оттоманскіе требовали отъ него запасовъ для Баки и Дербента: онъ не далъ, сказавъ: я холопъ ве-«ликаго Царя Московскаго!» и на возраженіе ихъ, что Москва далеко, а Турки близко, отвѣтствовалъ: «Терекъ и Астрахань не далеко.» Но Царская наша Дума благоразумно совѣтовала ему *манить Султана* (120) и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую Имперію. Встревоженный слухомъ, что Царевичъ Муратъ, будучи зятемъ Шавкаловымъ, мыслитъ измѣнить намъ, тайно ссылаясь съ тестемъ, съ Ногаями, съ вѣроломными Князьями Черкесскими, чтобы незапно овладѣть Астраханью и отдать ее Султану, Александръ заклиналъ Государя не вѣрить Магометанамъ, прибавляя: «если «что сдѣлается надъ Астраханью, то я кину свое «бѣдное Царство и побѣгу, *куда несутъ очи.*» Но Князь Звенигородскій успокоилъ его. «Мы «не спускаемъ глазъ съ Мурата (говорилъ онъ) «и взяли аманатовъ у всѣхъ Князей Ногайскихъ, «Казыева Улуса и Заволжскихъ. Султанъ съ «Ханомъ постыдно бѣжали отъ Астрахани (въ «1569 году); а нынѣ она еще болѣе укрѣплена и «наполнена людьми воинскими. Россія умѣетъ «стоять за себя и своихъ» (121). Между тѣмъ, за-

нимаясь государственною безопасностію Иверіи, мы усердно благотворили ей въ дѣлахъ Вѣры: присылали ученыхъ Іереевъ исправить ея церковные обряды, и живописцевъ для украшенія храмовъ святыми иконами ([122]). Александръ съ умиленіемъ повторялъ, что жалованная грамота Царская *упала ему съ неба и вывела его изъ тьмы на свѣтъ*; что наши Священники суть Ангелы для Духовенства Иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ ([123]). Въ самомъ дѣлѣ, славясь древностію Христіанства въ землѣ своей, сіе несчастное Духовенство уже забывало главные уставы Вселенскихъ Соборовъ и святые обряды богослуженія. Церкви, большею частію на крутизнѣ горъ, стояли уединенны и пусты: осматривая ихъ съ любопытствомъ, Іереи Московскіе находили въ нѣкоторыхъ остатки древней богатой утвари съ означеніемъ 1441 года: «Тогда» — изъяснялъ имъ Александръ — «владѣлъ Иверіею великій Деспотъ Георгій; она была еще единымъ Царствомъ: къ несчастію, прадѣдъ мой раздѣлилъ ее на три Княжества и предалъ въ добычу врагамъ Христовымъ. Мы окружены невѣрными; но еще славимъ Бога истиннаго и Царя благовѣрнаго ([124]). Князь Засигородскій именемъ Россіи обѣщалъ свободу сей Иверіи, возстановленіе ея храмовъ и городовъ, коихъ онъ вездѣ видѣлъ развалины, упоминая въ своихъ донесеніяхъ о двухъ бѣдныхъ городкахъ, Крымѣ и Загемѣ ([125]), нѣкоторыхъ селеніяхъ и монастыряхъ. Съ того времени Ѳео-

доръ началъ писаться въ титулѣ *Государемъ земли Иверской, Грузинскихъ Царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей.*

Возстановленіемъ Терской крѣпости и присвоеніемъ Грузіи досаждая Султану, мы еще болѣе возбуждали его негодованіе дружбою съ Персіею. Извѣстивъ Ѳеодора о своихъ мнимыхъ побѣдахъ надъ Турками, Шахъ Годабендъ (или Худабендѣй) предложилъ ему изгнать Турковъ изъ Баки и Дербента, обязываясь уступить намъ въ вѣчное владѣніе сіи издавна Персидскіе города, если и самъ возметъ ихъ [126]. Чтобы заключить союзъ на такомъ условіи, Ѳеодоръ послалъ къ Шаху (въ 1588 году) Дворянина Васильчикова, который нашелъ Годабенда уже въ темницѣ: воцарился сынъ его, Мирза Аббасъ, свергнувъ отца. Но сія перемѣна не нарушила добраго согласія между Россіею и Персіею. Новый Шахъ, съ великою честію принявъ въ Казбинѣ сановника Ѳеодорова [127], послалъ двухъ Вельможъ, Бутакбека и Андибея, въ Москву, объявить Царю, что уступаетъ намъ не только Дербентъ съ Бакою, но и Таврисъ и всю Ширванскую землю [128], если нашимъ усерднымъ содѣйствіемъ Турки будутъ вытѣснены оттуда; что Султанъ предлагалъ ему миръ, желая выдать дочь свою за его племянника, но что онъ (Аб-

Дѣла съ Персіею.

) не хочетъ и слышать о семъ, въ надеждѣ
юзъ Россіи и Вѣнценосца Испанскаго, ко-
Посолъ находился тогда въ Персіи ([129]). Осо-
о представленные Годунову, Вельможи Ша-
сказали ему : «Если Государи наши будутъ
искренней любви и дружбѣ, то чего не сдѣ-
тъ общими силами? Мало выгнать Турковъ
Персидскихъ владѣній : можно завоевать и
стантинополь ([130]). Но такія великія дѣла
ршаются людьми ума великаго : какая для
слава, мужъ знаменитый и достоинствами
илостію Царскою, если твоими мудрыми
ѣтами избавится міръ отъ насилія Оттома-
ь!» Имъ отвѣтствовали, что мы уже дѣй-
мъ противъ Амурата; что войско наше на
кѣ и заграждаетъ путь Султанскому отъ
аго моря къ Персидскимъ владѣніямъ; что
е, еще сильнѣйшее, въ Астрахани; что
атъ велѣлъ-было своимъ Пашамъ итти къ
Каспійскому, но удержалъ ихъ, свѣдавъ о
хъ Россійскихъ твердыняхъ въ сихъ мѣ-
ь опасныхъ, о соединеніи всѣхъ Князей
есскихъ и Ногайскихъ, готовыхъ подъ Мо-
кими знаменами устремиться на Турковъ.
имъ отпустили Пословъ, сказавъ, что наши
утъ въ слѣдъ за ними къ Шаху; но они
не успѣли выѣхать, когда узнали въ Москвѣ
рѣ Аббаса съ Султаномъ ([131]).

къ дѣйствовала внѣшняя, и мирная и често-
вая Политика Россіи въ теченіе первыхъ
Ѳеодорова царствованія или Годунова вла-

дычества, не безъ хитрости и не безъ успѣха, болѣе осторожно, нежели смѣло, — грозя и маня, обѣщая, и не всегда искренно. Мы не шли на войну, но къ ней готовились, вездѣ укрѣпляясь, вездѣ усиливая рать (132); желая какъ бы невидимо присутствовать въ ея станахъ, Ѳеодоръ учредилъ общіе смотры, избирая для того воинскихъ царедворцевъ, способныхъ, опытныхъ, которые ѣздили изъ полку въ полкъ, чтобы видѣть исправность каждаго, оружіе, людей, устройство, и доносить Государю (133). Воеводы, неуступчивые между собою въ зловредныхъ спорахъ о родовомъ старѣйшинствѣ, безъ прекословія отдавали себя на судъ Дворянамъ, Стольникамъ, Дѣтямъ Боярскимъ, представлявшимъ лице Государево въ сихъ смотрахъ.

Дѣла внутреннія.

Внутри Царства все было спокойно. Правительство занималось новою описью людей и земель пашенныхъ (134), уравненіемъ налоговъ, населеніемъ пустынь, строеніемъ городовъ. Въ 1584 году Московскіе Воеводы, Нащокинъ и Волоховъ, основали на берегу Двины городъ Архангельскъ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь сего имени и дворъ купцевъ Англійскихъ (135). Астрахань, угрожаемую Султаномъ и столь важную для нашихъ торговыхъ и государственныхъ дѣлъ съ Востокомъ, для обузданія Ногаевъ, Черкес-

Основаніе Архангельска.

ъ и всѣхъ сосѣдственныхъ съ ними
ей, укрѣпили каменными стѣнами ([136]).
Іосквѣ, вокругъ Большаго Посада, за-
ли (въ 1586 году) *Бѣлый* или *Царевъ*
ъ, начавъ отъ Тверскихъ воротъ
ителемъ онаго названъ въ лѣтописи
кій художникъ Кононъ Ѳедоровъ), а
Кремлѣ многія палаты: Денежный
ъ, Приказы Посольскій и Помѣстный,
шой Приходъ, или Казначейство, и
ецъ Казанскій ([137]). Упомянемъ здѣсь
е о началѣ нынѣшняго Уральска. Око-
584 года шесть или семь сотъ Волж-
ь Козаковъ выбрали себѣ жилище на
ахъ Яика, въ мѣстахъ привольныхъ
ыбной ловли; окружили его земляны-
крѣпленіями, и сдѣлались ужасомъ
евъ, въ особенности Князя Уруса,
илова сына, который непрестанно жа-
ся Царю на ихъ разбои, и коему Царь
а отвѣтствовалъ, что они бѣглецы,
иги, и живутъ тамъ самовольно; но
ъ не вѣрилъ и писалъ къ нему: «Го-
ь столь значительный можетъ ли су-
твовать безъ твоего вѣдома? Нѣкото-
изъ сихъ грабителей, взятые нами
плѣнъ, именуютъ себя людьми Цар-
ии ([138]).» Замѣтимъ, что тогдашнее
было самымъ цвѣтущимъ въ Исто-
ашихъ Донскихъ или Волжскихъ Ко-
ъ-витязей. Отъ Азова до Искера гре-

Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ.

Начало Уральска.

ныхъ для величія и цѣлости Росс
все доказывало умъ и дѣятельност
тельства, то есть, Годунова, о
предметомъ ненависти и злыхъ у
не смотря на всѣ его уловки въ и
обольщать людей. Сносясь отъ ли
съ Монархами Азіи и Европы,
дарами съ ними, торжественно
ихъ Пословъ у себя въ домѣ (139),
мѣрный Борисъ желалъ казатьс
нымъ: для того уступалъ первы
въ Совѣтѣ инымъ старѣйшимъ
жамъ (140); но, сидя въ немъ на
томъ мѣстѣ, однимъ словомъ, одн
ромъ и движеніемъ перста заграж
противорѣчію. Вымышлялъ отличі
Царской милости, чтобы плѣня
ность Бояръ, и для того ввелъ въ
веніе званые обѣды, для мужей Д

Опасности для Годунова.

Θеодору единственно имя Царя — и не только многіе изъ первыхъ людей государственныхъ, но и граждане столицы изъявляли вообще нелюбовь къ Борису. Господство безпредѣльное въ самомъ достойномъ Вельможѣ бываетъ противно народу. Адашевъ имѣлъ нѣкогда власть надъ сердцемъ Іоанновымъ и судьбою Россіи, но стоялъ смиренно за Монархомъ умнымъ, пылкимъ, дѣятельнымъ, какъ бы исчезая въ его славѣ: Годуновъ самовластвовалъ явно и величался предъ трономъ, закрывая своимъ надменіемъ слабую тѣнь Вѣнценосца. Жалѣли о ничтожности Θеодоровой и видѣли въ Годуновѣ хищника правъ Царскихъ; помнили въ немъ Четово Могольское племя ([142]) и стыдились униженія Рюриковыхъ Державныхъ наслѣдниковъ. Льстецовъ его слушали холодно, непріятелей со вниманіемъ, и легко вѣрили имъ, что зять Малютинъ, временщикъ Іоанновъ, есть тиранъ, хотя еще и робкій! Самыми общественными благодѣяніями, самыми счастливыми успѣхами своего правленія онъ усиливалъ зависть, остриль ея жало и готовилъ для себя бѣдственную необходимость дѣйствовать ужасомъ; но еще старался удалить сію необходимость: для того хотѣлъ мира съ Шуйскими, которые, имѣя друзей въ Думѣ и приверженниковъ въ народѣ, особенно между людьми торговыми, не преставали враждовать Годунову, даже открыто ([143]). Первосвятитель Діонисій взялся быть миротворцемъ: свелъ враговъ въ своихъ палатахъ Крем-

левскихъ, говорилъ именемъ отечества и Вѣры; тронулъ, убѣдилъ — такъ казалось — и Борисъ съ видомъ умиленія подалъ руку Шуйскимъ; они клялися жить въ любви братской, искренно доброхотствовать другъ другу, вмѣстѣ радѣть о Государствѣ — и Князь Иванъ Петровичь Шуйскій съ лицемъ веселымъ вышелъ отъ Митрополита на площадь къ Грановитой палатѣ извѣстить любопытный народъ о семъ счастливомъ мирѣ: доказательство, какое живое участіе принимали тогда граждане въ дѣлахъ общественныхъ, уже имѣвъ время отдохнуть послѣ *Грознаго!* Всѣ слушали любимаго, уважаемаго Героя Псковскаго въ тишинѣ безмолвія; но два купца, выступивъ изъ толпы, сказали: «Князь Иванъ «Петровичь! вы миритесь нашими головами: и «намъ и вамъ будетъ гибель отъ Бориса!» Сихъ двухъ купцевъ въ ту же ночь взяли и сослали въ неизвѣстное мѣсто, по указу Годунова, который, желавъ миромъ обезоружить Шуйскихъ, скоро увидѣлъ, что они, не уступая ему въ лукавствѣ, подъ личиною мнимаго новаго дружества оставались его лютыми врагами, дѣйствуя за-одно съ инымъ, важнымъ и дотолѣ тайнымъ непріятелемъ Великаго Боярина.

Хотя Духовенство Россійское никогда сильно не изъявляло мірскаго властолюбія, всегда болѣе угождая, нежели противясь волѣ Государей въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ; хотя, со временъ Іоанна III, Митрополиты наши въ разныхъ случаяхъ отзывались торжественно, что

иаются единственно устройствомъ Богослу-
я, Христіанскимъ ученіемъ, совѣстію лю-
спасеніемъ душъ (144): однакожь, присут-
в Думахъ Земскихъ, сзываемыхъ для
ыхъ государственныхъ постановленій —
конодательствуя, но одобряя или утверждая
ны гражданскіе (145) — имѣя право совѣто-
Царю и Боярамъ, толковать имъ уставы
Небеснаго для земнаго блага людей — сіи
хи участвовали въ дѣлахъ правленія соот-
твенно ихъ личнымъ способностямъ и ха-
еру Государей: мало при Іоаннѣ III и Васи-
болѣе во время дѣтства и юности Іоанна IV,
е въ годы его тиранства. Ѳеодоръ, духомъ
енецъ, превосходя старцевъ въ набожно-
занимаясь Церковію ревностнѣе, нежели
авою, бесѣдуя съ Иноками охотнѣе, не-
съ Боярами, какую государственную важ-
ь могъ бы дать сану Первосвятительства,
руководства Годунова, при Митрополитѣ
олюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ? ибо
въ былъ Діонисій, прозванный *мудрымъ*
матикомъ (146). Но Годуновъ не для того
лъ Державной власти, чтобы уступить ее
ахамъ: честилъ Духовенство, какъ и Бояръ,
ко знаками уваженія, благосклонно слушалъ
рополита, разсуждалъ съ нимъ, но дѣйство-
независимо, досаждая ему непреклонностію
й воли. Симъ объясняется непріязненное
оложеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная
ь съ Шуйскими. Зная, что Правитель ве-

ликъ Царицею — думая, что слабодушный Феодоръ не можетъ имѣть и сильной привязанности, ни къ Борису, ни къ самой Иринѣ; что дѣйствіемъ незапности и страха легко склонить его ко всему чрезвычайному — Митрополитъ, Шуйскіе, друзья ихъ тайно условились съ гостями Московскими, купцами ([147]), нѣкоторыми гражданскими и воинскими чиновниками именемъ всей Россіи торжественно ударить челомъ Феодору, чтобы онъ развелся съ неплодною супругою, отпустивъ ее, какъ вторую Соломонію, въ монастырь, и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ, необходимыхъ для спокойствія Державы. Сіе моленіе народа, будто бы устрашаемаго мыслію видѣть конецъ Рюрикова племени на тронѣ, хотѣли подкрѣпить волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишутъ, и невѣсту: сестру Князя Феодора Ивановича Мстиславскаго, коего отецъ, низверженный Годуновымъ, умеръ въ Кириловской Обители. Написали бумагу; утвердили оную цѣлованіемъ креста . . . . . Но Борисъ, имѣя множество преданныхъ ему людей и лазутчиковъ, открылъ сей ужасный для него заговоръ еще во-время, и поступилъ, казалось, съ рѣдкимъ великодушіемъ: безъ гнѣва, безъ укоризнъ хотѣлъ усовѣстить Митрополита; представлялъ ему, что разводъ есть беззаконіе; что Феодоръ еще можетъ имѣть дѣтей отъ Ирины, цвѣтущей юностію, красотою и добродѣтелію; что во всякомъ случаѣ тронъ не будетъ безъ наслѣдниковъ, ибо Царевичь Димитрій живетъ и здрав-

твуетъ. Обманутый, можетъ быть, сею кротогію, Діонисій извинялся, стараясь извинить своихъ единомышленниковъ ревностною, боязивою любовію къ спокойствію Россіи, и далъ ɪово, за себя и за нихъ, не мыслить болѣе о азлученіи супруговъ нѣжныхъ; а Годуновъ, бѣщаясь не мстить ни виновникамъ, ни участикамъ сего кова, удовольствовался одною жертою: несчастную Княжну Мстиславскую, какъ пасную совмѣстницу Ирины, постригли въ Моахини. Все было тихо въ столицѣ, въ Думѣ и ри Дворѣ; но не долго. Чтобы явно не наруить даннаго обѣщанія, Годуновъ, лицемѣрно овѣстный, искалъ другаго предлога мести, правдываясь въ умѣ своемъ злобою враговъ епримиримыхъ, закономъ безопасности собтвенной и государственной, всѣми услугами, казанными имъ Россіи и еще замышляемыми ъ ревности къ ея пользѣ — искалъ, и не усоился прибѣгнуть къ средству низкому, къ ветому орудію Іоаннова тиранства: ложнымъ доосамъ. Слуга Шуйскихъ, какъ увѣряютъ, проалъ ему честь и совѣсть; явился во дворцѣ съ звѣтомъ, что они въ заговорѣ съ Московскими упцами и думаютъ измѣнить Царю (148). Шуйкихъ взяли подъ стражу; взяли и друзей ихъ, Князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ, многихъ Дворянъ и купцевъ богаыхъ. Нарядили судъ; допрашивали обвиняеыхъ и свидѣтелей; людей знатныхъ и чиновыхъ не коснулись тѣлесно, купцевъ и слугъ

тогда же на обманъ вѣроломный и новую лютость. Мнимый, единственный въ Исторіи Король Ливонскій, бѣдный Магнусъ, еще въ Іоанново время кончилъ жизнь въ Пильтенѣ ([151]), гдѣ вдовствующая супруга его, Марія Владиміровна, и двулѣтняя дочь Евдокія оставались безъ имѣнія, безъ отечества, безъ друзей: Годуновъ призвалъ их въ Москву, обѣщая богатый Удѣлъ и знаменитаго жениха юной вдовѣ, Маріи; но *предвидя будущее* — опасаясь, чтобы, *въ случаѣ Ѳеодоровой и Димитріевой кончины*, сія правнука Іоанна Великаго не вздумала, хотя и безпримѣрно, хотя и несогласно съ нашими государственными уставами, объявить себя наслѣдницею трона (коимъ онъ уже располагалъ въ мысляхъ) — Борисъ, вмѣсто Удѣла и жениха, представилъ ей на выборъ монастырь или темницу! Инокиня неволею, Марія требовала одного утѣшенія: не быть разлученною съ дочерью; но скоро оплакала ея смерть *неестественную*, какъ думали, и еще жила лѣтъ восемь въ глубокой печали, съ горькими слезами воспоминая судьбу родителей, мужа и дочери ([152]). Сіи двѣ жертвы подозрительнаго беззаконія, Марія и Евдокія, лежатъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, близъ того мѣста, гдѣ, внѣ храма, видимъ и смиренную, какъ бы опальную могилу ихъ гонителя, ни величіемъ, ни славою

Судьба Магнусова семейства.

е спасеннаго отъ праведной мести Не-
есной!

Но сія месть еще ожидала дальнѣйшихъ
преступленій . . . . Смиривъ Дворъ опалою
Шуйскихъ , Духовенство сверженіемъ Ми-
трополита , а гражданъ столицы казнію
знатныхъ гостей Московскихъ — окру-
живъ Царя и занявъ Думу своими ближни-
ми родственниками, Годуновъ уже не ви-
далъ никакого сопротивленія, никакой важ-
ной для себя опасности до конца Θеодоро-
вой жизни — или дремоты: ибо такъ
можно назвать смиренную праздность сего
жалкаго Вѣнценосца, которую современни-
ки описываютъ слѣдующимъ образомъ ([153]):

«Θеодоръ вставалъ обыкновенно въ че- Праздность Θеодорова.
тыре часа утра, и ждалъ Духовника въ
спальнѣ, наполненной иконами, освѣщен-
ной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ
приходилъ къ нему съ крестомъ, благосло-
веніемъ, Святою водою и съ иконою Угод-
ника Божія ([154]), празднуемаго въ тотъ
день Церковію. Государь кланялся до зем-
ли, молился вслухъ минутъ десять и болѣе;
шелъ къ Иринѣ, въ ея комнаты особенныя,
и вмѣстѣ съ нею къ Заутренѣ; возвратясь,
садился на креслахъ въ большой горницѣ,
гдѣ привѣтствовали его съ добрымъ днемъ
нѣкоторые ближніе люди и Монахи; въ 9
часовъ ходилъ къ Литургіи, въ 11 обѣ-
далъ, послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ

часовъ; ходилъ опять въ церковь къ Вечернѣ, и все остальное время до ужина проводилъ съ Царицею, съ шутами и съ карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни — иногда же любуясь работою своихъ ювелировъ, золотарей, швецовъ, живописцевъ; ночью, готовясь ко сну, опять молился съ Духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Сверхъ того всякую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы, и въ праздничные дни забавлялся медвѣжьею травлею. Иногда челобитчики окружали Ѳеодора при выходѣ изъ дворца: *избывая мірскія суеты и докуки*, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису» ([155])!

Внутренно радуясь сему уничижительному бездѣйствію Царя, хитрый Годуновъ тѣмъ болѣе старался возвысить Ирину въ глазахъ Россіянъ, однимъ ея Державнымъ именемъ, безъ Ѳеодорова, издавая милостивые указы, прощая, жалуя, утѣшая людей ([156]), чтобы общею къ ней любовію, соединенною съ уваженіемъ и благодарностію народа, утвердить свое настоящее величіе и приготовить будущее.

ГЛАВА II.

Г. 1587—1592.

Баторія. Важные переговоры съ Литвою. миріе. Сношенія съ Австріею и съ Таври- Война Шведская. Новое перемиріе съ Лит- Величіе Годунова. Учрежденіе Патріарше- въ Россіи. Замыселъ Годунова. Убіеніе вича Димитрія. Пожаръ въ Москвѣ. Наше- Хана и битва подъ Москвою. Новый санъ нова. Донскій монастырь. Клевета на Пра- ія и месть его. Милосердіе и слава Году- Беременность Ирины. Рожденіе и кончина вны Θеодосіи.

екабря 1586 года скончался Стефанъ й (или отъ яда (137) или отъ неискус- рачей, какъ думали), одинъ изъ итѣйшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ, изъ опаснѣйшихъ злодѣевъ Россіи, смерть болѣе обрадовала насъ, неже- рчила его Державу: ибо мы боялись ь въ немъ новаго Гедимина, новаго а; а Польша и Литва неблагодарныя читали дешевое спокойствіе драго- му величію. Если бы жизнь и Геній я не угасли до кончины Годунова, ва Россіи могла бы навѣки померк- ъ самомъ первомъ десятилѣтіи по-

Смерть Баторія.

ваго вѣка: столь зависима судьба Государствъ отъ лица и случая, или отъ воли Провидѣнія!

20 Декабря Боярская Дума получила изъ разныхъ мѣстъ извѣстіе о смерти Короля, хотя еще и не совсѣмъ достовѣрное: Воеводы наши съ Литовской границы писали о томъ къ Царю какъ о слухѣ, прибавляя, что Вельможные Паны мыслятъ избрать себѣ въ Государи Стефанова брата, Князя Седмиградскаго, или Шведскаго Королевича, Сигизмунда, или его (Θеодора). Честь и польза сего возможнаго соединенія трехъ

г. 1587. Державъ казались Годунову очевидными: немедленно послали Дворянина, Елизарія Ржевскаго, въ Литву: удостовѣриться въ

Важные переговоры съ Литвою.

Стефановой кончинѣ (158), изъявить Панамъ участіе въ ихъ горести и предложить имъ избраніе Царя въ Короли. Ржевскій возвратился изъ Новагородка съ благодарнымъ письмомъ Литовскихъ Вельможъ; но они не хотѣли входить въ переговоры, сказавъ, что дѣло столь великое будетъ рѣшено Сеймомъ въ Варшавѣ, куда Царь долженъ прислать своихъ Пословъ; тайно же дали чувствовать Ржевскому, что Θеодоръ и Бояре Московскіе пишутъ къ нимъ слишкомъ холодно, не слѣдуя примѣру Императора, Франціи и Швеціи, которые осыпаютъ ихъ (Пановъ) не только ласковыми словами, но и дарами богатыми.

Между тѣмъ Польша и Литва были въ сильномъ волненіи; страсти кипѣли; Вельможи и Дворянство раздѣлились: одни держали сторону Замойскаго, сподвижника Стефанова; другіе Зборовскихъ, враговъ Баторія, такъ, что они въ торжественныхъ собраніяхъ обнажали мечи на усердныхъ чтителей его славной памяти. Обѣ стороны ждали Сейма какъ битвы: ополчались, нанимали воиновъ, имѣли стражу и станы въ полѣ. Но смежная съ нами Литва опасалась Россіи; для того знатные Послы, Вельможи Черниковскій и Князь Огинскій, прибыли въ Москву (6 Апрѣля), и молили Θеодора утвердить новою записью перемиріе съ ихъ сиротствующею Державою до конца 1588 года. Охотно заключая сей договоръ, Бояре сказали имъ, что отъ Вельможъ Коронныхъ и Литовскихъ зависитъ счастіе и бѣдствіе отечества: счастіе, если поддадутся великому Монарху Россіи; бѣдствіе, если вновь обратятся къ Седмиградскому варвару или къ тѣни Шведскаго Королевства. «Вы уже имѣли Баторія на престолѣ (говорили «они), и съ нимъ войну, разореніе, стыдъ: ибо «руками своего Вѣнценосца платили дань Сул«тану. Можно ли ожидать великодушія отъ при«шельца, низкаго родомъ и духомъ, алчнаго «единственно къ корысти и безжалостнаго къ «Христіанству? Въ его ли сердце обитаетъ свя«тая любовь, безъ коей и власть двигать горы, «по выраженію Апостола, есть ничто ([158])? Не «въ угодность ли Оттоманамъ хотите избрать и

«Шведскаго Королевича? Безъ сомнѣнія угодите имъ: ибо они радуются междоусобію Христіанъ; а кровопролитіе неминуемо, если Сигизмундъ съ ненавистію къ Россіи сядетъ на престолъ Ягеллоновъ. Монарха нашего вы уже знаете, равно великаго и милосердаго; знаете, что первымъ дѣйствіемъ его воцаренія было безкорыстное освобожденіе вашихъ плѣнниковъ: великодушіе непонятное для Баторія, ибо онъ торговалъ Россійскими плѣнниками до конца дней своихъ. Баторій въ могилѣ, и Θеодоръ не радуется, не мыслитъ о мести, но изъявляетъ вамъ сожалѣніе и предлагаетъ способъ навѣки успокоить Литву съ Польшею; желаетъ Королевства не для умноженія силъ и богатства Державы своей (ибо силенъ и богатъ Россіею), но для защиты васъ отъ невѣрныхъ; не хочетъ никакихъ прибытковъ; уступитъ Панамъ и Рыцарству все, что земля Королю платила: дастъ имъ сверхъ того помѣстья въ новыхъ Россійскихъ владѣніяхъ, и собственною казною воздвигнетъ крѣпости на берегахъ Днѣпра, Донца и Дона, чтобы нога Оттомановъ и Крымцевъ не топтала ни Кіевской, ни Волынской, ни Подольской области. Цари невѣрные опустятъ руки; заключенные въ своихъ предѣлахъ, едва ли и въ нихъ удержатся. Россія возьметъ для себя Азовъ, Кафу, Ханство Крымское; для васъ земли Дунайскія. Многочисленныя воинства ожидаютъ слова Государева, чтобы устремиться .... на кого?

«рѣшите . . . . на враговъ ли Христіанства, если «будете имѣть единаго Монарха съ нами, или на «Литву и на Ливонію, если предпочтете намъ «Шведовъ. Думайте не о дружбѣ Султана: ибо «какое согласіе между свѣтомъ и тьмою, какое «общеніе вѣрному съ невѣрнымъ? думайте о «славѣ и побѣдѣ, Что мѣшаетъ нашему брат«ству? закоренѣлая ваша, по грѣхамъ, нена«висть къ Россіи. Обратимся къ любви: все за«виситъ отъ начала, и малый огонь производитъ «великій пламень. Государь Россійскій, обѣщая «вамъ безопасность и величіе, не требуетъ отъ «васъ ничего, кромѣ *ласки.*» Послы убѣждали Царя отправить на Сеймъ кого нибудь изъ Вельможъ своихъ, и два Боярина, Степанъ Васильевичь Годуновъ, Князь Өедоръ Михайловичь Троекуровъ, съ знатнымъ Дьякомъ Васильемъ Щелкаловымъ, немедленно выѣхали изъ Москвы въ Варшаву, имѣя полную довѣренность Государеву и 48 писемъ къ духовнымъ и къ свѣткимъ, Короннымъ и Литовскимъ сановникамъ, но безъ даровъ. Өеодоръ предлагалъ Сейму слѣдующія условія:

1) «Государю Россійскому быть Королемъ «Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ; «а народамъ обѣихъ Державъ соединиться вѣч«ною, неразрывною пріязнію.

2) «Государю Россійскому воевать *лично*, и «всѣми силами, Оттоманскую Имперію, низвер«гнуть Хана Крымскаго, посадить на его мѣсто «Сайдетъ-Гирея, слугу Россіи, и заключивъ

«союзъ съ Цесаремъ, Королемъ Испанскимъ, «Шахомъ Персидскимъ, освободить Молдавію, «землю Волошскую, Боснію, Сербію, Венгрію, «отъ ига Султанскаго, чтобы присоединить «оныя къ Литвѣ и Польшѣ, коихъ войско въ «семъ случаѣ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ «Россійскимъ.

3) «Рать Московская, Казанская, Астраханская, безъ найма и платы будетъ всегда готова «для защиты Литвы и Польши.

4) «Государю не измѣнять ни въ чемъ ихъ «правъ и вольностей безъ приговора Вельможной Думы: она располагаетъ независимо казною и всѣми доходами государственными.

5) «Россіянамъ въ Литвѣ и Польшѣ, Литовцамъ и Полякамъ въ Россіи, вольно жить и «совокупляться бракомъ.

6) «Государь жалуетъ земли бѣднымъ Дворянамъ Литовскимъ и Польскимъ на Дону и «Донцѣ.

7) «Кому изъ ратныхъ людей Стефанъ Баторій остался должнымъ, тѣмъ платитъ Государь «изъ собственной казны, до ста тысячь золотыхъ монетъ Венгерскихъ.

8) «Деньги, которыя шли на содержаніе крѣпостей, уже не нужныхъ, между Литвою и «Россіею, употребить обѣимъ Державамъ на «войну съ невѣрными.

9) «Россія, изгнавъ Шведовъ и Датчанъ изъ «Эстоніи, уступитъ всѣ города ея, кромѣ Нарвы, «Литвѣ и Польшѣ.

10) «Купцамъ Литовскимъ и Польскимъ от«крытъ свободный путь во всѣ земли Государ«ства Московскаго, и чрезъ оныя въ Персію, въ «Бухарію и другія Восточныя страны, также мо«ремъ къ устью Двины, въ Сибирь и въ Великое «*Китайское* Государство, гдѣ родятся камни дра«гоцѣнные и золото» (159).

Въ письменномъ наставленіи, данномъ Посламъ, достойна замѣчанія статья о Царевичѣ Димитріи, гдѣ сказано: «если Паны упомянутъ «о юномъ братѣ Государевомъ, то изъяснить «имъ, что онъ младенецъ, не можетъ быть у «нихъ на престолѣ и долженъ воспитываться «въ своемъ отечествѣ.» Правитель готовилъ ему иную долю!

Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеодоръ, подобно отцу и дѣду, искренно хотѣлъ Королевскаго сана, чтобы соединить Державы, искони враждебныя, узами братства, предлагая Вельможной Думѣ условія выгодныя, съ обѣщаніями лестными, съ надеждами блестящими, — жертвуя милліономъ нынѣшнихъ рублей, и въ противность главному Іоаннову требованію соглашаясь быть Королемъ избраннымъ, съ властію ограниченною, безъ всякаго наслѣдственнаго права для его дѣтей или рода. Дѣйствительно ли мыслилъ Царь, или Правитель, ополчиться на Султана, чтобы завоеваніемъ богатыхъ земель Дунайскихъ усилить Литву и Польшу, которыя могли впредь имѣть особенныхъ Властителей и снова враждовать Россіи? Но онъ для такого важнаго пред-

пріятія ставилъ въ условіе союзъ Императора, Испаніи, Персіи, и не входилъ въ обязательство рѣшительное, прельщая воображеніе Папово мыслію смѣлою и великою. Готовый по видимому къ уступчивости и снисхожденію для успѣха въ своемъ исканіи, Ѳеодоръ оказалъ и хладнокровную непреклонность, когда Сеймъ безразсудно потребовалъ отъ него жертвъ несовмѣстныхъ съ Православіемъ, достоинствомъ и пользою Россіи.

Бояръ нашихъ, Степана Годунова и Князя Троекурова, именемъ Польской Думы остановили (12 Іюля) въ селѣ Окуневѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Варшавы, сказавъ имъ, что для нихъ нѣтъ безопаснаго мѣста въ столицѣ, исполненной неистовыхъ людей воинскихъ, мятежа и раздоровъ. Такъ было дѣйствительно. Духовенство, Вельможи, Рыцарство или Шляхта не могли согласиться въ избраніи Короля: Замойскій и друзья его, въ угодность вдовствующей супругѣ Баторіевой, предлагали Шведскаго Принца, Сигизмунда, сына ея сестры; Зборовскіе Австрійскаго Герцога, Максимиліана; Паны Литовскіе и Примасъ, Архіепископъ Гнѣзненскій, Ѳеодора; а Султанъ, доброхотствуя Стефанову брату, грозилъ имъ войною, если они, вмѣсто его, изберутъ Максимиліана или Царя Московскаго, враговъ Оттоманской Имперіи. Такъ называемое *Рыцарское Коло*, мѣсто шумныхъ совѣщаній, представляло иногда зрѣлище битвы: толпы вооруженныхъ стрѣляли другъ

руга. Наконецъ условились благоразумно
атить междоусобіе и выставить въ полѣ
намени: Россійское, Цесарское, Шведское,
видѣть подъ каждымъ число избирате-
и тѣмъ рѣшить большинство голосовъ.
немъ Өеодоровымъ была *Московская шап-*
Австрійскимъ *шляпа Нѣмецкая*, Швед-
сельдь — и первое одержало верхъ: подъ
стеклося такое множество людей, что
Австріи и Шведовъ, видя свою малочи-
ость, отъ стыда присоединились къ на-
. Но сіе блестящее торжество Россійской
ны оказалось безплоднымъ, когда дѣло до-
о условій.

вгуста Духовенство, Сенаторы, Дворян-
обѣихъ соединенныхъ Державъ съ вели-
естію приняли Годунова и Троекурова въ
скомъ Колѣ ([160]); выслушали предложенія
ровы, и желая дальнѣйшихъ объясненій,
ли 15 Вельможъ, духовныхъ и свѣтскихъ,
надлежало съѣхаться для того съ нашими
ми въ селѣ Каменцѣ, близъ Варшавы.
къ удивленію Годунова и Троекурова, сіи
аты встрѣтили ихъ слѣдующими, неожи-
ми вопросами: «Соединитъ ли Государь
вскій Россію съ Королевствомъ такъ, какъ
соединилась съ Польшею, навѣки и нераз-
? приступитъ ли къ вѣрѣ Римской? будетъ
слушенъ Намѣстнику Апостольскому? бу-
и вѣнчаться на Королевство и пріобщится
ятыхъ Таинъ въ Латинской церкви, въ

Краковѣ, отъ Архіепископа Гнѣзненскаго? будетъ ли въ Варшавѣ чрезъ 10 недѣль? и напишетъ ли въ своемъ титулѣ Королевство Польское выше Царства Московскаго?» Бояре отвѣтствовали: «1) Государь желаетъ навѣки соединить Литву и Польшу съ Россіею такъ, чтобы они всѣми силами помогали другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія, и чтобы ихъ жители могли свободно ѣздить изъ земли въ землю: Литовцы къ намъ, Россіяне въ Литву, *съ дозволенія Государя.* 2) Онъ родился и будетъ жить всегда въ Греческой православной Вѣрѣ, слѣдуя святымъ обрядамъ ея; вѣнчаться на Королевство долженъ въ Москвѣ, или въ Смоленскѣ, въ присутствіи вашихъ Чиновъ Государственныхъ; обязывается чтить Папу и не мѣшать дѣйствію его власти надъ Духовенствомъ Польскимъ, но не допуститъ его мѣшаться въ дѣла Греческой Церкви. 3) Царь пріѣдетъ къ вамъ, когда успѣетъ. 4) *Корона Ягайлова будетъ подъ шапкою Мономаха*, и титулъ Ѳеодоровъ: *Царь и Великій Князь всея Россіи, Владимірскій и Московскій, Король Польскій и Великій Князь Литовскій.* Если бы и Римъ Старый и Римъ Новый, или царствующій градъ Византія, приложились къ намъ (161): то и древняго, славнаго ихъ имени Государь не поставилъ бы въ своемъ титулѣ выше Россіи.»

«И такъ Ѳеодоръ не желаетъ быть нашимъ «Королемъ», возразили Паны: «отказываетъ «рѣшительно, обѣщаетъ неискренно; пишетъ,

«на примѣръ, что его войско готово защитить «насъ отъ Султана: Турки обыкновенно впа-«даютъ въ нашу землю изъ Молдавіи съ Дуная, «изъ Трансильваніи, отъ Бѣлагорода; а войско «Московское далеко, еще далѣе Астраханское и «Казанское. Султанъ, Цесарь, Шведы грозятъ «намъ войною въ случаѣ, если изберемъ Короля «не по ихъ желанію: что же дастъ намъ Царь, и «сколько денегъ будетъ давать ежегодно для со-«держанія рати? ибо у насъ довольно своихъ «людей: Московскихъ не требуемъ. Деньги «нужны и для того, чтобы усилить сторону «вашихъ доброжелателей на Сеймѣ. Знаете ли, «что Императоръ за избраніе Максиміліана обя-«зывается тотчасъ прислать Вельможной Думѣ «600 тысячь золотыхъ и ежегодно присылать «столько же въ теченіе шести лѣтъ; а Король «Испанскій 800 тысячь и столько же ежегодно «въ теченіе осьми лѣтъ?» — Послы сказали: «У «Царя готово многочисленное легкое войско для «вашей защиты: Козаки Волжскіе, Донскіе, и «самые Крымцы: ибо Ханомъ ихъ будетъ прися-«жникъ Государевъ, Сайдетъ-Гирей. Царь намѣ-«ренъ помогать вамъ и казною, но безъ всякаго «обязательства. Хвалитесь щедростію Австріи и «Короля Испанскаго; но разсудите, что благо-«вѣрный Царь желаетъ вѣнца Королевскаго не «для своей пользы и чести, а единственно ради «вашего спокойствія и величія. Сколько лѣтъ «Христіанская кровь лилася въ битвахъ Рос-«сіянъ съ Литвою? Государь мыслитъ навѣки

«удалить сіе бѣдствіе; а вы, Паны, не думая о «томъ, вѣсите золото Испанское и Австрійское! «Да будетъ, какъ вамъ угодно; и если казна для «васъ милѣе покоя Христіанскаго, то знайте, «что Государь не хочетъ быть купцемъ, и за «деньги ему не надобно доброжелателей, ни вашего Королевства; не хочетъ питать сребролюбія людей безчувственныхъ ко благу отечества «и вооружать ихъ другъ на друга въ мятежныхъ «распряхъ Сейма: ибо не любитъ ни дракъ, ни «беззаконія!»

Сія твердость произвела сильное дѣйствіе въ Депутатахъ: они встали, нѣсколько минутъ разсуждали между собою тихо, и наконецъ съ досадою объявили Посламъ, что Ѳеодору не быть на престолѣ Ягеллоновъ; когда же Годуновъ и Троекуровъ предложили имъ отсрочить избраніе Короля и послать Вельможъ въ Москву для новыхъ объясненій съ Царемъ, Кардиналъ Радзивилъ и другіе Депутаты отвѣчали: «Вы смѣетесь надъ нами. Изъ всѣхъ краевъ Литвы и «Польши мы съѣхались въ Варшаву, живемъ «здѣсь осьмую недѣлю какъ на войнѣ, тратимъ «спокойствіе и деньги; а вы хотите еще другаго «Сейма! Не разъѣдемся безъ выбора.» Тогда Ѳеодоровы Послы совѣтовали имъ избрать Максимиліана, благопріятеля Россіи. «Не имѣемъ «нужды въ вашихъ наставленіяхъ,» сказали Паны съ грубостію: «намъ указываетъ Богъ, а не «Царь Русской.» — Хотѣли по крайней мѣрѣ заключить миръ, но также не могли согласиться

словіяхъ: Литва требовала Смоленска и
Сѣверской, а Өеодоръ Дерпта. Разошлися
удовольствіемъ, но симъ еще не кончились
оворы.

сей самый день и въ слѣдующіе были жар-
рѣнія между Государственными Чинами
а, друзьями Австріи, Швеціи и Россіи ([162]).
ые, особенно Духовенство и всѣ Епископы,
или, что совѣсть не дозволяетъ имъ имѣть
іемъ иновѣрца, еретика; а единомышлен-
ихъ, свѣтскіе Вельможи, прибавляли:
ственнаго, закоренѣлаго врага Литвы и
ьши, который сядетъ на Королевство съ
кимъ могуществомъ Россіи, чтобы пода-
нашу вольность, всѣ права и законы. Вы
вались на угнетеніе, когда Стефанъ при-
къ намъ нѣсколько сотъ Гайдуковъ Вен-
кихъ: что будетъ, когда увидимъ здѣсь
ную *Опричнину*, несмѣтныя тысячи над-
ыхъ, суровыхъ Москвитянъ ([163])? Повѣри-
, чтобы они въ гордости своей захотѣли
амъ *присоединиться?* не скорѣе ли захо-
приставить Державу нашу къ Московской,
рукавъ къ кафтану?» Другіе унижали
ра, называя его скудоумнымъ, неспособ-
блюсти Государство, обуздывать свое-
тво, дать силу Королевской власти, приба-
что онъ едва ли чрезъ шесть мѣсяцевъ
ъ быть къ нимъ, а Турки, непримиримые
Царя, завоевателя двухъ или трехъ Дер-
Мусульманскихъ, успѣютъ между тѣмъ

взять Краковъ. Вельможи нашей стороны возражали такъ: «Первый законъ для Государства «есть безопасность: избраніемъ Ѳеодора мы «примиряемъ врага сильнаго, Россію, и находимъ въ ней защиту отъ другаго, не менѣе «опаснаго: отъ Турковъ. Султанъ запрещаетъ «намъ возвести Ѳеодора на престолъ Королевства; но должно ли слушаться непріятеля? не «должно ли именно сдѣлать, чего онъ не желаетъ? Что касается до Вѣры, то Ѳеодоръ крещенъ во имя Святой Троицы, и мы знаемъ, «что въ Римѣ есть церковь Греческая: слѣдственно Папа не осуждаетъ сей Вѣры, и безъ «сомнѣнія дозволитъ ему въ ней остаться, съ «нѣкоторыми, можетъ быть, условіями. Ѳеодоръ великодушно освободилъ нашихъ плѣнниковъ, усмирилъ мятежи въ своемъ Царствѣ, «два раза побѣдилъ Хана; желаетъ въ духѣ «любви соединить Державы, коихъ взаимная ненависть произвела столько бѣдствій, и будучи «Властителемъ Самодержавнымъ, господствовать именемъ закона надъ людьми свободными: «гдѣ же его скудоуміе? Не видимъ ли въ немъ «Монарха человѣколюбиваго и мудраго? Могъ ли «бы онъ безъ ума править Россіянами, непостоянными и лукавыми (164)? Къ тому же скудоуміе Властителя менѣе гибельно для Государства, чѣмъ внутренніе раздоры. Мы замышляемъ не новое: сколь многіе изъ васъ, до «избранія и послѣ бѣгства Генрикова, хотѣли «Царя Московскаго, въ удостовѣреніи, что Іо-

«анъ оставилъ бы тиранство въ Россіи, а къ «намъ прибылъ бы только съ могуществомъ «спасительнымъ? Перемѣнилось ли что нибудь «съ того времени? развѣ къ лучшему: ибо Ѳео«доръ и въ Россіи не тиранствуетъ, но любитъ «подданныхъ и любимъ ими.»

Сіи убѣжденія заставили Сеймъ возобновить переговоры: Депутаты его вторично съѣхались съ Московскими Послами въ Каменцѣ, и хотѣли, чтобы Царь немедленно далъ Вельможной Думѣ 100 тысячь золотыхъ на военныя издержки, основалъ крѣпости не на Дону, гдѣ онѣ могутъ быть полезны только для Россіи, а на Литовской юго-западной границѣ, — платилъ жалованье Козакамъ Днѣпровскимъ изъ казны своей, отвелъ земли Польской Шляхтѣ не въ дальнихъ, дикихъ степяхъ, какихъ много и въ Литвѣ за Кіевомъ, но въ областяхъ Смоленской и Сѣверской. Послы изъявили нѣкоторую уступчивость: соглашались дать Панамъ 100 тысячь золотыхъ; не отвергали и другихъ требованій; предложили, чтобы Ѳеодору писаться въ титулѣ *Царемъ всея Россіи, Королемъ Польскимъ, Великимъ Княземъ Владимірскимъ, Московскимъ и Литовскимъ*. Самое главное препятствіе въ разсужденіи Вѣры уменьшилось, когда Воевода Виленскій, Христофоръ Радзивилъ, и Троцкій, Янъ Глѣбовичь, тайно сказали нашимъ Посламъ, что Ѳеодоръ можетъ, вопреки ихъ Духовенству, остаться въ Греческой Вѣрѣ, если испроситъ только благословеніе у Папы и дастъ ему надежду на соеди-

неніе Церквей ([165]). «Для своего и нашего блага «(говорили они) Өеодоръ долженъ быть снисходителенъ: ибо мы, въ случаѣ его упрямства, «изберемъ врага Россіи, Шведа, а не Максимиліана, о коемъ въ Литвѣ никто слышать не хочетъ, для того, что онъ корыстолюбивъ и бѣденъ: заведетъ насъ въ войну съ Султаномъ, и «не поможетъ Королевству ни людьми, ни казною. Самъ Императоръ великъ единственно титуломъ и богатъ только долгами. Знаемъ обычай Австрійцевъ искоренять права и вольности «въ земляхъ, которыя имъ поддаются, и вездѣ «обремѣнять жителей несносными налогами([166]). «Къ тому же у насъ писано въ книгахъ и вошло «въ пословицу, что Славянскому языку не видать добра отъ Нѣмецкаго!»

Но Өеодоръ не хотѣлъ искать милости въ Папѣ, ни манить его лживымъ обѣщаніемъ соединенія Церквей; не хотѣлъ также (чего неотмѣнно требовали и всѣ Литовскіе Паны) вѣнчаться на Королевство въ Польшѣ, отъ Святителя Латинскаго, ужасаясь мысли измѣнить тѣмъ Православію или достоинству Россійскаго Монарха — и Послы наши, имѣя дружелюбныя свиданія съ Депутатами Сейма, 13 Августа услышали отъ нихъ, что Канцлеръ Замойскій и немногіе Паны выбрали Шведскаго Принца, а Воевода Познанскій, Станиславъ Згурка, и Зборовскіе Максимиліана ([167]). Тщетно Вельможи Литовскіе увѣряли нашихъ Бояръ, что сіе избраніе, какъ незаконное, останется безъ дѣй-

ствія; что если Θеодоръ искренно желаетъ быть Королемъ, и рѣшится, не упуская времени, къ нимъ пріѣхать: то они всѣ *головами своими кинутся* къ Кракову и не дадутъ короны ни Шведу, ни Австрійцу! Замойскій мечемъ и золотомъ вдовствующей Королевы Анны доставилъ престолъ Сигизмунду, уничтоживъ избраніе Максимиліана. Послы наши успѣли только въ одномъ: заключили съ Вельможною Думою пятнадцатилѣтнее перемиріе безъ всякихъ уступокъ и выгодъ, единственно на томъ условіи, чтобы обѣимъ Державамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ, и чтобы избранному Королю подтвердить сей договоръ въ Москвѣ чрезъ своихъ Уполномоченныхъ (168). — Еще Θеодоръ, выслушавъ донесеніе Степана Годунова и Троекурова, надѣялся, что по крайней мѣрѣ Литва не признаетъ Сигизмунда Королемъ, и для того еще писалъ ласковыя грамоты къ ея Вельможамъ, соглашаясь быть особеннымъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Мазовскимъ, обѣщая имъ независимость и безопасность; писалъ къ нимъ и Годуновъ, отправивъ къ каждому дары богатые (цѣною въ 20 тысячь нынѣшнихъ рублей) . . . но поздно! Дворянинъ Ржевскій возвратился изъ Литвы съ вѣстію, что 16 Декабря Сигизмундъ коронованъ въ Краковѣ, и что Вельможи Литовскіе согла-

Перемиріе.

сились на сей выборъ. Ржевскій уже зналъ о томъ, но вручилъ имъ дары: они взяли ихъ съ изъявленіемъ благодарности и желали, чтобы Царь всегда былъ милостивъ къ Литвѣ единовѣрной!

Царь изъявилъ досаду, не за отверженіе его условій на Сеймѣ, но за избраніе Сигизмунда: мы видѣли, что Ѳеодоръ, подобно Іоанну, охотно уступалъ Королевство Эрцгерцогу, не имѣя никакихъ состязаній съ Австріею; но тѣсная связь Шведской Державы съ Польскою усиливала сихъ двухъ нашихъ непріятелей, и главное обязательство, взятое Замойскимъ съ Сигизмунда, состояло въ томъ, чтобы ему вмѣстѣ съ отцемъ его, Королемъ Іоанномъ, ополчиться на Россію: или *завоевать Москву* (169), или по крайней мѣрѣ Смоленскъ, Псковъ, а Шведскому флоту Двинскую гавань Св. Николая, чтобы уничтожить нашу морскую торговлю. Духъ Баторіевъ, казалось, еще жилъ и враждовалъ намъ въ Замойскомъ! — Тѣмъ болѣе Ѳеодоръ желалъ согласить виды и дѣйствія нашей Политики

г. 1587-1591. Сношенія съ Австріею и съ Крымомъ.

съ Австрійскою: съ 1587 года до 1590 мы слали гонца за гонцемъ въ Вѣну (170), убѣждая Императора доставить Максиміліану всѣми способами корону Польскую, если не избраніемъ, то силою — вызывались снабдить его и деньгами для вооруженія — увѣряли, что намъ будетъ даже пріятнѣе

уступить сію Державу Австріи, нежели соединить съ Россіею — живо описывали счастіе спокойствія, которое утвердится тогда въ Сѣверной Европѣ и дастъ ей возможность заняться великимъ дѣломъ изгнанія Турковъ изъ Византіи — хвалились нашими силами, говоря, что отъ Россіи зависитъ устремить безчисленные сонмы Азіатскіе на Султана; что Шахъ Персидскій выведетъ въ поле 200 тысячь воиновъ, Царь Бухарскій 100 тысячь, Хивинскій 50 тысячь, Иверскій 50 тысячь, Владѣтель Шавкалскій 30 тысячь, Князья Черкесскіе, Тюменскій, *Окутскій*, 70 тысячь, Ногаи 100 тысячь; что Россія, легко усмиривъ Шведа и не имѣя уже иныхъ враговъ, примкнетъ крестоносные легіоны свои къ войскамъ Австріи, Германіи, Испаніи, Папы, Франціи, Англіи — и варвары Оттоманскіе останутся единственно въ памяти! Гонцевъ Московскихъ задерживали въ Литвѣ и въ Ригѣ: для того мы открыли путь въ Австрію чрезъ Сѣверный Океанъ и Гамбургъ (171); хотѣли, чтобы Рудольфъ и Максимиліанъ немедленно прислали Уполномоченныхъ въ Москву для договора, гдѣ и какъ дѣйствовать. Свѣдавъ же, что Замойскій, слѣдуя за бѣгущимъ Максимиліаномъ, вступилъ въ Силезію, одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду, взялъ его въ плѣнъ, томилъ, безчестилъ въ неволѣ, Ѳеодоръ стыдилъ Рудольфа неслыханнымъ уничиженіемъ Австріи. Но все было безполезно. Императоръ въ своихъ отзывахъ изъявлялъ только благодарность за доброе рас-

положеніе Царя; вмѣсто знатнаго Вельможи прислалъ (въ Іюнѣ 1589) маловажнаго сановника Варкоча въ Москву ([172]), извиняясь недосугами и неудобствами сообщенія между Вѣною и Россіею; писалъ, что о войнѣ Турецкой должно еще условиться съ Испаніею и таить намѣреніе столь важное отъ Англіи и Франціи, ибо онѣ ищутъ милости въ Султанѣ; что война съ Польшею необходима, но что надобно прежде освободить Максимиліана .... И Царь узналъ, что Императоръ, вымоливъ свободу брата, клятвенно обязался не думать о коронѣ Польской и жить въ вѣчномъ мирѣ съ сею Державою. «Вы начинаете «великія дѣла, но не вершите ихъ,» писалъ Борисъ Годуновъ къ Австрійскому Министерству ([173]): «для васъ благовѣрный Царь нашъ «не хотѣлъ слушать никакихъ дружественныхъ «предложеній Султановыхъ и Ханскихъ; для «васъ мы въ остудѣ съ ними и съ Литвою: а «вы, не думая о чести, миритесь съ Султаномъ «и съ Сигизмундомъ!» Однимъ словомъ, мы тратили время и деньги въ сношеніяхъ съ Австріею, совершенно безполезныхъ.

Гораздо усерднѣе, въ смыслѣ нашей Политики, дѣйствовалъ тогда варваръ, новый Ханъ Крымскій, преемникъ умершаго (въ 1588 году) Ислама, братъ его, именемъ Казы-Гирей. Пріѣхавъ изъ Константинополя съ Султанскою милостивою грамотою и съ тремя стами Янычаръ господствовать надъ Улусами разоренными ([174]), онъ видѣлъ необходимость поправить ихъ, то

есть, искать добычи, не зная другаго промысла, кромѣ хищенія. Надлежало избрать Литву или Россію въ ѳеатръ убійствъ и пожаровъ; Ханъ предпочелъ Литву, въ надеждѣ на ея безначаліе или слабость новаго Короля; и готовясь силою опустошить Сигизмундову землю, хотѣлъ лестію выманить богатые дары у Ѳеодора: писалъ къ нему, что доброжелательствуя намъ искреннѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ, онъ убѣдилъ Султана не мыслить впредь о завоеваніи Астрахани (175); что Москва и Таврида будутъ всегда имѣть однихъ непріятелей. Въ концѣ 1589 года Казы-Гирей извѣстилъ Ѳеодора о сожженіи Крымцами многихъ городовъ и селъ въ Литвѣ и въ Галиціи: хваля его *доблесть* и дружественное къ намъ расположеніе, Царь въ знакъ признательности честилъ Хана умѣренными дарами, однакожь держалъ сильное войско на берегахъ Оки (176); слѣдственно худо ему вѣрилъ.

Но Баторія уже не было, Султанъ не ополчался на Россію, Ханъ громилъ Литву: сіи обстоятельства казались Царю благопріятными для важнаго подвига, коего давно требовала честь Россіи. Мы хвалились могуществомъ, имѣя дѣйствительно многочисленнѣйшее войско въ Европѣ; а часть древней Россіи была Шведскимъ владѣніемъ! Срокъ перемирія, заключен- Война Шведская.

наго съ Королемъ Іоанномъ, уже исходилъ въ началѣ 1590 года (177), и вторичный съѣздъ Пословъ на берегу Плюсы (въ Сентябрѣ 1586 года) остался безплоднымъ: ибо Шведы не согласились возвратить намъ своего завоеванія: безъ чего мы не хотѣли слышать о мирѣ. Они предлагали только мѣну: отдавали Копорье за погостъ Сумерскій и за берега Невы. Іоаннъ жаловался, что Россіяне тревожатъ набѣгами Финляндію, свирѣпствуя въ ней какъ тигры (178); Θеодоръ же упрекалъ Воеводъ Шведскихъ разбоями въ областяхъ Заонежской, Олонецкой, на Ладогѣ и Двинѣ: лѣтомъ въ 1589 году они приходили изъ Каяніи грабить волости монастыря Соловецкаго и Печенскаго, Колу, Кереть, Ковду, и взяли добычи на полмилліона нынѣшнихъ рублей серебряныхъ (179). Склоняя Короля къ уступкамъ, Царь писалъ къ нему о своихъ великихъ союзникахъ, Императорѣ и Шахѣ. Король отвѣтствовалъ съ насмѣшкою: «Радуюсь, что ты «нынѣ знаешь свое безсиліе и ждешь помощи «отъ другихъ (180): увидимъ, какъ поможетъ «тебѣ сватъ нашъ, Рудольфъ; а мы и безъ союз«никовъ управимся съ тобою.» Не взирая на сію грубость, Іоаннъ желалъ еще третьяго съѣзда Пословъ, когда Θеодоръ велѣлъ объявить ему, что мы не хотимъ ни мира, ни перемирія, если Шведы, сверхъ Новогородскихъ земель, ими захваченныхъ, не уступятъ намъ Ревеля и всей Эстоніи (181); то есть, мы объявили войну!

Доселѣ Годуновъ блисталъ умомъ единственно

ь дѣлахъ внѣшней и внутренней Политики, сегда осторожной и миролюбивой: не имѣя уха ратнаго, не алкая воинской славы, хотѣлъ днакожь доказать, что его миролюбіе не есть алодушная боязливость, въ такомъ случаѣ, гдѣ езъ стыда и безъ явнаго нарушенія святыхъ бязанностей власти не льзя было миновать кропролитія. Исполняя сей важный долгъ, онъ потребилъ всѣ способы для несомнительнаго спѣха: вывелъ въ поле (если вѣрить свидѣльству нашихъ приказныхъ бумагъ сего времени) около трехъ сотъ тысячь воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, съ тремя стами легкихъ и тяелыхъ пушекъ ([182]). Всѣ Бояре, всѣ Царевичи Сибирскій Маметкулъ, Русланей Кайбуличь, разъ-Магметъ Ондановичь Киргизскій), всѣ оеводы изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, горовъ и деревень, гдѣ они жили на покоѣ ([183]), олжны были въ назначенный срокъ явиться одъ Царскими знаменами: ибо тихій Ѳеодоръ, безъ сожалѣнія оставивъ свои мирныя, благочестивыя упражненія, сѣлъ на браннаго коня акъ хотѣлъ Годуновъ!), чтобы войско оживить усердіемъ, а главныхъ сановниковъ обузывать въ ихъ мѣстничествѣ безразсудномъ. нязь Ѳедоръ Мстиславскій, знатнѣйшій изъ одовыхъ Вельможъ, начальствовалъ въ Большемъ Полку, въ Передовомъ Князь Дмитрій вановичь Хворостининъ, Воевода славнѣйшій момъ и доблестію ([184]). Годуновъ и Ѳедоръ Никитичь Романовъ-Юрьевъ (будущій знаменитый

Филаретъ), двоюродный братъ Царя, находились при немъ, именуясь *Дворовыми* или *Ближними Воеводами*. Царица Ирина ѣхала за супругомъ изъ Москвы до Новагорода, гдѣ Государь распорядилъ полки: велѣлъ однимъ воевать Финляндію, за Невою; другимъ Эстонію, до моря; а самъ съ главною силою, 18 Генваря 1590, выступилъ къ Нарвѣ (185). Походъ былъ труденъ отъ зимней стужи, но веселъ ревностію войска: Россіяне шли взять свое — и взяли Яму, Генваря 27. Двадцать тысячь Шведовъ, конныхъ и пѣшихъ, подъ начальствомъ Густава Банера, близъ Нарвы встрѣтили Князя Дмитрія Хворостинина, который разбилъ ихъ и втопталъ въ городъ, наполненный людьми, но скудный запасами: для того Банеръ, оставивъ въ крѣпости нужное число воиновъ, ночью бѣжалъ оттуда къ Везенбергу, гонимый нашею Азіатскою конницею, и бросивъ ей въ добычу весь обозъ, всѣ пушки; въ числѣ многихъ плѣнниковъ находились и знатные чиновники Шведскіе. 4 Февраля Россіяне обложили Нарву; сильною пальбою въ трехъ мѣстахъ разрушили стѣну и требовали сдачи города. Тамошній Воевода, Карлъ Горнъ, величаво звалъ ихъ на приступъ, и мужественно отразилъ его (18 Февраля): Воеводы Сабуровъ и Князь Иванъ Токмаковъ легли въ проломѣ, вмѣстѣ со многими Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, Мордовскими и Черкесскими воинами (186). Однакожь сіе блистательное для Шведовъ дѣло не могло бы спасти города: пальба не умолкала, стѣны па-

дали, и многочисленное войско осаждающихъ готовилось къ новому приступу (21 Февраля). Въ тоже время Россіяне безпрепятственно опустошали Эстонію до самаго Ревеля, а Финляндію до Абова: ибо Король Іоаннъ имѣлъ болѣе гордости, нежели силы. Начались переговоры. Мы требовали Нарвы и всей Эстоніи, чтобы дать миръ Шведамъ; но Царь ([187]), *исполняя Христіанское моленіе Годунова* (какъ сказано въ нашихъ приказныхъ бумагахъ), удовольствовался возстановленіемъ древняго рубежа: Горнъ именемъ Королевскимъ (25 Февраля) заключилъ перемиріе на годъ, уступивъ Царю, сверхъ Ямы, Ивань-городъ и Копорье, со всѣми ихъ запасами и снарядомъ огнестрѣльнымъ, условясь рѣшить судьбу Эстоніи на будущемъ съѣздѣ Пословъ: Московскихъ и Шведскихъ — даже обѣщая уступить Россіи всю землю Корельскую, Нарву и другіе города Эстонскіе ([188]). Мы хвалились умѣренностію. Оставивъ Воеводъ въ трехъ взятыхъ крѣпостяхъ, Ѳеодоръ спѣшилъ возвратиться въ Новгородъ къ супругѣ, и съ нею въ Москву, торжествовать побѣду надъ одною изъ Державъ Европейскихъ, съ коими отецъ его не совѣтовалъ ему воевать, боясь ихъ превосходства въ ратномъ искусствѣ ([188])! Духовенство со крестами встрѣтило Государя внѣ столицы, и Первосвятитель Іовъ въ пышной рѣчи сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ и Владиміромъ, именемъ отечества и Церкви благодаря за изгнаніе *невѣрныхъ* изъ нѣдръ

святой Россіи и за возстановленіе олтарей истиннаго Бога во градѣ Іоанна III и въ древнемъ владѣніи Славянъ Ильменскихъ ([189]).

Скоро вѣроломство Шведовъ доставило новый значительный успѣхъ оружію миролюбиваго Ѳеодора. Король Іоаннъ, упрекая Горна малодушіемъ, объявилъ договоръ, имъ заключенный, преступленіемъ, усилилъ войско въ Эстоніи и выслалъ двухъ Вельможъ, Намѣстниковъ Упсальскаго и Вестерготскаго, на съѣздъ съ Княземъ Ѳеодоромъ Хворостининымъ и Думнымъ Дворяниномъ Писемскимъ къ устью рѣки Плюсы, не для того, чтобы отдать Россіи Эстонію, но чтобы требовать возвращенія Ямы, Иваня-города и Копорья. Не только Ѳеодоровы Послы, но и Шведскіе воины, узнавъ о семъ, изъявили негодованіе: стоя на другомъ берегу Плюсы, кричали нашимъ: «не хотимъ кровопролитія» ([190])! и принудили своихъ Уполномоченныхъ быть снисходительными, такъ, что они, уже ничего не требуя, кромѣ мира, наконецъ уступали Россіи Корельскую область. Мы неотмѣнно хотѣли Нарвы — и послы разъѣхались; а Шведскій Генералъ, Іоранъ Бое, въ туже ночь вѣроломно осадилъ Ивань-городъ: ибо срокъ Нарвскаго договора еще не вышелъ. Но мужественный Воевода, Иванъ Сабуровъ, въ сильной вылазкѣ на голову разбилъ Шведовъ: и Генерала Бое и самаго Герцога Зюдерманландскаго, который съ нимъ соединился. Главная рать Московская стояла въ Новѣгородѣ: она не приспѣла къ

битвѣ, нашла крѣпость уже освобожденною, и только издали видѣла бѣгство непріятеля.

Воюя съ Шведами, Ѳеодоръ желалъ соблюсти миръ съ Литвою, и въ то время, когла полки Московскіе шли громить Эстонію, Годуновъ извѣстилъ всѣхъ градоначальниковъ въ Ливоніи Польской, что они могутъ быть спокойны, и что мы не коснемся областей ея, въ точности исполняя договоръ Варшавскій (191). Но Сигизмундъ молчалъ: чтобы узнать его расположеніе, Дума Московская послала гонца въ Вильну съ письмомъ къ тамошнимъ Вельможамъ, увѣдомляя ихъ о намѣреніи Хана снова итти на Литву, и прибавляя: «Казы-Гирей убѣждалъ Государя «нашего вмѣстѣ съ нимъ воевать вашу землю, и «предлагалъ ему Султанскимъ именемъ вѣчный «миръ; но Государь отказался, искренно вамъ «доброжелательствуя. Остерегаемъ васъ, думая, «что рано или поздно вы увидите необходимость «соединиться съ Россіею для общей безопасно«сти Христіанъ.» Сіе лукавство не обмануло Пановъ: читая письмо, они усмѣхались, и весьма учтивою грамотою изъявили намъ благодарность, сказавъ однакожь, что у нихъ другіе слухи; что самъ Ѳеодоръ, если вѣрить плѣнникамъ Крымскимъ, обѣщаніями и дарами склоняетъ Хана ко впаденіямъ въ Литву (192). Между тѣмъ 600 Литовскихъ Козаковъ разбойничали въ южныхъ предѣлахъ Россіи, сожгли новый городъ Воронежъ, убили тамошняго начальника, Князя Ивана Долгорукаго: мы требовали удовлетворе-

нія, и велѣли Царевичу Араслань-Алею, Кайбулину сыну, итти съ войскомъ въ Черниговъ. Наконецъ, въ Октябрѣ 1590 года, Послы Сигизмундовы, Станиславъ Радоминскій и Гаврило Война, пріѣхали въ Москву договариваться о мирѣ и союзѣ; но въ первой бесѣдѣ съ Боярами объявили, что Россія нарушила перемиріе взятіемъ Шведскихъ городовъ и должна возвратить ихъ. Имъ отвѣтствовали, что Швеція не Литва; что родственная связь Королей не уважается въ Политикѣ, и что мы взяли свое, казнивъ неправду и вѣроломство. О вѣчномъ мирѣ говорили долго: Сигизмундъ какъ бы изъ великодушія отказывался отъ Новагорода, Пскова, Сѣверскихъ городовъ и проч., но безъ Смоленска не хотѣлъ мириться. Бояре же Московскіе твердили: «не дадимъ вамъ ни деревни Смоленскаго Уѣзда.» Съ обѣихъ сторонъ около двухъ мѣсяцевъ велерѣчили о выгодахъ тѣснаго Христіанскаго союза всѣхъ Державъ Европейскихъ. Бояре съ живостію представляли Вельможамъ Литовскимъ, что Король безъ сомнѣнія весьма неискренно желаетъ сего союза, испрашивая въ тоже время (какъ было намъ извѣстно) милость у Султана; что Сигизмунда ожидаетъ Баторіева участь, стыдъ, уничиженіе безполезное предъ надменностію Оттомановъ; что Баторій думалъ угодить Амурату злодѣйскимъ убіеніемъ славнѣйшаго изъ всѣхъ рыцарей Литовскихъ, *Подкоеы* (193), и не угодилъ: ибо до смерти трепеталъ гнѣвнаго Султана и платилъ ему дань раб-

; что одна Россія, въ чувствѣ своего
чія отвергнувъ ложную дружбу невѣр-
ь, есть надежный щитъ Христіанства;
Ханъ, столь ужасный для Сигизмун-
й Державы, не смѣетъ ни дѣломъ, ни
омъ оскорбить Өеодора, коему болѣе
ь сотъ Крымскихъ Князей и Мурзъ
атъ въ войскѣ. Хотя Послы уже не
ывали спѣси и грубости, какъ бывало
тефаново время, однакожь не прини-
нашего снисходительнаго условія:
дѣть обѣимъ Державамъ, чѣмъ вла-
тъ.» Истощивъ всѣ убѣжденія, Царь
нваря 1591) призвалъ на совѣтъ Ду- Новое Перемиріе съ Литвою.
нство, Бояръ, сановниковъ, и рѣшился
ственно подтвердить заключенное въ
авѣ перемиріе впредь еще на двѣнад-
лѣтъ, съ новымъ условіемъ, чтобы
Шведы насъ, ни мы Шведовъ не вое-
въ теченіе года ([194]). Өеодоръ, испол-
древній обычай, далъ присягу въ со-
еніи договора, и послалъ Окольничаго
ыкова-Морозова взять такую же съ
змунда.

ссія наслаждалась миромъ, коего не
только въ душѣ Правителя!... Устра-
дѣла внѣшней Политики, чтобы гово-
о любопытныхъ, важныхъ происше-
хъ внутреннихъ.

сіе время Борисъ Годуновъ въ гла-
Россіи и всѣхъ Державъ, сносящихся

Величіе Годунова.

съ Москвою, стоялъ на вышней степени величія, какъ полный властелинъ Царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ ([195]) или громко-славословящихъ его высокія достоинства; не только во дворцѣ Кремлевскомъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, предъ Государями и Министрами иноземными, знатные сановники Царскіе такъ изъяснялись по своему наказу ([196]): «Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ есть начальникъ земли; она вся приказана ему отъ «Самодержца, и такъ нынѣ устроена, что «люди дивятся и радуются. Цвѣтетъ и «воинство и купечество и народъ. Грады «украшаются каменными зданіями безъ налоговъ, безъ работы невольной, отъ Царскихъ избытковъ, съ богатою платою за «трудъ и художество. Земледѣльцы живутъ «во льготѣ, не зная даней. Вездѣ правосудіе свято: сильный не обидитъ слабаго; «бѣдный сирота идетъ смѣло къ Борису «Ѳедоровичу жаловаться на его брата или «племянника, и сей истинный Вельможа «обвиняетъ своихъ ближнихъ, даже безъ «суда, ибо пристрастенъ къ беззащитнымъ «и слабымъ!» — Нескромно хваляся властію и добродѣтелію, Борисъ, равно славолюбивый и хитрый, примыслилъ еще дать новый блескъ своему господству важною церковною новостію.

Имя Патріарховъ означало въ древнѣйшія времена Христіанства единственно смиренныхъ наставниковъ Вѣры, но съ четвертаго вѣка сдѣлалось пышнымъ, громкимъ титломъ главныхъ Пастырей Церкви въ трехъ частяхъ міра, или въ трехъ знаменитѣйшихъ городахъ тогдашней всемірной Имперіи: въ Римѣ, въ Александріи и въ Антіохіи. Мѣсто священныхъ воспоминаній, Іерусалимъ, и Константинополь, столица торжествующаго Христіанства, были также признаны особенными, Великими Патріархіями. Сей чести не искала Россія, отъ времень Св. Владиміра до Ѳеодоровыхъ. Византія державная, гордая, не согласилась бы на равенство своей Іерархіи съ Кіевскою или съ Московскою: Византія раба Оттомановъ не отказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его; но они молчали, изъ уваженія ли къ первобытному уставу нашей Церкви, или опасаясь великимъ именемъ усилить духовную власть, ко вреду Монаршей. Борисъ мыслилъ иначе: свергнувъ Митрополита Діонисія за козни и дерзость, онъ не усомнился возвысить смиреннаго Іова, ему преданнаго, ибо хотѣлъ его важнаго содѣйствія въ своихъ важныхъ намѣреніяхъ. Еще въ 1586 году пріѣзжалъ въ Москву за милостынею Антіохійскій Патріархъ Іоакимъ, коему Царь изъявилъ желаніе учредить Патріар-

Учрежденіе Патріаршества въ Россіи.

хію въ Россіи ([197]) : Іоакимъ далъ слово предложить о томъ Собору Греческой Церкви, и предложилъ съ усердіемъ, славя чистоту нашей Вѣры. Въ Іюлѣ 1588 года, къ великому удовольствію Ѳеодора, явился въ Москвѣ и Патріархъ Константинопольскій, Іеремія. Вся столица была въ движеніи, когда сей главный Святитель Христіанскій (ибо престолъ Византійскаго Архіерейства уже давно считался первымъ), старецъ знаменитый несчастіемъ и добродѣтелію, съ любопытствомъ взирая на ея многолюдство и красоту церквей, благословляя народъ и душевно умиляясь его радостнымъ привѣтствіемъ, ѣхалъ на осляти къ Царю по стогнамъ Московскимъ; за нимъ ѣхали на коняхъ Митрополитъ Монемвасійскій (или Мальвазійскій) Іероѳей и Архіепископъ Элассонскій Арсеній ([198]). Когда они вошли въ Златую палату, Ѳеодоръ всталъ, чтобы встрѣтить Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона; посадилъ близъ себя; съ любовію принялъ дары его : икону съ памятниками Страстей Господнихъ, съ каплями Христовой крови, съ мощами Св. Царя Константина — и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Патріарха отвели въ другую комнату, гдѣ онъ разсказалъ Борису свою исторію. Лѣтъ десять управлявъ Церковію, Іеремія, обнесенный какимъ-то злымъ Грекомъ, былъ сосланъ въ Родосъ, и Султанъ, вопреки торжественному обѣту Магомета II не мѣшаться въ дѣла Христіанской духовной власти, беззаконно далъ Патріарше-

Θеолипту. Чрезъ пять лѣтъ возвратили из-
нику санъ Іерарха; но въ древнемъ храмѣ
нтійскихъ Первосвятителей уже славили
и Магомета: сія церковь сдѣлалась мече-
[199]). «Обливаясь слезами» (говорилъ Іере-
«я вымолилъ у жестокаго Амурата дозволе-
ѣхать въ земли Христіанскія для собранія
остыни, чтобы посвятить новый храмъ
иному Богу въ древней столицѣ Правосла-
: гдѣ же, кромѣ Россіи, могъ я найти усер-
жалость и щедрость?» Далѣе, бесѣдуя съ
новымъ, онъ похвалилъ мысль Θеодорову
ь Патріарха Россійскаго; а лукавый Году-
предложилъ сіе достоинство самому Іере-
съ условіемъ жить въ Владимірѣ. Іеремія
шался, но хотѣлъ жить тамъ, гдѣ Царь, то
въ Москвѣ ([200]): чего не хотѣлъ Годуновъ,
ывая, что несправедливо удалить Іова, му-
вятаго, отъ Московскаго храма Богоматери;
Іеремія, не зная ни языка, ни обычаевъ
іи, не можетъ быть въ духовныхъ дѣлахъ
вникомъ Вѣнценосца безъ толмача, коему
истойно читать во глубинѣ души Государе-
«Да исполнится же воля Царская!» отвѣт-
валъ Патріархъ: «Уполномоченный нашею
ковію, благословлю и поставлю, кого избе-
ь Θеодоръ, вдохновенный Богомъ.» Въ вы-
не было сомнѣнія; но, для обряда, Святи-
Россійскіе назначили трехъ кандидатовъ:
ополита Іова, Архіепископа Новогород-
Александра, Варлаама Ростовскаго, и под-

несли докладъ Царю, который избралъ Іова [201].
23 Генваря (1589), послѣ Вечерни, сей *наименованный* Первосвятитель, въ эпитрахили, въ омофорѣ и въ ризѣ, пѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, со всѣми Епископами, въ присутствіи Царя и безчисленнаго множества людей; вышелъ изъ Олтаря и сталъ на амвонѣ, держа въ рукѣ свѣчу, а въ другой письмо благодарственное къ Государю и къ Духовенству [202]. Тутъ одинъ изъ знатныхъ сановниковъ приблизился къ нему, держа въ рукѣ также пылающую свѣчу, и сказалъ громко: «Православный Царь, Вселенскій «Патріархъ и Соборъ Освященный возвышаютъ «тебя на престолъ Владимірскій, Московскій и «всея Россіи.» Іовъ отвѣтствовалъ: «Я рабъ «грѣшный; но если Самодержецъ, *Вселенскій «Господинъ* Іеремія и Соборъ удостоиваютъ меня «столь великаго сана, то пріемлю его съ благо«дареніемъ;» смиренно преклонилъ главу, обратился къ Духовенству, къ народу, и съ умиленіемъ произнесъ обѣтъ ревностно блюсти ввѣренное ему отъ Бога стадо. Симъ исполнился *уставъ избранія;* торжественное же *посвященіе* совершилось 26 Генваря, на Литургіи, какъ обыкновенно ставили Митрополитовъ и Епископовъ, безъ всякихъ новыхъ обрядовъ [203]. Среди *Великой* или Соборной церкви, на помостѣ, былъ изображенъ *мѣломъ* орелъ двоеглавый и сдѣланъ *ѳеатронъ о двѣнадцати степеняхъ и двѣнадцати огненникахъ* [204]: тамъ старѣйшій Пастырь Восточнаго Православія, благословивъ

Іова какъ сопрестольника великихъ Отцевъ Христіанства, и возложивъ на него дрожащую руку, молился, да будетъ сей Архіерей Іисусовъ неугасаемымъ свѣтильникомъ Вѣры. Имѣя на главѣ митру съ крестомъ и съ короною (205), новопоставленный Московскій Патріархъ священнодѣйствовалъ вмѣстѣ съ Византійскимъ; и когда, отпѣвъ Литургію, разоблачился, Государь собственною рукою возложилъ на него драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, бархатную зеленую мантію съ источниками или полосами, низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ знаменіемъ креста; подалъ ему жезлъ Св. Петра Митрополита, и въ привѣтственной рѣчи велѣлъ именоваться Главою Епископовъ, Отцемъ Отцевъ, Патріархомъ всѣхъ земель сѣверныхъ, по милости Божіей и волѣ Царской, Іовъ благословилъ Θеодора и народъ; а лики многолѣтствовали Царю и двумъ Первосвятителямъ, Византійскому и Московскому, которые сидѣли съ нимъ рядомъ на стульяхъ (206). Вышедъ изъ церкви, Іовъ, провождаемый двумя Епископами, Боярами, многими чиновниками, ѣздилъ на осляти вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ, кропя ихъ Святою водою, осѣняя крестомъ, читая молитвы о цѣлости града (207), и вмѣстѣ съ Іереміею, со всѣмъ Духовенствомъ, Синклитомъ, обѣдалъ у Государя.

Чтобы утвердить достоинство и права Россійскаго Священноначалія, написали уставную грамоту (208), изъясняя въ ней, что *Ветхій Римъ*

палъ *отъ ереси Аполлинаріевой* (209); что *Новый Римъ*, Константинополь, обладаемъ безбожными племенами Агарянскими; что *третій Римъ* есть Москва; что вмѣсто лжепастыря Западной Церкви, омраченной духомъ суемудрія, первый Вселенскій Святитель есть Патріархъ Константинопольскій, вторый Александрійскій, третій *Московскій и всея Россіи*, четвертый Антіохійскій, пятый Іерусалимскій (210); что въ Россіи должно молиться о Греческихъ, а въ Греціи о нашемъ, который впредь, до скончанія вѣка, будетъ избираемъ и посвящаемъ въ Москвѣ независимо отъ ихъ согласія или одобренія. Къ наружнымъ отличіямъ сего Архипастыря нашей Церкви прибавили слѣдующія: «Выходъ его долженъ быть всегда съ лампадою, съ пѣніемъ и звономъ; для облаченія имѣть ему амвонъ о трехъ степеняхъ; въ будни носить клобукъ съ Серафимами и крестами обнизными, мантіи объяринныя и всякія иныя съ полосами; ходить въ пути съ крестомъ и жезломъ; ѣздить на шести коняхъ (211).» Тогда же Государь съ двумя Патріархами соборно уложилъ быть въ Россіи *четыремъ Митрополитамъ*: Новогородскому, Казанскому, Ростовскому и Крутицкому (212); *шести Архіепископамъ*: Вологодскому, Суздальскому, Нижегородскому, Смоленскому, Рязанскому, Тверскому — *и осьми Епископамъ*: Псковскому, Ржевскому, Устюжскому, Бѣлоозерскому, Коломенскому, Сѣверскому, Дмитровскому.

Участвуя болѣе именемъ, нежели дѣломъ, въ

сихъ церковныхъ распоряженіяхъ, Іеремія, Митрополитъ Моневмасійскій и Архіепископъ Элассонскій ѣздили между тѣмъ въ Лавру Сергіеву ([214]), гдѣ, равно какъ и въ Московскихъ храмахъ, удивлялись богатству иконъ, сосудовъ, ризъ служебныхъ; въ столицѣ обѣдали у Патріарха Іова, славя мудрость его бесѣды; славили также высокія достоинства Годунова и рѣдкій умъ старца, Андрея Щелкалова ([215]); всего же болѣе хвалили щедрость Россійскую: ибо ихъ непрестанно дарили, серебряными кубками, ковшами, перлами, шелковыми тканями ([216]), соболями, деньгами. Представленные Царицѣ, они восхитились ея святостію, смиреннымъ величіемъ, Ангельскою красотою, сладостію рѣчей ([217]), равно какъ и наружнымъ великолѣпіемъ. На ней была корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами, діадима и на груди златая цѣпь, украшенныя драгоцѣнными каменьями; одежда бархатная, длинная, обсаженная крупнымъ жемчугомъ, и мантія не менѣе богатая. Подлѣ Царицы стоялъ Царь, а съ другой стороны Борисъ Годуновъ, безъ шапки, смиренно и благоговѣйно; далѣе многія жены знатныя, въ бѣлой одеждѣ, сложивъ руки. Ирина съ умиленіемъ просила Святителей Греческихъ молить Бога, чтобы Онъ даровалъ ей сына, наслѣдника Державѣ — «и всѣ мы, тронутые до глубины «сердца» (говоритъ Архіепископъ Элассонскій въ описаніи своего путешествія въ Москву) «вмѣстѣ съ нею обливаясь слезами, единогласно

«воззвали ко Всевышнему, да исполнится чи-«стое, столь усердное моленіе сей души благо-«честивой!» — Наконецъ Государь (въ Маіѣ 1589) отпустилъ Іеремію въ Константинополь, съ письмомъ къ Султану, убѣждая его не тѣснить Христіанъ (218), и сверхъ даровъ послалъ туда 1000 рублей, или 2000 золотыхъ монетъ Венгерскихъ, на строеніе новой Патріаршей церкви, къ живѣйшей признательности всего Греческаго Духовенства, которое, Соборною грамотою одобривъ учрежденіе Московской Патріархіи (219), доставило Ѳеодору сію хартію (въ Іюнѣ 1591) чрезъ Митрополита Терновскаго, вмѣстѣ съ мощами Святыхъ и съ двумя коронами, для Царя и Царицы (220).

Такимъ образомъ уставилась новая верховная степень въ нашей Іерархіи, чрезъ 110 лѣтъ испроверженная Самодержцемъ великимъ, какъ безполезная для Церкви и вредная для единовластія Государей, хотя разумный учредитель ея не далъ тѣмъ Духовенству никакой новой государственной силы, и перемѣнивъ имя, оставилъ Іерарха въ полной зависимости отъ Вѣнценосца. Петръ I зналъ исторію Никона, и *раздѣлилъ*, чтобы ослабить, власть духовную; онъ уничтожилъ бы и санъ Митрополита, если бы въ его время, какъ въ Іоанново или въ древнѣйшія, *одинъ* Митрополитъ управлялъ Россійскою Церковію. Петръ царствовалъ, и хотѣлъ только слугъ: Годуновъ, еще называясь подданнымъ, искалъ опоры: ибо предвидѣлъ обстоятельства,

въ коихъ дружба Царицы не могла быть достаточна для его властолюбія и — спасенія; обуздывалъ Бояръ, но читалъ въ ихъ сердцѣ злую зависть, ненависть справедливую къ убійцѣ Шуйскихъ; имѣлъ друзей: но они имъ держались, и съ нимъ бы пали, или измѣнили бы ему въ превратности рока; благотворилъ народу, но худо вѣрилъ его благодарности въ невольномъ чувствѣ своихъ внутреннихъ недобродѣтельныхъ побужденій къ добру, и зналъ, что сей народъ въ случаѣ важномъ обратитъ взоръ недоумѣнія на Бояръ и Духовенство. Годуновъ на мѣстѣ Петра Великаго могъ бы также уничтожить санъ Патріарха; но, будучи въ иныхъ обстоятельствахъ, хотѣлъ польстить честолюбію Іова титломъ высокимъ, чтобы имѣть въ немъ тѣмъ усерднѣйшаго и знаменитѣйшаго пособника: ибо наступалъ часъ рѣшительный, и самовластный Вельможа дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго!

Если бы Годуновъ и не хотѣлъ ничего болѣе, имѣя все, кромѣ Ѳеодоровой короны, то и въ семъ предположеніи могъ ли бы онъ спокойно наслаждаться величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ Царя, слабаго не только духомъ, но и тѣломъ — о законномъ его наслѣдникѣ, воспитываемомъ матерію и родными въ явной, хотя и въ честной ссылкѣ, въ ненависти къ Правителю, Г. 1591. Замыселъ Годунова.

въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? монастырь: Годунова? темница или плаха — того, кто мановеніемъ двигалъ Царство, ласкаемый Царями Востока и Запада!... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибли несчастные, коихъ опасался Правитель: кто же былъ для него опаснѣе Димитрія?

Но Годуновъ еще томился душевнымъ гладомъ, и желалъ, чего не имѣлъ. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестію; упоенный счастіемъ и могуществомъ, волшебнымъ для души самой благородной; кружась на высотѣ, куда не восходилъ дотолѣ ни одинъ изъ подданныхъ въ Россійской Державѣ, Борисъ смотрѣлъ еще выше, и съ дерзкимъ вожделѣніемъ: хотя властвовалъ безпрекословно, но не своимъ именемъ; сіялъ только заимствованнымъ свѣтомъ; долженъ былъ въ самой надменности трудить себя личиною смиренія, торжественно унижаться предъ тѣнію Царя и бить ему челомъ вмѣстѣ съ рабами. Престолъ казался Годунову не только святымъ, лучезарнымъ мѣстомъ истинной, самобытной власти, но и райскимъ мѣстомъ успокоенія, до коего стрѣлы вражды и зависти не досягаютъ, и гдѣ смертный пользуется какъ бы Божественными правами. Сія мечта о прелестяхъ верховнаго Державства представлялась Годунову живѣе и живѣе, болѣе и болѣе волнуя въ немъ сердце, такъ, что онъ наконецъ непрестанно занимался

ı. Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее, лю-
пытное, хотя и сомнительное обстоятель-
во ([221]): «Имѣя умъ рѣдкій, Борисъ вѣрилъ
днакожь искусству гадателей; призвалъ нѣ-
оторыхъ изъ нихъ въ тихій часъ ночи, и
прашивалъ, что ожидаетъ его въ будущемъ?
Іьстивые волхвы или звѣздочеты отвѣтство-
али: *тебя ожидаетъ вѣнецъ* .... но вдругъ
молкли, какъ бы испуганные дальнѣйшимъ
редвидѣніемъ. Нетерпѣливый Борисъ велѣлъ
мъ договорить; услышалъ, что ему царство-
ать только семь лѣтъ, и съ живѣйшею радо-
тію обнявъ предсказателей, воскликнулъ: *хо-
ья бы семь дней, но только царствовать!*» Столь
скромно Годуновъ открылъ будто бы внут-
нность души мнимымъ мудрецамъ суевѣрнаго
ка! По крайней мѣрѣ онъ уже не таился отъ
могo себя; зналъ, чего хотѣлъ! Ожидая смерти
здѣтнаго Царя, располагая волею Царицы,
полнивъ Думу, Дворъ, Приказы родственни-
ми и друзьями, не сомнѣваясь въ преданности
ликоименитаго Іерарха Церкви, надѣясь также
блескъ своего правленія и замышляя новыя
трости, чтобы овладѣть сердцемъ или вообра-
еніемъ народа, Борисъ не устрашился случая
зпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ вре-
енъ Рюриковыхъ до Ѳеодоровыхъ: трона
празлненнаго, конца племени Державнаго, мя-
жа страстей въ выборѣ новой Династіи, и
ердо увѣренный, что скипетръ, выпавъ изъ
ки послѣдняго Вѣнценосца Мономаховой кро-

ви, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени Царскаго, сей алчный властолюбецъ видѣлъ, между собою и престоломъ, одного младенца безоружнаго, какъ алчный левъ видитъ агнца! . . . Гибель Димитріева была неизбѣжна!

Приступая къ исполненію своего ужаснаго намѣренія, Борисъ мыслилъ сперва объявить злосчастнаго Царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги (222): не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на Литургіи; но разсудивъ, что сіе супружество, хотя и дѣйствительно беззаконное, было однакожь утверждено или терпимо Церковною властію, которая торжественнымъ уничтоженіемъ онаго призналась бы въ своей человѣческой слабости, къ двойному соблазну Христіанъ — что Димитрій, не взирая на то, во мнѣніи людей остался бы Царевичемъ, единственнымъ Ѳеодоровымъ наслѣдникомъ — Годуновъ прибѣгнулъ къ вѣрнѣйшему способу устранить совмѣстника, оправдываясь слухомъ, безъ сомнѣнія его же друзьями распущеннымъ, о мнимой преждевременной наклонности Димитріевой ко злу и къ ихъ жестокости (223): въ Москвѣ говорили всенародно (слѣдственно безъ страха оскорбить Царя и Правителя), что сей младенецъ, еще имѣя не болѣе шести или семи лѣтъ отъ роду, есть будто бы совершенное подобіе отца: любитъ муки и кровь; съ веселіемъ смотритъ на убіеніе животныхъ:

даже самъ убиваетъ ихъ. Сею сказкою хотѣли произвести ненависть къ Димитрію въ народѣ; выдумали и другую для сановниковъ знатныхъ: разсказывали, что Царевичь, играя однажды на льду съ другими дѣтьми, велѣлъ сдѣлать изъ снѣгу двадцат человѣческихъ изображеній, назвалъ оныя именами первыхъ мужей государственныхъ, поставилъ рядомъ и началъ рубить саблею: изображенію Бориса Годунова отсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: «такъ вамъ будетъ въ мое царствованіе» (224)! Въ противность клеветѣ нелѣпой, многіе утверждали, что юный Царевичь оказываетъ умъ и свойства достойныя отрока Державнаго (225); говорили о томъ съ умиленіемъ и страхомъ, ибо угадывали опасность невиннаго младенца, видѣли цѣль клеветы — и не обманулись: если Годуновъ боролся съ совѣстію, то уже побѣдилъ ее, и приготовивъ легковѣрныхъ людей услышать безъ жалости о злодѣйствѣ, держалъ въ рукѣ ядъ и ножъ для Димитрія; искалъ только, кому отдать ихъ для совершенія убійства!

Довѣренность, откровенность свойственна ли въ такомъ умыслѣ гнусномъ? Но Борисъ, имѣя нужду въ пособникахъ, открылся ближнимъ, изъ коихъ одинъ, Дворецкій Григорій Васильевичь Годуновъ, залился слезами, изъявляя жалость, человѣчество, страхъ Божій: его удалили отъ совѣта. Всѣ другіе думали, что смерть Димитріева необходима для безопасности Прави-

теля и для государственнаго блага. Начали съ яда. Мамка Царевичева, Боярыня Василиса Волохова (226), и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили ему орудіемъ; но зеліе смертоносное не вредило младенцу, по словамъ Лѣтописца, ни въ явствахъ, ни въ питіи (227). Можетъ быть, совѣсть еще дѣйствовала въ исполнителяхъ адской воли: можетъ быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея, къ досадѣ нетерпѣливаго Бориса, который рѣшился употребить иныхъ смѣлѣйшихъ злодѣевъ. Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ, Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова, одолженныхъ милостями Правителя: но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубствомъ; обязались только молчать, и съ сего времени были гонимы (228). Тогда усерднѣйшій клевретъ Борисовъ, дядька Царскій, Окольничій Андрей Луппъ-Клешнинъ, представилъ человѣка надежнаго: Дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатію звѣрства, такъ, что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото; обѣщалъ болѣе, и совершенную безопасность; велѣлъ извергу ѣхать въ Угличь, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей Царицы, не спускать глазъ съ обреченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Битяговскій далъ и сдержалъ слово.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличь сынъ его, Данило, и племянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. Успѣхъ казался легкимъ: съ утра до вечера они могли быть у Царицы, занимаясь ея домашнимъ обиходомъ, надзирая надъ слугами и надъ столомъ; а мамка Димитріева съ сыномъ помогала имъ совѣтомъ и дѣломъ. Но Димитрія хранила нѣжная мать!... Извѣщенная ли нѣкоторыми тайными доброжелателями или своимъ сердцемъ, она удвоила попеченія о миломъ сынѣ; не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью; выходила изъ комнаты только въ церковь; питала его изъ собственныхъ рукъ, не ввѣряла ни злой мамкѣ Волоховой, ни усердной кормилицѣ, Иринѣ Ждановой. Прошло не мало времени; наконецъ убійцы, не видя возможности совершить злодѣяніе втайнѣ, дерзнули на явное, въ надеждѣ, что хитрый и сильный Годуновъ найдетъ способъ прикрыть оное для своей чести въ глазахъ рабовъ безмолвныхъ: ибо думали только о людяхъ, не о Богѣ! Насталъ день, ужасный происшествіемъ и слѣдствіями долговременными: 15 Мая, въ Субботу, въ шестомъ часу дня, Царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви, и готовилась обѣдать (229); братьевъ ея не было во дворцѣ, слуги носили кушанье.

Убіеніе Царевича Димитрія

Въ сію минуту Боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ: Царица, думая итти съ ними же, въ какомъ-то несчастномъ разсѣяніи остановилась. Кормилица удерживала Царевича, сама не зная, для чего; но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «Государь! у тебя новое ожерелье.» Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое».... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ; едва коснулся гортани его, и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего Державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали, и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда Царица вышла изъ сѣней на крыльцо.... Девятилѣтній Святый Мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью: онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался, уже не слыхавъ вопля отчаянной матери.... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ, и на убійцъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ: не кому было остановить ихъ; но Всевышній Мститель присутствовалъ!

Чрезъ минуту весь городъ представилъ зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Пономарь Собор-

ной церкви (230) — самъ ли, какъ пишутъ, видѣвъ убійство, или извѣщенный о томъ слугами Царицы — ударилъ въ набатъ, и всѣ улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными; бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломились въ его ворота; увидѣли Царевича мертваго на землѣ: подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти; но имена злодѣевъ были уже произнесены ими. Сіи изверги, невидимымъ Судіею ознаменованные для праведной казни, не успѣли или боялись скрыться, чтобы не обличить тѣмъ своего дѣла; въ замѣшательствѣ, въ изступленіи, устрашенные набатомъ, шумомъ, стремленіемъ народа, вбѣжали въ Избу Розрядную; а тайный вождь ихъ, Михайло Битяговскій, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря: не могъ отбить запертой имъ двери, и безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянія: приблизился къ трупу убіеннаго; хотѣлъ утишить народное волненіе; дерзнулъ сказать гражданамъ (заблаговременно изготовивъ сію ложь съ Клешнинымъ или съ Борисомъ), что младенецъ умертвилъ самъ себя ножемъ въ падучей болѣзни. «Душегубецъ!» завопили толпы; камни посыпались на злодѣя. Онъ искалъ убѣжища во дворцѣ, съ однимъ изъ клевретовъ своихъ, Даниломъ Третьяковымъ: народъ схватилъ, убилъ ихъ; также и сына Михайлова, и Никиту Качалова, выломивъ дверь Розрядной Избы (231). Третій убійца, Осипъ Во-

лоховъ, ушелъ въ домъ Михайла Битяговскаго: его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ Димитріевъ, и тамъ умертвили, въ глазахъ Царицы; умертвили еще слугъ Михайловыхъ, трехъ мѣщанъ уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ согласіи съ убійцами, и *женку юродивую*, которая жила у Битяговскаго и часто ходила во дворецъ; но мамку оставили живую для важныхъ показаній: ибо злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть, какъ пишутъ (232), искреннимъ признаніемъ; наименовали и главнаго виновника Димитріевой смерти: Бориса Годунова. Вѣроятно, что устрашенная мамка также не запиралась въ адскомъ ковѣ; но судіею преступленія былъ самъ преступникъ!

Беззаконно совершивъ месть, хотя и праведную — отъ ненависти къ злодѣямъ, отъ любви къ Царской крови забывъ гражданскіе уставы — извиняемый чувствомъ усердія, но виновный предъ судилищемъ государственной власти, народъ опомнился, утихъ, и съ безпокойствомъ ждалъ указа изъ Москвы, куда градоначальники послали гонца съ донесеніемъ о бѣдственномъ происшествіи, безъ всякой утайки, надписавъ бумагу на имя Царя. Но Годуновъ бодрствовалъ: вѣрные ему чиновники были разставлены по Углицкой дорогѣ, всѣхъ ѣдущихъ задерживали, спрашивали, осматривали; схватили гонца и привели къ Борису. Желаніе злаго властолюбца исполнилось! . . . Надлежало только затмить истину ложью, если не для совершеннаго уло-

стовѣренія людей безпристрастныхъ, то по крайней мѣрѣ для вида, для пристойности. Взяли и переписали грамоты Углицкія: сказали въ нихъ, что Царевичь въ судорожномъ припадкѣ закололъ себя ножемъ, отъ небреженія Нагихъ, которые, закрывая вину свою, безстыдно оклеветали Дьяка Битяговскаго и ближнихъ его въ убіеніи Димитрія, взволновали народъ, злодѣйски истерзали невинныхъ. Съ симъ подлогомъ Годуновъ спѣшилъ къ Ѳеодору, лицемѣрно изъявляя скорбь душевную; трепеталъ, смотрѣлъ на небо ([233]) — и вымолвивъ ужасное слово о смерти Димитріевой, смѣшалъ слезы крокодиловы съ искренними слезами добраго, нѣжнаго брата. Царь, по словамъ лѣтописца, горько плакалъ, долго безмолвствуя; наконецъ сказалъ: «да будетъ воля Божія!» и всему повѣрилъ. Но требовалось чего нибудь болѣе для Россіи: хотѣли оказать усердіе въ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ сего несчастія: ни мало не медля, послали для того въ Угличь двухъ знатныхъ сановниковъ государственныхъ — и кого же? Окольничаго Андрея Клешнина, главнаго Борисова пособника въ злодѣйствѣ! Не дивились сему выбору: могли удивиться другому: Боярина Князя Василія Ивановича Шуйскаго, коего старшій братъ, Князь Андрей, погибъ отъ Годунова ([234]), и который самъ нѣсколько лѣтъ ждалъ отъ него гибели, будучи въ опалѣ. Но хитрый Борисъ уже примирился съ симъ Княземъ честолюбивымъ, легкомысленнымъ, ум-

«трій однажды уязвилъ свою мать, а въ другой «разъ объѣлъ руку дочери Андрея Нагаго. Узнавъ о несчастіи сына, Царица прибѣжала и «начала бить мамку, говоря, что его зарѣзали «Волоховъ, Качаловъ, Данило Битяговскій, изъ «коихъ ни одного тутъ не было; но Царица и *пьяный* братъ ея, Михайло Нагой, велѣли умертвить ихъ и Дьяка Битяговскаго безвинно, «единственно за то, что сей усердный Дьякъ не «удовлетворялъ корыстолюбію Нагихъ и не давалъ имъ денегъ сверхъ указа Государева. «Свѣдавъ, что сановники Царскіе ѣдутъ въ «Угличь, Михайло Нагой велѣлъ принести нѣсколько самопаловъ, ножей, желѣзную палицу, «— вымазать оные кровью и положить на тѣла «убитыхъ, въ обличеніе ихъ мнимаго злодѣянія.» Сію нелѣпость утвердили своею подписью Воскресенскій Архимандритъ Ѳеодоритъ, два Игумена и Духовникъ Нагихъ (241), отъ робости и малодушія; а свидѣтельство истины, мірское, единогласное, было утаено: записали только отвѣты Михайла Нагаго, какъ бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ.

Шуйскій, возвратясь въ Москву, 2 Іюня представилъ свои допросы Государю; Государь же отослалъ ихъ къ Патріарху и Святителямъ, которые, въ общей думѣ съ Боярами, велѣли читать сей свитокъ знатному Дьяку Василью Щелкалову. Выслушавъ, Митрополитъ Крутицкій, Геласій, всталъ и сказалъ Іову: «объявляю Свя-

«щенному Собору, что вдовствующая Царица, «въ день моего отъѣзда изъ Углича, призвала «меня къ себѣ и слезно убѣждала смягчить «гнѣвъ Государевъ на тѣхъ, которые умертвили «Дьяка Битяговскаго и товарищей его; что она «сама видитъ въ семъ дѣлѣ преступленіе, моля «смиренно, да не погубитъ Государь ея бѣдныхъ «родственниковъ» ([242]). Лукавый Геласій — исказивъ, вѣроятно, слова несчастной матери — подалъ Іову новую бумагу отъ имени городоваго Углицкаго Прикащика, который писалъ къ ней, что Димитрій дѣйствительно умеръ въ черномъ недугѣ, а Михайло Нагой *пьяный* велѣлъ народу убить невинныхъ.... И Соборъ (воспоминаніе горестное для Церкви!) поднесъ Ѳеодору докладъ такого содержанія: «Да будетъ воля Государева! Мы же удостовѣрились несомнительно, «что жизнь Царевичева прекратилась судомъ «Божіимъ; что Михайло Нагой есть виновникъ «кровопролитія ужаснаго, дѣйствовалъ по внушенію личной злобы и совѣтовался съ злыми «*вѣщунами*, съ Андреемъ Мочаловымъ и съ «другими; что граждане Углицкіе вмѣстѣ съ «нимъ достойны казни за свою *измѣну* и беззаконіе. Но сіе дѣло есть земское: вѣдаетъ оное «Богъ и Государь; въ рукѣ Державнаго опала и «милость. А мы должны единственно молить «Всевышняго о Царѣ и Царицѣ, о тишинѣ и «благоденствіи народа!» Ѳеодоръ велѣлъ Боярамъ рѣшить дѣло и казнить виновныхъ: привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Дими-

тріеву съ мужемъ, и мнимаго вѣщуна Мочалова, въ тяжкихъ оковахъ ([243]); снова допрашивали, пытали, особенно Михайла Нагаго, и не могли вынудить отъ него лжи о самоубіиствѣ Димитрія ([244]); наконецъ сослали всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую Царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую Пустыню Св. Николая на Выксѣ, (близъ Череповца); тѣла злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію; а гражданъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ ([245]), такъ, что древній, обширный Угличь, гдѣ было, если вѣрить преданію, 150 церквей и не менѣе тридцати тысячъ жителей, опустѣлъ навѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей его дѣла. Остались развалины, вопія къ Небу о мести!

Карая великодушіе, Годуновъ съ такою же дерзостію наградилъ злодѣяніе, давъ богатыя земли и помѣстья гнусной мамкѣ Волоховой, женѣ и дочерямъ Битяговскаго ([246]); осыпалъ дарами мужей Думныхъ и всѣхъ знатныхъ сановниковъ ([247]); ласкалъ ихъ, угощалъ обѣдами роскошными (не могъ успокоить одного Клешнина, въ терзаніяхъ совѣсти умершаго

чрезъ нѣсколько лѣтъ Схимникомъ) . . . Но въ безмолвіи Двора и Церкви слышанъ былъ ропотъ народа, не обманутаго ни слѣдствіемъ Шуйскаго, ни приговоромъ Святителей, ни судомъ Боярскимъ: лазутчики Годунова слышали въ полголоса произносимыя слова *о страшномъ закланіи*, тайномъ его виновникѣ (248), жалостномъ ослѣпленіи Царя, безсовѣстномъ потворствѣ Вельможъ и Духовенства; видѣли въ толпахъ печальныя лица. Борисъ, тревожимый молвою, нашелъ способъ утишить оную, въ великомъ бѣдствіи, которое тогда постигло столицу. На канунѣ Троицы, въ отсутствіе Государя, уѣхавшаго съ Боярами въ Лавру Св. Сергія, запылалъ въ Москвѣ дворъ Колымажный, и въ нѣсколько часовъ сгорѣли улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Бѣлый городъ и за нимъ Дворъ Посольскій, слободы Стрѣлецкія, все Занеглинье (249): домы, лавки, церкви и множество людей. Кремль и Китай, гдѣ жило знатное Дворянство, уцѣлѣли; но граждане остались безъ крова, нѣкоторые и безъ имѣнія. Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища, и люди толпами бѣжали на Троицкую дорогу встрѣтить Өеодора, требовать его милости и помощи: Борисъ не допустилъ ихъ до Царя; явился между ними съ видомъ любви и сожалѣнія,

Пожаръ въ Москвѣ.

всѣхъ выслушалъ, всѣмъ обѣщалъ, и сдѣлалъ обѣщанное: выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты; оказывалъ щедрость безпримѣрную, такъ, что Москвитяне, утѣшенные, изумленные сими благодѣяніями, начали ревностно славить Годунова. Случайно ли воспользовался онъ несчастіемъ столицы для пріобрѣтенія любви народной, или былъ тайнымъ виновникомъ онаго, какъ утверждаетъ Лѣтописецъ, и какъ думали многіе изъ современниковъ (250)? Въ самыхъ Розрядныхъ Книгахъ сказано, что Москву жгли тогда злодѣи; но Борисъ хотѣлъ обратить сіе подозрѣніе на своихъ ненавистниковъ: взяли людей Аѳанасія Нагаго и братьевъ его, допрашивали и говорили, что они уличаются въ злодѣйствѣ; однакожь не казнили ихъ, и дѣло осталось неяснымъ для потомства.

Нашествіе Хана и битва подъ Москвою.

Скоро и другой, какъ бы благопріятный для Годунова случай, великою, неожиданною опасностію взволновавъ Москву и всю Россію, отвлекъ мысли народа отъ ужасной Димитріевой смерти: нашествіе варваровъ. Маня Ѳеодора увѣреніями въ дружествѣ, Ханъ Казы-Гирей сносился съ Королемъ Шведскимъ (251), требовалъ отъ него золота, обѣщалъ сильнымъ впаденіемъ поколебать Москву, и дѣйствительно къ тому готовился, исполняя приказъ Султана.

врага нашего, и будучи самъ недоволенъ Россіею: во-первыхъ, онъ свѣдалъ, что мы тайно извѣстили Литовскихъ Пановъ о намѣреніи его снова итти на ихъ землю (252) и предлагали имъ общими силами воевать Тавриду о чемъ, вѣроятно, далъ ему знать Король Сигизмундъ; во-вторыхъ, Ѳеодоръ не отпустилъ Царевича Мурата къ Хану, который убѣдилъ сего племянника забыть старое и хотѣлъ сдѣлать Калгою, или главнымъ Вельможею Орды Таврической: Муратъ жилъ въ Астрахани, неизмѣнно усердствовалъ Россіи, обуздывалъ Ногаевъ (253) и, къ искреннему сожалѣнію Ѳеодора, скоропостижно умеръ, *испорченный*, какъ думали, подосланными къ нему изъ Крыма злодѣями (254); но Ханъ утверждалъ, что Россіяне ядомъ отравили Мурата, и клялся отмстить имъ. Третіею виною Казы-Гиреева ополченія на Россію была мысль его Князей, что каждый добрый Ханъ обязанъ, въ исполненіе древняго обычая, хотя однажды видѣть берега Оки для снисканія воинской чести (255): то есть, они желали Русской добычи, и вѣрили бывшему у нихъ Послу Шведскому, что все наше войско занято войною съ Королемъ его. Мы всегда имѣли друзей и лазутчиковъ въ Крыму, чтобы знать не только дѣйствія, но и всѣ замыслы Хановъ; въ сіе время находились тамъ и гонцы Московскіе: слѣдственно Ханъ не могъ утаить отъ насъ своего вооруженія чрезвычайнаго; но умѣлъ обмануть: увѣрилъ бдительнаго Правителя, что идетъ разо-

рять Вильну и Краковъ; назначилъ знатное Посольство въ Москву для заключенія союза съ нами; требовалъ, чтобы и Царь немедленно прислалъ къ нему кого нибудь изъ первыхъ сановниковъ. Между тѣмъ всѣ Улусы были въ сильномъ движеніи; всѣ годные люди садились на коней, отъ стараго до малаго; съ ними соединились и полки Ногайскіе Казыева Улуса, и Султанскіе, изъ Азова, Бѣлагорода, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (256). Наступала весна, всегда опасная для южной Россіи; а Царская Дума не тревожилась, выславъ въ началѣ Апрѣля знатныхъ Воеводъ къ нашей обыкновенной береговой рати: Князя Мстиславскаго, Ноготкова, Трубецкихъ, Голицына, Ѳедора Хворостинина, въ Серпуховъ, Калугу и въ другія мѣста (257). Еще въ Маѣ разъѣзды наши не встрѣчали ни одного Татарина на берегахъ Донца Сѣверскаго и Боровой: видѣли только слѣды зимняго кочевья и юрты оставленныя. Но 26 Іюня прискакали въ Москву гонцы съ вѣстію, что степь покрылась тучами Ханскими; что не менѣе стапятидесяти тысячь Крымцевъ идетъ къ Тулѣ, обходя крѣпости, нигдѣ не медля, не разсыпаясь для грабежа. Годунову надлежало оказать всю бодрость своего духа и загладить оплошность: въ тотъ же часъ послали указы къ Воеводамъ всѣхъ степныхъ крѣпостей, велѣли имъ спѣшить къ Серпухову, соединиться съ Княземъ Мстиславскимъ, чтобы встрѣтить Хана въ полѣ. Къ несчастію, главное войско наше стояло

тогда въ Новѣгородѣ и Псковѣ, наблюдая Шведовъ; оно не могло приспѣть къ рѣшительной битвѣ: о немъ уже не думали. Объявили Москву въ осадѣ; поручили блюсти дворецъ Государевъ Князю Ивану Михайловичу Глинскому (258), Кремль Боярину Князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому, Китай Голицыну, Бѣлый городъ Ногтеву-Суздальскому и Мусѣ Туренину. 27 Іюня свѣдали о быстромъ стремленіи непріятеля къ столицѣ, увѣрились въ невозможности соединенія всѣхъ полковъ на берегахъ Оки до прихода Ханскаго, и перемѣнили распоряженіе: велѣли Мстиславскому итти къ Москвѣ, чтобы предъ ея священными стѣнами, въ виду храмовъ и палатъ Кремлевскихъ, въ глазахъ Царя и Царицы, за Вѣру, за отечество сразиться съ невѣрными. Въ ободреніе народу разглашали, что мы, оставляя берега Оки, замапиваемъ непріятеля въ сѣти (259) и хотимъ внутри Россіи истребить его совершенно. Въ самомъ дѣлѣ сіе отступленіе прибавляло къ береговому войску еще нѣсколько тысячь лучшихъ ратниковъ Московскихъ, благородную дружину Государеву, знатныхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, кромѣ вооруженныхъ гражданъ: давало намъ важный перевѣсъ въ силахъ и выгоду биться подъ стѣнами неодолимыми, подъ громомъ тяжелаго огнестрѣльнаго снаряда, ужаснаго для варваровъ. Надлежало единственно взять мѣры, чтобы Ханъ не ввергнулъ огня и разрушенія въ нѣдра столицы, какъ сдѣлалъ Девлетъ-Гирей

въ 1571 году: для того съ удивительною скоростію укрѣпили предмѣстіе за Москвою рѣкою деревянными стѣнами съ бойницами ([260]); обратили монастыри въ твердыни: Даниловскій, Новоспасскій, Симоновъ: назначили станъ войску верстахъ въ двухъ отъ города, между Калужскою и Тульскою дорогою; соорудили тамъ дощатый подвижный городокъ на колесахъ и церковь Св. Сергія, гдѣ поставили икону Богоматери, бывшую съ Димитріемъ въ Донской битвѣ; пѣли молебны, обходили всю Москву съ крестами, и съ нетерпѣніемъ ждали Мстиславскаго. 29 Іюня сей Воевода выступилъ изъ Серпухова, оставивъ на Окѣ малочисленную стражу, и ночевалъ на Лопаснѣ, среди высокихъ кургановъ, славныхъ памятниковъ незабвенной побѣды 1572 года ([261]): шелъ тотъ же непріятель: но Россія уже не имѣла Воротынскаго! 1 Іюля, ввечеру, полки расположились на лугахъ Москвы рѣки, противъ села Коломенскаго, а Воеводы спѣшили къ Государю съ донесеніемъ и для совѣта; возвратились въ слѣдующее утро, и ввели полки въ изготовленный для нихъ станъ, противъ монастыря Даниловскаго. Въ тотъ день самъ Государь пріѣхалъ къ войску, осмотрѣлъ его, *жаловалъ* Воеводъ и всѣхъ людей ратныхъ *милостивыми словами*, *спрашивалъ ихъ о здравіи*, не оказывая робости, изъявлялъ надежду на Бога и на своихъ добрыхъ Россіянъ.

Іюля 3 извѣстили Ѳеодора, что Ханъ пере-

шелъ Оку подъ Тѣшловымъ, ночуетъ на Лопаснѣ, идетъ прямо къ Москвѣ; что передовый отрядъ непріятельскій, встрѣтивъ мужественнаго Воеводу, Князя Владиміра Бахтеярова, высланнаго на Похру съ двумя стами пятидесятью Дѣтьми Боярскими, разбилъ его и гналъ, жестоко уязвленнаго, до селенія Бицъ. Тогда войско наше изготовилось къ сраженію; каждый полкъ занялъ свое мѣсто, не выходя изъ укрѣпленій, и ввечеру пришла къ нимъ вся дружина Царская; явился наконецъ и Борисъ Годуновъ, въ полномъ доспѣхѣ, на ратномъ конѣ, подъ древнимъ знаменемъ Великокняжескимъ: кто былъ душею Царства въ Совѣтѣ, тому надлежало одушевить и воиновъ въ битвѣ за Царство. Ѳеодоръ отдалъ ему всѣхъ Дворянъ своихъ и тѣлохранителей, дотолѣ неразлучныхъ съ особою Монарха; заключился въ уединенной палатѣ съ супругою и съ Духовникомъ для молитвы; не боялся опасности, ибо считалъ за грѣхъ бояться, и сдѣлавъ все, что могъ, для спасенія отечества, съ Ангельскимъ спокойствіемъ предавалъ себя и Державу въ волю Всевышняго. За правителемъ ѣхали и всѣ Бояре, какъ бы за государемъ; но, встрѣченный, привѣтствуемый Воеводами, онъ не взялъ главнаго начальства изъ рукъ знатнѣйшаго или опытнѣйшаго Вождя, Князя Мстиславскаго; удовольствовался вторымъ мѣстомъ въ Большомъ Полку, составивъ для себя воинскую думу изъ шести сановниковъ, въ числѣ коихъ находился и знаменитый из-

гнанникъ, Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, властію Годунова уже примиренный съ Дворомъ и съ народомъ, витязь украшенный знаками отличія и славы (262).

Всю ночь стояла рать подъ знаменами; всю ночь бодрствовалъ Годуновъ: ходилъ по рядамъ, укрѣплялъ духъ Воеводъ и воиновъ (263), совѣтовалъ и принималъ совѣты, требовалъ довѣренности и находилъ ее, великимъ умомъ замѣняя недостатокъ въ опытности ратной. Знали о близости непріятеля; слышали вдали шумъ, топотъ коней, и на разсвѣтѣ увидѣли густыя толпы Ханскія. Казы-Гирей шелъ осторожно, сталъ противъ села Коломенскаго, и съ Поклонной горы обозрѣвъ мѣста, велѣлъ своимъ Царевичамъ ударить на войско Московское. Дотолѣ все было тихо; но какъ скоро многочисленная конница непріятельская спустилась съ высоты на равнину, загремѣли всѣ бойницы стана, монастырей, Кремлевскія (264), и сотни отборныя изъ каждаго полку съ отборными Головами, дружины *Литовскія*, Нѣмецкія съ ихъ *Капитанами* выступили изъ укрѣпленія, чтобы встрѣтить Крымцевъ; а Воеводы съ главнымъ войскомъ оставались въ дощатомъ городкѣ и ждали своего часа. Битва началася вдругъ во многихъ мѣстахъ: ибо непріятель, осыпанный пушечными ядрами, раздѣлился, пуская стрѣлы, и въ схваткѣ дѣйствуя саблями лучше нашихъ но мы имѣли выгоду, искусно стрѣляя изъ ручныхъ пищалей, стоя и нападая дружнѣе.

Песчаная равнина покрывалась болѣе Мусульманскими, нежели Христіанскими трупами, въ виду у Хана и Москвитянъ, коими стѣны, башни, колокольни были унизаны, вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: ибо дѣло шло о Москвѣ: ее губили или спасали побѣдители! Народъ то безмолствовалъ, то вопилъ, слѣдуя душею за всѣми движеніями кровопролитной сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видала приступы къ стѣнамъ ея, но еще до сего времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Не имѣли нужды въ вѣстникахъ: глазъ управлялъ чувствомъ страха и надежды. Другіе не хотѣли ничего видѣть: смотрѣли только на святыя иконы, орошая теплыми слезами помостъ храмовъ, гдѣ пѣніе Іереевъ заглушалось звукомъ пальбы и куреніе ѳиміама мѣшалось съ дымомъ пороха. Сказаніе едва вѣроятное: въ сію торжественную, роковую годину, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ Московскихъ, одинъ человѣкъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой: тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божіимъ призывалось Россіянами въ сѣчѣ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы: самъ Государь! . . . . Утомленный долгою молитвою, Ѳеодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный ([265]); всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ добрый Бояринъ, Григорій Васильевичь Годуновъ, и плакалъ: Ѳеодоръ обратился къ нему, увидѣлъ

его слёзы и сказалъ: «будь спокоенъ! завтра не «будетъ Хана!» Сіе слово, говоритъ Лѣтописецъ, оказалось пророчествомъ.

Сраженіе было не рѣшительно. Съ обѣихъ сторонъ подкрѣпляли ратующихъ; но главныя силы еще не вступали въ дѣло: Мстиславскій, Годуновъ съ Царскими знаменами и лучшею половиною войска не двигались съ мѣста, ожидая Хана, который съ своими надежнѣйшими дружинами занялъ ввечеру село Воробьево (266) и не хотѣлъ сойти съ горы, откуда алчный взоръ его пожиралъ столицу, добычу завидную, но не легкую: ибо земля стонала отъ грома Московскихъ пушекъ и Россіяне бились мужественно на равнинѣ до самой ночи, которая дала наконецъ отдыхъ тому и другому войску. Множество Татаръ легло въ сѣчѣ; множество было ранено: Царевичь Бахты-Гирей, нѣсколько Большихъ Князей и Мурзъ (267); взято въ плѣнъ также немалое число людей знатныхъ. Духъ упалъ въ Ханѣ и въ Вельможахъ Крымскихъ: они совѣтовались, что дѣлать, и болѣе ужасали, нежели ободряли другъ друга разсужденіемъ о слѣдствіяхъ новой, рѣшительной битвы, — слыша пальбу безпрестанную, видя сильное движеніе между нашимъ станомъ и Москвою: ибо Годуновъ, не жалѣя пороху, велѣлъ и ночью стрѣлять изъ пушекъ, для устрашенія непріятеля, и граждане послѣ сѣчи толпами устремились въ станъ, привѣтствовать храбрыхъ, видѣть живыхъ друзей и родственниковъ, узнать о мертвыхъ. Плѣнники

Россійскіе, вѣрные отечеству и въ узахъ, отвѣтствуя на вопросы Хана, говорили ему, что въ Москву пришло свѣжее войско, изъ Новагорода и Пскова; что мы стрѣляемъ въ знакъ радости, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, и еще до разсвѣта ударимъ всѣми силами на Крымцевъ (268). Ханъ могъ имъ и не вѣрить; но уже видѣлъ обманъ Короля Шведскаго: видѣлъ, что Россія, не взирая на войну съ Шведами, имѣетъ довольно защитниковъ — и бѣжалъ за часъ до свѣта!

Извѣстивъ о томъ Государя, Воеводы при звукѣ всѣхъ колоколовъ радостной Москвы, со всѣми полками выступили въ слѣдъ за Ханомъ, который бѣжалъ безъ памяти, оставляя на пути имъ въ добычу и лошадей и рухлядь и запасы (269); слышалъ за собою топотъ нашей конницы, и безъ отдыха въ сутки достигъ Оки; на восходѣ солнца увидѣлъ передовую дружину Россіянъ, и кинулся въ рѣку, бросивъ на берегу собственные *возки* Царскіе; утопилъ множество людей своихъ, и бѣжалъ далѣе. Мстиславскій и Годуновъ ночевали въ Бицахъ, гоня непріятеля легкими отрядами, которые настигли задніе полки его близъ Тулы, разбили ихъ, взяли 1000 плѣнниковъ съ нѣкоторыми знатнѣйшими Мурзами; топтали, истребляли Крымцевъ въ степяхъ и выгнали изъ нашихъ владѣній, гдѣ Казы-Гирей не успѣлъ злодѣйствовать, и 2 Августа прискакалъ на телегѣ ночью въ Бакчисарай, съ подвязанною, уязвленною рукою; а Крымцевъ возвратилось не болѣе трети, пѣшихъ, голодныхъ,

такъ, что сей Ханскій походъ оказался самымъ несчастнѣйшимъ для Тавриды и самымъ безвреднѣйшимъ для Россіи, гдѣ все осталось въ цѣлости: и города, и деревни, и жители.

Главные Воеводы не ходили далѣе Серпухова. Царь, можетъ быть по совѣту умной Ирины, писалъ къ нимъ, чтобы они гнали и старались истребить непріятеля въ степяхъ; но Князь Мстиславскій отвѣтствовалъ ему, что имъ не возможно достигнуть Хана, и въ сей бумагѣ наименовавъ себя одного, получилъ отъ Өеодора строгій выговоръ за неозначеніе въ ней Борисова *великаго* имени (270), къ коему Дворъ относилъ всю честь побѣды. Однакожь соблюли равенство въ наградахъ: 10 Іюля пріѣхалъ въ Серпуховъ Стольникъ, Иванъ Никитичъ Юрьевъ, съ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ Государевымъ: *спросилъ войско о здравіи* и вручилъ Воеводамъ медали: Мстиславскому и Годунову *золотые Португальскіе*, инымъ *корабельники* и червонцы Венгерскіе. Велѣвъ остаться на берегу нѣкоторымъ младшимъ изъ нихъ, Государь звалъ всѣхъ другихъ въ Москву для изъявленія имъ новыхъ милостей: надѣлъ на Бориса съ своего плеча *шубу Русскую* съ золотыми пуговицами въ 1000 рублей (или въ 5000 нынѣшнихъ серебряныхъ), и съ себя же цѣпь драгоцѣнную; пожаловалъ ему златый сосудъ Мамаевскій, славную добычу Куликовской битвы, три города области Важской въ наслѣдственное достояніе, и титло *Слуги*,

знаменитѣйшее Боярскаго, и въ теченіе вѣка носимое только тремя Вельможами: Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, коего отецъ спасъ юнаго Іоанна III отъ Шемякиной злобы; Княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ за Ведрошскую побѣду и сыномъ его, безсмертнымъ Княземъ Михайломъ, за разбитіе Крымскихъ Царевичей на Донцѣ и взятіе Казани. Князю Мстиславскому далъ Ѳеодоръ, также съ своего плеча, шубу съ золотыми пуговицами, кубокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другихъ Воеводъ, Головъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ жаловалъ шубами, сосудами, вотчинами и помѣстьями, или деньгами, камками, бархатами, атласами, соболями и куницами; Стрѣльцевъ и Козаковъ тафтами, сукнами, деньгами: однимъ словомъ, никто изъ воиновъ не остался безъ награды, и не было конца великолѣпнымъ пирамъ въ Грановитой палатѣ, болѣе въ честь Годунова, нежели въ Царскую: ибо Ѳеодоръ велѣлъ торжественно объявить и въ Россіи и въ чужихъ земляхъ, что Богъ даровалъ ему побѣду *радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ.* Такимъ образомъ новый лучь озарилъ главу Правителя, лучь ратной славы, блистательнѣйшей для народа Державы воинственной, которую окружали еще столь многія опасности и непріятели! —

Новый санъ Годунова

На мѣстѣ, гдѣ войско стояло въ укрѣпленіи противъ Хана, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь, названный *Донскимъ* отъ имени святой иконы, которая была съ Димитріемъ на Куликовѣ полѣ и съ Годуновымъ въ Московской битвѣ; а на случай новаго приступа варваровъ къ столицѣ защитили всѣ ея посады деревянными стѣнами съ высокими башнями (271).

Донскій монастырь.

Но торжество Борисово, пиры Двора и воинства, милости и жалованья Царскія заключились пытками и казнями! Донесли Правителю, что оскорбительная для него молва носится въ городахъ уѣздныхъ, особенно въ Алексинѣ — молва, распущенная его непріятелями, по крайней мѣрѣ нелѣпая: говорили, что будто бы онъ привелъ Хана къ Москвѣ, желая унять вопль Россіи о жалостномъ убіеніи Димитрія (272). Народъ — и только одинъ народъ — слушалъ, повторялъ сію клевету. Съ великодушіемъ, съ невинностію Годуновъ могъ бы презрѣть злословіе грубое, разносимое вѣтромъ; но Годуновъ съ совѣстію нечистою закипѣлъ гнѣвомъ: послалъ чиновниковъ въ разныя мѣста; велѣлъ взыскивать, допрашивать, мучить людей бѣдныхъ, которые отъ простоты ума служили эхомъ клеветѣ, и въ страхѣ, въ истязаніяхъ оговаривали безвинныхъ; нѣ-

Г. 1592.

Клевета на Правителя и месть его.

которые умерли въ пыткахъ или въ темницахъ; другихъ казнили, инымъ рѣзали языки — и многія мѣста, по словамъ Лѣтописца, опустѣли тогда въ Украйнѣ, въ прибавленіе къ развалинамъ Углича!

Сія жестокость, достойная временъ Іоанновыхъ, казалась Годунову необходимою для его безопасности и чести, чтобы никто не дерзалъ ни говорить, ни мыслить ему противнаго: единственное условіе, коего не должно было нарушать для жизни мирной и счастливой въ Ѳеодорово царствованіе! Грозный только для своихъ порицателей, Годуновъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ хотѣлъ блистать милосердіемъ рѣдкимъ. Заслуживалъ ли кто опалу, но могъ извиниться естественною человѣческою слабостію? того миловали и писали въ указѣ: «Государь прощаетъ, изъ уваже-«нія къ ходатайству Слуги, Конюшаго «Боярина» ([273]). Даже измѣнникамъ, даже Михайлу Головину, жившему въ Литвѣ ([274]), Борисъ предлагалъ мирное возвращеніе въ отечество, знатнѣйшій санъ и лучшее помѣстье, какъ бы въ возмездіе за гнусную измѣну! Кого же осуждали на казнь, о томъ писали въ указѣ: «такъ «приговорили Бояре, Князь Ѳедоръ Ива-«новичь Мстиславскій съ товарищами;» о Годуновѣ не упоминали. Для пріятелей, угодниковъ, льстецовъ не имѣя ничего

Милосердіе и слава Годунова.

завѣтнаго, кромѣ верховной власти, въ его рукахъ неприкосновенной, онъ ежедневно умножалъ число ихъ, и чѣмъ болѣе заслуживалъ укоризны, тѣмъ болѣе искалъ хвалы, и вездѣ слышалъ оную, искреннюю и лицемѣрную — читалъ и въ книгахъ (275), сочиняемыхъ тогдашними грамотѣями, духовными и мірскими: однимъ словомъ, искусствомъ и силою, страхомъ и благодѣяніями произвелъ вокругъ себя громъ славы, заглушая имъ если не внутренній гласъ совѣсти, то по крайней мѣрѣ гласъ истины въ народѣ.

Но жертвуя одной мысли и Небомъ и самымъ истиннымъ земнымъ счастіемъ: спокойствіемъ, внутреннимъ услажденіемъ добродѣтели, законнымъ величіемъ государственнаго благотворителя, чистою славою въ Исторіи, Годуновъ едва было не лишился вожделѣннаго плода своихъ козней, отъ случая естественнаго, но неожиданнаго: вдругъ разнеслася вѣсть отъ дворца Кремлевскаго до самыхъ крайнихъ предѣловъ Государства — и всѣхъ, кромѣ Бориса, отъ Монарха до земледѣльца, исполнила счастливой надежды — вѣсть, что Ирина беременна! Никогда Россія, по сказанію Лѣтописца, не изъявляла искреннѣйшаго веселія: казалось, что Небо, раздраженное преступленіемъ Годунова, но смягченное тайными слезами добрыхъ ея сыновъ, примирилось съ нею, и на могилѣ Димитріевой насаждаетъ новое Царственное древо, которое

своими вѣтвями обниметъ грядущіе вѣки Россіи. Легко вообразить сіи чувства народа, приверженнаго къ вѣнценосному племени Св. Владиміра: гораздо труднѣе вообразить тогдашнія чувства Борисовы. Гнуснѣйшее изъ убійствъ оставалось тщетнымъ для убійцы: совѣсть терзала его, а надежда затмѣвалась на вѣки или до новаго злодѣйства, еще страшнаго и для злодѣя! Годуновъ долженъ былъ терпѣть общую радость, изъявлять живѣйшее въ ней участіе, обманывать Дворъ и сестру свою! Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ нетерпѣливаго ожиданія, Ирина родила дочь, къ облегченію Борисова сердца; но родители были и тѣмъ счастливы, какъ ни желали имѣть наслѣдника престолу: разрѣшилось неплодіе, и нѣжность ихъ могла увѣнчаться плодомъ новымъ, въ исполненіе общаго желанія. Не только чувствительная мать, но и тихій, хладнокровный Θеодоръ въ восторгѣ благодарилъ Всевышняго за милую дочь (276), названную Θеодосіею (и 14 Іюня окрещенную въ Обители Чудовской); простилъ всѣхъ опальныхъ, самыхъ важныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть; велѣлъ отворить темницы и выпустить узниковъ; надѣлилъ монастыри богатою милостынею и послалъ множество серебра Духовенству въ Палестину. Народъ так-

Рожденіе и кончина Царевны Θеодосіи.

же радовался; но люди склонные къ подозрѣнію, угадывая сокровенность души Борисовой, за тайну передавали другъ другу сомнѣніе: не могъ ли Годуновъ подмѣнить младенца, если Царица родила сына, и вмѣсто его обманомъ представить Ѳеодосію, взятую имъ у какой нибудь бѣдной родильницы (277)? Послѣ увидимъ дѣйствіе сей мысли, хотя и мало вѣроятной. Съ другой стороны любопытные спрашивали: «Должна ли Ѳеодосія, если не будетъ «у нее братьевъ, наслѣдовать Державу? Случай, «дотолѣ безпримѣрный, не могъ ли служить «примѣромъ для будущаго? Россія никогда не «имѣла женъ вѣнценосныхъ по наслѣдію; но «не лучше ли уставить новый законъ, чѣмъ «осиротѣть престолу?» Сіи вопросы затруднительные безпокоили, какъ вѣроятно, и Годунова: они разрѣшились, къ его успокоенію, смертію Ѳеодосіи въ слѣдующемъ году (278). Не смотря на всѣ утѣшенія Вѣры, Ѳеодоръ долго не могъ осушить слезъ своихъ: съ нимъ плакала и столица, погребая юную Царевну въ Дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, и раздѣляя тоску нѣжной матери, симъ ударомъ навѣки охлажденной къ мірскому счастію. Злорадствуя во глубинѣ души, Годуновъ безъ сомнѣнія умѣлъ притвориться отчаяннымъ (ибо легче показывать лицемѣрную скорбь въ тайномъ удовольствіи, нежели веселіе лицемѣрное въ тайной печали); но снова подозрѣвали сего жестокаго властолюбца: думали, что онъ,

гъ виновникомъ Евдокіиной смерти, умо-
ъ и Θеодосію ([279]). Богъ вѣдалъ истину;
обагренный святою кровію Димитріевою не
мѣлъ права жаловаться на злословіе и легко-
іе: все служило ему праведною казнію —
амая клевета невѣроятная!

ГЛАВА III.

Продолженіе Феодорова царствованія.

Г. 1591 — 1598.

Война и миръ съ Швеціею. Переписка съ Литовскими Вельможами. Набѣгъ Крымцевъ. Посольства въ Константинополь. Своевольство Донскихъ Козаковъ. Строеніе городовъ. Миръ съ Ханомъ. Вспоможеніе Императору. Знатный Посолъ Австрійскій. Легатъ Климента VIII въ Москвѣ. Дружество Феодора съ Шахомъ Аббасомъ. Походъ на Шавкала. Сношеніе съ Даніею и съ Англіею. Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ. Новая крѣпость въ Смоленскѣ. Зажигальщики. Дворъ Московскій. Ослѣпленіе Царя Симеона. Святители Греческіе въ Москвѣ. Разрушеніе Печерской Обители. Слово Феодорово Годунову. Кончина Феодорова. Присяга Царицѣ Иринѣ. Постриженіе Ирины. Избраніе Годунова въ Цари.

Г. 1591. Война и миръ съ Швеціею.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ Россія могла, какъ и дотолѣ, хвалиться успѣхами и Политикою благоразумною. Въ надеждѣ на содѣйствіе Хана, Іоаннъ, Король Шведскій, отвергнулъ перемиріе, данное ему Феодоромъ въ удовольствіе Сигизмунду (280), и Генералъ его, Морицъ Гринъ, вступивъ въ

Новогородскую область, сжегъ многія селенія близъ Ямы и Копорья. Воеводы наши, удивленные симъ нечаяннымъ нападеніемъ, послали гонца спросить у него, знаетъ ли онъ о подписанномъ въ Москвѣ договорѣ? *Не знаю*, отвѣтствовалъ Морицъ; шелъ далѣе, и стоялъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Новагорода. Свѣдавъ, что многочисленные Россійскіе полки ожидаютъ его впереди, онъ не захотѣлъ битвы, и возвратился, но почти безъ войска, истребленнаго зимнимъ холодомъ и болѣзнями ([281]). Лѣтомъ 1591 года, когда Ханъ стремился къ Москвѣ, Шведы снова явились близъ Гдова, разбили нашъ отрядъ и взяли въ плѣнъ Воеводу, Князя Владиміра Долгорукаго ([282]); другія толпы ихъ изъ Каяніи проникли, сквозь пустыни и лѣса, въ сѣверную Россію и взяли Сумскій Острогъ на Бѣломъ морѣ, думая овладѣть и всѣми ея пристанями. Но сія важная мысль, лишить насъ выгодъ морской торговли, требовала усилій невозможныхъ для слабой Швеціи. Царь послалъ туда изъ Москвы двухъ Князей Волконскихъ, Андрея и Григорія, съ дружинами Стрѣльцевъ: первый занялъ монастырь Соловецкій, угрожаемый непріятелемъ; вторый истребилъ Шведовъ въ Сумскомъ Острогѣ и взялъ нѣсколько пушекъ ([283]). Узнавъ, что Каянскіе разбойники въ самый день Рождества Христова сожгли Кольскую или Печенскую Обитель, злодѣйски умертвивъ 50 Иноковъ и 65 слугъ монастырскихъ, Князь Григорій Волконскій отмстилъ имъ опустошеніемъ Каяніи и возвратился

въ монастырь Соловецкій съ богатою добычею. — Сіи непріятельскія дѣйствія едва было не произвели и разрыва съ Литвою: ибо Сигизмундъ долго не хотѣлъ утвердить заключеннаго въ Москвѣ перемирія безъ обязательства съ нашей стороны не тревожить Швеціи. Пословъ Ѳеодоровыхъ, Салтыкова и Татищева (284), выводили изъ терпѣнія остановками на пути въ Варшаву, сердили грубостями, лишали всѣхъ удобностей, самаго нужнаго, такъ, что они исполненные негодованія, предлагали Королевскимъ чиновникамъ, вмѣсто денегъ, 50 сосудовъ серебряныхъ, требуя пищи для своихъ людей голодныхъ. Наконецъ Сигизмундъ, свѣдавъ объ изгнаніи Хана изъ Россіи, утвердилъ договоръ Московскій, но заставивъ нашихъ Пословъ внести въ него новое условіе, чтобы ни Царю, ни Литвѣ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не мыслить о завоеваніи Нарвы. Цѣлуя крестъ, онъ сказалъ Салтыкову: «мы будемъ въ «мирѣ съ Царемъ до его перваго нападенія «на Швецію, ибо сынъ долженъ вступиться «за отца.» Сія угроза не спасла однакожь Шведскихъ владѣній отъ разоренія.

г. 1592-1596. Зимою 1592 года Царь послалъ знатнѣйшихъ Воеводъ, Князей Мстиславскаго и Трубецкихъ, двухъ Годуновыхъ, Ивана и Степана Васильевичей, Князя Ноготкова и Богдана Яковлевича Бѣльскаго, въ Фин-

.ляндію, гдѣ они выжгли селенія и города, взявъ нѣсколько тысячь плѣнниковъ ([285]). Шведы не отважились на битву: сидѣли только въ Выборгѣ и въ Абовѣ, къ коимъ не приступали Россіяне, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ пепломъ и развалинами. Въ исходѣ Февраля, совершивъ походъ, Воеводы пріѣхали въ Москву, жаловаться другъ на друга: Князь Ѳедоръ Трубецкій винилъ Годуновыхъ, Годуновы Трубецкаго, въ худой ревности къ Царской службѣ. Царь всѣмъ имъ объявилъ немилость за раздоръ, вредный для отечества: не велѣлъ съѣзжать со двора, отъ Вербной Недѣли до Свѣтлаго Воскресенія: ибо Правитель желалъ славиться безпристрастіемъ, сею легкою опалою доказавъ, что не щадитъ и своихъ ближнихъ, когда дѣло идетъ о пользѣ государственной.

Въ самое то время, когда мы безпрепятственно опустошали Финляндію, находился въ Стокгольмѣ Посолъ Хана Крымскаго, Черкашенинъ Антоній, требуя золота отъ Шведовъ за нападеніе Казы-Гиреево въ Россію. «Золото готово для побѣдителя,» отвѣтствовалъ Король Іоаннъ: «Ханъ видѣлъ Москву, но не спасъ нашей земли «отъ меча Россійскаго» ([286]). Видя, что и Сигизмундъ не можетъ быть надежнымъ защитникомъ Швеціи, Іоаннъ въ послѣдніе дни жизни своей искренно хотѣлъ мира съ Россіею, въ Августѣ 1592 года выславъ Маршала Флеминга, Генерала Бое и другихъ сановниковъ на рѣку Плюсу, гдѣ они съ Окольничимъ и Намѣстникомъ Суздаль-

скимъ, Михайломъ Салтыковымъ, въ Генварѣ 1593 года заключили двулѣтнее перемиріе, уже имецемъ новаго Вѣнценосца Шведскаго ([287]): 25 Ноября Іоаннъ умеръ, и сынъ его, Сигизмундъ, наслѣдовалъ престолъ Шведскій, соединяя такимъ образомъ подъ своею державою силы двухъ Королевствъ, враждебныхъ для Россіи: чему радовались въ Варшавѣ и въ Стокгольмѣ; чего опасались въ Москвѣ — но не долго. Оказались слѣдствія неожиданныя, болѣе въ пользу, нежели ко вреду Россіи: ибо Сигизмундъ, вмѣсто тѣсной связи, произвелъ взаимную злобу между своими Государствами; раболѣпствуя Вельможамъ Коронпымъ и Литовскимъ ([288]), хотѣлъ самовластвовать въ Швеціи, перемѣнить Вѣру, ввести Латинскую, отдать Эстонію Польшѣ; видѣлъ негодованіе, явное сопротивленіе Шведовъ, и почти бѣжалъ изъ Стокгольма въ Варшаву, оставивъ верховную власть въ рукахъ Сената. Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ раздорахъ, въ смятеніи, Швеція не могла думать о войнѣ съ Россіею; искала мира твердаго, вѣчнаго, и въ угожденіе Царю согласилась, чтобы ея Послы, Стенъ-Баперъ, Горнъ, Бое, съѣхались съ Московскими, Княземъ Иваномъ Турениньмъ и Пушкинымъ, въ владѣніи Россійскомъ, у Тявзина, близъ Ивана-города ([289]); однакожь собрала и войско, въ Выборгѣ и въ Нарвѣ, чтобы дать болѣе силы своимъ требованіямъ или отказамъ: Россійское, гораздо многочисленнѣйшее, стояло отъ Нова-

орода до Эстонской и Финляндской границы,
ъ тишинѣ и въ бездѣйствіи, ожидая конца
ереговоровъ. Съ обѣихъ сторонъ требовали
ля вида: мы Эстоніи, Шведы Иванягорода,
мы, Копорья, Орѣшка, Ладоги, Гдова, или де-
егъ за убытки войны долговременной; но въ
амомъ дѣлѣ Швеція хотѣла только мира безъ
ступокъ съ ея стороны, а Россія съ пріобрѣте-
іемъ Корельской области. Послы съ обѣихъ сто-
онъ жаловались на упрямство, въ досадѣ сни-
али шатры и разъѣзжались, чтобы снова съѣ-
аться. Наконецъ Московскіе одержали верхъ,
8 Мая 1595 года подписавъ слѣдующій дого-
оръ: «1) Быть вѣчному миру между Швеціею
и Россіею; 2) первой спокойно владѣть Нарвою,
Ревелемъ и всѣмъ *Чухонскимъ* или Эстонскимъ
Княжествомъ; 3) Россіи не помогать врагамъ
Швеціи, а Швеціи врагамъ Россіи, ни людьми,
ни деньгами; 4) плѣнныхъ освободить безъ оку-
па и безъ размѣна; 5) Лапландцамъ Остер-
ботнійскимъ и Варангскимъ платить дань Шве-
ціи, а восточнымъ (Кольскимъ и сосѣдствен-
нымъ съ землею Двинскою) Россіи; 6) Шведамъ
торговать свободно въ Москвѣ, Новѣгородѣ,
Псковѣ и въ иныхъ мѣстахъ: также и Россія-
намъ въ Швеціи; 7) въ кораблекрушеніи и во
всякихъ бѣдственныхъ случаяхъ усердно оказы-
вать другъ другу взаимную помощь; 8) Пос-
ламъ Московскимъ вольно ѣздить чрезъ Швед-
скія владѣнія къ Императору, Папѣ, Королю
Испанскому и ко всѣмъ Великимъ Государямъ

«Европейскимъ, или ихъ Посламъ въ Моск-«ву: также и людямъ торговымъ, воин-«скимъ, лекарямъ, художникамъ, ремеслен-«никамъ» (290). Сей миръ обрадовалъ ту и другую Державу, избавивъ Шведовъ отъ войны разорительной и надежно утвердивъ за ними Эстонію съ Нарвою, а Россіи возвративъ древнюю Новогородскую собственность, гдѣ наши братья и церкви тосковали подъ властію чуждыхъ завоевателей. Ѳеодоръ вмѣстѣ съ Воеводами послалъ въ Кексгольмъ и Святителя, чтобы очистить тамъ Православіе отъ слѣдовъ иновѣрія.

Хотя Стенъ-Банеръ, Горнъ и Бое договаривались съ нами еще именемъ Короля Сигизмунда, но онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ въ томъ участія, и мало заботясь о строптивой Швеціи, въ какой-то душевной сонливости рѣдко сносился съ Москвою и по дѣламъ Литовскимъ (291). Тѣмъ болѣе хитрила наша Дума Государственная, стараясь вселить въ Вельможныхъ Пановъ недовѣренность къ безпечному Королю, и какъ бы съ удивленіемъ давъ имъ замѣтить, что Сигизмундъ въ своемъ титулѣ ставитъ имя Швеціи выше имени Польскаго Королевства, спрашивали: «съ ихъ «ли вѣдома онъ унижаетъ знаменитую Ко-«рону Ягеллоновъ предъ Готескою, столь «новою и ничтожною? ибо Шведы еще не «давно были подданными Даніи, вмѣсто

Переписка съ Литовскими Вельможами.

«Государей имѣя у себя Правителей, которые «сносились только съ Новогородскими Намѣ«стниками.» Но величавые Паны, еще съ живымъ неудовольствіемъ воспоминая повелительную твердость Баторіеву, любили мягкаго Сигизмунда и хвалились его счастіемъ, одержавъ побѣду надъ Ханомъ Крымскимъ, надѣясь безъ войны взять Эстонію и наслаждаясь временнымъ миромъ съ Россіею, также имъ довольною (292).

Ослабленный несчастнымъ походомъ Московскимъ, Ханъ еще не престалъ, какъ видимъ, усильно дѣйствовать противъ сосѣдственныхъ Державъ Христіанскихъ, чтобы искать добычи, не впасть въ презрѣніе у своихъ хищныхъ Князей и не лишиться власти отъ гнѣва Амуратова: ибо Султанъ осыпалъ его жестокими укоризнами за малодушное бѣгство изъ Россіи, коего стыдъ падалъ и на знамена Оттоманскія (293). Желая усыпить Ѳеодора, Казы-Гирей писалъ къ нему о возобновленіи дружбы между ими; извинялся легковѣріемъ, насказами злыхъ людей, которые хотѣли ихъ ссорить, и гонецъ Крымскій за тайну объявилъ Правителю, что Ханъ, зная мысль Султанову дать инаго Властителя Тавридѣ, намѣренъ отстать отъ Турковъ, всею душею соединиться съ Царемъ, всѣ Улусы вывести изъ Полуострова, разорить Крымъ, основать для себя новую Державу и крѣпость на берегахъ Днѣпра, на Кошкинѣ Перевозѣ, и тамъ слу-

жить неодолимою оградою для Россіи, къ угрозу ненавистнымъ Оттоманамъ [294], если Ѳеодоръ доставитъ ему нѣсколько пудъ серебра на строеніе сей крѣпости; что въ удостовѣреніе своего дружества къ намъ и въ задатокъ будущихъ великихъ услугъ, Казы-Гирей идетъ снова опустошать Литву. Ханъ, какъ обыкновенно, обманывалъ; а мы, какъ обыкновенно, и вѣрили ему и не вѣрили: послали гонца въ Тавриду съ отвѣтомъ, что забудемъ всѣ его злодѣйства, если онъ искренно примирится съ нами; что дружба великаго Монарха Христіанскаго и для Мусульманина предпочтительнѣе игу Оттоманскому; что мы хотя и не въ войнѣ съ Литвою [295], однакожь *не будемъ досадовать* на Хана за опустошеніе сей враждебной для него земли (коварство, называемое Политикою!). Но чиновникъ

Набѣгъ Крымцевъ.

Московскій, еще не доѣхавъ до Тавриды, свѣдалъ, что ея Царевичи, Калга Фети-Гирей и Нурадинъ-Бахта, уже огнемъ и мечемъ свирѣпствуютъ въ предѣлахъ Рязанскихъ, Каширскихъ, Тульскихъ [296], гдѣ, не къ похвалѣ бдительнаго Правителя, все сдѣлалось жертвою ихъ мести или корыстолюбія: защиты не было. Они не думали итти къ Москвѣ: ушли назадъ, но истребивъ селенія и захвативъ въ плѣнъ множество *Дворянъ* съ дѣтьми и женами.

Сія оплошность Россіи стоила злой насмѣшки Хана, сказавшаго съ видомъ удивленія гонцу Ѳеодорову: «Куда дѣлося войско Московское? Царевичи и Князья наши «не вынимали ни сабли изъ ноженъ, ни «стрѣлы изъ колчана, и плетью гнали ты«сячи плѣнниковъ, слыша, что ваши хра«брые Воеводы прячутся въ лѣсахъ и въ «дебряхъ.» Въ знакъ милости надѣвъ на сего чиновника золотой кафтанъ, Ханъ велѣлъ ему увѣрить Ѳеодора, что Царевичи дѣйствовали самовольно, и что отъ насъ зависитъ купить миръ съ Тавридою серебромъ и мѣхами драгоцѣнными!

Посольства въ Константинополь.

Упорствуя въ желаніи сего мира, Ѳеодоръ рѣшился тогда возобновить сношенія съ Султаномъ, и послалъ въ Константинополь, чрезъ Кафу, Дворянина Нащокина, требовать, чтобы Амуратъ запретилъ Хану, Азовцамъ и Бѣлогородцамъ (297) воевать Россію, изъ признательности къ нашему истинному дружеству: «ибо мы» — такъ писалъ Царь къ Султану и Годуновъ къ Великому Визирю — «не хотимъ слу«шать Императора, Королей Испанскаго и «Литовскаго, Папы и Шаха, которые убѣ«ждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними обнажить «мечь на Главу Мусульманства». Изъявивъ учтивость Посланнику, Визирь сказалъ: «Царь предлагаетъ намъ дружбу: мы повѣ«римъ ей, когда онъ согласится отдать

«Великому Султану Астрахань и Казань. Не «боимся ни Европы, ни Азіи: войско наше столь «безчисленно, что земля не можетъ поднять его; «оно готово устремиться сухимъ путемъ на Шаха, Литву и Цесаря, а моремъ на Королей Испанскаго и Французскаго. Хвалимъ вашу мудрость, если вы дѣйствительно не хотѣли пристать къ нимъ, и Султанъ не велитъ Хану тревожить Россіи, буде Царь сведетъ съ Дону Козаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя имъ на берегахъ сей рѣки «и Терека, чтобы преграждать намъ путь къ «Дербенту: или сдѣлайте такъ, или (въ чемъ «клянуся Богомъ) не только велимъ Хану и Ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами «*пойдемъ на Москву своими головами, сухимъ «путемъ и моремъ*, не боясь ни трудовъ, ни «опасностей, — не жалѣя ни казны, ни крови. «Вы миролюбивы; но для чего же вступаете въ «тѣсную связь съ Иверіею, подвластною Султану?» Нащокинъ отвѣтствовалъ, что Астрахань и Казань нераздѣльны съ Москвою; что Царь велитъ выгнать Козаковъ изъ окрестностей Дона, гдѣ нѣтъ у насъ никакихъ крѣпостей; что связь наша съ Грузіею состоитъ въ единовѣріи, и что мы посылаемъ туда не войско, а Священниковъ, и дозволяемъ ея жителямъ ѣздить въ Россію для торговли. Нащокинъ предлагалъ Визирю изъясниться съ Царемъ чрезъ Посла Султанскаго: Визирь сперва не хотѣлъ того, сказавъ: «у насъ нѣтъ сего обычая; допускаемъ къ себѣ

«Пословъ иноземныхъ, а своихъ не шлемъ;» однакожь согласился наконецъ отправить въ Москву сановника, Чауша Резвана, съ требованіями объявленными Нащокину; а Царь съ отвѣтомъ и съ дарами (съ черною лисьею шубою для Амурата, съ соболями для Визиря) еще послалъ въ Константинополь Дворянина Ислѣньева (въ Іюлѣ 1594), обѣщая унять Козаковъ и свободно пропускать Турковъ въ Дербентъ, въ Шамаху, въ Баку, если Амуратъ уйметъ Казы-Гирея. «Мы велѣли» (писалъ Ѳеодоръ къ Султану) «основать крѣпости въ землѣ Кабардинской и Шавкалской не въ досаду тебѣ, а для «безопасности жителей. Мы ничего у васъ не «отняли: ибо Князья Горскіе, Черкесскіе и «Шавкалскіе были издревле *нашими подданными* «*Рязанскихъ предѣловъ*, бѣжали въ горы, и тамъ «покорились отцу моему, своему давнишнему, «законному Властителю» (298). Сія *новая исторія* Кабарды и Дагестана не увѣрила Султана, чтобы ихъ Князья были Рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленіе Московской Политики къ присвоеніямъ на Востокѣ, не могъ ей благопріятствовать, и не думалъ содѣйствовать успокоенію Россіи, то есть, мирить Хана съ нею.

Сіи Константинопольскія Посольства не доставили намъ ничего, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Имперіи Оттоманской и Грековъ. «Въ Турціи нынѣ» (доносилъ Нащокинъ) «все измѣнилось: Султанъ и Паши мыслятъ

«единственно о корысти; первый умно-«жаетъ казну, а для чего, неизвѣстно: пря-«четъ золото въ сундукахъ и не даетъ жа-«лованья войску, которое въ ужасномъ «мятежѣ недавно приступало ко дворцу, «требуя головы Дефтердаря или Казначея. «Нѣтъ ни устройства, ни правды въ Госу-«дарствѣ. Султанъ обираетъ чиновниковъ, «чиновники обираютъ народъ; вездѣ гра-«бежъ и смертоубійства; нѣтъ безопасно-«сти для путешественниковъ на дорогахъ, «ни для купцевъ въ торговлѣ. Земля опу-«стѣла отъ войны Персидской и насилія, «особенно Молдавская и Волошская, гдѣ «непрестанно смѣняютъ Господарей отъ «мздоимства. Греки въ страшномъ утѣсне-«ніи: бѣдствуютъ, не имѣя и надежды на «будущее» (299). Иславьевъ былъ задержанъ въ Константинополѣ, гдѣ въ 1595 году воцарился Магометъ III: ибо сей новый Султанъ, гнусный душегубецъ девятнадцати братьевъ, ждалъ только благопріятнаго времени, чтобы объявить войну Россіи. Между тѣмъ, въ Царѣградѣ называя Донскихъ витязей шайкою разбойниковъ, мы посылали имъ воинскіе снаряды, свинецъ и селитру. Они умножились числомъ, принимая къ себѣ Козаковъ Днѣпровскихъ и всякихъ бродягъ, вели непрестанную войну съ Азовомъ, съ Ногаями, съ Черкесами, съ Тавридою, и ватагами ходили на море

искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ Царскихъ. Нащокинъ изъ Азова писалъ въ Москву, что Козаки Станицъ Низовыхъ силою отняли у него дары Государевы, не хотѣли безъ окупа выдать ему своихъ плѣнниковъ, Султанскаго Чауша съ шестью Князьями Черкесскими, и съ досады одному изъ нихъ отсѣкли руку, вопя на шумной сходкѣ: «мы вѣрны Царю «Бѣлому; но кого беремъ саблею, того не «освобождаемъ даромъ!» Своевольствомъ заслуживая опалу, Козаки заслуживали и милость Государеву, будучи непримиримыми врагами злодѣевъ и зломысленниковъ Россіи. Своевольство Донскихъ Козаковъ.

Не имѣвъ успѣха въ намѣреніи обуздать Хана посредствомъ Турціи, мы наконецъ и безъ ея содѣйствія достигли цѣли своей: обезоружили его, не столько угожденіями и переговорами, сколько благоразумными мѣрами, взятыми для защиты южныхъ областей Россіи. Возобновивъ древній Курскъ, давно запустѣвшій (300) — основавъ крѣпости Ливны, Кромы, Воронежъ — Царь въ концѣ 1593 года велѣлъ строить еще новыя, на всѣхъ *сакмахъ* или путяхъ Татарскихъ отъ рѣки Донца къ берегамъ Оки: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку, и населить оныя людьми ратными, Стрѣльцами, Козаками, такъ, что разбойники Ханскіе уже не могли легко обходить грозныхъ Строеніе городовъ.

для нихъ твердынь, откуда лѣтомъ непрестанно выѣзжали конные отряды для наблюденія и громъ пушечный оглушалъ варваровъ. Царь въ одной рукѣ держалъ мечь, а въ другой золото, и приказывалъ къ Хану: «Папа Римскій, Цесарь, «Короли Испанскій, Португальскій, Датскій и «вся Германія убѣждаютъ меня искоренить твой «Улусъ, между тѣмъ, какъ они всѣми силами «будутъ дѣйствовать противъ Султана. Собствен«ные Бояре мои, Князья, Воеводы, въ особен«ности жители Украйны, также бьютъ мнѣ че«ломъ, чтобы я вспомнилъ всѣ ваши неправды «и злодѣйства, двинулъ войско, и въ самыхъ «нѣдрахъ твоей Орды не оставилъ камня на «камнѣ. Но я, желая дружбы твоей и Султано«вой, не внимаю ни Посламъ Европейскихъ Го«сударей, ни воплю моего народа, и предлагаю «тебѣ братство съ богатыми дарами» ([301]). Непрестанно повыкаемый Амуратомъ изъ земли въ землю, то въ Молдавію и Валахію, то въ Венгрію, чтобы усмирять бунты Оттоманскихъ данниковъ или сражаться съ Австрійцами, изнуряя войско въ походахъ и пріобрѣтая скудную добычу тратою многихъ людей въ битвахъ, Ханъ вымолилъ у Султана дозволеніе обмануть Россію ложнымъ примиреніемъ, торжественнымъ и пышнымъ, какого въ теченіе семидесяти-пяти лѣтъ у насъ не бывало съ Тавридою ([302]). Въ Ноябрѣ 1593 года съѣхались знатные Послы, Ханскій Ахметъ-Паша и Московскіе, Князь Ѳедоръ Хворостининъ съ Богданомъ Бѣльскимъ,

на берегу Сосны, подъ Ливнами, для предварительнаго договора: сія рѣка была тогда границею обитаемой или населенной Россіи; далѣе, къ Югу, начинались степи, приволье Татарское, и Вельможа Казы-Гиреевъ не хотѣлъ ѣхать на лѣвый берегъ Сосны, боясь отдаться намъ въ руки и тѣмъ унизить достоинство Хана. Послы, сходясь на мосту, условились съ обѣихъ сторонъ прекратить непріятельскія дѣйствія, освободить плѣнниковъ, утвердить миръ и союзъ навѣки: для чего Крымскому Ширинскому Князю, Ишимамету, надлежало ѣхать въ Москву, а Князю Меркурію Щербатову въ Тавриду. Сіи новые, Великіе Послы, встрѣтясь на томъ же мосту, ласково привѣтствовали другъ друга, и каждый отправился въ свой путь. Въ залогъ дружбы Ѳеодоръ отпустилъ къ Хану жену Царевича Мурата, умершаго въ Астрахани; доставилъ Казы-Гирею 10,000 рублей, сверхъ шубъ и тканей драгоцѣнныхъ, обѣщая присылать ежегодно столько же; наконецъ имѣлъ удовольствіе получить отъ него (лѣтомъ въ 1594 году) Шертную или клятвенную грамоту съ златою печатію. Сія грамота условіями и выраженіями напоминала старыя, истинно союзныя, коими добрый, умный Менгли-Гирей удостовѣрялъ Іоанна III въ любви и въ братствѣ. Казы-Гирей обязывался быть

Миръ съ Ханомъ.

врагомъ нашихъ враговъ, безъ милости казнить своихъ Улусниковъ за впаденія въ Россію, возвращать ихъ добычу и плѣнниковъ, оберегать Царскихъ Пословъ и людей торговыхъ, не задерживать иноземцевъ на пути въ Москву, и проч. Хотя съ сего времени Крымцы года три не безпокоили нашихъ владѣній, усильно помогая Султану въ войнѣ Венгерской: но рать Московская всегда стояла на берегахъ Оки, готовая къ бою.

Въ сіе время, совершенно мирное для Россіи, внѣшняя Политика ея не дремала, — и смѣло увѣряя Султана, что мы изъ дружбы къ нему не хотимъ дружиться съ его врагами, Дворъ Московскій искреннѣе прежняго желалъ союза съ ними. Въ Сентябрѣ 1593 года Цесарь вторично прислалъ въ Москву сановника Николая Варкоча, краснорѣчиво доказывать необходимость единодушнаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Султана и требовать отъ насъ денежнаго вспоможенія или мѣховъ драгоцѣнныхъ для войны съ невѣрными (303). Въ тайной рѣчи онъ сказалъ Годунову, что Рудольфъ думаетъ жениться на дочери Филиппа, Короля Испанскаго, и присвоить себѣ Францію съ согласія многихъ тамошнихъ Вельможъ, ненавидящихъ Генрика IV; что Сигизмундъ, оскорбляемый самовольствомъ и дерзостію Пановъ, хочетъ сложить съ себя вѣнецъ Ягеллоновъ и возвратиться въ Швецію; что братъ Императора, Максиміліанъ, снова надѣется быть Королемъ Польскимъ и молитъ Ѳео-

дора способствовать ему въ томъ всѣми нашими силами, обязываясь уступить Россіи часть Ливоніи. Именемъ Царскимъ Бояре отвѣтствовали: «Дѣдъ, отецъ Ѳеодоровъ и самъ Ѳеодоръ многократно изъявляли Вѣнскому Двору свою готовность вмѣстѣ съ Европою воевать Оттомановъ; но мы тщетно ждали Императорскаго, «Испанскаго и Римскаго Посольства въ Москву «для условія: ждемъ и нынѣ. За казну не «стоимъ: лишь бы началося великое дѣло славы «и спасенія Христіанъ. Царь желаетъ во всемъ «успѣха Императору; будетъ ревностно дѣй«ствовать, чтобы доставить Максимиліану коро«ну Польскую, и въ такомъ случаѣ уступитъ ему «всю Ливонію, кромѣ Дерпта и Нарвы, необхо«димыхъ для Россіи.» Варкоча отпустили съ письмами къ Рудольфу, Филиппу, Папѣ, о скорѣйшемъ отправленіи Пословъ въ Москву, и къ Шведскому Принцу Густаву, Эрикову сыну, коему Ѳеодоръ предлагалъ убѣжище сими словами: «Отцы наши были въ дружбѣ и союзѣ: «узнавъ, что ты скитаешься изгнанникомъ въ «земляхъ Италійскихъ, зову тебя въ Россію, гдѣ «будешь имѣть пристойное жалованье, многіе «города въ отчину, жизнь спокойную и свободу «выѣхать, когда и куда тебѣ угодно» ([304]). Послѣ объяснится, для чего мы призывали Густава.

Между тѣмъ безпечный Рудольфъ, уже воюя съ Султаномъ въ Венгріи, еще не спѣшилъ заключить союза съ Россіею. Въ Августѣ 1594

года явился въ Москвѣ гонецъ его, но съ письмомъ страннымъ (на языкѣ Латинскомъ, за открытою печатью), писаннымъ вмѣстѣ и къ Θеодору и къ Молдавскому Господарю Аарону, и къ Бряславскому Воеводѣ Збарежскому и къ Козакамъ Днѣпровскимъ, такого содержанія: «Вручитель сего, Станиславъ Хлопицкій, на-«чальникъ Запорожскаго войска, изъявилъ намъ «добрую волю служить Имперіи противъ невѣр-«наго Султана съ осмью или съ десятью тыся-«чами Козаковъ: мы его охотно приняли и «дали ему свое знамя, Орла Чернаго, съ тѣмъ, «чтобы онъ *залегъ всѣ пути Крымцамъ къ Ду-«наю*, огнемъ и мечемъ опустошая владѣнія «Султанскія, но щадя Литовскія и другія Хри-«стіанскія земли: для чего и молимъ васъ бла-«гопріятствовать сему нашему слугѣ усерді-«ному» ([308]). Ясно, что надпись къ Θеодору была поддѣльная: не могъ Императоръ говорить однимъ языкомъ и съ Царемъ Московскимъ и съ Козаками; на словахъ же, именемъ Рудольфа, Хлопицкій извѣстилъ Бояръ о побѣдахъ его, о союзѣ съ нимъ Князя Седмиградскаго, Господарей Молдавскаго и Волошскаго, увѣряя, что Запорожскіе воины, считая Россію своимъ истиннымъ отечествомъ, не смѣютъ дѣйствовать безъ воли Царя, и молилъ, чтобы Θеодоръ, соединивъ съ ними нѣсколько дружинъ Московскихъ, велѣлъ имъ итти на Турковъ подъ знаменами Россіянъ. Хлопицкаго не допустили до Государя, изъяснивъ ему непристойность Цеса-

ревой грамоты; но примолвили: «изъ уваженія «къ Императору Царь отпускаетъ тебя безъ «гнѣва и напишетъ къ Гетману Запорожцевъ, «Богдану Микошинскому, что они могутъ слу«жить Рудольфу.» Обстоятельство достопамятное: Днѣпровскіе Козаки, будучи подданными Литвы, вопреки ей, раболѣпно угождающей Султану, входятъ въ союзъ съ Императоромъ, чтобы воевать съ Турками, и признаютъ себя въ какой-то зависимости отъ Царя Московскаго! Хотя сей беззаконный союзъ не имѣлъ желаемаго слѣдствія для Австріи; хотя Литовское Правительство наказало самовольство Козаковъ, отнявъ у нихъ пушки, знамена, серебряныя трубы, булаву, данную имъ Стефаномъ Баторіемъ, и Чернаго Орла Императорскаго (306): но воспоминанія общаго древняго отечества, единовѣріе, утѣсненіе Греческой Церкви въ Литвѣ и месть народная съ того времени уже явно готовили, въ душѣ Днѣпровскихъ витязей, присоединеніе ихъ благословеннаго края къ Державѣ Московской.

Желая чего нибудь рѣшительнаго въ нашихъ долговременныхъ переговорахъ съ Австріею, Ѳеодоръ посылалъ и своего гонца къ Рудольфу (307), чтобы узнать истинную вину его страннаго отлагательства въ дѣлѣ столь важномъ: свѣдалъ, что Николай Варкочь, выѣхавъ изъ Россіи, нашелъ Императора въ Прагѣ, но долго не могъ быть ему представленъ, за обыкновенными недосугами сего празднаго Вѣнценосца;

что Рудольфъ сообщилъ наконецъ Сейму Курфирстовъ благопріятный отвѣтъ Ѳеодоровъ, и что они, высоко цѣня дружбу Россіи, убѣдили его отправить къ намъ новое Посольство. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ Декабрѣ 1594) пріѣхалъ въ Москву тотъ же Варкочь ([308]), съ увѣдомленіемъ, что Турки болѣе и болѣе усиливаются въ Венгріи: онъ требовалъ немедленнаго вспоможенія казною — и мы удивили Австрійскій Дворъ щедростію, пославъ Императору, на воинскія издержки, 40360 соболей, 20760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 337235 бѣлокъ и 3000 бобровъ, цѣною на 44 тысячи Московскихъ тогдашнихъ рублей ([309]), съ Думнымъ Дворяниномъ Вельяминовымъ, коему оказали въ Прагѣ необыкновенную честь: войско стояло въ ружьѣ на всѣхъ улицахъ, гдѣ онъ ѣхалъ ко дворцу въ Императорской каретѣ; не было конца привѣтствіямъ, угощеніямъ, ласкамъ; давали ему обѣдъ за обѣдомъ, и всегда съ музыкою, хотя сей чиновникъ не искалъ веселія говоря: «православный «Царь оплакиваетъ кончину своей милой «дочери; а съ нимъ плачетъ и вся Россія.» Въ двадцати комнатахъ дворца разложивъ дары Ѳеодоровы, предъ глазами Императора и Вельможъ его, онъ удовлетворилъ ихъ любопытству описаніемъ Сибири, богатой мѣхами, но не хотѣлъ сказать, чего

Вспоможеніе Императору.

стоила сія присылка Государева ([310]), оцѣненная Богемскими Евреями и купцами въ восемь бочекъ золота. Вельяминовъ объявилъ Министерству Австрійскому, что вспоможеніе столь значительное доказываетъ всю искренность Ѳеодорова дружества, не взирая на удивительную медленность Императора и союзниковъ его въ заключеніи торжественнаго договора съ нами. Дѣйствительно трудно понять, для чего Вѣнскій Дворъ какъ бы уклонялся отъ сего договора, болѣе для насъ, нежели для Австріи опаснаго или затруднительнаго: ибо онъ велъ мирную Россію къ войнѣ съ Султаномъ, который уже воевалъ Австрію! Отвѣтствуя Царю, что дальность мѣстъ, вражда Испаніи съ Англіею и Франціею, мятежъ Нидерландскій, дряхлость Короля Филиппа и новость Папы (Климента VIII) мѣшаютъ общему союзу Державъ Христіанскихъ противъ Оттомановъ ([311]), Императоръ послалъ однакожь къ Ѳеодору, для изъявленія благодарности, знатнаго Вельможу, Авраама Бургграфа *Донавскаго* ([312]), съ Думнымъ совѣтникомъ, Юріемъ Калемъ, съ двадцатью Дворянами и съ девяносто-двумя слугами. Знатный Посолъ Рудольфовъ.

Сіе Посольство удовлетворяло единственно честолюбію Двора Московскаго своею пышностію и требовало съ его стороны такой же. Вельможа Австрійскій г. 1592-1597.

ѣхалъ изъ Ливоніи чрезъ Псковъ, видя во всѣхъ городахъ (313), на всѣхъ станахъ, множество людей, чисто одѣтыхъ и собранныхъ, по указу Царскому, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, чтобы явить ему, сколь населена и богата Россія. Отъ границы до Москвы вездѣ встрѣчали и провожали его отряды воиновъ, на прекрасныхъ коняхъ; вездѣ находилъ онъ для себя покой съ роскошью, не имѣя только свободы: ибо за нимъ наблюдали неусыпно, чтобы скрыть отъ него истины, прискорбныя для самолюбія Россіянъ. Въ столицѣ везли сего знаменитаго гостя лучшими улицами, мимо лучшихъ зданій; отвели ему красивый домъ Князя Ноздроватаго; дали услугу Царскую; приносили на золотѣ и серебрѣ, всѣ лакомства стола Русскаго, вмѣстѣ съ драгоцѣннѣйшими винами южной Европы (314). Въ день представленія (22 Мая 1597) Дворъ Московскій сіялъ великолѣпіемъ чрезвычайнымъ. Бургграфъ, имѣя подагру, ѣхалъ въ Кремль не верхомъ, а въ открытомъ Нѣмецкомъ *возкѣ* (315); предъ нимъ 120 всадниковъ, Дворянъ и Сотниковъ, въ блестящихъ доспѣхахъ. Ѳеодоръ принималъ его въ Большой Грановитой, *расписной* палатѣ, сидя на тронѣ, въ діадимѣ и съ скиптромъ: Годуновъ стоялъ подлѣ, съ державою. На правой лавкѣ сидѣли Царевичь Араславъ-Алей, сынъ Кайбулинъ, Маметкулъ Сибирскій и Князь Ѳедоръ Мстиславскій; на лѣвой Уразъ-Магметъ, Царевичь Киргизскій; далѣе Бояре сыновья Господарей Молдавскаго и Волошскаго,

Князья Служилые, Окольничіе, Крайчій, Оружничій (Бѣльскій), Дворяне Думные, Постельничій, Стряпчій, 13 Стольниковъ, 200 Князей и Дворянъ; Дьяки же Думные въ *Золотой* Грановитой палатѣ. Императоръ прислалъ въ даръ Царю мощи Св. Николая, окованныя золотомъ, двѣ кареты, 12 сапниковъ, боевые часы съ органами, нѣсколько сосудовъ хрустальныхъ; Годунову кубокъ драгоцѣнный съ изумрудами, часы *стоячіе* и двухъ жеребцовъ съ бархатными попонами; а юному сыну его, Ѳеодору Борисовичу, обезъянъ и попугаевъ ([316]); благодарилъ, равно ласково, и Царя и Правителя, который, чрезъ нѣсколько дней дозволивъ Послу быть особенно у себя въ домѣ, съ величіемъ Монарха *говорилъ* ему *слова милостивыя* ([317]), а Дворянамъ его давалъ цѣловать свою руку.

Но пышность и ласки не произвели ничего важнаго. Когда Австрійскій Вельможа, приступивъ къ главному дѣлу, объявилъ, что Рудольфъ еще ждетъ отъ насъ услугъ дальнѣйшихъ; что мы должны препятствовать впаденіямъ Хана въ Венгрію и миру Шаха съ Султаномъ; должны и впредь помогать казною Императору, въ срочное время, въ опредѣленномъ количествѣ, золотомъ или серебромъ, а не мѣхами, коихъ онъ не можетъ выгодно продавать въ Европѣ: тогда Бояре сказали рѣшительно, что Ѳеодоръ безъ взаимнаго, писменнаго обязательства Австріи не намѣренъ расточать для нее сокровищъ Россіи; что Посланникъ Государевъ, Ислѣньевъ, останов-

ленъ въ Константинополѣ за наше вспоможеніе Рудольфу казною; что мы всегда обуздываемъ Хана, и давно бы утвердили союзъ Христіанской Европы съ Персіею, если бы Императоръ не манилъ насъ пустыми обѣщаніями (318). — Вмѣстѣ съ симъ Посломъ былъ у насъ и гонецъ отъ Максимиліана, хотѣвшаго, чтобы Ѳеодоръ помогъ ему деньгами въ исканіи короны Польской: Максимиліану желали короны, но отказали въ деньгахъ — и Бургграфъ (въ Іюлѣ мѣсяцѣ) выѣхалъ изъ Москвы съ одною честію и съ дарами богатыми (319).

Легатъ Папскій въ Москвѣ.

Всего удивительнѣе, что Рудольфъ въ своей медленности извинялся *новостію* Папы, Климента VIII, а сей Папа тогда же присылалъ къ Ѳеодору, чрезъ Литву, именитаго Легата, Александра Комулея, Аббата Моненскаго, и за тѣмъ же дѣломъ, убѣждая Царя избавить Державы Христіанскія отъ ига Мусульмановъ (320). Комулей и Вельможа Австрійскій едва ли видѣлись другъ съ другомъ въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ дѣйствовали или говорили безъ всякаго сношенія между собою. Съ обыкновенною тонкостію Римскаго Двора Папа льстилъ Царю и Россіи: представлялъ ему, что Оттоманы могутъ, завоевавъ Венгрію, завоевать и Польшу съ Литвою; что они уже и съ другой стороны касаются нашихъ владѣній, покоривъ часть

Грузіи и Персіи; что Византійская и многія иныя Державы пали отъ излишней любви къ миру, отъ бездѣйствія и непредвидѣнія опасностей; что Ѳеодору легко послать войско въ Молдавію и взять Султановы города на берегахъ Чернаго моря, гдѣ ожидаетъ насъ и слава и богатая добыча; что мы лучше узнаемъ тамъ искусство военное, ибо увидимъ, какъ Нѣмцы, Венгры, Италіанцы сражаются и побѣждаютъ Турковъ; что отъ насъ зависитъ присоединить къ Россіи земли счастливыя благорастворенıемъ воздуха, выгодами естественными, красотою Природы, и чрезъ Ѳракію открыть себѣ путь къ самой Византіи, наслѣдственному достоянію Государей Московскихъ; что ревность Вѣры сближаетъ пространства; что Римъ и Мадритъ далеки отъ Воспора, но что Константинополь увидитъ знамена Апостольскія и Филипповы; что народы, угнетаемые Турками, суть намъ братья по языку и Закону; что время благопріятно: войско Оттоманское разбито въ Персіи и въ Венгріи, а внутри Турціи вездѣ мятежъ, и не осталось половины жителей. — Достойны замѣчанія и слѣдующія мѣста наказа, даннаго Папою Легату: «Мы слышали, что Цари любятъ хвалиться своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ древнихъ Римскихъ Императоровъ «и даютъ себѣ пышныя титла: изъясни Боярамъ «Московскимъ, что степени въ достоинствѣ или «въ величіи Государей должны быть утверждены нами, и въ примѣръ наименуй Королей

«Польскихъ и Богемскихъ, обязанныхъ вѣна-«цемъ Первосвятителю Всемірной Церкви. Ста-«райся впечатлѣть въ ихъ души благоговѣніе «ко Главѣ Христіанъ, мирныхъ и счастливыхъ «нашею духовною властію; доказывай, что «истинная Христова Церковь въ Римѣ, а не въ «Константинополѣ, гдѣ невѣрные Султаны тор-«гуютъ саномъ рабовъ-Патріарховъ, чуждыхъ «благодати Св. Духа; что зависѣть отъ мни-«мыхъ Пастырей Византійскихъ есть зависѣть «отъ враговъ Спасителя, и что Россія знаме-«нитая достойна лучшей доли. Тебѣ, мужу уче-«ному, извѣстно несогласіе въ Догматахъ Рим-«ской и Греческой Вѣры: убѣждай Россіянъ «въ истинѣ нашего Православія, сильно, но осто-«рожно, тѣмъ осторожнѣе, что они *весьма «любятъ точность* [321], и что ты, говоря ихъ «собственнымъ языкомъ, не можешь извиниться «невѣдѣніемъ истиннаго разума словъ. Но столь-«ко имѣешь и выгодъ предъ всѣми учителями, «посыланными къ нимъ изъ Рима въ теченіе «семи вѣковъ, и незнакомыми ни съ языкомъ, «ни съ обычаями Россіи! Если Господь благосло-«витъ подвигъ твой успѣхомъ; если откроешь «путь къ соединенію Вѣръ, то сердце наше утѣ-«шится и славою Церкви и спасеніемъ душъ «безчисленныхъ.» — Знаемъ, что съ симъ нака-зомъ Климентовъ Посолъ былъ два раза въ Москвѣ (въ 1595 и 1597 году), но не знаемъ его переговоровъ, которые впрочемъ не имѣли важныхъ слѣдствій, уменьшивъ, какъ вѣроятно,

надежду Рима на государственный и церковный союзъ съ Россіею, по крайней мѣрѣ до времени.

Обѣщая Императору, безъ сомнѣнія и Папѣ, вѣрнаго сподвижника въ Шахѣ Персидскомъ, мы дѣйствительно могли сдержать слово, возобновивъ съ нимъ дружелюбную связь. Уже сей знаменитый Шахъ, Аббасъ, готовился къ дѣламъ славы, которыя доставили ему въ лѣтописяхъ имя Великаго; наслѣдовавъ Державу разстроенную слабостію Тамаса и Годабенда, возмущаемую козиями Удѣльныхъ Хановъ, стѣсненную завоеваніями Турковъ, хотѣлъ единственно временнаго мира съ послѣдними, чтобы утвердиться на престолѣ и смирить внутреннихъ мятежниковъ; старался узнать взаимныя отношенія Государствъ, самыхъ дальнихъ, и привѣтствуя за морями добраго союзника въ Королѣ Испанскомъ (322), видѣлъ еще надежнѣйшаго въ сильномъ Монархѣ Россійскомъ, коего владѣнія уже сходились съ Персидскими и съ Оттоманскими: новый Посолъ Шаховъ (въ 1593 году), Ази Хосревъ, вручивъ Царю ласковое письмо Аббасово, всего болѣе льстилъ Правителю, въ тайныхъ съ нимъ бесѣдахъ, пышными выраженіями восточными, говоря ему: «ты «единою рукою держишь землю Русскую, а «другую возложи съ любовію на моего

Дружество Ѳеодора съ Шахомъ.

«Шаха, и навѣки утверди братство между имъ «и Царемъ» ([323]). Борисъ отвѣчалъ скромно: «я «только исполняю волю Самодержца; гдѣ его «слово, тамъ моя голова» — но взялся быть ревностнымъ ходатаемъ за Шаха. Изъясняя Годунову, что перемиріе, заключенное Персіею съ Турками, есть одна хитрость воинская, Посолъ сказалъ: «Чтобы усыпить ихъ, Шахъ далъ «имъ своего шестилѣтняго племянника въ амаnаты — или въ жертву: пусть они зарѣжутъ «младенца при первомъ блескѣ нашей сабли! «Тѣмъ лучше: ибо грозный Аббасъ не любитъ «ни племянниковъ, ни братьевъ, готовя для нихъ «вѣчный покой въ могилѣ или мракъ ослѣпленія «въ темницѣ.» Ази не клеветалъ на Шаха; но сей безжалостный истребитель единокровныхъ умѣлъ явить себя великимъ Монархомъ въ глазахъ Посла Ѳеодорова, Князя Андрея Звенигородскаго, коему надлежало узнать всѣ обстоятельства Персіи и замыслы Аббасовы. Князь Андрей (въ 1594 году) ѣхалъ чрезъ Гилянь, уже подвластную Шаху, который выгналъ ея Царя Ахмета, обвиняемаго имъ въ вѣроломствѣ ([324]). Вездѣ тишина и порядокъ доказывали неусыпную дѣятельность государственной власти; вездѣ честили Посла, какъ вѣстника Ѳеодоровой дружбы къ Шаху. Аббасъ принялъ его въ Кашанѣ ([325]), окруженный блестящимъ Дворомъ, Царевичами и Вельможами, имѣя на бедрѣ осыпанную алмазами саблю, а подлѣ себя лукъ и стрѣлу; далъ *ему руку*, не предлагая цѣловать ноги своей;

изъявлялъ живѣйшее удовольствіе; славилъ Царя и Годунова. Пиры и забавы предшествовали дѣламъ: днемъ гулянья въ садахъ, музыка, пляски, игры воинскія (въ коихъ самъ Аббасъ оказывалъ рѣдкое искусство, носясь вихремъ на борзомъ аргамакѣ своемъ и пуская стрѣлы въ цѣль); ввечеру потѣшные огни, яркое освѣщеніе садовъ, водометовъ, площади, красивыхъ лавокъ, гдѣ толпилось множество людей, и гдѣ раскладывались драгоцѣнности Азіятскія для прельщенія глазъ. Шахъ хвалился войскомъ, цвѣтущимъ состояніемъ художествъ и торговли, пышностію, великолѣпіемъ, и показывая Князю Звенигородскому свои новыя палаты, говорилъ: «ни отецъ, ни дѣдъ мой не «имѣли такихъ.» Показывалъ ему и всѣ свои рѣдкія сокровища: *желтый яхонтъ*, вѣсомъ во 100 золотниковъ, назначенный имъ въ даръ Царю, богатое сѣдло Тамерланово, латы и шлемы работы Персидской (326). За обѣдомъ, сидя съ нимъ рядомъ, Шахъ сказалъ: «Видишь ли «Посла Индѣйскаго, сидящаго здѣсь ниже тебя? «Монархъ его, Джеладдинъ Айберъ, владѣетъ «странами неизмѣримыми, едва ли не двумя тре«тями населеннаго міра; но я уважаю твоего «Царя еще болѣе.» Начавъ бесѣдовать съ Княземъ Андреемъ о дѣлахъ, Аббасъ удостовѣрялъ его въ твердомъ намѣреніи изгнать ненавистныхъ Оттомановъ изъ западныхъ областей Персіи, но прежде отнять Хоросанъ у Царя Бухарскаго Абдулы, который овладѣлъ имъ въ Года-

бендово несчастное время и завоевалъ Хиву. «Я «живу одною мыслію,» говорилъ Аббасъ: «воз«становить цѣлость и знаменитость древней Пер«сіи. Имѣю 40,000 всадниковъ, 30,000 пѣшихъ «воиновъ, 6000 стрѣльцевъ съ *огненнымъ боемъ*; «смирю ближайшаго недруга, а послѣ и Султана: «даю въ томъ клятву, довольствуясь искреннимъ «обѣщаніемъ Государя Московскаго содѣйство«вать, когда настанетъ время, успѣху сего вели«каго подвига, да раздѣлимъ славу и выгоду «онаго!» Аббасъ соглашался ([327]) вступить въ сношеніе съ Австріею чрезъ Москву (гдѣ Посолъ его видѣлся съ Рудольфовымъ): безспорно уступалъ намъ Иверію, но говорилъ: «Царь Але«ксандръ обманываетъ Россію, грубитъ мнѣ и «тайно платитъ дань Султану.» Сынъ Александровъ, Константинъ находясь аманатомъ въ Персіи, волею или неволею принялъ тамъ Вѣру Магометанскую и женился на Мусульманкѣ: Шахъ въ угодность Ѳеодору отпускалъ его въ Москву; но сей юный Князь самъ не захотѣлъ ѣхать туда, сквозь слезы сказавъ нашему Послу: «моя судьба умереть здѣсь въ честномъ раб«ствѣ!» Чтобы доказать отмѣнную дружбу къ Россіи, Аббасъ пріѣхалъ самъ нечаянно въ гости къ Князю Звенигородскому съ изгнанникомъ, Царемъ Хивинскимъ, Азимомъ, и съ первымъ своимъ Министромъ, Фергатъ-Ханомъ, пилъ у него вино и медъ (любя часто быть навеселѣ, вопреки Магомету), внимательно разсматривалъ иконы Богоматери и Св. Николая, и

взявъ отъ хозяина въ даръ черную лисью шапку, отдарилъ его щедро прекраснымъ аргамакомъ и образомъ Дѣвы Маріи, писаннымъ на золотѣ въ Персіи съ Фряжской иконы, которая была прислана Шаху изъ Ормуса ([328]). Въ подтвержденіе всего сказаннаго Андрею Звенигородскому, Аббасъ послалъ съ нимъ въ Москву одного изъ Вельможъ своихъ, Кулья; а Θеодоръ къ Шаху Князя Василья Тюфякина ([329]) съ образцовою договорною грамотою, въ томъ смыслѣ, чтобы имъ быть вѣрными союзниками и братьями, общими силами выгнать Турковъ изъ земель Каспійскихъ, Россіи взять Дербентъ съ Бакою, Персіи Ширванскую область. Но Тюфякинъ и Дьякъ его умерли на пути: о чемъ долго не знали въ Москвѣ, и сношенія съ Аббасомъ, занятымъ тогда счастливою для него войною Бухарскою, прервалися до новаго царствованія въ Россіи.

По крайней мѣрѣ Шахъ уступилъ намъ Иверію: до времени не споря объ ней съ Султаномъ явно, Θеодоръ хотѣлъ утвердить свое право на имя ея верховнаго Властителя усмиреніемъ жестокаго врага Александрова, Шавкала, и еще два раза посылалъ на него Воеводъ, Князей Григорія Засѣкина и Андрея Хворостинина: отъ перваго бѣжалъ Шавкалъ въ неприступныя горы; второму надлежало довер- Походъ на Шавкала.

шить покореніе сей земли Дагестанской, соединиться въ ней съ войскомъ Иверскимъ, съ сыномъ Александровымъ, Юріемъ, и взять ея столицу, Тарки, чтобы отдать ее тестю Юріеву, другому Князю Дагестанскому (330). Князь Хворостининъ пришелъ и взялъ Тарки; но не встрѣтилъ ни сына, ни свата Александрова: ждалъ ихъ тщетно; непрестанно бился съ горными жителями, ежедневно слабѣлъ въ силахъ, и долженъ былъ, разоривъ Тарки, бѣжать назадъ въ Терскую крѣпость: не менѣе трехъ тысячъ Россіянъ легло, какъ пишутъ, въ горахъ и дебряхъ. Сей случай могъ быть поставленъ въ вину Александру: Царь изъявилъ ему удивленіе, для чего сынъ и сватъ его не соединились съ нашимъ Воеводою? Александръ извинялся непроходимостію горъ; а Ѳеодоръ благоразумно замѣтилъ ему, что если разбойникъ Шавкалъ находитъ путь въ Иверію, то и войско Иверское могло бы найти путь въ землю Шавкала. Однакожь терпѣливая, хладнокровная Политика наша не измѣнилась отъ сей досады, ни отъ скупости Александра въ платежѣ намъ дани: «казна моя истощена» (говорилъ онъ) «свадьбою моей до«чери, вышедшей за Князя Дадьянскаго, и мно«гими дарами, коихъ требуютъ отъ меня силь«ные Цари Мусульманскіе» (331). Узнавъ, что Александръ примирился съ зятемъ своимъ Симеономъ, будто бы въ услугу Россіи, Царь писалъ къ первому: «вѣрю твоему усердію, и «еще болѣе повѣрю, если склонишь Симеона

«быть нашимъ присяжникомъ.» Обманывалъ ли Александръ Россію, какъ сказалъ Шахъ Аббасъ Князю Звенигородскому? Нѣтъ, онъ былъ только слабымъ между сильными: безъ сомнѣнія искренно предпочиталъ власть Россіи власти Оттоманской и Персидской: надѣялся, ободрялся; но видя, что мы не хотимъ или не можемъ прислать въ Иверію войска достаточнаго для обороны ея, хладѣлъ въ усердіи къ намъ; не слагалъ съ себя имени Россійскаго данника, но дѣйствительно платилъ дань Султану (шелкомъ и конями), убѣждая Ѳеодора защитить Иверію хотя со стороны Дагестана, гдѣ Московскіе Воеводы основали тогда новыя крѣпости на берегу Койсы, чтобы стѣснить Шавкала и загладить неудачу Князя Хворостинина.

Сверхъ Иверіи и Князей Черкесскихъ или Кабардинскихъ, подвластныхъ Россіи — сверхъ Ногаевъ, также нашихъ присяжниковъ, хотя и не всегда вѣрныхъ (332) — Ѳеодоръ съ 1595 года объявилъ себя Владыкою и многолюдной Орды Киргизской: Ханъ ея, Тевкель, именуясь *Царемъ Казацкимъ и Калмацкимъ*, добровольно ему поддался, моля единственно о свободѣ племянника своего, Уразъ-Магмета, взятаго нами вмѣстѣ съ Сибирскимъ Княземъ, Сейдякомъ. Ѳеодоръ обѣщалъ Тевкелю милость, защиту и снарядъ огнестрѣльный; соглашался отпустить къ нему племянника, но требовалъ отъ него сына въ аманаты. Кромѣ чести быть *Царемъ Царей*, Ѳеодоръ ожидалъ и пользы отъ

ростининъ пришелъ и
тилъ ни сына, ни
ихъ тщетно; непр
жителями, ежедн
долженъ былъ, р
въ Терскую крѣп
Россіянъ легло
дебряхъ. Сей с
вину Александр
для чего сынъ
нашимъ Воево
проходимости
замѣтилъ ем
находитъ пу
могло бы на
кожь терп
не измѣни.
Александр

рѣ, отъ старожиловъ Кольскихъ древнюю межу Норвегіи съ Лопью; велѣли жителямъ пре- торговать мирно и свободно, письменнаго условія между королемъ. Θеодоръ, въ удовольствіе слово освободить нѣкоторыхъ взятыхъ Россіянами въ набѣгѣ Уѣздъ Колмогорскій, и писалъ о начальникамъ Астрахани, Терской крѣ- бири, куда ссылались военоплѣнные. словомъ, Данія снова искала нашей уже не мысля препятствовать морской Россіи съ Англіею.

торговля едва было не прерва- взаимныхъ досадъ Англійскаго и на- Правительства. Мы жаловались на обманы скихъ купцевъ и требовали съ нихъ полумилліона нынѣшнихъ рублей (334), ими въ долгъ изъ Царской казны, у нова, у Бояръ и Дворянъ; а купцы запи- въ семъ долгѣ, слагали его другъ на , и жаловались на притѣсненія. Царь (въ 8 году) вторично посылалъ Бекмана въ Лон- для объясненія съ Елисаветою, которая го не могла видѣть его, оплакивая смерть ловѣка, нѣкогда милаго ея сердцу: Графа Лейстера; наконецъ приняла толмача Россій- скаго съ великою милостію: отошла съ нимъ въ уголь комнаты и бесѣдовала тихо; пеняла ему безъ гнѣва, что онъ, года за четыре

передъ тѣмъ гулявъ и бесѣдовавъ съ нею въ саду, будто бы въ донесеніи къ Царю назвалъ сіе увеселительное мѣсто низкимъ именемъ огорода; спрашивала о здоровьѣ Годунова; увѣряла, что все сдѣлаетъ изъ дружбы къ Ѳеодору, но объявила новыя требованія, съ коими пріѣхалъ въ Москву Докторъ Флетчеръ. Сей болѣе ученый, нежели знатный Посланникъ именемъ Елисаветы предложилъ нашей Думѣ слѣдующія статьи:

«Королева желала бы заключить тѣсный союзъ «съ Царемъ; но Океанъ между ими: дальность, «препятствуя государственному союзу, не мѣ«шаетъ однакожь любви сердечной: такъ отецъ «Ѳеодоровъ, Государь славный и мудрый, всегда «являлъ себя истиннымъ братомъ Елисаветы, «которая хочетъ быть нѣжною сестрою и Вели«каго сына его. Сія любовь, хотя и безкорыст«ная, питается частыми сношеніями Вѣнценос«цевъ о дѣлахъ купеческихъ: если гостей «Англійскихъ не будетъ въ Россіи, то Коро«лева и не услышитъ о Царѣ; а долговременная «безвѣстность не охладитъ ли взаимнаго дру«жества?

«Для утвержденія сей, ея сердцу пріятной «связи, Королева молитъ Царя, чтобы онъ «указалъ: 1) основательнѣе разсмотрѣть дѣло «о сомнительномъ долгѣ купцевъ Лондонскихъ; «2) судить ихъ только великому Боярину Году«нову, благотворителю Англичанъ; 3) давать «имъ, какъ было въ царствованіе Іоанново,

«свободный путь изъ Москвы въ Бухарію, въ «Шамаху и въ Персію, безъ задержанія и безъ «всякаго осмотра товаровъ въ Казани и въ «Астрахани; 4) Царскимъ сановникамъ не брать «у нихъ ничего силою, безъ платежа денегъ; «5) отмѣнить всякую заповѣдь въ товарахъ, «покупаемыхъ Англичанами въ Россіи; 6) спо-«собствовать имъ въ отысканіи земли Китай-«ской, давать вожатыхъ, суда и лошадей на «всѣхъ дорогахъ; 7) безъ писменнаго вида «отъ Елисаветы не пускать никакихъ гостей «въ пристани между Варгавомъ и Двинскимъ «устьемъ, ни въ Новгородъ (335); 8) денеж-«нымъ Россійскимъ мастерамъ безпошлинно пе-«реливать ефимки для купцевъ Лондонскихъ; «9) ни въ какихъ преступленіяхъ не пытать «Англичанъ, но отсылать къ ихъ Старостѣ «или Прикащику, или въ Англію для казни; «10) никого изъ нихъ не безпокоить въ разсуж-«деніи Вѣры. — Симъ докажетъ Царь любовь къ «Елисаветѣ.»

Бояре написали въ отвѣтъ: «Государь нашъ, «благодаря Королеву за доброе къ нему распо-«ложеніе, самъ искренно желаетъ ея дружбы, «подобно своему Великому родителю; но не «можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы взаимная «любовь Вѣнценосцевъ питалась дѣлами купе-«чества, и чтобы безъ торговли они уже не «имѣли средствъ сноситься другъ съ другомъ. «Такія выраженія непристойны (336). Царь хо-«четъ жить въ братствѣ съ знаменитыми Монар-

«хами, съ Султаномъ, Императоромъ, Королями Испанскимъ, Французскимъ, съ Елисаветою и со всѣми, не для выгоды купцевъ, а «для своего *обычая государственнаго*. Въ удовольствіе Елисаветѣ онъ жаловалъ гостей Лондонскихъ, которые, забывъ его милости, начали «жить обманомъ, не платить долговъ, ѣздить «тайно въ другія земли какъ лазутчики, въ «письмахъ злословить Россію, преграждать путь «иноземнымъ кораблямъ къ Двинскому устью— «однимъ словомъ, заслуживали казнь по уставамъ всѣхъ Государствъ; но Царь, изъ уваженія къ Королевѣ, щадилъ преступниковъ, «и писалъ къ ней о дѣлахъ ихъ; щадитъ и теперь; се его воля!

«1) Хотя долгъ купцевъ Лондонскихъ нимало не сомнителенъ; хотя сіе дѣло было уже «основательно разсмотрѣно въ Царскомъ Совѣтѣ: но Государь изъ великодушія уступаетъ «имъ половину, требуя, чтобы они немедленно «заплатили 12 тысячь рублей ([337]). — 2) Непристойно самому Великому, Ближнему Боярину «и шурину Царскому судить купцевъ: ему ввѣрено Государство; безъ его вѣдома ничего «не дѣлается: но судить Англичанъ будутъ люди Приказные, а ему только докладывать. — «3) Изъ особенной любви къ сестрѣ своей, Елисаветѣ, Государь дозволяетъ Англичанамъ ѣздить чрезъ Россію въ Бухарію и въ Персію, «не платя пошлины съ товаровъ, хотя другимъ «иноземцамъ и не велѣно ни за версту ѣздить

«далѣе Москвы. — 4) Онъ не терпитъ, чтобы «въ его землѣ силою отнимали чужую собственность, у кого бы то ни было. — 5) Завѣта нѣтъ «и не будетъ для гостей Лондонскихъ въ покупкѣ нашихъ товаровъ, кромѣ воска, вымѣниваемаго иноземцами въ Россіи единственно на «*ямчугу*, или на зелье и сѣру (338). — 6) Невозможно Царю пускать иноземцевъ чрезъ Россію «для отысканія другихъ Государствъ. — 7) Удивительно, что Королева снова объявляетъ требованіе столь неблагоразумное и недружелюбное: мы сказали и повторяемъ, что въ угодность Англіи не затворимъ своихъ пристаней «и не измѣнимъ нашего закона въ торговлѣ: «свободы. — 8) Англичане вольны дѣлать деньги, платя извѣстную пошлину, какъ и Россіяне. — 9) Никакихъ чужестранцевъ не пытаютъ въ Россіи: Англичанъ же, обвиняемыхъ «въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, отдаютъ «ихъ Старостамъ. — 10) До Вѣры нѣтъ и дѣла «Государю нашему: всякой мирно и спокойно «живетъ въ своей, какъ всегда у насъ бывало «и будетъ.»

Посолъ, еще не довольный сими отвѣтами на каждую статью его бумаги, требовалъ свиданія съ Годуновымъ, и писалъ къ нему: «Мужъ «Свѣтлѣйшій! Королева велѣла мнѣ *бить тебѣ «челомъ отъ сердца*. Она знаетъ благоволеніе «твое къ ея народу и любитъ тебя болѣе всѣхъ «Государей Христіанскихъ. Не смѣю докучать «тому, на комъ лежитъ все Царство; но возра-

«дуюся душею, если дашь мнѣ видѣть *пресвѣтлыя* «очи твои: ибо ты *честь и слава Россіи*» ([339]). Не взирая на лесть, Флетчеръ не имѣлъ совершеннаго успѣха, и въ новой жалованной грамотѣ, данной тогда Лондонскимъ купцамъ, упоминается о пошлинахъ, хотя и легкихъ ([340]). Годуновъ не взялъ и даровъ Королевы: «для «того» (писалъ онъ къ Елисаветѣ) «что ты, какъ «бы въ знакъ неуваженія къ Великому Царю, «прислала ему въ даръ мелкія золотыя монеты.» Къ сильнѣйшему негодованію нашего Двора, явился въ Москвѣ новымъ Посланникомъ отъ Елисаветы Іеронимъ Горсей, нѣкогда любимый Іоанномъ и Борисомъ, но въ 1588 году изгнанный изъ Россіи за умыселъ препятствовать торговлѣ Нѣмцевъ въ Архангельскѣ ([341]): Царь не хотѣлъ видѣть его, ни Правитель; а Королева писала къ Борису, что она не узнаетъ въ немъ своего бывшаго друга; что Англичане, гонимые Андреемъ Щелкаловымъ, уже не находятъ заступника въ Россіи и должны навсегда оставить ее. Сія угроза, можетъ быть, произвела дѣйствіе: ибо Годуновъ зналъ всю пользу Англійской торговли для Россіи, для нашего обогащенія и самаго гражданскаго образованія; зналъ, что Іоаннъ III уже не могъ исправить своей ошибки, чрезмѣрною строгостію выгнавъ купцевъ Ганзейскихъ изъ Новагорода. Годуновъ же, какъ увѣряютъ ([342]), любилъ Англичанъ болѣе всѣхъ иныхъ Европейцевъ, особенно уважая *хитрую* Елисавету, которая, жалуясь и грозя не

преставала изъявлять дружество къ Өеодору и въ доказательство того запретила книгу, изданную (въ 1591 году) Флетчеромъ о Россіи, оскорбительную для Царя и писанную вообще съ нелюбовію къ нашему отечеству ([343]). Можетъ быть, и смерть знаменитаго Царскаго сановника, ненавистнаго Англичанамъ, благопріятствовала ихъ успѣху: около 1595 года ([344]) не стало Ближняго, Великаго Дьяка, Андрея Щелкалова (главнаго дѣльца Россіи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, угоднаго Іоанну и Борису отличными способностями, умомъ гибкимъ и лукавымъ, совѣстію неупрямою, смѣсію достохвальныхъ и злыхъ качествъ, нужною для слуги *такихъ* Властителей); а въ началѣ 1596 года Елисавета уже благодарила Царя за *добродѣтельную* любовь къ ней, за новую милостивую грамоту, данную имъ Лондонскому купечеству съ правомъ вольной, неограниченной, *безпошлинной* торговли во всей Россіи ([345]), хваля мудрость нашей Государственной Думы (въ коей Василій Щелкаловъ занялъ мѣсто брата своего, Андрея, называясь съ сего времени Ближнимъ Дьякомъ и Печатникомъ). Елисавета въ другомъ письмѣ къ Годунову опровергала клевету, для нее чувствительную, изъясняясь такими словами: «Ты, истинный благо-«дѣтель Англичанъ въ Россіи, единственный ви-«новникъ правъ и выгодъ, данныхъ имъ Ца-«ремъ, тайно извѣстилъ меня, что Послы Импе-«ратора и Папы, будучи въ Москвѣ, вымыслили «гнусную ложь о моемъ мнимомъ союзѣ съ Тур-

«ками противъ Державъ Христіанскихъ: ты «не вѣрилъ ей — и не вѣрь. Нѣтъ, я чиста «предъ Богомъ и въ совѣсти, всегда искрен-«но желавъ добра Христіанству. Спросите «у Короля Польскаго, кто доставилъ ему «миръ съ Султаномъ? Англія. Спросите у «самого Императора, не старалась ли я «удалить бѣдствіе войны отъ его Державы? «Онъ благодарилъ меня, но хотѣлъ войны: «теперь жалѣетъ о томъ, къ несчастію «поздно! Сановникъ мой живетъ въ Кон-«стантинополѣ единственно для выгодъ на-«шей торговли и для освобожденія Хри-«стіанскихъ узниковъ. — Папа ненави-«дитъ меня за Короля Испанскаго, непри-«миримаго врага Англіи, сильнаго флотами «и богатствами обѣихъ Индій, но смирен-«наго мною въ глазахъ всей Западной Ев-«ропы. Надѣюсь и впредь на милость Бо-«жію, которою да благоденствуетъ и Рос-«сія!».

Таковы были послѣднія дѣйствія Ѳеодоровой внѣшней Политики, ознаменованныя умомъ Годунова. Изъ дѣлъ внутреннихъ сего времени достопамятно слѣдующее:

Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ.

Мы знаемъ, что крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собственности недвижимой: свободу въ назначенный закономъ срокъ (346) переходить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обработывать

часть земли для себя, другую для господина, или платить ему оброкъ. Правитель видѣлъ невыгоды сего перехода, который часто обманывалъ надежду земледѣльцевъ сыскать господина лучшаго, не давалъ имъ обживаться, привыкать къ мѣсту и къ людямъ для успѣховъ хозяйства, для духа общественнаго, — умножалъ число бродягъ и бѣдность: пустѣли села и деревни, оставляемыя *кочевыми* жителями (347); домы обитаемые, или хижины, падали отъ нерадѣнія хозяевъ временныхъ. Правитель хвалился льготою, данною имъ состоянію земледѣльцевъ въ отчинахъ Царскихъ и, можетъ быть, въ его собственныхъ (348): безъ сомнѣнія желая добра не только владѣльцамъ, но и работникамъ сельскимъ — желая утвердить между ими союзъ неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ, нераздѣльномъ — онъ въ 1592 или въ 1593 году (349) закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и навѣки укрѣпилъ ихъ за господами. Чтожь было слѣдствіемъ? негодованіе знатной части народа и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жалѣли о древней свободѣ, хотя и часто бродили съ нею бездомками отъ юныхъ лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилія господъ временныхъ (350), безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ непрочнымъ; а богатые владѣльцы, имѣя не мало земель пустыхъ, лиша-

лись выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ ([351]). Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не страшились запустѣнія ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ. — Далѣе откроется, что Законодатель благонамѣренный, предвидѣвъ, вѣроятно, удовольствіе однихъ и неудовольствіе другихъ, не предвидѣлъ однакожь всѣхъ важныхъ слѣдствій сего новаго устава, дополненнаго указомъ 1597 года о непремѣнномъ возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, господамъ ихъ, отъ коихъ они ушли въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, избывая крѣпостной неволи ([352]). — Тогда же вышелъ указъ, чтобы всѣ Бояре, Князья, Дворяне, люди воинскіе, Приказные и торговые явили крѣпости на своихъ холопей, имъ служащихъ или бѣглыхъ, для записанія ихъ въ книги Приказа Холопьяго, коему велѣно было дать господамъ кабалы и на людей *вольныхъ*, если сіи люди *служили* имъ не менѣе *шести мѣсяцевъ*; то есть, законодатель желалъ угодить господамъ, не боясь оскорбить бѣдныхъ слугъ, ни справедливости: но подтвердилъ вѣчную свободу отпущенниковъ съ женами и съ дѣтьми обоего пола.

Защитивъ Югъ Россіи новыми твердынями, Борисъ для безопасности нашей границы Литовской въ 1596 году основалъ каменную крѣпость въ Смоленскѣ, куда онъ самъ ѣздилъ, чтобы назначить мѣста для рвовъ, стѣнъ и башенъ. Сіе путешествіе имѣло и цѣль иную: Борисъ хотѣлъ плѣнить жителей Западной Россіи своею милостію; вездѣ останавливался, въ городахъ и селахъ; снисходительно удовлетворялъ жалобамъ, раздавалъ деньги бѣднымъ, угощалъ богатыхъ. Возвратясь въ Москву, Правитель сказалъ Царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи.* «Но «въ семъ *ожерельѣ*» (возразилъ ему Князь Трубецкій) «могутъ завестися насѣкомые, «коихъ мы не скоро выживемъ» (353): *слово достопамятное!* говоритъ Лѣтописецъ: *оно сбылося: ибо Смоленскъ, нами укрѣпленный, сдѣлался твердынею Литвы.* — Ѳеодоръ послалъ туда каменщиковъ изо всѣхъ городовъ, ближнихъ и дальнихъ. Строеніе кончилось въ 1600 году.

Новая крѣпость въ Смоленскѣ.

Москва украсилась зданіями прочными. Въ 1595 году, въ отсутствіе Ѳеодора, ѣздившаго въ Боровскую Обитель Св. Пафнутія, сгорѣлъ весь Китай-городъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возсталъ изъ пепла съ новыми каменными лавками и домами (354), но едва-было снова не сдѣлался жертвою огня и злодѣйства, которое изу-

мало Москвитянъ своею безбожною дерзостію. Нашлись изверги, и люди чиновные: Князь Василій Щепинъ, Дворяне Лебедевъ, два Байкова, отецъ съ сыномъ, и

Злоумышленники. другіе; тайно условились зажечь столицу, ночью, въ разныхъ мѣстахъ, и въ общемъ смятеніи расхитить богатую казну, хранимую у церкви Василія Блаженнаго (355). Къ счастію, Правительство узнало о семъ заговорѣ; схватили злодѣевъ и казнили: Князю Щепину и Байковымъ отсѣкли головы на лобномъ мѣстѣ; иныхъ повѣсили или на всю жизнь заключили. Сія казнь произвела сильное впечатлѣніе въ Московскомъ народѣ, уже отвыкавшемъ отъ зрѣлищъ кровопролитія: гнушаясь адскимъ умысломъ, онъ живо чувствовалъ спасительный ужасъ законовъ для обузданія преступниковъ.

Ревностная, благотворная дѣятельность верховной власти оказывалась въ разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ. Многіе города, опустошенные пожарами, были вновь выстроены иждивеніемъ Царскимъ (356); гдѣ не родился хлѣбъ, туда немедленно доставляли его изъ мѣстъ изобильныхъ; во время заразительныхъ болѣзней учреждались

Моръ. заставы; лѣтописи около 1595 года упоминаютъ о сильномъ морѣ во Псковѣ, гдѣ осталось такъ мало жителей, что Царь велѣлъ перевести туда мѣщанъ изъ другихъ городовъ. — Внутреннее спокойствіе Рос-

сіи было нарушено впаденіемъ Крымскихъ разбойниковъ въ области Мещерскую, Козельскую, Воротынскую и Перемышльскую: Калужскій Воевода, Михайло Безнинъ, встрѣтился съ ними на берегахъ Высы и побилъ ихъ на голову ([357]).

Дворъ Московскій отличался благолѣпіемъ. Не одни любимцы Державнаго, какъ бывало въ грозные дни Іоанновы, но всѣ Бояре и мужи государственные ежедневно, утромъ и ввечеру ([358]), собирались въ Кремлевскихъ палатахъ, видѣть Царя и съ нимъ молиться, засѣдать въ Думѣ (три раза въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ надобностей: въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятницу, отъ семи часовъ утра до десяти и болѣе), или принимать иноземныхъ Пословъ, или только бесѣдовать другъ съ другомъ. Обѣдать, ужинать возвращались домой, кромѣ двухъ или трехъ Вельможъ, изрѣдка приглашаемыхъ къ столу Царскому ([359]): ибо Ѳеодоръ, слабый и недужный, отмѣнилъ утомительныя, многолюдныя трапезы временъ своего отца, дѣда и прадѣда; рѣдко обѣдалъ и съ Послами. Пышность Двора его увеличивало присутствіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ изгнанниковъ Азіи и Европы: Царевичь Хивинскій, Господари Молдавскіе (Стефанъ и Димитрій), сыновья Волошскаго, родственникъ Императоровъ

Дворъ Царскій.

Византійскихъ, Мануилъ Мускополовичъ, Селунскій Вельможа Димитрій, и множество благородныхъ Грековъ являлись у трона Ѳеодорова, вмѣстѣ съ другими чиновными иноземцами, которые искали службы въ Россіи. — Предъ дворцемъ стояло обыкновенно 250 Стрѣльцевъ, съ заряженными пищалями, съ фитилями горящими. Внутреннею стражею палатъ Кремлевскихъ были 200 знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ, называемыхъ Жильцами: они, смѣняясь, ночевали всегда въ третьей компатѣ отъ спальни Государевой, а въ первой и второй ближніе царедворцы, Постельничій и товарищи его, называемые *Спальниками;* каждую дверь стерегъ истопникъ, зная, кто имѣлъ право входить въ оную. Все было устроено для порядка и важности (360).

Приближаясь къ мѣтѣ, Годуновъ болѣе и болѣе старался обольщать людей наружностію государственныхъ и человѣческихъ добродѣтелей; но буде преданіе не ложно, еще умножилъ свои тайныя злодѣянія новымъ. Такъ называемый Царь и Великій Князь Тверскій Симеонъ, женатый на сестрѣ Боярина Ѳедора Мстиславскаго, снискавъ милость Іоаннову вѣрною службою и принятіемъ Христіанскаго Закона, имѣвъ въ Твери пышный Дворъ и власть Намѣстника съ какими-то правами Удѣльнаго

Ослѣпленіе Царя Симеона

Князя ([361]), долженъ былъ въ царствованіе Өеодорово выѣхать оттуда и жить уединенно въ селѣ своемъ Кушалинѣ. Не знаменитый ни разумомъ, ни мужествомъ, онъ слылъ однакожь благочестивымъ, смиреннымъ въ счастіи, великодушнымъ въ ссылкѣ, и казался опаснымъ Правителю, нося громкое имя Царское и будучи зятемъ перваго родоваго Вельможи. Борисъ въ знакъ ласки прислалъ къ нему, на имянины, вина Испанскаго: Симеонъ выпилъ кубокъ, желая здравія Царю, и чрезъ нѣсколько дней *ослѣпъ*, будто бы отъ ядовитаго зелія, смѣшеннаго съ симъ виномъ: такъ говоритъ Лѣтописецъ; такъ говорилъ и самъ несчастный Симеонъ Французу Маржерету. По крайней мѣрѣ сіе ослѣпленіе могло быть полезно для Бориса: ибо государственныя бумаги слѣдующихъ временъ Россіи доказываютъ, что мысль возложить вѣнецъ Мономаховъ на голову Татарина не всѣмъ Россіянамъ казалась тогда нелѣпою ([362]).

Обратимъ взоръ, въ послѣдній разъ, на самого Өеодора. И въ цвѣтущей юности не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ сіе время еще менѣе заботился о мірѣ и Царствѣ; ходилъ и ѣздилъ изъ Обители въ Обитель, благотворилъ нищимъ и Духовенству, особенно Греческимъ Монахамъ, Іерусалимскимъ, Пелопоннесскимъ и другимъ, которые приносили къ намъ драгоцѣнности святыни (однѣ не расхищенныя Турками!): кресты, иконы, мощи.

Святители Греческіе въ Москвѣ. Многіе изъ сихъ бѣдныхъ изгнанниковъ оставались въ Россіи: Кипрскій Архіепископъ Игнатій жилъ въ Москвѣ; Арсеній Элассонскій, бывъ у насъ вмѣстѣ съ Патріархомъ Іереміею, возвратился и начальствовалъ надъ Суздальскою Епархіею. — Ѳеодоръ съ радостію свѣдалъ о явленіи въ Угличѣ нетлѣнныхъ мощей (363) Князя Романа Владиміровича (внука Константинова), и душевно оскорбился бѣдствіемъ знаменитой Обители Печерской Нижегородской, гдѣ спасались нѣкогда Угодники Божіи, Діонисій Суздальскій, ученикъ его Евфимій и Макарій Желтоводскій или Унженскій (364): гора, подъ которою стоялъ монастырь, вдругъ съ трескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келліи, ограду. Сія гибель мѣста святаго поразила воображеніе людей суевѣрныхъ и названа въ лѣтописи *великимъ знаменіемъ* того, что ожидало Россію, — чего ожидалъ и Ѳеодоръ, замѣтно слабѣя здравіемъ. Пишутъ, что онъ (въ 1596 году) торжественно перекладывая мощи Алексія Митрополита въ новую серебряную раку, велѣлъ Годунову взять ихъ въ руки, и взирая на него съ печальнымъ умиленіемъ, сказалъ: «Осязай святыню, «Правитель народа Христіанскаго! Управ«ляй имъ и впредь съ ревностію. Ты до«стигнешь желаемаго; но все суета и мигъ

(Marginal notes: Разрушеніе Печерской Обители. — Слово Ѳеодорово Годунову.)

«на землѣ» (365)! Θеодоръ предчувствовалъ близкій конецъ свой, и часъ насталъ.

Нѣтъ, не вѣримъ преданію ужасному, что Годуновъ будто бы ускорилъ сей часъ отравою (366). Лѣтописцы достовѣрнѣйшіе молчатъ о томъ, съ праведнымъ омерзѣніемъ изобличая всѣ иныя злодѣйства Борисовы. Признательность смиряетъ и льва яростнаго (367); но если ни святость Вѣнценосца, ни святость благотворителя не могли остановить изверга, то онъ еще могъ бы остановиться, видя въ бренномъ Θеодорѣ явную жертву скорой естественной смерти, и между тѣмъ властвуя, и ежедневно утверждая власть свою какъ неотъемлемое достояніе. . . . Но Исторія не скрываетъ и клеветы, преступленіями заслуженной.

Въ концѣ 1597 года Θеодоръ впалъ въ тяжкую болѣзнь (368); 6 Генваря открылись въ немъ явные признаки близкой смерти, къ ужасу столицы. Народъ любилъ Θеодора, какъ Ангела земнаго, озареннаго лучами святости, и приписывалъ дѣйствію его ревностныхъ молитвъ благосостояніе отечества; любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго Царя Мономаховой крови — и когда въ отверстыхъ храмахъ еще съ надеждою просилъ Бога объ исцѣленіи Государя добраго, тогда Патріархъ Вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ

Г. 1598. Кончина Θеодорова.

искреннимъ сокрушеніемъ сердца предстояли одру болящаго, въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Ѳеодоровой Самодержавной власти: завѣщанія о судьбѣ Россіи сиротѣющей. Но какъ въ теченіе жизни, такъ и при концѣ ея, Ѳеодоръ не имѣлъ иной воли, кромѣ Борисовой; и въ сей великій часъ не измѣнилъ своей безпредѣльной довѣренности къ наставнику: лишаясь зрѣнія и слуха, еще устремлялъ темнѣющій взоръ на Годунова и съ усиліемъ внималъ его шептаніямъ, чтобы сдѣлать ему угодное. Безмолвствовали Бояре: Первосвятитель Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ «меркнетъ; праведный отходитъ къ Богу.... «Государь! кому приказываешь Царство, насъ «сирыхъ и свою Царицу?» Ѳеодоръ тихо отвѣтствовалъ: «въ Царствѣ, въ васъ и въ моей Ца«рицѣ воленъ Господь Всевышній.... остав«ляю грамоту духовную» (369). Сіе завѣщаніе было уже написано: Ѳеодоръ вручалъ державу Иринѣ (370), а душу свою приказывалъ Великому Святителю Іову, двоюродному брату Ѳедору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику Царицы Анастасіи), и шурину Борису Годунову; то есть, избралъ ихъ быть главными совѣтниками Трона. Онъ хотѣлъ проститься съ нѣжною супругою наединѣ, и говорилъ съ нею безъ земныхъ свидѣтелей (371): сія бесѣда осталась неизвѣстною. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ Царя елеемъ, исповѣдалъ и пріобщилъ Святыхъ Таинъ. Въ часъ утра, 7 Генваря, Ѳеодоръ испустилъ духъ,

безъ судорогъ и трепета, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко (372).

Въ сію минуту оцѣпенѣнія, горестію произведеннаго, явилась Царица и пала на тѣло умершаго: ее вынесли въ безпамятствѣ (373). Тогда, изъявляя и глубокую скорбь и необыкновенную твердость духа, Годуновъ напомнилъ Боярамъ, что они, уже не имѣя Царя, должны присягнуть Царицѣ: всѣ съ ревностію исполнили сей обрядъ священный, цѣлуя крестъ въ рукахъ Патріарха.... Случай дотолѣ безпримѣрный: ибо мать Іоаннова, Елена, властвовала только именемъ сына-младенца: Иринѣ же отдавали скипетръ Мономаховъ со всѣми правами самобытной, неограниченной власти. — На разсвѣтѣ ударили въ большой колоколъ Успенскій, извѣщая народъ о преставленіи Өеодора, и вопль раздался въ Москвѣ отъ палатъ до хижинъ: каждый домъ, по выраженію современника, былъ *домомъ плача*. Дворецъ не могъ вмѣстить людей, которые стремились къ одру усопшаго: и знатные и нищіе. Слезы лилися; но и чиновники и граждане, подобно Боярамъ, съ живѣйшимъ усердіемъ клялись въ вѣрности къ любимой Царицѣ-матери, которая еще спасала Россію отъ сиротства совершеннаго. Столица была въ отчаяніи, но спокойна. Дума послала гонцевъ въ области; велѣла за-

Присяга Царицѣ Иринѣ.

творить пути въ чужія земли до новаго указа и вездѣ строго блюсти тишину.

Тѣло Ѳеодорово вложили въ раку, при самой Иринѣ, которая ужасала всѣхъ изступленіемъ своей неописанной скорби: терзалась, билась; не слушала ни брата, ни Патріарха; изъ устъ ея, обагренныхъ кровію (374), вырывались слова: «я вдовица безчадная ..... мною гибнетъ ко- «рень Царскій!» Ввечеру отнесли гробъ въ церковь Михаила Архангела Патріархъ, Святители, Бояре и народъ вмѣстѣ; не было различія въ званіяхъ: общая горесть сравняла ихъ. 8 Генваря совершилось погребеніе, достопамятное не великолѣпіемъ, но трогательнымъ безпорядкомъ: захлипаясь отъ слезъ и рыданія, Духовенство прерывало священнодѣйствіе, и лики умолкали; въ воплѣ народномъ никто не могъ слышать пѣнія. Уже не плакала — одна Ирина: ее принесли въ храмъ какъ мертвую. Годуновъ не осушалъ глазъ, смотря на злосчастную Царицу, но давалъ всѣ повелѣнія. Отверзли могилу для гроба Ѳеодорова, подлѣ Іоаннова; народъ громогласно изъявилъ благодарность усопшему за счастливые дни его царствованія, съ умиленіемъ славя личныя добродѣтели сего Ангела кротости, наслѣдованныя имъ отъ незабвенной Анастасіи, — именуя его не Царемъ, но отцемъ чадолюбивымъ, и въ искреннемъ прискорбіи сердца забывъ слабость души Ѳеодоровой. — Когда предали тѣло землѣ, Патріархъ, а съ нимъ и всѣ люди, воздѣвъ руки на небо, моли-

лись, да спасетъ Господь Россію, и лишивъ ее пастыря, да не лишитъ Своей милости.—Совершивъ печальный обрядъ, роздали богатую казну бѣднымъ, церквамъ и монастырямъ; отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, даже смертоубійцъ, чтобы симъ дѣйствіемъ милосердія увѣнчать земную славу Ѳеодоровыхъ добродѣтелей....

Такъ пресѣклось на тронѣ Московскомъ знаменитое Варяжское поколѣніе, коему Россія обязана бытіемъ, именемъ и величіемъ, — отъ начала столь малаго, сквозь рядъ вѣковъ бурныхъ, сквозь огнь и кровь, достигнувъ господства надъ Сѣверомъ Европы и Азіи воинственнымъ духомъ своихъ Властителей и народа, счастіемъ и промысломъ Божіимъ!....

Скоро узнала печальная столица, что вмѣстѣ съ Ириною вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ; что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно; что Россія, не имѣя Царя, не имѣетъ и Царицы!

Пишутъ, что Ѳеодоръ набожный, прощаясь съ супругою, вопреки своему завѣщанію тайно велѣлъ ей презрѣть земное величіе и посвятить себя Богу ([375]): можетъ быть, и сама Ирина, вдовица бездѣтная, въ искреннемъ отчаяніи возненавидѣла свѣтъ, не находя утѣшенія въ Царской пышности; но гораздо вѣроятнѣе, что такъ хотѣлъ Годуновъ, располагая сердцемъ и судьбою нѣжной сестры. Онъ уже не могъ возвыситься въ царствованіе Ирины, властвовавъ безпредѣльно и при Ѳеодорѣ; не могъ, въ концѣ пятаго десятилѣтія жизни, еще ждать или откла-

дывать; вручилъ Царство Иринѣ, чтобы взять его себѣ, изъ рукъ единокровной, какъ бы правомъ наслѣдія: занять на тронѣ мѣсто *Годуновой*, а не Мономахова Вѣнценоснаго племени, и менѣе казаться похитителемъ въ глазахъ народа. Никогда сей лукавый честолюбецъ не былъ столь дѣятеленъ, явно и скрытно, какъ въ послѣдніе дни Ѳеодоровы и въ первые мнимаго Иринина Державства: явно, чтобы народъ не имѣлъ и мысли о возможности государственнаго устройства безъ радѣнія Борисова; скрытно, чтобы дать видъ свободы и любви дѣйствію силы, обольщенія и коварства. Какъ бы невидимою рукою обнявъ Москву, онъ управлялъ ея движеніями чрезъ своихъ слугъ безчисленныхъ (376); отъ Церкви до Синклита, до войска и народа, все внимало и слѣдовало его внушеніямъ, благопріятствуемымъ съ одной стороны робостію, а съ другой истинною признательностію къ заслугамъ и милостямъ Борисовымъ. Обѣщали и грозили; шептомъ и громогласно доказывали, что спасеніе Россіи нераздѣльно съ властію Правителя — и, приготовивъ умы или страсти къ великому ѳеатральному дѣйствію, въ девятый день по кончинѣ Царя объявили торжественно, что Ирина отказывается отъ Царства и навѣки удаляется въ монастырь, воспріять Ангельскій образъ Инокини. Сія вѣсть по-

Постриженіе Ирины.

разила Москву: Святители, Дума, сановники, Дворяне, граждане *соборомъ* пали предъ вѣнценосною вдовою, плакали неутѣшно, называли ее матерію и заклинали не оставлять ихъ въ ужасномъ сиротствѣ; но Царица, дотолѣ всегда мягкосердая, не тронулась моленіемъ слезнымъ: отвѣтствовала, что воля ея неизмѣнна, и что Государствомъ будутъ править Бояре, вмѣстѣ съ Патріархомъ, до того времени, когда успѣютъ собраться въ Москвѣ всѣ Чины Россійской Державы ([377]), чтобы рѣшить судьбу отечества по вдохновенію Божію. Въ тотъ же день ([378]) Ирина выѣхала изъ Дворца Кремлевскаго въ Новодѣвичій монастырь, и подъ именемъ Александры вступила въ санъ Инокинь. Россія осталась безъ Главы, а Москва въ тревогѣ, въ волненіи . . . . .

Гдѣ былъ Годуновъ, и что дѣлалъ? Заключился въ монастырѣ съ сестрою, плакалъ и молился съ нею. Казалось, что онъ, подобно ей, отвергнулъ міръ, величіе, власть, кормило государственное, и предалъ Россію въ жертву бурямъ; но кормчій неусыпно бодрствовалъ, и Годуновъ въ тѣсной келліи монастырской твердою рукою держалъ Царство!

Свѣдавъ о постриженіи Ирины, Духовенство, чиновники и граждане собралися въ Кремлѣ, гдѣ Государственный Дьякъ и Печатникъ, Василій Щелкаловъ, представивъ имъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобы они цѣловали крестъ на имя Думы Боярской. Никто не хотѣлъ слышать о томъ; всѣ кричали: «не знаемъ

«ни Князей, ни Бояръ; знаемъ только Царицу: ей мы дали присягу, и другой не «дадимъ никому: она и въ Черницахъ мать «Россіи» (379). Печатникъ совѣтовался съ Вельможами, снова вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что Царица, оставивъ свѣтъ, уже не занимается дѣлами Царства, и что народъ долженъ присягнуть Боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Единогласнымъ отвѣтомъ было: «и такъ да царствуетъ братъ ея!» Никто не дерзнулъ противорѣчить, ни безмолвствовать: всѣ восклицали: «да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳеодоровичь! онъ будетъ преемникомъ матери нашей, Царицы!» Немедленно, *всѣмъ соборомъ*, пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ Патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ Монахиню Александру благословить ея брата на Царство, ею презрѣнное изъ любви къ жениху безсмертному, Христу Спасителю — исполнить тѣмъ волю Божію и народную — утишить колебаніе въ душахъ и въ Государствѣ — отереть слезы Россіянъ, бѣдныхъ, сирыхъ, безпомощныхъ, и снова возставить Державу сокрушенную, доколѣ враги Христіанства еще не увѣдали о вдовствѣ Мономахова престола. Всѣ проливали слезы — и сама Царица Инокиня, внимая Первосвятителю краснорѣчивому. Іовъ обратился

Избраніе Годунова въ Цари.

къ Годунову; смиренно предлагалъ ему корону, называлъ его Свышеизбраннымъ для возобновленія Царскаго корени въ Россіи, естественнымъ наслѣдникомъ трона послѣ зятя и друга, обязаннаго всѣми успѣхами своего владычества Борисовой мудрости ([380]).

Такъ совершилось желаніе властолюбца! . . . Но онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца — и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ гортань Св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, Духовенствомъ, Синклитомъ, народомъ; *клялся*, что никогда, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ Державномъ, и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго Царя-Ангела, его отца и благотворителя; говорилъ, что въ Россіи много Князей и Бояръ, коимъ онъ, уступая въ знатности, уступаетъ и въ личныхъ достоинствахъ ([381]); но изъ признательности къ любви народной обѣщается вмѣстѣ съ ними радѣть о Государствѣ еще ревностнѣе прежняго ([382]). На сію рѣчь, заблаговременно сочиненную, Патріархъ отвѣтствовалъ такою же, и весьма плодовитою, исполненною движеній витійства и примѣровъ историческихъ; обвинялъ Годунова въ излишней скромности, даже въ неповиновеніи волѣ Божіей, которая столь явна въ общенародной волѣ; доказывалъ, что Всевышній искони готовилъ ему и роду его на-

вѣки вѣковъ державу Владимірова потомства, Ѳеодоровою смертію пресѣченнаго; напоминалъ о Давидѣ, Царѣ Іудейскомъ, — Ѳеодосіи Великомъ, Маркіанѣ, Михаилѣ Косноязычномъ, Василіи Македонскомъ, Тиверіи и другихъ Императорахъ Византійскихъ, неисповѣдимыми судьбами Небесными возведенныхъ на престолъ изъ ничтожества; сравнивалъ ихъ добродѣтели съ Борисовыми; убѣждалъ, требовалъ, и не могъ поколебать его твердости, ни въ сей день, ни въ слѣдующіе (383) — ни предъ лицемъ народа, ни безъ свидѣтелей, — ни моленіемъ, ни угрозами духовными. Годуновъ рѣшительно отрекся отъ короны.

Но Патріархъ и Бояре еще не теряли надежды: ждали *Великаго Собора*, коему надлежало быть въ Москвѣ чрезъ шесть недѣль по смерти Ѳеодора; то есть, велѣли съѣхаться туда изъ всѣхъ областныхъ городовъ людямъ выборнымъ: Духовенству, чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ, купцамъ, мѣщанамъ (384). Годуновъ хотѣлъ, чтобы не одна столица, но вся Россія призвала его на тронъ, и взялъ мѣры для успѣха, всюду пославъ ревностныхъ слугъ своихъ и клевретовъ (385): сей видъ единогласнаго, свободнаго избранія казался ему нужнымъ — для успокоенія ли совѣсти? или для твердости и безопасности его властвованія? Между тѣмъ Борисъ жилъ въ монастырѣ, а Государствомъ правила Дума, совѣтуясь съ Патріархомъ въ дѣлахъ важныхъ; но указы писала именемъ *Царицы*

Александры, и на ея же имя получала донесенія Воеводъ Земскихъ. Между тѣмъ оказывались неповиновеніе и безпорядокъ: въ Смоленскѣ, Псковѣ и въ иныхъ городахъ Воеводы не слушались ни другъ друга, ни предписаній Думы ([386]). Между тѣмъ носились слухи о впаденіи Хана Крымскаго въ предѣлы Россіи, и народъ говорилъ въ ужасѣ: «Ханъ будетъ подъ Мо-«сквою, а мы безъ Царя и защитника!» Однимъ словомъ, все благопріятствовало Годунову, ибо все было имъ устроено!

Въ Пятницу, 17 Февраля, открылась въ Кремлѣ Дума Земская, или Государственный Соборъ, гдѣ присутствовало, кромѣ всего знатнѣйшаго Духовенства, Синклита, Двора, не менѣе пяти сотъ чиновниковъ и людей выборныхъ ([387]) изъ всѣхъ областей, для дѣла великаго, не бывалаго со временъ Рюрика: для назначенія Вѣнценосца Россіи, гдѣ дотолѣ властвовалъ непрерывно, уставомъ наслѣдія, родъ Князей Варяжскихъ, и гдѣ Государство существовало Государемъ; гдѣ всѣ законныя права истекали изъ его единственнаго самобытнаго права: судить и рядить землю по закону совѣсти. Часъ опасный: кто избираетъ, тотъ даетъ власть, и слѣдственно имѣетъ оную; ни уставы, ни примѣры не ручались за спокойствіе народа въ ея столь важномъ дѣйствіи, и Сеймъ Кремлевскій могъ уподобиться Варшавскимъ: бурному морю страстей, гибельныхъ для устройства и силы Державъ. Но долговременный навыкъ повиновенія и хитрость

Борисова представили зрѣлище удивительное: тишину, единомысліе, увѣтливость во многолюдствѣ разнообразномъ, въ смѣси чиновъ и званій. Казалось, что всѣ желали одного: какъ сироты, найти скорѣе отца — и знали, въ комъ искать его. Граждане смотрѣли на Дворянъ, Дворяне на Вельможъ, Вельможи на Патріарха. Извѣстивъ Соборъ, что Ирина не захотѣла ни царствовать, ни благословить брата на Царство, и что Годуновъ также не принимаетъ вѣнца Мономахова, Іовъ сказалъ: «Россія, тоскуя безъ «Царя, нетерпѣливо ждетъ его отъ мудрости Со«бора. Вы, Святители, Архимандриты, Игуме«ны; вы, Бояре, Дворяне, люди Приказные, «Дѣти Боярскіе и всѣхъ чиновъ люди царствую«щаго града Москвы и всей земли Русской! «объявите намъ мысль свою и дайте совѣтъ, «кому быть у насъ Государемъ ([388]). Мы же, «свидѣтели преставленія Царя и Великаго Князя «Θеодора Іоанновича, думаемъ, что намъ мимо «Бориса Θеодоровича не должно искать другаго «Самодержца.» Тогда все Духовенство, *Бояре, воинство и народъ* единогласно отвѣтствовали ([389]): «нашъ совѣтъ и желаніе то же: немед«ленно бить челомъ Государю Борису Θеодоро«вичу, и мимо его не искать другаго Властителя «для Россіи.» Усердіе обратилось въ восторгъ, и долго не льзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громогласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ. Тутъ находились Князья Рюрикова племени: Шуйскіе,

Сицкіе, Воротынскій, Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе иные; но давно лишенные достоинства Князей Владѣтельныхъ, давно слуги Московскихъ Государей наравнѣ съ Дѣтьми Боярскими, они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ, и спорить о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени Царскаго уже тринадцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи: былъ хотя и потомкомъ Мурзы, но братомъ Царицы. Возстановивъ тишину, Вельможи, въ честь Годунова, разсказали Духовенству, чиновникамъ и гражданамъ слѣдующія обстоятельства: «Государыня «Ирина Ѳеодоровна и знаменитый братъ ея съ «самаго перваго дѣтства возрастали въ пала«тахъ Великаго Царя Іоанна Василіевича и пи«тались отъ стола его. Когда же Царь удостоилъ «Ирину быть своею невѣсткою, съ того времени «Борисъ Ѳедоровичь жилъ при немъ неотступно, «навыкая государственной мудрости. Однажды, «узнавъ о недугѣ сего юнаго любимца, Царь «пріѣхалъ къ нему съ нами и сказалъ мило«стиво: *Борисъ! страдаю за тебя какъ за сына*, «*за сына какъ за невѣстку*, *за невѣстку какъ за* «*самого себя* (390) — поднялъ три перста десницы «своей и примолвилъ: *се Ѳеодоръ*, *Ирина и Бо*«*рисъ; ты не рабъ, а сынъ мой*. Въ послѣдніе часы «жизни всѣми оставленный для исповѣди, Іоаннъ «удержалъ Бориса Ѳедоровича при одрѣ своемъ, «говоря ему: *Для тебя обнажено мое сердце*. «*Тебѣ приказываю душу*, *сына*, *дочь и все Цар*«*ство: блюди*, *или дашь за нихъ отвѣтъ Бо*-

«гу» [391]. Помня сіи незабвенныя слова, Борисъ «Θедоровичь хранилъ, яко зеницу ока, и юнаго «Царя и великое Царство.» Описавъ, какъ Правитель своею неусыпною, мудрою дѣятельностію возвысилъ отечество, смирилъ Хана и Шведовъ, обуздалъ Литву, расширилъ владѣнія Россіи, умножилъ число ея Царей-данниковъ и слугъ [392]; какъ знаменитѣйшіе Вѣнценосцы Европы и Азіи изъявляютъ ей уваженіе и пріязнь — какая тишина внутри Государства, милость для войска и для народа, правда въ судахъ, защита для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ — Бояре заключили такъ: «Мы напомнимъ вамъ случай достопамятный. «Когда Царь Θеодоръ, умомъ и мужествомъ «Правителя одержавъ славнѣйшую побѣду надъ «Ханомъ, весело пировалъ съ Духовенствомъ и «Синклитомъ: тогда, въ умиленіи признатель-«ности, снявъ съ себя златую *Царскую* гривну, «онъ возложилъ ее на выю своего шурина» [393]. А Патріархъ изъяснилъ собранію, что Царь, исполненный Св. Духа, симъ таинственнымъ дѣйствіемъ ознаменовалъ будущее Державство Годунова, искони предопредѣленное Небомъ. Снова раздались клики: «да здравствуетъ Государь «нашъ, Борисъ Θеодоровичь!» И Патріархъ воззвалъ къ Собору: «гласъ народа есть гласъ Бо-«жій: буди, что угодно Всевышнему!»

Въ слѣдующій день, Февраля 18, въ первый часъ утра, церковь Успенія наполнилась людьми: всѣ, преклонивъ колѣна, Духовенство, Синклитъ и народъ, усердно молили Бога, чтобы

Правитель смягчился и принялъ вѣнецъ; молились еще два дни (394), и Февраля 20 Іовъ, Святители, Вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ Цари уже не Москвою, а всею Россіею. Но Годуновъ вторично отвѣтствовалъ, что высота и сіяніе Ѳеодорова трона ужасаютъ его душу; клялся снова, что и въ сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видѣлъ слезы, слышалъ убѣжденія самыя трогательныя, и былъ непреклоненъ; выслалъ *искусителей*, Духовенство съ Синклитомъ, изъ монастыря, и не велѣлъ имъ возвращаться. Надлежало искать дѣйствительнѣйшаго средства: размышляли — и нашли. Святители въ общемъ совѣтѣ съ Боярами уставили пѣть, 21 Февраля, во всѣхъ церквахъ *праздничный молебенъ*, и съ обрядами торжественными, съ святынею Вѣры и отечества, въ послѣдній разъ испытать силу убѣжденій и плача надъ сердцемъ Борисовымъ; а тайно, между собою, Іовъ, Архіепископы и Епископы условились въ слѣдующемъ: «Если Государь Борисъ Ѳеодоровичь «смилуется надъ нами, то разрѣшимъ его клятву «не быть Царемъ Россіи (395); если не смилуется, «то отлучимъ его отъ Церкви; тамъ же, въ мо«настырѣ, сложимъ съ себя Святительство, кре«сты и Панагіи; оставимъ иконы чудотворныя, «запретимъ службу и пѣніе во святыхъ хра«махъ; предадимъ народъ отчаянію, а Царство «гибели, мятежамъ, кровопролитію — и винов-

«никъ сего неисповѣдимаго зла да отвѣтствуетъ «предъ Богомъ въ день Суда Страшнаго!»

Въ сію ночь не угасали огни въ Москвѣ: все готовилось къ великому дѣйствію — и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица. Всѣ храмы и домы отворились: Духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля; народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и Владыки несли иконы знаменитыя славными воспоминаніями: Владимірскую и Донскую, какъ святыя знамена отечества; за Клиромъ шли Синклитъ, Дворъ, воинство, Приказы, *Выборы* городовъ ([396]); за ними устремились и всѣ жители Московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти, къ Новодѣвичьему монастырю, откуда, также съ колокольнымъ звономъ, вынесли образъ Смоленской Богоматери на встрѣчу Патріарху: за симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный сто́ль необыкновенно-торжественнымъ церковнымъ ходомъ; палъ ницъ предъ иконою Владимірскою, обливался слезами и воскликнулъ: «О мать Божія! что виною твоего подви-«га? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію Твоего «крова!» обратился къ Іову, и съ видомъ укоризны сказалъ ему: «Пастырь Великій! Ты дашь «отвѣтъ Богу!» Іовъ отвѣтствовалъ: «Сынъ «возлюбленный! не снѣдай себя печалію, но «вѣрь Провидѣнію! Сей подвигъ совершила Бо-«гоматерь изъ любви къ тебѣ, да устыдишься!» Онъ пошелъ въ церковь святой Обители съ Духовенствомъ и людьми знатнѣйшими; другіе

стояли въ оградѣ ; народъ внѣ монастыря, занимая все обширное Дѣвичье поле. Соборомъ отпѣвъ Литургію, Патріархъ снова, и тщетно, убѣждалъ Бориса не отвергать короны ; велѣлъ нести иконы и кресты въ келліи Царицы : тамъ со всѣми Святителями и Вельможами преклонилъ главу до земли . . . . и въ то самое мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей , въ келліяхъ , въ оградѣ , внѣ монастыря , упало на колѣна , съ воплемъ *неслыханнымъ :* всѣ требовали Царя , отца , Бориса! Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика (397). Искренность побѣждала притворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ , и на самыхъ лицемѣровъ! Патріархъ , рыдая , заклиналъ Царицу долго , неотступно, именемъ святыхъ иконъ, которыя предъ нею стояли , — именемъ Христа Спасителя , Церкви , Россіи , дать милліонамъ Православныхъ *Государя благонадежнаго* , ея Великаго брата . . . . Наконецъ услышали слово милости : глаза Царицы , дотолѣ нечувствительной , наполнились слезами. Она сказала : «По «изволенію всесильнаго Бога и Пречистыя Дѣвы «Маріи возмите у меня единороднаго брата на «Царство, въ утоленіе народнаго плача. Да «исполнится желаніе вашихъ сердецъ , ко сча«стію Россіи! Благословляю избраннаго вами и «предаю Отцу Небесному, Богоматери, Святымъ «Угодникамъ Московскимъ и тебѣ, Патріарху — «и вамъ, Святители — и вамъ , Бояре! Да за-

«ступитъ мое мѣсто на престолѣ!» Всѣ упали къ ногамъ Царицы, которая печально взглянувъ на смиреннаго Бориса, дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею. Но онъ еще изъявлялъ нехотѣніе; страшился тягостнаго бремени, возлагаемаго на слабыя рамена его; просилъ избавленія; говорилъ сестрѣ, что она изъ единаго милосердія не должна предавать его въ жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умомъ робкимъ не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для смертнаго; свидѣтельствовался Окомъ Всевидящимъ и самою Ириною, что желаетъ единственно жить при ней и смотрѣть на ея лице Ангельское (398). Царица уже настояла рѣшительно. Тогда Борисъ какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ: «Буди же святая «воля Твоя, Господи! Настави меня на путь пра«вый, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! «Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа.» Святители, Вельможи упали къ ногамъ его. Осѣнивъ животворящимъ крестомъ Бориса и Царицу, Патріархъ спѣшилъ возвѣстить Дворянамъ, Приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Господь даровалъ имъ Царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздѣвъ руки на небо, славили Бога (399); плакали, обнимали другъ друга. Отъ келлій Царицыныхъ до всѣхъ концевъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: *слава! слава!*.... Окруженный Вельможами, тѣснимый, лобзаемый народомъ, Борисъ въ слѣдъ за Духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей Обители, гдѣ

Патріархъ Іовъ, предъ иконами Владимірской и Донской, благословилъ его на Государство Московское и всея Россіи; нарекъ Царемъ, и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

Что по видимому могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе сего нареченія? и что благоразумнѣе? Премѣнилось только имя Царя: власть Державная оставалась въ рукахъ того, кто уже давно имѣлъ оную, и властвовалъ счастливо для цѣлости Государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности Россіи. Такъ казалось; но сей человѣческою мудростію надѣленный Правитель достигъ престола злодѣйствомъ.... Казнь Небесная угрожала Царю преступнику и Царству несчастному.

ГЛАВА IV.

Состоянiе Россiи

въ концѣ XVI вѣка.

Безопасность Россiи въ отношенiи къ сосѣдственнымъ Державамъ. Войско. Жалованье. Доходы. Богатство Строгановыхъ. Судъ и расправа. Пытки и казни. Торговля. Цѣна разныхъ товаровъ. Корабли Россiйскiе. Образованiе. Геометрiя и Ариѳметика. Тайное письмо или цыфры. Географiя. Словесность. Художества и ремесла. Москва. Обычаи. Примѣры мѣстничества. Дворъ. Вина иноземныя, меды и яства Русскiя. Хлѣбосольство. Долгая жизнь. Медики. Лекарства. Аптекари. Разныя обыкновенiя. Убогiй домъ. Одежда женщинъ. Забавы. Бани. Пороки. Набожность. Смерть перваго Борисова сына. Юродивые. Терпимость. Унiя въ Литвѣ.

Описавъ судьбу нашего отечества подъ наслѣдственнымъ скиптромъ Монарховъ Варяжскаго племени, заключимъ Исторiю *семи сотъ тридцати-шести лѣтъ* обозрѣнiемъ тогдашняго состоянiя Россiи въ государственномъ и гражданскомъ смыслѣ.

Никогда *внѣшнiя* обстоятельства Московской Державы, основанной, изготовленной къ величiю Iоанномъ III, не казались столь

благопріятными для ея цѣлости и безопасности, какъ въ сіе время. Въ Литвѣ преемникъ Баторіевъ дремалъ на тронѣ, окруженномъ строптивыми, легкомысленными и несогласными Вельможами; Швеція колебалась въ безначаліи; Ханъ умѣлъ только грабить оплошныхъ; Магометъ III въ сильномъ бореніи съ Австріею предвидѣлъ еще опаснѣйшую войну съ Шахомъ — а Россія, почти безъ кровопролитія взявъ неизмѣримыя земли на Сѣверо-Востокѣ, заложивъ крѣпости подъ сѣнію Кавказа, возстановивъ свои древнія грани на скалахъ Корельскихъ, ожидая случая возвратить и другія несчастныя уступки Іоаннова малодушія, города въ Ливоніи и важную пристань Балтійскую, — Россія, спокойная извнѣ, тихая внутри, имѣла войско многочисленнѣйшее въ Европѣ, и еще непрестанно умножала его. Такъ говорятъ иноземные современники о ратныхъ силахъ Ѳеодоровыхъ:

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ Державамъ.

Войско.

«Пятнадцать тысячь Дворянъ, раздѣленныхъ на три степени: Большихъ, Среднихъ и Меньшихъ, Московскихъ и такъ называемыхъ *Выборныхъ* (присылаемыхъ въ столицу изъ всѣхъ городовъ, и чрезъ три года смѣняемыхъ иными), составляютъ конную дружину Царскую ([400]). Шестьдесятъ-пять тысячь всадниковъ, изъ Дѣтей Боярскихъ, ежегодно собирается на бере-

гахъ Оки, въ угрозу Хану. Лучшая пѣхота Стрѣльцы и Козаки: первыхъ 10000, кромѣ двухъ тысячь отборныхъ или Стремянныхъ ([401]); вторыхъ около шести тысячь. На ряду съ ними служатъ 4300 Нѣмцевъ и Поляковъ, 4000 Козаковъ Литовскихъ, 150 Шотландцевъ и Нидерландцевъ, 100 Датчанъ, Шведовъ и Грековъ. Для важнаго ратнаго предпріятія выѣзжаютъ на службу всѣ Помѣстные Дѣти Боярскіе съ своими холопами и *людьми даточными* (изъ отчинъ Боярскихъ и церковныхъ), болѣе крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одѣтыми (въ чистые, узкіе кафтаны съ длиннымъ, отложнымъ воротникомъ): невозможно опредѣлить ихъ числа ([402]), умножаемаго въ случаѣ нужды людьми купецкими, также наемниками и слугами Государя Московскаго, Ногаями, Черкесами, древними подданными Казанскаго Царства. Сборныя областныя дружины называются именами городовъ своихъ: Смоленскою, Новогородскою, и проч.; въ каждой бываетъ отъ 300 до 1200 ратниковъ. Многіе вооружены худо; только пѣхота имѣетъ пищали: но огнестрѣльный снарядъ не уступаетъ лучшему въ Европѣ. Доспѣхи и конскіе приборы Воеводъ, чиновниковъ, Дворянъ блистаютъ свѣтлостію булата и каменьями драгоцѣнными; на знаменахъ, освящаемыхъ Патріархомъ, изображается Св. Георгій ([403]). Въ битвахъ удары конницы бываютъ всегда при звукѣ огромныхъ *набатовъ* (или барабановъ), сурнъ и бубновъ: всадники пускаютъ тучу

стрѣлъ, извлекаютъ мечи, машутъ ими вокругъ головы и стремятся впередъ густыми толпами. Пѣхота, дѣйствуя въ степи противъ Крымцевъ, обыкновенно защищаетъ себя *Гуляемъ*, или подвижнымъ складнымъ городкомъ, возимымъ на телегахъ; то есть, ставятъ два ряда досокъ на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ въ длину, и стрѣляютъ изъ сего укрѣпленія сквозь отверстія въ обѣихъ стѣнахъ. Ожидая Хана, Воеводы высылаютъ Козаковъ въ степи, гдѣ изрѣдка растутъ высокіе дубы: тамъ, подъ каждымъ деревомъ, видите двухъ осѣдланныхъ лошадей: одинъ изъ всадниковъ держитъ ихъ за узду, а товарищъ его сидитъ на вершинѣ дуба и смотритъ во всѣ стороны; увидѣвъ пыль, слѣзаетъ немедленно, садится на лошадь, скачетъ къ другому дубу, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ пыль; стражъ сего дерева велитъ своему товарищу также скакать къ третьему дереву съ вѣстію, которая въ нѣсколько часовъ доходитъ до ближайшаго города или до передоваго Воеводы.» — Далѣе сіи иноземные наблюдатели, замѣчая (какъ и въ Іоанново время), что Россіяне лучше бьются въ крѣпостяхъ, нежели въ полѣ ([404]), спрашиваютъ: «чего со временемъ нельзя ожидать отъ войска безсмѣтнаго, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кромѣ гнѣва Царскаго, съ толокномъ и *сухарями*, безъ обоза и крова, съ неодолимымъ терпѣніемъ скитается въ пустыняхъ Сѣвера, и въ коемъ за славнѣйшее дѣло дается только маленькая золотая

деньга (съ изображеніемъ Св. Георгія), носимая счастливымъ витяземъ на рукавѣ или шапкѣ?»

Жалованье. Но Цари уже не скупились и не щадили казны для лучшаго устройства ополченій. Уже Іоаннъ производилъ денежное жалованье воинамъ въ походахъ (405): Ѳеодоръ или Годуновъ давалъ, сверхъ помѣстныхъ земель, каждому Дворянину и Сыну Боярскому пятнадцатитысячной Царской дружины отъ 12 до 100 рублей; каждому Стрѣльцу и Козаку 7 рублей, сверхъ хлѣбнаго запаса; конному войску на берегахъ Оки около 40,000 рублей ежегодно: что, вмѣстѣ съ платою иноземнымъ воинамъ, (также Боярамъ, Окольничимъ и другимъ знатнѣйшимъ сановникамъ, изъ коихъ первые имѣли 700, а вторые отъ 200 до 400 рублей жалованья) составляло нѣсколько милліоновъ нынѣшнею монетою и свидѣтельствовало овозрастающемъ богатствѣ Россіи, которое еще яснѣе увидимъ изъ слѣдующихъ подробныхъ извѣстій о тогдашнихъ доходахъ государственныхъ (406).

Доходы.

1) Особенная Царская отчина, 36 городовъ съ селами и деревнями, доставляла казнѣ Дворцоваго вѣдомства, сверхъ денежнаго оброка, хлѣбъ, скотъ, птицъ, рыбу, медъ, дрова, сѣно: чего, за содержаніемъ Двора, въ *расточительное* Іоанново время продавалось ежегодно на 60,000

рублей, а въ Өеодорово, отъ лучшаго хозяйства, введеннаго Дворецкимъ Григорьемъ Васильевичемъ Годуновымъ, на 230,000 рублей (около 1,150,000 нынѣшнихъ серебряныхъ).

2) *Тягло* и *подать* государственная, съ *вытей* хлѣбомъ, а съ *сохъ* деньгами, приносили казнѣ Четвертнаго ([407]) вѣдомства 400,000 рублей: съ области Псковской 18000, Новогородской 35000, Тверской и Новоторжской 8000, Рязанской 30000, Муромской 12000, Колмогорской и Двинской 8000, Вологодской 12000, Казанской 18000, Устюжской 30000, Ростовской 50000, Московской 40000, Сибирской (мѣхами) 20000, Костромской 12000, и проч.

3) Разныя городскія пошлины: торговыя, судныя, питейныя, банныя, вносимыя въ казну Большаго Прихода (съ Москвы 12000, Смоленска 8000, Пскова 12000, Новагорода 6000, Старой Русы, гдѣ варилась соль, 18000, Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1200, Костромы 1800, Нижняго 7000, Казани 11000, Вологды 2000, и проч.) составляли 800,000 рублей, вмѣстѣ съ экономіею Приказовъ Розряднаго, Стрѣлецкаго, Иноземскаго, Пушкарскаго, которые, имѣя свои *особенные* доходы, отсылали сберегаемыя ими суммы въ сей же Большій Приходъ — такъ, что въ сокровищницу Кремлевскую, подъ Өеодорову или Годунова печать ([408]), ежегодно вступало, сверхъ главныхъ государственныхъ издержекъ на войско и Дворъ, не менѣе милліона четырехъ сотъ тысячь рублей (*отъ шести до семи милліоновъ*

нынѣшнихъ серебряныхъ). «Не смотря на сіе богатство» (пишетъ Флетчеръ въ своей книгѣ о Россіи) «Θеодоръ, по совѣту Годунова, велѣлъ «перелить въ деньги множество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, наслѣдованныхъ имъ послѣ «отца: ибо хотѣлъ симъ мнимымъ знакомъ недостатка въ монетѣ оправдать тягость налоговъ.»

Къ умноженію государственнаго достоянія, Θеодоръ на Соборѣ Духовенства и Бояръ (въ Іюлѣ 1584) подтвердилъ уставъ Іоанновъ 1582 года, чтобы Святители, церкви и монастыри безденежно отдали въ Казну всѣ древнія Княжескія отчины, вмѣстѣ съ землями, имъ заложенными, и впредь до новаго указа отмѣнилъ *тарханныя* или льготныя *грамоты*, которыя знатную часть церковныхъ, Боярскихъ и Княжескихъ имѣній освобождали отъ государственныхъ податей, къ ущербу Казны и ко вреду всѣхъ иныхъ владѣльцевъ: ибо крестьяне уходили отъ нихъ въ *льготныя жительства*, чтобы не платить никакихъ налоговъ ([409]). Въ сей же Соборной грамотѣ сказано: «Земли и села, отказанныя монастырямъ за упокой души, выкупаются наслѣдниками, или, буде ихъ нѣтъ, Государемъ, для «раздачи воинскимъ людямъ,» коимъ уже не доставало земель помѣстныхъ ([410]).

Но обогащеніе Казны, по извѣстію чужестранцевъ ([411]), въ нѣкоторомъ смыслѣ вредило народному благосостоянію: 1) налоги, облегченные Θеодоромъ, были все еще тягостны; 2) заведеніе питейныхъ домовъ въ городахъ, умножая *пьян-*

ство, разоряло мѣщанъ, ремесленниковъ, самыхъ земледѣльцевъ: губило достояніе ихъ и нравственность; 3) отъ монополій Казны терпѣло купечество, лишаемое свободы продавать свои товары, если Царскіе еще лежали въ лавкахъ. Флетчеръ (412) пишетъ, что «между купцами славились богатствомъ одни братья Строгановы, имѣя до трехъ сотъ тысячь (около полутора милліона нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей наличными деньгами, кромѣ недвижимаго достоянія; что у нихъ было множество иноземныхъ, Нидерландскихъ и другихъ мастеровъ на заводахъ, нѣсколько Аптекарей и Медиковъ, 10000 людей вольныхъ и 5000 собственныхъ крѣпостныхъ, употребляемыхъ для варенія и развоза соли, рубки лѣсовъ и воздѣланія земли отъ Вычегды до предѣловъ Сибири; что они ежегодно платили Царю 23000 рублей пошлины, но что Правительство, требуя болѣе и болѣе, то подъ видомъ налога, то подъ видомъ займа, разоряетъ ихъ безъ жалости; что въ Россіи вообще мало богатыхъ людей, ибо Казна все поглощаетъ; что самые *древніе Удѣльные Князья и Бояре живутъ умѣреннымъ жалованьемъ и помѣстнымъ доходомъ* (около тысячи рублей на каждаго), совершенно завися отъ милости Царской.» Однакожь Бояре и многіе сановники имѣли знатныя *отчины*, какъ родовыя,

Богатство Строгановыхъ.

такъ и жалованныя; а потомки древнихъ Князей и въ Іоанново время еще владѣли частію ихъ бывшихъ Удѣловъ: на примѣръ, славный Князь Михайло Воротынскій въ 1572 году вѣдалъ треть Воротынска, какъ свою наслѣдственную собственность (413).

Умножая войско и доходы, Правительство занималось, какъ мы видѣли (414), и лучшимъ внутреннимъ устройствомъ Государства: радѣло о безопасности лицъ и достоянія. Вопреки сказанію иноземцевъ, что въ Россіи не было тогда никакихъ гражданскихъ законовъ, кромѣ слѣпаго произвола Царей (415), сіи *законы*, изданные *первымъ Самодержцемъ* Московскимъ (что достойно примѣчанія), дополненные его сыномъ, исправленные, усовершенные внукомъ, служили неизмѣннымъ правиломъ во всѣхъ тяжбахъ — и Грозный, попирая святые уставы человѣчества, оставлялъ гражданскіе ненарушимыми въ Россіи: не отнималъ даже истинной Царской собственности у тѣхъ, которые могли доказать, что владѣютъ ею долѣе шести лѣтъ (416). Именемъ Θеодоровымъ изданъ важный политическій законъ объ укрѣпленіи земледѣльцевъ, Годуновъ не прибавилъ ничего болѣе къ Судебнику, но пекся о точномъ исполненіи онаго: желая славиться неумытнымъ правосудіемъ (417), ока-

Судъ и расправа.

зывалъ его въ дѣлахъ гласныхъ: о чемъ свидѣтельствуютъ и Лѣтописцы, славя счастливый вѣкъ Ѳеодоровъ. Какъ въ Іоанново, такъ и въ сіе время судъ съ расправою земскою зависѣли въ областяхъ, подъ главнымъ вѣдомствомъ Думы, отъ Намѣстниковъ, избираемыхъ изъ Бояръ, Окольничихъ и другихъ знатныхъ сановниковъ. Всѣ Члены Ѳеодоровой Думы были Намѣстниками и рѣдко выѣзжали изъ Москвы ([418]); но они имѣли товарищей, Тіуновъ, Дьяковъ, которые съ ихъ вѣдома рѣшили дѣла. Пишутъ, что народъ вообще ненавидѣлъ Дьяковъ корыстолюбивыхъ: опредѣляемые всегда на малое время, сіи грамотѣи приказные тѣмъ болѣе спѣшили наживаться всякими средствами; жалобы имѣли дѣйствіе, но обыкновенно уже послѣ смѣны грабителей: тогда судили ихъ строго, лишали всей беззаконной добычи, выставляли на позоръ и сѣкли, привязывая лихоимцу къ шеѣ взятую имъ вещь, кошелекъ съ деньгами, соболя или что другое. Законъ не терпѣлъ никакихъ взятокъ; но хитрецы изобрѣли способъ обманывать его: челобитчикъ, входя къ судьѣ, клалъ деньги предъ образами, будто бы на свѣчи: сію выдумку скоро запретили указомъ. Только въ день Свѣтлаго Воскресенія дозволялось судьямъ и чиновникамъ вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ принимать въ даръ и нѣсколько червонцевъ (коихъ цѣна обыкновенно возвышалась ([419]) въ сіе время отъ 16 до 24 алтынъ и болѣе). По крайней мѣрѣ видимъ достохвальное

выхъ для охоты Царской и для даровъ Европейскимъ Вѣнценосцамъ). «Лучшіе соболи идутъ «изъ земли Обдорской, бѣлые медвѣди изъ Печерской, бобры изъ Колы; куницы изъ Сибири, «Кадома, Мурома, Перми и Казани; бѣлки, горностаи изъ Галича, Углича, Новагорода и «Перми.

«2) Воскъ: его продается ежегодно отъ десяти «до пятидесяти тысячь пудъ (423).

«3) Медъ: употребляется на любимое питье «Россіянъ, но идетъ и въ чужія земли, болѣе «изъ областей Мордовской и Черемисской, Сѣверской, Рязанской, Муромской, Казанской, «Дорогобужской и Вяземской.

«4) Сало: его вывозится отъ тридцати до ста «тысячь пудъ, болѣе изъ Смоленска, Ярославля, «Углича, Новагорода, Вологды, Твери, Городца; «но и вся Россія, богатая лугами для скотоводства, изобилуетъ саломъ, коего мало расходится внутри Государства на свѣчи: ибо люди «зажиточные употребляютъ восковыя, а народъ «лучину.

«5) Кожи, лосьи, оленьи и другія: ихъ отпускаютъ за границу до десяти тысячь (424). Самые большіе лоси живутъ въ лѣсахъ близъ «Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми; Казанскіе не такъ велики.

«6) Тюленій жиръ: сихъ морскихъ животныхъ ловятъ близъ Архангельска, въ заливѣ «Св. Николая.

«7) Рыбу: лучшею считается такъ называе-

«мая *бѣлая*. Города, славнѣйшіе рыбною лов-«лею, суть Ярославль, Бѣлоозеро, Новгородъ «Нижній, Астрахань, Казань: чѣмъ они прино-«сятъ Царю знатный доходъ.

«8) Икру, бѣлужью, осетровую, севрюжью и «стерляжью: продается купцамъ Нидерланд-«скимъ, Французскимъ, отчасти и Англійскимъ; «идетъ въ Италію и въ Испанію.

«9) Множество птицъ: кречеты продаются «весьма дорогою цѣною.

«10) Ленъ и пеньку: ихъ менѣе отпускается «въ Европу съ того времени, какъ Россія лиши-«лась Нарвы. Льномъ изобилуетъ Псковъ, пень-«кою Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьма.

«11) Соль: лучшія варницы въ Старой Русѣ; «есть и въ Перми, Вычегдѣ, Тотьмѣ, Кинешмѣ, «Соловкахъ. Астраханскія озера производятъ «самосадку: купцы платятъ за нее въ казну по «три деньги съ пуда.

«12) Деготь: его вывозятъ въ большомъ ко-«личествѣ изъ Смоленской и Двинской области.

«13) Такъ называемые *рыбьи зубы* или клыки «моржовые: изъ нихъ дѣлаютъ четки, рукоятки «и проч.; составляютъ также лекарственный по-«рошокъ, будто бы уничтожающій дѣйствіе яда. «Идутъ въ Азію, Персію, Бухарію.

«14) Слюду, употребляемую вмѣсто стекла: «ее много въ землѣ Корельской и на Двинѣ.

«15) Селитру и сѣру: первую варятъ въ Угли-«чѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ; вторую находятъ близъ

«Волги (въ озерахъ Самарскихъ), но не умѣютъ «очищать ее.

«16) Желѣзо, весьма ломкое: его добываютъ «въ землѣ Корельской, Каргополѣ и въ Устюгѣ «Желѣзномъ (Устюжнѣ).

«17) Такъ называемый *Новогородскій жемчугъ*, «который ведется въ рѣкахъ близъ Новагорода «и въ Двинской землѣ» ([425]).

За сіи-то многія естественныя богатства Россіи Европа и Азія платили ей отчасти своими издѣліями, отчасти и свойственными ихъ климатамъ дарами Природы. — Означимъ здѣсь цѣну нѣкоторыхъ вещей, привозимыхъ тогда въ Архангельскъ на корабляхъ Лондонскихъ, Голландскихъ и Французскихъ ([426]): лучшій изумрудъ или яхонтъ стоилъ 60 рублей (нынѣшнихъ серебряныхъ 300); золотникъ жемчугу, не самаго мелкаго, 2 р. и болѣе; золота и серебра пряденаго 5 рублей литра; аршинъ бархату, камки, атласу, около рубля; Англійскаго тонкаго сукна поставъ 30 рублей, средняго 12 р., аршинъ 20 алтынъ; кусокъ миткалю 2 р.; бочка вина Французскаго 4 р., лимоновъ 3 р., сельдей 2 р.; пудъ сахару отъ 4 до 6 р., леденцу 10 р., гвоздики и корицы 20 р., пшена Сарацинскаго 4 гривны, масла деревяннаго $1\frac{1}{2}$ р., пороху 3 р., ладону 3 р., ртути 7 р., свинцу 2 р., мѣди въ дѣлѣ $2\frac{1}{2}$ р., желѣза прутоваго 4 гривны, бумаги хлопчатой 2 р., сандалу берковецъ 8 р., стопа писчей бумаги 4 гривны. Сверхъ того иноземцы доставляли намъ множество своей серебряной

монеты, цѣня ефимокъ въ 12 алтынъ; на одномъ кораблѣ привозилось иногда до 80,000 ефимковъ, съ коихъ платили пошлину какъ съ товаровъ. Сія пошлина была весьма значительна: на примѣръ, Ногаи, торгуя лошадьми, изъ выручаемыхъ ими денегъ платили въ казну пять со ста, и еще отдавали Царю на выборъ десятую долю табуновъ своихъ; лучшій конь Ногайскій стоилъ не менѣе двадцати рублей.

Довольные выгодною мѣною съ Европейскими народами въ своихъ сѣверныхъ пристаняхъ, купцы наши не мыслили ѣздить моремъ въ иныя земли; но любопытно знать, что мы въ сіе время уже имѣли корабли собственные: Борисовъ Посланникъ въ 1599 году возвратился изъ Германіи на двухъ большихъ морскихъ судахъ, купленныхъ и снаряженныхъ имъ въ Любекѣ, съ кормщикомъ и матрозами Нѣмецкими, тамъ нанятыми (427). Корабли Россійскіе.

Нѣкогда столь знаменитая, столь полезная для Россіи торговля Ганзейская, уже безсильная въ совмѣстничествѣ съ Англійскою и съ Голландскою, еще искала древнихъ слѣдовъ своихъ между развалинами Новагорода: Царь въ 1596 году дозволилъ Любеку снова завести тамъ гостиный дворъ съ лавками (428); но Шведы мѣшали ея важному успѣху, имѣя Нарву, о коей не

преставали жалѣть Новгородъ, Псковъ и вся Россія.

«Видя въ торговлѣ средство обогащенія для Казны (говоритъ Флетчеръ), и мало заботясь о благосостояніи своего купечества, Цари вообще не доброхотствуютъ и народному образованію; не любятъ новостей, не пускаютъ къ себѣ иноземцевъ, кромѣ людей нужныхъ для ихъ службы, и не дозволяютъ подданнымъ выѣзжать изъ отечества, *боясь просвѣщенія*, къ коему Россіяне весьма способны, имѣя много ума природнаго, замѣтнаго и въ самыхъ дѣтяхъ (428): одни Послы или бѣглецы Россійскіе являются изрѣдка въ Европѣ.» Сказаніе отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имѣли обычая странствовать, еще не имѣя любопытства, свойственнаго уму образованному; купцамъ не запрещалось торговать внѣ отечества, и самовластный Іоаннъ посылалъ молодыхъ людей учиться въ Европѣ (429). Иноземцевъ же дѣйствительно пускали къ намъ съ разборомъ, и благоразумно. Въ 1591 году Посолъ Рудольфовъ, Николай Варкочь, писалъ къ Борису, что какой-то Италіянскій Графъ Шкотъ, призыванный въ Москву Іоанномъ, желаетъ служить Ѳеодору; что сей Графъ, достойно уважаемый Императоромъ и многими Вѣнценосцами, *знаетъ всѣ языки подъ солнцемъ* и всѣ науки, такъ,

Образованіе.

что ни въ Италіи, ни въ Германіи не льзя найти ему подобнаго ([430]). Борисъ отвѣтствовалъ: «Хвалю намѣреніе Графа, мужа столь благороднаго «и столь ученаго. Великій Государь нашъ, жалуя всѣхъ иноземцевъ, которые къ намъ пріѣзжаютъ, безъ сомнѣнія отличитъ его; но я еще «не успѣлъ доложить о томъ Государю.» Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи знали и не хотѣли Шкота какъ лазутчика опаснаго или ненадежнаго человѣка: ибо людей ученыхъ мы не отвергали, но звали къ себѣ: на примѣръ, славнаго Математика, Астролога, Алхимика, Джона Ди, коего Елисавета Англійская называла *своимъ Философомъ*, и который находился тогда въ Богеміи: Ѳеодоръ, чрезъ Лондонскихъ купцевъ, предлагалъ ему 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, а Борисъ особенно тысячу рублей, столъ Царскій и всю услугу, для того, какъ думали, чтобы пользоваться его совѣтами для открытія новыхъ земель на Сѣверо-Востокѣ, за Сибирію ([431]); но, вѣроятнѣе, не для того ли, чтобы поручить ему воспитаніе юнаго Борисова сына, отцевскою тайною мыслію уже готовимаго къ Державству? Слава Алхимика и звѣздочета въ глазахъ невѣжества еще возвышала знаменитость Математика. Но Ди, страстный въ воображеніи только къ искусственному золоту Философскаго камня, въ гордой бѣдности отвергнулъ предложеніе Царя, изъявивъ благодарность, и какъ бы угадавъ, по вычетамъ своей любимой Астрологіи, грядущую судьбу Россіи и Дома Бо-

рисова! — Всего ревностнѣе мы искали тогда въ Европѣ Металлургистовъ, для нашихъ Печерскихъ рудниковъ, открытыхъ еще въ 1491 году (432), но едва ли уже не безполезныхъ, за неимѣніемъ людей искусныхъ въ горномъ дѣлѣ: посылая къ Императору (въ 1597 году) Дворянина Вельяминова, Царь приказывалъ ему вызвать къ намъ изъ Италіи, чего бы то ни стоило, *мастеровъ умѣющихъ находить и плавить руду золотую и серебряную.* — Кромѣ четырехъ или пяти тысячь иностранцевъ-воиновъ, нанимаемыхъ Ѳеодоромъ, Московская Яузская Слобода населялась болѣе и болѣе Нѣмцами, которые въ Іоанново время обогащались продажею водки и меда (433), спесивились и роскошествовали до соблазна: жены ихъ стыдились носить не бархатное или не атласное платье. Они въ Борисово царствованіе снова имѣли церковь, и хотя жили особенно, но свободно и дружелюбно сносились съ Россіянами. — Постоянно слѣдуя правиламъ Іоанна III; золотомъ и честію маня къ себѣ художества, искусства, науки Европейскія; размножая церковныя училища и число людей грамотныхъ, Приказныхъ, коимъ самое Дворянство завидовало въ ихъ важности государственной (434), Цари безъ сомнѣнія *не боялись просвѣщенія*, но желали, какъ могли или умѣли, ему способствовать; и если не знаемъ ихъ мысли, то видимъ дѣла ихъ, благопріятныя для гражданскаго образованія Россіи: означимъ нѣкоторые новые плоды онаго.

Измѣреніе и перепись земель, отъ 1587 до 1594 года, въ Двинской области, на обѣихъ сторонахъ Волги ([435]) — вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ — служили, можетъ быть, поводомъ къ сочиненію *первой Российской Геометріи*, коей списки, намъ извѣстные, не древнѣе XVII вѣка ([436]): «книги *глубокомудрой*, по выраженію Автора, дающей легкій способъ измѣрять мѣста самыя недоступныя, плоскости, высоты и дебри, *радиксомъ и цыркуломъ.*» Въ ней изъясняется *сошное* и *вытное письмо*: то есть, раздѣленіе всѣхъ населенныхъ земель въ Россіи, для платежа государственныхъ податей, на сохи и выти (въ сохѣ считалось 800 четвертей доброй земли, а въ выти 12; въ четверти 1200 квадратныхъ саженъ, а въ десятинѣ 2400). — Къ сему времени относимъ и *первую Россійскую Ариѳметику* ([437]), писанную не весьма ясно. Въ предисловіи сказано, что безъ сей *численной Философіи*, *изобрѣтенія Финикійскаго*, *единой изъ семи свободныхъ мудростей*, не льзя быть ни Философомъ, ни Докторомъ, ни гостемъ искуснымъ въ дѣлахъ торговыхъ, и что ея знаніемъ можно снискать великую милость Государеву. Въ концѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Церковномъ Кругѣ, о составѣ человѣческомъ, о Физіогномикѣ. Въ обѣихъ книгахъ, въ Геометріи и въ Ариѳметикѣ, упо-

Геометрія и Ариѳметика.

требляются въ счисленіи Славянскія буквы
Тайныя цыфры. и цыфирь. Тогда же въ Посольскихъ бумагахъ начали мы употреблять тайныя цыфры: Гонецъ Андрей Ивановъ въ 1590 году писалъ изъ Литвы къ Царю *вязью, литореею и новою азбукою*, взятою у Посла Австрійскаго, Николая Варкоча ([438]). — Такъ называемая *Книга Большаго Чертежа*, или
Географія. древнѣйшая Географія Государства Россійскаго, составлена, какъ вѣроятно, въ царствованіе Ѳеодора: ибо въ ней находимъ имена Курска, Воронежа, Оскола, построенныхъ въ его время, не находя новѣйшихъ, основанныхъ Годуновымъ: Борисова на Донцѣ Сѣверскомъ и Царево-Борисова на устьѣ Протвы ([439]). Сія книга была переписана въ Розрядѣ около 1627 года, и рѣшитъ для насъ многіе важные географическіе вопросы, указывая, на примѣръ, гдѣ была земля Югорская, Обдорія, Батыева столица, Улусы Ногайскіе.

Словесность. Поле Словесности не представляетъ намъ богатой жатвы отъ временъ Іоанна до Годунова; но языкъ украсился какою-то новою плавностію. Истинное, чувствомъ одушевленное краснорѣчіе видно только въ письмахъ Курбскаго къ Іоанну. Причислимъ ли къ Писателямъ и самого Іоанна, какъ творца плодовитыхъ, велерѣчивыхъ посланій, богословскихъ, укорительныхъ и насмѣшливыхъ ([440])? Въ слогѣ его есть

живость, въ Діалектикѣ сила. Лучшими твореніями сего вѣка, въ смыслѣ, правильности и ясности, должно назвать Степенную Книгу, Минею Макаріеву и Стоглавъ ([441]). Вѣроятно, что Митрополитъ Діонисій заслужилъ имя *Грамматика* какими нибудь уважаемыми сочиненіями; но ихъ не знаемъ. Патріархъ Іовъ описалъ житіе, добродѣтели и кончину Θеодора слогомъ цвѣтистымъ, и не безъ жара; на примѣръ такъ говоритъ о своемъ Героѣ: «Онъ древнимъ Царямъ благочестивымъ равнославенъ, нынѣшнимъ *красота* и *свѣтлость*, будущимъ *сладчайшая повѣсть*; не *пригвождаясь* къ суетному «велелѣпію міра, *умащалъ свою Царскую душу* «*глаголами Божественными*, и *рукою не скуд*«*ною* изливалъ милости на вселенную; съ нѣж«ною супругою *преспѣвалъ* въ добродѣтели и въ «вѣрѣ къ Богу ..... имѣлъ единое земное со«кровище, единую *блаженную лѣторасль* корени «Державнаго, и лишился возлюбленной дщери, «чтобы въ сердцѣ, хотя и сокрушенномъ, но съ «умиленіемъ Христіанскимъ предаться въ волю «Отца небеснаго, когда Синклитъ и весь народъ «предавались отчаянію ..... О вѣсть страшная, «вѣсть ужасная: *любимый Царь земли Русскія* «*отходитъ къ Богу!* .... но не смертію, а слад«кимъ успеніемъ; душа излетаетъ, а тѣло спо«койно и недвижно: не видимъ ни трепета, ни «содроганія .... Се время рыданія, не глаго«ловъ; время молитвы, не бесѣды ..... На «насъ исполнилося вѣщаніе Пророка: *кто дастъ*

«*источникъ слезъ очамъ моимъ, да плачу доволь-*
«*но?*... Скорби пучина, сѣтованія бездна!....
«Отселѣ красный, *многолѣтный* престолъ вели-
«кія Россіи начинаетъ вдовствовать, и великій
«многолюдный градъ Москва пріемлетъ сирот-
«ство жалостное ([442]).» Обязанный Борису сво-
имъ Первосвятительствомъ и чистосердечно ему
преданный, онъ говоритъ объ немъ въ семъ
твореніи: «Въ счастливые дни Θеодора Іоанно-
«вича *строилъ* подъ нимъ Державу великій шу-
«ринъ и Слуга его, мужъ верховный, единствен-
«ный въ Россіи не только саномъ, но и разу-
«момъ высокимъ, храбростію, вѣрою къ Богу.
«Его промысломъ цвѣла сія Держава *въ тишинѣ*
«*велелѣпной*, къ изумленію людей и самого Ца-
«ря, ко славѣ Правителя не только въ нашемъ
«отечествѣ, но и въ дальнихъ предѣлахъ все-
«ленныя, откуда знаменитые Послы являлись
«здѣсь съ дарами многоцѣнными, рабски благо-
«говѣть предъ Царемъ и дивиться свѣтлой кра-
«сотѣ лица, мудрости, добродѣтели Правителя,
«среди народа, имъ счастливаго, — среди сто-
«лицы, имъ украшенной ([443]).» — Іовъ писалъ
еще утѣшительное посланіе къ Θеодоровой су-
пругѣ, когда она тосковала о милой усопшей до-
чери ([444]); заклиналъ Ирину быть не только ма-
терію, но и Царицею, и Христіанкою; осуждалъ
ея слабость съ ревностію Пастыря, но и жалѣлъ
о горестной съ чувствительностію друга, ожив-
ляя въ ней надежду дать наслѣдника престолу:
сочиненіе достопамятное болѣе своимъ трога-

тельнымъ предметомъ, нежели мыслями и краснорѣчіемъ. Патріархъ, напоминая Иринѣ ученіе Евангельское о довѣренности къ Вышней Благости, прибавляетъ: «Кто лучше тебя знаетъ «Божественное Писаніе? Ты можешь наставлять «иныхъ, храня всю мудрость онаго въ сердцѣ и «въ памяти.» Воспитанная при Дворѣ Іоанно«вомъ, Ирина имѣла просвѣщеніе своего времени: читала Св. Писаніе и знаменитѣйшихъ Отцевъ нашей Церкви. Россіяне уже пользовались печатною Библіею Острожскаго изданія, но Святыхъ Отцевъ читали только въ рукописи ([445]). Между Славянскими или Русскими переводами древнихъ Авторовъ, тогда извѣстными и сохраненными въ нашихъ библіотекахъ, наименуемъ Галеново разсужденіе о стихіяхъ большаго и малаго міра, о тѣлѣ и душѣ, переведенное съ языка Латинскаго, коимъ, вопреки сказанію одного иноземца-современника, не *гнушались* Россіяне: еще скудные средствами науки, они пользовались всякимъ случаемъ удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, гдѣ его не было отъ неразумія писцевъ или *толковниковъ*, и съ удивительнымъ терпѣніемъ списывали книги, исполненныя ошибокъ. Сей темный переводъ Галена находился въ числѣ рукописей Св. Кирилла Бѣлоезерскаго: слѣдственно уже существовалъ въ XV вѣкѣ ([446]). — Упомянемъ здѣсь также о рукописномъ Лечебникѣ, въ 1588 году *преложенномъ съ языка Польскаго для* Серпуховскаго Воеводы, Ѳомы Аѳанасьевича Бутур-

лина. Сей памятникъ тогдашней науки и тогдашняго невѣжества любопытенъ въ отношеніи къ языку смѣлымъ переводомъ многихъ именъ и словъ ученыхъ (447).

Можетъ быть, относится ко временамъ Θеодоровымъ или Годунова и старыя пѣсни Русскія, въ коихъ упоминается о завоеваніи Казани и Сибири, о грозахъ Іоанновыхъ, о добродѣтельномъ Никитѣ Романовичѣ (братѣ Царицы Анастасіи), о злодѣѣ Малютѣ Скуратовѣ, о впадеиіяхъ Ханскихъ въ Россію. Очевидцы разсказываютъ, дѣти и внуки ихъ воспѣваютъ происшествія. Память обманываетъ, воображеніе плодитъ, новый вкусъ исправляетъ: но духъ остается, съ нѣкоторыми сильными чертами вѣка — и не только въ нашихъ историческихъ, богатырскихъ, охотничьихъ, но и во многихъ нѣжныхъ пѣсняхъ замѣтна первобытная печать старины: видимъ въ нихъ какъ бы снимокъ подлинника уже неизвѣстнаго; слышимъ какъ бы отзывъ голоса давно умолкшаго; находимъ свѣжесть чувства, теряемую человѣкомъ съ лѣтами, а народомъ съ вѣками. Всѣмъ извѣстна пѣсня о Царѣ Іоаннѣ (448):

Зачиналась каменна Москва,
Зачинался въ ней и Грозный Царь:
Онъ Казань городъ на славу взялъ,
Мимоходомъ городъ Астрахань —

о сынѣ Іоанновомъ, осужденномъ на казнь:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,

Угасаетъ свѣча воску яраго:
Не стано́вится у насъ Царевича —

другая о витязѣ, который умираетъ въ дикой степи, на коврѣ, подлѣ огня угасающаго:

Припекаетъ свои раны кровавыя:
Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его доброй конь;
Онъ кончаяся говоритъ коню:
Какъ умру я, мой доброй конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго;
Побѣги потомъ во святую Русь:
Поклонисъ моимъ отцу и матери,
Благословенье свези малымъ дѣтушкамъ;
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Я въ приданое взялъ поле чистое;
Была свахою калена стрѣла,
Положила спать сабля острая.
Всѣ друзья-братья меня оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались:
Лишь одинъ ты, мой доброй конь,
Ты служилъ мнѣ вѣрно до́ смерти —

о воинѣ убитомъ, коему постелею служитъ камышъ, изголовьемъ кустъ ракитовый, одѣяломъ

темная ночь осенняя, и коего тѣло орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

Ахъ! мать плачетъ, что рѣка льется;
Сестра плачетъ, какъ ручьи текутъ;
Жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Взойдетъ солнце, росу высушитъ.

Сіи и многія иныя стихотворенія народныя, ознаменованныя истиною чувства и смѣлостію языка, если отчасти не слогомъ, то духомъ своимъ ближе къ XVI, нежели къ XVIII вѣку. Сколько пѣсенъ, уже забытыхъ въ столицѣ, болѣе или менѣе древнихъ, еще слышимъ въ селахъ и въ городахъ, гдѣ народъ памятливѣе для любезныхъ преданій старины! Мы знаемъ, что въ Іоанново время толпы скомороховъ (Русскихъ Трубадуровъ) ходили изъ села въ село, веселя жителей своимъ искусствомъ (449): слѣдственно тогдашній вкусъ народа благопріятствовалъ дарованію пѣсенниковъ, коихъ любилъ даже и постникъ Θеодоръ (450).

Художества, ремесла.

Сей Царь любилъ и художества: въ его время были у насъ искусные ювелиры (изъ коихъ знаемъ одного Венеціянскаго, именемъ Франциска Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Шапка, данная Θеодоромъ Патріарху Іереміи, украшенная каменьями драгоцѣнными и ликами Святыхъ,

въ описаніи Арсеніева путешествія названа превосходнымъ дѣломъ Московскихъ художниковъ ([451]). Сей Греческій Епископъ видѣлъ на стѣнахъ Ирининой палаты изящную мусію въ изображеніяхъ Спасителя, Богоматери, Ангеловъ, Іерарховъ, Мучениковъ, а на сводѣ прекрасно сдѣланнаго льва, который держалъ въ зубахъ змѣю съ висящими на ней богатыми подсвѣчниками. Арсеній съ изумленіемъ видѣлъ также множество огромныхъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ во дворцѣ; одни имѣли образъ звѣрей: единорога, львовъ, медвѣдей, оленей; другіе образъ птицъ: пеликановъ, лебедей, фазановъ, павлиновъ, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человѣкъ едва могли переносить ихъ съ мѣста на мѣсто. Сіи *чудные* сосуды дѣлались, вѣроятно, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и самые тяжелые, вылитые изъ серебра Ливонскаго, добычи Іоаннова оружія. Искусство золотошвеевъ, заимствованное нами отъ Грековъ, издревле цвѣло въ Россіи, гдѣ знатные и богатые люди носили всегда шитую одежду. Ѳеодоръ желалъ завести и шелковую фабрику въ Москвѣ: Марко Чинопи, вызванный имъ изъ Италіи, ткалъ бархаты и парчи, въ домѣ отведенномъ ему близъ Успенскаго Собора. — Размноженіе церквей умножало число иконописцевъ: долго писавъ только образа, мы начали писать и картины, именно въ Ѳеодорово царствованіе, когда двѣ палаты, *Большая Грановитая* (памятникъ Іоанна III) и *Золотая*

Грановитая (сооруженная внукомъ его) украсились живописью ([452]). Въ первой изображались Господь Саваоѳъ, твореніе Ангеловъ и человѣка, вся Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, мнимое раздѣленіе вселенной между тремя мнимыми братьями Августа Кесаря и дѣйствительное раздѣленіе нашего древняго отечества между сыновьями Св. Владиміра (представленными въ митрахъ, въ одеждахъ камчатныхъ, съ оплечьями и съ поясами златыми) — Ярославъ Великій, Всеволодъ I, Мономахъ въ Царской утварѣ, Георгій Долгорукій, Александръ Невскій, Даніилъ Московскій, Калита, Донскій и преемники его до самаго Ѳеодора (который, сидя на тронѣ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ нараменникомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ златою цѣпію на груди, держалъ въ рукахъ скипетръ и *яблоко Царское;* у трона стоялъ Правитель, Борисъ Годуновъ, въ шапкѣ *мурманкѣ*, въ верхней златой одеждѣ *на опашку*). Въ Палатѣ Золотой, на сводѣ и стѣнахъ, также представлялись Священная и Россійская Исторія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми аллегорическими лицами добродѣтелей и пороковъ, временъ года и феноменовъ Природы (весна изображалась отроковицею, лѣто юношею, осень мужемъ съ сосудомъ въ рукѣ, зима старцемъ съ обнаженными локтями; четыре Ангела съ трубами знаменовали четыре вѣтра). Въ нѣкоторыхъ картинахъ, на свиткахъ, слова были писаны *связью*, или невразумительными чертами, вмѣсто обыкновенныхъ буквъ. — Золотая Па-

лата уже не существуетъ (на ея мѣстѣ дворецъ Елисаветинъ); а на стѣнахъ Грановитой давно изглажены всѣ картины, извѣстныя намъ единственно по описанію очевидцевъ ([453]). — Упомянемъ также объ искусствѣ литейномъ: въ Ѳеодорово время имѣли мы славнаго мастера, Андрея Чохова, коего имя видимъ на древнѣйшихъ пушкахъ Кремлевскихъ: на *Дробовикѣ* (вѣсомъ въ 2400 пудъ), *Троилѣ* и *Аспидѣ;* первая вылита въ 1586, а вторая и третья, называемыя *пищалями*, въ 1590 году.

Успѣхи гражданскаго образованія были замѣтны и въ наружномъ видѣ столицы. Москва сдѣлалась пріятнѣе для глазъ не только новыми каменными зданіями, но и расширеніемъ улицъ, вымощенныхъ деревомъ, и менѣе прежняго грязныхъ ([454]). Число красивыхъ домовъ умножилось: ихъ строили обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ два или три жилья, съ большими крыльцами, съ дощатыми свислыми кровлями, а на дворахъ лѣтнія спальни и каменныя кладовыя. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бѣдные мѣщане жили еще въ черныхъ избахъ; у людей избыточныхъ въ лучшихъ комнатахъ были изразчатыя печи. Для предупрежденія гибельныхъ пожаровъ чиновники воинскіе лѣтомъ ежедневно объѣзжали городъ, чтобы вездѣ, по изготовленіи кушанья, га- Москва.

сить огонь ([455]). Москва — то есть, Кремль, Китай, Царевъ или Бѣлый городъ, новый деревянный, Замоскворѣчье и Дворцовыя слободы за Яузою — имѣла тогда въ окружности болѣе двадцати верстъ. Въ Кремлѣ считалось 35 каменныхъ церквей, а всѣхъ въ столицѣ болѣе четырехъ сотъ, кромѣ придѣловъ: колоколовъ же не менѣе пяти тысячь — «въ часы праздничнаго «звона» (пишутъ иноземцы) «люди не могли въ «разговорѣ слышать другъ друга.» Главный колоколъ, вѣсомъ въ 1000 пудъ, висѣлъ на деревянной колокольнѣ среди Кремлевской площади: въ него звонили, когда Царь ѣхалъ въ дальній путь или возвращался въ столицу, или принималъ знаменитыхъ иноземцевъ. Китай-городъ, обведенный кирпичною, небѣленою стѣною, и соединяемый съ Замоскворѣчьемъ мостами, деревянными, или *живымъ*, и *каменнымъ*, всего болѣе украшался великолѣпною Готическою церковію Василія Блаженнаго и Гостинымъ Дворомъ, раздѣленнымъ на 20 особенныхъ рядовъ: въ одномъ продавались шелковыя ткани, въ другомъ сукна, въ третьемъ серебро, и проч. На Красной площади *лежали* двѣ огромныя пушки. Въ сей части города находились домы многихъ Бояръ, знатныхъ сановниковъ, Дворянъ, именитыхъ купцевъ, и богатый арсеналъ или Пушечный Дворъ; въ Бѣломъ городѣ (названномъ такъ отъ *выбѣленныхъ* стѣнъ) Литейный Дворъ (на берегу Неглинной), Посольскій, Литовскій, Арменскій, площади Конская и Сѣнная, мясный

рядъ, домы Дѣтей Боярскихъ, людей Приказныхъ и купцевъ; а въ деревянномъ городѣ или *Скородомѣ* (то есть, *наскоро выстроенномъ* въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники. Вокругъ зданій зеленѣлись рощи, сады, огороды, луга; у самаго дворца косили сѣно, и три сада Государевы занимали не малое пространство въ Кремлѣ. Мельницы — одна на устьѣ Неглинной, другія на Яузѣ — представляли картину сельскую. Нѣмецкая Слобода не принадлежала къ городу, ни Красное Село, гдѣ обитали семь сотъ ремесленниковъ и торгашей, для коихъ готовила Судьба, къ несчастію Борисова семейства, столь важное дѣйствіе въ нашей Исторіи!

Обычаи и нравы.

Въ Іоанново и Өеодорово царствованіе древніе обычаи народные, вѣроятно, мало измѣнились; но въ современныхъ извѣстіяхъ находимъ нѣкоторыя новыя подробности относительно къ сему любопытному для насъ предмету.

Примѣры мѣстничества.

Годуновъ, столь хитрый, столь властолюбивый, не могъ или не хотѣлъ искоренить мѣстничества Бояръ и сановниковъ, которое доходило до крайности непонятной, такъ, что ни одно назначеніе Воеводъ, ни одно распредѣленіе чиновниковъ для придворной службы въ дни торжественные не обходилось безъ распри и суда. Скажемъ примѣръ: Москва (въ 1591 году)

уже слышала топотъ Ханскихъ коней, а Воеводы еще спорили о старѣйшинствѣ и не шли къ мѣстамъ своимъ (456). Изъ любви къ мнимой чести не боялись безчестія истиннаго: ибо жалобщиковъ неправыхъ наказывали даже тѣлесно, иногда и безъ суда: Князя Гвоздева (въ 1589 году) за мѣстничество съ Князьями Одоевскими высѣкли батогами и *выдали* имъ *головою;* то есть, велѣли ему уничиженно молить ихъ о прощеніи. Князя Борятинскаго за споръ съ Шереметевымъ посадили на три дни въ темницу: онъ не смирился; вышелъ изъ темницы и не поѣхалъ на службу. Чѣмъ изъясняется сія странность? Отчасти гордостію, которая естественна человѣку, и во всякихъ гражданскихъ обстоятельствахъ ищетъ себѣ предмета; отчасти самою Политикою Царей: ибо мѣстничествомъ жило честолюбіе, нужное и въ Монархіи неограниченной для ревностной службы отечеству. Нѣтъ обыкновенія, нѣтъ предразсудка совершенно безсмысленнаго въ своемъ началѣ, хотя вредъ и превосходитъ иногда пользу въ дѣйствіи сихъ вѣковыхъ обычаевъ. Годуновъ же могъ имѣть и цѣль особенную, слѣдуя извѣстному злому правилу: *раздоромъ властвуй!* Сіи всегдашнія мѣстничества питали взаимную ненависть между знатнѣйшими родами, Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми (457). Они враждовали: Борисъ господствовалъ!

Но споры о мѣстахъ не нарушали благо- Дворъ.
чинія въ собраніяхъ Двора: все утихало, когда Царь являлся въ величіи разительномъ для Пословъ иноземныхъ ([458]). «Закрывъ глаза, пишутъ очевидцы, всякой «сказалъ бы, что дворецъ пустъ. Сіи мно«гочисленные, золотомъ облитые сановники и безмолвны и недвижимы, сидя на «лавкахъ въ нѣсколько рядовъ, отъ дверей «до трона, гдѣ стоятъ Рынды въ одеждѣ «бѣлой, бархатной или атласной, опушен«ной горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ «шапкахъ, съ двумя золотыми цѣпями «(крестообразно висящими на груди), съ «драгоцѣнными сѣкирами, подъятыми на «плечо, какъ бы для удара.... Во время «торжественныхъ Царскихъ обѣдовъ слу«жатъ 200 или 300 Жильцевъ ([459]), въ пар«чевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями на «груди, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. «Когда Государь сядетъ» (на возвышенномъ мѣстѣ ([460]), съ тремя ступенями, одинъ за трапезою золотою), «чиновники«служители низко кланяются ему, и по два «въ рядъ идутъ за кушаньемъ. Между тѣмъ «подаютъ водку: на столахъ нѣтъ ничего, «кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей «и ложекъ; нѣтъ ни тарелокъ, ни салфе«токъ. Приносятъ вдругъ блюдъ сто и бо«лѣе: каждое, отвѣданное поваромъ при «Стольникѣ, вторично отвѣдывается Край-

«чимъ въ глазахъ Царя, который самъ по-
«сылаетъ гостямъ ломти хлѣба, яства,
«вина, медъ, и собственною рукою, въ
«концѣ обѣда, раздаетъ имъ сушенья Вен-
«герскія сливы; всякаго гостя отпускаютъ
«домой еще съ цѣлымъ блюдомъ мяса или
«пироговъ. Иногда Послы чужеземные
«обѣдаютъ и дома съ роскошнаго стола
«Царскаго: знатный чиновникъ ѣдетъ из-
«вѣстить ихъ о сей чести и съ ними обѣ-
«дать; 15 или 20 слугъ идутъ вокругъ его
«лошади; Стрѣльцы, богато одѣтые, несутъ
«скатерть, солонки и проч.; другіе (че-
«ловѣкъ 200) хлѣбъ, медъ и множество
«блюдъ, серебряныхъ или золотыхъ, съ
«разными яствами (461).» Чтобы дать поня-
тіе о роскоши и лакомствѣ сего времени,
выписываемъ слѣдующее извѣстіе изъ бу-
магъ Өеодорова царствованія (462): въ 1597
году отпускали къ столу Австрійскаго По-
сла изъ *Дворца Сытнаго* семь кубковъ Ро-
манеи, столько же Рейнскаго, Мушкателя,
Французскаго бѣлаго, Бастру (или Канар-
скаго вина), Аликанту и Мальвазіи; 12 ков-
шей меду вишневаго и другихъ лучшихъ;
5 ведръ смородиннаго, можжевеловаго,
черемуховаго и проч.; 65 ведръ малино-
ваго, Боярскаго, Княжаго — изъ *Кормоваго
Дворца* 8 блюдъ лебедей, 8 блюдъ журавлей
съ прянымъ зельемъ, нѣсколько пѣтуховъ
разсольныхъ съ инбиремъ, курицъ *без-*

Вина иноземныя и яства Русскія.

костныхъ, тетеревей съ шафраномъ, рябчиковъ съ сливами, утокъ съ огурцами, гусей съ пшеномъ Сарацинскимъ, зайцевъ въ лапшѣ и въ рѣпѣ, мозги лосьи (и проч.), ухи шафранныя (бѣлыя и черныя), кальи лимонныя и съ огурцами — изъ *Дворца Хлѣбеннаго* колачи, пироги съ мясомъ, съ сыромъ и сахаромъ, блины, оладьи, кисель, сливки, орѣхи и проч. Цари хотѣли удивлять чужеземцевъ изобиліемъ, и дѣйствительно удивляли.

Древняя Славянская роскошь гостепріимства, извѣстная у насъ подъ кореннымъ Русскимъ именемъ *хлѣбосольства*, оказывалась и въ домахъ частныхъ: для гостей не было скупыхъ хозяевъ. За то самый обидный упрекъ въ неблагодарности выражался словами: «ты забылъ мою хлѣбъ-«соль.» — Сіе изобиліе трапезъ, долгій сонъ полдневный и малое движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть *дороднымъ человѣкомъ* значило имѣть право на уваженіе. Но тучность не мѣшала имъ жить лѣтъ до осмидесяти, ста и ста двадцати. Только Дворъ и Вельможи совѣтовались съ иноземными врачами (463). Ѳеодоръ имѣлъ двухъ: Марка Ридлея, въ 1594 году присланнаго Англійскою Королевою, и Павла, Миланскаго гражданина: первый жилъ въ

Хлѣбосольство.

Долгая жизнь.

Медики.

Москвѣ пять лѣтъ и возвратился въ Лондонъ; о второмъ въ 1595 году писалъ Генрихъ IV къ Ѳеодору, ласково прося, чтобы Царь отпустилъ его на старости въ Парижъ къ родственникамъ и друзьямъ. Сіе дружелюбное письмо знаменитѣйшаго изъ Монарховъ Франціи осталось для насъ единственнымъ памятникомъ ея сношеній съ Россіею въ концѣ XVI вѣка. — На мѣсто Ридлея Елисавета прислала къ Борису Доктора Виллиса, коего испытывалъ въ знаніяхъ Государственный Дьякъ Василій Щелкаловъ, спрашивая, есть ли у него книги и лекарства? какимъ правиламъ слѣдуетъ, и на пульсѣ ли основываетъ свои сужденія о болѣзняхъ или на состояніи жидкостей въ тѣлѣ? Виллисъ сказалъ, что онъ бросилъ всѣ книги въ Любекѣ, и ѣхалъ къ намъ подъ именемъ купца, зная, какъ въ Германіи и въ другихъ земляхъ неблагопріятствуютъ Медикамъ ѣдущимъ въ Россію; что лучшая книга у него въ головѣ, а лекарства изготовляются Аптекарями, не Докторами; что и пульсъ и состояніе жидкостей въ болѣзни равно важны для наблюдателя искуснаго. Сіи отвѣты казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и Виллиса не старались удержать въ Москвѣ. Борисъ въ 1600 году вызвалъ шесть лекарей изъ Германіи: каждому изъ нихъ онъ давалъ 200 рублей жалованья, сверхъ помѣстья, услуги, стола и лошадей; давалъ имъ и патенты на санъ Докторовъ: сію странную мысль внушилъ ему Елисаветинъ Посланникъ Ли, убѣ-

дивъ его назвать Докторомъ лекаря Рейтлингера, который съ нимъ пріѣхалъ служить Царю.

Мы имѣли тогда и разныхъ Аптекарей: одинъ изъ нихъ, Англичанинъ Френчгамъ, бывъ у насъ еще въ Іоанново время, при Годуновѣ возвратился изъ Лондона съ богатымъ запасомъ цѣлебныхъ растѣній и минераловъ. Другой, Арендъ Клаузендъ, Голландецъ, 40 лѣтъ жилъ въ Москвѣ. Но Россіяне, кромѣ знатныхъ, не вѣрили Аптекамъ: простые люди обыкновенно лечились виномъ съ истертымъ въ немъ порохомъ, лукомъ или чеснокомъ, а послѣ банею. Они не любили выхухоли въ лекарствахъ и никакихъ пилюль; особенно не терпѣли промывательнаго, такъ, что самая крайность не могла побѣдить ихъ упрямства. — Кто, бывъ отчаянно боленъ и соборованъ масломъ, выздоравливалъ, тотъ носилъ уже до смерти черную рясу, подобную монашеской. Женѣ его, какъ пишутъ, дозволялось будто бы выйти за другаго мужа. Мертвыхъ предавали землѣ до сутокъ; богатыхъ оплакивало, и въ домѣ и на могилѣ, множество нанимаемыхъ для того женщинъ, которыя вопили на распѣвъ: «тебѣ ли было оставлять бѣ«лый свѣтъ? не жаловалъ ли тебя Царь «Государь? не имѣлъ ли ты богатства и «чести, супруги милой и дѣтей любез-

Лекарства.

Разныя обыкновенія.

«ныхъ?» и проч. Сорочины заключались пиромъ въ домѣ покойника, и вдова могла, безъ нарушенія пристойности, чрезъ шесть недѣль избрать себѣ новаго супруга. — Флетчеръ увѣряетъ, что въ Москвѣ зимою не хоронили мертвыхъ, а вывозили отпѣтыя тѣла за городъ въ *Божій* (убогій) домъ, и тамъ оставляли до весны, когда земля разступалась и можно было безъ труда копать могилу (464).

Убогій домъ.

«Россіяне (пишетъ Маржеретъ), сохра-«няя еще многіе старые обычаи, уже начи-«наютъ измѣняться въ нѣкоторыхъ съ то-«го времени, какъ видятъ у себя инозем-«цевъ. Лѣтъ за 20 или за 30 предъ симъ, «въ случаѣ какого нибудь несогласія, они «говорили другъ другу безъ всякихъ оби-«няковъ, слуга Боярину, Бояринъ Царю, «даже Іоанну Грозному: *ты думаешь лож-«но, говоришь неправду*. Нынѣ менѣе грубы «и знакомятся съ учтивостію; однакожь «мыслятъ о чести не такъ, какъ мы: на «примѣръ, не терпятъ поединковъ и хо-«дятъ всегда безоружные, въ мирное время «вооружаясь единственно для дальнихъ пу-«тешествій; а въ обидахъ вѣдаются су-«домъ. Тогда наказываютъ виновнаго ба-«тожьемъ, въ присутствіи обиженнаго и «судьи, или денежною пенею, именуемою «*безчестьемъ*, соразмѣрно жалованью ист-«ца: кому даютъ изъ Царской казны еже-

«годно 15 рублей, тому и безчестья 15 руб-«лей, а женѣ его вдвое: ибо она считает-«ся оскорбленною вмѣстѣ съ мужемъ.» За «обиду важную сѣкутъ кнутомъ на площа-«дяхъ, сажаютъ въ темницу, ссылаютъ. «Правосудіе ни въ чемъ не бываетъ такъ «строго, какъ въ личныхъ оскорбленіяхъ «и въ доказанной клеветѣ. Для самыхъ «иноземцевъ поединокъ есть въ Россіи «уголовное преступленіе.»

Женщины, какъ у древнихъ Грековъ или у Восточныхъ народовъ, имѣли особенныя комнаты и не скрывались только отъ ближнихъ родственниковъ или друзей. Знатныя ѣздили зимою въ саняхъ, лѣтомъ въ колымагахъ, а за Царицею (когда она выѣзжала на богомолье или гулять) верхомъ, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, обшитыхъ тафтою тѣлеснаго цвѣта, съ лентами, золотыми пуговицами и длинными, до плечь висящими кистями (465). Дома онѣ носили на головѣ шапочку тафтяную, обыкновенно красную, съ шелковымъ бѣлымъ повойникомъ или шлыкомъ; сверху для наряда большую парчевую шапку, унизанную жемчугомъ (а незамужнія, или еще бездѣтныя, черную лисью); золотыя серги съ изумрудами и яхонтами, ожерелье жемчужное, длинную и широкую одежду изъ тонкаго краснаго сукна, съ висящими рукавами, застегну-

Верховая ѣзда и нарядъ женщинъ.

тыми дюжиною золотыхъ пуговицъ, и съ отложнымъ до половины спины воротникомъ собольимъ; подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую *лѣтникомъ*, съ рукавами надѣтыми и до локтя обшитыми парчею; подъ лѣтникомъ *ферезь*, застегнутую до земли; на рукахъ запястье, пальца въ два шириною, изъ каменьевъ драгоцѣнныхъ; сапожки сафьянные, желтые, голубые, вышитые жемчугомъ, на высокихъ каблукахъ: всѣ, молодыя и старыя бѣлились, румянились, и считали за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Забавы. Между забавами сего времени такъ описываютъ любимую Θеодорову — *медвѣжій бой* (166): «Охотники Царскіе, подобно Римскимъ Гладіаторамъ, не боятся смерти, «увеселяя Государя своимъ дерзкимъ искусствомъ. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ обыкновенно въ ямы или тенетами, держатъ «въ клѣткахъ. Въ назначенный день и часъ «собирается Дворъ и несмѣтное число людей предъ θеатромъ, гдѣ должно быть «*поединку*: сіе мѣсто обведено глубокимъ «рвомъ для безопасности зрителей и для «того, чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не «могли уйти другъ отъ друга. Тамъ является смѣлый боецъ съ рогатиною, и выпускаютъ медвѣдя, который, видя его, становится на дыбы, реветъ и стремится къ «нему съ отверстымъ зѣвомъ. Охот

ясняясь такъ : «Москвитяне никогда не вѣ-«рятъ словамъ, ибо никто не вѣритъ ихъ «слову» ([468]). Воровство и грабежъ, по его сказанію, были часты, отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному : «дай мнѣ, или убей меня!» Днемъ они просили, ночью крали или отнимали, такъ, что въ темный вечеръ люди осторожные не выходили изъ дому. — Флетчеръ, ревностный слуга Елисаветинъ, врагъ Западной Церкви, несправедливо осуждая и въ нашей все то, что сходствовало съ уставами Римской, излишно чернитъ нравы монастырскіе, но признается, что искренняя набожность господствовала въ Россіи. Угождая ли общему расположенію умовъ, или въ терзаніяхъ совѣсти надѣясь успокоить ее дѣйствіями внѣшняго благочестія, самъ Годуновъ казался весьма набожнымъ : въ 1588 году имѣя только одного сына-младенца, зимою носилъ его больнаго, безъ всякой предосторожности, въ церковь Василія Блаженнаго, и не слушалъ врачей: младенецъ умеръ ([469]). Тогда же былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за дѣйствительную или мнимую святость : съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, онъ предсказывалъ бѣдствія и торжественно злословилъ Бориса; а Борисъ молчалъ, и не смѣлъ

Набожность.

Смерть перваго Борисова сына. Юродивые.

сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Такіе юродивые, или блаженные, нерѣдко являлись въ столицѣ, носили на себѣ цѣпи или вериги, могли всякаго, даже знатнаго человѣка укорять въ глаза беззаконною жизнію и брать все, имъ угодное, въ лавкахъ безъ платы: купцы благодарили ихъ за то, какъ за великую милость. Увѣряютъ, что современникъ Іоанновъ, Василій Блаженный, подобно Николѣ Псковскому (470), не щадилъ Грознаго и съ удивительною смѣлостію вопилъ на стогнахъ о жестокихъ дѣлахъ его.

Упрекая Россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили однакожь ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Ѳеодоровыхъ, и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ: ибо чѣмъ изъяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ Вѣры, о коемъ спорили и Философы и Богословы? Равнодушіемъ ли къ ея Догматамъ въ Государствѣ искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ Князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцемъ для своихъ преемниковъ, оставивъ Терпимость.

имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя и миръ въ земляхъ (471)? То есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелію? Во всякомъ случаѣ она была выгодою для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

Къ счастію же нашему, естественные враги Россіи не слѣдовали ея благоразумной системѣ: Магометане, язычники покланялись у насъ Богу, какъ хотѣли; а въ Литвѣ неволили Христіанъ Восточной Церкви быть Папистами: говоримъ о началѣ такъ называемой *Уніи* въ Сигизмундово время, происшествіи важномъ своими политическими слѣдствіями, коихъ не могли ни желать, ни предвидѣть ея виновники.

Унія въ Литвѣ.

Духовенство Литовское, отвергнувъ Уставъ Флорентійскій (472), снова чтило въ Константинопольскомъ Первосвятителѣ Главу своей Церкви: Патріархъ Іеремія на возвратномъ пути изъ Москвы заѣхалъ въ Кіевъ, отрѣшилъ тамошняго Митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу; судилъ Епископовъ, наказывалъ Архимандритовъ недостойныхъ (473). Сія строгость произвела неудовольствіе; дѣйствовали и другія причины: домогательство Папы и воля Ко-

ролевская, обольщенія, угрозы. Еще въ 1581 году хитрый Іезуитъ Антоній Поссевинъ, обманутый не менѣе хитрымъ Іоанномъ, съ береговъ Шелоны писалъ къ Григорію XIII, что для удобнѣйшаго обращенія *Московскихъ еретиковъ* должно прежде озарить свѣтомъ истины Кіевъ, колыбель ихъ Вѣры (474): совѣтовалъ ему войти въ сношеніе съ Митрополитомъ и съ Епископами Литовскими, послать къ нимъ мужа ученаго, благоразумнаго, который могъ бы убѣжденіями и ласками изготовить торжество Римской Церкви въ *землѣ раскола*. Антоній писалъ и дѣйствовалъ: внушилъ Баторію мысль завести Іезуитское училище въ Вильнѣ, чтобы воспитывать тамъ бѣдныхъ отроковъ Греческаго Исповѣданія въ правилахъ Римскаго; старался о переводѣ славнѣйшихъ книгъ Латинской Богословіи на языкъ Россійскій; самъ ревностно проповѣдывалъ, и не безъ успѣха, такъ, что многіе Литовскіе Дворяне начали говорить о соединеніи Церквей и благопріятствовать Западной, угождая болѣе міру, нежели совѣсти: ибо, не взирая на свои права и вольности, утверждаемыя Королями и Сеймами, единовѣрцы наши въ Литвѣ долженствовали вездѣ и всегда уступать первенство Католикамъ; бывали даже тѣснимы, — жаловались и не находили управы. Колебались умы и самыхъ духовныхъ сановниковъ: ибо Папа и Сигизмундъ III, исполняя совѣтъ Іезуита Антонія, съ одной стороны предлагали имъ выгоды, честь и доходы новые, а

съ другой представляли униженіе Византійской Церкви подъ игомъ Оттомановъ. Не грозили насиліемъ и гоненіемъ; однакожь, славя счастіе единовѣрія въ Государствѣ, напоминали о непріятностяхъ, которыя испытало Духовенство въ Литвѣ, отвергнувъ Уставъ Флорентійскій (475). Еще Митрополитъ Рагоза таилъ свою измѣну, хвалился усердіемъ къ Православію и велѣлъ сказать Московскимъ Посламъ, ѣхавшимъ въ Австрію чрезъ владѣнія Сигизмундовы, что не смѣетъ видѣться съ ними, будучи въ опалѣ, въ гоненіи за твердость въ Догматахъ Восточной Церкви, всѣми оставляемой, совершенно беззащитной; что за него стоялъ одинъ Воевода Новогородскій, Ѳедоръ Скуминъ, но и тотъ уже безмолвствуетъ въ страхѣ; что Папа неотмѣнно требуетъ отъ Короля и Вельможъ присоединенія Литовскихъ Епархій къ Церкви Римской, и хочетъ отдать Кіевскую Митрополію своему Епископу; что онъ (Митрополитъ) долженъ неминуемо сложить съ себя Первосвятительство и заключиться въ монастырѣ (476). Послы совѣтовали ему быть непреклоннымъ въ бурѣ и лучше умереть, нежели предать святую паству *на расхищеніе волкамъ Латинства*. Михаилъ, лукавый и корыстолюбивый, хотѣлъ еще *въ послѣдній разъ* нашего золота, и взялъ въ задатокъ нѣсколько червонцевъ: ибо Цари, не безъ хитрости, давали *милостыню* Духовенству Литовскому, чтобы оно питало въ народѣ любовь къ своимъ единовѣрнымъ братьямъ. Въ томъ же

(1595) году сей лицемѣръ, призвавъ въ Кіевъ всѣхъ Епископовъ, усовѣтовалъ съ ними искать мира и безопасности въ нѣдрахъ Западной Церкви. Только два Святителя, Львовскій Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Премышльскій, изъявили сопротивленіе; но ихъ не слушали, и, къ живѣйшему удовольствію Короля, послали Епископовъ, Ипатія Владимірскаго и Кирилла Луцкаго, въ Римъ, гдѣ, въ храминѣ Ватиканской, они торжественно лобызали ногу Климента VIII, и предали ему свою Церковь.

Сіе происшествіе исполнило радости Папу и Кардиналовъ: славили Бога; честили Пословъ *Духовенства Россійскаго* (такъ назвали Епископовъ Владимірскаго и Луцкаго, чтобы возвысить торжество Рима); отвели имъ великолѣпный домъ — и когда, послѣ многихъ совѣщаній, всѣ затрудненія исчезли; когда Послы обязались клятвою въ вѣрномъ наблюденіи Устава Флорентійскаго, принявъ за истину исхожденіе Св. Духа отъ Отца *и Сына*, Бытіе Чистилища, первенство Епископа Римскаго, но удерживая древній чинъ Богослуженія и языкъ Славянскій — тогда Папа обнялъ, благословилъ ихъ съ любовію, и Правитель его Думы, Сильвій Антонинъ, сказалъ громогласно: «Наконецъ, чрезъ 150 «лѣтъ (послѣ Флорентійскаго Собора) возвра«щаетесь вы, о Епископы Россійскіе! къ камe«ню Вѣры, на коемъ Христосъ утвердилъ Цер«ковь; къ горѣ святой, гдѣ самъ Всевышній «обитать благоизволилъ; къ матери и настав-

«ницѣ всѣхъ Церквей, къ единой истинной — «Римской!» Пѣли молебны, на память вѣкамъ внесли въ лѣтописи церковныя *повѣсть о возсіяніи новаго свѣта въ странахъ полунощныхъ*; вырѣзали на мѣди образъ Климента VIII, Россіянина падающаго ницъ предъ его трономъ и надпись Латинскую: Ruthenis receptis (477).... Однакожь радость была не долговременна.

Во-первыхъ, Святители Литовскіе, измѣняя Православію, надѣялись, по обѣщанію Климентову, засѣдать въ Сенатѣ наравнѣ съ Латинскимъ Духовенствомъ, но обманулись: Папа не сдержалъ слова, отъ сильнаго противорѣчія Епископовъ Польскихъ, которые не хотѣли равняться съ Уніатами. Во-вторыхъ, не только Святитель Львовскій, Гедеонъ, со многими другими духовными сановниками, но и нѣкоторые знатнѣйшіе Вельможи, наши единовѣрцы, воспротивились Уніи: особенно Воевода Кіевскій, славный богатствомъ и душевными благородными свойствами, Князь Константинъ Острожскій. Говорили и писали, что сіе мнимое соединеніе двухъ Вѣръ есть обманъ; что Митрополитъ и клевреты его приняли Латинскую, единственно для вида удержавъ обряды Греческой. Народъ волновался; храмы пустѣли. Чтобы важнымъ, священнымъ дѣйствіемъ Церковнаго Собора утишить раздоръ, всѣ Епископы съѣхались въ Брестѣ, гдѣ присутствовали и Вельможи Королевскіе, Послы Климента VIII и Патріарха Византійскаго; но, вмѣсто мира, усилилась вражда.

Соборъ раздѣлился на двѣ стороны; одна предала анаѳемѣ другую — и съ сего времени существовали двѣ Церкви въ Литвѣ: *Уніатская* или *Соединенная*, и *Благочестивая* или *Несоединенная*. Первая зависѣла отъ Рима, вторая отъ Константинополя. Уніатская, подъ особою защитою Королей и Сеймовъ, усиливалась, гнала Благочестивую въ ея сиротствѣ жалостномъ — и долго стонъ нашихъ единовѣрныхъ братьевъ исчезалъ въ воздухѣ, не находя ни милосердія, ни справедливости въ верховной власти. Такъ одинъ изъ сихъ ревностныхъ Христіанъ Греческаго Исповѣданія торжественно, на Сеймѣ, говорилъ Королю Сигизмунду (478): «Мы, усердные сыны Республики, готовы стоять за ея «цѣлость; но можемъ ли итти на враговъ внѣшнихъ, терзаемые внутреннимъ: злобною Уніею, «которая лишаетъ насъ и безопасности гражданской и мира душевнаго? Можемъ ли своею «кровію гасить пылающія стѣны отечества, видя «дома пламень, никѣмъ не гасимый? Вездѣ храмы наши затворены, Священники изгнаны, «достояніе церковное расхищено; не крестятъ «младенцевъ, не исповѣдуютъ умирающихъ, «не отпѣваютъ мертвыхъ, и тѣла ихъ вывозятъ какъ стерво въ поле. Всѣхъ, кто не «измѣнилъ Вѣрѣ отцевъ, удаляютъ отъ чиновъ гражданскихъ; благочестіе есть опала; «законъ не блюдетъ насъ . . . . вопіемъ: не слушаютъ! . . . Да прекратится же тиранство! или «(о чемъ не безъ ужаса помышляемъ) можемъ

«воскликнуть съ Пророкомъ: *суди ми*, *Боже*, «*и разсуди прю мою!*» Сія угроза исполнилась позднѣе, и мы, въ счастливое царствованіе Алексія, столь легко пріобрѣли Кіевъ съ Малороссіею отъ насилія Уніатовъ.

Такимъ образомъ Іезуитъ Антоній, Король Сигизмундъ и Папа Климентъ VIII, ревностно дѣйствуя въ пользу Западной Церкви, невольно содѣйствовали величію Россіи!

КОНЕЦЪ X ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ X.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

Г. 1584—1587.

ГЛАВА II.

Г. 1587—1592.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ФЕОДОРОВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1591—1598.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

въ концѣ XVI вѣка.

